МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Вершинина Юлия Евгеньевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РОДСТВА И ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

07.00.03 ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СРЕДНИЕ ВЕКА)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том I-II

2020
Нижний Новгород

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Том I	**6**
	Введение	
Глава 1.	Историографические аспекты изучения институтов родства в первые столетия средневековья	**32**
1.1.	Изучение родства в высоких культурах Античности: ключевые проблемы и направления исследований	**32**
1.2.	Вопросы влияния христианства на восприятие родства в позднеантичный и раннесредневековые периоды	**42**
1.3.	Основные направления исследований по истории семьи и родства на средневековом Западе	**52**
1.4.	Проблема норм и девиаций в сфере семейно-родственных отношений: анализ ситуаций детоубийства и инцестуальных связей в Античности и Средневековье	**78**
1.5.	Исследования по истории семьи и родства в обществах франков, англосаксов и лангобардов	**95**
	Выводы по Главе 1	**122**
Глава 2.	Описание родственных связей в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона: вопросы терминологии	**126**
2.1.	Кровное родство по прямой линии	**137**
2.1.а.	В соседних поколениях.	**137**
	Parens/Parentes	**137**
	Pater	**140**
	Синонимы	**154**
	Mater	**160**
	Синонимы	**165**
	Filii/liberi/nati/parvuli/suboles (soboles)	**170**
	Filius	**173**
	Filia	**181**
2.1.б.	Через поколение: avus/avia, nepos	**184**
2.1.в.	Через два и более поколения: proavus, abavus и atavus	**187**
2.1.г.	Через несколько поколений	**188**
	Parentes, progenitores, patres	**188**
	Posteri, progenies, semena	**190**
2.2.	Кровное непрямое родство	**191**
2.2.а.	В одном поколении	**191**
	Frater	**191**
	Germanus	**196**
	Soror	**197**
	Germana	**199**
	Consubrinus/consubrina, patruelis	**200**
2.2.б.	В соседних поколениях	**202**
	Patruus/avunculus, amita/matertera	**202**
	Nepos (nepus)/fratruus, neptis	**204**
	Fratruus	**207**
	Выводы по Главе 2	**208**
Глава 3.	Опыт реконструкции раннесредневекового восприятия родства на основе исторических повествований Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона	**214**
3.1.	Переживание индивидуальных родственных связей	**214**

3.1.1.	Чувства и эмоции	**214**
3.1.2.	«Вероятное» и «должное» в переживания родства	**224**
3.1.3.	Поминовение	**249**
3.1.4.	Роль дара в переживании родства	**260**
3.1.5.	Девиации в родственных отношениях	**265**
3.2.	Переживание индивидом родственных связей с коллективом и роль коллектива в жизни индивида	**276**
3.3.	Переживание квазиродственных связей	**296**
	Выводы по Главе 3	**317**
	Заключение	**322**
	Список источников и литературы	**333**

Том II

Приложения

Приложение 1.	Значение терминов родства в классической и средневековой латыни	**396**
Приложение 2.	Значения слова *parens/parentes*	**407**
Приложение 3.	Частотность использования слова *parens* в "Истории франков" Григория Турского	**408**
Приложение 4.	Частотность использования слова *parens* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**409**
Приложение 5.	Частотность использования слова *parens* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**410**
Приложение 6.	Значения слова *pater*	**411**
Приложение 7.	Частотность использования слова *pater* в "Истории франков" Григория Турского	**412**
Приложение 8.	Частотность использования слова *pater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**413**
Приложение 9.	Частотность использования слова *pater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**414**
Приложение 10.	Соотношение количества случаев использования слов, обозначающих степень родства *отец*	**415**
Приложение 11.	Значения слова *mater*	**416**
Приложение 12.	Частотность использования слова *mater* в "Истории франков" Григория Турского	**417**
Приложение 13.	Частотность использования слова *mater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**418**
Приложение 14.	Частотность использования слова *mater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**419**
Приложение 15.	Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *мать*	**420**
Приложение 16.	Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *дети*	**421**
Приложение 18.	Значения слова *filius*	**422**
Приложение 19.	Частотность использования слова *filius* в "Истории франков" Григория Турского	**423**
Приложение 20.	Частотность использования слова *filius* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**424**
Приложение 21.	Частотность использования слова *filius* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**425**
Приложение 22.	Использование слова *filia*	**426**

Приложение 23.	Частотность использования слова *filia* в "Истории франков" Григория Турского	**427**
Приложение 24.	Частотность использования слова *filia* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**428**
Приложение 25.	Частотность использования слова *filia* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**429**
Приложение 26.	Соотношение употребления слов *avus, avia, abavus, nepos, atavus, proavus*	**430**
Приложение 27.	Соотношение использования слов, обозначающих *предков*	**431**
Приложение 28.	Соотношение использования слов, обозначающих *потомков*	**432**
Приложение 29.	Значения слова *frater*	**433**
Приложение 30.	Частотность использования слова *frater* в "Истории франков" Григория Турского	**434**
Приложение 31.	Частотность использования слова *frater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**435**
Приложение 32.	Частотность использования слова *frater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**436**
Приложение 33.	Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *брат*	**437**
Приложение 34.	Частотность использования слова *germanus* в "Истории франков" Григория Турского	**438**
Приложение 35.	Частотность использования слов *frater* и *germanus* в значении брат в "Истории франков" Григория Турского	**439**
Приложение 36.	Частотность использования слов *frater* и *germanus* в значении *брат* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**440**
Приложение 37.	Значения слова *soror*	**441**
Приложение 38.	Частотность использования слова *soror* в "Истории франков" Григория Турского	**442**
Приложение 39.	Частотность использования слова *soror* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного	**443**
Приложение 40.	Частотность употребления слова *soror* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**444**
Приложение 41.	Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *сестра*	**445**
Приложение 42.	Частотность использования слов *soror* и *germana* в значении *сестра* "Истории франков" Григория Турского	**446**
Приложение 43.	Частотность использования слов *soror* и *germana* в значении *сестра* в "Истории лангобардов" Павла Диакона	**447**
Приложение 44.	Соотношение употребления слов *consobrinus, consobrina, patruelis*	**448**
Приложение 45.	Соотношение употребления слов *patruus, avunculus, amita, matertera*	**449**
Приложение 46.	Значения слова *nepos*	**450**
Приложение 47.	Значения слова *neptis*	**451**
Приложение 48.	Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *племянник*	**452**
Приложение 49.	Соотношение использования слов, обозначающих группу родственников	**453**
Приложение 50.	Общее соотношение терминов родства, использованных в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобаров» Павла Диакона	**454**

Приложение 51. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Истории франков» Григория Турского **455**
Приложение 52. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного **456**
Приложение 53. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Истории лангобардов» Павла Диакона **457**

Введение

Актуальность исследования

Многочисленные труды антропологов и этнографов доказали, что изучение способов, с помощью которых то или иное общество структурирует родственные отношения, существенно влияет на понимание его исторической специфики. Развивая проблематику исследований родства коллегами-антропологами, историки второй половины XX — начала XXI вв. смогли подробно изучить самые разные аспекты социальных процессов, связанных с родственными узами, включая изучение систем родства, систем терминов родства, особенности учета родственников по сторонам родства (латеральность), принципы счета родства (линейность), практики классификации родственных отношений, значение родственных связей в политической и экономической сферах и т.д. Наряду с антропологическим вопросником историки активно используют и подходы, выработанные ранее демографами, лингвистами, правоведами. Тем не менее, примеры комплексного исследования систем родства в раннесредневековых социумах относительно редки. Еще более редким видится опыт изучения проблем восприятия родства на материале исторических нарративов, созданных в первые столетия Средневековья.

До сих пор исторические сочинения раннего Средневековья использовались исследователями родства достаточно редко в силу «ограниченности» сведений по указанной проблематике и определенной предвзятости, связанной с личностями их авторов[1]. Последние в большинстве своем были клириками, которые занимали различные позиции в иерархии христианской церкви (епископы, аббаты, монахи и т.д.). При этом довольно часто героями их произведений становились миряне, хотя степень осведомленности авторов о реалиях жизни в миру могла быть различной и зависела от особенностей жизненного пути самого клирика. Например, монахи, в детстве попавшие в ту или иную обитель в качестве облатов и прожившие там всю свою жизнь, могли намного хуже представлять себе обстановку вне монастырских стен, по сравнению с клириками, принявшими сан в зрелом возрасте. С другой стороны, епископы и представители их окружения, безусловно, чаще общались с мирянами и были лучше знакомы с их образом жизни, чем те же монахи. Кроме того, действующими лицами в исторических нарративах, в основном, являются представители аристократии, тогда как основанная масса населения к ним не принадлежала. Наконец, не находясь в фокусе

[1] П. Ласлетт считает, что недостаток исторических исследований по теме развития семьи связан с нехваткой источников, сложностью интерпретации тех, что существуют, и отсутствием четкого определения предмета (Laslett P. Introduction: The history of the family // Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972. P. 1). Лэйси указывает на всеобъемлющий характер темы (см. Lacey W.K. The Family in Classical Greece. Ithaca, N. Y., 1968. P. 9). Лж. Нельсон говорит о необходимость сравнения данных, полученных при изучении законодательных актов, с другими историческими источниками (историческими сочинениями, житиями святых, юридическими документами, мартирологами и т.д.) (см. Nelson J. Family, Gender and Sexuality in the Middle Ages // Companion to Historiography. L., 1997. P. 145).

внимания того или иного автора, родственные отношения могли изображаться схематично, с опорой на выработанные в церковной среде стереотипы.

Вместе с тем, исторические нарративы — уже в силу самой их жанровой специфики — предоставляют уникальную возможность для изучения представлений о родстве и родственных отношениях. С одной стороны, эти нарративы предполагают сознательный отбор сведений, которые будут включены в сочинения, исходя из их «полезности» для современников и потомков, «достопамятного» характера, связи с актуальными политико-правовыми коллизиями. С другой, авторы этих сочинений, безусловно, должны были учитывать «горизонты ожиданий», присущие их аудитории, чтобы рассказ воспринимался как достоверный, находил отклик в ее мыслях и чувствах, влиял на мировоззрение и поведение. Таким образом, хотя исторические сочинения периода раннего Средневековья, несомненно, представляют собой ангажированные в политическом, социальном, эстетическом плане произведения, однако комплексный их анализ (предполагающий, помимо прочего, и сравнение с агиографией, энциклопедическими и правовыми памятниками) позволяет выявить ряд характерных особенностей в восприятии родства.

Отношение к различным социальным практикам могло варьировать у создателей этих произведений в зависимости от их социальной и этнической принадлежности, особенностей жизненного пути и т.д. Нюансы отражения действующих в обществе социальных институтов в исторических нарративах также связаны с уровнем владения латынью (в ее литературной и разговорной форме) каждым из авторов. Последним приходилось учитывать и то, насколько хорошо владела латинским языком потенциальная аудитория их сочинений. Все эти обстоятельства влияли, в первую очередь, на терминологию, использовавшуюся для передачи существовавших в обществе социальных практик и отношений родства, которые не всегда находили аналоги в латинском языке. Анализ исторических нарративов также позволяет выявить специфику отражения родственных отношений в зависимости от целей, которые ставили перед собой их создатели. В частности, они могли определять отбор сюжетов, встраиваемых в повествование, конструирование самого рассказа о тех или иных событиях, приводимые параллели и аналогии с другими ситуациями из истории (мирской или священной). Все вышесказанное демонстрирует важность штудий по восприятию родства и родственных отношений отдельными раннесредневековыми авторами — для воссоздания их картины мира, без понимания которой затруднена адекватная интерпретация событий, описанных в их сочинениях. В то же время большое значение имеют сравнительные исследования этих аспектов мировоззрения писателей периода раннего средневековья, поскольку только сравнительный анализ поможет выявить объективно существовавшие

социальные практики и институты, связанные с отношениями родства, и их восприятие[2] если не всем обществом, то, по крайней мере, отдельными его частями — и, прежде всего, знатью.

Принимая во внимание тезис П. Бурдьё[3] о том, что проповедуемые идеальные представления не всегда соответствуют реальным социальным практикам, необходимо отметить, что в период раннего Средневековья, в связи с трансформацией общества, общепринятые социальные нормы и практики еще только складывались. Как отмечает Э. Джеймс, восприятие родства и семьи быстро изменялось в период раннего Средневековья: германские представления о родстве как связи с расширенной группой родственников, наделенной четкими правовыми и социальными обязанностями, сталкивались с римскими восприятием свободного индивида, не обязательно связанного семейными узами; в то же время оба мировоззрения испытывали влияние христианской морали[4]. Таким образом, анализ представлений о родстве и родственных отношениях того или иного автора, может послужить источником новой информации, пролить свет на трансформацию систем родства в сложный, переходный период истории европейской цивилизации.

Концепция «наивного летописца» по отношению к таким писателям как Григорий Турский, Беда Достопочтенный и Павел Диакон давно отвергнута научным сообществом[5]. Интересующие нас авторы не просто беспристрастно фиксировали в своих сочинениях известные им события — они отбирали, выстраивали и излагали материал в соответствии с определенной целью. Изучение того, какими виделись им родственные связи персонажей, поможет лучше понять замысел их исторических произведений, условия воспитания и образования самих авторов, о которых нам известно достаточно немного.

В последние десятилетия историки уделяют пристальное внимание изучению внутреннего мира средневекового человека. В этой связи, исследование образов родства в раннесредневековых исторических нарративах, безусловно, способствует пониманию ментальных установок того времени. Одним из важнейших аспектов раннесредневековой ментальности являются эмоциональные переживания, связанные, в том числе, с отношениями

---

[2] Под *восприятием* мы понимаем процесс чувственного познания и его продукт — первичный образ предметов и явлений внешнего мира (в нашем случае родства и родственных отношений), возникающий при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств. (см. об этом подробнее Деменева А.Е. Восприятие психических явлений как психологическая проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Т. 1, № 1. С. 47-55). В связи с тем, что, по мнению Б.Ф. Ломова, «когда изучается, например, восприятие, то обнаруживается, что в принципе невозможно создать условия, которые позволили бы его отпрепарировать от памяти, мышления, эмоций и т.д.» (Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.; Воронеж, 1996. С. 234), в качестве понятия близкого по своему семантическому наполнению к понятию *восприятия* нами будет использоваться понятие *переживание*, под которым нами подразумевается «процесс осознания и прочувствования личностного значения и смысла факта, события, ситуации, в котором происходит непрерывное взаимодействие когнитивных и аффективных компонентов» (Шагивалеева Г.Р. Психология переживаний в юношеском в юношеском возрасте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. 2016. № 2. С. 146).

[3] Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.

[4] James E. The origins of France: From Clovis to the Capetians, 500-1000. L., 1982. P. 73.

[5] См., например, Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon (ND Publications Medieval Studies). Notre Dame, 2005. P. 114.

родства. Их изучение может внести значимый вклад в такое активно развивающееся с середины 1990-х гг. направление исследований, как *история эмоций*, особому интересу к которой способствовали работы Б. Розенвейн, Г. Альтхоффа, У. Редди, П. Стернса и других исследователей[6]. Несомненно, родство и обстоятельства, связанные с ним, заставляли человека переживать сильные эмоции, наличие или отсутствие которых в определенных ситуациях может многое сказать о личности человека. С другой стороны, общество всегда предъявляло индивиду определенные требования относительно демонстрации (или сокрытия) им тех или иных эмоциональных проявлений. Следы подобных стереотипов довольно легко обнаружить в исторических сочинениях, и их изучение позволило бы лучше представить конфигурации частной и публичной сфер в жизни людей раннего Средневековья.

Другим важным аспектом темы является изучение терминологии с точки зрения тех коннотаций, которые отдельный автор придавал терминам родства, а также специфики употребления слов, связанных с родственными отношениями. Акцент на данной проблематике четко соотносится с такими направлениями междисциплинарных исследований как *историческая семантика* и *история понятий*[7]. Для современного историка

---

6 См. основополагающие работы направления: Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages. Ithaca, 1998; Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 821–845; eadem. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: Journal of the History and Philosophy of the Emotions. 2010. No. 1. Режим доступа: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf; eadem. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006; Althoff G. Ira regis: Prolegomena to a History of Royal Anger // Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages. Ithaca, 1998. P. 59-74; Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2008. 396 p.; Doing Emotions History (The History of Emotions). Chicago, 2014; Stearns P.N. American Fear. N.Y., 2006. 256 p. См. также Frevert U. Emotions in History. Lost and Found (Natalie Zemon Davies Annual Lecture Series). Budapest, 2011; Plamper J. The History of Emotions: An Introduction (Emotions in History). Oxford, 2015; Newbold R.F. Interpersonal Violence in Gregory of Tours' Libri Historiarum // Nottingham Medieval Studies. Vol. 28, 1994. P. 3–17; idem. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours 'Libri Historiarum' // Studia Humaniora Tartuensia. Estonia. No. 7, 2006. P. 1–23: idem. The nature of anger in Gregory of Tours' Libri Historiarum // Nottingham Medieval Studies. Vol. 51, 2007. P. 21–39.

7 Принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности». С помощью понятий индивиды обозначают не конкретные объекты, а выражают свои представления о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Как правило, такие понятия абстрактны и не имеют одного, раз и навсегда определенного значения, что позволяет использовать их в идеологических дискуссиях и построениях теоретических моделей общественного устройства (Тимофеев В.Д. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. №4(133). С. 124).

«История понятий» (Begriffsgeschichte) как отдельное направление исторических исследований зародилось во второй половине XX в. в Германии. Его основоположниками были Р. Козеллек, О. Брунер и В. Конце, которые возглавили проект по изданию многотомного труда «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии» (Geschichtliche Grundbergriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8). «Истории понятий» в современной зарубежной историографии имеет два основных направления: кроме немецкой школы Begriffsgeschichte, свое развитие получила англосаксонская History of Concepts. Главными особенностями подхода Р. Козеллека и его коллег в рамках «немецкого» направления истории понятий является «внимание к темпоральным аспектам истории и стремление через постижение смысла исторических понятий прийти к пониманию метафизической сущности истории» (Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. СПб., 2006. (Источник. Историк. История: Вып. 5). С. 17). Англосаксонская History of Concepts основывается на предложенной Дж. Л. Остином и Дж. Серлем теории языковых актов (Speech Act), в соответствии с которой языковая активность людей рассматривалась в непосредственной связи с их действиями (см. Тимофеев В.Д. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. №4 (133). С. 124).

См. об этом также: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 33–53; он же. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 21–33; Бедекер Х. Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 34–65; Дубина В. Из Билефельда в Кембридж

принципиальным значением обладает процесс выявления точного смысла понятий, которыми оперирует автор источника, их дополнительных коннотаций, особенностей функционирования в различных контекстах, семантических изменений в словах, заимствованных из иной языковой среды. Особенно интересным представляется изучение терминологических аспектов восприятия родства у писателей, для которых латинский язык не был родным и которые вынуждены были соотносить привычные им термины с латинским лексиконом: частота и точность употребления тех или иных латинских аналогов позволит получить новые сведения о степени владения латынью, уровне образования и круге чтения этих авторов.

Изучение сферы «должного» и «возможного» в поведении родственников с точки зрения составителей исторических нарративов исключительно важны при сравнении с данными юридических источников, поскольку позволяют лучше понять эти последние. Рассмотрение девиаций в поведении родственников, которые далеко не всегда становились предметом внимания законодателей, помогает более четко судить о причинах конфликтов между родственниками и степени их распространенности. В свою очередь, изучение квазиродственных связей в рамках церковной организации вполне вписывается в рамки *новой социальной истории* — отдельного направления исторических исследований, акцентирующего роль воображаемых скреп различных (хронологически и типологически) сообществ[8]. Исследование же практик коммеморации (памятования), тесно связанных с феноменом родства, может содействовать развитию такого междисциплинарного направления, как *memory studies*.

Объектом диссертационного исследования представления об институтах родства в раннесредневековом обществе. **Предметом исследования** является репрезентация родства и связанных с ним социокультурных практик и отношений в контексте исторических повествований Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона.

и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 298–320; Рощин Е. История понятий: новый старый подход общественных наук // Полит. наука. 2009. №4. С. 43–58; Хархордин О. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 7–23; Маслов Б.П. «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 39–57; Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества. Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М., 2009. С. 5–26; Экспе О.Г. "История понятий" – еще не понятая история // Одиссей: Человек в истории. 2010/2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. М., 2012. С. 268-299.

[8] См., например, Rich G.W. Kinship and Friendship in Iceland // Ethnology, 1980. Vol. 19, No. 4. P. 475-493; Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul Leadership and Community in Late Antique Gaul (Transformation of the Classical Heritage). Oxford and Los Angeles, 1985; Schulenburg J.T. Women's Monastic Communities, 500-1100: Patterns of Expansion and Decline // Signs. Vol. 14, No. 2. 1989. P. 263-270; Bonner G. St. Cuthbert, His Cult and His Community to AD 1200. Woodbridge, 1989; Nirenberg D. Communities of Violence. Princeton, 1998; Sigurdsson J.V. Viking Friendship. The Social Bond in Iceland and Norway, c. 900-1300. Ithaca, 2017.

Цель работы — выявление общих черт и особенностей, характеризующих представления о родстве в историографических текстах трех писателей Раннего Средневековья. Достижению поставленной цели должно способствовать решение следующих исследовательских **задач**:

1. систематизировать современную историографию по проблемам родства и родственных отношений в период поздней Античности и раннего Средневековья;

2. Выявить круг терминов, используемых в каждом сочинении для описания родственных отношений, охарактеризовать историко-семантические аспекты репрезентации[9] родства тремя раннесредневековыми авторами, провести сравнительный анализ семантики слов, передающих отношения родства в их произведениях (отдельного внимания заслуживает и уточнение значений латинских терминов родства для их более точной передачи при переводе на новоевропейские языки[10]);

3. Охарактеризовать восприятия авторами кровнородственных отношений, включая топику эмоциональной привязанности между родственниками, их взаимодействия в различных исторических ситуациях, поминовения современниками и потомками;

4. Определить особенности формирования и переживания так называемых квазиродственных связей, распространенных в сообществах, которые описывались Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом.

5. Сравнить восприятие тремя авторами родства и родственных отношений, с целью установить их объективные характеристики, а также этно-исторические, географические и социальные особенности для более четкого понимания мировоззрения самих авторов, а также социальных групп раннесредневекового европейского общества, к которым они принадлежали.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с последней трети VI до конца VIII вв., который обычно характеризуется в качестве переходного, вместившего в себя активный синтез варварских, античных и христианских традиций во всех сферах жизни общества. Конкретизация указанных хронологических рамок может осуществляться с опорой

[9] Под *репрезентацией* в настоящей работе мы понимаем «опосредованное, „вторичное“ представление первообраза и образа, идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов» (Микешина Л.А. Репрезентация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 826). Репрезентация представляет собой воспроизведение того, что человек видел, слышал и/или чувствовал в устной, письменной и иных формах, часто сопровождающееся изменениями передаваемой информации под воздействием различных психологических и физических факторов, влияющих на то, как человек усваивает информацию. К таким факторам можно отнести время, физическое и эмоциональное состояние субъекта в момент получения информации, а также сложившуюся у него картина мира и личный опыт.

[10] Изменения в восприятии родства и способах его передачи являются результатами эволюции системы родства, начало которой зафиксировано в рассматриваемых нами источниках. Однако, утратив целостность понимания языкового контекста, мы, подчас, не можем передать исторические особенности восприятия той или иной степени родства. Например, новоевропейские языки почти полностью утратили такие особенности степени родства «дядя» как дядя по матери и отцу, а вместе с ними и разницу в отношениях с ними и к ним. Проблема усугубляется недостатком или полным отсутствием информации о степенях родства в некоторых конкретных случаях, когда авторы описывают их терминами, имеющими многозначный характер, или обозначают родство описательно, указывая на цепочки родственников, не применяя специальные термины. Так, В.Д. Савукова предпочитает переводить термин *consobrinus* как *родственник*, хотя у него имеется более точное значение *двоюродный брат*. Ее осторожность объясняется тем, что не про всех лиц, обозначенных данным термином, мы имеем информацию, подтверждающую данную степень родства между ними.

на датировку основных источников, использованных в работе (и, безусловно, отразивших различные грани данного синтеза). Так, нижней границей предлагается считать 570-е гг., когда Григорий Турский, предположительно, начал писать «Историю франков», верхней же — 799 г. — год смерти Павла Диакона, когда, по-видимому, этим автором была завершена и работа над «Историей лангобардов». Определение **географических рамок исследования** основано на необходимости анализа текстов, происходящих из: а) франкского королевства в границах, которое они имело в середине VI в., б) англо-саксонских королевств в Британии середины VII — начала VIII вв., в) королевства лангобардов в Италии VIII столетия. При определении географических рамок мы руководствовались необходимостью проанализировать генезис текстов в рамках и континентальной, и островной традиции историописания, а также стремлением выявить особенности восприятия родства в сообществах, характеризующихся разной степенью романо-германского синтеза и христианизации.

Как следует из сказанного выше, главными **источниками исследования** послужили крупнейшие исторические сочинения Раннего Средневековья — «Десять книг историй»[11] (Decem libri historiarum) Григория Турского[12], «Церковная история народа англов» (Historia ecclesiastica gentis anglorum) Беды Достопочтенного[13] и «История лангобардов» (Historia langobardorum) Павла Диакона[14]. Выбор этих текстов[15] обусловлен, во-первых, тем, что они описывают — на широком временном и географическом промежутке — сообщества, сыгравшие ведущую роль в формировании средневековой европейской цивилизации. Во-вторых, обращение к данным текстам позволяет проблематизировать трансформацию институтов родства в связи с различным уровнем романизации и романо-германского синтеза. В-третьих, обнаруживают определенное сходство ключевые вехи «творческих биографий» интересующих нас авторов: все они были священнослужителями, получили хорошее (по меркам своего времени) образование, оставили после себя произведения различных жанров. Этим сходством подкрепляется возможность гипотетически релевантного сравнения данных, получаемых при анализе их произведений. Вместе с тем, конкретные обстоятельства жизненного пути Григория, Беды и Павла, конечно же, существенно отличались друг от друга,

[11] Более известная как «История франков».
[12] Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X / MGH.SRM. V.1.1, P1, FSC 1 (далее Greg. Tur. Hist.); Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савукова. М., 1987.
[13] Bede Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. Delphi Classics, 2015. P. 547-761 (далее Bede Hist. Eccles.); Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с. лат. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.
[14] Pauli Historia Langobardorum / MGH.SRL. Hannover. 1878. 45-219 (далее Pauli Hist. Lang.). Павел Диакон. История лангобардов / Пер.с лат., примм., статья Ю. Циркина. СПб., 2008. 320 с.; Павел Диакон. История лангобардов / Перевод с лат. Т.И. Кузнецовой, Д.Н. Ракова // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
[15] В качестве источника для исследования мы не использовали «Историю готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского в связи с ее краткостью (по этой же причине нами не рассматривается «История короля Вамбы» Юлиана Толедского), а также тем, что это сочинение, как и его «Хроника», не занимали центрального места в творчестве епископа Севильи, большее значение он придавал богословским и энциклопедическим трудам.

что позволяет сконцентрироваться, главным образом, на *исторической специфике* восприятия родства и семейных отношений[16] тремя церковными авторами Раннего Средневековья.

Григорий Турский родился 30 ноября 538/539 г.[17] в г. Клермоне в знатной галло-римской семье. Его отец Флоренций происходил из семьи сенаторской аристократии Оверни (род Флоренциев вел свое происхождение от лионского мученика Веттия Эпагита). Мать будущего епископа Арментария была не менее знатного происхождения (она состояла в родстве, по меньшей мере, с семью епископами и герцогом). К моменту рождения Григория его семья обладала значительным богатством и земельной собственностью в Оверни и Бургундии, фактически контролировала епископства в Туре, Лионе и Лангре. У Григория был старший брат Петр и сестра, имя которой нам не известно.

Отец Григория умер около 548 г. Этот факт, а также положение младшего ребенка в семье, вероятно, способствовало формированию у него близких отношений с матерью, которая, судя по собственным словам писателя, сильно повлияла на становление его личности[18]. В детстве Григорий также проводил много времени в доме дяди матери — епископа Ницетия (Никетия) Лионского, будущего святого. После смерти отца основные заботы по воспитанию Григория взял на себя его дядя по отцу Галл, епископ Клермонский, также будущий святой.

Несмотря на такое обилие родственников-клириков, церковная карьера не была предопределена для Григория его семьей. По всей видимости, религиозная стезя поначалу была уготована его старшему брату Петру, воспитанием которого руководил двоюродный дядя мальчиков — Тетрик, епископ Лангрский. Решение Григория стать священнослужителем было принято в связи с излечением от тяжелой болезни, перенесенной им в тринадцатилетнем возрасте. Потому и завершение его образования осуществлялось под руководством друга его дяди Галла — архидиакона, а впоследствии и епископа Клермона, св. Авита (который возможно также был родственником Григория)[19].

---

[16] Влиянии этих факторов на отношение к событиям, о которых повествуют Григорий Турский и Беда Достопочтенный в своих текстах, а также на конструирование ими сообщений об этих событиях успешно продемонстрировали, например, Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden, Boston, 2015; Dailey E.T. Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II: Stages of Legitimition in the Merovingian Kingdoms // Journal of Late Antiquity. 2014. Vol. 7. P. 3–27; Szerwiniack O. Frères et sœurs dans l'Histoire ecclésiastique du peuple anglais de Bède le Vénérable de la fratrie biologique à la fratrie spirituelle // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 237–245.

[17] Называется также дата 543 г. (см. Ю.А. Ефремова. Трактат Григория Турского «Расчет движения звезд» как исторический источник // Средние века. 2010. Вып. 71 (3-4). С. 146).

[18] Так, Э. Дэйли считает, что почитание реликвий святых и веру в чудеса Григорий Турский перенял у своей матери (см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 18–20). Сам турский епископ признается, что именно мать подвигла его заняться литературным трудом (см. Gregorius Turonensis. *De virtutibus sancti Martini episcopi* // MGH SRM. V.1.2. / Hrsg. von B. Krusch. Hannoverae, 1885. P. 134–135). См. об этом также в Moreira I. Dreams, Visions, and Spiritual Authority in Merovingian Gaul. Ithaca, 2000. P. 83–86; de Nie G. Views from a Many-Windowed Tower: Studies of Imagination in the Works of Gregory of Tours. Amsterdam, 1987. P. 213–217; Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 20–21.

[19] Heinzelmann M. Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2015. P. 12, n.18.

Точная дата хиротонии Григория (до 563 г.), как и место ее, а также имя человека, осуществившего это посвящение, остаются неизвестными. Нет данных и о церквах, в которых первое время служил Григорий. В период 563–573 гг. он, по всей видимости, много путешествовал по святым местам Оверни, посетил монастырь св. Радегунды в Пуатье, побывал при австразийском дворе, где познакомился с королевой Брунгильдой и королем Сигибертом, подружился с поэтом Венанцием Фортунатом.

В августе 573 г. епископ Реймса Эгидий посвятил Григория в епископы города Тура[20], являвшегося центром почитания св. Мартина — главного небесного патрона меровингской Галлии. Епископом этого города Григорий оставался вплоть до своей смерти в 593/594 г. Кроме обязанностей, накладываемых на него епископским саном[21], он активно участвовал в политической жизни меровингской Галлии, выполняя функции посла и советника при королях, заботился о восстановлении и реставрации культовых сооружений своей епархии, о строительстве здесь новых церквей, часовен и баптистериев. Важное место в его жизни занимали также литературные труды. Его литературное наследие включает такие произведения как «История франков», «Жизнь Отцов», «Семь книг о чудесах», «Книга о чудесах блаженного апостола Андрея» и ряд др.[22].

Наибольшей известностью среди историков пользуется написанная Григорием *«История франков»*, которая создала своему автору репутацию «отца французской истории». Григорий приступил к написанию этого текста в 573 г., вскоре после своего посвящения в епископы, и продолжал писать ее на протяжении почти 20 лет вплоть до своей смерти. Изначальное название его сочинения долгое время являлось предметом дискуссий: в эпилоге-автобиографии, содержащемся в ней, сам автор называет свой труд «Десять книг историй» (*Decern libri historiarum*), но в позднейшей историографической традиции за ним закрепилось название «История франков» (*Historiae Francorum*) — по сокращенной до шести книг версии, созданной анонимом в VII в. и пользовавшейся гораздо большей популярностью в Средние века, чем полный, десятикнижный, вариант. В качестве источников Григорий Турский использовал хроники Евсевия-Иеронима, Сульпиция Севера, Павла Орозия; сочинения и письма епископов того времени — Сидония Аполлинария из Клермона, Авита из Вьенна,

[20] Тур был относительно небольшим городом, но являлся центром метрополии. В подчинении Григория Турского находилось несколько епископов близлежащих епархий. Управления метрополией было осложнено для него тем, что эти епархии входили в юрисдикцию разных королей из династии Меровингов, которые часто враждовали друг с другом. См. подробнее Pietri L. La ville de Tours du IVe au VIe siécle: naissance d'une cité chrétienne. Rome, 1983. P. 293–302.

[21] Об обязанностях раннесредневекового епископа см., например, в Kaiser R. Reinhold Kaiser, Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. Bonn, 1981.

[22] Полный список трудов Григория Турского с указанием на их издания и переводы на английский язык см. в Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. X-XI. На русском языке см.: Григорий Турский. История франков / В.Д. Савуковой. М., 1987; Григорий Турский. Книга о чудесах блаженного апостола Андрея / Пер. с лат. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега. 1999. № 3(21). С. 214–242; Григорий Турский. Житие отцов / Пер. с лат. иеромонаха Серафима Роуза. Русский паломник, 2007; Григорий Турский. Расчет движения звезд / Пер. с лат. Ю. А. Ефремовой // Средние века. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 157–175.

Ремигия из Реймса; сочинения историков V в. Сульпиция Александра и Рената Фригерида; очевидно, что он черпал сведения также и из каких-то местных летописей, которые велись при епископских кафедрах, обращался к епископским и монастырским архивам. В тексте «Истории франков» воспроизводится Анделотский договор 587 г., проповедь Григория Великого. Но все же главными источниками сведений для него оставались устные предания, а также его собственные знания о событиях, свидетелем которых он оказался. Как уже отмечалось выше, «История франков» состояла из десяти книг, которые предваряются кратким вступлением, где автор поясняет мотивы, побудившие его приняться за это сочинение. Первые три книги представляют собой своего рода «вступительную» часть повествования: в них описываются события от сотворения мира до 548 г. Считается, что эти книги написаны на основе преимущественно устных преданий, в них отсутствует четкая датировка событий, что снижает степень их достоверности. При написании остальных книг турский епископ полагался, прежде всего, на собственные знания и опыт. Преобладающей является точка зрения, что в целом он достаточно достоверно повествует о событиях 548–591 гг. Несомненный литературный талант позволял Григорию, при видимой простоте изложения и доступности языка, создать у читателя необходимое впечатление о процессах, происходивших во франкском королевстве, и их участниках.

«История франков» Григория Турского является основным источником как по истории меровингской Галлии V–VI вв., так и различных аспектов жизни раннесредневекового европейского общества в целом — в этой связи библиография работ, посвященных ей очень обширна[23]. Общий анализ биографии Григория и его литературных трудов можно найти в исследованиях Дж.М. Уолласа-Хэдрилла, М. Хайнцельмана, Э. Джеймса Х.-В. Гётца, А.К. Мюррея, У. Гоффарта, Р. Матисена[24]. В отечественной науке сочинение Григория не становилось предметом отдельного комплексного исследования — за исключением небольшой работы В.Д. Савуковой[25]. Различные аспекты «Истории франков» как исторического источника рассматривали Б. Круш, Г. Курт, М. Боннэ, Х.В. Гаррод, Л. Халфен, А.С. Кук, О. Чедвик, Д. Бианки, Э. Кэмерон, Н. Вагнер, Р.А. Гербердинг, И. Хен,

[23] См., например, библиографию, составленную Алленом Джонсом: http://spectrum.troy.edu/~ajones/gotbibl.html
[24] Wallace–Hadrill J.M. The Long–Haired Kings and Other Studies in Frankish History. Methuen, 1962; Heinzelmann M. Die Franken und die frankische Geschichte in der Perspektive der Historiographie Gregors von Tours // Historiographie im frühen Mittelalter. Oldenbourg:, 1994. S. 326–344; idem. Gregor von Tours (538–594): Zehn Bücher Geschichte. Historiographie und Gesellschaftskonzept im 6. Jahrhundert, Darmstadt, 1994; James E. Gregory of Tours and the Francks // Narrators and Sources of Early Medieval History. P. 51–66; Goetz H.–W. Gens, Kings and Kingdoms: the Franks // The Transformation of the Roman World. Boston, Leiden, 2003. P. 307–344; ibid. Die germanisch–romanische (Kultur–)Synthese in der Wahrnehmung der merowingischen Geschichtsschreibung // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter. B., 2004. S. 547–570; Murray A.C. Chronology and the Composition of the Histories of Gregory of Tours // Journal of Late Antiquity. 2008. Vol. 1. P. 157–96; Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). P. 112-134; Mathisen R.W. The family of Georgius Florentius Gregorius and the Bishops of Tours // Medievalia et Humanistica. New Series. Vol.12, 1984. P. 83–89.
[25] Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М.: Наука,1987. С. 321–350.

И. Вайсенштайнер, Дж. Бэрлоу, Е. Эвиг, К.М. Букер, П. Барджен и М. Хайнцельман, Дж. Фюрер, Дж. Контрени, К. Митчелл, Г. Халолл, Й. Вуд, Э. Каин, Э. Дэйли, У. Гоффарт[26]. Эпоха, в которую жил автор «Истории франков», была подробно изучена Г.Л. Бордье, Б. Крушем, П. Брауном, У. Гоффартом, Дж. Мурхедом, Э. Джеймсом, В. Полем[27].

Не менее известным и влиятельным историческим сочинением была *«Церковная история народа англов»* (Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum) Беды Достопочтенного. Беда родился в 672 или 673 г. в Монктоне (Нортумбрия). В отличие от Григория Турского, его происхождение — предмет дискуссий[28]. В возрасте семи лет Беда был отдан в монастырь святого Петра, основанный в Уирмуте (около города Сандерленд, графство Дарем). В 685 г. он перебрался в недавно основанный монастырь святого Павла в Ярроу, в 19 лет стал

[26] Krusch B. Zu den Handschriften Gregors von Tours // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1886. Bd. 11. S. 629; Kurth G. Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Revue des questions historiques. 1888. N. 44. P. 385–447; Bonnet M. Zu Gregor von Tours // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1892. Bd. 17. S. 199–201; idem. Le latin de Grégoire de Tours. P., 1890; Garrod H. W. Virgil and Gregory of Tours // The Classical Review. 1919. Vol. 33. P. 28; Halphen L. Grégoire de Tours, historien de Clovis // Mélanges d'hisotire du moyen âge offerts à Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves, P., 1925. P. 25–44; Cook A.S. Bede and Gregory of Tours // Philological Quarterly. 1927. Vol. 6. P. 315–316; Chadwick O. Gregory of Tours and Gregory the Great // Journal of Theological Studies. 1948. Vol. 50. P. 38–49; Bianchi D. Da Gregorio di Tours a Paolo Diacono // Aevum. 1961. N. 35. P. 150–166; Cameron A. The Byzantine sources of Gregory of Tours // Journal of Theological Studies. 1975. Vol. 26. P. 421– 426; Wagner N. Zur Herkunft der Franken aus Pannonien // Frühmittelalterliche Studien. 1977. N. 11. S. 218–228; Gerberding R.A. An Unnoticed Very Early Fragment of the Liber Historiae Francorum // Traditio. 1987. Vol. 43. P. 381–386; Hen Y. Clovis, Gregory of Tours, and pro–Merovingian Propaganda // Revue Belge de philologie de d'histoire. 1993. N. 71. P. 271–276; Weisensteiner J. Cassiodorus Gotengeschichte bei Gregor von Tours und Paulus Diaconus?: eine Spurensuche // Ethnogenese und Überlieferung: angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung. Vienna and Munich, 1994. S. 123–128; Barlow J. Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // Frühmittelalterliche Studien. 1995. N. 29. P. 86–95; Ewig E. Le mythe troyen et l'histoire des Francs // Clovis, histoire et mémoire. Ed. par M. Rouche. P.: Presses de l'Universite de Paris-Sorbonne, 1997. T. 1. P. 817–47; Booker C.M. Precondition to Miracle: The Construction of Discernment and its Application in the Works of Sulpicius Severus and Gregory of Tours // Orpheus. 1997. Vol. 18, N. 1. P. 182–95; Bourgain P., Heinzelmann M. L'oeuvre de Grégoire de Tours: la diffusion des manuscrits // Grégoire de Tours et l'espace gaulois. Tours, 1997. P. 273–317; Führer J. Gregor von Tours. Christliche und pagane Tradition // Es hat sich viel ereignet, Gutes wie Böses. Lateinische Geschichtsschreibung der Spät und Nachantike. Munich and Leipzig, 2001. S. 105–126; Contreni J.J. Reading Gregory of Tours in the Middle Ages // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 419–434; Mitchell K. Marking the Bounds: The Distant Past in Gregory's History // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 295–306; Halsall G. Nero and Herod? The death of Chilperic and Gregory's writings of history // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 337–350; Wood I. The Individuality of Gregory of Tours // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 29–46; Cain A. Miracles, Martyrs, and Arians: Gregory of Tours' Sources for His Account of the Vandal Kingdom // Vigiliae Christianae. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 412–437; Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. Leiden, Boston, 2015; idem. Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II: Stages of Legitimition in the Merovingian Kingdoms // Journal of Late Antiquity. 2014. Vol. 7. P. 3–27; Goffart W. The Conversions of Avitus of Clermont and Similar Passages in Gregory of Tours // "To See Ourselves as Others See Us": Christians, Jews, "Others" in Late Antiquity. Chico, 1985. P. 473–97; idem. From Historiae to Historia Francorum and Back Again: Aspects of the Textual History of Gregory of Tours // Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages. Studies in Honor of Richard. Kalamazoo, 1987. P. 55–76.

[27] Bordier H.L. De la authorité de Grégoire de Tours // Correspondence littéraire de Ludovic Lalanne, les 10 et 25 octobre 1861. Paris, 1861. P. 553–557; Krusch B. Kulturbilder aus dem Frankenreiche zur Zeit Gregors von Tours (+ 594). Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens // Sitzungsberichte der Berliner Akademie, phil.–hist. Klasse, B., 1934. P. 785–800; Brown P. Relics and Social Status in the Age of Gregory of Tours // Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1983. P. 222–250; idem. Gregory of Tours: Introduction // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 1–28; Goffart W. Foreigners in the 'Histories' of Gregory of Tours // Florilegium. 1982. Vol. 4. P. 80–99; Moorhead Jh. Gregory of Tours on the Arian Kingdoms // Studi Medievali. 1995. Vol. 36. P. 903–915; James E. Gregory of Tours and the Franks // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History. Essays presented to Walter Goffart. Toronto, 1998. P. 51–66; Pohl W. Perceptions of Barbarian Violence // Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practice. L., 2006. P. 15–26; idem. Gregory of Tours and Contemporary Perceptions of Lombard Italy // The World of Gregory of Tours. Leiden, Boston, 2002. P. 131–43.

[28] По мнению одних ученых, Беда происходил из семьи «свободного общинника-керла» (см. Эрлихман В.В. Отец английской истории // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с. лат. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 322). Другие же считают, что он принадлежал к знатному роду, возможно даже королевскому (см. Hunter Blair P. The World of Bede. N.Y., 1970. P. 4-5; Campbell J. Secular and Political Contexts // The Cambridge Companion to Bede. Cambridge, 2010. P. 25). В.В Зверева замечает, однако, что сам Беда никогда ничего не упоминал о своем происхождении (см. Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». Бела Достопочтенный и его время. СПб., 2008. С. 68; см. также Brown P.H. The World of Bede. Cambridge, 1970. P. 5). М.Р. Ненарокова и вовсе обходит этот вопрос молчанием (см. Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. М., 2003).

священником, а в 30 — диаконом. До сих пор не вполне ясна степень мобильности Беды (мы можем только утверждать, что большую часть своей сознательной жизни он провел в монастыре Ярроу)[29]. Есть предположения, что он побывал в Линдисфарне и Йорке. Скончался Беда 25 мая 735 г. и был похоронен в Ярроу, впоследствии его останки были перенесены в Дарем и ныне сохраняются в Галилейской часовне Даремского кафедрального собора.

К ранним работам Беды относятся руководства по грамматике и правописанию, стихосложению и ораторскому искусству, небольшие сочинения по истории и хронологии. Главное его произведение — «Церковная история народа англов» в 5 книгах — была закончена в 731/732 гг. и охватывает период от походов в Британию Юлия Цезаря (55 и 54 гг. до н.э.) до современной автору эпохи. «История» написана на весьма близком к античным канонам латинском языке и отличается стройностью и последовательностью изложения. В разделах, посвященных VII–VIII вв., этот труд — ценнейший, а часто и единственный источник по истории Англии[30]. Данная часть «Истории» создавалась Бедой по устным преданиям и по собственным наблюдениям. Предшествующий период излагался автором по сочинениям его предшественников — Павла Орозия и Гильды Премудрого. По сути, сочинение Беды представляет собой первую целостную историю острова. Оно содержит вполне достоверные сведения по политической и социально-экономической истории англосаксов, не говоря уже о религиозных аспектах. До наших дней дошло более 160 рукописей сочинения Беды, что само по себе свидетельствует об огромной популярности этого памятника в Средние века. К тому же, четыре манускрипта с текстом «Истории» Беды относятся к VIII в. — то есть написаны современниками автора или даже его учениками. В большинстве манускриптов необычайно мало ошибок. Это говорит о том, что копирование текста поручалось лучшим писцам. В конце IX в. король Альфред Великий велел перевести произведение Беды на англосаксонский язык в числе четырех книг, наиболее полезных всем подданным. «История» не была забыта и после изобретения книгопечатания; она стала одной из первых книг, изданных в 1470-х гг. известным страсбургским печатником Генрихом Эггештейном.

Число работ, так или иначе затрагивающих «Церковную историю народа англов», не уступает количеству тех, что посвящены «Истории франков». Прежде всего, «История» Беды стала использоваться для изучения происхождения англосаксов, завоевания ими Британии, становления у них государственности и влияния на нее римских и кельтских традиций. С конца XIX в. эти вопросы на материале «Церковной истории» рассматривали такие историки как У. Стаббс, К. Вернер, Ч. Пламмер, Дж.М. Кембл, Ф.М. Стэнтон, П. Хантер

[29] См. об этом Эрлихман В.В. Отец английской истории. С. 327; Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». С. 81; Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. С. 22.
[30] См. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб., 2007. С. 4, 9.

Блэйр, Г. Марш, М. Кэтч, Д. Дамвилл, П. Сойер, С. Бассэт, В. Гэлбрэйт, П. Симс-Уильямс, Г.Р. Лойн, Р.П. Абель, Д. Кирби, Э. Джон, Дж.М. Уоллес-Хадрилл, Х. Диснер, У. Чэни, Б. Йорк[31]. У. Кер, Р.У. Чамберс, Г.М. Чэдвик, Д. Уайтлок[32] изучали сочинения автора «Церковной истории» в контексте литературного наследия англосаксов. Отдельного внимания историков Г.Ф. Брауна, Т. Аллисона, С.К. Карпентера, П.Ф. Джонса, Д. Ноулза, Э.С. Дакетта, М.В. Пеппердина, Г.Р. Лойна[33] заслужило отражение в трудах Беды процесса христианизации Британии. Во второй половине XX в. исследователей привлекали вопросы, касавшиеся интеллектуальных источников, которые использовал Беда Достопочтенный при создании своих трудов, реконструкции круга его чтения и библиотеки — наибольших успехов в их решении добились Ч.В. Джонс, Р. Дэвис и М.Л.В. Лэйстнер, П. Мейверт, Т.В. Маккей, Н. Райт[34]. Ими, в частности, были тщательно исследованы цели, которые преследовал англосаксонский историк. Его произведения, использовались Р. Хэннингом и П. Хантер Блэйром[35] для изучения истории отдельных королевств и регионов раннесредневековой Британии. Г. Мейр-Хартинг, Р. Рей, Дж. МакКлер, Б. Капелль, Ч. Дженкинс, Б. Робинсон, Б. Вард[36] обращались к богословским сочинениям Беды. Изучение специфики мировоззрения

[31] Stubbs W. The Constitutional History of England, in its Origin and Development. Cambridge, 1874-1875. Vol.1-3; Werner K. Beda Der Ehrwürdige Und Seine Zeit. Wien, 1881; Plummer Ch. Bede's Ecclesiastical History. Notes // Venerabilis Baedae Opera Historica. V. 2. L., 1896; Kemble J.M. The Saxons in England: A History of the English Commonwealth till the Period of the Norman Conquest. V. l. L., 1876; Stenton F.M. Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Press, 1971; Hunter Blair P. An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956; Marsh H. Dark Age Britain. Hamden, 1970; Catch M. Loyalties and Traditions. A Man and His World in Old English Literature. N.Y., 1971; Dumuille D. Sub-Roman Britain: History and Legend // History. 1977. Vol. 62. P. 173-192; Sawyer P.H. From Roman Britain to Norman England. L., 1978; Galbraith V.H. Kings and Chroniclers: Essays in English Medieval History. L., 1982; Sims-Williams P. The Settlement of England in Bede and the Chronicle // Anglo Saxon England. 1983. 12. P. 1–41; Loyn H.R. The Governance of Anglo-Saxon England. Stanford, 1984; Abels R.P. Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley&Los Angeles, 1988; Kirby D. The Earliest English Kings. L., 2000; John E. Orbis Britanniae and the Anglo-Saxon Kings // Orbis Britanniae. Leicester, 1966. P. 1–63; Wallace-Hadrill J.M. Bede's Ecclesiastical History of the English People. A Historical Commentary. N. Y., 1993; Diesner H.J. Fragen Der Macht Und Herrshaftsstruktur Bei Beda. Mainz, 1981; Chaney W.A. The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Berkeley and Los Angeles, 1970; Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England. L., 1997.

[32] Ker W.P. Medieval English Literature. L. and N. Y., 1969; Chambers R.W. Man's Unconquerable Mind: Studies of English Writers from Bede To A. E. Housman And W.P. Ker. L., 1939; Chadwick H.M., Kershaw N. The Growth of Literature. Cambridge, 1931. Vol.1; Chadwick H.M. The Heroic Age Cambridge, 1912; idem. The Study of Anglo-Saxon. Cambridge, 1941; Whitelock D. From Bede to Alfred. L., 1939.

[33] Browne G.F. St. Aldhelm: his Life and Times. L., 1903; Allison T. English Religious Life in the Eighth Century as Illustrated by Contemporary Letters. N. Y., 1971. (first edition1929); Carpenter S.C. The Church in England. 597-1688. L., 1954; Jones P.E. The Gregorian Mission and English Education // Speculum. Vol. 3. No. 3. P. 335-348; Knowles D. Saints and Scholars: Twenty-Five Medieval Portraits. Cambridge, 1962; Duckett E.S. Anglo-Saxon Saints and Scholars. N.Y., 1947; PePerdene M.W. Bede's Historia Ecclsiastica. A New Perspective // Celtica. 1958. Vol.4. P. 253-26; Loyn H.R. The Conversion of the English to Christianity: Some Comments on the Celtic Contribution // Welsh Society and Nationhood. Cardiff, 1984. P. 5–18.

[34] Jones Ch.W. Bede and Vegetius // The Classical Review. 1932. Vol. 46, N. 6. P. 248–249; idem. Bede as Early Medieval Historian // Medievalia et Humanistica. 1946. Vol. 4. P. 26–36; Davis R. Bede's early Reading // Speculum. 1933. Vol. 8. P. 179–195; Laistner M.L.W. The Library of the Venerable Bede // Bede, His Life, Times and Writing. Oxford, 1935. P. 237–266; idem. A Hand List of Bede Manuscripts. Ithaca. N.Y., 1943; idem. The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages. Ithaca, N.Y., 1957; Meyvaert P. Bede's Text of the Libellus Responsionrum // England Before the Conquest: Studies in Primary Sources Presented to Dorothy Whitelock. Cambridge and N. Y., 1971. P. 15–33; Mackay T.W.T. Bedé's Hagiographical Method: His Knowledge and Use of Paulinus of Nola // Famulus Christi. L., 1976. P. 77–92; Wright N. Bede and Vergil // Romanobarbarica. 1981. Vol. 6. P. 361–379.

[35] Hanning R.W. The Vision of History in Early Britain. N.Y. and L., 1966; Hunter Blaor P. Northumbria in the Days of Bede. L.: Gollancz, 1976. 254 p.; idem. The World of Bede. L.: Cambridge University Press, 1970. 342 p.; idem. The Letters of Pope Boniface V and the Mission of Paulinus to Northumbria // England Before the Conquest: Studies in Primary Sources Presented to Dorothy Whitelock / Ed. P. Clemoes, K. Hughes. Cambridge and N. Y.: Cambridge University Press, 1971. P. 5–13.

[36] Mayr-Harting H. Bede's Patristic Thinking as Historian // Historiographie im frühen Mittelalter. Vienna, 1994. P. 367–374; Ray R.D. Bede, Rhetoric, and the Creation of Christian Latin Culture. Jarrow, 1997; idem. Bede, the Exegete, as Historian // Famulus Christi: Essays in Commemoration of the Thirteenth Centenary of the Birth of the Venerable Bede. L., 1976. P. 125–140; idem. Bede and Cicero //Anglo-Saxon England. 1987. Vol. 16. P. 1–15; McClure J. Bede's Old

Беды позволило историкам по-новому взглянуть на уже, казалось бы, разрешенные проблемы раннесредневековой истории Британии. П. Уормалд, Дж. Кэмпбелл, С. Рейнольдс, Р. Маркус[37] предложили новую интерпретацию проблем политической истории англосаксов, прежде всего, расселения и формирования королевской власти. К. Кендалл и В. Везерби[38] исследовали используемые Бедой риторические стратегии и приемы организации текста, значение отдельных «символических» эпизодов англосаксонской истории, их библейские аналоги и тому подобные аспекты К.Г. Лумис, У. МакКреди, Дж. Розенталь, Б. Вард[39] изучали агиографические сюжеты и описания чудес в «Церковной истории», пытаясь установить их роль в нарративной стратегии Беды. Обобщая результату предыдущих исследований, комплексное рассмотрение литературного наследия Беды предприняли Дж.Х. Браун, Б. Вард и У. Гоффарт[40].

В отечественной исторической науке сочинения Беды Достопочтенного становились предметом специальных исследований М.Р. Ненароковой[41] и В.В. Зверевой[42], активно изучались в качестве источника по проблемам раннесредневековой европейской истории: так, Е.А. Шервуд[43] обращалась к трудам Беды, рассматривая вопросы этногенеза англосаксов, А.Г. Глебов[44] и В.Л. Ларионов[45] — исследуя политическую историю англосаксонского периода, Е.А. Мельникова[46] — литературное наследие того времени.

Testament Kings // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1983. P.76–98; Capelle B. Le Rôle théologique de Bède le Vénérable // Studia Anselmiana. 1936. N. VI. S. 1–40; Jenkins C. Bede as Exegete and Theologian // Bede. his Life, Times, and Writings: Essays in Commemoration of the Twelfth Centenary of his Death. N. Y., 1935. P. 152–200; Robinson B. The Venerable Bede as Exegete // Downside Review. 1994. Vol. 112. P. 201–26; Ward B. Bede and the Psalter // Jarrow Lecture. Jarrow, 1992. P. 869–802; idem. 'In medium duorum animalium': Bede and Jerome on the Canticle of Habakkuk // Studia Patristica. 1993. Vol. 25. P. 189–193.

[37] Wormald P. Bede, the Bretwaldas and the Origins of the Gens Anglorum // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1983. P. 99–129; Campbell J. Bede's Reges and Principes // Jarrow Lecture. Jarrow: Parish of Jarrow, 1979; Reynolds S. What do we mean by 'Anglo-Saxon' and 'Anglo-Saxons'? // Journal of British Studies. 1985. Vol. 24. P. 395–414; Markus R.A. Bede and the Tradition of Ecclesiastical History // Jarrow Lecture. Jarrow: Parish of Jarrow, 1976. P. 385–404.

[38] Kendall C. Bede's Historia Ecclesiastica: The Rhetoric of Faith // Medieval Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Medieval Rhetoric. Berkeley, 1978. P. 145–72; Wetherbec W. Some implications of Bedé's Latin Style // Bede and Anglo-Saxon England: Papers in Honour of the 1300th Anniversary of the Birth of Bede, Given at Cornell University in 1973 and 1974 in British Archaeological Reports. L., 1978. P. 23–31.

[39] Grant Loomis C. The Miracle Traditions of the Venerable Bede // Speculum. 1946. V. 21. P. 404–418; McCready W.T. Miracles and the Venerable Bede. Toronto, 1994; Rosenthal J.T. Bede's Use of Miracles in the Ecclesiastical History // Traditio. 1975. 31. P. 328–35; idem. Bedé's Life of St. Cuthbert: Preparatory to the Ecclesiastical History // The Catholic Historical Review. 1982. Vol. 68, No. 4. P. 599–611; Ward B. Miracles and History: A Reconsideration of the Miracle Stories used by Bede // Famulus Christi: Essays in Commemoration of the Thirteenth Centenary of the Birth of the Venerable Bede. L., 1976. P. 70–76.

[40] Brown G.H. Bede The Venerable. Boston, 1987; Ward B. The Venerable Bede. L., 1990; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Notre Dame, 2005;

[41] Ненарокова М.Р. Досточтимы Бед — ритор, агиограф, проповедник. М., 2003; она же. Смиренный монах и учитель // Альфа и Омега 4(18). 1998. С. 238–246; она же. Топик в агиографии средневеково Англии (на материал двух Житий св. Кутберта) // Атлантика. Записки по исторической поэтике. 1997. Вып. 3. С. 103–115.

[42] Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.

[43] Шервуд Е.А. О англосаксов к англичанам. М., 1988.

[44] Глебов А.Г. Англии в раннее Средневековье. Воронеж, 1998; он же. Adventus Saxonum и Litus Saxonicum: к вопрос о англосаксонском завоевании Британии // Исторически записки. Научны труд исторического факультета. 1998. № 3. С. 132–134; он же. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятника англосаксов VII–IX вв.) // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 208–220.

[45] Ларионов В.Л. Англо-саксонское завоевание Британии и борьба за политическое господства (сер. IV–VII вв.): автореф. дисс. … канд. ист. наук / Ларионов Валерий Леонидович; МПГУ. М., 1993.

[46] Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.

Павел Варнефрид, более известный как Павел Диакон — автор *«Истории лангобардов»*, третьего подробно исследуемого нами источника — был одним из самых блестящих интеллектуалов т. н. Каролингского возрождения. Он родился после 720 г. в Чивидале (современный Фриули) в знатной лангобардской семье. Сам Павел в «Истории лангобардов» сообщает, что его предок с отцовской стороны пришел в Италию, вероятно, с королем Альбоином в 569 г. С тех пор семья Павла занимала важное положение при дворе лангобардских королей. Благодаря своим родственным связям Павел оказался приближенным к королю Ратхизу в Павии. Здесь он получил прекрасную возможность завершить свое образование под руководством грамматика Флавиана. При последнем лангобардском правителе Дезидерии, автор «Истории лангобардов» был учителем его дочери Адельперги, по просьбе которой в 768–769 гг. написал «Римскую историю» (Historia Romana). Однако еще до этого по неизвестной причине Павел ушел в монастырь Civate.

После того как брат Павла Арихиз в ходе антифранкского восстания 774 г. попал в плен и был доставлен в качестве ценного заложника ко двору Карла Великого, Павел в 782 г. решил отправиться во Францию, чтобы вызволить из плена брата. Его пребывание здесь продолжалось несколько лет. Вместе с Петром Пизанским, Паулином и другими итальянцами он принял активное участие в культурном движении, которое получило в позднейшей историографии название «Каролингское возрождение». Двор императора Карла Павел покинул только в 787 г. и вернулся в монастырь Монте-Кассино. В последние годы своей жизни, Павел занимался, главным образом, написанием «Истории лангобардов» (Historia langobardorum). Он умер, около 799 г., едва успев завершить свой последний труд[47].

«История лангобардов» состоит из шести книг, которые разбиты на отельные главы. В ней прослеживается история лангобардов, начиная со времени их переселения из Скандинавии до 744 г. Тот факт, что Павел не довел повествование до своего времени, позволил ряду историков считать его труд незавершенным[48]. Однако на сегодня большей поддержкой пользуется гипотеза О.А. Добиаш-Рождественской, согласно которой, Павел остановил свой рассказ на 744 г., поскольку в этом году скончался Лиутпрандт — последний лангобардский король, проводивший самостоятельную политику[49]. При создании «Истории лангобардов» Павел Диакон прибегал к различным источникам: в качестве основного он

[47] Подробнее о биографии Павла Диакона см. в Сидоров А.И. Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 36–38; Циркин Ю.Б. Введение // Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб., 2008. С. 5–36; Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 1. Munchen, 1931. S. 257–272; Dahn F. Paulus Diaconus // Des Paulus Diaconus leben und schriften. Bd. 1. Leipzig, 1876. 104 s.; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. P. 329-431; McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004. P. 66–69.

[48] Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964. С. 127; Goffart F. The Narrators of Barbarian History. P. 256.

[49] Добиаш-Рождественская О.А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. М.-Л., 1937. С. 135; см. также Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 159; Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 57–58.

использовал анонимное сочинение “Origo Gentis Langobardorum” — составленный в VII в. краткий рассказ о происхождении лангобардов и правлении первых их королей до Бертари; “Liber pontificalis”; несохранившуюся историю Секунда Трентского; труды Исидора Севильского, Беды Достопочтенного, Григория Турского, «Диалоги о чудесах» папы Григория I, не дошедшие до наших дней Беневентские и Сполеттские анналы. «История лангобардов» сохранилась в составе 115 манускриптов, более 20 из которых были выполнены до XI в., что говорит о довольно высокой популярности этого произведения в Средние века.

Творчество Павла Диакона изучается уже более ста лет. Его литературную деятельность рассматривали Т. Моммзен и М. Маниций[50]. На сегодня сохраняют свою актуальность вопросы об источниках, использовавшихся Павлом, и о круге его чтения. Их исследованию были посвящены работы Л. Траубе[51], Р. Джачинто, Э. Сестана, Дж. Боньетти, Ф. Раби. Ф. Дан[52] поставил вопрос о соотношении литературной и эпической традиции в сочинениях Павла Диакона. Данную линию научного поиска продолжил Л. М. Гартман[53]. Дискуссионными остаются телеологические аспекты создания «Истории лангобардов»: Ф. Дан, М. Маниций, Э. Сестан, Д. Фазоли, Р. Лопес, У. Гоффарт[54] считали Павла патриотом, который своим сочинением хотел вдохновить лангобардов на отстаивание независимости от франков; Э. Сестан вслед за О. Холдер-Эггером[55] видел в нем также литератора, рассказчика занимательных историй и анекдотов, а не историка[56]; К. Бальбо[57] — панегириста Карла Великого. Л. М. Гартман, Д. Фазоли, Й. Вернер, А. Джонс[58] использовали «Историю лангобардов» для изучения политических аспектов развития лангобардской государственности. В отечественной историографии сочинения Павла Диакона

[50] Mommsen Th. Die Quellen der Langobardengeschichte des Paulus Diaconus // Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd. VI. S. 485–539; Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. I. München, 1965. S. 257–272.

[51] Traube L. Karolinische Dichtungen. Berlin, 1888. H. 1. S. 115; Giacino R. Storia politica d'Itaia. Le dominazioni barbariche in Italia (395–1024). Milao, 1909; Sesan E. Qualche aspetto della personalitá di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967. P. 50–75; Bognetti G. Processo logico e integrazione delle fonti nella storiografia di Paolo Diacono. L'eta Longobarda. Milano, 1967. Vol. III. P. 159–184; Raby F.A History of secular latin poetry in the middle ages. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 181.

[52] Dahn F. Germanische Studien. Sechste Reihe. Berlin, 1884. S. 123–150.

[53] Hartmann L.M. Geschichte Italiens im Mittelalter. T. 1. Bd. II. Gotha, 1900. S. 4.

[54] Dahn F. Germanische Studien. Sechste Reihe. Berlin, 1884; Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1965. Bd. I; Sestan E. Qualche aspetto della personalitá di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967. P. 52; Fasoli G. I. Longobardi in Italia. Bologna, 1965. P. 21; Lopez R. S. The birth of Europe. Philadelphia & New York, 1967. P. 44; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. P. 343–347.

[55] Sestan E. Qualche aspetto della personalitá di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967. P. 65; Holder Egger O. Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des 5. und 6. Jahrhunderts // Neues Archiv. Vol. 1. 1876. S. 30.

[56] Ср. с выводом П.Ф. Палумбо, который на основании изучения изданий трудов Павла Диакона в Италии, пришел к заключению, что на родине он более известен как литератор, а не историк (см. Palumbo P.F. Studi medievali. Napoli, 1949. P. 174, 175).

[57] Balbo C. Della storia d'Italia. Losanna, 1846. P. 89.

[58] Hartmann L.M. Geschichte Italiens im Mittelalter. Gotha, 1900. Bd. II. T. 1; Fasoli G. I. Longobardi in Italia. Bologna, 1965; Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, 1962; Jones A.H.M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 1.

рассматривались в работах О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской, И. Н. Голенищева-Кутузова, А.Я. Дворецкой, А.И. Сидорова[59].

В целях сравнительного анализа нами использовались и другие раннесредневековые и античные литературные произведения — как указанных выше, так и иных авторов — а также памятники раннесредневекового законодательства. В частности, для более полного уяснения взглядов авторов «Историй» на родство привлекались составленные ими агиографические[60] и исторические сочинения[61]. Для выявления особенностей восприятия событий прошлого, связанных с родством, нами использовались исторические сочинения, которые, в том числе, служили источниками сведений для «Историй»[62]. В диссертации использованы и записи норм права, действовавших у германских народов в период складывания государственности[63]. Для уточнения некоторых свидетельств трех «Историй» привлекались памятники, созданные, в том числе, на основе трудов Григория, Беды и Павла.[64]

Научная разработанность темы. Интерес к родству как объекту научных штудий возник во второй половине XIX века, когда первые исследователи, работавшие на стыке этнографии/этнологии и истории, обратились к проблемам происхождения самого института родства и различных родственных коллективов прошлого и настоящего. Такие ученые как И.Я. Бахофен, Д.Ф. Мак-Леннон, Г.С. Мейн и Л.Г. Морган на долгие десятилетия определили как основные направления научного поиска в рамках данной проблематики, так и релевантные его источники. В фокусе научных исследований оказался поиск ответа на вопрос о том, имело ли место эволюционное развитие родственных и брачно-семейных коллективов (и каковы, в таком случае, были его этапы), или же формы организации этих коллективов не претерпели

[59] Добиаш-Рождественская О.А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. М., Л., 1937; Люблинская А.Д. Источниковедение средних веков. Л., 1955; Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972; Дворецкая А.Я. Павел Варнефрид как историк и этнограф (к вопросу о влиянии позднеримской культуры на мировоззрение писателя // Античный мир и археология. 1979. Вып. 4. С. 31–62; Сидоров А.И. Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб, 2006.

[60] Gregorii Episcopi Turonensis Liber Vitae Patrum / MGH. SRM. V.1.2, P1, FSC 1. P. 211–294; idem. Liber de Virtutibus S. Martini / MGH.SRM. V.1.2, P1, FSC 1. P. 135–211; Beda. Vita Sancti Cuthberti / Two lives of St. Cuthbert // Text, transl. and notes by B. Colgrave. Cambridge, 1940; idem. Vita Beati Felicis Confessoris [Электронный ресурс] / The Online Library of Liberty. Электрон. дан. [N.Y, 03.05.2011]. Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1915&chapter=113178&layout=html&Itemid=27; idem. Vita quinque sanctorum abbatum [Электронный ресурс] / Intra Text Digital Library. Электрон. дан. [Cambridge, 27.04.2011]. Режим доступа: http://www.intratext.com/IXT/LAT0419/; Беда Достопочтенный. Житие блаженного Феликса / Пер. с лат. М.Р. Ненароковой // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 62–131;

[61] Pauli Gesta episcoporum Mettensium / Ed. by G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. T. 2. Hannoverae, 1829. P. 261–270.

[62] Eutropius. Breviarium ab Urbe condita // Ed. by F. Ruehl. Leipzig, 1887; Исидор Севильский. Этимологии. Книга IX: О языках, народах, правлениях, войске, гражданах, родстве / Пер. с лат. и коммент. А.А. Павлова // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. 2014. № 4. С.535–548; Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобович. М., 2003; Two of the Saxon Chronicles Parallel: A Revised Text / Ed. with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1892–1899. Vol.1–2.

[63] Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012; Салическая правда / Пер. с лат. Н.П. Грацианского. М., 1950. Подробнее об изучении отношений родства на основе этих памятников см. в Главе 1 настоящего исследования.

[64] Eddius Stephanus.Vita Sancti Wilfrithi / Ed. and trans. by B. Colgrave // The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. Cambridge, 1927; Willelmi Malmesburiensis Monachi Gesta Regum Anglorum atque Historia Novella / Ed. by T. D. Hardy. L., 1840; Chronicorum quae dicuntur Fredegarii scholastici / MGH.SRM. V. 2, P. 1, FSC 1, 1888. P. 1–328.

значительных изменений на протяжении истории человечества. В исследованиях, посвященных истории Рима и Средневековой Европы вопросам родства и семьи в целом уделялось в этот период крайне мало внимания. Главным образом в них освещались проблемы правового положения членов родственных групп, в частности вопросы наследования. Коллективы родственников рассматривались как один из социальных институтов, который играл определенную роль в политической, экономической и социальной жизни общества. Основными источниками этих исследований служили законодательные памятники прошлого, а также данные мифологии и фольклора.

Направление исторических исследований, посвященных вопросам семьи и родства, начинает постепенно меняться во второй половины XX в. под влиянием исторической демографии и увеличения интереса к изучению отношений и поведения людей прошлого, а также в связи с влиянием на историческую науку антропологии через заимствования ее методов и проблематики исследований. На первый план начинают выходить вопросы взаимоотношений между членами семьи, материальной и духовной составляющей отношений родства, положения отдельных членов семьи (сначала детей, а затем и других), особенности семейно-родственных отношений у представителей различных социальных слоев общества и их региональные особенности. Отдельным направление исследований стало изучение влияние христианства на институт семьи и родства. Значительное внимание вопросам родства стало уделяться и в рамках гендерных исследований, в рамках которых рассматривалось положении женщины в семейных и родственных коллективах. Новое измерение возникло и в трудах, посвященных браку: если ранее исследователи рассматривали преимущественно правовые его аспекты, то теперь основное внимание стало уделяться изучению стратегий поиска брачного партнера, обычаев и ритуалов заключения брака, отношениям между супругами и проблеме супружеской любви, процессу формирования и утверждения христианских принципов заключения брака. Кроме того, активно стали изучаться проблемы девиации в родственных отношениях, прежде всего инцест и детоубийство.

Расширение проблематики исторических исследований, посвященных семейно-родственным отношениям, стало возможно во многом благодаря расширению круга привлекаемых источников. К правовым и юридическим документам добавились агиографические и литературные произведения, исторические сочинения, полиптики, формулярии, данные археологии и ряд других. Их сведения позволили не только рассмотреть новые вопросы, но и пересмотреть ответы на старые. Так, к 1980-м гг. был пересмотрен тезис о том, что римская и раннесредневековая семьи изначально были расширенными и постепенно трансформировались в нуклеарные. Дискуссионными вновь стали вопросы о детерминированности отношений между родственниками в зависимости от стороны родства

(материнской или отцовской), об этапах эволюции счета родства в средневековом обществе и ряд других.

В связи с тем, что в настоящее время накоплен огромный объем общей и специальной литературы, посвященной изучению родства в раннесредневековом обществе, критическому анализу этих работ будет посвящена первая глава нашей диссертации.

В данном исследовании автором были также использованы теоретические наработки, сделанные в процессе изучения мемориальных традиций[65] и феномена дара[66] в различные исторические эпохи, хотя специальные работы, посвященные этим аспектам в отношениях между родственниками на сегодняшний день, отсутствуют.

Что касается отечественной литературы, то раннесредневековые представления о родстве и родственные отношения редко помещались в центр внимания специалистов. Отдельные аспекты проблематики родства (в первую очередь, различные вопросы истории семьи) затрагивались в работах В.Л. Комаровича, А.Р. Корсунского, К.Ф. Савело, А.Я. Гуревича, Е.А. Мельниковой, А.Е. Шервуд, А.Г. Глебова, В.В. Зверевой, О.В. Аурова, Ф.Б. Успенского, Ю.Л. Бессмертного, П.Ш. Габдрахманова, В.А. Блонина[67] и др. Ряд этих трудов (наиболее

[65] См.: Арнаутова Ю.Е. Meroria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., Кругъ, 2003. С. 19–37; она же. Формы идентичности в memoria социальных групп // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А. А. Сванидзе. П. Ю. Уваров. М., 2007. С. 70–87; она же. Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 47–55; Мельникова Е. А. Историческая память в германской устной традиции // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 180–222; Репина Л.П. Историческая культура Европы до начала Нового времени // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 732–739; Эксле О.Г. Memoria Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 308–338; Эксле О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 233–269.

[66] Мосс М. Опыт о даре // Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М., 2011. Дэвис Н. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С.193–203; Bjork R.E. Speech as Gift in Beowulf // Speculum. 1994. Vol. 69. No. 4. P. 993–1022; Curta Fl. Merovingian and Carolingian Gift Giving // Speculum. 2006. Vol. 81. No. 3. P. 671–699; Damen M. Gift Exchange at the Court of Charles the Bold // In but not of the market: movable goods in late medieval and early modern urban society. Brussel. 2007. P. 81–89; White St.D. Custom, Kinship, and Gifts to Saints. The Laudatio Parentum in Western France, 1050-1150. Chapel Hill, 2011; Fouracre P.J. The use of the term beneficium in Frankish sources. A society based on favors? // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 62–88; Wickham Ch. Compulsory gift exchange in Lombard Italy, 650-1150 // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge. 2014. P. 193–216; Wood I.N. The gifts of Wearmouth and Jarrow // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 89–115.

[67] Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI-XII вв. М., 1960; Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия / Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в Раннем Средневековье // Средние века, 1968. Вып. 31. С. 180–198; он же. Категории средневековой культуры. М., 1984; Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987; Шервуд Е.А. Законы лангобардов. М., 1992; Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. М., 2007; он же. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М, 2008. С.11–19; Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008; Ауров О.В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Вып. 31. С.74–103; Литвина А.Ф. Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. М., 2006; они же. Русские имена половецких князей. М., 2013; Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в Средневековой Скандинавии. М., 2001; он же. Скандинавы. Варяги. Русь: историко-филологические очерки. М., 2002; Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в. // Средние века. 1960. № 43. С. 32–52; он же. Крестьянская семья во Франции IX в. / Заметки о статье Э. Коулмен "Детоубийство в раннее средневековье // Средние века. 1975. Вып. 39. С. 240–244; он же. К демографическому изучению французской деревни IX в. / Люли и имена // Советская этнография. 1981. № 2. С. 51–66; он же. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 97–116. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996; Габдахманов П.Ш. Семейные структуры крестьян Шампани IX в. (по материалам Реймсского полиптика) // Из истории социально-политической и

близких к проблематике нашей диссертации) будет рассмотрен нами в первой главе диссертации.

Методологическая основа исследования. Стремясь к максимальной объективности при проведении исторического исследования, автор руководствовался *принципами историзма и системности*. В соответствии с принципом историзма мы рассматриваем родство и родственные отношения на протяжении конкретного исторического периода и пытаемся выявить особенности его восприятия Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом в контексте присущих этим писателям социокультурных установок и ценностей. В соответствии с принципом системности, отношения родства исследуются нами с учетом функциональной взаимосвязи между различными их элементами, а также сложного характера опосредованности систем родства внешними факторами. Еще одним методологическим ориентиром для нашей работы выступила идея *междисциплинарного синтеза*, предполагающая использование исследовательских методик, разработанных представителями иных наук — в первую очередь, разумеется, социальных и гуманитарных (лингвистики, социологии, культурологии).

Определяя объект, предмет, цели и задачи исследования, мы опирались на исследовательские подходы, разработанные в рамках таких современных направлений научного поиска как упомянутые выше *история эмоций* и *историческая семантика*, *историческая антропология*, *новая социальная история* и *история идей*. Историческая антропология ориентирована на систематическое использование применительно к высоким культурам прошлого того проблемного вопросника, который был выработан этнологами (социальными и культурными антропологами) в рамках изучения архаичных и традиционных сообществ и самых разнообразных социальных практик, подкрепляющих эти сообщества[68]. В контексте новой социальной истории важнейшим для нашей диссертации значением обладает такая субдисциплина как «история семьи», которую интересуют не только демографические, правовые и экономические аспекты семейных отношений, но и более фундаментальные

культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985; он же. Структура крестьянской семьи на территории Северной Франции в VIII-XI вв. // Французский ежегодник. 1985. М., 1987. С. 156–169; он же. Брачная политика сеньоров и брачное поведение сервов в средневековой Франции // Женщина, брак, семья до начала нового времени: демографический и социокультурный аспект. М., 1993. С. 22–38; он же. Представления о семье в раннесредневековую эпоху: понятие familia/domus и его эволюция в VI–XI вв.// Европейская педагогика от античности до нового времени. Часть 1. М., 1994. С. 155–177; он же. Семья в раннее средневековье // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1995; он же. Средневековые крестьяне и их семьи: демографическое исследование французской деревни в VIII–XI вв. (по данным грамот). М., 1996; Блонин В.А. Крестьянская семья во Франции IX века: автореф. дис. … канд. ист. Наук / Владимир Александрович Блонин; Горьковский Государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1984; он же. К проблеме типологии крестьянской семьи во франкской деревне в IX в. // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 222–237; он же. История семьи (обзор современных концепций) // Культура и общество в средние века в зарубежной историографии. М., 1990; он же. К вопросу о формировании европейского типа брачности // Проблемы генезиса капитализма в Зап. Европе. Горький, 1989.

[68] См. Уваров П.Ю., Трубникова Н.В. Школа «Анналов» и историческая антропология // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 263. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010; История ментальностей, историческая антропология. М., 1996; История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX – XXI веков. СПб., 2006; Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64–91.

структуры (системы родства, половозрастные группы, отношения между полами и т.д.), влияющие на жизнь отдельных семей, а также психологические компоненты родственных отношений (включая поведенческие нормы и т.н. «режимы эмоциональности» внутри или за пределами семейных коллективов)[69]. История идей позволяет изучать формирование и изменение различных социальных концептов, а также анализировать интеллектуальные клише или *топосы* — мотивы и сюжеты, повторяющиеся в нескольких исторических источниках (в том числе и применительно к освещению родства)[70]. Наработки перечисленных подходов использовались нами в целях комплексной реконструкции культурных предпочтений авторов раннесредневековых текстов за счет поиска в этих текстах высказываний, позволяющих дополнительно тематизировать те или иные стороны авторской интерпретации родства и родственных отношений, а также смежных социальных связей и практик. Отметим также, что акцент на комплексном исследовании нормы и девиаций в отношениях между родственниками тесно связан с такими категориями как «стиль» / «образ» жизни, обращение к которым невозможно без использования концептуального инструментария т.н. *истории повседневности*[71]. Родственные связи были неотъемлемой частью повседневной жизни раннесредневекового человека, течение которой зачастую фиксировалось именно за счет указаний на метаморфозы семейного положения тех или иных индивидов, поэтому изучение родства теснейшим образом соотносится с исследовательским вопросником, сформированным историками повседневности.

Опора на указанные выше принципы и подходы способствовала использованию в нашей работе самых разных исследовательских методов — как общенаучных (анализа, синтеза, типологии и классификации), так и свойственных, преимущественно, современному социогуманитарному познанию (лексико-терминологического и контекстуального анализа, сравнительно-исторического метода, историко-биографического метода). Метод лексико-терминологического анализа был использован в целях изучения системы терминов родства, нашедшей отражение в выбранных нами источниках исследования. Метод историко-филологического (контекстуального) анализа применялся нами для выявления коннотаций, «неявных смыслов» (подтекстов) во фрагментах повествования, связанных с родством. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении восприятия отношений между родственниками и ситуаций, связанных с переживанием родства, в текстах авторов,

[69] Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181; она же. “Новая историческая наука” и социальная история. М., 2009.
[70] Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001; История идей как методология гуманитарных исследований. Философский век. Альманах. Вып. 17-18. СПб., 2001; Шамшурин В. И. История идей и историческое сознание: Р.Дж. Коллингвуд и его последователи // Вопросы философии.1986. № 5. С. 127–136.
[71] См. Уваров П.Ю., Трубникова Н.В. Указ. соч. С. 312; Корчинский А.В. Историческая семантика / (История понятий) // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Издание 2-е. М., 2016. С. 174.

которые жили в различных исторических условиях. Историко-биографический метод способствовал определению той степени, в которой обстоятельства жизни каждого из рассматриваемых авторов влияли на восприятие им родственных отношений. В диссертации использовались также традиционные методы исторического источниковедения, соотносимые с различными техниками т.н. внешней и внутренней критики исследуемых текстов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии предпринимается попытка развернутого сравнительного исследования восприятия несколькими раннесредневековыми авторами феномена родства и родственных отношений, значения и специфики использования эпизодов, связанных с описанием родства, в важнейших исторических нарративах, дошедших от эпохи Раннего Средневековья. Хотя рассматриваемые нами источники неоднократно использовались исследователями для изучения различных сторон жизни раннесредневекового общества, задачи, решаемые нами при их изучении, до сих пор не артикулировались историками, не осуществлялся и сравнительный анализ сведений Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона в предложенном нами ключе.

Таким образом, в данной работе впервые:

1. Осуществляется комплексный анализ историографии по вопросам родства и родственных отношений в Поздней Античности и Раннего Средневековья, характеризуются основные направления, проблематика и перспективные вопросы исторического исследования родства на этапе глубокой трансформации европейской культуры;

2. Производится выявление и анализ терминов родства в «Истории франков», «Церковной истории народа англов» и «Истории лангобардов», воссоздается система терминов родства, отразившаяся в этих памятниках исторической мысли, исследуются возможные дополнительные значения терминов родства и особенности их использования авторами трех «Историй»;

3. Исследуется специфика восприятия отношений родства Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом, влияние на это восприятие конкретных обстоятельств жизни трех церковных писателей Раннего Средневековья. Рассматривается использование сюжетов, связанных с родством в рамках нарративных стратегий, используемых авторами рассматриваемых источников;

4. Изучается восприятие норм / девиаций в родственных отношениях, осуществляется поиск причин, по которым то или иное поведение воспринимается нашими авторами как девиация, предпринимается попытка сопоставить взгляды трех писателей на девиантное поведение родственников с отношением к этому поведению иных представителей описываемых сообществ;

5. Анализируется связь переживания родства с мемориальными практиками и дарообменом, нашедшими отражение в избранных источниках;

6. Исследуется восприятие раннесредневековыми авторами квазиродственных связей в рамках церковной повседневности — связей между церковными служителями (епископами и клиром, монахами и монахинями в монастыре), между прихожанами в условиях духовного родительства, между христианскими святыми и верующими.

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследованных нами источниках, несмотря на достаточно большое количество терминов и передаваемых ими степеней родства, наиболее часто встречаются те, которые относятся к членам нуклеарной семьи. В связи с этим можно говорить о том, что для всех трех авторов (а, скорее всего, и для представителей их социального слоя в целом) центром родственных отношений являлась именно эта родственная группа. Термины, обозначавшие отношения в ее рамках, имели у наших авторов дополнительные коннотации, которые были связаны со степенями родства, передаваемыми ими (общие коннотации отмечаются у всех терминов, передающих одну степень родства).

2. Использование авторами тех или иных терминов родства связано с особенностями восприятия ими системы родственных отношений в рассматриваемых сообществах. Это касается, прежде всего, явления латеральности (учета стороны родства), которая, судя по тексту «Истории франков» утратила свое значение в галло-римском обществе, но сохранила его в сообществе франков, а также, судя по «Церковной истории» и «Истории лангобардов», у англосаксов и лангобардов. В связи с этим, рассказывая о родстве среди франков, Григорий Турский пытается отразить латеральность, чего не делает для галло-римлян. То же самое можно сказать и о понятии законно/незаконнорожденности. В целом, анализ «Истории франков» позволяет заключить, что Григорий Турский воспринимает родство с точки зрения линейного типа системы родства, а Беда Достопочтенный и Павел Диакон — бифуркативно-линейного типа.

3. В восприятии наших авторов основой родственных отношения являлась бессрочная безусловная эмоциональная привязанность, интенсивность, время, место и способы выражения которой в их интерпретации зависели не только от степени родства, но и от существующих в обществе норм.

4. Важную роль в переживании родства в восприятии наших авторов играло понятие долга, отдельные составляющие которого распространялись на тех или иных родственников в зависимости от степени родства. При этом, в случае невозможности исполнения человеком своего родственного долга (в силу смерти, болезни, отсутствия или других причин), его мог брать на себя более дальний родственник, занимавший место этого человека в группе

ближайших родственников *Эго*[72]. Такое «перераспределение» родственных отношений могло осуществляться как добровольно, так и в условиях принуждения со стороны других членов сообщества.

5. Большое значение в конституировании родственного коллектива для наших авторов играли различные коммеморативные практики, включавшие в себя составление генеалогий, имянаречение, кровную месть, традиции и ритуалы, связанные с обрядом похорон и посмертного поминовения. Как и в случае с терминологией, изучение мемориальной традиции показало, что в представлениях наших авторов, она связывала, прежде всего, членов нуклеарной семьи не далее третьего колена, хотя в среде аристократии, практики памятования могли привлекать и более дальних родственников.

6. По мнению наших авторов, важную роль в родственных отношениях знати играл и обмен дарами, который был одним из средств актуализации и укрепления родственных связей в условиях политической нестабильности, обеспечения верности союзническим отношениям.

7. Наши авторы демонстрируют неоднозначное восприятие девиаций в отношениях между родственниками. Хотя, на первый взгляд, круг поступков, относящихся к таковым, имеет довольно четкие контуры (убийства, распри, инцест и ряд других), отношение к отклоняющемуся от нормы поведению со стороны авторов в каждом конкретном случае может зависеть от его обстоятельств, и служит средством манифестации отношения автора к своим героям.

8. Родственный коллектив в целом играл большую роль в жизни индивида. Отношения внутри коллектива родственников выстраивались, в первую очередь, на основе долга. Именно родственные связи человека и его статус в коллективе родственников определяли его положение в сообществе. Хотя случаи взаимодействия отдельных родственников в наших источниках описываются чаще, чем отношения человека с родственным коллективом в целом, отсутствие последнего интерпретируется в качестве серьезной проблемы.

9. Сравнительный анализ наших источников отражает растущую роль т. н. квазиродственных отношений в рамках христианской церкви. Хотя моделью для этих связей служат кровнородственные отношения, во всех рассматриваемых «Историях» именно они изображаются как «идеальные», которым необходимо подражать в мирской жизни.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты данного исследования могут использоваться в дальнейших научных исследованиях как по смежной тематике, так и по более широкому кругу проблем, связанных с изучением истории позднеантичного и раннесредневекового обществ, их социальных и культурных компонентов, интеллектуальной

[72] Под *Эго* в настоящем исследовании имеется ввиду субъект родственных отношений, выступающий в качестве отправной точки родственной связи или центра родственной группы.

истории, а также при сравнительном анализе данных, связанных с родственными отношениями в более ранние или более поздние периоды европейского прошлого. Материалы и выводы, представленные в данной работе, могут использоваться при разработке курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров, учебников и учебных пособий по истории Раннего Средневековья, источниковедению и историографии, культурной антропологии, исторической социологии и демографии.

Апробация результатов исследования. Материалы, положенные в основу диссертационного исследования, были апробированы в рамках конференций и круглых столов в ИМОМИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (2014-2018 гг.); международной конференции «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание» (Нижний Новгород, 2018 г.); VI-VII конференций «VITA MEMORIAE: теория и практики исторических исследований» (Нижний Новгород, 2018 г.); XXII научной конференции по антиковедению и медиевистике «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие» (Ярославль, 2019 г.); всероссийской научной конференции «Современные методы изучения культуры — XI» (Москва, 2019); XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Казань, 2019 г.); семинаре «Способы и функции репрезентации родства в средневековых текстах» (г. Нижний Новгород); VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2019 г.); международных Дьяковских чтениях (г. Москва, 2019 г). Результаты исследования отражены в серии научных публикаций автора.

Соответствие шифру (паспорту) специальности. Диссертация соответствует специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира и Средних веков) и, в частности, таким предметным областям, как: 3. История Средних веков (история Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы); 7. Всеобщность и специфика исторических процессов и явлений; 8. История цивилизации, стран, народов и регионов; 9. Исторические традиции и инновационные преобразования; 10. Сравнительно-исторические исследования; 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности. Социум и человек. 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности и т.п.) 19. Личность в истории. Персоналии. 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история. 21. История культуры и образования. 22. История религии и церкви.

Структура диссертации определяется сформулированными выше исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и

литературы. В первой главе анализируется историография по вопросам, связанным с отношениями родства. Рассматриваются работы, посвященные родству в традиционных обществах Античности, влиянию христианства на опыт переживания родства в позднеантичный и раннесредневековые периоды, освещаются основные направления исследований по истории семьи и родства на средневековом Западе, проблемам норм и девиаций в сфере семейно-родственных отношений (прежде всего детоубийству и ицестуальным связям), анализируются труды по истории семьи и родства в обществах франков, англосаксов и лангобардов. Во второй главе подробно исследуются термины, отражающие отношения кровного родства (по прямой линии в соседних поколениях, через поколение, через два и более поколения, через несколько поколений, кровное непрямое родство в одном поколении и в соседних поколениях). Выявляются особенности употребления терминов и их дополнительные коннотации, формулируются гипотезы относительно специфики систем терминов родства, нашедших отражение в анализируемых текстах. Третья глава посвящена рассмотрению специфики восприятия и переживания родства в восприятии трех церковных писателей Раннего Средневековья. В ее рамках рассматриваются такие вопросы как чувства и эмоции, связанные с переживанием индивидуальных родственных связей, сферы «должного», «вероятного» и «недопустимого» в родственных отношениях, роль мемориальных практик и обмена дарами в поддержании родственных уз, переживание индивидом родственных связей с коллективом и роль коллектива в жизни индивида, формирование и функционирование квазиродственных связей. В Заключении подводятся итоги исследования, обобщаются результаты, полученные при анализе рассмотренных источников, освещаются возможные перспективы дальнейшего изучения темы. В качестве отдельного тома помещаются приложения, наглядно иллюстрирующие выводы данного исследования.

Глава 1. Историографические аспекты изучения институтов родства в первые столетия средневековья

1.1. Изучение родства в высоких культурах Античности: ключевые проблемы и направления исследований

Систематическое исследование родства и родственных отношений началось во второй половине XIX в. Первые работы, посвященные этой проблематике, создавались на стыке истории и этнографических (антропологических) исследований. Исследователей, прежде всего, интересовали проблемы характера и этапов развития семейно-родственных и брачных коллективов, а также вопросы их происхождения и степени соотношения с родственными коллективами современности.

Работой, заложившей основу научного изучения родства, стал вышедший в 1861 г. труд швейцарского юриста И.Я. Бахофена «Материнское право»[73]. Бахофен был сторонником социального эволюционизма. Используя данные античной мифологии, он доказывал тезис об эволюционном развитии брачно–семейных отношений от «гетеризма» (промискуитета) к «гинекократии» и «патернитету». Важным вкладом Бахофена в изучение вопросов родства стало предположение о господстве на ранних стадиях истории человечества матриархата, проявлениями которого он считал материнский счет родства и материнское права при невозможности точного установления отцовства. Все это, по его мнению, приводило к гинекократии, т.е. власти женщин (матриархату)[74]. Эволюционную теорию развития форм

[73] Bachofen J.J. Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861.

[74] Г.С. Марков считает, что концепция «матриархата как власти женщин в обществе» не изобретение Бахофена, а результат неправильной трактовки его работы (см. Марков Г.Е. От истоков немецкой этнологии к ее расцвету: Вопросы теории // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 110). Я.–К. Биллигмейер указывает на синонимичность терминов матриархат и матрилинейность в работах Бахофена (см. Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer // Trends in History. 1985. Vol. 3, No. 3. P.10). С критикой теории материнского права и «гинекократии» позже выступили в т.ч. два известных соотечественника Бахофена В. Шмидт и Р. Турнвальд (см. Марков Г.Е. Немецкая этнология: учебное пособие для ВУЗов. М., 2004. С. 129, 182). Так Р. Турнвальд считал, что материнское право вообще не связано с властью женщин (см. Марков Г.Е. Немецкая этнология. С. 183). Британский антрополог Р. Бриффо, напротив, был сторонником идей Бахофена. В своей книге «The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions» (Briffault R. The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. N. Y., 1927) на обширном материале он не только доказывает предшествие матриархата патриархату, но и идет дальше, утверждая, что матери гораздо больше повлияли на эволюцию общества, чем отцы (им сформулирован т.н. закон Бриффо — «Briffault's law»). Идеи Бахофена и Бриффо получили особую популярность среди феминисток. Британская исследовательница М. Мюррей в своей работе «Royal Marriage and Matrilineal Descent» (Murray M. Royal Marriage and Matrilineal Descent // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1915. Vol. 45. P. 317–325) на материале древнеегипетских и древнеримских исторических источников, а также Библии, доказывала существование матрилинейности у «цивилизованны» народов и ее связь с наследование по женской линии. В частности, она утверждает, что близкородственные браки в среде знати были способом сохранения наследства в рамках одной семьи в условиях материнского счета родства. В 1932 г. Х. Лайнер — одна из крупнейших представительниц движения феминисток — опубликовала книгу «Mothers and Amazons: the first feminine history of culture» (Diner H. Mothers and Amazons: the Erst Feminine History of Culture. N. Y., 1965), которая стала одной из первых попыток анализа истории человечества с позиций феминизма. Автор, вслед за Бахофеном и Брифо, утверждала существование матриархата и/или главенствующей роль женщин в доисторических обществах. Схожие идеи в 1970–х гг. были высказаны Э. Морган в ее работе «The Descent of Woman» (Morgan E. The Descent of Woman. L., 1972). В своей статье «Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer» Биллигмейер подробно описывает дискуссии исследователей второй половины XX в. по поводу существования матриархата как периода доминирования женщин в обществе и матрилинейности (см. Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P.11–12). О происхождении и развитии теории матриархата в XIX в., о попытках ученых из различных сфер с ее помощью доказать превосходство патриархальной семьи, и об использовании ее

брака и концепцию эндо- и экзогамии предложил в своей работе «Первобытный брак»[75] Д.Ф. Мак-Леннон. По его мнению, для наиболее ранней формы брака было характерно умыкание невест, полиандрия, матрилинейность, чему предшествовал изначальный промискуитет[76]. Семья как прочное объединение родителей и детей появилась достаточно поздно. Ее выделению предшествовало создание племен, затем родов/кланов, в рамках которых уже образовывались семьи[77].

Противником эволюционного развития родственных коллективов был Г.С. Мейн, который на основе изучения древнейших правовых источников выдвинул теорию патриархальной семьи как основной ячейки человеческого общества, базирующейся на частной собственности и власти отца. Он первым сформулировал постулат о несводимости отношений кровного родства к биологическим компонентам[78]. Финский исследователь Э.А. Вестермарк, отвергая промискуитет, групповой брак и предшествование материнского счета родства отцовскому, признавал экзогамию в качестве основы формирования семейных коллективов. В ее основе, по его мнению, лежало отсутствие полового влечения между лицами противоположного пола, воспитывавшимися совместно, что является следствием реакцией на вредные последствия инцеста («эффект десенсибилизации Вестермарка»)[79].

Уже первые исследования проблематики родства продемонстрировали комплексный характер связанных с ним проблем, разрешение которых было затруднительно без привлечения инструментария исторической науки[80]. Библиография этих исследований

идеологами феминистского движения см. Eller C. Gentlemen and Amazons: The Myth of Matriarchal Prehistory, 1861–1900. Berkeley, 2011.

[75] См. McLennan J.F. Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies. Edunburgh, 1865.

[76] Мак–Ленон, как и Бахофен, считал, что на заре человеческого общества господствовал матриархат. К этому выводу он пришел самостоятельно, т.к. с работами немецкого ученого познакомился только в 1866 г., через год после публикации «Первобытного брака» (см. об этом Pembroke S.G. The Early Human Family: Some Views 1770–1870 // Classical Influences on Western Thought A.D. 1650–1870. Cambridge, 1977. P. 284–285; McLennan, John Ferguson (1827–1881) // The Routledge Dictionary of Anthropologists. L., 2011. P. 15–16).

[77] Основываясь на выводах Бахофена и Мак–Ленона, Л.Г. Морган разработал теорию эволюционизма в антропологии (см. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935). Он поддерживал теорию Бахофена о матриархате/матрилинейности как изначальном состоянии человеческого общества (см. об этом Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P. 10). Также Морган разделял концепцию эволюционного развития семьи и промискуитете как его отправной точки, хотя и предложил собственную схему этого процесса, трактовку соотношения семьи и рода, племени как экзогамной и рода как эндогамной группы родственников. П.Л. Белков, оценивая этот вклад Л.Г. Моргана в развитии антропологии, говорит, что он «изобрел родство» как предмет антропологии (см. Белков П.Л. Австралийские системы родства. Основы типологии и элементарные преобразования. СПб. 2013. С.10).

[78] Maine H.S. Ancient Law, Its Connection with the Early History of Society, and Its Relation to Modern Ideas L., 1861. Мейн утверждал, что в трактовке категорий родства биологические узы были далеко не главными, а определяющее значение имели отношения власти–подчинения. Он же впервые обозначил проблему соотношения «крови и почвы» в первобытной социальной структуре.

[79] Westermarck E.A. The History of Human Marriage. L., 1891. Теория Вестемарка остается актуальной и сейчас. Например, основываясь на ней, С. Эпштейн высказал предположение, что рост популярности услуг кормилец в Генуе в XIV в. мог способствовать ослаблению врожденного отсутствия полового влечения между детьми, воспитывавшимися вместе, особенно если кормилица была приходящей (см. Epstein S. The Medieval Family: A Place of Refuge and Sorrow // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Memory of David Herlihy. Ann Arbor, 1996. P. 405–428).

[80] Так, одну из первых попыток изучения родства у древних греков предпринял сам Д.Ф. Мак-Леннон. В своей работе «Kinship in Ancient Greece» (McLennan J.F. Kinship in Ancient Greece // Fortnightly Review. 1866. Vol. 4. P. 569–588, 682–691) исследователь пытался на материале истории Древней Греции доказать, выводы, сделанные им в «Первобытном браке». В мифах, эпосе и исторических источниках он находит следы матриархата, промискуитета, экзогамии и группового брака у древних греков.

огромна[81], поэтому в нашей работе мы ограничимся анализом только работ, посвященных вопросам, непосредственно связанных с нашей темой. В период раннего Средневековья европейское общество находилось на этапе формирования новой цивилизации на базе

Вывод Мак-Ленона об изначальной матриархальности греческого общества, нашел как сторонников, так и противников среди исследователей, и активно обсуждался на протяжении всего XX в. Идею шотландского ученого поддерживал, например, Ф. Энгельс (см. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. СПб., 2009. С. 128), который под матриархатом понимал матрилинейность в сочетании с господством женщин в социальной структуре общества, и первооткрыватель минойской цивилизации сэр А. Эванс (цит. по: Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P. 12). Противником существования матриархата у древних греков был английский историк Г. Роуз (см. Rose H.J. On the Alleged Evidence for Mother–Right in Early Greece // Folklore. 1911. Vol. 22, No. 3. P. 277–291; idem. Prehistoric Greece and Mother–Right // Folklore. 1926. Vol. 37, No. 3. P. 213–244). Дискуссия по этому вопросу была осложнена как отсутствием общепринятого понимания термина «матриархат» (верховенство женщин в обществе, матрилинейность, матрилокальность, или все вышеперечисленное вместе), так и влиянием идеологии феминизма на исследователей. С середины 1980-х гг. споры по этому вопросу свелись к попыткам установить степень влиятельности женщин в обществе. К. Томас считает, что Крит в Минойскую эпоху был матриархальным, а Микенская Греция — нет, в Темные века статус женщины оставался очень низким (см. Thomas C.C. Matriarchy in Early Greece: The Bronze and Dark Ages // Arethusa. 1973. Vol. 6. P. 173–195). Б. Олсен указывает на разницу в женской иконографии минойской и микенской культур: в позднеминойской живописи женщины преимущественно находятся вне дома, а в изображении микенских женщин преобладает мотив женщины–матери, что может косвенно свидетельствовать в пользу различной роли женщин в этих обществах (см. Olsen B.A. Women, Children and the Family in the Late Aegean Bronze Age: Differences in Minoan and Mycenaean Constructions of Gender // World Archaeology. 1998. Vol. 29, No. 3. P. 380–392). Выводы К. Томас были подвергнуты сомнению Ш. Диксон, которая ссылалась на то, что доводы Томас основываются главным образом на том факте, что в микенской Греции почитались женские божества, существовали культы, к отправлению которых допускались только женщины, а их жрицы пользовались большим влиянием в обществе, что вовсе не означает матриархальность общества (цит. по Downing M. Prehistoric Goddesses the Cretan Challenge // Journal of Feminist Studies in Religion. 1985. Vol.1, No. 1. P. 10). Свое согласие с этой точкой зрения выразила и С. Поумрой (см. Pomeroy S.B. A Classical Scholar's Perspective on Matriarchy // Liberating Women's History. Chicago, 1976. P. 217–23). Биллигмейер, в свою очередь, критиковал С. Томас за поверхностный анализ используемых источников (см. Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P. 18). Он попытался вновь вернуть дискуссию в русло обсуждения матрилинейности. Изучение микенских письменных источников, позволило ему предположить существование матрилинейности среди низших классов в Пилосе, а также одинаковую важность материнской и отцовской линии родства в высших слоях этого общества (подробнее см., например, в Billigmeier J.–Ch., Turner J.A. The socio–economic roles of women in Mycenean Greece: A brief survey from evidence of the linear b tablets // Women's Study. 1981. Vol. VIII. P. 3–20; кратко его выводы представлены в Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P. 15). Вслед за ним в своей статье 1991 г. «Kinship Structures in Greek Heroic Dynasties: The House of Atreus and the House of Labdacus» Ж.-П. Дармон намекает на матрилинейность лабдаков, хотя и не говорит об этом прямо (см. Darmon J.–P., Honigsblum G. Kinship Structures in Greek Heroic Dynasties: The House of Atreus and the House of Labdacus // Greek and Egyptian Mythologies. Chicago and L., 1991. P. 103–105).

Поиски матриархата продолжились на различных стадиях развития греческой цивилизации. Греческое общество Темных веков, по мнению Финли, было патриархальным, состоящим из прочных моногамных семей. Женщины полностью зависели от своих мужей и сурово наказывались за измену (Finley M.I. The World of Odysseus. N. Y., 1954). С его выводами не согласен К. Хирвонен, который находит в поэмах Гомера (главном источнике по истории Темных веков) исключительно следы матриархата и матрилинейности (Hirvonen K. Matriarchal Survivals and Certain Trends in Homer's Female Characters. Helsinki, 1968). Примирить две эти точки зрения пытается С. Поумрой, которая указывает на возможность равного положения полов в обществе, но также упоминает отсылки к матриархату в Идиале (см. Pomeroy S.B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves. Women in Classical Antiquity*. N. Y., 1975. P. 16–56; см. также Billigmeier J.–Ch. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer. P. 17; о дальнейшей дискуссии подробнее см. ibid. P. 17).

Что касается периода Классики, то в настоящее время его патрилинейность не вызывает сомнений у исследователей. Однако в этот период существовали и ἀγχιστεία (группа, которую образовывали кровные родственники Эго с материнской и отцовской стороны). Исследуя роль групп родственников по мужской линии (descent group) и ἀγχιστεία, а также их функций в афинском обществе в архаический и классический период, Р. Литтмэн пришел к выводу, что группа кровных родственников по мужской линии исполняла политические и военные функции, а ἀγχιστεία играла важную роль в социальной сфере, экономике и внутрисемейных отношениях (Littman R.J. Kinship in Athens // Ancient Society. 1979. Vol. 10. P. 5–31).

Положение женщин в обществе отличалось в зависимости от полиса. Господствует точка зрения, что афинянки обладали определенной властью внутри своей семьи и через нее могли влиять на все сферы жизни Афин, а спартанки вмешивались в дела государства даже публично (см. подробнее Pomeroy S.B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves*; см. также eadem. Spartan Women, N. Y., 2002; Kunstler B. Family Dynamics and Female Power in Ancient Sparta // Rescuing Creusa: New Methodological Approaches to Women in Antiquity. Lubbock, 1987. P. 31–48). О положении женщин в обществе Древней Греции см. также Schaps D. Economic Rights of Women in Ancient Greece. Edinburgh, 1979; Cantarella E. Pandora's Daughters: the Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore, L., 1987; Kotlinska-Toma A. Women in the Hellenistic Family: The Evidence of Funerary Epigrams // Families in the Greco-Roman World. L., N., 2012. P. 106–120. О проявления полового, социального, этнического и других видов неравноправия в рамках οἶκος'а и их взаимовлияние см. в Sjöberg B.L. More Than Just Gender: The Classical Oikos as a Site for Intersectionalit // Families in the Greco-Roman World. L., N. Y., 2012. P. 48–59. О переживание материнства в Древней Греции см. в Demand N.H. Birth, Death, and Motherhood in Classical Greece. Baltimore, 1994.

[81] См., например, библиографию, составленную антропологом Г.В. Джебелем: URL: http://kinshipstudies.org/indo-european/indo-euro-biblio/html.

античной римской и древнегерманской культур при сильным воздействие на нее христианского учения. В связи с тем влиянием, которое на формирование социальных институтов, связанных с отношениями родства в европейской средневековой цивилизации, оказало их развитие в Древнем Риме, представляется целесообразно рассмотреть работы, посвящённые их изучению[82]. Однако до середины XX в. изучение этого вопроса сводилось к главам в общих трудах по истории Древнего Рима[83]. Начиная с 1960–х гг. исследователи обращаются к изучению особенностей семьи в разные периоды римской истории, семей различной классовой принадлежности или различных аспектов семейных и родственных отношений.

Одним из первых сомнению подвергается сам характер римской семьи: была она расширенной или нуклеарной[84]. Этот вопрос не имеет однозначного ответа по сей день. Американские исследователи Р. Сэллар и Б. Шо попытались опровергнуть господствовавший ранее взгляд на римскую семью как расширенную и патриархальную с сильной *patria potestas* и доказать на основе анализа надгробных надписей, что среди населения западной части Римской империи преобладали нуклеарные семьи, членов которых связывало осознание взаимного долга, эмоциональная привязанность и наследование[85]. Р. Сэллар также выступил против устоявшегося мнения о том, что роль родственников Эго со стороны отца и матери были строго определены[86]. Точку зрения Р. Сэллара и Б. Шо разделяют большинство ведущих англоязычных исследователей[87].

---

[82] Поскольку вопросы брака и отношения между супругами и родственнками по свойству выходят за рамки данного исследования, мы не будем подробно освещать связанную с ними историографическую традицию. О них см., например, в Treggiari S. *Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian.* Oxford, 1991; Cantarella E. Roman Marriage. Social, Economic and Legal Aspects // Hoping for continuity. Childhood, Education and death in antiquity and the middle ages. Rome, 2005. P. 25–32; Evans Grubbs J. Women and Law in the Roman Empire. A Sourcebook on Marriage, Divorce and Widowhood. London and N. Y., 2002.

[83] См. об этом Flory M.B. [Rev.]: The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 279 p. // Vergilius, 1987. Vol. 33. P. 138; Saller R.P. [Rev.]: The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 279 p. // Classical Philology, 1988. Vol. 83. No. 3. P. 263; Wiedemann T. [Rev.]: The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 279 p. // The Classical Review, New Series, 1987. Vol. 37, No. 1. P. 65. Р. Сэллер и Б. Шо даже позволили себе заявить, что «римская семья сравнительно редко обращала на себя внимание историков» (Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // Journal of Roman Studies, 1984. Vol. 74. P. 124).

[84] Еще в 1967 г. в своей работе «Law and Life of Rome» Дж. Крук высказался в пользу нуклеарности римской семьи (см. Crook J.A. Law and Life of Rome. L., 1967).

[85] Saller R.P., Shaw B.D. Opp. cit. Исследователи пытались установить, какие отношения связывали умершего и того, кто поставил надгробный камень и, исходя из этого, сделать вывод о том, какие типы семьи были распространены среди жителей западной части Римской империи. При этом, они использовали типологию семьи, предложенную Ф. Ле Пле в его труде «L'Organisation de la Famille» (см. Saller R.P., Shaw B.D. Opp. cit. P. 124; Shaw B.D. Latin Funerary Epigraphy and Family Life in the Later Roman Empire // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1984. Bd. 33, H. 4. P. 457–497). Их выводы, соответствуют выводам большинства историков, полученных на материалах из различных уголков Западной Европы о том, что, насколько позволяют проследить источники, именно нуклеарная семья являлась основным типам семейной организации в этом регионе. В своей статье «Roman Kinship: Structure and Sentiment» Сэллар доказывает несостоятельность произвольных заключений Г. Мэйна, Н.-Д. Фюстель де Куланжа и Г. Моргана о римской семье, сделанных ими на основе римского права и терминов родства, которые позже переняли историки (Saller R.P. Roman Kinship: Structure and Sentiment // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 7–34).

[86] Ibid.

[87] Австралийский историк и один из крупнейших специалистов по данной теме С. Диксон доказывала, что даже *domus*, состоящий из семей двух братьев был нетипичным для Древнего Рима способом организации семейной жизни, как и проживание престарелых родителей совместно с их детьми (в силу низкой продолжительности жизни). *Patria potestas* представлялась ей институтом, который достаточно гибко применяется в реальной жизни. Она отмечает постепенное изменение римского брака в сторону сохранения женой статуса *filia familias* или даже

Итальянский исследователь М. Беттини, напротив, считал, что римская семья имела расширенный характер, а индивид активно взаимодействовал с дядьями и тетками с материнской и отцовской стороны[88]. Анализируя с помощью структуралистического подхода мифологические, литературные и правовые источники, он приходит к выводу о существовании определенных культурных представлений о характере их взаимоотношений. Так, от отца и родственников с его стороны ждали дисциплинаризации, жесткости и эмоциональной сдержанности. Напротив, родственники со стороны матери должны были демонстрировать привязанность, теплоту и даже потакание капризам[89].

приобретения ею юридической самостоятельности (сама Диксон не находит адекватного объяснения такому повороту событий (Dixon S. The Roman Family. Baltimore, 1992. P. 96), не соглашаясь объяснением, предложенным Дж. Халлетт (см. Hallett J.P. Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family. Princeton, 1984)). Отношения детей и родителей, по ее мнению, не были безразличными, хотя больше внимания уделялось взрослым детям. Нестабильность супружеских союзов с частыми разводами и новыми браками, Диксон объясняет тем, что римский брак был гибким и прагматичным институтом, который, в отличие от современных семей, мог легко подстраиваться под изменяющуюся обстановку в обществе (о влиянии нестабильности римского брака на смешение гендерных ролей внутри семьи см. Centlivres Challet C.–E. Pliny the Nephew: Youth and Family Ties Across Generations and Genders // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 7–22). При этом она постоянно подчеркивает необходимость учитывать при анализе материалов источников сложившиеся в историографии стереотипы о римской семье, ее идеал, существовавший в сознании самих римлян, и реальное положение дел (см. Dixon S. The Roman Family). О представлениях римлян о семье см. Dixon S. The Sentimental Ideal of the Roman Family // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. N. Y., 1991. P. 99–113; Treggiari S. Putting the Family Across: Cicero on Natural Affection // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond. Oxford, 2005. P. 9–35; Georg M. Family Imagery and Family Values in Roman Italy // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond. Oxford, 2005. P. 37–66; см. также: eadem. Family and familia on Roman Biographical Sarcophagi // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. 2000. Bd. 107. S. 191–207; Huskinson J. Picturing the Roman Family // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 521–541; Tulloch J.H. Devotional Visuality in Family Funerary Monuments in the Roman World // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 542–563; Larsson Lovén L. Roman Family Reliefs and the Commemoration of Work: Text, Images and Ideals // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 141–157; Mander J. The Representation of Physical Contact on Roman Tombstones // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 64–84; Dasen V. Wax and Plaster Memories: Children in Elite and non-Elite Strategies // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 109–146). Кроме того, С. Диксон обратилась к изучению конфликтов в римской семье как неизбежному отступлению от вышеназванного идеала (см. Dixon S. Conflict in the Roman Family // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 149–168).

Результаты исследования П. Галливаном и П. Уилкинс эпиграфики подтверждают преобладание нуклеарных семей среди жителей Италии. Кроме того, они указывают на то, что чуть менее 90% всех родителей, упоминаемых в надписях, имели двух или одного ребенка. На юге Италии число семей с одним ребенком было больше, чем на севере, большинство упоминаемых детей являются мальчиками (Gallivan P., Wilkins P. Familial Structures in Roman Italy: A Regional Approach // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 239–280). Риддл также ссылается на сведения антропологов, проводивших исследования скелетов женщин, живших в Геркулануме, согласно которым каждая в среднем имела не более двух детей (см. Riddle J.M. Oral Contraceptives and Early–Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages // Past and Present. 1991. No. 132. P. 30). Критику их выводов см. в Cherry D. [Rev.]: The Roman Family in Italy Status, Sentiment. Ed. by B. Rawson, P. Weaver. Oxford: Clarendon Press, 1997. Vol. 1. 378 p. // The Classical Review, New Series. 2000. Vol. 50, No. 1. P. 223.

С критикой методов Сэллара и Шо выступил Д. Мартин, хотя и не рискнул опровергнуть их выводы в целом (Martin D.B. The Construction of the Ancient Family: Methodological Considerations // The Journal of Roman Studies. 1996. Vol. 86. P. 40–60). Анализ обоих подходов см. в Rawson B. The Family in the Ancient Mediterranean: Past, Present, Future // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. Bd. 117. P. 294–296.

[88] См. об этом также Pudsey A., Vuolanto V. Being a Niece or Nephew in an Ancient City. Children's Social Environment in Roman Oxyrhynchos // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 79–96.

[89] Bettini M. Anthropology and Roman Culture. Kinship, Time, Images of the Soul. Baltimore, 1991. Выводы Беттини не были приняты большинством ведущих англоязычных специалистов по римской семье и родству. Критику используемых источников, методов структурализма, применяемых Беттини для их анализа, и полученных выводов см. в Saller R.P. Roman Kinship: Structure and Sentiment. P. 7–34; Dixon S. [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul. Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Echos du monde classique: Classical Views. 1993. Vol. 37, No. 1. P. 85–88; Treggiari S. [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul. Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Phoenix. 1993. Vol. 47, No. 3. P. 274–276; Bradley K. Review Article: Writing the History of the Roman Family // Classical Philology. 1993. Vol. 88, No. 3. P. 237–50. Ответ Беттини на критику Сэллара см. в Bettini M. The Metamorphosis of 'Texts' into 'Sources' in Roman Social History: Some Examples from Richard Saller's Roman Kinship: Structure and Sentiment // Quaderni di storia. 2002. Vol. 56. P. 199–226. О влиянии методов и выводов Беттини на историографию вопроса см. в Nathan G. Extended Family in the Experiences of Ausonius and Libanius // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 243–246. Сам Дж. Натан поддерживает выводы Беттини как о различном

С середины 1980-х гг. предпринимаются попытки изучения отношений между и к отдельным членам римской семьи: Дж. Халлетт рассматривала взаимоотношения дочерей и отцов[90], С. Диксон — положение матерей[91], Р. Сэллар — положение отцов[92], С. Бэннон —

характере отношений индивида с родственниками со стороны матери и отца, так и о расширенном характере римской семьи.

Свое несогласие с доводами сторонников нуклеарного характера римской семьи высказывал и К. Бредли. По мнению американского историка, семьи низших слоев римского общества не имели четких границ, и включали в себя как родителей и их детей, так и других родственников и не родственников. При этом последние (в эпитафиях их часто называли tatae ("папочка") и mammae ("мамочка")), проживающие в одной инсуле с родителями, могли заботиться о детях вместо/вместо них. Семьи римской аристократии и нобилитета также редко были нуклеарными (а если такие и встречались, то либо быстро распадались, либо были частью более крупного объединения родственников и не родственников), отличались крайней нестабильностью из-за договорного характера браков, частого отсутствия эмоциональной привязанности между супругами, родителями и детьми, разводов и повторных браков. Постоянные смерти женщин во время родов, вступление в новые браки, детоубийство и т.д. формировало вокруг Эго группу родственников с запутанными связями, что отражалось в разветвленной терминологии родства. Определенную эмоциональную стабильность давали ребенку отношения с кормилицами и нянями (в т.ч. мужчинами), которые, как правило, были низкого происхождения (Bradley K.R. Discovering the Roman Family: Studies in Roman Social History. N. Y., 1991; см. также idem. Dislocation in the Roman Family // Historical Reflections/Reflections Historiques. 1987. Vol. 14. No. 1. P. 33–62). По мнению Р. Сэллара, Бредли чрезмерно акцентирует внимание на различиях современных нуклеарных семей и ситуации в Древнем Риме, что мешает читателю увидеть определенную преемственность этих структур (Saller R.P. [Rev.]: Keith R. Bradley. Discovering the Roman Family Studies in Roman Social History. N. Y.: Oxford University Press. 1991. 240 p. // The American Historical Review. 1992. Vol. 97, No. 2. P. 528).

[90] Hallett J.P. Opp. cit. Халлетт пыталась найти объяснение противоречивому положению римской аристократки: полностью бесправная в общественной жизни, она имела почти безграничную власть в своей семье. С. Диксон, книга интересна свежим взглядом на проблему, а спорная аргументация должна спровоцировать еще больший интерес к ней (Dixon S. [Rev.]: Judith P. Hallett. *Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family*. Princeton: Princeton University Press, 1984. 444 p. // The American Journal of Philology. 1968. Vol. 107, No. 1. P. 129–130). Ср. выводы Халлет с выводами С. Помрой о роли отца и других кровных родственников в жизни замужней римлянки: Pomeroy S.B. The Relationship of the Married Woman to Her Blood Relatives in Rome // Ancient Society. 1976. Vol. 7. P. 215–227.

[91] С. Диксон обратилась к изучению роли матери в римском обществе, ее образа, правового положения и отношений с детьми. Она отмечает, что статус матери был престижен (особенно в высших слоях общества), в своей семье она обладала над детьми почти такой же властью, как и отец (кроме права отнять у ребенка жизнь). Ее главной целью было воспитание детей в соответствие с римскими ценностями и дисциплинирование их, часто в ущерб формированию эмоциональной привязанности. С другой стороны, закон лишал женщину права решать самой беременеть ей или нет, рожать ребенка или сделать аборт, воспитывать его или отдать на усыновление. Все эти решения принимал ее муж. В случае развода дети, как правило, оставались с отцом. Диксон считает, что между родителями и детьми не существовало глубокой эмоционально привязанности, поскольку основную заботу о них осуществляли рабы (Dixon S. The Roman Mother. Norman and L., 1988). М. Фукс, напротив, считает, что, по крайней мере, между матерью и дочерью существовали близкие взаимоотношения, которые формировались в ходе социализации последней по средством имитации поведения матери (Fuchs M.F. Women and Children in Ancient Landscape // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. P. 95–108). К. Баруэн указывает, что важную роль в процессе воспитания играло поощрение со стороны родителей имитации детьми поведения и поступков их предков, в т.ч. буквальное следование их примерам в ораторстве, политике и военной службе, а также имитация их голоса, поз и походки. Таким образом, не только происходит воспитание гражданина, но и формируется семейная идентичность, а предок «воплощается» в потомке, который становится живым напоминание о нем (см. Baroin C. Remembering one's Ancestors, following in their Footsteps, being like them: The Role and Forms of Family Memory in the Building of Identity // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. P. 19–48).

[92] Американский историк изучает отца с точки зрения права, демографии и литературы. В римском праве *pater familias* — глава семьи с абсолютной властью и непререкаемым авторитетом. Однако демографические данные показывают, что редкий римский мужчина видел своих сыновей взрослыми, что, безусловно, ограничивало его власть над ними. В литературе Сэллар практически не находит следов отца-автократа, напротив, он ассоциируется с любовью и заботой о домашних, он может выпороть рабов, но не детей (Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. N. Y., 1995; см. также Saller R.P. Corporal Punishment, Authority, and Obedience in the Roman Household // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. N. Y., 1991. P. 144–165). Э. Эйбен насчитывает несколько моделей отношений отца и сына в Древнем Риме: от строгости до потакания ребенку. Также он отмечает большое количество письменных источников, содержащих советы отцам по воспитанию детей (Eyben E. Fathers and Sons // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. N. Y., 1991. P. 114–143). См. также Young Ph.R. Catullus on Parenthood // The Classical Journal. 1968. Vol. 63, No. 6. P. 267–268).

Важную роль в этом процессе играла имитация детьми, прежде всего мальчиками, поведения отца. Э.-К. Хардас рассматривала, как проходила социализация ребенка в семьях, где отец, по тем или иным причинам отсутствовал, а его роль исполнялась другим родственником, часто с материнской стороны. Исследовательница приходит к выводу, что подобная ситуация позволяла пересмотреть существующие семейные традиции и влияла на формирование личности ребенка (см. Harders A.-C. Roman Patchwork Families: Surrogate Parenting, Socialization, and the Shaping of Tradition // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. P. 49–72). О роли имитации в социализации детей в Древнем Риме см. также Prescendi F. Children and the Transmission of Religious Knowledge // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 73–94; Mackey J. Roman Children as Religious Agents: The Cognitive Foundations of Cult // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique. L., N. Y., 2017. P. 179–197.

отношения между братьями[93]. Отношения отца с детьми часто рассматривались в связи с *patria potestas*[94]. Внимание исследователей также привлекли римские мачехи в силу их негативного образа, сложившегося в культуре[95], а также пожилые члены семьи[96].

---

[93] Исследовательница затрагивает вопросы влияния наследования на отношения между братьями, важность биологического родства, метафорический перенос этих отношений на неродственников (прежде всего, любовников), их роль в политике (на примере Цицеронов, Сципионов и Гракхов), в военных конфликтах (особенно в случае если братья оказываются по разные стороны (об этом см. также Joseph T. The Disunion of Catullus' "Fratres Unanimi" at Virgil, "Aeneid" 7.335–6 // The Classical Quarterly, New Series. 2009. Vol. 59, No. 1. P. 274–278)), использования «братского» дискурса» в имперской политике. Бэннон утверждает, что фундаментом отношений между этими категориями родственников был *consortium* (архаическая форма партнерского владения братьями семейной собственностью). Институт не сохранился в римском праве, но продолжал, по ее мнению, определять отношения между родственниками (Bannon C. The Brothers of Romulus: Fraternal pietas in Roman Law, Literature, and Society. Princeton, 1997).

[94] Лэйси, сравнивая греческую и римскую семью, высказал мнение, что именно на *patria potestas* была основана римская государственность, которая, по его мнению, стала отражение семейной организации (Lacey W.K. Patria Potestas // The Family in Ancient Rome: New perspectives. Ithaca, 1986. P. 121–144; критику доводов Лэйси см., например, в Saller R.P. [Rev.]: Jane F. Gardner. Women in Roman Law and Society. Indianapolis: Indiana University Press. 1986. 281 p.; The Family in Ancient Rome: New Perspectives. Ed. by B. Rawson / Ithaca: Cornell University Press, 1986. 279 p. // Classical Philology. 1988. Vol. 83, No. 3. P. 263–269). До середины XX в. исследование *patria potestas* проводилось в основном на материале правовых источников, что давало однобокую картину всесильного отца, каждому повелению которого дети (особенно сыновья) были обязаны подчиняться беспрекословно, не смотря на его и свой возраст и общественное положение. Одним из первых подобный взгляд на положение отца семейства оспорил Дж. Крук, который рассмотрел положение *pater familias* с точки зрения его религиозных функций, права жизни и смерти над детьми и права распоряжения собственностью. Ученый приходит к выводу, что образ римского отца семейства, такой, каким он представлялся историкам ранее, не мог существовать в реальности. Хотя представления об идеальной семье оставались весьма устойчивыми на протяжении существования Республики, общественное мнение само создавало рамки дозволенного в поведении *pater familias*, ограничивая его *patria potestas* (Crook J. Patria Potestas // The Classical Quarterly, New Series. 1967. Vol. 17, No. 1. P. 113–122). А. Арьява обращает внимание на положение института *patria potestas* в Позднеантичный период: продолжал ли он существовать, вошел ли в практику семейной жизни неримских народов империи (особенно после 212 г. н.э., когда все ее жители получили римское гражданство), как повлияли на него миграционные процессы, потрясения III в. н.э. и вульгаризация римского права. Он приходит к выводу, что «отцовская власть» продолжила свое существование в законодательстве как важный элемент регулирования наследования. Нашла свое место *patria potesta* и в жизни граждан империи, которые, однако, воспринимали ее скорее, как инструмент опеки и наблюдения, а не абсолютного контроля над жизнью детей (Arjava A. Paternal Power in Late Antiquity // The Journal of Roman Studies. 1998. Vol. 88. P. 147–165). Р. Сэллар исследовал образа *pater familias* в римских источниках и сравнивал с тем, который сложился в историографии и публицистике. Он указывает на то, что этот термин в основном встречается в правовых источниках и крайне редко в литературе. При этом его основное значение в обоих источниках — «владелец имущества», без какой-либо отсылки к семейным отношениям. Не находит Сэллар и параллелей в значении терминов *pater familias* и *mater familias* (Saller R.P. Pater Familias, Mater Familias, and the Gendered Semantics of the Roman Household // Classical Philology. 1999. Vol. 94, No. 2. P. 182–197). Д. Шо разоблачил два распространенных мифа о *patria potestas*: законодательное закрепление за отцами права жизни и смерти над их детьми и конкретное его воплощение в обряде поднимания новорожденного с земли (Shaw B.D. Raising and Killing Children: Two Roman Myths // Mnemosyne, Fourth Series. 2001. Vol. 54, Fasc. 1. P. 31–77). У. Харрис насчитал всего 11 возможных случаев реализации отцами права убить своего ребенка в истории Древнего Рима. Он указывает на противоречие между очевидным негативным отношением общества к этому праву, с одной стороны, и его сохранением в римском законодательстве, с другой. Исследователь считает, что причиной его «живучести» могло быть символическое значение этого права для осуществления социального контроля за повелением детей или консерватизм законодательства (см. об этом также Harris W.V. The Roman Father's Power of Life and Death // Studies in Roman Law in Memory of A. Arthur Schiller. Leiden, 1986. P. 81-95).

О возможных ограничениях *patria potestas* см., например, Махлаюк А.В. Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху Империи // Вестник древней истории. 2007. № 1. С. 130–142 (в статье также содержится анализ подходов историков к *patria potestas*); Gallia A.B. Vestal Virgins and Their Families // Classical Antiquity. 2015. Vol. 34, No. 1. P. 74–120. О конфликтах в семье на почве применения *patria potestas*, особенно между отцами и дочерями в вопросах замужества и развода см. Evans Grubbs J. Parent–Child Conflict in the Roman Family: The Evidence of the Code of Justinian // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond. Oxford, 2005. P. 92–128

[95] М. Грей-Фау считает, что хотя римляне и не были создателями образ жестокой мачехи, но они не только не отказались от него, но также, по мнению автора, передали его европейской культуре (Gray–Fow M.J. The Wicked Stepmother in Roman Literature and History: An Evaluation // Lutomus. 1988. Vol. 47. P. 741–757). Свое несогласие с мнение Грей-Фау высказал Д. Ной, который подчеркивает, что жестокость римской мачехи проявлялась, главным образом, в попытках отнять имущества пасынка/ов в пользу свою или своих детей, тогда как европейские мачехи в основном проявляли свою злобу и зависть в повседневной жизни и изводили только дочерей. Корни римского мифа о мачехе он видит в заимствовании ее образа представителями элиты из греческой мифологии, тогда как европейские представления — продукт фантазии беднейших слоев (Noy D. Wicked Stepmothers in Roman Society and Imagination // Journal of Family History. 1991. Vol. 16. P. 345–361). См. также Giangrande G. The Stepmother Motif in Catullus // Eranos. 1975. Vol. 73. P. 109–111. П. Уотсон отмечает, что, хотя жестокая мачеха постоянный персонаж в литературных источниках, она практически не упоминается в речах ораторов, что объясняется строгим законодательным регулированием прав наследования (захват наследства пасынка одна из причин козней мачехи). Напротив, она находит свидетельства теплых отношений между женщиной и детьми ее мужа, хотя и отмечает, что чаще взаимопонимание существовало между мужчиной и детьми его жены от первого брака. Причины предвзятого отношения к мачехам она видит в страхе потери наследства детей от первого брака, общем женоненавистничестве и распространенном предубеждении против

С недавних пор особое внимания исследователей обращают на изучение детей и детства в Древнем Риме[97]. Большой вклад в исследование этого вопроса внесли Б. Росон, К. Бредли[98], С. Диксон и другие ученые. Б. Росон в рамках исследования семей низших слоев римского общества обратилась к изучению положения *vernae* (ребенок–раб, рожденный в *familia*)[99] и *alumni* (приемный ребенок)[100]. В 2003 г. Росон выпустила комплексное исследование,

повторных браков мужчин с детьми (Watson P.A. Ancient Stepmothers: Myth, Misogyny and Reality. Leiden, 1995). О средневековых мачехах см. в Kasten B. Stepmothers in Frankish Legal Life // Law, Laity, and Solidarities: Essays in Honour of Susan Reynolds. Manchester, 2001. P. 47– 67).

[96] Т. Паркин рассматривает общее отношение к пожилым родителям со стороны членов их семьи и их положение в семье, средства, на которые они жили, степень их зависимости от детей в различных обстоятельствах. Его главный вывод заключается в том, что престарелые члены семьи по своему статусу напоминали детей, если не имели собственных средств к существованию, т.к. римское законодательство не знало аналогов современных пенсии и социальной защиты (Parkin T. Out of Sight, Out of Mind: Elderly Members of the Roman Family // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 123–148; см. также idem. Old Age in the Roman World: A Cultural and Social History. Baltimore, 2003). См. об этом также: Mulder T. Adult Breastfeeding in Ancient Rome // Illinois Classical Studies. 2017. Vol. 42, No. 1. P. 227–243; Laes C. Grandmothers in Roman Antiquity: A Note on Avia Nutrix // Melita Classica. 2015. Vol. 2. P. 99–113; Vuolanto V. Grandmothers in Roman Egypt // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2017. Vol. 57, No. 2. P. 372–402.

[97] Первым полноценный анализ детства и жизни детей в Древнем Риме попытался сделать Т. Видеманн (Rawson B. [Rev.:] Wiedemann T. Adults and Children in the Roman Empire. New Haven: Yale University Press, 1989 // The American Historical Review. 1991. Vol. 96, No. 3. P. 852–853). Он не только рассматривает различные способы, которыми дети отграничивались от взрослых в частной и общественной жизни, праве, образовании, занятии должностей, религиозной жизни и труде, но и стремится проследить, как и когда ребенок превращается во взрослого (Wiedemann T. Adults and Children in the Roman Empire. L., 1989). См. об этом также McWilliam J. The Socialization of Roman Children // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 264–285. Дж. Тонер считает, что большое значение в социализации детей в Древнем Риме имели игры, которые были одновременно и средством сопротивления взрослению и основным способом «отработки» взрослого поведения (Toner J. Leisure as a Site of Child Socialisation. Agency and Resistance in the Roman Empire // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 99–115). М. Харлоу утверждала, что детская одежда могла не только передавать возрастной статус, но и помогала конструировать гендерную принадлежность и моделировать у детей соответствующее поведение (Harlow M. Little Tunics for Little People: the Problems of Visualising the Wardrobe of the Roman child // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 43–59). Римские игрушки, по мнению Ф. Долански, напротив, не имели гендерной специфики, а придавать им ее могло детское воображение (см. Dolansky F. Roman Girls and Boys at Play: Realities and Representations // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 116–136). О правовом положении детей в Древнем Риме см., например, в Vuolanto V. Child and Parent in Roman Law // Oxford Handbook for Roman Law and Society. Oxford, 2016. P. 487–497. Подробный историографический очерк о детях и детстве в Древнем Риме см. в Vuolanto V. Children in the Roman World: Cultural and Social Perspectives. A Review Article // Arctos. 2014. Vol. 48. P. 435–450.

[98] К. Бредли сосредоточил свое внимание на изучении роли кормилец, нянек и воспитателей обоего пола в жизни ребенка в Древнем Риме, их функциях, социальной принадлежности, отношениях с подопечными и т.д. Исходя из специфики источниковой базы, речь в его работах идет в основном о семьях аристократии. Бредли приходит к выводу, что забота о детях не была исключительно женским занятием, что персонал в основном набирался из низших слоев общества или даже рабов, что между кормилицей/няней/воспитателем и ребенком очень часто возникала эмоциональная привязанность, которой были лишены отношения родителей и детей. См., например, Bradley K.R. The Nurse and the Child at Rome: Duty, Affect and Socialization // Thamyris. 1994. Vol. 1. P. 137–156. Данная тема остается очень популярной среди исследователей, см., например, Joshel S.R. Nurturing the Master's Child: Slavery and the Roman Child–Nurse // Signs. 1986. Vol. 12, No. 1. P. 3–22; Aly A.A. The Wet Nurse: A Study in Ancient Medicine and Greek Papyri // Vesalius. 1996. Vol. 2, No. 2. P. 86–97; Dasen V. Childbirth and Infancy in Greek and Roman Antiquity // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 291–314; Morgan T. Ethos: The Socialization of Children in Education and Beyond // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 504–520; Beerden K., Naerebout F.G. Roman Brestfeeding? Some Thoughts on a Funerary Alter in Florence // The Classical Quarterly, New Series. 2011. Vol. 61, No. 2. P. 761–766; Marshall C.W. Breastfeeding in Greek Literature and Thought // Illinois Classical Studies. 2017. Vol. 42, No. 1. P. 185–201; Parca M. The Wet Nurses of Ptolemaic and Roman Egypt // Illinois Classical Studies. 2017. Vol. 42, No. 1. — P. 203–226). К. Бредли также изучал роль домашних животных в воспитании детей (см. Bradley K.R. The Sentimental Education of the Roman Child: the Role of Pet–Keeping // Latomus. 1998. T. 57, Fasc. 3. P. 523–557), детские сны (см. idem. Children and Dreams // Childhood, Class and Kin in the Roman World. L., 2001. P. 43–51), болезни и способы их лечения (см. idem. The Roman Child in Sickness and in Health // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond. Oxford, 2005. P. 67–92).

[99] Об отношения с такими детьми и к таким детям их хозяев см. подробнее в Mencacci F. Modestia vs. licentia: Seneca on Childhood and Status in the Roman Family // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. P. 223–244.

[100] Rawson B. Children in the Roman Familia // The Family in Ancient Rome: New Perspectives. Ithaca, 1986. P. 170–200. См. также eadem. Degrees of Freedom: Vernae and Junian Latins in the Roman familia // Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 195–222. Исследования Росон продолжил П. Вивер. Он пытался установить количество семей свободнорожденных римских граждан, которые были потомками рабов. На основании анализа среднего возраста вступления в брак/рождения детей и получения свободы рабами, он приходит к выводу, что только очень небольшое количество их детей были свободнорожденными. Большинство из них получали статус *Junian Latins* со всеми вытекающими препятствиями к полному римскому гражданству (Weaver P.R.C. Children of Freedmen (and Freedwomen)? // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. N. Y.,

посвященное римским детям, в котором она показывает, как дети воспринимались римлянами[101], из чего состоял их жизненный цикл, как проходило их обучение[102], игры и т.д. Исследовательница демонстрирует, что они были желанными, ценными членами общества[103]. Главный вывод австралийской исследовательницы заключается в том, что римляне рассматривали детство как особый период в жизни человека, заслуживающий внимания.

Отдельному изучению подверглась реакция на смерть родственников и особенно детей[104]. Дискуссионным остается вопрос о том, горевали ли родители в период Античности о своих детях вообще. Так, К. Бредли высказал мнение, что смерть взрослых детей переживалась сильнее, чем маленьких[105], Р. Сэллар утверждал, что жители сельской местности чаще ставили надгробные плиты в память о маленьких детях, чем об отпрысках других возрастов[106], что степень родительской привязанности можно проследить по

1991. P. 166–190; idem. Children of Junian Latins // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 55–72). Х. Сигизмунд-Нельсон считает, что в жизни детей низших классов важную роль играла принадлежность к *domus*'у, которая могла дать им чувство защищенности и стабильности (см. Sigismund-Nielsen H. Slave and Lower-Class Roman Children // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 286-301). Дальнейшее исследование детей и детства Б. Росон см. в Rawson B. Adult–Child Relationships in Roman Society // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome. N. Y., 1991. P. 7–30.

Кроме этих категорий детей-рабов, существовали также дети–любимцы (*delicia*), функции которых могли быть различны. К. Лас, рассматривая упоминания о таких детях в «Сильвах» Стация, приходит к выводу, что они могли быть частью саморепрезентации их хозяина. В частности, когда речь идет о *delicia*, имеющем рабский статус, тот подчеркивает его уникальные, выдающиеся качества или намекает на его нерабское происхождение, если же ребенок был вольноотпущенником, то он старался скрыть его рабское происхождение. Все это, по мнению исследователя, было связано со стремление Стация создать определённое впечатление о себе в глазах окружающих (см. Laes Ch. Delicia-Children Revisited: The Evidence of Statius' Silvae // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 245–272). О delicia см. также idem. Desperately Different? Delicia Children in the Roman Household // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 298–326.

[101] Во многом с подачи Росон тема иконографии и восприятия детей в изобразительном искусстве, литературе и фольклоре приобрела популярность среди исследователей. См., например, Rawson B. The Iconography of Roman Childhood // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 205–232; eadem. Children as Cultural Symbols: Imperial Ideology in the Second Century // Childhood, Class and Kin in the Roman World. L., 2001. P. 21–42; Diddle Uzzi J. Children in the Visual Arts of Imperial Rome. N. Y., 2005; eadem. The Power of Parenthood in Official Roman Art // Hesperia Supplements. 2007. Vol. 41. P. 61–81; Bradley K.R. Images of Childhood: The Evidence of Plutarch // Plutarch's Advice to the Groom and A Consolation to His Wife. Oxford, 1999. P. 183–196; Laes Ch. Children and Fables, Children in Fables in Hellenistic and Roman Antiquity // Latomus. 2006. T. 65, Fasc. 4. P. 898–914; Constructions of Childhood in Ancient Greece and Italy. Princeton, 2007; Golden M. Children in Latin Epic // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 249–263; Larsson Lovén L. Children and Childhood in Roman Commemorative Art // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 302–321. Исследователи начали предпринимать попытки изучения того, как дети воспринимали себя сами (см., например, Golden M. Other People's Children // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 262–275; Bloomer W.M. Becoming a Roman Student // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 166–176). Б. Росон также одной из первых обратилась к изучению проблемы незаконорожденных детей в римском обществе (Rawson B. Spurii and the Roman View of Illegitimacy // Antichthon. 1989. Vol. 23. P. 10–41).

[102] Об этом см., например, Hopkins K. Everyday Life for the Roman Schoolboy // History Today. 1993. Vol. 43. P. 25–30; Dionisotti C. From Ausonius' Shooldays? A Schoolbook and its Relatives // Journal of Roman Studies. 1982. Vol. 72. P. 83–125.

[103] Ср., например, с выводами К. Ласа о роли физического контакта в отношениях детей и взрослых в Древнем Риме (см. Laes Ch. Touching Children in Roman Antiquity: the Sentimental Discourse and the Family // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 60–78).

[104] Гораздо менее изученной остается реакция детей на смерть родственников и других лиц из их окружения. См. об этом, например, Horn C.B. Children and the Experience of Death in Late Antiquity and the Byzantine World // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 300–317.

[105] См. Bradley K.R. [Rev.:] Keith Hopkins. Death and Renewal: Sociological Studies in Roman History, Vol. 2. N. Y.: Cambridge University Press, 1985. 276 p. // Classical Philology. 1986. Vol. 81. No. 3. P. 267.

[106] См. Saller R.P., Shaw B.D. Opp. cit. P. 130, 138. См. также Carroll M. "No Part in Earthly Things". The Death, Burial and Commemoration of Newborn Children and Infants in Roman Italy // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 41–63.

похоронному обряду, что общий уровень привязанности родителей к детям возрос в V в. в Афинах и в Эллинистической Греции, а также в период Поздней Республики[107].

Среди других вопросов, связанных с темой семьи в Древнем Риме[108], можно назвать региональные различия семей Римской империи, степень романизации института семьи на ее территории[109] и особенности семей различных слоев римского общества[110].

---

[107] М. Голден, отвечая на указанный выше вопрос, отметил, что хотя сведения различных источников говорят в пользу родительского горя по умершим детям как в Греции, так и в Риме, но для каждой конкретной культуры и периода интенсивность эмоций, их адресаты, конкретные причины, способы выражения могут отличаться и требуют дополнительного исследования (Golden M. Did the Ancients Care When Their Children Died? // Greece & Rome. 1988. Vol. 35, No. 2. P. 152-163). Дж. Адам и Р. Тоблер, изучавшие с помощью методов Р. Сэллара и Б. Шо, надгробия в римской Британии, приходят к выводам, что члены семьи испытывали друг к другу глубокую эмоциональную привязанность и были очень близки (см. Adams G.W., Tobler R. Romano–British Tombstones between the 1st and 3rd Centuries. Epigraphy, Gender and Familial Relations. Oxford, 2007). К такому же выводу приходит С. Стивенс на основе изучения захоронений младенцев в амфорах в Древнем Риме (см. Stevens S.T. Stages of Infancy in Roman Amphora Burial // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 625–643).

[108] Общие итоги изучения темы подводятся в статьях Росон в коллективных монографиях (см. Rawson B. The Roman Family // The Family in Ancient Rome: New Perspectives. Ithaca, 1986. P. 1–57; eadem. Introduction: Families in the Greek and Roman // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 1–12; eadem. Marriages, Families, Households // The Cambridge Companion to Ancient Rome. 2013. P. 93–109), а также статье Р. Сэллара в «Кембриджской Древней истории» (см. Saller R. Family and Household // The High Empire: A.D. 70–192. Cambridge, 2000. P. 855–874). М. Харлоу и Т. Паркина (см. Harlow M., Parkin T. Looking for the Family: The Greek and Roman Background // Approaches to the Byzantine. L., 2013. P. 1–20). К.–Дж. Хёлкескампа (см. Hölkeskamp K.–J. Under Roman Roofs: Family, House, and Household // The Cambridge Companion to the Roman Republic. N.Y., 2014. P. 113–138).

[109] К. Бредли посвятил изучению этого вопроса на материале сочинений Апулея две свои работы. В «Romanitas and the Roman Family: The Evidence of Apuleius's Apology» им рассматривается процесс романизации семьи на примере небольшого горда Эа в Триполитинии. Бредли демонстрирует на примере семьи Пудентиллы как римские ценности и образ жизни продолжают сосуществовать с местными традициями и обычаями, и как римское право используется для их защиты последних (Bradley K. Romanitas and the Roman Family: The Evidence of Apuleius's Apology // Canadian Journal of History. 2000. Vol. 35. P. 215–239). В тоже время в эссе «Fictive Families: Family and Household in the 'Metamorphoses' of Apuleius» он отстаивает тезис о высоком уровне романизации института семьи в Греции имперского периода (Bradley K. Fictive Families: Family and Household in the 'Metamorphoses' of Apuleius // Phoenix. 2000. Vol. 54. No.3–4. P. 282–308). Более того, исследователь утверждает, что типы семьи, которые описываются в Метаморфозах, соответствовали тем, что существовали у самих римлян, и были распространены на всей территории римской империи благодаря процессу романизации (Ibid. P. 282–308). См. также Haase K., Steinacher R. Family Forms and Conflicts in Roman North Africa // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 221–240; Noy D. Foreign Families in Roman Italy // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 145–160; idem. Extended Families and Family Substitutes among Migrants in the Roman World // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 121–136. Keegan P. Traces of the Unfamiliar Epigraphic Evidence for Extended Families on the Margins in Roman Italy // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 121–136.

Большая часть статей в сборнике «The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond», изданном М. Джордж в 2005 г., также была также посвящена проблеме региональных особенностей семей и уровню романизации этого института в различных регионах империи (The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond. Oxford, 2005). См. также Huebner S.R. The Family in Roman Egypt: A Comparative Approach to Intergenerational Solidarity and Conflict. N. Y., 2013; eadem. Egypt as Part of the Mediterranean? Domestic Space and Household Structures in Roman Egypt // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 154–173; Boozer A.L. Towards an Archaeology of Household Relationships in Roman Egypt // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 174–203.

Об особенностях детства в римском Египте см. в Pudsey A. Children in Roman Egypt // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 484–509; idem. Children in late Roman Egypt: Christianity, the Family and Everyday Life // Children and Family in Late Antiquity. Life, Death and Interaction. Leuven, 2015. P. 215–234.

[110] До середины XX в. исследователи в основном рассматривали семьи римской аристократии и нобилитета, т.к. именно о них мы имеем больше всего информации. Полученные данные затем распространялись на все общество в целом. В настоящее время ведется активное изучение семей рабов и представителей низших классов (см., например, Rawson B. Family Life among the Lower Classes at Rome in the First Two Centuries of the Empire // Classical Philology. 1966. Vol. 61, No. 2. P. 71–83; Mouritsen H. The Families of Roman Slaves and Freedmen // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 129–144; Weaver P.R.C. Reconstructing Lower–Class Roman Families // Childhood, Class and Kin in the Roman World. L., 2001. P. 101–114; Dixon S. Familia Veturia: towards a Lower–Class Economic Prosopography // Childhood, Class and Kin in the Roman World. L., 2001. P. 115–128; Martin D. Slave Families and Slaves in Families // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 207–230), солдат (см. Phang S.E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A.D.): Culture, Law, and Practice // Journal of Family History. 2002. Vol. 27. P. 352–373; eadem. The Marriage of Roman Soldiers (13 B.C.–A.D. 235): Law and Family in the Imperial Army. Leiden, 2001; Allison P.M. Soldiers' Families in the Early Roman Empire Italy // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 161–181), семьи крестьян (см., например, Dyson S.L. The Family and the Roman Countryside // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 431–444).

Таким образом, в ходе изучения проблем, связанных с семьей и отношениями родства в Древнем Риме, были накоплен значительный материал, введены в оборот новые виды источников и выработаны методы их анализа, обозначены перспективные направления дальнейших исследований. На сегодняшний день достаточно подробно на различном источниковом материале (эпиграфика, данные археологии, правовые, литературные и исторические сочинения, философские трактаты и т.д.) с применением различных (в т.ч. междисциплинарных) методов изучены римские семьи в разные периоды истории Рима, и семьи различной классовой принадлежности (от сенаторов до семей рабов и солдат). Достаточно подробно были рассмотрены вопросы, относящиеся к институту брака, а также положение различных членов семьи (отцов, матерей, сыновей/дочерей, братьев/сестер, пожилых членов общества, вдов и т.д.), пересмотрено отношение к институту *patria potestas*. Большое количество исследований было посвящено римским детям: от вопросов планирования семьи, до иконографии, игрушек и одежды, а также их роли в различных аспектах жизни общества. Поскольку римская семья как группа родственников была частью *familia* (коллектива, куда входили проживавшие с ними неродственники и рабы), ряд исследователей обратились к изучению роли членов *familia* в жизни семьи. Необходимо отметить, что все больше исследователей считают необходимым учитывать региональную специфику римских семей, особенно по мере расширения Римской империи. В связи с этим с недавних пор много внимания уделяется изучению уровня романизации института семьи в различных провинциях империи. Однако некоторые фундаментальные вопросы, связанные с семьей и родством в Древнем Риме, до сих пор остаются неразрешенными. Прежде всего, гипотетическим остается характер римской семьи в зависимости от состава ее членов (нуклеарная или расширенная). Нет среди исследователей и единого мнения по вопросу о роли родственников с материнской и отцовской стороны в жизни Эго и характере взаимоотношений с ними. Споры вызывает и характер взаимоотношений между членами семьи, в частности их эмоциональная составляющая. Еще одной важной проблемой является консолидация выводов исследователей из различных стран и создание обобщающих трудов по основным вопросам, связанным с жизнью римской семьи на основе большого числа работ, посвященных той или иной узкой проблематике.

1.2. Вопросы влияния христианства на опыт переживания родства в позднеантичный и раннесредневековые периоды

Отдельные аспекты влияния христианского учения на семейно-родственные структуры в период Поздней Античности и Раннего Средневековья изучались с конца XIX в. Однако эти исследования затрагивали в основном вопросы, связанные с каноническим правом и именно

оно было их основным источником[111]. Разработка качественно новой проблематики в рамках данного объекта исследования относится к концу 1980-х гг., когда внимание было обращено на вопросы, связанные с взаимовлиянием раннего христианства и существующих в Поздеантичном мире (II–VI вв.) практик семейных и родственных отношений, использование метафорики родства в риторике раннехристианских теологов, институт духовного родства, его содержание, истоки и этапы его формирования.

Одним из первых вопросов, заинтересовавших исследователей, стал вопрос о возможном влиянии христианства на характере семьи. По мнению Б. Шо[112], которое он составил на основе изучения работ раннехристианских теологов Тертуллиана[113], Киприана Карфагенского и Августина Блаженного, распространение христианства в Римской империи не привело к существенным изменениям в составе семейных структур[114]. Семья, по-прежнему, была нуклеарной и преимущественно состояла из родителей и их детей, будучи при этом неотъемлемой частью более широких образований — *familia* и *domus*. Р. Матисен, К. Лас и В. Вуаланто считают, что в период поздней Античности могли преобладать расширенные семьи[115]. Э. Уолис-Хэдрил указал на то, что согласно данным археологии ранние христиане проживали небольшими сообществами, которые не могут быть адекватно описаны исключительно в категориях нуклеарной или расширенной семьи[116].

Значительное место среди исследований, посвященных влиянию христианства на восприятие родственных отношений, заняло изучение метафорики родства и феномена духовного, основанного на принадлежности к христианской церкви, квазиродства в трудах

---

[111] См. примечание 198.

[112] См. Shaw B.D. The Family in Late Antiquity: The Experience of Augustine // Past & Present, 1987. No. 115. P. 3–51. С этой точкой зрения согласны П. Фулкс, Х. Мокснес (Foulkes P.A. Images of Family Life in the Scriptures // The Way. 1992. Vol. 32. P. 83–92; Moxnes H. What is Family? Problems in constructing early Christian family // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P.13–41.).

[113] Подробнее о взглядах Тертулиана на семью и продолжение рода см. в Сергеева Е.В. Тертуллиан и семья: к внутренней христианской полемике эпохи Северов // Античный мир и археология. 2009. Вып. 6. С. 262–270.

[114] Дж. Натан, оценивая воздействие христианства на идеологию и практику семейной жизни в позднеантичном Риме, приходит к выводу, что оно скорее повлияло на сферу идей, нежели внесло существенные изменения в повседневную жизнь римской семьи (см. Nathan G. The Family in Late Antiquity: The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. N. Y., 2000). Э. Кларк высказала мнение, что те идеалы семейной жизни, которые нашли свое отражение в работах раннехристианских идеологов, были далеки от реалий повседневной жизни сообщества верующих, также, как и приводимые ими примеры упадка языческой морали не могли быть распространены на всех жителей империи (Clark E.A. Antifamilial Tendencies in Ancient Christianity // Journal of the History of Sexuality. 1995. Vol. 5, No. 3. P. 356–380). См. об этом также Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 258-282; Dixon S. Sex and the Married Woman in Ancient Rome // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 111–129. Критику выводов Дж. Натана см. в McGinn Th.A.J. [Rev.:] Nathan G.S. The Family in Late Antiquity, NY, 2000 // The Classical Outlook. 2001. Vol. 78, No. 4. P. 178–179.

[115] См. Mathisen R.W. Epistolography, literary circles and family ties in late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109; Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 58-282.

[116] Wallace–Hadrill A. Domus and Insulae in Rome: Families and Housefuls // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 3–18. Э. Мэйерс указал на то, что в домах в римской провинции Галилея не только отсутствовало деление на мужскую и женскую половину, но и на личные и общедоступные места (Meyers E.M. The Problems of Gendered Space in Syro–Palestinian Domestic Architecture: The Case of Roman–Period Galilee // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 44–72). См. также Trümper M. Material and Social Environment of Greco–Roman Households in the East: The Case of Hellenistic Delos // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, 2003. P. 19–43).

раннехристианских теологов[117]. Настаивая на первостепенном значении для индивида веры и сообщества верующих по сравнению с семьей, раннее христианство активно использовало в своей риторике метафорику родства. Как отмечает Э. Лассен, это позволяло, с одной стороны, сделать христианское учение понятным и близким в различных культурных контекстах. С другой стороны, представление христиан об обществе как о сообществе равных, братьев и сестер[118], противоречило, например, взглядам римлян на себя как иерархический коллектив, состоящий из отцов и детей[119]. К. Санднес указывает на двусмысленность картины отношений между членами семьи и общины верующих, которая создается в Новом Завете. Так, семья предстает как иерархическая структура, тогда как сообщество верующих состоит из равноправных членов (братьев)[120]. Л. Фатум утверждает, что, например, апостол Павел, придерживаясь патриархальных взглядов[121] и исключал женщин из братства христиан[122].

---

[117] Другим важным направлением исследований стало изучение семейного и родственного дискурса в Библии и работах раннехристианских теологов. Об этом подробнее см. в Moxnes H. What is Family? Problems in constructing early Christian family // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 13–41; Guijarr S. The Family in First–Century Galilee // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 42–65; Bartchy S.S. Who Should Be Called Father? Paul of Tarsus between the Jesus Tradition and Patria Potestas // Biblical Theology Bulletin. 2003. Vol. 33. P. 135–47; Foulkes P.A. Images of Family Life in the Scriptures // The Way. 1992. Vol. 32. P. 83–92; Lampe P. Family in Church and Society of New Testament Times // Affirmation (Union Theological Seminary in Virginia). 1992. Vol. 5. P. 1–20; Hennessey L.A. Sexuality, Family, and the Life of Discipleship: Some Early Christian Perspectives // Chicago Studies, 1993. Vol. 32. P. 9–31; Family in the Bible: Exploring Customs, Culture, and Context. Grand Rapids, 2003; Punt J. "All in the Family?" The Social Location of New Testament Households and Christian Claims on "Traditional Family Values" // Acta Patristica et Byzantina. 2010. Vol. 21, No. 2. P. 152-175); Esler Ph.F. Sex, Wives, and Warriors: Reading Biblical Narrative with Its Ancient Audience. Eugene, 2011; Osiek C. The Family in Early Christianity: Family Values Revisited // The Catholic Biblical Quarterly. 1996. Vol. 58. No. 1. P. 1–24; eadem. The New Testament Teaching on Family Matters // Hervormde Teologiese Studies. 2006. Vol. 62, N 3. P. 819–843; eadem. What We Do and Don't Know About Early Christian Families // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 198–213; eadem. Roman and Christian Burial Practices and the Patronage of Women // Commemorating the Dead: Texts and Artifacts in Context. Studies of Roman, Jewish and Christian Burials. B., N. Y., 2008. P. 243–70; Osiek C., Belch D. Families in the New Testament World: Households and House Churche. Louisville, 1997; Osiek C., MacDonald M.Y. A Woman's Place: House Churches in Earliest Christianity. Minneapolis, 2006; Tate J.C. Christianity and the Legal Status of Abandoned Children in the Later Roman Empire Tate // Journal of Law and Religion. 2008/2009. Vol. 24, No. 1. P. 123–141; Cooper K. The Household as a Venue for Religious Conversion: The Case of Christianity // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 185–197; Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. Oxford, 1993; Barton S.C. The Relativisation of Family Ties in the Jewish and Graeco–Roman Traditions // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 81–102; Barclay J.M.G. The Family as the Bearer of Religion in Judaism and Early Christianity // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 66–80; Jacobs A. A Family Affair: Marriage, Class, and Ethics in the Apocryphal Acts of the Apostles // Journal of Early Christian Studies. 1999. Vol. 7, N. 1. P. 105–138; Ahearne–Kroll S.P. "Who Are My Mother and My Brothers?" Family Relations and Family Language in the Gospel of Mark // Journal of Religion. 2001. Vol. 81, No. 1. P. 1–25.

[118] См. об этом подробнее Esler Ph.E. Family Imagery and Christian Identity in Gal 5:13 to 6:10 // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 121–149.

[119] Lassen E.M. The Roman Family: Ideal and Metaphor // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 103–120.

[120] Sandnes K.O. Equality within Patriarchal Structures: Some New Testament Perspectives on the Christian Fellowship as a Brother– or Sisterhood and a Family // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 150–165.

[121] Д. Боссман считает, что взгляды апостола Павла на духовное родство между христианами существенно отличалось от его изображения в Евангелиях. Он отдает предпочтение традиционной семейной организации, подчеркивая отношения отец-сын между Богом и Иисусом, который управляет домом отца как его старший сын и которому обязаны подчиняться остальные члены семьи, т.е. христиане. Между членами духовной семьи, по его мнению, должны преобладать братские отношения, которые должны были нивелировать их идентификацию с другими группами вне христианской общины (см. Bossman D.M. Paul's Fictive Kinship Movement // Biblical Theology Bulletin. 1996. Vol. 26, No. 4. P. 163–171). P. Аасгаард предполагает, что идеи и язык для описания сообщества христиан были заимствованы апостолом Павлом у Плутарха (Aasgaard R. Brotherhood in Plutarch and Paul: Its Role and Character // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 166–182.). Подробнее об использовании апостолом Павлом метафорики братства см. Aasgaard R. "My Beloved Brothers and Sisters!" Christian Siblingship in Paul. L., 2004. См. также Frilingos Ch. "For My Child, Onesimus": Paul and Domestic Power in Philemon // Journal of Biblical Literature. 2000. Vol. 119, No. 1. P. 91–104.

[122] Fatum L. Brotherhood in Christ: A Gender Hermeneutical Reading of 1 Thessalonians // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 183–200. Подробнее об использовании апостолом Павлом метафорики братства см. Aasgaard R. "My Beloved Brothers and Sisters!" Christian Siblingship

Однако, как указывает Дж. Пунт, несмотря на важную роль, которую концепт братства играл в укреплении единства семьи и конструировании ее идентичности, это не означало полного равенства ее членов и отказа от иерархии отношений внутри нее[123].

Дж. Хеллерман, подробно исследовав «семейный» язык раннехристианских теологов (апостола Павла, Климента Римского, Игнатия Богоносца, Иустина Философа, Клемента Александрийского и др.) с использованием методов социологии, пришел к выводу, что все рассмотренные им христианские мыслители считали предпочтительными братско–сестринские отношения как модель для построения взаимодействий между верующими, поскольку именно сиблинги[124] считались ближайшими родственниками индивида в Средиземноморье. При этом новые квазиродственные узы (fictive kinship, surrogate kinship) считались более важными по сравнению, например, с браком. Однако эта модель, по мере укрепления позиций церкви в обществе и государстве, постепенно уступает место патриархальной «семейной» организации, которая отчасти подрывает равенство верующих, вводя отношения господства и подчинения среди христиан. Этот процесс исследователь считает неизбежным в силу ее преобладания в общественном сознании индивидов. В целом все христиане должны были относится друг к другу как братья, а Бог, церковь и епископы воплощали в себе родительскую власть. Эти узы фиктивного родства должны были быть для верующего важнее долга перед кровными родственниками[125].

Значительное влияние христианство оказало на восприятие брака и отношений супругов. Ф. Мартин считает, что в Новом Завете брак изображается как особый институт, созданный Господом для усвоения необходимости послушания и подготовки к грядущему наступлению Царствия Небесного на земле[126]. Э. Кларк, рассматривая взгляды Августина Блаженного на брак, которые с незначительными изменениями господствовали в христианской теологии до середины XII в., приходит к выводу, что, хотя первичным для него было духовное единение и любовь между супругами, борьба с противниками семьи и деторождения заставила его признать в качестве допустимых и даже необходимых сексуальные отношения и рождение

in Paul; Frilingos Ch. Opp. cit.; Castelli E.A. Imitating Paul: A Discourse of Power. Louisville, 1991. P. 98–111, 115–17; Punt J. Pauline Brotherhood, Gender and Slaves: Fragile Fraternity in Galatians // Neotestamentica. 2013. Vol. 47, No. 1. P. 149–169; Osiek C. Growing Up Female in the Pauline Churches: What Did She Do All Day? // Early Christianity in Pompeian Light: People, Texts, Situations. Minneapolis, 2016. P. 3–22. О взглядах апостола Петра на различные аспекты жизни христианина, в т.ч. семью, браки и разводы, власть *pater familias*, а также усыновление и наследование см. в сборнике «Paul in the Greco–Roman World: A Handbook» (Paul in the Greco–Roman World: A Handbook. Harrisburg, 2003).

[123] Punt J. He is heavy... He's my Brother: Unravelling Fraternity in Paul (Galatians) // Neotestamentica. 2012. Vol. 46, No. 1. P. 153–171. См. об этом также Horrell D.G. From ἀδελφοί to οἶκος θεοῦ: Social Transformation in Pauline Christianity // Journal of Biblical Literature. 2001. Vol. 120, No. 2. P. 293–311.

[124] Сиблинги, сибсы — дети одних родителей.

[125] Hellerman J.H. The Ancient Church as Family. Minneapolis, 2001.

[126] См. Martin F. Marriage in the Biblical Period: The Old Testament and Intertestamental Period // Christian Marriage: A Historical Study. N. Y., 2001. P. 1–49; idem. Marriage in the Biblical Period: The New Testament // Christian Marriage: A Historical Study. N. Y., 2001. P. 50–100.

детей[127]. Г. Олсон указывает на важность изучения «оправданий» необходимости брака в трудах раннесредневековых теологов, которые должны были уравновесить негативные и позитивные с точки зрения христианства стороны брака, и распространению взгляда на безбрачие клириков как необходимое условие их служения[128]. Д. Мартин, обращаясь к вопросу восприятия христианами сексуальности в браке, отмечает доминирующее негативное к ней отношение у отцов церкви и раннехристианских теологов[129].

Отдельно рассмотрения заслужили вопросы, связанные с влиянием христианства на законодательство Римской империи. Дж. Эванс Грабс оспаривает распространенный вывод о том, что семейное законодательство императора Константина стало следствием стремления императора инкорпорировать христианские ценности в римское право[130]. Исследовательница утверждает, что целью законодателя, напротив, было укрепление традиционных римских традиций, что император действовал не под влиянием христианского учения, а опирался на существовавшие в обществе потребности. В целом Эванс Грабс приходит к выводу, что взгляды христиан на брак и их брачные церемонии мало отличались от местных обычаев. Такого же мнения о влиянии христианства на позднеантичное законодательство придерживается Дж. Натан, который указывает на то, что вносимые изменения могут быть гораздо легче объяснены исходя из римских традиций, отношение самих христиан к браку не так уж сильно отличалось от римского и потому, что в этот период внутри христианства еще не сформировались четкие представления о браке[131]. Дж. Тэйт утверждает, что христианство начало оказывать влияние на позднеантичное законодательство не ранее V в.[132]

С. МакКормак прослеживает влияние христианства на изменение римского законодательства, преимущественно в части наследования и регулирования института духовного родства. В целом исследовательница приходит к выводу, что новые институты и отношения, появившиеся под влиянием христианства в Римской империи, основывались на тех, что уже существовали в обществе (важности принадлежности к сообществу, родства, социальных обязательств), хотя в своем развитии они значительно видоизменились по сравнению с их римскими[133]. М. Куфлер, в свою очередь, говорит о необходимости

[127] Clark E.A. Adam's Only Companion: Augustine and the Early Christian Debate on Marriage // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World. Albany, 1991. P. 15–31.
[128] Olsen G. Progeny, Faithfulness, Sacred Bond: Marriage in the Age of Augustine // Christian Marriage: A Historical Study. N. Y., 2001. P. 101–145; idem. Marriage in the Barbarian Kingdom and the Christian Court // Christian Marriage: A Historical Study. N. Y., 2001. P. 146–112.
[129] Martin D.B. Paul without Passion: On Paul's Rejection of Desire in Sex and Marriage // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 201–215. См. также Uro R. Asceticism and Anti–Familial Language in the Gospel of Thomas // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor. L. and N. Y., 1997. P. 216–234.
[130] Evans Grubbs J. Law and Family in Late Antiquity. The Emperor Constantine's Marriage Legislation. Oxford. 1995. См. об этом также Corcoran S. The Sins of the Fathers: A Neglected Constitution of Diocletian on Incest // Journal of Legal History. 2000. Vol. 21. P. 1–34.
[131] См. Nathan G. The Family in Late Antiquity: *The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition*. P. 185–89.
[132] См. Tate J.C. Opp. cit. P. 123–141.
[133] MacCormack S. Sin, Citizenship, and the Salvation of Souls: The Impact of Christian Priorities on Late–Roman and Post–Roman Society // Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39, No. 4. P. 644–673.

рассмотреть возможность влияния римского законодательства на взгляды ранних христиан на брак[134]. А. Арьява указывает на отсутствие существенного влияния христианства на позднеантичное законодательство в отношении женщин[135], и на то, что римское семейное законодательство сохранялось почти без изменений даже в варварских королевствах[136]. В. Вуоланто также указывает, что распространение христианства не повлияло на правовое положение детей[137].

Длительную дискуссию, продолжающуюся до настоящего времени, вызвал закон императоров Валентиана I и Валента II, запрещавший браки между римлянами и варварами под угрозой тяжелого наказания[138]. Спорными являются вопросы, на кого распространялся этот закон (всех иностранцев, только тех, кто не имел римского гражданства или не был потомком римлянина), какова была цель законодателей, применялся ли он в реальной жизни и насколько эффективно работал, какое влияние он оказал на общество. Большинство исследователей толкуют его, как накладывающий строгий запрет на все союзы (coniugium, nuptia, copulatio) между любыми представителями указанных народов[139]. К. Блокли, напротив, считает, что, по крайней мере, в среде аристократии такие браки практиковались[140], Р. Матисен – что он запрещал браки только между отдельными категориями римских граждан и варваров (gentiles и provinciales) в связи с их различным законодательным и правовым положением, а также со сложностью определения статуса потомства от таких браков[141]. Что касается причин, то Р. Сарачи предполагает, что закон был призван помешать смешению римского населения и варваров, служащих империи, в условиях враждебных отношений с алеманнами. Религиозные различия, по его мнению, не могли быть основным препятствием для таких браков, часто выгодных с политической точки зрения. В дальнейшем закон из временного превратился в постоянный и действовал в некоторых варварских королевствах. В результате, количество браков между этими категориями населения в IV–VI вв. было незначительным[142]. Х. Сиван выдвигает предположение, что введение такого закона вестготами было вызвано политическими мотивами и связано с враждебными отношения с

[134] Kuefler M.S. The Marriage Revolution in Late Antiquity: The Theodosian Code and Later Roman Marriage Law // Journal of Family History. 2007. Vol. 32. P. 343–70.
[135] Arjava A. Women and Law in Late Antiquity.
[136] eadem. The Survival of Roman Family Law After the Barbarian Settlements // Law, Society, and Authority in Late Antiquiti. Oxford. 2001. P. 33–51.
[137] Vuolanto V. Selling a Freeborn Child: Rhetoric and Social Realities in the Late Roman World // Ancient Society. 2003. Vol. 33. P. 169–207.
[138] Феодосием I также были запрещены браки между христианами и евреями. Любой подобный брак признавался прелюбодеянием. Х. Сиван считает, что этот закон был принят под давлением наиболее консервативной части христианских епископов и раввинов (см. Sivan H. Why Not Marry a Jew? Jewish–Christian Marital Frontiers in Late Antiquity // Law, Society and Authority in Late Antiquity. Oxford. 2001. P. 208–219; idem. Rabbinics and Roman Law: Jewish–Gentile/Christian Marriage in Late Antiquity // The Romanian Economic Journal. 1997. Vol. 156. P. 59–100).
[139] См. Mathisen R.W. Provinciales, Gentiles, and Marriages between Romans and Barbarians in the Late Roman Empire // The Journal of Roman Studies. 2009. Vol. 99. P. 142.
[140] Blockley C. Roman–barbarian marriages in the Late Empire // Florilegium. 1982. Vol. 4. P. 63–79.
[141] Mathisen R.W. Provinciales, Gentiles, and Marriages between Romans and Barbarians in the Late Roman Empire P. 140–155. n. 10.
[142] Цит. по: Blockley C. Opp. cit. P. 63–64, 72.

франками, которым и запрещались браки с римлянами во владениях вестготов в Галлии, а не со стремление к сохранению вестготами или римлянами этнической чистоты[143], угрозой заговоров против правительства[144] или с антагонизмом между арианами–вестготами и римлянами, большинство из которых были сторонниками Никейского символа веры[145].

Христианство оказало значительное влияние на восприятие детей и детства, и отношения между родителями и детьми[146]. Дж. Кларк считала, что в христианском учении произошла значительная переоценка детства в связи с изменением его соотношения с период взрослости[147]. В греко–римском мере взрослый человек отличался от ребенка интеллектом, самоконтролем и самостоятельностью. По мнению античных философов, разумность и мудрость сближали человека с богами, детскость же ассоциировалась с глупостью. Напротив, раннехристианские теологи побуждали новообращенных взрослых воспринимать себя в качестве новорожденных, беспомощных и невежественных в вопросах религии и зависящих от отцовского наставления священников и епископов[148]. Параллельно происходила переоценка родительства: отсутствие детей больше не считалось трагедией, а духовное родительство считалось даже более важным, чем биологическое; деторождение связывалось с грехом, забота о детях – с мирскими заботами. Авторитет отца отступал перед желанием дочери соблюдать целибат[149]. Кроме того, христианство создало практику посвящения детей Богу через передачу их монастырю (oblation), альтернативную оставлению ребенка (exposition), которая открывала значительные возможности перед ним. Подобно женщинам, дети получили право посветить свою жизнь Богу и стать монахами даже вопреки желанию их семей[150]. При этом взрослым приходилось учитывать их желания, а ведя соответствующий

[143] См. об этом Liebeschuetz W. Citizen Status and Law in the Roman Empire and the Visigothic Kingdom // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden, 1998. P. 131–152; Ripoll Lopez G. The Arrival of the Visigoths in Hispania: Population Problems and the Process of Acculturation // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden, 1998. P. 153–187;

[144] Mathisen R.W. Provinciales, Gentiles, and Marriages between Romans and Barbarians in the Late Roman Empire P. 143, n. 17.

[145] Sivan H. The Appropriation of Roman Law in Barbarian Hands: 'Roman–Barbarian' Marriage in Visigothic Gaul and Spain // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden, 1998. P. 189–203. См. об этом также Kuefler M.S. The Marriage Revolution in Late Antiquity: The Theodosian Code and Later Roman Marriage Law. P. 349–350; Sivan H. Why Not Marry a Barbarian? Marital Frontiers in Late Antiquity // Shifting Frontiers in Late Antiquity. Aldershot, 1996. P. 136–145.

[146] Анализ историографии, методологических проблем и перспектив исследования см. также в Aasgaard R. Children in Antiquity and Early Christianity: Research History and Central Issues // Familia. 2006. Vol. 33. P. 23–46. См. также Jacobs A. Fathers Know Best? Christian Families in the Age of Asceticism // Journal of Early Christian Studies. 2003. Vol. 11, No. 3. P. 257–263.

[147] Clark G. The Fathers and the Children // Studies in Church History. 1994. Vol. 3. P. 1–27.

[148] См. в качестве примера рассуждения Диона Хрисостома (см. Leyerle B. Appealing to Children // Journal of Early Christian Studies. 1997. Vol. 5, No.2. P. 243–270; Guroian V. The Ecclesial Family: John Chrysostom on Parenthood and Children // The Child in Christian Thought. Grand Rapids, 2001. P. 61–77). См. об этом также Huskinson J. Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and Its Social Significance. Oxford, 1996. P. 120. Анализ использования метафорики детства апостолом Павлом см., например, Aasgaard R. Paul as a Child: Children and Childhood in the Letters of the Apostle // Journal of Biblical Literature. 2007. Vol. 126, No. 1. P. 129–159; McNeel J.H. Paul as Infant and Nursing Mother: Metaphor, Rhetoric, and Identity in 1 Thessalonians 2:5–8. Atlanta, 2014. О метафорике детства в христианском дискурсе см. также Horn C.B., Martens J.W. "Let the Little Children Come to Me": Childhood and Children in Early Christianity. Washington, 2009. P. 41–68.

[149] О неоднозначной позиции отцов в раннехристианской доктрине см. Destro A., Pesce M. Fathers and Householders in the Jesus Movement: The Perspective of the Gospel of Luke // Biblical Interpretation. 2003. Vol. 11, No. 2. P. 211–238.

[150] См. об этом подробнее в Vuolanto V. Children and Asceticism. Strategies of Continuity in the Late Fourth and Early Fifth Centuries // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages. Rome, 2005.

образ жизни (например, став мучеником или участвуя в обращении язычников[151]) могли восприниматься как равные взрослым[152]. В целом, однако, повседневная жизнь детей в христианских семьях, по мнению Кларк, не отличалась серьезно от жизни детей–язычников[153]. Например, она придерживается мнения, что, как и в семьях язычников, отношения христиан и их детей не характеризовались сильной эмоциональной привязанностью[154].

P. 119–132. Распространение идеалов аскетизма внесло изменения в практику памятования родителей и предков, т.к. биологическое продолжение рода больше не имело для нее решающего значения, поскольку духовая награда, достигаемая путем аскезы, считалась более привлекательной, чем коммеморация, которую будут осуществлять дети (см. Vuolanto V. Children and the Memory of Parents in the Late Roman World // Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 173–194). Дальнейшее изучение распространения аскетизма в римском обществе привело исследователя к выводу, что, воспринимаясь как альтернатива семье и источник значительного символического капитала, эта практика стала со временем считаться одной из возможностей для укрепления и поддержания традиционных семейных ценностей. Являясь сторонником непрерывности развития общества, Вуоланто считает, что в условиях его трансформации под влиянием христианства аскетизм стал основой для формирования новой семейной идентичности через ее членов-аскетов. Родители могли демонстрировать двойственное отношение к этой практике, поощряя выбор в пользу аскетизма для одних детей и мирскую жизнь для других. Это, с одной стороны, позволяло создать условия для биологического продолжения рода, а с другой, использовать престиж аскетизма и коммеморацию аскетов как способ обеспечения преемственности семейной самоидентификации. Разделяя в целом взгляд М. Беттини на разное отношение с детьми у отца и матери, исследователь утверждает, что матери, менее заинтересованные в сохранении семейного имени, с большей симпатией и поддержкой относились к выбору детей в пользу аскетизма, отцы же чаще были сторонниками семьи и деторождения. Большее количество женщин-аскетов Вуоланто объясняет тем, что они должны были сделать свой выбор достаточно быстро в связи с ранним брачным возрастом. Мужчины же вступали в брак позже и имели больше времени на приобретение жизненного опыта и принятия решения (см. Vuolanto V. Children and Asceticism in Late Antiquity: Continuity, Family Dynamics, and the Rise of Christianity). Об отношении самих детей к выбранному для них родителями аскетическому будущему см., например, в Caseau B. Resistance and Agency in the Everyday Life of Late Antique Children (3rd-8th century CE) // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 217–231. О плюсах и минусах пребывания в монастыре и ранней аскезы для ребенка и самого монастыря см. в Giorda M.C. Children in Monastic Families in Egypt at the End of Antiquity // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 232–246.

[151] См. об этом, например, Horn C.B. The Lives and Literary Roles of Children in Advancing Conversion to Christianity: Hagiography from the Caucasus in Late Antiquity and the Middle Ages // Church History. 2007. Vol. 76, No. 2. P. 262–297; Hayward P.A. Suffering and Innocence in Latin Sermons for the Feast of the Holy Innocents, c. 400-800 // Studies in Church History. 1994. Vol. 31. P. 67–80. Они также могли выполнять определенные обрядовые функции (см. Leverle B. Children and "the Child" in Early Christianity // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 559-779).

[152] Однако это не приводило к восприятию их как самоценных индивидуальностей. См., например, анализ отношения Иеронима Стридонского к св. Павле Младшей, когда она была ребенком (Katz Ph.B. Educating Paula: A Proposed Curriculum for Raising a 4th-Century Christian Infant // Hesperia Supplements. 2007. Vol. 41. P. 115–127). Б. Лейер отмечает определенную двойственность в восприятии детей в христианстве: с одной стороны, они считались идеальными учениками, изначально обладающими добродетелями, необходимыми для аскезы; с другой стороны, им было свойственно отсутствие дисциплины, эмоциональность и страстность, увлечение земными заботами (см. Leverle B. Children and "the Child" in Early Christianity; см. также Stortz M.E. "Where or When Was Your Servant Innocent?": Augustine on Childhood // The Child in Christian Thought. Grand Rapids, 2001. P. 78–102; Hayward P.A. Opp. cit.; Macdonald M.Y., Vaage L.E. Unclean but Holy Children: Paul's Everyday Quandary in 1 Corinthians 7:14c // The Catholic Biblical Quarterly. 2011. Vol. 73. No. 3. P. 526–546). Ср. с точкой зрения О. Бакке, который считает, что Отцы церкви воспринимали детей как невинных созданий, способных искренне почитать бога, обладающих моралью личностей с чувством собственного достоинства. Все это делало их, наравне со взрослыми, достойными спасения души (см. Bakke O.M. When Children Became People: The Birth of Childhood in Early Christianity. Minneapolis, 2005). Неоднозначное отношение к детям могло быть следствием восприятия учения Нового Завета (см. об этом Gundry-Volf J.M. The Least and the Greatest: Children in the New Testament // The Child in Christian Thought. Grand Rapids, 2001. P. 29–60). О детях и детстве в Библии см. Strange W.A. Children in the Early Church: Children in the Ancient World, the New Testament and the Early Church. Carlisle, 1996; idem. Children, Church and Family in Early Christianity // Journal Journal of Beliefs & Values. 1996. Vol. 17. P. 36–40; The Child in the Bible. Grand Rapids, 2008.

[153] П. Балла, сравнивая восприятие детьми своего долга перед родителями в позднеантичном мире среди язычников и христиан, приходит к выводу, что оно было аналогичным в эллинистической литературе и Старом Завете, с некоторым усилением значения почтения в последнем. В классической греческой литературе дети изображаются как боящиеся, уважающие и почитающими своих родителей. Этот порядок воспринимается как установленный и поддерживаемый богами и выражается через послушание в юности, заботу о престарелых родителях и организацию для них достойного погребения, которое подразумевало почитание родителей как божеств. Новый Завет, по мнению Баллы, не привносит ничего принципиально нового в эту картину. Исследователь утверждает, что обязанность уважать родителей также подчеркивается и в Евангелиях, а ее исполнение не входило в противоречие с долгом христианина перед Богом и общиной верующих (Balla P. The Child-Parent Relationship in the New Testament and Its Environment. Peabody, 2005).

[154] Б. Росон, напротив, отмечает, что римляне в период расцвета своего государства чаще, чем греки, посвящали детям поминальные надписи, из чего исследовательница заключает, что сильная привязанность к детям была нормой в римском обществе на всем протяжении его существования. Среди римских надписей значительное количество было сделано христианами, причем процент их не снижается и в период упадка империи, не смотря на то, что другие категории населения теперь реже посвящали их своим детям (Rawson B. Death, Burial and Commemoration of Children in Roman Italy // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand

К. Хорн и Дж. Мастерс напротив, считают, что в первые века своего существования христианство могло крайне негативно влиять на жизнь ребенка, поскольку обращения часто были индивидуальными и в семье, разделенной на язычников и христиан, могла складываться напряженная атмосфера[155]. Более того, для христиан первичной должна была быть приверженность их новой духовной семье и подчинение Богу, а не биологоческой семье и отцу, что также создавало определенные трудности во взаимоотношениях детей и родителей. С другой стороны, детям в семьях христиан, в отличие от других детей античного мира, не грозило стать жертвой практики expositio, жестокость, сексуальное насилие и эксплуатация[156]. Однако им угрожало мученичество (личное или членов семьи). Жизнь детей-христиан, по мнению исследователей, заметно отличалась от жизни их сверстников. Например, детские игры и игрушки, распространённые в античном мире[157], были переработаны христианами с учетом их религиозных особенностей. Они служили и образовательным целям, знакомя детей с основами религии, также, как и игровая имитация христианских обрядов. Еще одним отличием от детей-язычников, стала возможность безбрачия, однако, как отмечают авторы, здесь дети не всегда были свободны в своем выборе (это решение за них могли принять, например, родители)[158].

В. Вуаланто указывает на то, что в социализации детей-христиан в период Поздней Античности главную роль играло устное наставление от родителей, слуг и других родственников в ходе повседневной жизни семьи, а также передача ими различных историй,

---

Rapids, 2003. P. 277–297). К. Лас также не находит значительных изменений в переживании смерти детей-христиан в возрасте до 15 лет, по сравнению с реакцией на смерть детей-язычников: в эпитафия и тех и других красноречиво описывается горе и недоумении по поводу их ранней смерти и перечисляются их качества. Определенные черты новой религии, а также места расположения эпитафий, являются их основными отличиями (Laes Ch. Grieving for Lost Children. Pagan and Christian // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 315–329). См. об этом также Kreiger J.R. Remembering Children in the Roman Catacombs // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 600–624. С. Харви считает, что христианская риторика в отношении семьи, утверждая вторичность биологической семьи по сравнению с семьей духовной (сообществом верующих), создала механизм, позволивший защитить и укрепить связи между отдельными членами семьи, а именно матерью и дочерью, путем установления между ними также и духовного родства (Harvey S. Sacred Bonding: Mothers and Daughters in Early Syriac Hagiography // Journal of Early Christian Studies. 1996. Vol. 4, N. 1. P. 27-56).

[155] Horn C.B., Martens J.W. Opp. cit. Ср. с O'Roark D. Parenthood in Late Antiquity: The Evidence of Chrysostom // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1999. Vol. 40. P. 53–81.

[156] В. Вуаланто отмечает, что большинство исследователей связывают широкое распространение этой практики с экономической и политической нестабильностью в Период поздней Античности (см. Vuolanto V. Selling a Freeborn Child: Rhetoric and Social Realities in the Late Roman World. P. 204, n. 98). Сам исследователь не считает, что литературные свидетельства позволяют локализовать это явление, как характерное для какого–то конкретного периода времени или территории, связать его с экономическим кризисом или распространением христианства. Он ставит под сомнение существование у pater familias реального права продажи детей в рабство. По мнению Вуаланто, сюжет с продажей детей необходимо рассматривать как литературный топос, указывающий на наступление чрезвычайных обстоятельств в жизни общества.

[157] См. об этом Harlow M. Toys, Dolls, and the Material Culture of Childhood // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 322–340.

[158] В качестве отличительной черты могло выступать дополнительное знакомство с христианским учением, и забота о спасении души. Например, Р. Аасгард считает, что «Евангелие детства от Фомы» было написано специально для обучения детей основам христианства (см. Aasgaard R. The childhood of Jesus. Decoding the apocryphal Infancy Gospel of Thomas. Eugene, 2009). Ф. Кац на основе писем Иеронима Стридонского пытается воссоздать христианскую учебную программу (см. Katz Ph.B. Opp. cit.). В. Вуаланто считает, что в условиях отсутствия системы христианского образования, обучение ребенка становилось обязанностью родителей, прежде всего матерей (см. Vuolanto V. Family Relations and the Socialization of Children in the Autobiographical Narratives of Late Antiquity // Approaches to the Byzantine Family. L., 2013. P. 47–74). Об образовании детей-христиан и его религиозном компоненте см. также Horn C.B., Martens J.W. Opp. cit. P. 116-167.

которые доставляли детям удовольствие и создавали положительный образ христианской культуры. Большое значение имело их участие в религиозных практиках. Разделяя точку зрения М. Беттини, исследователь утверждает, что отцы были для детей неэмоциональными, устрашающими фигурами, а передача культурного опыта осуществлялась через матерей-христианок, поведение которых становилось ролевой моделью для детей[159].

К. Купер предприняла попытку обобщить результаты предыдущих исследований и проследить как в период поздней античности под влиянием христианства проходил процесс трансформации римской семьи в христианскую европейскую семью[160]. Автор рассматривает этот процесс во многом через призму изменения роли и места женщины, прежде всего аристократки–матроны (matrona), в семье. Купер рисует портрет грамотной хозяйки дома, хранящей римские традиции, на которую возложено значительно количество обязанностей, и которая обладает определенной независимостью от мужа. Такое положение во многом обеспечивается действующим римским законодательством.

Главный вывод, к которому приходит исследовательница, заключается в том, что, не смотря на влияние раннехристианской теологической мысли, представительницы высших слоев общества не стояли перед выбором между христианскими ценностями и семьей в традиционном римском понимании. Брак, особенно тот, в котором родились дети, продолжал восприниматься как достойная альтернатива целомудрию. Купер настаивает, что достигнутый многими аристократическими семьями баланс между христианскими идеалами и римскими ценностями, традициями и пониманием семьи сознательно замалчивался в позднейших источниках[161]. Причина этого заключалась в том, что они преимущественно создавались в монастырской среде, а их авторов больше интересовала тема аскетизма и мученичества, чем утверждения преемственности в развитии института семьи.

Зависимость женщины от мужчины развивалась постепенно, и только частично под влиянием христианского учения[162]. Последнее, способствовало перенесению центра тяжести

---

[159] Vuolanto V. Elite Children, Socialization, and Agency in the Late Roman World // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 580–600. См. также idem. Parenting in Late Antiquity: Gendered Roles in Ideology and Everyday Life // Patristica Nordica Annuaria. 2016. Vol. 31. P. 33–51. Ср., например, с ролью в жизни Августина Блаженного его матери Моники (см. Cooper K. Augustine and Monnica // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 7–20). Отцы тоже могли участвовать в образовании детей (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 271–272).

[160] Cooper K. The Fall of the Roman Household. Cambridge, 2007.

[161] К такому же выводу приходят Дж. Эванс Граббс, К. Лас и В. Вуоланто относительно аристократических семей в южной Галлии в период Поздней Античности (см. Evans Grubbs J. Marriage and Family Relationships in the late Roman West // A Companion to Late Antiquity. Oxford, 2009. P. 201–219; Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 258-282).

[162] М. Вердон, критикуя теорию Дж. Гуди о решающем влиянии, которое христианская церковь оказала на развитие семьи и родства в европейском обществе, указывает на то, что церковь не стремилась завладеть имуществом верующих через поощрение целибата и безбрачия, запреты на усыновления и вступление вдов в новые браки. Исследователь считает, что как в вопросе безбрачия, так и в вопросе сохранения вдовьего статуса, церковь продолжила тенденцию расширения прав женщин в вопросах брака: если римские законы позволяли выбирать брачного партнера, то христианство предоставило женщине право не только самой выбирать себе мужа, но и право не выходить замуж вовсе. С этой точки зрения, по его мнению, следует оценивать дальнейшие усилия церкви по помощи вдовам, прославлению девственности и поощрению женского монашеского движения,

семейных отношений с детей и родителей на мужа и жену, таким образом приводя к освобождению детей из–под власти родителей и давало им возможность следовать христианскому аскетическому идеалу. Христианство также использовало эту идею для утверждения нерасторжимости брачного союза, о которой впервые заговорил еще Августин блаженный, но которая начала набирать популярность только в конце V – начале VI вв. н.э.

Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что христианство и распространение его идей в период поздней Античности не оказало значительного влияния на состав, образ жизни и взаимоотношения членов семьи. Идеи отказа от родства, целибата и аскетизма имели ограниченную популярность и преобладали, скорее, в сфере христианской риторики, а не в повседневной жизни. В пользу этого, в частности, может свидетельствовать активное использование метафорики родства в раннехристианском дискурсе. Причиной столь незначительного влияния идей христианства на отношения родства может быть отсутствие единой позиции по связанным с ним вопросам среди самих раннехристианских теологов, а также с условиями жизни общества Римской империи в указанный период. Наибольшее влияние христианство оказало на положение детей и женщин, которые на непродолжительное время превратились в равноправных членов общества, играющих активную роль в его распространении и отправлении культа.

1.3. Основные направления исследований по истории семьи и родства на средневековом Западе

Вопросы родства и семейных отношений в период Средних веков обратили на себя внимание исследователей еще в конце XIX – начале XX в[163]. Первоначально они обсуждались в рамках исследований, посвященных попыткам реконструкции социальных структур у древних германцев на основе правовых традиций и генезиса феодализма[164].

увеличения числа родственников, брак с которыми был запрещен канонически законом. Однако, если женщина выбирала брак, то церковь передавала ее в полное подчинение мужу, что устраивало мужчин и примиряло их с политикой церкви в отношении запрещения принуждения к браку (Verdon M. Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity // Man. 1988. V. 23, №3. P. 488–505). О пример защиты женщины со стороны церкви см. в Koptev A. The "Raptor" and the Disgraced Girl in Sidonius Apollinaris' "Epistula" V 19 // Ancient Society. 2004. Vol. 34. P. 275–304.

[163] Историографию исследований, связанных с родством в эпоху Средних веков см., например, в Laslett P. Introduction: The History of the Family // Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972. P. 1–90; Soliday G.L., Hareven T.K., Vann R.T., Wheaton R. History of the Family and Kinship: A Select International Bibliography. N. Y., 1980; Wemple S.F. The Medieval Family: European and North American Research Direction // Trends in history. 1985. Vol. 3, No. 3–4. P. 27–44; Nelson J. Family, Gender and Sexuality in the Middle Ages // Companion to Historiography. L. and N. Y., 1997. P. 153–176; King M. Family and Childhood: Oxford Bibliographies Online Research Guide. Oxford, 2010; Southon E., Harlow M., Callow C. The Family in the Late Antique West (AD 400–700): A Historiographical Review // Approaches to the Byzantine Family. L., 2013. P. 109–130. В настоящей работе мы не будем рассматривать историю развития семьи и родственных отношений в Византийской империи, если она не будет напрямую связана с историей развития соответствующих институтов в Западной Римской империи в период Поздней Античности и Раннего Средневековья. Общий обзор существующей проблематики и историографии см., например, в Patlagean E. Familles et parentèles à Byzance // Histoire de la famille. P., 1986. T. 1. P. 421-441; Approaches to the Byzantine Family. L., 2013; Laiou A.E. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. P., 1992; Herrin J. Unrivalled Influence: Women and Empire in Byzantium. Princeton, 2013.

[164] См., например, Amira K. Erbenfolge und Verwandtschaftsgliederung nach den alt–niederdeutschen Rechten. München, 1874; idem. Die germanischen Todesstrafen. Untersuchungen zur Rechts- und Religionsgeschichte // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. 1922. Band 31, 91; idem. Grundriß des germanischen Rechts. Straßburg, 1913; Brunner H. Sippe und Wergeld nach

Основополагающими принципами этих исследований был эволюционизм и признание линейных родственных группы в качестве основы родственных отношений[165]. Система родства древних германцев считалась частным случаем индоевропейской. Особое внимание уделялось институтам круговой поруки и вергельда, а также роду как первичной родственной группе и основе племени. Род рассматривался в качестве базы политической, военной и правовой организации, землевладельческой и поселенческой группы.

Если эволюционное развитие социальной организации древних германцев не вызывало у первых ее исследователей вопросов, то изначальный характер родства (матри/патрилинейность, когнатическое родство), а также время и причины доминирования агнатного принципа были дискуссионным. Так, Ф. Энгельс, следуя за Бахофеном и МакЛенноном, считал, что первоначально германский род был матрилинейным[166]. С теорией Энгельса были согласны известные британские исследователи Г. Чедвик[167] и Э. Томпсон[168].

Х. Бруннер придерживался мнения, что, как у всех индоевропейцев, германский род был агнатным и походил на римский[169]. Под влиянием изменений, произошедших в жизни коллективов в течение и после Великого переселения народов, родство постепенно трансформировалось в когнатическое. При этом вокруг Эго формировались две группы родственников: строго ограниченная патрилинейная группа («со стороны меча»), и менее стабильная матрилинейная группа («со стороны веретена»)[170]. Функции и практики, свойственные первоначально агнатной группе, постепенно переносились и на вторую группу, однако ядром родственных отношений оставалась первая. Ее устойчивость объяснялась,

---

niederdeutschen Rechten // Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. 1882. Bd. 3. N. 1. S. 1–87; idem. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig, 1887; idem. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. Leipzig, 1892; Ficker J. Untersuchungen zur Rechtsgeschich. Bd. 1-6. Innsbruck, 1891-1904.

[165] См. Murray A.C. Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. Toronto, 1983. P. 15.

[166] Энгельс Ф. Указ. соч. С.184–201.

[167] Chadwick H.M. The Origins of the English Nation. Cambridge, 1907. Он отрицал строгий корпоративный и территориальный характер родства у германцев и базирование на нем политических и военных институтов. Род, в его представлении, был лишь большой группой родственников, а военная организация была основной политической силой (Chadwick H.M. Opp. cit. P. 145–146, 303).

[168] Э. Томпсон, утверждал, что матрилинейный род у германцев в доисторический период был основой сельскохозяйственного производства и военной организации. Во времена Цезаря под влиянием имущественного расслоения и появления частной собственности он начал уступать свои функции агнатной родственной группе (Thompson E.A. The Early Germans. Oxford, 1965. P. 8–28). Та же точка зрения на эволюцию родственных коллективах у древних германцев прослеживается и в других его работах (см., например, idem. The Barbarian Kingdoms in Gaul and Spain // Nottingham Medieval Studies. 1969. Vol. 7. P. 3–33; idem. The Goths in Spain. Oxford, 1969; idem. The Visigoths in the Time of Ulfilas. Oxford, 1969).

[169] См. Brunner H. Sippe und Wergeld nach niederdeutschen Rechten. P. 1–87. Теория Бруннера с некоторыми дополнениями доминировала в немецкой историографии вплоть до 1960–х гг. (см. об этом Kroeschell K. Die Sippe im germanischen Recht // Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte Germanistische Abteilung. 1960. Hft. 77. P. 13). Среди англоязычных ученых первой половины XX в. было мало сторонников патрилинейности (см., например, Seebohm F. Tribal Custom in Anglo–Saxon Law. L., N. Y., 1902; Vinogradoff P. The Growth of the Manor. L., 1911; idem. Historical Jurisprudence. Oxford, 1920. V.1: Introduction; Tribal Law).

[170] См. Murray A.C. Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. P. 16–17; Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 138. В пользу такой схемы развития родства ее сторонники в качестве доводов приводили данные юридических источников. Например, хотя в кровной мести, а также в уплате и принятии вергельда, участвовали родственники обеих групп, родные со стороны матери получали меньшую долю вергельда, что интерпретировалось в пользу их более позднего включения в практику.

прежде всего, ее ролью в военной организации германцев, владении землей и судопроизводстве[171].

Ни одна из двух концепций по замечанию Б. Филпоттс[172], не давала адекватного объяснения тому факту, что в современной Европе и странах, основанных выходцами из нее, преобладает двухстороннее (когнатическое) родство. Будучи сторонницей матриархальной теории Бахофена, британская исследовательница указывает на то, что агнатный род был недостаточно стабильным для осуществления функций коллективного землевладения и землепользования. Поэтому, либо род не был связан с землевладением, либо он был матриархальным, а не патриархальным. Филпотс одной из первых поставила под сомнение возможность того, что родство у германцев изначально было однолинейным, не важно матрилинейным или патрилинейным[173].

К началу 1940-х гг. среди исследователей становится все больше сторонников существования когнатического родства у германцев в исторический период. М. Блок считал, что родство у германцев в период Великого переселения народов уже было когнатическим, хотя и не исключал, что ему могло предшествовать господство материнского права[174]. Вслед за Бруннером он считает, что германский род был агнатным, но выступал, прежде всего, не как родственная, а как поселенческая и землевладельческая группа. У него отсутствовали четкие границы, что делало род очень непрочным образованием.

---

[171] О роли семьи и других родственных групп в осуществлении первичного социального контроля в период Раннего Средневековья см. в Hornaday A.G. Early Medieval Kinship Structures as Social and Political Controls // Medieval Family Roles. A Book of Essays. N. Y. and L., 1996. P. 21–38; James E. The Franks. Oxford, N. Y., 1988. P. 212

[172] См. Phillpotts B.S. Kindred and Clan in the Middle Ages and After: A Study in the Sociology of the Teutonic Races. Cambridge, 1913. P. 268. Главной целью исследовательницы было выяснение насколько долго такие элементы клановой организации, как родственная солидарность и круговая порука, продолжали действовать в «странах тевтонов» (Исландии, Норвегии, Дании, Швеции, Голландии, Бельгии, Англии, северной Германии и Франции). «Живучесть» элементов клановости Филлпоттс связывает, в первую очередь, с институтом вергельда, хотя и утверждает, что клан сохранял свое значение, не только будучи элементом права, но и потому, что оказывал влияние на социальную и политическую сферу. По ее мнению, человек, окруженный большой группой родственников (kindred), чувствовал себя социально более защищенным, чем одиночка или тот, кто мог рассчитывать только на свою нуклеарную семью (immediate family). Развитие феодальных отношений, появление зависимого населения, в свою очередь, ослабляло родственную солидарность. Мысль о том, что семья в период Поздней Античности и Раннего Средневековья предоставляла индивиду защиту, которую он больше не мог получать от государства в силу разрушения традиционных римских институтов власти развивает и К.Ф. Дрю (см. Drew K.F. Another Look at the Origins of the Middle Ages: A Reassessment of the Role of the Germanic Kingdoms // Speculum. 1987. Vol. 62, No. 4. P. 803–812).

[173] См. Phillpotts B.S. Opp. cit. P. 269.

[174] См. Блок М. Феодальное общество. С.137–138. Кроме того, М. Блок одним из первых задался вопросом о причинах перехода от расширенной семьи к нуклеарной в Западной Европе: было ли это неизбежным следствием эволюционного развития социальных структур или же произошло под действием конкретных структурных изменений в экономике. В ходе рассмотрения этого вопроса французские историки пришли к выводу о том, что единой эволюционной схемы развития родственных групп от расширенных до малых не существует (цит. по Duby G. Présentation de l'enquête sur «Famille et sexualité au Moyen Age» // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6–8 juin 1974). Rome, 1977. Vol. 30. P. 9–11). К тому же выводу на основе изучения материалов по истории семьи в Пикардии приходит Р. Фосье (см. Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. Paris–Louvain, 1968) и Дж. Дрелл, пытавшаяся найти единую модель семейной организации в княжестве Солерно в конце XI–XII вв. (см. Drell J.H. Kinship and Conquest: Family Strategies in the Principality of Salerno during the Norman Period, 1077–1194. Ithaca, N. Y., and L., 2002).

А. Рэдклифф–Браун в 1950 г. заявил, что «племена тевтонов» (Teutonic people) в начале совей истории имели когнатическую систему родства. К сожалению, как отмечает Л. Ланкастер, он не уточняет какие именно племена имеет в виду и какое время считает началом их истории (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9, No. 3. P. 231–232).

Во второй половине XX в. агнатность и линидж как основу родства у германцев ставил под сомнение Т. Чарльз-Эдвардс[175], а полномасштабный пересмотр существующих концепций предпринял А. Мюррей[176]. В своем исследовании известный медиевист предпринял критический разбор господствовавших представлений о матри-/патрилинейном роде как основе германского родственного коллектива и настаивал на изначальном существовании у древних германцев двухсторонней системы родства[177]. По его мнению, ни одна из интерпретаций источников, сведения которых до этого приводились как свидетельства в пользу матри/патрилинейности, не выдерживает критики, т.к. их данные не приводились независимо, а объяснялись исходя из теории, которой придерживался исследователь.

С конца 1960-х гг. основной темой дискуссий становится вопрос о том, когда на смену когнатическому родству приходит агнатное. В 1968 г. между К. Лэйсером и Д. Баллоу состоялась дискуссия о характере родства немецкой аристократии в Раннее Средневековье[178]. Первый утверждал, что оно было билинейным и «скорее горизонтальным, чем вертикальным» (первостепенное значение имела не степень родства, а социальный статус родственника и «широта» связей Эго). Агнатный же принцип утвердился среди немецкой посткаролингской

---

[175] См. Charles–Edwards T.M. Kinship, Status and the Origins of the Hide // Past and Present. 1972. No. 56. P. 3–33.

[176] Murray A.C. Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. См. также Murray A.C. Kinship Structure in Late Antiquity and the Early Middle Ages: Ph.D Diss.: University of Toronto. Toronto, 1976. *Известный американский медиевист Д. Хэрлихи также был сторонником существования когнатической системы родства у германцев и моногамности брака (хотя в дополнение к браку существовал институт сожительства) (*Herlihy D. The Family and Religious Ideologies in Medieval Europe // Journal of Family History. 1987. No. 12. P. 3–17).

[177] Мюррей отталкивался от результатов исследования антропологов, в частности Р. Фокса, Дж. Фридмэна и М. Фортса, которые указывали на то, что когнатическая система родства очень гибка и может сочетать в себе элементы патрилинейности и матрилинейности, функционирующие в определенных ситуациях. Например, наследование осуществляется по мужской линии, а в осуществлении кровной мести или в оказании патронажа участвуют родственники с обеих сторон (см. Fox R. Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. Cambridge, 1967; Freedman J.D. On the Concept of the Kindred // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1961. Vol. 91. P. 192–220; Fortes M. Kinship and the Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan. Chicago, 1969). Особенно ярко подобная система проявляет себя у кельтских племен (см. Charles–Edwards T.M. Early Irish and Welsh Kinship. Oxford, 1993).

[178] Начало этому спору было положено вскоре после окончания Второй мировой войны в рамках обсуждения путей формирования европейского нобилитета и аристократии, когда немецкий ученый, член Фрайбургской школы и ученик Г. Телленбах К. Шмид подверг сомнению высказанную М. Блоком точку зрения о том, что немецкая родовая знать не существовала как таковая до XII в. Показателями этого французский ученый считал, в частности, отсутствие до этого времени у представителей знати интереса к своим предкам и стремления возвеличить их. Шмид развил теорию своего учителя Телленбаха, который утверждал, что основой формирования европейского дворянства стали франкские родовые кланы, члены которых занимали главные придворные и церковные должности в королевстве франков, а затем и в Каролингской империи, и имели значительные земельные владения, хотя и сильно зависели от милости правителя. В ходе распада империи эти кланы провинциализировались, а их члены основывали свои собственные королевства, герцогства и графства, на принадлежавших им и вновь захваченных территориях бывшей империи Карла Великого (Цит. по Freed J.B. Reflections on the Medieval German Nobility // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 3. P. 554–555). К. Шмид считал, что немецкая знать до XI в. была объединена в аморфные кланы, членами которых были как мужчины, так и женщины, как знатные, так и малоизвестные, которых объединяло право претендовать на родство (со стороны отца или матери) с тем или иным влиятельным магнатом. Система родства еще не была агнатной, а значит родственники со стороны матери могли почитаться как более важные, чем со стороны отца, если были знатнее, могущественнее или богаче (цит. по Freed J.B. Reflections on the Medieval German Nobility. P. 560). Подробнее об этом см. также в Schmid K. Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel. Vortragen zum thema: Adel und Herrschaft im Mittelalter // Zeitschrift fur die Geschichte der Oberrheins. 1957. Hft. 105. S. 1–62; Freed J.B. Reflections on the Medieval German Nobility. P. 553–575; Bisson T.N. Nobility and Family in Medieval France: A Review Essay // French Historical Studies. 1990. Vol. 16, No. 3. P. 597–613; Althoff G. Kin–groups // Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe. Cambridge, 2004. P. 23–64. Роль родства и семейных связей в формирование нобилитета в княжестве Солерно в конце XI–XII вв., по мнению Дж. Дрелл была схожа с той, которую для немецкого дворянства предложил Шмид (см. Drell J.H. Opp. cit.). Той же концепции в отношении формирования дворянства Леона и Кастилии в XII в. придерживается С. Бартон (см. Barton S. The Aristocracy in Twelfth–Century Leon and Castile. Cambridge, 1997. P. 366).

аристократии только к XII в.[179]. Баллоу, напротив, считал, что в рассматриваемый период в системе родства уже преобладал агнатный принцип, хотя до этого родство было билинейным, а индивид сам выбирал, с кем из родственников поддерживать отношения[180].

Ж. Дюби относил переход к агнатному родству к периоду «феодальной мутации /революции» рубежа X-XI вв.[181]. По его мнению, результатом этого процесса была консолидация родственной группы вокруг ее земельных владений, значительное сокращение количества родственников Эго, в число которых стали включаться только родственники по мужской линии не далее третьей степени родства[182]. Наследование, особенно земельных

---

[179] См. Leyser K. The German Aristocracy from the Ninth to the Early Twelfth Century. A Historical and Cultural Sketch // Past and Present. 1968. No. 41. P. 25–53; idem. Maternal Kin in Early Medieval Germany // Past and Present. 1970. No. 49. P. 126–134. Сторонником этой точки зрения был американский историк Д. Херлихи. *По его мнению, переход к агнатному родству начался в VII в. Причиной этого стало с*окращение количества членов семьи в связи с исчезновение рабства и ростом сельского населения. Совместный труд постепенно превращал семью не только в единый объект налогообложения, но и в группу, связанную взаимными чувствами и моральными обязательствами. Дальнейшая эволюция родственных структур протекала под влиянием христианства. Благодаря ему утвердился принцип экзогамии и исчез институт сожительства. Семьи расширялись в горизонтальной, а не вертикальной плоскости (случаи проживания в семье родственников даже в третьем колене были редки). Все это создавало условия для перехода к агнатности родства в начале Классического Средневековья (XI-XII вв.). Церковная доктрина и политическая стабильность при доминировании в обществе мужчин сделали возможным переход к наследованию и счету родства строго по мужской линии (см. об этом подробнее в. Herlihy D. The Family and Religious Ideologies in Medieval Europe. P. 3–17). Билинейность сохранилась, но родство по женской линии, как и женщины–члены семьи, потеряли свое значение (см. Herlihy D. *Medieval Households.* Cambridge, 1985). См. также Gies F., Gies J. Marriage and the Family in the Middle Ages. N. Y., Cambridge and Philadelphia, 1987. Ю.Л. Бессметный, напротив, считает, что, по крайней мере для французских крестьян в IX в. было характерно преобладание так называемых сложных «многоячеечных» семей, состоящих из нескольких нуклеарных семей, проживавших на одном мансе, пользующихся общими орудиями труда, но не обязательно связанных родством (см. Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. Вып. 43. 1980. С. 32–52; он же. К демографическому изучению французской деревни IX в.: Люди и имена // Советская этнография. 1981. № 2. С. 51–67). См. также Блонин В.А. К изучению динамики численности населения на территории Франции IX в. // Средние века. 1984 г. Вып. 47. С. 116–124. Выводу Бессмертного, в свою очередь, оспаривал Я.Д. Серовайский, который критиковал как применяемую им методику анализа данных полиптика, так и выводы о родстве совладельцев мансов. Исследователь настаивает на преобладании малой семьи в социальной структуре общества (см. Серовайский Я.Д. Сообщество крестьян-держателей надела в Сен-Жерменском аббатстве (к вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в.) // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 244–269). Критику выводов Серовайского см. в Блонин В.А. К вопросу о типологии крестьянской семьи во франкской деревне IX в. // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 222–237.

О развитии института семьи и родственны структур в период Классического и Позднего Средневековья см., например, Freed J.B. The Counts of Falkenstein: Noble Self–Consciousness in Twelfth–Century Germany // Transactions of the American Philosophical Society. 1984. Vol. 74. No. 6. P. 1–70; Geary P.J. *Aristocracy in Provence: The Rhone Basin at the Dawn of the Carolingian Age.* Philadelphia, 1985; Bisson T.N. Nobility and Family in Medieval France: A Review Essay // French Historical Studies. 1990. Vol. 16, No. 3. P. 597–613; Kinship in Europe: Approaches to Long–Term Development (1300–1900). N. Y., 2007; Love, Marriage, and Family Ties in the Later Middle Ages. Turnhout, 2003; Herlihy D. The Making of the Medieval Family: Symmetry, Structure, and Sentiment // Journal of Family History. 1983. No. 8. P. 116–30.

[180] Bullough D.A. Early Medieval Social Groupings: The Terminology of Kinship // Past and Present. 1969. No. 45. P. 3–18.

[181] См. об этом, например, Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. №1. С. 52–67; Смирнова Е.Д. Концепция «феодальной революции» в работах Ж. Дюби, П. Тубера и Р. Фоссье // Працы гістарычнага факультэта БДУ. 2009. Вып. 4. С. 141–146.

[182] Дж. Холт указывает на особенность применения теории Ж. Дюби к истории Англии XI в. Он отмечает, что вместо того, чтобы изучать изменения, которые привнесло в систему родства норманнское завоевание, исследователи стремились подчеркнуть преемственность: родство было поставлено под контроль лорда и короля до 1066 г. и осталось под их контролем после установления власти норманнов. Он настаивает на том, что произошла не просто смена одних аристократических семей другими, но изменилась сама суть родственны отношений, особенно в связи с собственностью и ее распоряжением. Например, терминологически норманны не различали родственников по сторонам родства, но они имели фамилии, связанные с топонимами их земельных владений и титулами, которых не было у англосаксов, и которые передавались строго по мужской линии. Англосаксы часто завещали движимое имущество родственникам и друзьям, норманны стремились сохранить все в семье. Холт считает, что, возможно, завещания, оставляемые норманнскими лордами, были фикцией, т.к. они не могли свободно распоряжаться своим имуществом и землей, в отличие от англосаксов. Он указывал также на отличия в формировании и репрезентации норманнских аристократических семей в Англии и континентальной аристократией (в генеалогии, отношениях вассалитета и др.) (см. Holt J.C. Presidential Address: Feudal Society and the Family in Early Medieval England: I. The Revolution of 1066 // Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series. 1982. Vol. 32. P. 193–212). См. также Painter S. The Family and the Feudal System in Twelfth–Century England // Speculum. 1960. Vol. 35, No. 1. P. 1–16. Об особенностях развития семьи в Англии после нормандского завоевания см., например, Fleming P. Family and Household in Medieval England. Houndmills

владения и титулов, стало осуществляться преимущественно мужчинами, а среди них предпочтение отдавалось старшему ребенку. В широком смысле именно в XI в. произошел переход от когнатической (большая горизонтальная группа родственников с материнской и отцовской стороны) к агнатной (вертикальная группа родственников с упором на прямое происхождение по мужской линии) системе родства. Эти изменения привели к укреплению линиджа и нуклеарной семьи, которая превратилась в центр родственных отношений Эго[183].

К. Бушар считала, что в период с IX по XII вв. семьи аристократии были более прочными и стабильными, чем принято считать. Вслед за А. Мюррейем она использовала выводы антропологов Р. Фокса, Дж. Фридмэна и М. Фортса о том, что когнатическая система, подстраиваясь под изменения в социуме может демонстрировать усиление патри- или матрилинейных черт, для объяснения изменений, происходивших в обществе. Бушар считала, что в указанный период имел место не переход к агнатной системе, а усиление патрилинейных черты когнатической системы. По ее мнению, семьи магнатов уже в IX в. проявляли тенденцию к патрилинейности[184], а в XII в. знать распоряжалась наследством и определяла

---

and N. Y., 2001; Houlebrooke R.A. The English Family 1450 – 1700. N. Y., 1984; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. N. Y., 1977; Bennet J.M. The Tie That Binds: Peasant Marriages and Families in Late Medieval England // Medieval Families: Perspectives on Marriage, Household, and Children. Toronto, 2004. P. 214–233; Alamichel M.-F. Le rôle du frère aîné lors du veuvage de la mère en Angleterre médiévale // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 137-150. Worby S. Law and Kinship in Thirteenth–Century England. Woodbridge, 2010. О родстве в среде норманнов и его роли в образование Норманнского герцогства см. Searle E. Predatory Kinship and the Creation of Norman Power, 840–1066. Berkeley, 1988; Gelting M.H. Predatory Kinship Revisited // Anglo–Norman Studies XXV: Proceedings of the Battle Conference 2002. Woodbridge, 2003. P. 107–120; Hagger M. Kinship and Identity in Eleventh–Eentury Normandy: the Ease of Hugh de Grandmesnil, c. 1040–1098 // Journal of Medieval History. 2006. Vol. 32, No. 3. P. 212–230.

[183] Duby G. Lignage, noblesse et chevalerie au XIIe siècle dans le region mâconnaise: une revision // Annales: Economies, sociétés, civilisations. 1972. Vol. 27. P. 803–23. См. также idem. Structures de parenté et de noblesse dans la France du Nord aux XIe et XIIe siècles // Hommes et structures du moyen âge. P., 1973. P. 270–275. Дюби связывал эти изменения с политической трансформацией: когнатический принцип давал преимущества в условиях сильной королевской власти, когда для продвижения по социальной лестнице использовался патронаж со стороны того родственника, с материнской или отцовской стороны, который обладал большим политическим могуществом в данный момент. В условиях начавшейся феодальной раздробленности и ослабления королевской власти принцип патронажа больше не был эффективным, власть и богатство на местах сосредотачиваются в руках отдельных семей, которые стремясь сохранить его, ограничивают число наследников, переходят к агнатному принципу учета родства. Дюби также связывал этот процесс с упадком старых аристократических родов и появлением новой, местной знати.

Р. Фосье, характеризуя развитие семейных отношений в Средневековой Европе в период с 750-1350 гг., считал, что до 950 г. основой социальной организации европейского общества был билинейный род, не имевший жестких ограничений членства. Только в XI в. ему на смену приходит патрилинейный линидж с общим предком и наследованием. Уже в VIII в. преобладающей становится моногамная форма семьи, ядром которой была супружеская пара. Однако нуклеарная семья не существовала сама по себе и являлась частью более сложных родственных структур. С конца XI в. под влиянием формирующейся системы феодализма семья начинает ассоциироваться с группой, проживающей вместе с сеньором, куда входили не только близкие и дальние агнаты, но и слуги и рабы (подробнее об этом см., например, в Hammer Jr. C.I. Family and familia in early–medieval Bavaria // Family Forms in Historic Europe. Cambridge, 1983. P. 217–248; см. также Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VII – XI вв. (по данным грамот). М., 1996. С. 30–69). К началу XIV в. нуклеарная семья почти во всех уголках Европы становится основной ячейкой общества (см. Fossier R. Les structures de la famille en Occident au Moyen Age // XVe Congres International des Sciences Historiques Rapports. T. 2. P. 115–132). Об отражении этого процесса в литературе см. Lim G. In the Name of the (Dead) Father: Reading Fathers and Sons in Havelok the Dane, King Horn, and Bevis of Hampton // The Journal of English and Germanic Philology. 2011. Vol. 110, No. 1. P. 22–52.

Х. Фихтэнау указывает на то, что характер семьи мог зависеть не только от преобладающих тенденций развития, но и, например, от уровня стабильности и безопасности в регионе проживания (во время военной опасности или политической нестабильности нуклеарные семьи могли объединяться и создавать расширенные группы), экономической выгоды самой семьи и владельца обрабатываемой ими земли, и, наконец, жизненного цикла ее членов (см. Fichtenau H. Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders. Chicago and L., 1991. P. 82–85).

[184] Д. Поланичка говорит о том, что хотя среди Каролингов патрилинейность была доминирующей тенденцией, поскольку только происхождение по мужской линии давало доступ к власти, однако горизонтальные родственные связи также мели больше значение, т.к. могли укрепить или ослабить, а то и вовсе сильно ограничить эту власть (см. Polanichka D.M. "As a Brother Should Be": Siblings, Kinship, and Community in

занятия своих отпрысков более гибко. Бушар отмечает, что и до, и после 1000 г. большинство практических функций ложилось на семью как небольшую группу, состоящую из семейной пары, их детей, родителей мужа и его сиблингов. Жена считалась посторонней в линидже мужа, но была частью линиджа ее детей. Семьи изменялись в ходе жизненного цикла их членов, например, когда сиблинги создавали свои семьи, основывая тем самым новые ветви рода[185]. «Удлинение» родословных знати в XI-XII в. Бушар связывает с наступление политической стабильности и ослаблением королевской власти, которая позволила нобилитету закрепить за собой земельные владения и посты и передавать их по наследству[186].

По мнению Э. Ливингстон родство в течение всего периода Средних веков оставалось когнатическим, имущество передавалось как по мужской, так и по женской линии, семьи использовали различные стратегии наследования, не ограничиваясь первородством[187], а женщины играли активную роль в семейной жизни и управляли владениями вместе с мужьями, выступая их партнерами. Она указывает на то, что в период, обозначенный Ж. Дюби как время «феодальной мутации/революции», в связи с усилением борьбы за господство и строительством замков, узы родства были как никогда важны. Отношения между родственниками основывались на взаимной эмоциональной привязанности, которая особенно ярко проявлялась во времена кризисов (смерти родственника или кровной вражды). Способы передачи имущества по наследству определялись не столько единой преобладающей стратегией, сколько конкретными жизненными обстоятельствами с целью обеспечить существование членов семьи[188].

Carolingian Europe // Kinship, Community, and Self: Essays in Honor of David Warren Sabean. N. Y. and Oxford, 2015. P. 28).

[185] То же, по мнению Х. Фихтенау, было характерно и для крестьянских семей в X в.: хотя доминирующей оставалась нуклеарная семья, состоящая из двух поколений — родителей и их детей, в различные периоды в нее могли входить неженатые/незамужние братья и сестры супруга, его мать и внуки. Когда дети вырастали, лорд мог сделать из них дворовую прислугу или выделить им землю, на которой они жили со своими семьями. Подобное дробление одной семьи могло продолжаться до тех пор, пока существовала свободная земля (см. Fichtenau H. Opp. cit.).

[186] Bouchard C.B. "Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001. Книга представляет собой сборник ранее изданных работ исследовательницы, переработанных и дополненных. См. также Bouchard C.B. "Strong of Body, Brave and Noble": Chivalry and Society in Medieval France. Ithaca, N. Y., and L., 1998; Martindale J. The French Aristocracy in the Early Middle Ages: A Reappraisal // Past & Present. 1977. No. 75. P. 5–45; White S.D. Custom, Kinship and Gifts to Saints: the Laudatio Parentum in Western France, 1050–1150. Chapel Hill and L., 1988; Fichtenau H. Opp. cit. P. 85–90; Barthelemy D. La Société dans le comté de Vendôme de l'an mil au XIVe siècle. P., 1993. P. 514, 545–46; Kreutz B. The Twilight of the Morgengabe // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy. Ann Arbor, 1996. P. 131–148; Stafford P. La Mutation Familiale: A Suitable Case for Caution // The Community, the Family and the Saint. Patterns of Power in Early Medieval Europe. Selected Proceedings of the International Medieval Congress. University of Leeds, 4–7 July 1994, 10–13 July 1995. Turnhout, 1998. P. 103–126.

[187] См. об этом подробнее, например, Johnson C. Kinship, Disputing, and Ira: A Mother–Daughter Quarrel in Southern France // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White. Burlington, 2010. P. 259–278.

[188] Livingstone A. Out of Love for My Kin: Aristocratic Family Life in the Lands of the Loire, 1000–1200. Ithaca and L., 2010. См. также eadem. Kith and Kin: Kinship and Family Structure of the Nobility of Eleventh– and Twelfth–Century Blois–Chartres // French Historical Studies. 1997. Vol. 20, No. 3. P. 419–458. Критику доводов Э. Ливингстон см. в Mchaffie M.W. [Rev.:] Livingstone A. Out of Love for My Kin: Aristocratic Family Life in the Lands of the Loire, 1000–1200. Ithaca and L.: Cornell University Press. 2010. 280 p. // Early Medieval Europe. Vol. 23, No. 2. P. 257–258.

Таким образом, если довод о когнатическом характере родства у германцев разделяется большинством современных ученых, то время, причины и сам факт перехода к агнатной системе остается дискуссионным вопросом.

Тема родства получила развитие и в рамках гендерных исследований начиная с 1960-х гг. В рамках изучения социокультурного статуса и форм существования пола внимание уделялось роли и месту женщины в семье. Своеобразное начало этим исследованиям было положено Д. Херлихи, который доказывал, что в раннесредневековой Европе женщины владели значительной земельной собственностью, и утверждал, что использование имени матери для идентификации новорожденных в правовых актах является доказательством высокого социального статуса ее семьи, а не признаком незаконнорожденности ребенка или отцовства духовного лица[189]. По его мнению, женщина в раннесредневековой Франции по своему положению была равна мужчине даже в крестьянской среде[190]. С критикой выводов Херлихи выступил Ю.Л. Бессмертный, который на основе антропонимичского и демографического анализа французских полиптиков VIII-IX вв. доказал, что женщины, по крайней в крестьянском обществе, занимали более низкое по сравнению с мужчинами положение[191]. С. Вемпл и Дж. Макнамара считают, что, изначально занимая важное место в жизни германского племени[192], в V–VI вв. женщины обретают также и права собственности. При отсутствии четкого разделения между частным и публичным, а также системы государственных органов, семейная власть нобилитета фактически превращалась в публичную власть над подчиненными семье территориями и населением[193]. Таким образом, роль женщины в общественной и экономической жизни определялась ее положением в семье и статусом этой последней[194]. Однако к XI в. усилившаяся государственная власть и попытки знати сохранить семейные владения от распада привели к постепенному ограничению прав женщин в экономической и общественной жизни. В результате к XII в. значительно изменились семейные отношения, и особенно роль в них женщин[195]. Л. Бител, напротив,

---

[189] Herlihy D. Land, Family, and Women in Continental Europe, 701–1200 // Traditio. 1962. Vol. 18. P. 89–120 (статья также переиздавалась в сборнике Women in Medieval Society. Philadelphia, 1976. P. 13–46).

[190] idem. Life expectancies for women in Medieval society // The Role of Woman in the Middle Ages. Albany, 1975. P. 1–22.

[191] Бессмертный Ю.Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. Вып. 44. 1981. С. 97–116.

[192] См. McNamara J.A., Wemple S.F. The Power of Women through the Family in Medieval Europe 500–1100 // Feminist Studies. 1973. Vol. 1, No. 3/4. P. 126–141. В статье «Women from the Fifth to the Tenth Century» на основе анализа правового положения женщины в Раннее Средневековье, С. Вемпл указывает на то, что в этот период авторитет женщины был высок не только в семье и общественной жизни, но в монастырском движение, которое открыло им доступ к образованию, наставничеству и творчеству (Wemple S.F. Women from the Fifth to the Tenth Century // A History of Women in the West. Volume 2: Silences of the Middle Ages. Cambridge, L., 1992. P. 169–201).

[193] Этой же точки зрения придерживается и Дж. Парсонс (см. Parsons J.C. Introduction Family, Sex, and Power: The Rhythms of Medieval Queenship // Medieval Queenship. N. Y., 1998. P. 2–3).

[194] Об этом см., например, в Skovgaard–Petersen I. Queenship in Medieval Denmark // Medieval Queenship. N. Y., 1998. P. 25–42; Nelson J.L. Women at the Court of Charlemagne: A Case of Monstrous Regiment? // Medieval Queenship. N. Y., 1998. P. 43–61; Earenfight Th. 'The Link of Conjugal Troth': Queenship as Family Practice, c.1100–1350 // Queenship in Medieval Europe. Basingstoke, 2013. P. 123–182.

[195] См. об этом подробнее, например, Verdon J. La femme et la vie familiale en France aux IXe–XIe siècles // Travaux et memoires de l'Universite de Limoges. Limoges, 1977. P. 63–83; Owen Hughes D. From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // Journal of Family History. 1978. Vol. 3. P. 262–96; Amell i Cardona M. La détérioration du

считала, что в течение всего периода Раннего Средневековья женщины были практически бесправны, полностью зависели от мужчин и не обладали влиянием не только в публичной сфере, но и в собственной семье, будучи ограничены ее рамками[196].

Отдельным направлением исследований стало изучение института брака в период Средневековья[197]. При этом, если вопросы заключения брака и семейной жизни в каноническом праве были достаточно полно изучены еще в первой половине XX в.[198], то проблемы становления взглядов на христианский брак, утверждения его норм в мирской среде (закрепление моногамии, запрет разводов и внебрачного сожительства, добровольность брака, запрет на близкородственные браки и т.д.), отношения к браку в мирской и светской среде, взгляды на сущность отношений супругов и супружескую любовь[199] привлекли внимание ученых только во второй половине столетия.

Исследовав формирование представлений о христианском браке, Ф. Рейнольдс заключил, что главным его отличием от римского или германского брака является его принципиальная нерасторжимость[200]. В Древнем Риме брачный союз представлял собой взаимовыгодное соглашение сторон с учетом их социального статуса, собственности и прав наследования, и расторгался, кода переставал быть таковым. Характерной чертой брака у германцев была выплата выкупа за невесту, что придавало союзу законность. Возможность развода

---

statut de la femme aristocratique en Provence, Xe–XIIIe siècles / Le Mayen Age. 1985. No. 91. P. 5–32; Le Jan–Hennebicque R. Aux origines du douaire médiéval (Vi^e–Xe siècles) // Veuves et veuvages dans le haut Moyen Âge. P., 1993. P. 107–22.

Л. Митчел, напротив, доказывала, что, по крайне мере в Англии, женщины – замужние или вдовы – и в XIII–XIV вв. могли иметь в своих руках значительный объем власти в семье, земельные владения и денежные капиталы, участвовать в основных политических событиях и успешно отстаивать свои интересы в суде (см. Mitchell L.E. Portraits of Medieval Women: Family, Marriage, and Politics in England 1225–1350. N. Y., 2003; см. также Jewell H.M. Women in Medieval England. Manchester, 1996). То же мнение о положение женщин в Средневековой Франции можно найти в сборнике эссе «Aristocratic Women in Medieval France» (см. Aristocratic Women in Medieval France. Philadelphia, 1999). Дж. Дрелл отмечает значительную роль, которую играли женщины княжества Солерно в управлении имуществом семьи в конце XI–XII вв. (см. Drell J.H. Opp. cit.).

О роли женщины в раннесредневековом обществе см., также: Nelson J.L. Women and the Word in the Earlier Middle Ages // Studies in Church History, 1990. Vol. XXVII. P. 53–78; Jochens J. Women in Old Norse Society. Ithaca, N. Y., 1995; Shadis M. Berenguela of Castile's Political Motherhood: the Management of Sexuality, Marriage, and Succession // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 335–358; Smith J.M.H. Gender and Ideology in the Early Middle Ages // Studies in Church History, 1998. Vol. XXXIV. P. 51–73; Medieval Queenship. N. Y., 1998; Garver V.L. Women and Aristocratic Culture in the Carolingian World. Ithaca and L., 2009.

[196] См. Bitel L.M. Women in the Early Medieval Europe 400–1000. Cambridge, 2002.

[197] О союзах между мужчиной и женщиной альтернативных браку в Средние века см., например, Karras R.M. Unmarriages: Women, Men, and Sexual Unions in the Middle Ages. Philadelphia, 2012.

[198] См. основополагающие работы: Esmein A. Le Mariage en droit canonique. P., 1891; Freisen J. Geschichte des kanmischen Eherechtes bis zum Verfall der Glossenliteratur. Padeborn, 1893; Le Bras G. La doctrine du mariage chez les théologiens et les canonistes depuis l'an mil // Dictionnaire de Théologie catholique. 1926. T. IX. Vol. 3. P. 2123–2316; idem. Le mariage dans la théologie et le droit de l'Église du XIe au XIIIe siècle // Cahiers de Civilisation Médiévale. 1968. T. 11. P. 191–202; Dauvillier J. Le mariage dans le droit classique de l'Église, depuis le Décret de Gratien (1140), jusqu'à la mort de Clément V (1314). P., 1933; Donahue Ch. The Case of the Man Who Fell into the Tiber: The Roman Law of Marriage at the Time of the Glossators // The American Journal of Legal History. 1978. Vol. 22, No. 1. P. 1–53. Обзор работ, посвященных каноническому семейному праву см. в Morris C. The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250. Oxford, 1989. P. 625–626. Современный взгляд на проблему см. в Brundage J.A. Concubinage and Marriage in Medieval Canon Law // Journal of Medieval History. 1975. Vol. 1. P. 1–17; Reid C.J. Power Over the Body, Equality in the Family: Rights and Domestic Relations in Medieval Canon Law. Grand Rapids, Cambridge, 2004; Nold P. Marriage Advice for a Pope: John XXII and the Power to Dissolve [Medieval Law and Its Practice, Vol. 3.]. Leiden, 2009.

[199] Общий обзор на русском языке см. в Бессмертный Ю.Л. Брак, секс и любовь в средние века // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV—XV вв. / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1991. С. 282–310.

[200] Reynolds P.L. Marriage in the Western Church: The Christianization of Marriage during the Patristic and Early Medieval Period. Leiden, N. Y., and Cologne, 1994. Более подробный и расширенный анализ христианских источников I–XVI вв. см. в idem. How Marriage Became One of the Sacraments. Cambridge, 2016.

ограничивалась, а дети, родившиеся вне подобного союза, лишались прав наследования. Каноническое право, в отличие от римского и германского, содержало одинаковые нормы для мужчин и женщин, изменивших своему супругу, и требовало добровольного согласия обоих для вступления в монастырь. Первоначально церковь не запрещала разводы и повторные браки, при условии исполнения епитимьи. Запрет на заключение брака разведенными впервые получил распространение в Северной Африке в V в. н.э. под влиянием Тертуллиана. Основной вклад в развитие христианского представления о браке, по мнению Рейнольдса, принадлежит Августину Блаженному, который сформулировал три его основы: *fides, proles, sacramentum*[201]. По мнению святого, после грехопадения похоть стала неотъемлемой частью супружества, которая должна была искупаться верностью супругов и вступлением в интимные отношения исключительно с целью рождения детей. Святость брака означала его нерасторжимость, даже если старость или болезнь делали зачатие потомства невозможным[202].

Ж. Дюби сосредоточил внимание на изучении процесса установления контроля христианской церкви над институтом брака в период Средних веков. Он утверждал, что «каноническая модель» брака окончательно сложилась только к XII в., и на протяжении всего столетия священнослужители были вынуждены бороться с практиками, установившимися к этому моменту в разных регионах и сословиях европейского общества[203]. Французский медиевист рассматривает процесс взаимного приспособления «мирских» представлений о браке, распространенных среди аристократов северной Франции, и канонических норм, которые насаждала церковь. Целью брака в среде аристократов, по мнению Дюби, было обеспечение продолжения рода, целью «канонического» брачного союза — утверждению христианских ценностей среди мирян[204]. Основное внимание автор посвящает изучению процесса их взаимного приспособления в течение XII в., что требовало урегулирования целого

[201] Aurelius Augustinus Hipponensis. De genesi ad litteram. Turnhout, 2011. 9.7.
[202] Об этом подробнее см. в Parkin T. On Becoming a Parent in Later Life. P. 221–236.
[203] Duby G. Medieval Marriage. Two Models from Twelfth–Century France. Baltimore, 1978. Причины, которые способствовали утверждению в конце XII в. норм канонического семейного права в светской среде И. Эрмакофф видит не в формировании феодализма, не в церковной реформе и не в оформлении канонического права, как считалось ранее, в том, что, во-первых, к XII в. церкви удалось утвердить восприятие брака как одного из таинств, во-вторых, к этому времени церковь обрела политическую самостоятельность и получила возможность предотвращать конфликты между аристократами и епископами, наконец, вводимые церковью ограничения стали выгодны нобилитету. (Ermakoff I. Prelates and Princes: Aristocratic Marriages, Canon Law Prohibitions, and Shifts in Norms and Patterns of Domination in the Central Middle Ages // American Sociological Review. 1997. Vol. 62, No. 3. P. 405–422). Критический анализ взглядов М. Блока и Ж. Дюби на развитие институтов семьи брака в Средневековой Франции и их влияние на формирование правящего класса см. в Bisson T.N. Opp. cit. P. 597–613. См. об этом также Бессмертный Ю.Л. Матримониальное поведение во Франции XI–XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 98–115; он же. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 33–38, 77–86.
[204] См. Duby G. Medieval Marriage. P. 3.

ряда спорных вопросов: отношения к разводам[205], близкородственным бракам[206], супружеской измене и т.д. При этом, Дюби указывает на необходимость детального изучения этого процесса с учетом региональных и сословных особенностей «мирских моделей» брака сложившихся в разных регионах Европы[207].

М. Шиан разделял мнение Ж. Дюби о том, что далеко не сразу заключение брака в церкви стало необходимым для его признания членам сообщества, к которому принадлежали вступающие в брак. Однако, он считал, что церкви удалось добиться обязательного благославления брака священником, а также утвердить добровольность брачного союза, что было закреплено, в том числе, в местном законодательстве только к XIV в.[208]. К. Гейдекер высказал предположение, что окончательная формулировка христианской модели брака как основанной на моногамии и нерасторжимости была достигнута в ходе развода Лотаря II в середине IX в.[209].

Проблематизируя восприятие отношений супругов и супружескую любовь Н. Картлидж раскритиковал взгляд на то, что средневековый брак базировался на концепции полезности[210]. Он указал на ошибочность точки зрения Гастона Пари и Клайва Льюиса, которые считали, что

---

[205] К. Бушар утверждала, что, развивая идею брака как таинства, настаивая на его добровольности и нерасторжимости, церковь сделала признание его недействительным единственной возможностью прекращения брака. При этом среди имеющихся оснований для аннулирования брачного союза, наибольшей популярностью пользовалось близкое родство супругов. До XIII в. близким считалось родство до VII колена включительно, после IV Латеранского собора (1215 г.) недопустимым стало лишь родство супругов до IV колена. Главной причиной подобного сокращения стало большое количество супружеских пар, которые внезапно «узнавали» о своем близком родстве и добивались аннулирования по этому основанию браков. Исследовательница обратила внимание на тот факт, что, хотя начиная с XII в. аристократические роды часто пренебрегали этим условием при заключении выгодных браков, а потом охотно вспоминали о нем, когда брак переставал быть таковым, в период IX-XI вв. степень родства при заключении брачного союза учитывалась неукоснительно (см. Bouchard C.B. *"Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia)*. Подробнее о процедуре расторжения брака в Средние века см., например, в Pedersen F. Marriage Disputes in Medieval England. L., 2000; d'Avray D.L. Dissolving Royal Marriages: A Documentary History, 860–1600. N. Y., 2014; Rousseau C.M. Neither Bewitched nor Beguiled: Philip Augustus's Alleged Impotence and Innocent III's Response // Speculum. 2014. Vol. 89. No. 2. P. 410–436.

[206] По мнению К. Бушар, утвердив экзогамию в качестве основного принципа заключения брака, церков вынудила «старую» знать искать брачных партнеров для своих детей в более низких социальных слоях, что способствовало расширению слоя нобилитета, за счет включения в него новых родов. Удлинение родословных знати в XI-XII в. исследовательница связывает с наступление политической стабильности и ослаблением королевской власти, которая позволила нобилитету закрепить за собой земельные владения и посты и передавать их по наследству (см. Bouchard C.B. *"Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia)*.

[207] См. об этом также Duby G. The Knight, the Lady and the Priest: the Making of Modern Marriage in Medieval France. N. Y., 1984. Критику содержания работы и подхода Дюби см. в Moore J.C. [Rev.:] Georges Duby. Medieval Marriage: Two Models from Twelfth–Century France. Baltimore, 1978 // The American Historical Review. 1979. Vol. 84. No. 2. P. 439–440. Пример применения метода исследования, предложенного Дюби, см., например, в Korpiola M. Between Betrothal and Bedding: Marriage Formation in Sweden 1200–1600. Leiden, 2009. О дальнейшем развитии института брака в средневековой Франции см., например, Ribordy G. Faire les nopces: Le mariage de la noblesse franfaise (1375–1475). Toronto, 2004.

[208] См. Sheehan M.M. Choice of Marriage Partner in the Middle Ages: Development and Mode of Application of a Theory of Marriage // Studies in Medieval and Renaissance History. 1978. Vol. 11. P. 4–15. См. об этом также: Finch A.J. Parental Authority and the Problem of Clandestine Marriage in the Later Middle Ages // Law and History Review. 1990. Vol. 8, No. 2. P. 189–204; Sheehan M.M. Marriage Theory and Practice in the Conciliar Legislation and Diocesan Statutes of Medieval England // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies. Toronto, 1996. P. 118–176; idem. The bishop of Rome to a Barbarian King on the Rituals of Marriage // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies. Toronto, 1996. P. 278–291; idem. Sexuality, Marriage, Celibacy, and the Family in Central and Northern Italy: Christian Legal and Moral Guides in the Early Middle Ages // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies. Toronto, 1996. P. 292–310.

[209] Heidecker K. The Divorce of Lothar II: Christian Marriage and Political Power in the Carolingian World. Ithaca, 2010. К. Лэйсер и Р. Боф высказали мнение, что главной целью клириков в период раннего Средневековья было урегулирование семейного конфликта (путем расторжения брака или сохранения его), а не утверждение его святости и нерасторжимости (см. Leyser C., Bof R. Divorce and Remarriage between Late Antiquety and Early Middle Ages: Cannon Law and Conflict Resolution // Making Early Medieval Societies. Cambridge, 2016. P. 155–180).

[210] См. Cartlidge N. Medieval Marriage: Literary Approaches, 1100–1300. N. Y., 1997. О средневековом браке, как исходящем из концепции полезности см., например, в Fichtenau H. Opp. cit. P. 90–94.

в средневековой литературе, посвященной браку, куртуазная любовь[211] противопоставлялась отношениям между супругами с ограничениями, накладываемыми браком. Не поддерживает он и Ж. Дюби, который видел в ней способ приукрасить действительность для сыновей, оставшихся без наследства и вынужденных «жениться на деньгах». Автор считает, что в Средние века не существовала дихотомия любви и брака, а брачный союз представлял собой сплав любви и прагматизма. При этом женщина, в большинстве случаев не была таким уж бесправным существом в вопросах брака, как считали С. Николс[212] и Г. Блох[213]. Дж. Гилингем отмечал, что превращение любви в важное условие брака начиная с XII в. стало, с одной стороны, следствием утверждения принципов свободы и нерасторжимости брачного союза, а, с другой, роста популярности теории Гиппократа, согласно которой жена должна была испытывать удовольствие во время зачатия ребенка, что могло быть затруднительно в случае если женщине был неприятен ее муж[214]. К. Брук исследовал как сочетались идеи добровольности брачного союза и супружеской любви, унаследование из античной культуры, с христианским учением о браке, а также как уживались идеи равенства супругов перед богом и подчинение жены мужу[215].

Изучая эволюцию взглядов представителей церкви на брак, И. Реаль предприняла исследование житий святых, написанных во франкском королевстве в середине V — середине VIII вв., и нашла в них отражение изменения восприятия брака в среде клириков: если в агиографии VII в. господствует взгляд на брак как мирской, содержащий в себе семена греха, институт, то в Каролингскую эпоху вновь возвращается концепт «честного брака», известный еще с античных времен. Реаль считает, что причиной подобных изменений стало стремление

---

[211] Об этом подробнее см., например, в Блонин В.А. Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII в. // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 157–179.

[212] См. Nichols S.G. An Intellectual Anthropology of Marriage in the Middle Ages // The New Medievalism. Baltimore, 1991. P. 70-95.

[213] См. Bloch R.H. Medieval Misogyny // Representations. 1987. No. 20. P. 1-24.

[214] Gillingham J. Love, Marriage and Politics in the Twelfth Century // Forum for Modern Language Studies, 1989. Vol. XXV, No. 4. P. 292–303. П. Шеингорн, в ходе изучения образа Бога-Отца в Средневековом искусстве, пришла к выводу, что, с одной стороны, ему придавались материнские черты, а, с другой, он часто изображался как муж Девы Марии, оттесняя в этом качестве св. Иосифа на второй план. Сама же Дева Мария при этом олицетворяла дочь/невесту заботливого и любящего Бога-Отца. Шеингорн видит в этом навязываемое женщинам восприятие идеального брака. Главной целью подобных сюжетов было стремление сделать более привлекательным для юных женщин браки с мужчинами, значительно старше их по возрасту, изображая их как более заботливых и нежных мужей. Исследовательница считает, что «материнский» образ Бога-Отца должен был помочь девушкам, которых добровольно-принудительно отдавали замуж за пожилых мужчин, смириться с их участью, что в свою очередь способствовало сохранению ценностей патриархата в обществе (см. Sheingorn P. The Maternal Behavior of God: Divine Father as Fantasy Husband // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 77–99).

О супружеской любви см. также: Noonan J.T. Marital Affection in the Canonists // Collectanea Stephan Kuttner // Studia Gratiana. 1967. Vol. 12. P. 479 – 509; Leclercq J. Monks on Marriage: A Twelfth–Century View. N. Y., 1982; Sheehan M.M. Maritalis Affectio Revisited // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World. N. Y., 1991. P. 32–43; Kooper E. Loving the Unequal Equal: Medieval Theologians and Marital Affection // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World. N. Y., 1991. P. 44–56; Baldwin J.W. Consent and the Marital Debt: Five Discourses in Northern France around 1200 // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies. Washington, 1993. P. 257–270; Classen A. Family Life in the High and Late Middle Ages: The Testimony of German Literary Sources // Medieval Family Roles. A Book of Essays. N. Y. and L., 1996. P. 39–66.

[215] Brooke C.N.L. The Medieval Idea of Marriage. N. Y., 1989. См. об этом также в Duggan Ch. Equity and Compassion in Papal Marriage Decretals to England // Love and Marriage in the Twelfth Century. Leuven, 1981. P. 59–87.

клириков и мирян сохранить семейное имущество с помощью пропаганды моногамных браков[216].

Дж. Уоткинс обратился к изучению брака как одного из инструментов средневековой дипломатии. Опираясь преимущественно на литературные источники, сравнивая «Энеиду» Вергилия с «Гетикой» Иордана и «Историей лангобардов» Павла Диакона, исследователь рассматривает плюсы и минусы династических браков как средства объединения народов и государств. Уоткинс указывал на то, что взгляд Вергилия на подобные браки как на культурный обмен, был заимствован и адаптирован такими авторами как Григорий Турский, и Беда Достопочтенный для интерпретации браков между христианками и язычниками, как одного из путей миссионерской деятельности. Однако подобный подход вскоре привел к отстранению женщин от дипломатической деятельности клириками и прелатами. Только распространение культа Девы Марии вновь несколько повысило ценность женщин в качестве миротворцев. Однако традиционный немецкий скептицизм в отношении династических браков, актуализация конфликта между частными и государственными интересами, отмеченного для династических браков еще Вергилием, вкупе с новыми религиозными идеями, возникновением торговых и ремесленных гильдий и изобретением книгопечатания, препятствовали дальнейшей реализации миротворческой функции невест и жен[217].

Другим направлением исследования средневековой семьи стало изучение детей и детства. Активное обращение к этой проблематике относится ко второй половине XX в. и было связано с работой Ф. Арьеса «L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime»[218], которую он опубликовал в 1960 г. Помимо основного тезиса об отсутствии в средневековом обществе восприятия детства как особого периода в жизни человека (заключение, к которому Арьес приходит в том числе на материале изобразительного искусства[219]), историк затрагивает и тему отношений в семье, утверждая, что этот период характеризуется отсутствием глубокой эмоциональной привязанности между ближайшими родственниками. Причиной этого было, по мнению Ф. Арьеса, преобладающее воспитание вне индивидуальной семьи, «в людях», что препятствовало сближению детей и родителей, возникновению между ними экзистенциальных чувств[220]. Изменения в восприятии детства начинают фиксироваться

[216] Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout, 2001.
[217] Watkins J. After Lavinia: A Literary History of Premodern Marriage Diplomacy. Ithaca, 2017.
[218] Ariès P.L. Enfant et la vie familia le sous l'Ancien Régime. P., 1960. Русский перевод: Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. О роли книги в западноевропейской и американской исторической науке см. в Hutton P.H. Decades of Debate about Centuries of Childhood // Philippe Aries and the Politics of French Cultural History. Amherst, 2004. P. 92–112; Heywood C. A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times. Cambridge, 2001. P. 11–12; Classen A. Philippe Ariès and the Consequences: History of Childhood, Family Relations, and Personal Emotions: Where do we stand today? // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the results of a paradigm shift in the history of mentality. B., 2005. P. 1–65.
[219] Критику методов анализа Арьесом изобразительного искусства см., например, в Forsyth I.H. Children in Early Medieval Art: Ninth Through Twelfth Centuries // Journal of Psychohistory. 1976–77. Vol. 4. P. 31–70.
[220] См. Арьес Ф. Указ. соч. С. 351–354.

только с XVI в., а к XVIII в. ребенок превращается в «центр» семейной жизни, что автор связывает с сокращением детской смертности[221].

Теория французского историка об «открытии детства», в целом, была принята в научном мире[222], хотя время, когда было совершено «открытие»[223] и вопрос о «первооткрывателях»[224] вызвали серьезные споры. Одной из первых выводы Арьеса подвергла сомнению М. Маклахлин. На материале агиографии, права, личной переписки и литературных текстов исследовательница доказала, что детство воспринималось в Средние века как особый период жизни человека, а в отношениях детей и родителей присутствовали эмоции, индивидуальные в каждом конкретном случае[225]. Д. Херлихи считал, что присвоение особого статуса детству в Средние века произошло в XII в. и связано с изменениями в экономике и эпидемиями: коммерциализация требовала развития у будущих взрослых определенных навыков, что

[221] Параллельно с Арьесом к схожим выводам приходит Г. Боас, который пишет о появлении в XVI в. «культа детства» (см. Boas G. The Cult of Childhood. L., 1966).

[222] Степень принятия, однако, оценивается неоднозначно. Так, Д. Херлихи считает теорию Арьеса общепринятой (см. Herlihy D. Medieval Children // Women, Family and Society in Medieval Europe: Historical Essays, 1978–1991. Oxford, 1995. P. 216–217). К. Хейвуд же указывает на то, что лишь немногие профессиональные историки безоговорочно согласились с интерпретацией Арьеса, большинство же отнеслось к ней с разной степенью скептицизма, указывая, прежде всего, на методологическую слабость его работы, в отличие от социологов и психологов, среди которых доверие к ней, по его мнению, неоправданно высоко (см. Heywood C. Opp. cit. P. 11–12). О популярности теории Арьеса преимущественно у «неспециалистов» пишет и Дж. Шульц (см. Schultz J.A. No Girls, No Boys, No Families: On the Construction of Childhood in Texts of the German Middle Ages // The Journal of English and Germanic Philology. 1995. Vol. 94. No. 1. P. 60). К. Таглиа говорит о полном опровержении медиевистами теории Арьеса (см. Taglia K.A. The Cultural Construction of Childhood: Baptism, Communion, and Confirmation // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. Kalamazoo, 1999. P. 255–256). Критику «открытия» детства см. также в Shahar Sh. Childhood in the Middle Ages. L., 1990; Orme N. Medieval Children. New Haven and L., 2001.

В. Вуоланто говорит о необходимости изучать детство не просто как период пассивности в жизни человека, предшествующий взрослости, а исследовать ребенка-деятеля, активного и сознательного участника жизни общества, способного повлиять на окружающую действительность (см. Vuolanto V. Agency, Experience, and the Children in the Past. The Case of Roman Childhood // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 11–24; см. об этом также Katajala-Peltomaa S., Vuolanto V. Children and Agency: Religion as Socialisation in Late Antiquity and the Late Medieval West // Childhood in the Past. 2011. Vol. 4, No. 1. P. 79–99). С другой стороны, в одной из последних публикаций, посвящённых проблеме детства в Средние века П. Ньюмэн безоговорочно принимает теорию Арьеса (см. Newman P.B. Growing Up in the Middle Ages. L., 2007).

[223] М. Такер, К. Бек, К. Клапиш, Р. Гоулдфэйт называют XV в. (см. Tucker M.J. The Child as Beginning and End: Fifteenth and Sixteenth Century English Childhood // History of Childhood. N. Y., 1974. P. 229; Herlihy D. Medieval Children. P. 218), Л. Де Мос считает, что полноценное «открытие» детства произошло только в XX в. (см. de Mause L. The Evolution of Childhood // History of Childhood. N. Y., 1974. P. 52–55), П. Рише указывает на VI–VIII в. (цит. по. Herlihy D. Medieval Children. P. 218). О других версиях см. подробнее в Heywood C. Opp. cit. P. 19–31.

[224] П. Робертсон, например, считает таковым Ж.–Ж. Руссо (см. Robertson P. Home as a Nest: Middle Class Childhood in Nineteenth–Century Europe // History of Childhood / Ed. by L. deMause. N. Y., 1974. P. 407), по мнению П. Рише это открытие сделали раннесредневековые монахи–педагоги (цит. по. Herlihy D. Medieval Children. P. 218). О других версиях см. подробнее в Heywood C. Opp. cit. P. 19–31.

[225] См. McLaughlin M. Survivors and Surrogates: Children and Parents from the Ninth to the Thirteenth Centuries // History of Childhood. N. Y., 1974. P. 101–181. См. также: Holmes U.T. Opp. cit. P. 164–172.

повысило требования к педагогам[226], а высокая смертность от болезней привела к осознанию хрупкости детской жизни и увеличило вложения в здоровье детей[227].

Дж. Шульц, изучая репрезентацию детства в произведениях, написанных на средеверхненемецком языке в период с 1100 по 1350 гг., попытался установить, является ли оно состоянием, которое сходным образом переживается во всех культурах (как предполагал И. Цингерле[228]), или детство — это относительно недавний социокультурный конструкт (как считал Ф. Арьес). Исследователь указывает на то, что и Цингерле и Арьес рассматривали не сами представления о детстве в Средние века, а то, насколько они соответствовали современным им идеям. Он соглашается с доводом Цингерле о том, что если в культуре выделяется и осознается как особенный, качественно отличный от других период жизни, предшествующий взрослому состоянию человека, то значит мы можем называть его детством, даже если представления о нем у современников не соответствуют нашим. Шульц находит в рассматриваемых источниках явные свидетельства существования идеи детства в Средние века[229].

В. Гарвер подняла проблему влияния проповеди целибата и бездетности на восприятие деторождения и детей[230]. Изучая отношение к детям в эпоху Каролингов, она, во–первых,

---

[226] О связи детства и образования см., например, в Hanska J. Education as an Investment. The Childhood of Pietro del Morrone in the Thirteenth Century Abbruzzi // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages. Rome, 2005. P. 157–166; Niiranen S. Ensenhamen. Educational Ideal and Elite Women in Twelfth and Thirteenth Century Occitania // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages. Rome, 2005. P. 167–178. Отдельного внимания, по мнению М. Калогероса, заслуживает изучение роли родителей в образовании детей, что помогает лучше понять структуру и место нуклеарных семей в системе родственных связей (см. об этом Kalogeras N. The Role of the Parents and Kin in the Education of Byzantine Children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages. Rome, 2005. P. 133–144). М. Кланчи на основе роста популярности в изобразительном искусстве XIV–XV вв. сюжета, изображающего св. Анну, которая обучает Деву Марию чтению, пришел к выводу о том, что причина этого кроется в том, что он отражал рост популярности домашнего религиозного образования (Clanchy M. Did Mothers Teach their Children to Read? // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 129–154; см. об этом также Sheingorn P. "The Wise Mother": The Image of St. Anne Teaching the Virgin Mary // Gesta. 1993. Vol. 32. No. 1. P. 69–80).

[227] См. Herlihy D. Medieval Children. P. 242–243.

[228] См. Zingerle I.V. Das deutsche Kinderspiel im Mittelalter. Wien, 1868.

[229] Schultz J.A. The Knowledge of Childhood in the German Middle Ages. Philadelphia, 1995. Несомненным достоинством книги является подробный анализ литературы, посвященной проблеме детства на основных европейских языках. См. также idem. No Girls, No Boys, No Families. P. 59–81.

[230] В. Гарвер также изучала влияние Грегорианской реформы на восприятие детства в период раннего Средневековья. Исследовательница приходит к выводу, что, подобно современным, раннесредневековые родителям понимали, что для превращения в достойных членов общества детям необходима особая забота и обучение. При этом, сторонники реформы считали, что воспитание детей, не важно предназначенных для церкви или мира, в едином ключе будет способствовать унификации христианских верований и практик. Идеальная программа воспитания предполагала: изучение основ христианской веры, пение Псалмов и частые молитвы, корректировку отклоняющегося поведения. Гарвер считает, что обучая детей контролю за своими эмоциями и порывами, каролингские клирики таким образом способствовали их более успешному включению в сообщество взрослых и успеху в нем. При этом, поощрялось формирование эмоциональной привязанности между детьми и родителями (см. Garver V.L. The Influence of Monastic Ideals upon Carolingian Conceptions of Childhood // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B., 2005. P. 67–85).

К. Даува находит следы детской образовательной программы в написанном в прозе на старофранцузском романе «Ланселот» (см. Dover C. Why Did Lancelot Need an Education? // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B., 2005. P. 247–264). Хотя, как отмечает автор, упоминания о детстве почти полностью отсутствуют во французском поэтическом Артурианскм цикле XII – начала XIII вв., в прозаическом «Ланселоте» детально описывается программа обучения рыцаря с рождения до восемнадцатилетия, которая совмещает физические тренировки с изучением общепринятых для благородного юноши дисциплин. Даува отмечает также, что осознание того, что она вырастила идеального рыцаря, помогает Деве Озера — приемной матери Ланселота — с правиться с болью от расставания с ним. О важности детского послушания, особенно матерям см. в Smith L. Who is my Mother? Honouring Parents in Medieval Exegesis of the Ten Commandments // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 155–172.

приходит к выводу, что родители любили своих детей с момента их рождения, а смерть ребенка тяжело переживалась ими. Во–вторых, несмотря на желательность целибата, деторождению отводилось важное место в жизни каролингского общества и семьи, а бездетные пары и особенно женщины испытывали сильное давление со стороны общества, как и женщины, у которых не было сыновей. Духовенство, в свою очередь, использовало вопрос деторождения для утверждения принципа нерасторжимости брака, перестав считать отсутствие детей поводом для его прекращения. Бездетность признавалась ими не медицинской проблемой[231], а духовной, и считалась признаком грешности супругов, которая может быть преодолена путем должного покаяния. При этом, чаще всего виновной в этом, а также в рождении больных и увечных детей[232], считалась женщина, которая могла даже лишиться своего социального статуса и быть опозорена[233].

Другим направлением исследований, к которому привлек внимание Ф. Арьес, стало изучение отношений между членами семьи, особенно детьми и родителями, и их эмоциональной составляющей[234]. Как уже было отмечено выше, сам французский медиевист считал, что отношения в средневековых семьях были лишены эмоциональной привязанности в силу воспитания детей вне родительской семьи. Соглашаясь в целом с доводами Арьеса, Д. Херлихи указывал на то, что подобному положению дел способствовала и христианская церковь, для которой семейные связи и обязанности были синонимом мирских забот, отвлекавших человека от служения Господу[235].

Последний довод опровергает К. Руссо, которая на основе анализа декретов и личной корреспонденции папы римского Иннокентия III пришла к выводу, что последний всячески стремился подчеркнуть важность кровного родства, эмоциональной привязанности и взаимной ответственности членов семьи. Напротив, метафорическому родству в его рассуждениях отводилось незначительное место[236]. Дж. Йохенс утверждала, что в германской

---

[231] О бездетности как медицинской проблеме в Средние века см. в Green M.H. Making Motherhood in Medieval England: The Evidence from Medicine // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 173–204; Hunt T. Obstacles to Motherhood // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 205–212.

[232] См. об этом MacLehose W.F. Nurturing Danger: Medicine and the Problem(s) of the Child // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 3–24.

[233] Garver V.L. Childbearing and Infancy in the Carolingian World // Journal of the History of Sexuality. 2012. Vol. 1, No. 2. P. 208–244.

[234] П. Стаффорд отмечает, что сложность изучения родительства и детства, особенно в периода раннего Средневековья, связана не только с источниковой базой (небольшим количеством самих источников, их относительной релевантности, типичностью и тем, что в большинстве своем они были написаны духовными лицами), но и с тем, что в них переплетаются идеалистические представления и реальность (см. Stafford P. Parents and Children in the Early Middle Ages // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10. P. 259).

[235] Herlihy D. Medieval Households. P. 114. Подобной точки зрения придерживался и антрополог Дж. Гуди, однако причину такого отношения церкви к семейным узам он видел в ее меркантильной заинтересованности в имуществе верующих (см. Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983. P. 156). Критикуя подход Гуди, М. Шиан указывал, что в вопросах регулирования семейных отношений церковью руководило искреннее стремление утвердить принципы, установленные Библией (см. Sheehan M.M. The European Family and Canon Law // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies. Toronto, 1996. P. 247–262).

[236] См. Rousseau C.M. Kinship Ties, Behavioral Norms, and Family Counseling in the Pontificate of Innocent III // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. Kalamazoo, 1999. P. 325–347. Большое значение, по мнению К. Руссо, папа Иннокентий III придавал и гармоничным

языческой культуре вообще отсутствовала модель отношений между матерью и ребенком, построенная на взаимной эмоциональной привязанности, подобно христианской паре Иисус-Дева Мария. Любящие матери «появляются» в Скандинавии только после принятия христианства и в основном встречаются в агиографии[237].

Важное место проблемы, связанные с эмоциональной привязанностью между членами семьи, занимают в исследованиях Б. Ханауолт. На основе изучения «Писем Лайлов»[238] она утверждала, что даже воспитание в приемной семье не только не ослабляло привязанности между родителями и детьми, но и создавало вокруг последних расширенную семью, члены которой обеспечивали друг другу эмоциональную поддержку, помогали делать картеру при дворе и заключить выгодные браки[239]. Ханауолт считала наличие эмоциональной привязанности между детьми и родителями в Средние века нормой[240].

Исследование эмоциональной компоненты отношений между сиблингами в период Средневековья предприняла К. Ларрингтон[241]. Она отмечает, что в литературе чаще идет речь о взаимоотношениях братьев, чем сестер или сестер с братьями. Главным побудительным мотивом действий брата/сестры изображается стремление выделиться среди прочих сиблингов. В случаях, когда им удавалось успешно дополнять друг друга, это становилось

эмоциональным и сексуальным отношениям между супругами (см. Rousseau C.M. The Spousal Relationship: Marital Society and Sexuality in the Letters of Pope Innocent III // Mediaeval Studies. 1994. Vol. 56. P. 89–109).

[237] Jochens J. Old Norse motherhood // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 201–222.

[238] «Письма Лайлов» (анг. The Lisle Papers/ The Lisle Letters) — корреспонденция, которую Артур Плантагенет, виконт Лайл, и его жена Хонора Гренвилл получали в период с 1533 по 1540 гг., находясь в Кале, от своих детей, родственников, друзей, королевских чиновников, слуг.

[239] Hanawalt B.A. Female Networks for Fostering Lady Lisle's Daughters // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 239–258.

[240] Эту же точку зрения она обосновывает в своей работе «The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England» (Hanawalt B.A. The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England. N. Y., 1986), которая посвящена изучению семьи и семейной жизни в средневековой Англии. В ней автор рассматривает различные аспекты жизни крестьянских семей, уделяя особое внимание чувствам, связывавшим членов семьи, детству и воспитанию детей. В частности, она приходит к выводу, что жизнь крестьянских детей в Средние века, по сути, мало отличалась от жизни детей современных: они проходили через те же стадии на пути взросления, а родители испытывали к ним чувства, сходные с переживаниями современных родителей. Ханауолт утверждает, что эмоциональная привязанность между мужьями и жена была распространенным элементом супружеской жизни английских крестьян в этот период.

Я. Рейс также указывает на явную любовь Пьера Абеляра к их с Элоизой сыну Астролябию, которая нашла свое отражение в ряде его сочинений (см. Ruys J.F. Peter Abelard's Carmen ad Astralabium and Medieval Parent–Child Didactic Texts: The Evidence for Parent–Child Relationships in the Middle Ages // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B. and N. Y., 2005. P. 203–227). Той же точки зрения на наличие привязанности между детьми и родителями в Средние века придерживаются Дж. Джост (см. Jost J.E. Medieval Children: Treatment in Middle English Literature // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B. and N. Y., 2005. P. 307–328) и Л. Ханикатт (Huneycutt L.L. Public Lives, Private Ties: Royal Mothers in England and Scotland, 1070–1204 // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 295–312). Дж. Нельсон подвергла изучению использование Дуодой Септиманской своих снов, навеянных 75 Псалмом, для успокоения своего сына, который поступил в свиту своего дяди графа Отёна Тьерри (см. Nelson J.L. Dhuoda on Dreams // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 41–54).

[241] Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester, 2015. В качестве причины преимущественного использования в качестве источников литературных произведений исследовательница указывает на скудность сведений об этой стороне взаимоотношений братьев и сестер в исторических источниках выбранного ею периода. Возможно, именно этим объясняется небольшое количество исследований, посвященных отношениям между этими категориями родственников в период Средневековья. См. об этом в Larrington C. Opp. cit. P. 1; Van Deusen N.M. [Rev.:] Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester: Boydell & Brewer, 2015. 285 p. // Journal of English and Germanic Philology, 2017. Vol. 116. No. 2. P. 256. Об основных достижения, проблемах и направлениях в изучении отношений сиблингов см. в Lett D. L'histoire des frères et des sœurs // Clio. 2011. No. 34. P. 182–202.

основой прочной консолидации[242]. Когда сиблинги стремились занять одну социальную позицию, чаще всего место наследника, это приводило к конфликтам и даже убийствам. Особенно характерно последнее было для взаимоотношений сестер, которые часто описывались как лишенные индивидуальности и взаимозаменяемые. Основным лейтмотивом отношений между братьями и сестрами в средневековой литературе, по мнению Ларрингтон, является верность. Д. Поланичка, рассматривая взаимодействия между детьми и внуками Карла Великого в изображении Нитхарда, приходит к выводу, что «братская любовь» (*fraternitas*) не только является основой взаимоотношений в семье, но и определяет жизнь всей империи Кала Великого (хорошие или плохие отношения между братьями, сыновьями и отцом, по сути, являлись причиной начала войн и заключения перемирий). При этом, чувства остаются недостаточно прочным основанием для устойчивых отношений между родственниками, которые стремится подкрепить его взаимными клятвами и другими доступными средствами (духовным родством, обменом дарами и т.д.) [243].

Одним из аспектов родственных взаимоотношений, который с давних пор привлекал внимание не только антропологов, но и историков, стал вопрос отношений между детьми женщины, особенно сыновьями, и ее братом[244]. Еще в начале XX в. появилась работа В.О. Фансворфа посвященная изучению отношений между дядьями и племянниками в описании в старофранцузских chansons de geste[245]. Французский исследователь опирался на теорию И.Я. Бахофена о матрилинейности, но, в отличие от автора «Материнского права», В.О. Фансворф связывает эту стадию развития семейного коллектива только со счетом родства и отвергает возможность верховенства женщин в остальных сферах[246]. Целью

[242] Дж. Лайон считает, что раннесредневековая немецкая аристократия (Штауфены, Вельфы, Веттоны и др.) своим успехом во многом была обязана успешному взаимодействию между сиблингами, как в светской, так и в духовной сфере. Сокращение числа детей в этих семьях, по мнению исследователя, привело к переходу от кооперации между братьями и сестрами к соперничеству (см. Lyon R. Princely Brothers and Sisters. The Sibling Bond in German Politics, 1100–1250. Ithaca, N. Y. and L., 2012).

[243] Polanichka D.M. Opp. cit. P. 23–36. См. также Polanichka D., Cilley A. The Very Personal History of Nithard: Family and Honour in the Carolingian World // Early Medieval Europe. 2014. Vol. 22, No. 2. P. 171–200. Исследовательница считает, что в основе единства Каролингского мира лежало восприятие политической элиты, прежде всего правящей династии, себя как грешников, одним из самых страшных проступков которых была вражда с родственниками, и которые стремились добиться прощения и, поэтому всегда охотно просили и давали его другим.

[244] Казус, связанный с авункулатом — близкими отношениями между детьми женщины и ее братом — был зафиксирован антропологами, занимавшимися изучением родства, у многих народов, и немедленно обратил на себя их внимание. Сторонники эволюционизма и единообразия исторической преемственности между материнско– и отцовско–родовыми системами объясняли его тем, что в период промискуитета и господства матрилинейности мужчина не мог быть уверен в отношении своего отцовства, что делало его ближайшими родственниками детей сестры, в родстве с которым он, напротив, не мог сомневаться. Антропологи, отвергавшие промискуитет вынуждены были искать другие трактовки причин этого явления. Оригинальное объяснение авункулата предложил А.Р. Рэдклифф–Браун, который считал, что причина его кроется в распространении на брата отношений, сложившихся между матерь и ребенком (см. Никишенков А.А. История британской социальной антропологию. С. 275). К. Леви–Стросс предполагал, что в основе авункулата лежит необходимость объединения Эго с как можно более широким кругом родственников (см. Guerrieri A.M. The Figure of the Maternal Uncle in the Old Germanic Tradition // Studi Germanici. 2014. No. 6. P. 127). Современные антропологи видят в авункулате не пережиток одной эпохи в условиях другой, а обычай, функционально нагруженный в матрилинейных, равно как и в патрилинейных, обществах (см. Авункулат // Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 881).

[245] Farnsworth W. O. Uncle and Nephew in the Old French Chansons de Geste: A Study in the Survival of Matriarchy. N. Y., 1913.

[246] См. Farnsworth W. O. Opp. cit. P.1–2.

Фансворфа являлось доказательство гипотезы о том, что близкие отношения между дядьями и племянниками, особенно с материнской стороны, которые описаны в старофранцузских chansons de geste, являлись пережитком матриархата[247].

По мере нарастания критики эволюционизма (и преемственности матрилинейности и патрилинейности как части этой концепции) в антропологии, изменяется взгляд на сущность авункулата. Я. Бреммер, возвращаясь к идее Г.С. Мейна о *patria potestas* как основе родственных отношений, высказал точку зрения о том, что близкие отношения Эго и дяди по матери являются следствием отсутствия у последнего, как и у других родственников по женской линии, родительской власти над индивидом, что способствует их сближению. Преимущественное усыновление детей дядьями по матери объясняется принципом воспитания вне круга семьи Эго[248].

Т. Гарбати, анализируя предшествующие попытки исследователей найти истоки особых отношений Эго с его дядей по матери, приходит к выводу о том, что они развивались в высших слоях «героических» обществ, в которых установление отцовства было затруднительно. Утверждать что–либо кроме этого (например, матрилинейность или патрилинейность системы родства), по мнению автора, мы не можем, несмотря на использование им достижений не только истории и антропологии, но и фольклористики и биологии[249].

Еще одним направлением исследований, связанных с родством, стало изучение переживания и восприятия в Средние века отдельных его степеней, прежде всего, *материнства* и *отцовства*.

---

[247] Об этом см. также Aron A.W. Traces of Matriarchy in Germanic Hero–Lore. Madison, 1920. Схожую задачу, но на более широком материале, пытался решить К.Х. Белл (см. Bell C.H. The Sister's Son in The Medieval German Epic: a Study in the Survival of Matriliny // Modern Philology. 1922. № 10. P. 67–182). Разделяя, как и Фансворф, концепцию матрилинейности, он приходит к схожим с ним выводам, доказывая их на материале эпоса древних германцев. В частности, он обращает внимание на то, что в древнегерманском эпосе роль отца сводится к минимуму, а когда он умирает, то именно брат жены становится опекуном его детей, а они — его наследниками (Ibid. P. 87–88). Ф.Б. Гаммир указывает на отсутствие упоминаний о привязанности между братом и сестрой в английских и шотландских балладах, тогда как особые отношения между племенником и дядей с материнской стороны наоборот всячески подчеркиваются. По его мнению, это подтверждает существование матрилинейности (см. Gummere F.B. The Sister's Son // An English Miscellany Presented to F.J. Furnivall. Oxford, 1901. P. 133–150).

[248] Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. 1976. No. 14. P. 65–78. Хотя в целом работа представляет собой, скорее антропологическое исследование, тем не менее, Я. Бремме использует, вслед за В.О. Фансворфом и ряд исторических источников. См. также Bremmer J. The Importance of Maternal Uncle and Grandfather in Archaic and Classical Greece and Early Byzantium // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1983. Bd. 50. P. 173–86.

[249] Garbaty T.J. The Uncle–Nephew Motif: New Light into its Origins and Development // Folklore, 1977. Vol. 88, No. 2. P. 220–235. Избрав в качестве объекта исследования отражение авункулата в поэме «Беовульф» Р. Бреммер не ставил своей целью объяснение его авункулата, а лишь хотел найти его следы в поэме и уяснить их смысловую нагрузку. Констатируя наличие особых отношений между указанными категориями родственников в «Беовульфе», Бреммер на их основе даже делает вывод о том, что Беовульф был дядей Виглафа по матери. С другой стороны, он указывает на то, что в поэме подчеркивается и связи мужчины и его дяди по отцу, что, по мнению Р. Бреммера, является попыткой автора дать возможность слушателям лучше понять героев поэмы (Bremmer R.H. The importance of Kinship: Uncle and Nephew in Beowulf // Amsterdamer Beitragezur Alteren Germanistik. 1980. No. 15. P. 65–78).

Проблема истоков авункулата, принципов его действия и т.д. до сих пор относится к неразрешенным и привлекает внимание историков, лингвистов и антропологов. Среди наиболее интересных работ, посвященных ей можно отметить: Graf von Pfeil S. Avunkulat // Reallexikon der Germanische Altertumskunde. Bd. 1. B., 1973. S. 525–527; Beekes R.S.P. Uncle and nephew // Journal of Indo–European Studies. 1976. Vol. 4. P. 43–63; Bajema I.M. The Mother's Brother: an Investigation into the Meaning of Old English eam // Neophilologus, 1994. No. LXXVIII. P. 633–43; Nolte Th. Das Avunculat in der deutschen Literatur des Mittelalters // Poetica. 1995. Vol. 27, No. 3/4. S. 225–253; Guerrieri A.M. The Figure of the Maternal Uncle in the Old Germanic Tradition. P. 123–146.

На основе изучения формирования и развития идеологии *материнства* в Средние века[250] К. Аткинсон пришла к выводу, что материнство — это не естественные переживания любой женщины, а социальный институт, содержание и функции которого менялись на протяжении всего Средневековья (всего она насчитывает три его модели). Аткинсон утверждала, что взгляды на материнство формировались, прежде всего, под влиянием церкви, которая корректировала их в зависимости от собственных потребностей: от превознесения духовного материнства в Раннее Средневековье, когда требовалось утвердить христианские ценности среди населения Европы[251], до защиты и поддержки института семьи и биологического материнства через распространения культа Святого Семейства, начиная с XII в., в связи с увеличением числа ересей, многие из которых отвергали институт брака. Аткинсон, в частности, отмечает рост с XIII в. числа женщин–святых, которые состояли в браке и были матерями, хотя до этого среди канонизированных преобладали девственницы[252]. Обратившись к изучению образа матери в литературе XIV в. Дж. Парсонс пришел к выводу, что материнство в этот период ассоциировалось, прежде всего, с заботой о детях и их воспитанием, а не с их воспроизводством[253]. Р. Тернер, напротив, считал, что, хотя родители-аристократы могли демонстрировать чувства по отношению к своим детям, они не считали заботу о них своей основной обязанностью. Даже для женщины руководство хозяйством, исполнение обязанностей регента в отсутствие мужа, ведение переговоров и заключение браков своих детей считались более важным, чем воспитание детей, которым они занимались совместно со слугами, няньками и другими родственниками[254]. Т. Адамс указывала на то, что, хотя главным

[250] О том, как семейная жизнь и материнство воспринимались самими женщинами в Классическое Средневековье, какое место занимали в их мыслях и повседневной жизни см., например, Membrives E.P. Mutterliebe aus weiblicher Perspektive: Zur Bedeutung von Affektivität in Frau Avas Leben Jesu (Maternal Love from a Female Perspective: On the Significance of Affection in Frau Ava's Leben Jesu) // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the results of a paradigm shift in the history of mentality. B., 2005. P. 87–103.

[251] К. Ини в ходе изучения влияния грегорианской реформы на взгляды на материнство, брак и место женщины в обществе, нашедшие свое отражение в дидактической литературе эпохи Каролингов, отмечала, что в нравоучительных произведениях этого периода отношение к женщине, материнству и браку стало более терпимым по сравнению с тем, которое присутствует в сочинениях некоторых ранних Отцов церкви. Она объясняет это, прежде всего, социокультурными и психологическими изменениями в общественном сознании (см. Heene K. The Legacy of Paradise: Marriage, Motherhood and Woman in Carolingian Edifying Literature. Frankfurt–am–Main, 1997). См. об этом также Moore R.I. Family, Community, and Cult on the Eve of the Gregorian Reform // Transactions of the Royal Historical Society. 1980. Ser. 5, Vol. 30. P. 60–63; MacLean S. Queenship, Nunneries and Royal Widowhood in Carolingian Europe // Past & Present. 2003. No. 178. P. 3–38.

[252] Atkinson C.W. The Oldest Vocation. Christian Motherhood in the Middle Ages. Ithaca, N. Y., 1991.

[253] Parsons J.C. The Pregnant Queen as Counsellor and the Medieval Construction of Motherhood // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 39–61. При этом беременная королева обладала особым влиянием, т.к. именно в этот период жизни она больше всего напоминала Деву Марию (беременность и аналогия с матерью Христа приводила к восприятию женщины в качестве девственницы и уменьшала ее сексуальную власть над королем). Конструируя идеальный образ беременной королевы, писатели указывали женщинам на то, что они должны были быть образцами поведения для женской части своих подданных, и подчеркивали необходимость восприятия церкви и королевства как своей семьи, а себя как матери для всех своих подданных. При этом, особая роль отводилась королевам как заступницам перед мужьями за подданных.

О Деве Марии — Царице Небесной — как образе идеальной земной матери–королевы см. в Stroll M. Maria Regina: Papal Symbol // Queens and Queenship in Medieval Europe. Woodbridge, 1997. P. 173–204; Mellon J. The Virgin Mary in the Perceptions of Women: Mother, Protector and Queen since the Middle Ages. Jefferson, 2008; Leyser C. From Maternal Kin to Jesus as Mother: Royal Genealogy and Marian Devotion in the Ninth–century West // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 21–40.

[253] Parsons J.C. The Pregnant Queen as Counsellor and the Medieval Construction of Motherhood. P. 39–61.

[254] Turner R.V. The Children of Anglo–Norman Royalty and Their Upbringing // Medieval Prosopography. 1990. Vol. 11, No. 2. P. 17–52.

проявлением материнской любви в Средние века считалось стремление обеспечить своим детям лучшую долю, на пути к его реализации женщины были ограничены патриархатом, царившим в обществе. Подобный подход привел современных исследователей к мысли о том, что между матерью и ребенком в Средние века не образовывалась эмоциональная привязанность[255].

Комплексное изучение вопросов, связанных с восприятием *отцовства*[256] в период Средневековья предприняла Р. Мосс. Она обратила внимание на тот факт, что, хотя патриархат как одна из основных черт средневекового общества достаточно хорошо изучены, отцовство и связанные с ним вопросы (отношения с детьми, отношения с отчимами, незаконнорожденность и т.д.) крайне редко становились предметом исследования. В качестве источников для его изучения Мосс использует личную корреспонденцию и рыцарские романы, в основном относящиеся к XIV в. Исследовательница отмечает, что в большинстве романов отец мертв или находится далеко от сына, а их взаимоотношения крайне редко описываются на страницах произведений, тогда как многие письма представляют собой корреспонденцию этих двух родственников. Напротив, Мосс не находит следов переписки между отцами и дочерями, хотя в романах эта пара персонажей встречается достаточно часто, при это в большинстве случаев отец демонстрирует сексуальный интерес к дочери, которая, в свою очередь, чаще всего стремится всеми способами избежать подобного внимания. Мосс также рассматривает значение, которое придавалось наличию у мужчины детей для его социального статуса[257] и отношения внутри бездетных пар. Основой взаимоотношений отца и детей в Средние века Мосс считает авторитет, существование которого не подвергается сомнению ни в письмах, ни в романах[258]. К. Руссо, сравнивая сформировавшиеся под

[255] Adams T. Medieval Mothers and their Children: The Case of Isabeau of Bavaria // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B., 2005. P. 265–289. На примере Изабеллы Баварской она показывает, что одной из причин этого было положение которое женщины занимали в обществе. Матери–аристократки представляли собой фигуры с минимальной властью, занимающие более низкое, по сравнению с их мужьями, положение, главной задачей которых в глазах общества было закрепление в сознание детей ценностей строго иерархического общества эпохи Средневековья. Адам также приводит доказательства того, что сама Изабелла Баварская, традиционно изображавшаяся современниками и историками как самая известная «плохая мать» Средневековья, на самом деле поддерживала близкие отношения со своими детьми. Ее «недостатки» как матери во многом были результатом незавидного положения, в котором она часто оказывалась, будучи королевой, и обвинений ее политических противников.

Стремление помочь своим сыновьям лучше устроиться в жизни, по мнению С. Гранди, руководило и большинством матерей–ведьм, встречающихся в скандинавских сагах. Сыновья, в свою очередь, предоставляли матерям защиту и поддержку (см. Grundy S. The Viking's Mother: Relations between Mothers and their Grown Sons in Icelandic Sagas // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 223–237).

[256] Об основных направления, достижениях, методиках и проблематике в исследовании *отцовства* см. в Griswold R.L. Introduction to the Special Issue on Fatherhood // Journal of Family History. 1999. Vol. 24. P. 251–254.

[257] К. Йёргенсен Итнир описала качества, которые средневековые исландские отцы хотели бы видеть в своих сыновьях, а какие были, по их мнению, не желательными, важность физического сходства отцов и сыновей, и реакцию родителей на смерть детей (Itnyre C.J. The Emotional Universe of Medieval Icelandic Fathers and Sons // Medieval Family Roles: A Book of Essays. N. Y., 1996. P. 173–196).

[258] Moss R.E. Fatherhood and its Representations in Middle English Texts. Woodbridge, 2013. См. об этом также Katajala–Peltomaa S. Fatherhood, Masculinity and Lived Religion in Late–Medieval Sweden // Scandinavian Journal of History. 2013. Vol. 38, No. 2. P. 22–244.

У. Эйрд рассмотрела отношения между английским королем Вильгельмом I и его старшим сыном Робертом Куртгёзом с точки зрения их гендерных ролей: как отца и сына, короля и подданного, и как мужчин. Исследовательница приходит к выводу, что Вильгельм Завоеватель стремился «продлить» юность своего сыны для того, чтобы дольше держать его в подчинении. В свою очередь, это мешало Роберту полностью сформировать свою гендерную идентичность, поскольку отец лишал его трех наиболее значимых для мужчины характеристик:

влиянием учения Аристотеля и господствовавшие в XIII в. представления об отце и матери, приходит к выводу, что первый воспринимался как биологический родитель, защитник и добытчик, не проявляющий особых эмоций по отношению к детям. Мать же заботилась о повседневных нуждах детей, физиологических и эмоциональных[259].

В рамках изучения родства и семьи в период Средних веков отдельному исследованию подверглась проблема формирования концепции законно-/незаконнорожденности и ее связи с ограничениями, которые данный статус накладывал на положение человека в обществе. Р. Дженесталь подробно описал правовой статус незаконнорожденных детей, способы их легитимации, а также терминологию, используемую для их обозначения[260]. Б. Шиммельпфенниг[261] и К. Таглила[262] обратились к изучению восприятия обществом и самовосприятия детей клириков, которые, из-за постепенного утверждения обязательности целибата, приобретали статус незаконнорожденных. Л. Вертгеймер рассмотрел причины, которые стояли за подобным строгим отношением к незаконнорожденным детям со стороны церкви. В X–XIII вв. католическая церковь утверждает принцип, согласно которому, дети клириков, а в последствие и все дети, рожденные в неосвященных церковью браках, не могли принимать духовный сан. При этом, церковь продолжала придерживаться принципа, согласно которому дети не несут ответственности за грехи, совершенные их родителями. По мнению автора, целью подобного ограничения было не только стремление установить контроль над сексуальными отношениями прихожан, которые, согласно церковной доктрине, были возможны только в браке благословлённым церковью, а также скорейшее утверждение безбрачия среди клириков. Вертгеймер считает, что церковь видела в незаконнорожденных детях, и особенно детях священников, неподходящих для принятия в сан лиц, поскольку они являлись физическим воплощением греха, в связи с чем не могли указывать на прегрешения

власти, собственного дома и признания его совершеннолетним. Конфликт усугублялся тем, что мать Робета — Матильда — поддерживала его властные притязания, не смотря на неудовольствие мужа, в чем последний видел вызов себе как *pater familias* (Aird W.M. Frustrated Masculinity: the Relationship between William the Conqueror and his Eldest Son // Masculinity in Medieval Europe. L., 1999. P. 39–55).

[259] Rousseau C.M. «Pater Urbis et Orbis»: Innocent III and His Perspectives on Fatherhood // Archivum Historiae Pontificiae. 1999. Vol. 37. P. 25–37. Руссо сравнивает эти взгляды с представлениями об отцовстве, содержащимися в трудах папы Римского Иннокентия III. Исследовательница приходит к выводу, что его представления о роли отца не были столь гендерно ограниченными, как господствующая концепция. Напротив, в своих письмах он часто указывал на то, что роли матери и отца пересекаются, и мужчина может принимать на себя заботы женщины по отношению к детям. Хотя главной задачей отца, по его мнению, является руководство детьми и их воспитание, это не исключает любви и заботы о них с его стороны. См. также Бойцов М.А. Германская знать XIV-XV вв.: приватное и публичное, отцы и дети // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С.239—260.

[260] Genestal R. Histoire de la legitimation des enfants naturels en droit canonique. P., 1905. Об отражении канонического права в местном законодательстве см., например, Adams N. Nullius Filius: A Study of the Exception of Bastardy in the Law Courts of Medieval England // The University of Toronto Law Journal. 1946. Vol. 6, No. 2. P. 361–384; Helmholz R.H. Bastardy Litigation in Medieval England // The American Journal of Legal History. 1969. Vol. 13, No. 4. P. 360–383.

[261] Schimmelpfennig B. Ex fornicatione nati: Studies on the Position of Priests' Sons from the Twelfth to the Fourteenth Century // Studies in Medieval and Renaissance History. 19792. Vol. 12. P. 1–50.

[262] Taglia K.A. 'On Account of Scandal...': Priests, Their Children, and the Ecclesiastical Demand for Celibacy // Foriekgium. 1995–1996. Vol.14. P. 57–70.

других и корректировать их[263]. Вертгеймер также обратил внимание на то, что, хотя на первый взгляд отношение к детям, рожденным вне законного брака в Римской империи и в Раннее Средневековье, было различным, при ближайшем рассмотрении между ними обнаруживается определенная преемственность[264].

Несмотря на то, что в указанных выше работах авторы затрагивали разные аспекты проблемы незаконнорожденности в Средние века, все их объединяет мнение о том, что именно католическая церковь через свои догматы и каноны стремилась разделить детей, рожденных в законном браке и вне его. Иной точки зрения придерживается С. МакДугалл. Исследовательница утверждает, что до конца XII в. статус внебрачного ребенка зависел, прежде всего, от положения его родителей (как отца, так и матери). Даже если законность их союза вызывала сомнения, знатные мужчина и женщина могли обеспечить наследование ребенком титула (даже королевского) и имущества[265]. Ухудшение положения внебрачных детей МагДугалл связывает не с деятельностью церкви, стремящейся утвердить христианские представления о браке в светской среде, а с активностью мирян, обращавшихся к каноническому право с целью исключить подобных детей из линии наследования[266].

Важным аспектом изучения родства и семейных отношений в Средние века является вопрос квазиродственных связей[267]. Одним из способов установления подобных связей было

---

[263] Wertheimer L. Children of Disorder: Clerical Parentage, Illegitimacy, and Reform in the Middle Ages // Journal of the History of Sexuality. 2006. Vol. 15, No. 3. P. 382–407. См. об этом также Kemp B. Hereford Bishops and Married Clergy, c. 1130–1240 // Historical Research, 1987. Vol. 50. P. 1–8; Kelleher M.A. 'Like Man and Wife': Clerics' Concubines in the Diocese of Barcelona // Journal of Medieval History. 2002. Vol. 28. P. 353–55. Анализ проблемы с точки зрения канонического права см. в Helmholz R.H. The Spirit of Classical Canon Law. Athens, 1996. P. 61–87.

[264] Wertheimer L. Continuity and Change in Constructs of Illegitimacy between the Second and Eighth Centuries // Historical Reflections / Réflexions Historique. 2007. Vol. 33, No. 3. P. 363–393.

К. Руссо рассмотрела вопрос о том, как часто клирики, особенно высокопоставленные, и/или их семьи обращались к папе с просьбой о диспенсации для своих незаконнорожденных детей, и как часто Иннокентий III удовлетворял подобные просьбы (см. Rousseau C.M. Pope Innocent III and the Familial Relationships of the Clergy // Studies in Medieval and Renaissance History. 1993. Vol. 14. P. 105–148). См. об этом также Haren M.J. Social Structures of the Irish Church: A New Source in Papal Penitentiary Dispensations for Illegitimacy // Illegitimidtät im Spätmittelalter. Munich, 1994. P. 207–226. О региональных особенностях процесса диспенсации, отношения к бракам и детям клириков см., например, в Armstrong–Partida M. Priestly Wives: The Role and Acceptance of Clerics' Concubines in the Parishes of Late Medieval Catalunya // Speculum. 2013. Vol. 88, No. 1. P. 166–214; Wertheimer L. Illegitimate Birth and the English Clergy, 1198–1348 // Journal of Medieval History. 2005. Vol. 31. P.211–229. Отдельному изучению подверглось отношение Иннокентия III к внебрачным детям мирян. По мнению К. Руссо папа римский, в целом, относился к таким детям и их родителям с состраданием и сочувствием, стремясь всячески способствовать их узаконению (см. Rousseau C.M. Innocent III, Defender of the Innocents and the Law: Children and Papal Policy (1198–1216) // Archivum Historiae Pontificiae. 1994. Vol. 32. P. 31–42).

[265] Об этом см., например, в Thompson K. Affairs of State: the Illegitimate Children of Henry I // Journal of Medieval History. 2003. Vol. 29. P. 129–151.

[266] McDougall S. Royal Bastards: The Birth of Illegitimacy, 800–1230. Oxford, 2016.

[267] Первыми к изучению этой темы приступили антропологи, которые успели накопить значительное количество материала, касающегося его экономического, церемониального и социального значения. О духовном родстве среди европейских народов см., например, Mintz S.W., Wolf E.R. An Analysis of Ritual Co–parenthood (Compadrazgo) // Southwestern Journal of Anthropology. 1950. Vol. 6. P. 341–368; Anderson G. Il Comparaggio: The Italian Godparenthood Complex // Southwestern Journal of Anthropology. 1957. Vol. 13. P. 32–53; Campbell J.K. Honour, Family and Patronage. Oxford, 1964. P. 217–224; Hammel E.A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. Englewood Cliffs, 1968; Gudeman S. The Compadrazgo as a Reflection of the Natural and Spiritual Person // Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1971. P. 45–67; idem. Spiritual Relationships and Selecting a Godparent // Man. 1975. Vol.10. P. 221–237; Sertel A.K. Ritual Kinship in Eastern Turkey // Anthropological Quarterly. 1971. Vol. 44. P. 37–50; Aschenbrenner S. Folk Model vs. Actual Practice: The Distribution of Spiritual Kin in a Greek Village // Anthropological Quarterly. 1975. Vol. 48. P. 65–86; Kenna M.E. The Idiom of Family // Mediterranean Family Structures. Cambridge, 1976. P. 347–362; du Boulay J. The Blood: Symbolic Relationships Between Descent, Marriage, Incest Prohibitions and Spiritual Kinship in Greece // Man. 1984. Vol. 19. P. 533–556; Parkes P. Alternative Social Structures and Foster Relations in the Hindu Kush: Milk Kinship Allegiance in Former Mountain Kingdoms of Northern Pakistan // Comparative Studies in Society and History. 2001. Vol. 43, No. 1. P. 4–36.

участие в крещение неофита, и, как следствие, превращение в его духовного родителя. Изучение данного явления историками началось относительно недавно — в 1980–х гг.[268]. Одним из пионеров этого направления можно назвать Дж. Линча. Исследователь описывал духовное родительство и кумовство как один из важнейших социальных институтов средневекового общества[269], который укреплял связи между семьями и/или друзьями и расширял сеть «родственных» уз вокруг Эго: первоначально отношения устанавливались только между духовным родителем и ребенком, с IX в. к ним добавилось кумовство как связь между биологическими и духовными родителями Эго, а запрет на сексуальные отношения и брак между духовными и кровными родственниками привел к дальнейшему расширению круга квазиродственников (появлению «крестных» сиблингов и свойственников). В качестве мотивов выбора духовного родителя Линч называет, прежде всего, обладание им политической и/или духовной властью, а также его богатство[270]. Он указывает, что узы духовного родства часто становились альтернативой родству по свойству, в связи с расширением в период раннего Средневековья числа родственников, брак с которыми был запрещен. Особое внимание исследователь уделяет вопросу происхождения самого института (он считает его источником практику поручительства при крещении взрослых неофитов, известную со времен раннего христианства) и этапам ее развития в период Поздней Античности и Раннего Средневековья. Другим важным аспектом этой темы Линч считает изучение причин, по которым церковь установила запрет на сексуальные отношения между духовными родителями, их детьми и их биологическими родителями и другими близкими кровными родственниками[271]. Кроме того, американский исследователь обращался к изучению терминологии духовного родства[272].

А. Ангенендт рассматривал спонсорство при крещении в качестве инструмента распространения политического влияния через установление отношений патронажа духовного родителя над принимающим крещение. Исследователь считает этот метод одним из основных в арсенале раннесредневековых восточных и западных императоров, а также

[268] Lynch J.H. [Rev.:] Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Godparentbood and Adoption in the Early Middle Ages. Newark, Delaware: University of Delaware Press; L.: Associated University Presses, 2000. 362 p. // Speculum. 2002. Vol. 77. No. 3. P. 939. В 1994 г. Дж. Линч насчитал всего 3 монографии (учитывая его собственную), которые рассматривали бы историю формирования практики поручительства при крещении и ее последствий для цивилизации раннесредневековой Европы (см. Lynch J.H. [Rev.:] Jussen B. Patenschaft und Adoption im frühen Mittelalter: Künstliche Verwandtschaft als soziale Praxis. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. 342 p. // Speculum. 1994. Vol. 69, No. 1. P. 186–188).

[269] Lynch J.H. Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. Princeton, New Jersey, 1986. Книга также содержит подробное описание историографии вопроса (см. Ibid. P. 13–82).

[270] Об ограничениях при выборе крестного родителя см. в Lynch J.H. Baptismal Sponsorship and Monks and Nuns, 500–1000 // American Benedictine Review. 1980. Vol. 31, No. 1. P. 108–129.

[271] Подробнее об этом см. также в Lynch J.H. Spiritual Kinship and Sexual Prohibitions in Early Medieval Europe // Proceedings of the 6th International Congress of Medieval Canon Law. Città del Vaticano, 1980. P. 271–288. В частности, Линч указывает на то, что в отличие от франков, англосаксы не приняли ограничений, накладываемых на сексуальные и брачные отношения между кумовьями (см. Lynch J.H. Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo–Saxon England. Ithaca, N. Y., 1998).

[272] Lynch J.H. Spiritale vinculum: the Vocabulary of Spiritual Kinship in Early Medieval Europe // Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages: Studies in Honor of Richard E. Sullivan. Kalamazoo, 1987. P. 181–204.

некоторых королей. Основное внимание Ангенендт уделяет изучению того, как императоры, выступая в качестве крестных отцов королей–язычников, путем сопутствующего пожалования должностей, даров, династических браков и отправки миссионеров, пытались установить контроль над германскими королевствами, образовавшимися на месте бывшей Западной Римской империи. В свою очередь новообращенные властители и главы созданных в их владениях церковных организаций, отстаивали свою независимость, в чем обычно их поддерживали римские папы, стремящиеся подчинить себе духовенство этих королевств, а через него и светскую власть[273].

Другим направлением исследования квазиродственных связей в период Средних веков можно назвать изучение использования родственного дискурса в церковной литературе и практических взаимодействиях священнослужителей между собой и с мирянами. Исследователи рассматривали, какие термины и как использовались, причины, по которым они пользовались популярностью и цели, которые стремились достичь авторы, обращаясь к ним. По мнению М. МакЛафлин, широкое распространение символов с гендерными коннотациями, в том числе связанных с семьей и родством, в литературных трудах клириков XI–XII вв. было вызвано их интеллектуальным и эмоциональным потенциалом, соединением в них мирского и религиозного значений[274]. К.У. Байнам считала, что с помощью «материнской» метафорики при описании деятельности Христа и аббатов цистерцианские монахи XII в. стремились выразить свою глубокую обеспокоенность природой власти и смешанные чувства относительно пастырских обязанностей, роли и оснований власти аббата монастыря, и противоречием между идеалом затворнической жизни и необходимостью монахам участвовать в жизни общества[275].

Рост количества светских письменных источников в период позднего Средневековья позволил перейти к исследованию квазиродственных связей вне церковной среды. Ф. Грейс исследовал метафорическое использование *отцовства* в различных сферах жизни Базеля в период позднего Средневековья (в педагогике, бизнесе, судебных тяжбах или в выборе сторон в ходе конфликтов). Он считает, что образ *отца* был популярен, с одной стороны, в силу его универсальности, а, с другой, в силу качеств, которые традиционно приписывались идеальному отцу (забота о материальном благополучии детей, любовь, власть воспитателя и учителя). Особую притягательность ему придавал тот факт, что, хотя отец обладал почти

[273] Angenendt A. Kaiserherrschaft und Konigstaufe: Kaiser, Kbnige und Papste als geistliche Patrone in der abendlandischen Missionsgeschi. B., 1984.
[274] McLaughlin M. Sex, Gender, and Episcopal Authority in an Age of Reform, 1000–1122. Cambridge, 2010. Особой популярностью пользовались образы епископа как жениха своей паствы, папы римского как отца епископов и церкви как матери верующих.
[275] Bynum C.W. Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. Berkeley, 1982.

безграничной властью над своими детьми, он осуществлял ее только с целью обеспечения их благополучия, чем порой оправдывалось его насилие над личностью «ребенка» [276].

Таким образом, за более чем вековой период изучения институтов семьи и родства в период Средневековья, исследователям удалось накопить значительный материал по большому количеству вопросов, связанных с ними. Первоначально институт родства в этот период обратил на себя внимание ученых в связи с попытками реконструкции социальных структур общества древних германцев. При этом целью первых исследователей было доказательство их эволюционного развития, а основную дискуссию вызывал изначальный характер родства (матри/патрилинейность, когнатическое родство), а также время и причины перехода к агнатному принципу (если таковой вообще имел место). В связи с этим исследователями также ставился вопрос о времени и причинах перехода от расширенной к нуклеарной семье в Западной Европе в период Средних веков. Ни одна из этих проблем на сегодняшний день не имеет однозначного решения. Несмотря на значительную библиографию исследований, спорным остается и вопрос о роли и месте женщины в средневековой семье, на который подчас предлагаются диаметрально противоположные ответы. Христианская церковь как одна из основ формирования Средневековой цивилизации оказала значительное влияние на эволюцию семейно-брачных отношений в средневековой Европе. В связи с этим наибольшее внимание исследователей привлекли проблемы развития взглядов на христианский брак, утверждение его норм в мирской среде (закрепление моногамии, запрет разводов и внебрачного сожительства, добровольность брака, запрет на близкородственные браки, концепция законно-/незаконнорожденности и т.д.). Кроме того, большое количество работ было посвящено изучению причин, целей, методов, средств и последствий установления контроля христианской церкви над институтом брака (брачные стратегии, влияние на социальную структуру общества, вопросы наследования и формирования элит). Кроме того, значительное влияние на институт родства в средневековой Европе оказало становление квазиродственных связей в рамках церковной организации, которые, к сожалению, пока недостаточно изучены. Другим направлением исследования средневековой семьи стало рассмотрение отношений между ее членами. В связи с этим поднимались, прежде всего, вопросы восприятия детей и детства. Большую популярность в последнее время приобрели исследования, посвященные переживаниям состояния в отдельных степенях родства (*отцовства* и *материнства*), а также отношений между членами семьи (*мужем* и *женой*, *братьями* и *сестрами*, между детьми женщины, особенно *сыновьями*, и ее *братом* и др.). Общим для них является тезис о наличие эмоциональной привязанности между родственниками различных степеней. Однако, в целом эти вопросы (кроме восприятия

[276] Grace Ph. Affectionate Authorities: Fathers and Fatherly Roles in Late Medieval Basel. Farnham, 2015.

детства) изучены недостаточно полно (исследования касаются отдельных обществ в отельные исторические периоды, что затрудняет формирование общей картины отношений родства).

Таким образом, мы видим, что, несмотря на значительное число работ, посвящённых природе родства и его восприятию в период Средневековья, и привлечению большого числа источников (от археологии до изобразительного искусства) многие аспекты этих сюжетов остаются дискуссионными и малоизученными. Кроме вышеуказанных вопросов большое значение для формирования целостного представления о переживании родства в период Античности и Средних веков имеют отклонения в родственных отношениях, прежде всего инцеста и детоубийства.

1.4. Проблема норм и девиаций в сфере семейно-родственных отношений: анализ ситуаций детоубийства и инцестуальных связей в Античности и Средневековье

Большое значение для исследования проблематики родства является изучение девиаций (отклонений от норм поведения), связанных с этим социальным институтом, и реакции на подобное поведение со стороны общества. К самым распространенным видам девиантного поведения родственников в рассматриваемые нами периоды можно отнести детоубийство и часто уравниваемую с ним контрацепцию, либо прерывание нежелательной беременности[277], практики *expositio* и *oblatio*, а также инцест.

Большинство исследователей сходятся на том, что по крайней мере начиная со II в. до н.э. жители Западной Европы были озабочены проблемой замедления роста своей численности[278]. В связи с этим ученых интересовало насколько распространены были методы контроля рождаемости, какие из них были наиболее популярны, какие эффективны, действительно ли они влияли на воспроизводство населения, каково было отношение к ним со стороны общества, государства и христианской церкви.

Среди методов ограничения уровня рождаемости для Античности и Средних веков исследователями обычно называются: целибат и другие сексуальные ограничения, повышение брачного возраста, использование методов и средств, предотвращающих наступление беременности, аборты[279], детоубийство и отказ от родившихся детей[280]. Однако отследить по

---

[277] В англоязычной историографии подобные практики преимущественно рассматриваются как способы контроля рождаемости (birth–conrol) или контроля за численностью населения (population–control). Поскольку наше исследование посвящено Раннему Средневековью, когда все эти действия осуждались обществом, мы рассматриваем их именно как отклоняющееся поведение.

[278] См. об этом, например, Eyben E. Family Planning in Graeco–Roman Antiquity. P. 74–75.

[279] По мнению К. Хопкинса, для римлян, все перечисленные выше практики, в том числе и аборт, являлись методами контрацепции (Hopkins K. Contraception in the Roman Empire // Comparative Studies in Society and History. 1965. Vol. 8. No. 1. P. 125). Дж. Кларк считает, что для римлянок, особенно в Период Поздней Античности, недопустимым было любое предотвращение беременности (см. Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 84–88).

[280] См. об этом Riddle J.M. Oral Contraceptives and Early–Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages. P. 3–4. Этого же мнения придерживается и А. МакЛарен, который посвятил его обоснованию свою книги «A History of Contraception from Antiquity to the Present Day», ставшую итогом его многолетних

имеющимся источникам, когда и какие методы использовались, насколько широко были распространены и какова была их эффективность достаточно сложно.

Это привело к тому, что среди исследователей вплоть до 1980–х гг. господствовало мнение, что основным способом предотвращения рождения детей в период Античности и Средних веков был аборт, одним из следствий которого принято считать большую по сравнению с мужской женскую смертность[281]. Использование же контрацептивов, особенно оральных, было отвергнуто[282], т.к. в этот период существовали только растительные препараты, которые, по мнению исследователей, не могли быть эффективными. Колебания в уровне рождаемости и различия в уровне смертности детей мужского и женского пола исследователи предпочитали объяснять убийством младенцев[283] и тем, что родители прибегали к подкидыванию своих детей[284].

исследований. Он утверждает, что контроль за рождаемостью существовал всегда, но не всегда женщины (а именно они, по его мнению, занимались его осуществлением), использовали его в полной мере. Кроме того, МакЛарен отмечает, что представления о «маленькой» и «большой» семье разняться в каждом конкретном обществе, что также необходимо учитывать при исследовании контроля за рождаемостью. Более или менее эффективное планирование семь началось только в конце XIX в. (см. McLaren A.A History of Contraception from Antiquity to the Present Day. Oxford, 1990).

[281] Этого мнения придерживался Ф. Арьес, утверждавший, что контрацепция в Европе не существовала до XVII в. (см. Aries Ph. Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1948. P. 494–521; idem. Sur les origines de la contraception en France // Population. 1953. N. 8. P. 465–472), К. Хопкинс (см. Hopkins K. Opp. cit. P. 124–151), Н.Э. Хаймс (см. Himes N.E. Medical History of Contraception. Baltimore, 1936), М.–Т. Фонтаней (Fontanille M.–Th. Abortement econtraception dans la midecine grico–romaine. P., 1977. P. 195).

М. Девайн высказал предположение, что основной причиной низкого уровня рождаемости среди римской аристократии в I в. н.э. было пристрастие к горячим баням, которые оказывали стерилизующий эффект (см. Devine M. The Low Birth–Rate in Ancient: a Possible Contributing Factor // Rheinisches Museum für Philologie. 1985. 128. Bd., Htf. 3/4. P. 313–317). Х. Линдсей, вслед за Т. Паркином, указывает, что наиболее эффективным средством предотвращения беременности могло быть грудное вскармливание (см. Lindsay H.A Fertile Marriage: Agrippina and the Chronology of Her Children by Germanicus. P. 14). Р.Х. Фин ссылается на труды Аристотеля, который, в интерпретации этого исследователя, считал аборт основным средством контроля рождаемости в древнегреческих полисах (см. Feen R.H. Keeping the Balance: Ancient Greek Philosophical Concerns with Population and Environment // Population and Environment. 1996. Vol. 17. No. 6. P. 447–458; см. также Lu M. Aristotle on Abortion and Infanticide // International Philosophical Quarterly. 2013. Vol. 53, No. 1. P. 47–62). О противоречивых интерпретациях слов Аристотеля о методах контроля рождаемости см. Oldenziel R. The Historiography on Infanticide in Antiquity. A Literature Stillborn // Sexual Asymmetry. Amsterdam, 1987. P. 88–90.

[282] По мнению О. и П. Ранумов «…пары в период Средних веков не имели понятия о контрацепции, даже о простейшем методе coitus interruptus…» (Цит. по Biller P.P.A. Birth–Control in the West in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Past and Present. 1982. No.94. P. 3). Противниками использования контрацепции в Средние века был Ф. Арьес (см. Aries Ph. Sur les origines de la contraception en France. P. 465–72; перевод статьи Арьеса на английский содержится в сборнике «Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England» (см. Aries Ph. On the Origins of Contraception in France // Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England. N. Y., 1972. P. 10–20). Доказательству отсутствия методов контрацепции в Средние века посвящены статьи в сборниках «La prevention des naissances dans la famille» и «Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England» (см. La prevention des naissances dans la famille. P., 1960; Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England. N. Y., 1972).

[283] О детоубийстве как основном методе контроля рождаемости в Античности см. Langer W.L. Infanticide: A Historical Survey // History of Childhood Quarterly. 1974. Vol. 1. P. 353–65; idem. Further Notes on the History of Infanticide // History of Childhood Quarterly. 1974. Vol. 2, No.1. P. 129–134; Engels D. The Problem of Female Infanticide in the Greco–Roman World // Classical Philology. 1980. Vol. 75, No. 2. P. 112–20; Harris W. The Theoretical Possibility of Extensive Infanticide in the Graeco–Roman World // Classical Quarterly. 1982. Vol. 32, No. 1. P. 114–16; Feen R.H. Abortion and Exposure in Ancient Greece: Assessing the Status of the Fetus and 'Newborn' from Classical Sources // Abortion and the Status of the Fetus. Dordrecht, 1983. P. 283–300; Pomeroy S.B. The Family in Classical and Hellenistic Greece // Trends in History. 1985. Vol. 3 No. 3–4. P. 19–26; Oldenziel R. Opp. cit.; в Средние века см. Biller P.P.A. Opp. cit. P. 3–26; Clover C.J. The Politics of Scarcity: Notes on the Sex Ratio in Early Scandinavia // Scandinavian Studies. 1988. Vol. 60, No. 2. P. 147–188; Jochens J. Women in Old Norse Society; Wicker N.L. Selective Female Infanticide as Partial Explanation for the Dearth of Women in Viking Age Scandinavia // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 205–221; eadem. Christianization, Female Infanticide, and the Abundance of Female Burials at Viking Age Birka in Sweden // Journal of the History of Sexuality. 2012. Vol. 21, No. 2. P. 245–262.

[284] См. Boswell J.E. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. N. Y., 1988; Cilliers L. Public Health in Roman Legislation // Acta Classica. 1993. Vol. 36. P. 4.

Эту точку зрения подверг сомнению Дж. Риддл, который, сравнивая сведения источников, данные археологии и антропологии с достижениями современной фармакологии и медицины, считает, что именно контрацепция, в том числе оральная, была основным методом контроля за уровнем рождаемости в период Античности и Средних веков[285]. Выводы Риддла об использовании контрацепции как эффективного способа контроля за рождаемостью в античном Риме подверг критике Б. Фриа, который утверждает, что стремление предотвратить нежелательную беременность было характерно для различных форм внебрачных отношений, для семей римской аристократии, но не для всего населения империи в целом[286]. По мнению П. Приореши античная медицина не знала эффективных средств для контрацепции и абортов, кроме механических[287].

Говоря о немыслимости использования контрацепции в Средние века, Ф. Арьес опирался на представление о средневековом менталитете как магическом и метафизическом, для которого вмешательство в природу и изменение действия ее механизма (даже на уровне предотвращения беременности) было невообразимо[288]. Этот вывод французского историка

---

[285] В пользу распространенности оральной контрацепции говорят, по его мнению, и редкие свидетельства источников о детоубийстве, и сохранившийся фольклор, и сведения античных медицинских трактатов и упоминания в комедиях Аристофана (см. Riddle J.M. Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance. Cambridge, L., 1992. P. 53–65; Riddle J.M. Oral Contraceptives and Early–Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages. P. 3–32). Наличие эффективных средств предотвращения беременности означало, по мнению исследователя, возможность осуществлять эффективный контроль за рождаемостью и планированием семьи еще в древности. Он также высказывает предположение о причинах практически полного отсутствия в источниках конкретных сведений и рецептов контрацепции: они относились к устной части женской субкультуры и знания о них не были доступны мужчинам — основным создателям письменных произведений в период Античности и Средних веков. Риддл отмечает, что все сохранившиеся врачебные трактаты, написанные в период до XII в., были созданы мужчинами (Riddle J.M., Worth Estes J. Oral Contraceptives in Ancient and Medieval Times // American Scientist. 1992. Vol. 80. No. 3. P. 226). См. об этом также в Riddle J.M. Contraception and Early Abortion in the Middle Ages // Handbook of Medieval Sexuality. N. Y., 1996. P. 261; Eyben E. Family Planning in Graeco–Roman Antiquity. P. 8, 76. Затем эти сведения стали частью знаний повивальных бабок, которые в течение Средних веков были вытеснены профессиональными врачами-мужчинами. Параллельно под влиянием христианской церкви прием противозачаточных средств и аборты были объявлены греховными (Riddle J.M., Worth Estes J. Opp. cit. P. 226–233; в этой же статье детально обсуждаются средства оральной контрацепции, которые могли использоваться в Античности и Средние века).

Подробнее о методах оральной контрацепции в Средние века см. в Riddle J.M. Contraception and Early Abortion in the Middle Ages. P. 261–278. О законодательном запрете на контрацепцию и аборты см. Miller B.D.H. “She Who Hath Drunk Any Potion” // Medium aevum. 1962. Vol. 21. P. 188–195. О возможных ссылка на средства контрацепции в средневековой медицинской литературе см. Fisher N. Laser–Quests Unnoticed Allusions to Contraception in a Poet and a Princeps? // Classics Ireland. 1996. Vol. 3. P. 73–96. С доводами Риддла о действенности некоторых античных средств контрацепции соглашается и С. Нельсон (см. Nelson S.E. Persephone's Seeds: Abortifacients and Contraceptives in Ancient Greek Medicine and Their Recent Scientific Appraisal // Pharmacy in History. 2009. Vol. 51, No. 2. P. 57–69).

[286] Frier B.W. Opp. cit. P. 318–333. По мнению исследователя, женщины из более низких социальных слоев могли использовать контрацепцию, но не с целью прекращения рождения детей, после того, как у них, по их представлениям, появились «достаточное» их количество, а для соблюдения определенного промежутка времени между их рождением, необходимого для сохранения здоровья матери и уже рожденных ею детей. Такого же мнения придерживался и известный демограф Дж. Колдуэлл (см. Caldwell J.C. Opp. cit. P. 1–17).

[287] Prioreschi P. Contraception and Abortion in the Greco–Roman World // Vesalius – Acta Internationalia Historiae Medicinae. 1995. Vol. 1, No. 2. P. 77–87. Исследователь считал, что опасность абортов для жизни женщины и неэффективность фармакологических средств предотвращения беременности исключало их влияние на численность населения в античной Греции и Риме. Главным доказательством этого является упоминание в источниках большого количества средств и методов абсолютно бесполезных для этих целей. Желаемый эффект от их использования мог быть случайным совпадение их приема с предшествовавшим механическим воздействием или эффектом плацебо.

Ср. с выводами К. Бредли о том, что в римском Египте основным средством для предотвращения беременности, использовавшимся кормилицами, которым были запрещены сексуальные отношения и беременность на период действия их контрактов, мог быть coitus interruptus (см. Bradley K.R. Sexual Regulations in Wet–Nursing Contracts from Roman Egypt Bradley // Klio. 1980. Vol. 62. P. 321–325).

[288] См. Aries Ph. An Interpretation to be Used for a History of Mentalities // Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England. N. Y., 1972. P. 122–123.

подверг сомнению П. Биллер, который утверждал, что сохранилось достаточно письменных источников подтверждающих, что людям в Средние века не была чужда мысль о применении контрацептивов[289]. Д. Жакарт и К. Томассет указывают на значительное количество рецептов контрацепции (приведенных явно или в завуалированной форме) в средневековых медицинских трактатах, распространение которых, по их мнению, было связано с появлением моды на куртуазную любовь, которая не сводилась только к платоническим отношениям[290]. Р. Боттихеймер приходит к выводу, что до XVI в. европейские женщины применяли методы контрацепции, но к XVIII в. эти знания были ими утрачены[291]. На использование методов контрацепции в эпоху Меровингов указывает и И. Реаль[292].

Одним из аспектов изучения контрацепции в Средние века стало рассмотрение отношения к ней со стороны католической церкви. Дж. Нунан утверждает, что, требование отказа от контрацепции не было обусловлено толкованием Ветхого и Нового Заветов, а возникло в ответ на позицию гностиков, выступавших против деторождения. Окончательный запрет контрацепции был сформулирован св. Августином Блаженным в его антиманихейских трактатах, и закреплен в каноническом праве в ходе борьбы с ересью катаров[293].

Отношение к абортам в период с VI в. до н.э. до VI н.э. подробно рассмотрел Э. Нарди[294]. На материале различных источников он проследил как прерывание беременности постепенно превращается из акта, не регулируемого ни законом, ни религиозными нормами, в осуждаемое философами, теологами и общественным мнением деяние, запрещенное законом. Ряд античных философов (Аристотель, Гиппократ) считали аборт возможным на ранних сроках, пока эмбрион не сформировался и не ожил[295]. Дальнейшая дискуссия долгое время

---

[289] Кроме того, он доказывал, что в некоторых регионах Европы она активно применялась уже в XIV в. (см. Biller P.P.A. Birth–Control in the West in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries. P. 3–26).

[290] Jacquart D., Thomasset C. Sexuality and Medicine in the Middle Ages. Princeton, 1988.

[291] Bottigheimer R.B. Fertility Control and the Birth of the Modern European Fairy–Tale Heroine // Marvels & Tales. 2000. Vol. 14, No. 1. P. 64–79.

[292] Real I. Vies de saints, vie de famille. P. 399–418.

[293] Noonan Jr. J.T. Contraception: A History of Its Treatment by the Catholic Theologians and Canonists. Cambridge, 1965. Об этом см. также Flandrin J.–L. Contraception, marriage et relations amoureuses dans l'occident chretien // Annales E.S.C. 1969. N. 24. P. 1370–1390; idem. L'eglise el le contrôle des naissances. P., 1970; Mistry Z. Abortion in the Early Middle Ages, c. 500–900. Woodbridge, 2015. *P. 1–22.*

[294] Nardi E. Procurato aborto nel mondo Greco–Romano. Milan, 1971. Нарди также обсуждает причины, которые, по мнению древних авторов, заставляли женщин идти на аборт. Среди них он называет опасность для жизни матери, беременность вне брака, нежелание иметь детей или стремление ограничить их количество, заботу о собственной красоте и отвращение к отцу ребенка.

В 2002 г. К. Каппарис опубликовал книгу «Abortion in the Ancient World», в которой обобщались выводы, сделанные исследователями в этой области к началу XXI в. В отличие от Нарди, Каппарис сосредотачивает внимание не только на отношении к абортам, но и затрагивает вопросы методик прерывания беременности, подробно описывает мотивы женщин, толкающие их на совершение абортов (главным из них он считал боязнь наказания за измену или внебрачную связь), и мужчин, которые, по мнению исследователя, были главными их противниками. Не смотря на широкую источниковую базу, книга имеет ряд методологических недостатков, а некоторые выводы автора, являются весьма спорными. Критику работы Каппариса см. в Dean–Jones L.A. [Rev.:] Kapparis K. Abortion in the Ancient World. L: Duckworth, 2002. 240 p. // American Journal of Philology. 2003. Vol. 124, No. 4. P. 613–616; Demand N.H. [Rev.:] Kapparis K. Abortion in the Ancient World. L: Duckworth, 2002. 240 p. // Bulletin of the History of Medicine. 2004. Vol. 78, No. 4. P. 886–887.

[295] К. Каппарис *утверждал, что Клятва Гиппократа запрещала врачам в любой ситуации и любыми средствами содействовать абортам, однако туманность формулировки оставляла ее интерпретацию на совести врачей. Главным мотивом подобного запрета исследователь считает уважение к человеческой жизни (см.* Kapparis K. *Opp. cit.* P. 74). Риддл пришел к выводу, что и греческие, и римские, и еврейские врачи считали допустимым прерывание беременности на ранних сроках (Riddle J.M. Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance. P. 7–24, 62–4, 109–112). Об особенностях контроля рождаемости и контрацепции в исламских

развивалась вокруг вопроса о том, когда наступает момент оживления плода (так, стоики считали, что человек оживает в момент рождения, в книге Исхода живым считался уже полностью сформированный фетус, такого же мнения придерживались Аристотель и Гиппократ). Этот вопрос был связан с правовым аспектом аборта: с момента, когда плод признается живым, аборт может рассматриваться как убийство, а совершивший его, прежде всего врач, несет соответствующее наказание. Начиная с I в. н.э. в античном обществе постепенно утверждается общее восприятие аборта как убийства[296]. Ко времени правления Септимия Севера и Каракаллы относятся первые законодательные акты против абортов, однако в них прерывание беременности запрещается не из этических соображений, а как действие, которое может ущемить имущественные права супруга или нанести вред здоровью женщины (это же является главным мотивом запрещения абортов в Исходе)[297]. Развитие юриспруденции в период Средних веков постепенно превратило аборт из греха, которым его считали составители пенитенциалиев, и гражданского правонарушения, каким он считался в варварских правдах, в преступление[298].

Проблема детоубийства[299] и подкидывания ребенка с расчетом на его смерть как частный случай последнего[300] в качестве методов контроля рождаемости привлекли внимание

странах см. Whaley Z. Birth Control and Abortion in the Practice and Tradition of Islam // Malacaster Islam Journal. 2007. Vol. 2. No. 3. P. 27–33. Анализ существовавших в период Античности и Раннего Средневековья точек зрения по вопросу статуса эмбриона и времени зарождения жизни см. в Dasen V. Becoming Human: From the Embryo to the Newborn Child // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 17–39.

[296] Сравни, например, с отношением к абортам в поэзии Овидия (см. Watts W.J. Ovid, the Law and Roman Society on Abortion // Acta Classica. 1973. Vol. 16. P. 89–101; Cahoon L. The Bed as Battlefield: Erotic Conquest and Military Metaphor in Ovid's Amores // Transactions of the American Philological Association (1974–2014). 1988. Vol. 118. P. 293–307).

[297] См. об этом подробнее в Feen R.H. The Historical Dimensions of Infanticide and Abortion the Experience of Classical Greece // The Linacre Quarterly. 1984. Vol. 51, No. 3. P. 248–254. Рассматривая законодательную трактовку аборт в Древней Греции Л. Пепе приходит к выводу, что афинское законодательство не запрещало абортов в обычных обстоятельствах, поскольку это происходило внутри οἶκος'а, глава которого сам принимал решение о его совершении и о наказании женщин, сделавших его самовольно. Законодательство не предусматривало преследование мужчин, вынудивших женщин его οἶκος'а сделать аборт, так как он находился в своем праве. Если ситуация с прерыванием беременности выходила за рамки οἶκος'а (из–за развода супругов, потери ребенка в случае нанесения телесных повреждений не членами οἶκος'а, вдовства беременной женщины), то в нее мог вмешиваться закон. Главной целью вмешательства была защита не жизни ребенка, а прав отца. В свою очередь возникшая в V–IV вв. до н.э. дискуссия о том, с какого момента плод можно считать живым (с момента рождения или с определенного момента беременности) вносила свои коррективы в законодательную практику (см. Pepe L. Abortion in Ancient Greece // Symposion 2013: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Cambridge MA, 26.–29. August 2013). Vienna, 2014. P. 39–64).

[298] С. Мистри, предпринявший детальное исследование восприятие практики абортов в период Раннего Средневековья, указывает на то, что осуждение аборта и отношение к нему как убийству среди авторов, как религиозных, так и законодательных памятников, было далеко не единогласным, а те, кто объявлял его грехом, руководствовались разными мотивами (см. Mistry Z. Abortion in the Early Middle Ages, c. 500–900). Как отмечает В. Мюллер, к XII в. преступлением стало считаться избавление от сформировавшегося плода, которое приравнивалось к убийству (см. Müller W.P. The Criminalization of Abortion in the West: Its Origins in Medieval Law. Ithaca, 2012). См. также Mistry Z. The Sexual Shame of the Chaste: 'Abortion Miracles' in Early Medieval Saints' Lives // Gender & History. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 607–620. Мистри проследил изменение в восприятии аборта от исключительно женского преступления, к проступку, в совершение которого были вовлечены оба партнера. Изменялись, по мнению исследователя, и основные мотивы совершения абортов: если в период Античности главным было желание скрыть внебрачную связь или сохранить красоту, то в период Раннего Средневековья это решение преимущественно принималось супругами совместно, либо использовалось клириками с целью избежать скандала, либо было вызвано бедностью (Mistry Z. Opp. cit).

[299] Под детоубийством мы понимаем преднамеренное убийство ребенка в возрасте до одного года. О других толкованиях термина см., например, в Sandidge M. Changing Contexts of Infanticide in Medieval English // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B., 2005. P. 292.

[300] Дж.И. Босвелл настаивает на том, что практика expositio/ ἔκθεσις предполагала не смерть ребенка, а отказ от заботы о нем путем подкидывания, продажи или передачи прав на него другому лицу. Исследователь считает, что подкидывание ребенка было альтернативой детоубийству, а не способом его совершения. Не имея

исследователей еще в конце XIX в[301]. Вопрос о том, существовала ли подобная практика в античном обществе вообще, насколько широко она была распространена и как воспринималась современниками решался в зависимости от господствовавшей научной парадигмы и методов исследования[302]. Во второй половине XX в. сторонницей существования практики детоубийства, с преимущественным его совершением в отношении девочек, является С. Поумрой, выводы которой основывались на данных археологии и демографии. Она разделяет мнение Г. Глотца о причинах, по которым к ней прибегали. Главной из них она считает необходимость снабжения дочерей приданным, которое после их замужества полностью уходит из ведения семьи. Убийство младенцев позволяло родителям выбрать детей того пола, которых они хотят иметь. По мнению Поумрой детоубийство следует рассматривать как форму позднего аборта, особенностью которой является главная роль отца в принятии решения о его осуществлении. Преимущественное же убийство дочерей исследовательница считает доказательством склонности греков к мизогинии[303]. Ее выводы подверг критике Д. Энгельс, который указал, что если бы убийство девочек практиковалось в указанных С. Поумрой масштабах, то оно привело бы к вымиранию всего населения[304]. В свою очередь М. Гоулден указал на то, что повторные браки при том же уровне воспроизводства населения и смертности, которые представила С. Поумрой, могут объяснять

возможности заботиться о ребенке, родители надеялись, что доброта прохожего, милость богов или забота со стороны общества, обеспечат ему лучшую жизнь, по сравнению с той, что могли дать ему они. Хотя сам же Босвелл отмечает, что в большинстве случаев таких детей ждала участь рабов (см. Boswell J.E. Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family // The American Historical Review. 1984. Vol. 89, No. l. P. 10–33; см. также idem. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance). С восприятием продажи ребенка в рабство как варианта практики *exposition* не согласен В. Вуоланто (см. Vuolanto V. Selling a Freeborn Child: Rhetoric and Social Realities in the Late Roman World. P. 206–207).

[301] Наиболее полную библиографию исследований практик детоубийства и подкидывания см. в Evans Grubbs J. Infant Exposure and Infanticide // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 100-107.

[302] По мнению сторонника неомальтузианства Г. Глотца, существование этой практики не вызывало сомнения и объяснялось тем, что, с одной стороны, для продолжения существования οἶκος'а необходим был только один наследник мужского пола, а, с другой, ограниченностью природных ресурсов в греческих полисах и использованием в качестве основной рабочей силы рабов. Дочерей, в свою очередь, необходимо было снабжать значительным приданным для удачного замужества, что было не особенно выгодно, так как после заключения брака семья женщины теряла всякое влияние на нее. Его немецкий коллега У. Виламовиц–Мёллендорф считал, что применение практики детоубийства объяснялось не объективными причинами, а зависело от воли отца семейства, тогда как решение об аборте принималось женщиной. В 20–х гг. XX в. ревизионисты Л. Ван, Х. Болкенштайн и А. Гомм, отталкиваясь от методологии естественных наук, высказались против детоубийства как практики, распространенной в Афинах в IV–V вв. до н.э. и отнесли ее к периоду эллинизма. Однако и сторонники, и противники ее существования указывали на то, что, в целом, она не противоречила общественной морали того времени. Подробное обсуждение их позиций и аргументов см. в Oldenziel R. Opp. cit. P. 87–107. Х. Беннет считал, что римляне заимствовали практику подкидывания детей у греков, поскольку не находил ее следов в источниках республиканского периода, и редкие упоминания о ней в период ранней империи. Только с III в. она начинает преобладать в римском обществе (см. Bennett H. The Exposure of Infants in Ancient Rome // Classical Journal. 1923. Vol. 18. P. 341–351; см. также Evans Grubbs J. Infant Exposure and Infanticide P. 83–107). Выводы Беннета подверг критике М. Радин, который считал, что римляне всегда избавлялись от своих детей, преимущественно от девочек (см. Radin M. The Exposure of Infants in Roman Law and Practice // The Classical Journal. 1925. Vol. 20, No. 6. P. 337–343). Сторонником широкого распространения этой практики был У. Лангер (см. Langer W.L. Infanticide: A Historical Survey. P. 353–66; idem. Further Notes on the History of Infanticide. P. 129–134). С. Поумрой, хотя и не ссылаясь на Беннета, высказывает схожее с его выводом предположение, что подкидывание детей было нехарактерно для эллинистического Египта и получило там распространение только после его завоевания римлянами (см. Pomeroy S. Copronyms and the Exposure of Infants in Egypt // Studies in Roman Law in Memory of A. Arthur Schillerin. Leiden, 1986. P. 147–162).

[303] Pomeroy S.B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves. Women in Classical Antiquity*. К этим же выводам исследовательница приходит после изучения семей наемников, проживавших в Милете в эллинистический период (см. Pomeroy S. Infanticide in Hellenistic Greece // Images of Women in Antiquity. L., 1983. P. 207–222).

[304] Engels D. Opp. cit. P. 112–120.

практику детоубийства, как способ регулирования чрезмерного уровня рождаемости девочек[305]. Э. Скотт и С. Мейс считают, что убийство младенцев мужского пола могло преобладать над убийством девочек. Скотт ссылается на то, что в поддержку преимущественного убийства младенцев женского пола говорят сохранившиеся письменные источники, а в пользу убийства мальчиков – данные археологии[306]. Мейс объясняет это тем, что девочек выгоднее было продать в бордели, чем убивать[307]. С. Патерсон говорит о том, что необходимо различать факт существования практик детоубийства и подкидывания детей и широту их распространения, о которых наши источники (как письменные, так и демографические, и археологические) не дают однозначного представления[308]. У. Инголс отмечал, что в условиях высокой детской смертность желание иметь детей (причем обоих полов) и не может сочетаться у людей с практикой детоубийства. Наличие сына само по себе не могло гарантировать родителям его выживания и того, что он, в свою очередь, обзаведется потомками. В таком случае дочь, ее муж и дети могли выступать альтернативными наследниками. Инголс не находит свидетельств того, что античные отцы не желали предоставлять своим дочерям приданное и ставит под сомнение его «большие» размеры. Хотя исследователь не отрицает самой возможности детоубийства и подкидывания младенцев, но считает их основными причинами незаконнорожденность, увечья ребенка[309] или финансовую несостоятельность семьи, он сомневается в ее широком распространении[310]. А. Этьен, подводя итог предшествующим исследованиям, считает, что в обществах с высокой детской смертностью, высокой женской смертностью при родах и проблемами с фертильностью маловероятно широкое распространение детоубийства и подкидывания детей, и указывает на необходимость учитывать также «человеческий фактор»: даже в самых суровых условиях члены семьи не могли не переживать по поводу смерти очередного ребенка[311].

---

[305] Golden M. Demography and the Exposure of Girls at Athens // Phoenix. 1981. Vol. 35, No. 4. P. 316–331. Критику выводов Гоулдена см. в Harris W.V. The Theoretical Possibility of Extensive Infanticide in the Graeco–Roman World. P. 114–16.

[306] Scott E. Unpicking a Myth: The Infanticide of Female and Disabled Infants in Antiquity // TRAC 2000: Proceedings of the Tenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, London 2000. Oxford, 2001. P. 143–151.

[307] Mays S. The Archaeology and History of Infanticide, and its Occurrence in Earlier British Populations // Children and Material Culture. L., 2000. P. 180–190.

[308] Patterson C. "Not Worth the Rearing": The Causes of Infant Exposure in Ancient Greece // Transactions of the American Philological Association (1974–2014). 1985. Vol. 115. P. 103–123. С ней согласна Л. Брайт (см. Bright L. A Possible Case for the Practice of Abandonment During the Late Cypriot and Cypro–Geometric Periods // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1995. No. 63, No. 63. P. 35–43).

[309] Традиционно печально знаменитой этой практикой считалась древняя Спарта, где, по сообщению Плутарха, отбор младенцев, достойных выживания и заботы, осуществлялся на государственном уровне. Однако современные ученые ставят под сомнение массовые убийства младенцев в Лакедемоне (см., например, Huys M. The Spartan Practice of Selective Infanticide and Its Parallels in Ancient Utopian Tradition. P. 381–395). Об отношении к увечным членам общества и возможном убийстве детей, рожденных с увечьями в период Античности см. Edwards M. The Cultural Context of Deformity in the Ancient Greek World // Ancient History Bulletin. 1996. Vol. 10. P. 79–92; Scott E. Opp. cit. P. 143–151; Laes Ch. Raising a Disabled Child // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 125-146.

[310] Ingalls W. Demography and Dowries: Perspectives on Female Infanticide in Classical Greece // Phoenix. 2002. Vol. 56, No. 3/4. P. 246–254.

[311] Haentjens A.M.E. Reflections on Female Infanticide in the Greco–Roman World // L'Antiquité Classique. 2000. T. 69. P. 261–264. См. также Miller T.S. The Orphans of Byzantium: Child Welfare in the Christian Empire 148–152. Washington, 2003. P. 22–48.

Рассматривая правовые вопросы, связанные с подкидыванием детей, Дж. Эванс-Грабс пришла к выводу, что выжившие дети часто становились рабами в той же округе, где проживали их родители, а их хозяева нередко знали чьих детей растят. Иногда родители пытались вернуть своих детей, что порождало конфликт с вырастившими их людьми[312]. Под влиянием христианства император Константин запретил родителям или рабовладельцам требовать назад подкинутых ими детей. По мнению исследовательницы, это могло заставить некоторых родителей отказаться от expositio, т.к. многие шли на этот шаг, рассчитывая со временем вернуть своих детей. С другой стороны, законодательство Константина облегчило превращение подкидышей в рабов[313]. Со временем практика была запрещена, а для родителей, избавлявшихся таким образом от детей, были введены наказания[314].

Христианская доктрина, изначально содержавшая в себе запрет на убийство, приравнивала убийство ребенка, даже новорожденного, к убийству взрослого человека и объявляло его грехом[315]. По мере утверждения христианства как господствующей религии, наказание за детоубийство было введено в светские правовые нормы, а его осуждение было закреплено в общественном сознании[316]. Однако это не означало прекращения убийства нежеланных младенцев[317].

В отличие от большинства исследователей Дж. Босуэлл считал, что практика подкидывания предполагала не смерть ребенка, а большое количество вариантов прерывания с ним отношений: от отказа от новорожденного до передачи его монастырю или превращения его в подмастерье. Expositio, по его мнению, представляло собой перераспределение людских

[312] Evans Grubbs J. Hidden in Plain Sight: Expositi in the Community // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. P. 293–310.
[313] См. об этом Evans Grubbs J. Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes toward Infant Exposure in Late Antiquity // The Power of Religion in Late Antiquity. Farnham, Surrey and Burlington, 2009. P. 119–31.
[314] Evans Grubbs J. Infant Exposure and Infanticide. P. 83–107.
[315] О. Бакке считает, что подобное отношение было связано с развитием представления о человеке как созданном по образу и подобию Бога (см. Bakke O.M. Opp. cit.).
[316] См. об этом, а также о судьбе тех жертв exposition, кто не был подобран в Evans Grubbs J. Infant Exposure and Infanticide. P. 83–107.
[317] Об этом, например, свидетельствует исследование Э. Колман полиптиха Сен-Жермен-де-Пре. Она указала, что соотношение количества женщин и мужчин, проживавших на участках разных размеров и в семьях с разным количеством членом, могло быть результатом детоубийство или смерти в результате голода (преимущественно младенцев женского пола) (см. Coleman E. Infanticide in the Early Middle Ages // Women in Medieval Society. Philadelphia, 1976. P. 47–70). С ее выводами был не согласен Ю.Л. Бессмертный (см. Бессмертный Ю.Л. Крестьянская семья во Франции IX в. (Заметки о статье Э.Коулмен "Детоубийство в раннее средневековье"; Coleman E.R. L'infanticide dans le haut Moyen Age. — Annales E.S.C. 1974 N 2) // Средние века. 1975. Вып. 39. С. 240–244). М. Сандидж отмечает, что наказание за свершение этого преступления в пенитенциалиях и актах священных соборов, хоть и было суровым, отличалось в зависимости от мотивов убийцы: если мать избавлялась от ребенка из-за невозможности содержать его, на нее накладывалось покаяние меньшее, чем если мотивы были другими (например, желание скрыть внебрачную связь). Исследовательница отмечает, что в основном жертвами подобных преступлений в духовной литературе являются внебрачные дети, которые иногда даже рождались в результате инцеста. При этом подчеркивается, что совершившие подобное преступление могут заслужить спасение души, если покаются в своем грехе и искупят его (см. Sandidge M. Opp. cit. P. 291–306; см. об этом также Caie G.D. Infanticide in an Eleventh–Century Old English Homily // Notes and Queries. 1998. Vol. 45, No. 3. P. 275–276). Практика детоубийства, по свидетельству Р. Трекслера, продолжала существовать и в период позднего Средневековья (см. Trexler R. Infanticide in Florence: New Sources and First Results // History of childhood quarterly. 1973. Vol. 1. P. 98–117). Образ матери, убивающей своего ребенка активно использовался в Средневековье в антисемитском дискурсе. См. Price M.L. Imperial Violence and the Monstrous Mother: Cannibalism at the Siege of Jerusalem // Domestic Violence in Medieval Texts. Gainesville, 2002. P. 272–298.

ресурсов между теми, у кого было больше детей, чем они могли содержать, и теми, у кого имелась такая возможность, но не было детей[318].

В Средние века практика expositio, особенно ее вариант в форме *oblatio* (передача ребенка на воспитание в монастырь с утратой родителями всех прав на него), приобрела важное значение, будучи одним из средств предотвращения детоубийства, как следствие противоречия высокого уровня развития морали и низкого уровня материальной культуры[319]. Параллельно церковь настаивала на запрещении практики продажи детей в рабство, хотя, как отмечает исследователь, не сильно в этом преуспевая[320]. П. Квин считала, что поощрение клириками практики oblatio в отношении детей в возрасте от 5 до 15 лет в период с VI по XI вв. стало следствием восприятие детства как периода душевной чистоты и открытости новому. Монахи считали, что, оградив их от мирской суеты и скверны они смогут воспитать из них совершенных служителей Господа[321]. М. де Йонг доказывала, что практика посвящения детей не может рассматриваться в качестве способа избавления от них и не является частью системы экономики дара (gift economy). По ее мнению, oblatio служило средством создания и расширения социальных связей[322].

Отношение к детоубийству и подкидыванию детей претерпевало те же изменения, что и восприятие абортов. Г. Фильюн на основе анализа трудов Платона и Аристотеля считает, что в IV в. до н.э. греческое общество не осуждало оставление на смерть детей с увечьями. Однако избавление от «лишних» детей не приветствовалось[323]. По свидетельству А. Кэмерона

[318] Так, по его подсчетам до 40 % детей в античном Риме и средневековой Европе оставлялись родителями, но большинство из них бралось на воспитания в новые семьи и выживало, хотя особенности этой практики достаточно сильно отличались в разные периоды времени. При этом, родители, отказывавшиеся от детей, практически не подвергались осуждению со стороны общества, а закон регулировал лишь возможные нежелательные последствия практики (например, нарушение прав собственности или ненамеренный инцест) (см. Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance). Критику его интерпретации источников и выводов см., например, в Ransel D.L. [Rev.:] Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. N. Y.: Pantheon, 1988. 488 p. // *History of Education Quarterly. 1990.* Vol. 30, No. 2. P. 225–227.

[319] Э. Коскенниеми обращает внимание на то, что хотя Ветхий и Новый Завет не содержат прямого запрета на подкидывание детей, однако большинство раннехристианских теологов осуждали эту практику, используя против нее аргументацию, приводимую в иудаизме (см. Koskenniemi E. The Exposure of Infants among Jews and Christians in Antiquity. Sheffield, 2009). О постепенной модификации законодательства в отношении самой практики и статуса детей, ставших ее жертвами см. Tate J.C. Opp. cit. P. 123–141. См. также Vuolanto V. Infant Abandonment and the Christianization of Europe // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost. Oxford, 2011. P. 3–19.

[320] Как и в период Античности от девочек семьи избавлялись чаще, чем от мальчиков. Практика oblation придавала акту избавления от ребенка определенную религиозную окраску и практиковалась изначально только знатью, которая могла сопроводить дарение значительным вкладом в монастырь (см. Boswell J.E. Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family. P. 16–17).

[321] В качестве основной причины исчезновения этой практики Квин называет Григорианскую реформу, в ходе которой предпочтение стало отдаваться взрослым монахам, сознательно выбравшим этот путь, а также отказу от затворничества в пользу более активного приобщения монахов к мирской жизни (Quinn P.A. Better than the Sons of Kings: Boys and Monks in the Early Middle Ages. N. Y., 1989). См. об этом также: Boswell J.E. Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family. P. 10–33.

[322] de Jong M. In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West. N. Y., 1996. Возможно, рост популярности данной практики был спровоцирован, в т.ч. запретом на наследование внебрачными сыновьями имущества родителей, даже в отсутствие законных сыновей. Впервые подобное ограничение было анонсировано Людовиком Благочестивым в капитулярии «О порядке в империи» в 817 г., в котором, в частности, он просил сыновей выказать милость к незаконнорожденным племянникам в случае смерти их отцов, что Э. Джеймс интерпретирует как намек на устранение их от власти не путем убийства, а путем отправления в монастыри (см. James E. The Origins of France: From Clovis to the Capetians, 500–1000. L., 1982. P. 80).

[323] van Viljoen G.N. Plato and Aristotle on the Exposure of Infants in Athens // Acta Classica. 1959. Vol. 2. P. 58–69.

античные философы, параллельно с христианскими мыслителями, начиная с I в. н.э., выступают против подобных способов планирования семьи. Последними их защитниками были Сенека и Курций[324]. Э. Ван де Валле указывает на различие в восприятии этих действий в литературе разных жанров конца XII — середины XVII вв.: морализаторские произведения однозначно характеризуют их как греховные, светские произведения часто как простительные в силу тяжелого положения матери[325]. Дж. Босуэлл считает, что средневековое общество снисходительно относилось к беднякам, которые избавлялись от своих детей путем expositio или oblatio[326].

Таким образом, большинство исследователей согласны с тем, что методы контроля за рождаемостью (контрацепция, аборты, убийство новорожденных или подкидывание детей) были известны в античном обществе, которое передало эти знания обществу средневековому. Однако прийти к единому мнению о том, как широко они применялись, насколько эффективны были и влияли ли на демографию они не смогли в силу специфики источников и отсутствия эффективных методов их интерпретации. Отсутствует у исследователей и единое мнение по поводу отношения к этим практикам со стороны общества как в период Античности, так и в Средние века (все из них, кроме подкидывания ребенка, осуждала церковь, запрещал закон, но отношение к ним общества остается под вопросом).

Другой важной девицией в отношениях между родственниками является инцест – сексуальные отношения между близкими родственниками. Инцест табуирован почти во всех культурах[327], однако круг лиц, связь с которыми считается инцестуальной, может

[324] Однако, как отмечает исследователь, это не означало, что общество в целом разделяло эти взгляды и осуждало тех, кто использовал данные методы контроля над рождаемостью. Ни законодательное запрещение со стороны государства, ни решения церковных соборов и осуждение со стороны отцов церкви, не смогло остановить детоубийства. По мнению Кэмерона, причина этого заключалась в экономической подоплеки данной практики (см. Cameron A. The Exposure of Children and Greek Ethics // The Classical Review. 1932. Vol. 46, No. 3. P. 105–114). О мотивах подкидывания ребенка и отношение к этой практике в римском обществе см. также Evans Grubbs J. The Dynamics of Infant Abandonment: Motives, Attitudes and (Unintended) Consequences // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost. Oxford, 2011. P. 21-38.

[325] Методы контроля рождаемости носят характер тайных, являются частью стратегии соблазнения и, как правило, передаются от более опытного соблазнителя к его жертве, а не являются знаниями, переходящими от матери к дочери. Наконец, контрацепция по большей части является частью внебрачных отношений, упоминание об ограничении рождаемости в браке встречаются редко и относятся к концу XVII в. (см.Van de Walle E. ‘Marvellous Secrets’: Birth Control in European Short Fiction, 1150–1650 // Population Studies. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 321–330).

[326] Boswell J.E. Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family. P. 18.

[327] Суть инцеста и причины наложение на него табу в большинстве известных обществ является темой непрекращающихся исследований и споров среди антропологов, социологов, демографов и историков. Традиционно запрет на половую связь с близкими родственниками объясняли высоким риском рождения генетически дефектного потомства, возможным ограничением внешних связей группы/рода, разрушением семейной сплоченности, потерей четкости социально–ролевой структуры общества, схожестью инцеста с сексуальным самоудовлетворением и гомосексуальным поведением, претендующим на равноправность с традиционными (см. Westermarck E.A. Opp. Cit.; Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 2005. 256 с.; Lévi–Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. P., 1949; Fox R. Sibling Incest // British Journal of Sociology. 1962. Vol. 13. P. 128–50. idem. The Incest Problem // Kinship and Marriage: an Anthropological Perspective. Harmondsworth, 1967. P. 54–76; Shepher J. Incest: a Biosocial View. N. Y., 1983; Spain D.H. Westermarck–Freud Incest–Theory Debate: an Evaluation and Reformulation // Current Anthropology. 1987. Vol. 28. P. 623–645). Ф. Эритьер предложила концепцию двух типов инцеста: первый — половые отношения с близким кровным родственником противоположного пола (отец и дочь, мать и сын, брат и сестра), второй — сексуальная связь между близкими кровными родственниками одного пола (дочь и мать, отец и сын, между сестрами и между братьями). В основе запрета на инцест второго типа, по мнению Эритьер, лежит страх смешения идентичностей через обмен жидкостями тела (кровь, сперма, молоко, слюна и т.д.) и, как следствие, смешения самого представления о сути категорий разности и похожести в культуре, которое отражается, например, в терминах родства, основанных на

отличаться[328]. Долгое время внимание историков сосредотачивалось на изучении сути табу на инцест в Античном и Средневековом обществах, а также отражении запрета на него в памятниках законодательства и морали. Начиная с 1980-х гг. исследователи обращаются к восприятию обществом инцеста, последствий законодательного запрещения инцеста для социальной структуры общества, отражению сюжета кровосмешения в литературе и его функций в произведениях. Длительную дискуссию вызвали причины распространения практики браков между братьями и сестрами в античном Египте и расширение круга родственников брак с которыми признавался кровосмесительным в период раннего Средневековья. Последняя проблема вернула исследователей к вопросу об эндогамном/экзогамном характере родства у древних германцев. Также активно обсуждалась преемственность или параллельность развития моральных и юридических представлений об инцесте в Античности и Средневековье.

Д. Коэн указывает на то, что в античной Греции брак и/или сексуальная связь между родителями и детьми, братьями и сестрами, и даже ближайшими родственниками по свойству (например, с тещей)[329] воспринимались как гнусность с точки зрения религии и осуждались с точки зрения морали[330]. Однако афинское законодательство, по крайней мере классического периода, не содержало запрет на добровольные сексуальные отношения совершеннолетних родственников (также, как и в случае гомосексуальных связей или измены)[331]. Ж. Вильго

неискоренимых различиях между мужским и женским телом. Запрет на инцест первого типа вытекает из запрета на инцест второго, который она считает более древним, хотя и реже упоминаемым в источниках. Инцест первого типа, по сути, является способом совершения инцеста второго типа, т.к. в ходе половой связи или близкого телесного контакта партнеры становятся «одной плотью», и связь с одним из них превращается в связь с родственником (инцест сына и матери становится инцестом сына с отцом, т.к. мать превращается в сосуд, в котором смешиваются их жидкости, а значит и их идентичность). Поэтому, объясняет Эритьер, существует запрет на половые отношения с мачехой, родственниками по свойству, между духовными родственниками и между людьми, у которых была общая кормилица (см. Heritier F. Les deux soeurs et leur mere: anthropologie de l'inceste. P., 1994).

[328] Подробнее о нюансах толкования этого термина и особенностях табу на инцест в различных обществах см. Goody J. A Comparative Approach to Incest and Adultery // The British Journal of Sociology. 1956. Vol. 7, No. 4. P. 286–305. См. также Foucault M. The History of Sexuality. N. Y., 1980. Vol. 1. P. 38, 109–110, 113.

[329] Однако допускались браки между сводными и двоюродными братьями\сестрами, а также браки между дядей и племянницей (см. Bittles A.H., Black M.L. Consanguineous Marriage and Human Evolution // Annual Review of Anthropology. 2010. Vol. 39. P. 195; Shaw B.D. Explaining Incest: Brother–Sister Marriage in Graeco–Roman Egypt // Man, New Series. 1992. Vol. 27, No. 2. P. 270). Кроме того, в греческом обществе существовали ἐπίκληροι — дочери, которые были единственными наследницами своих отцов и, согласно закону, после его смерти должны были выйти замуж за его ближайшего родственника мужского пола. Б. Шо утверждает, что к категории ἐπίκληροι относились также вдовы бездетных мужчин, которые должны были стать женами их братьев или ближайших родственников (Ibid. 270–271). Б. Шо считает, что греки наименее терпимо относились к бракам и/или сексуальным связям между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, чем между родственниками других степеней. Сексуальные отношения между братом и сестрой также вызывали сильное осуждение, если только их участники не были богами (Ibid.). Об инцесте в мифах и литературе см., например, Rudhardt J. De l'inceste dans la mythologie grecque // Revue française de psychanalyse. 1982. Vol. 46, N. 4. P. 731–63; Keyes C.W. Half–Sister Marriage in New Comedy and the Epidicus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1940. Vol. 71. P. 217–29; Héritier–Augé F. L'inceste dans les textes de la Grèce classique et post–classique // Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens. 1994. Vol. 1, N. 10. P. 99–115; Bonnard J.–B. Phèdre sans inceste. À propos de la théorie de l'inceste du deuxième type et de ses applications en histoire grecque // Revue Historique. 2002. T. 304. Fasc. 1. P. 77–107; Barry L. Hymen, Hyménée! Rhétoriques de l'inceste dans la tragédie grecque // L'Homme. 2005. No. 175/176. P. 287–319.

[330] Практика инцеста приписывалась ими варварам, как показатель их отсталости по сравнению с греками (см. Dover K.J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Oxford, 1975. P. 85). См. также Winkler J.J. The Constraints of Desire: The Anthropology of Sex and Gender in Ancient Greece. N. Y. and L., 1990. P. 18; Wilgaux J. Inceste et barbarie en Grèce ancienne // Cahiers KUBABA. 2005. Vol. 7. P. 267–270).

[331] Как указывает А. Харрисон, афинское законодательство не содержало прямого запрета на брак между близкими родственниками, а открытие подобных обстоятельств не вело автоматически к аннулированию брака и признаю детей, в нем родившихся, незаконнорожденными и лишению их прав (см. Harrison R.W. Op. cit. P. 22–

указывает на то, что понятие инцеста у греков включало в себя помимо половой связи между близкими родственниками, также измену, изнасилование, половые акты в святилищах и храмах, зоофилию, некрофилию, т.е. все отношения, которые противны божественному закону, природе и морали и могут осквернить чистоту не только их участников, но и сообщества, в котором они проживают[332].

Более строгим было отношение к подобным союзам в римском обществе. Б. Шо отмечает, что римляне, в отличие от греков имели специальный термин для их обозначения (incestum), тогда как греки использовали иносказательные выражения[333]. В отличие от греческих полисов, в Риме инцест был запрещен законом и мог преследоваться официально[334]. П. Моро указывает, что также, как и в греческом обществе, понятие incestum включало в себя кроме непосредственного значения также нарушение весталками обета целомудрия и осквернение культа Благой Богини[335]. Законодательный запрет на брак или сексуальную связь с родственниками по восходящей и нисходящей линии, а также между братьями и сестрами, существовал в римском праве вплоть до VI в. н.э[336].

23; см. также Harris E.M., Rubinstein L. The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 51). Запрет на инцест считался «неписанным законом» (unwritten law), и наказание за его нарушение, по всей видимости, осуществлялось в виде общественного осуждения (см. Cohen D. Law, Sexuality, and Society: The Enforcement of Morals in Classical Athens. Cambridge, 1991. P. 225–227). А. Даме приводит возможный список санкций: изгнание, конфискация имущества или отсутствие наказания (см. Damet A. Le statut des mères dans l'Athènes classique // Cahiers «Mondes anciens». 2015. Vol. 6. P. 7). Обвинения в инцесте активно использовались в политической борьбе (см., например, Cox Ch.A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth–Century Athens // The Classical Journal. 1989. Vol. 85, No. 1. P. 34–46). В качестве средства предотвращения инцеста использовалась драматургия (см. Damet A. Opp. cit. P. 7). Половые отношения с несовершеннолетним родственником или принуждение к подобным отношениям вне зависимости от возраста преследовались по закону (см. Cohen D. Opp. cit. P. 225–227).

[332] Он уточняет, что к числу строго запрещенных сексуальных связей относились половые контакты между отцом и его дочерью, сыном и матерью, братом и сестрой. Кроме того, в большинстве полисов брак мог быть заключен между сводными братом и сестрой с общим отцом, но не с общей матерью. Исключение, возможно, составляла Спарта, где можно было заключить брак между сводными братом и сестрой с общей матерью, но не с общим отцом. Что касается запрета на подобные отношения с родственниками по свойству, то Вильго сомневается в их существовании (см. Wilgaux J. Consubstantiality, Incest, and Kinship in Ancient Greece // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden, MA and Oxford, 2011. P. 217–230). См. также idem. Entre inceste et échange: Réflexions sur le modèle matrimonial athénien // L'Homme. 2000. No. 154/155. P. 659–676; Leduc C. Ego et ses trois sœurs (germaine, utérine, consanguine) Athènes et Sparte, VIe siècle — IVe siècle av. J.–C. // Pallas. 2011. No. 85. P. 237–270.

[333] Греки называли такие отношения γάμος ἀνόσιος или γάμος ἀσεβές (см. об этом Wilgaux J. Consubstantiality, Incest, and Kinship in Ancient Greece. P. 225).

[334] См. Shaw B.D. Explaining Incest: Brother–Sister Marriage in Graeco–Roman Egypt. P. 270. См. также Evans Grubbs J. Making the Private Public: Illegitimacy and Incest in Roman Law // Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion. B., 2015. P. 115–142; VerSteeg R. Incest // The Essentials of Greek and Roman Law. Durham, 2010. P. 194. Первоначально дети, родившиеся от подобных союзов получали те же права, что и дети, родившиеся в разрешенных законом браках. Однако начиная с законодательства Юнистиниана, их правовое положения постепенно ухудшается: они теряют права наследования и право на защиту со стороны закона, который ранее обязывал родителей заботиться о них (см. Moreau Ph. Rome: The Invisible Children of Incest // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 311–330).

[335] Моро утверждает, что он вызывал в римлянах ужас сравнимый с каннибализмом или убийством родителей, связывался с нарушением божественного порядка (fas) и законов природы. Обычаи, которые они приписывали другим народам (допустимость связи матери и сына у персов, брата и сестры у македонцев и египтян, бата и сводной сестры у афинян, спартанцев и жителей Сиракуз) большинство римлян отвергли, считая их признаком варварства и близости к животному миру (см. Moreau Ph. Incestus et prohibitae nuptiae. Vinceste à Rome. P., 2002). Однако, как утверждает А. Стронг, римские чиновники не спешили распространять законы империи, запрещающие инцест, на население Египта, среди которого имели место браки между братьями и сестрами, после его завоевания (см. Strong A.K. Incest Laws and Absent Taboos in Roman Egypt // Ancient History Bulletin. 2005. Vol. 19. P. 31–41).

[336] Брак между двоюродными сиблингами, первоначально также широко не практиковавшийся, был разрешен законом около 200 г. до н.э. Браки между теткой и племянником, и дядей и племянницей были запрещены, пока их не разрешил император Клавдий. Инцестом также считался брак и половая связь с родственниками по свойству (даже после развода), с мачехами/отчимами и приемными детьми. Закон предусматривал наказания для вступивших в подобные отношения, однако при его назначении учитывалась осведомленность сторон о своем родстве, публичность их союза или его скрытый характер (измена имеющемуся супругу) и готовность их прекратить. Моро отмечает, что первоначальной тенденцией развития римского права в этой области было

В свою очередь эти нормы были принесены греками и римлянами в завоеванный ими Египет. Однако там они претерпели одно значительное изменение — распространение здесь получила практика заключения брака между родными и сводными братьями и сестрами (преимущественно среди греческих поселенцев)[337]. Причина существования подобной традиции вплоть до настоящего времени является предметом дискуссии среди исследователей[338].

расширение категорий родственников, отношения с которыми не попадали по категорию incestum. Эта тенденция в середине IV в. н.э. меняется на противоположную. Исследователь считает, что причина этого в параллельной эволюции восприятия проблемы среди римских аристократов и первых христиан. (см. Moreau Ph. Incestus et prohibitae nuptiae. Vinceste à Rome).

Б. Шо и Р. Сэллар считают, что на протяжении всего существования Западной Римской империи принцип экзогамии при заключении брака продолжал превалировать. Даже не смотря на разрешение заключать браки между двоюродными братьями и сестрами, подобные союзы в римском обществе были достаточно редки. Они не имели особого смыла для аристократии, поскольку их финансовые интересы регулировались в рамках брака внутри своей социальной группы. Поэтому, указывают авторы, запрет, наложенный ранним христианством на брак между родственниками до шестого колена, не оказал существенного влияния на систему родства. При этом, маловероятно, что целью подобного запрета было установление контроля над распределением собственности с целью завладеть ею. Для этого церковь могла использовать завещания, превратившись в главного выгодоприобретателя (см. Shaw B.D., Saller R.P. Close–Kin Marriage in Roman Society? // Man. New Series. 1984. Vol. 19, No. 3. P. 432–444). Первоначально не существовавший запрет на браки двоюродных братьев и сестер, распространился на территории Восточной римской империи к VI в. н.э. под влиянием традиционного римского и раннехристианского неприятия подобных браков (см. Bittles A.H. The Bases of Western Attitudes to Consanguineous Marriage // Developmental Medicine & Child Neurology. 2003. Vol. 45, No. 2. P. 135–138).

[337] О предполагаемых генетических, физиологических и социальных последствиях распространения таких браков см. в Scheidel W. The Biology of Brother–Sister Marriage in Roman Egypt: An Interdisciplinary Approach // Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography. Ann Arbor, 1996. P. 9–52; idem. Brother–Sister and Parent–Child Marriage outside Royal Families in Ancient Egypt and Iran: A Challenge to the Socio–Biological View of Incest Avoidance? // Ethology and Sociobiology. 1996. Vol. 17, No. 5. P. 319–340.

[338] Р. Миддлтон указывает на то, что хотя фараоны женились на своих родных и сводных сестрах, а иногда и дочерях, сохранилось крайне мало свидетельств о том, что так поступали простые египтяне. Птолемеи, женились на своих родных и сводных сестрах, но свидетельства о подобных союзах среди населения отсутствуют (см. Middleton R. Brother–Sister and Father–Daughter Marriage in Ancient Egypt // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 603–11). Главным объяснение подобного нарушения запрета на инцест считалось желание укрепить власть и получить наследника с неоспоримыми правами на трон. Однако, как отмечает Р. Бикслер, дети, если и рождались в подобных брака, то крайне редко становились наследниками не только в Древнем и Эллинистическом Египте, но и на Гавайских островах, и в империи инков. Главным мотивом подобных браков он считает стремление подкрепить свои притязания на престол и власть, а не желание произвести наследника и тем более не похоть (см. Bixler R.H. Comment on the Incidence and Purpose of Royal Sibling Incest // American Ethnologist. 1982. Vol. 9. No. 3. P. 580–582; idem. Sibling Incest in the Royal Families of Egypt, Peru, and Hawaii // The Journal of Sex Research. 1982. Vol. 18. No. 3. P. 264–281). С другой стороны, Т. Аллен высказывает сомнения в том, что египетские фараоны вообще заключали браки с родными или сводными сестрами, в связи с неоднозначностью толкования египетских терминов родства, их описательностью и недостаточной изученностью системы и отношений родства в Древнем Египте в целом (см. Allen T.D. Problems in Egyptology: Ancient Egyptian Kinship // Journal of Black Studies. 2000. Vol. 31, No. 2. P. 139–148).

Б. Шо считает, что подобные союзы не могут быть объяснены заимствованием традиции из эпохи фараонов, а являлись следствием желания сохранить «этническую чистоту» в условиях недостатка экономических и политических ресурсов, а также стремления к социальной и культурной изоляции. В этой ситуации греческое население, претендующее на родство с Птолемеями, посчитали возможным перенять практику близкородственных браков, которую династия заимствовала у предшествующих фараонов (см. Shaw B.D. Explaining Incest: Brother–Sister Marriage in Graeco–Roman Egypt. P. 267–299). Не все исследователи приняли доводы Шо (см., например, Dieleman J. Fear of Women? Representations of Women in Demotic Wisdom Texts // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1998. Bd. 25. P. 21; Scheidel W. Incest Revisited: Three Notes on the Demography of Sibling Marriage in Roman Egypt // The Bulletin of the American Society of Papyrologists. 1995. Vol. 32, No. 3/4. P. 143–155).

С. Паркер выдвинул «экономическое» объяснение подобных браков и считал, что их спровоцировал экономический кризис в конце I в. н.э., а также желание сохранить земельную собственность внутри семьи, так как в Египте женщины могли наследовать ее наравне с мужчинами, а значит после замужества собственность переходима семье ее мужа (Parker S. Full Brother–Sister Marriage in Roman Egypt: Another Look // Cultural Anthropology. 1996. Vol. 11, No. 3. P. 362–376).

С. Хюбнер предполагала, что на самом деле близкородственные браки в римском Египте не были таковыми, поскольку сын/жених был усыновленным ребенком, а дочь/невеста родной дочерью своих родителей. Высокий уровень смертности среди детей приводил к тому, что до 30% мужчин не имели наследников мужского пола. Усыновление и последующее заключение брака между усыновленным и родным ребенком решало проблему наследования и сохраняло имущество в семье. Подобная практика не была уникальна для Египта и существовала в разных районах Средиземноморья (см. Huebner S.R. 'Brother–Sister' Marriage in Roman Egypt: A Curiosity of Humankind or a Widespread Family Strategy? // The Journal of Roman Studies. 2007. Vol. 97. P. 21–49). Критику выводов Хюбнэр см. в Remijsen S., Clarysse W. Incest or adoption? Brother–sister marriage in Roman Egypt revisited // The Journal of Roman Studies. 2008. Vol. 98. P. 53–61.

С ее выводами не согласились Дж. Роулендсон и Р. Такахаси, которые считали, что эти браки все же заключались между родными братьями и сестрами, и, к моменту утверждения власти Рима над Египтом, были

В раннее Средневековье под влиянием христианской церкви[339] значительно расширился круг лиц, отношения с которыми — брачные и/или сексуальные — попадали под категорию инцеста. В него стали входить не только кровные родственники до седьмого колена и родственники по свойству, но и духовные родственники[340]. Традиционно причинами этого считалось то, что, во-первых, близкородственные браки якобы вредят репутации семьи. Во-вторых, экзогамные браки увеличивали количество и качество связей между членами сообщества, укрепляли его. В-третьих, инцест снижал фертильность женщины и угрожал здоровью детей[341]. Ж. Дюби указывал на то, что расширение круга родственников, брак с которыми был запрещен, в сочетании с требованием публичного заключения брака (в ходе

узаконены Птолемеями и считались древним египетским обычаем (ср. с точкой зрения П. Франсена, который доказывает, что близкородственные браки никогда не табуировались в культуре Древнего Египта и зороастрийской Персии и считались нормой (см. Frandsen P.J. Incestuous and Close–kin Marriage in Ancient Egypt and Persia. An Examination of the Evidence. Copenhagen, 2009)). Значение, которое придавали частной собственности римляне, способствовало росту популярности этой практики и ее широкому распространению в Северном Египте (Rowlandson J., Takahashi R. Brother–Sister Marriage and Inheritance Strategies in Greco–Roman Egypt // The Journal of Roman Studies. 2009. Vol. 99. P. 104–139).

[339] Активная деятельность клириков по созданию антиинцестного законодательства, по мнению Э. Арчибальд, стала причиной проникновения сюжета о близкородственных отношения в морализаторскую литературу и рыцарские романы (см. Archibald E. Incest in Medieval Literature and Society // Forum for Modern Language Studies. 1989. Vol. XXV, No. 1. P. 1–15). Она обращает внимание на то, что к XII в. инцест в форме половой связи между членами нуклеарной семьи становится литературным сюжетом, обретшим достаточную популярность. Он воспринимается как достоверный, хотя и внушающий ужас, а его литературная ценность состояла в воспитании отвращения к подобному поведению и укреплении морали. Исследовательница считает, что это служит доказательством того, что инцест встречался в средневековом обществе не реже, чем в современном (Archibald E. The Appalling Dangers of Family Life: Incest in Medieval Literature // Medieval Family Roles: A Book of Essays. N. Y. and L., 1996. P. 157–171). Подробнее об этом см. в Archibald E. Incest and the Medieval Imagination. Oxford, 2001.

К. Градаль обратила внимание на различия в каноническим праве и литературе: отец, который часто встречается в романах в роли соблазнителя, полностью отсутствует в этом качестве в законодательстве и пенитенциалиях. Результатом участия отца в литературном сюжете кровосмешения является его прощение без несения им значительного наказания, поскольку он изображается лишь как опосредовано виновный в совращении дочери, которая представляется соучастницей и несет долгое и тяжелое покаяние. Мать, вступившая в кровосмесительную связь с сыном, в отличии от отца, согрешившего с дочерью, подобно дочери несет тяжелое наказание как в литературе, так и в пенитенциалиях. Градаль считает, что в этом находит отражение с одной стороны восприятие инцеста отца и дочери как наиболее страшного из возможных кровосмесительных союзов, что превращает его в немыслимое деяние, которое отсутствует в каноническом законодательстве. С другой стороны, невозможность игнорировать реальность находит свое отражение в литературных произведения, сюжеты которых, однако модифицируются под существующее восприятие. При этом, хотя на первый взгляд целью романов является подрыв идеологии патриархата и освобождение женщины, от «домашнего заточения», по мнению исследовательницы, как и каноническое законодательство они призваны утверждать лишь необходимость экзогамии (см. Gravdal K. Confessing Incests: Legal Erasures and Literary Celebrations in Medieval France // Medieval families perspectives on marriage // Comparative Literature Studies. 1995. Vol. 32, No. 2. P. 280–295).

Б. Кастен отмечает обратную тенденцию в отношение мачех и отчимов: в литературе мы, как правило, встречаемся со злой мачехой, стремящейся навредить пасынкам и поставить под свой контроль мужа. Законодательные источники, напротив, содержат статьи, защищающие имущество женщины и ее детей от посягательств ее нового мужа (см. Kasten B. Opp. cit. P. 47–67; см. также Honemann V. A Medieval Queen and her Stepdaughter: Agnes and Elizabeth of Hungary // Queens and Queenship in Medieval Europe. Woodbridge, 1997. P. 109–122).

[340] О развитии канонического и светского законодательства об инцесте см. Brundage J.A. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987. P.107, 130–131, 140–141; de Jong M. The Development of Legislation in the Early Middle Ages // To the Limits of Kinship: Anti–Incest Legislation in Early Medieval West (500–900) // From Sappho to De Sade (Routledge Revivals): Moments in the History of Sexuality. L. and N. Y., 1991. P. 37–42; eadem. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2003. P. 107–113; Rolker Ch. Two Models of Incest: Conflict and Confusion in High Medieval Discourse on Kinship and Marriage // Law and Marriage in Medieval and Early Modern Times. Copenhagen, 2012. P. 139–159). Я. Вул считает, что раннее франкское законодательство против инцеста (как каноническое, так и светское) было спровоцировано конкретными обстоятельствами политической истории Франкского королевства (см. Wood I. Incest, Law and the Bible in Sixth–Century Gaul // Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7, No. 3. P. 291–303).

[341] См. об это Consanguinite // Dictionnaire de droit canonique. P., 1949. T. 4. P. 232–248. Однако, как отмечает Йонг, они не объясняют подобного радикального расширения круга родственников, брак с которыми считался бы инцестом. О негативных последствиях для здоровья детей см. также de Jong M. To the Limits of Kinship: Anti–Incest Legislation in Early Medieval West (500–900). P. 49–50; Demyttenaere A. The Cleric, Women and the Stain: some Beliefs and Ritual Practices Concerning Women in the Early Middle Ages // Frauen in Spatantike und Fruhmittelalter: Lebensbedingungen–Lebensnormen–Lebensformen. Sigmaringen, 1990. P. 141– 65.

которого священник проверял семьи брачующихся на наличие запрещенных родственных связей), способствовали установлению контроля церкви за институтом брака[342]. Дж. Гуди считал, что эта стратегия, наряду с запретом на повторные браки, усыновления и внебрачное сожительство, увеличивала шансы церкви завладеть выморочным имуществом мирян[343]. Однако, против этого, по мнению, де Йонг, говорят, как бессистемность раннего канонического законодательства против инцеста, так и общая слабость церковной организации, которая делала подобный уровень контроля невозможным[344]. Д. Херлихи обратил внимание на то, что церковь особо настаивала на недопустимости брака с мачехой, женой сына или брата, падчерицей, т.е. с домочадцами, чтобы сохранить мир и спокойствие в семье, предотвратив возможные сексуальные связи с теми категориями родственниц, которые вряд ли согласятся на них, если последующий брак будет исключен. Брак с сестрой жены, по его мнению, был запрещен с целью предотвратить возможную полигинию и создание гаремов, способствуя таким образом более широкому и справедливому распределению брачных партнеров[345]. М. Гельтинг, отталкиваясь от объяснения Д. Херлихи причин расширения антиинцестного законодательства, считает, что таким образом церковь пыталась водворить мир в раннесредневековом обществе, сокращая число столкновений между враждующими группировками знати. Каноническое законодательство, запрещая браки между родственниками, утверждало/напоминало о первичности родства и связанных с ним обязательств индивидов друг перед другом, прежде всего, обязательства взаимопомощи[346]. Ле Жан, напротив, высказала предположение, что расширением круга родственников, брак с которыми был запрещен, церковь пыталась ослабить большие родственные группы, сплоченность которых была основана на эндогамных брачных союзах[347]. М. де Йонг считает, что ужесточение антиинцестного законодательства стало результатом совпадения интересов церкви и светской власти, и началось оно не в «христианской» Римской империи, а в

[342] Duby G. Medieval Marriage. Two Models from Twelfth–Century France. P. 17–20. См. также Fichtenau H. Opp. cit. P. 94–96.

[343] Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. P. 46–103. Опровергая выводы Гуди, Йонг указывает на то, что светские власти были вынуждены взять под контроль вклады мирян в духовные учреждения, т.к. многие из них таким образом оставляли своих детей без наследства. Кроме того, церковь не получала прямой материальной выгоды и от разделения супругов (см. de Jong M. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation. P. 114–115). См. об этом также eadem. In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West. Однако, как отмечает К. Лейсер, расширение количества родственников, браки с которыми были запрещены, привело к увеличению количества монастырей, куда направлялись девушки, для которых не нашлось брачного партнера (см. Leyser K.J. Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony. Bloomington, 1979. P. 64).

[344] de Jong M. To the Limits of Kinship: Anti–Incest Legislation in Early Medieval West (500–900). P. 36–37.

[345] Herlihy D. Making Sense of Incest: Women and the Marriage Rules of the Early Middle Ages // Law, Custom, and the Social Fabric in Medieval Europe, Essay in Honor of Bryce Lyon. Kalamazon, 1990. P. 1–16. На основании сообщения Григория Турского о том, что франкский король Хлотарь I одновременно состоял в браке с двумя сестрами, Херлихи характеризует раннесредневековую брачную систему как «ресурсную полигинию» (resource polygyny), при которой мужчины, обладающие определенной властью, состояли в отношениях одновременно с несколькими женщинами, преимущественно происходящими из одного рода (Herlihy D. Making Sense of Incest: Women and the Marriage Rules of the Early Middle Ages // Law, Custom, and the Social Fabric in Medieval Europe, Essay in Honor of Bryce Lyon. Kalamazon, 1990. P. 11).

[346] Gelting M.H. Marriage, Peace and the Canonical Incest Prohibitions: Making Sense of an Absurdity? // Nordic Perspectives on Medieval Canon Law. Helsinki, 1999. P. 93–124.

[347] Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale. P., 1995. P. 315–316.

пришедших ей на смену германских королевствах. В сознании клириков инцест был прочно связан с сексуальностью[348], которая воспринималась как проявление беспорядка и, определенно, была опасной[349]. Таким образом, расширение круга родственников, сексуальные связи с которыми были запрещены, увеличивало уровень контроля церкви над сексуальностью. В свою очередь, светская власть и аристократия были заинтересованы в расширение и укрепление связей между различными группировками, преимущественно не состоящими в родстве ближе четвертого колена (вокруг которого и развернулись основные баталии). Таким образом, в основе церковного и «германского» представления о браке лежал принцип экзогамии[350]. Р. Стоун, соглашаясь с точкой зрения Херлихи о том, что антиинцестное законодательство могло иметь целью сохранения семейной гармонии, и предположением Йонг о страхе перед инцестом как источником скверны, опираясь на теорию антрополога Р. Фокса, указывает на то, что принятие этих ограничений широкой общественностью могло быть вызвано тем, что они укрепляли патриархат в раннесредневековом обществе[351].

---

[348] Термином *incestum* часто обозначали не только брак и\или половые контакты между родственниками (кровными или духовными), но и с монахинями, и нарушение клириками обета безбрачия. Таким образом, инцест попадал в категорию сексуальных контактов, которые считались постыдными и порочащими, переходящими грань между святым и сексуальным, нарушающим божественный порядок бытия (см. Lynch J.H. Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. P. 276–277; de Jong M. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation. P. 117; Rolker Ch. Worse Than Buggery? Incest Discourses in the Twelfth and Thirteenth Centuries. URL: https://www.academia.edu/1851939/Worse_than_buggery_Incest_discourses_in_the_12th_and_13th_centuries (дата обращения 13.08.2018). Запрет на браки духовных родственников с их подопечными, их родителями или между собой объясняется исключительно духовным происхождением этого вида родственных связей, которые средневековые клирики стремились полностью лишить сексуальной составляющей (см. Lynch J.H. Spiritual Kinship and Sexual Prohibitions in Early Medieval Europe. P. 271–288). Об отношении Средневековой католической церкви к сексу см., например, Brundage J.A. "Allas! That Evere Love Was Synne": Sex and Medieval Canon Law // The Catholic Historical Review. 1986. Vol. 72. No. 1. P. 1–13; idem. Sex and Canon Law // Handbook of Medieval Sexuality / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. N. Y.: Garland Publishing, 1996. P. 33–50; Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity.

[349] М. Гудич указывает на появление в житиях святых XIV в. сюжетов, связанных с вмешательством их героев в семейные дела верующих с целью «восстановления порядка» в супружеских отношениях и предотвращения различных отклонений в их половом поведении, в т.ч. инцеста, с которыми сами они справиться не в силах (см. Goodich M. Sexuality, Family, and the Supernatural in the Fourteenth Century // Journal of the History of Sexuality. 1994. Vol. 4, No. 4. P. 493–516). От части подобный взгляд на сексуальность мог подкрепляться ее восприятием германцами до принятия христианства: хотя от женщин требовалось сохранение телесной и душевной чистоты, а отношения вне брака для них были запрещены, для мужчин подобного поведения и самоограничения не предполагалось, напротив, допускалась добрачная потеря девственности, наличие наложниц, супружеская неверность (см. Wemple S.F. Consent and Dissent to Sexual Intercourse in Germanic Societies from the Fifth to the Tenth Century // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies / Ed. by A.E. Laiou. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993. P. 227–244).

[350] de Jong M. To the Limits of Kinship: Anti–Incest Legislation in Early Medieval West (500–900). P. 36–59; idem. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation. P. 117–140. М. Йонг опровергает точку зрения Гуди о том, что германцы практиковали эндогамию с целью сохранения имущества в семье. По мнению Гуди, каноническое законодательство, запрещавшее брак с родственником до седьмого колена, вводило принцип экзогамии в незнакомом с ним германском обществе, что вызывало сопротивление. Главной целью клириков было затруднить заключение брачных союзов, появление законных наследников и обеспечить последующий переход имущества церкви. Йонг указывает, что, во–первых, само существование подобного ограничения возможна в сообществах, члены которых имеют широкие родственные связи и придают им достаточное значение (в отличие от поздней Римской империи, где преобладали нуклеарные семьи, а принцип кровного родства никогда не был определяющим). Во–вторых, законодательные источники свидетельствуют о том, что «активное» родство у германцев насчитывало три–четыре колена родственников, которые могли наследовать имущество, но с которыми, было запрещено вступать в брак (см. eadem. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation. P. 118–119). Точку зрения об эндогамности раннесредневекового общества и о решающей роли церкви в утверждении экзогамии см. также в Ermakoff I. Opp. cit. P. 405–422.

[351] Stone R. Purity or Danger: an Alternative View of Carolingian Sexual Regulation. URL: https://www.academia.edu/3882666/Purity_or_danger_an_alternative_view_of_Carolingian_sexual_regulation (дата обращения 14.08.2018).

Расширение круга лиц, брак с которыми попадал под категорию инцеста с точки зрения канонического права, привел к изменениям в социальной структуре, по крайней мере нобилитета, через вынужденные изменения в брачной политике, поскольку многие желательные союзы стали невозможными. К Бушар считает, что антиинцестное законодательство, уменьшив количество потенциальных брачных партнеров, заставило увеличить географический и социальный ареалы их поисков, т.е. выбирать супругов из отдаленных регионов или социально не равных партнеров. При этом, хотя ожидалось, что женщины выйдут замуж за равного себе по положению, но допускалось заключение брака с тем, кто находился ниже их на социальной лестнице. Мужчины старались найти жен, равного с собой социального статуса, но стремились жениться на тех, кто занимал более высокое положение. В IX-X вв. это приводило к включению новых групп (виконтов и кастелянов) в круг нобилитета и укрепляло связи внутри него, хотя формальное разделение на группы в зависимости от уровня власти и богатства охранялось[352]. Р. Ле Жан указывала, что преимущественно эндогамная стратегия брачных союзов меровингской знати постепенно изменяется под влиянием расширения законодательства против инцеста. Этот процесс совпадает с расширением территории государства и достигает своего наивысшего расцвета в империи Карла Великого. По мнению Я. Вуда, начало антиинцестного законодательства во Франкском королевстве совпадает с политической и семейной ситуацией самих Меровингов[353]. Исследовательница отмечает в нем два направления: установление родства с местной аристократией завоеванных территорий и поиск брачных партнеров за границей. С. Вемпл обращает внимание на то, что последствием расширения канонического законодательства в области инцеста стало увеличение количества женских монастырей в Северной Европе. К. Лэйерс считает, что целью их создания было не только устройство жизни девушек, для которых не нашелся подходящий брачный партнер, но и их защита от возможных сексуальных домогательств членов семьи[354]. Он указывает на то, что антиинцестное законодательство осложнило традиционный способ укрепления родственных отношений и политических союзов за счет брака. Поэтому Оттоны, начиная с X в., активно использовали духовное родство и расширение монастырской организации для усиления своих политических связей и положения.[355] Как отмечает Р. Эвитт эта политика Оттонов носила «эндогамный» характер (аббатисы Оттоновских монастырей были представительницами династии), в

[352] Bouchard C.B. Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Century // Speculum. 1981. Vol. 2. P. 268–287. См. также eadem. The Origins of the French Nobility: A Reassessment // The American Historical Review. 1981. Vol. 86, No. 3. P. 501–532.
[353] Wood I. Incest, Law and the Bible in Sixth–Century Gaul. P. 291–303.
[354] Leyser K.J. Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony. P. 77–107. См. об этом также: Bernhardt J.W. Itinerant Kingship and Royal Monasteries in Early Medieval Germany, c. 936–1075. Cambridge, 1993; Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900. Philadelphia, 1981.
[355] См. об этом также Wemple S.F. Monastic Life of Women from the Merovingians to the Ottonians // Hrotsvit of Gandersheim: Rara Avis in Saxonia? Ann Arbor, 1987. P. 35–54.

отличии от требуемой экзогамии при заключении браков. Подобная «духовная» эндогамия стала аналогом брачной и позволяла представительницам династии сохранять и реализовывать свой политический «капитал», управляя своим «маленьким королевством», а не растрачивать его в браках с теми, кто ниже их по социальному положению[356]. Д. Клэйн указывает на то, что монастыри предоставляли девочкам и девушкам возможность получить образование, которой они были лишены ранее[357]. Возможно, это способствовало превращению женщин в хранительниц родовой памяти, на которое указывала Р. Ле Жан[358].

Таким образом, несмотря на большое количество работ, наиболее актуальными вопросами для исследований девиаций в родственных отношениях периода Античности остаются проблемы определения сути инцеста и причин запрета на него, а также уточнение круга родственников брачные/сексуальные отношения, с которыми (строго) табуировались. Активные споры между исследователями идут о существовании близкородственных браков в римском Египте и причинах их распространения. Для Средневекового общества одним из центральных остается вопрос о причинах расширения круга лиц, брачные и сексуальные отношения с которыми попадали в категорию инцеста (стремление церкви установить более строгий контроль над жизнью и имуществом верующих, утвердить экзогамию в эндогамных германских обществах, защитить мир и покой в семье и среди родственников или контролировать сексуальность прихожан). Исследователи также связывают антиинцестное законодательство с изменениями в монастырской культуре (рост количества женских монастырей, превращение их в центры образования и политического влияния, а их обитательниц — в хранительниц родовой памяти) и социальной структуре (расширение круга нобилитета и географии его семейных связей). Изучение отражения инцеста в литературе, позволило сделать выводы о противоречиях в его восприятии законодателями и обществом.

1.5. Исследования по истории семьи и родства в обществах франков, англосаксов и лангобардов

Несмотря на то, что различные проблемы, связанные с изучением родства и родственных отношений в средневековой Европе, разрабатывались исследователями с конца XIX в., более-менее общий взгляд на основные этапы эволюции здесь семейных и родственных структур

[356] Evitt R.M. Incest Disguised: Ottonian Influence at Gandersheim and Hrotsvit's "Abraham" // Comparative Drama. 2007. Vol. 41, No. 3. P. 349–369.
[357] Kline D.T. Kids Say the Darndest Things: Irascible Children in Hrotsvit's Sapientia // Hrotsvit of Gandersheim: Contexts, Identities, Affinities, and Performances. Toronto, 2004. P. 78.
[358] Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siècle). P. 350–351. См. об этом также Leyser K. Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony. P. 49–73; Nelson J.L. Women and the Word in the Earlier Middle. P. 53–78; eadem. Gender and Genre in Women Historians of the Early Middle Ages // L'historiographie médiévale en Europe. P., 1991. P. 149–63; eadem. Gender, Memory and Social Power // Gender and History. 2000. Vol. 12. P. 722–34; Geary P.J. Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millennium. Princeton, 1994. P. 48–80; Innes M. Keeping It in the Family: Women and Aristocratic Memory, 700–1200 // Medieval Memories: Men, Women and the Past, 700–1300. Women and Men in History. L., 2001. P. 17–35; van Houts E. Memory and Gender in Medieval Europe 900–1200. Toronto, 1999. P. 65–92; MacLean S. Opp. cit. P. 3–38; Garver V.L. Women and Aristocratic Culture in the Carolingian World. P. 68–121.

был выработан в течение 1960-1980–х гг. Вместе с тем, общепризнанным оставался и тот факт, что в средневековой Европе они имели свои региональные особенности. Причиной подобного различия служило, прежде всего, этническое своеобразие древнегерманских племен и покоренных ими народов, проживавших на территории бывшей Западной Римской империи. Тот факт, что первоначально основными источниками для исследований служили «варварские правды», позволил говорить о «франкской», «лангобардской», «вестготской» и т.д. семьях, а также сравнивать «германскую» семью с «римской» и «кельтской».

В конце 1960-х гг. А. Прайс[359] рисовал следующую картину жизни древних германцев до начала Великого переселения народов. У них преобладали нуклеарные семьи, браки были моногамными. Количество детей, рожденных супружеской парой, не ограничивалось, хотя рождение детей вне брака, как и внебрачные/добрачные связи (особенно женские) наказывались. Отсутствие детей считалось несчастьем. Мужчины, в отличие от женщин, могли заключать повторные браки. Скорее всего мальчики, а возможно и девочки, при достижении определенного возраста, должны были пройти инициацию, чтобы считаться взрослыми. Те из них, кто не смог справиться с обрядом, либо умирали (возможно в ходе самой инициации), либо изгонялись из племени. После прохождения инициации следовало создание семьи, для чего, однако, требовалось не только достижение определенного возраста, но и материальный достаток[360].

С. Вэмпл изображала общество франков перед завоевание Галлии как состоящее из родов (clan, kindred), основой единства которых было родство. Оно придавало структуру этим сообществам, а родственники осуществляли основной социальный контроль и предоставляли защиту. Хотя исследовательница не исключает возможности существования у них матрилинейности, она подчеркивает, что к концу I в. н.э. родство было когнатическим[361] с преимущественным наследованием по мужской линии[362]. Она указывает на то, что после основания Франкского королевства Меровинги с помощью католической церкви расшатали власть рода (kindred) и власть *pater familias*, взяв на себя функции защитников и арбитров в спорах. Права и обязанности родственников были зафиксированы в римском и германском праве. В эпоху Меровингов права женщин (как у франков, так и у галло-римлян), прежде всего имущественные, и их влияние в различных сферах жизни общества возросли за счет

[359] Price A.H. Differentiated Germanic Social Structures // Vierteljahrschrift für Sozial–und Wirtschaftsgeschichte. 1968. Bd. 55, H. 4. S. 433–448. Целью автора статьи было изучение «демографической политики» древнегерманских племен до принятия ими христианства, с целью установления способов контроля уровня рождаемости в условиях невозможности увеличить посевные площади в связи с культом леса и табу на его вырубку.

[360] Дж. Йохенс на основе анализа исландских саг пришла к выводу, что брак у германцев в языческий период представлял собой, прежде всего, контракт, а его главной целью было обеспечение имущественных прав (см. Jochens J. Germanic Marriage: The Case of Medieval Iceland // The Medieval Marriage Scene. Prudence, Passion, Policy. Arizona, 2005. P. 71–84).

[361] Ср. с Wood I. Genealogy Defined by Women: the Pippinids // Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900. N. Y., 2004. P. 234–256.

[362] Ср. с выводами А.И. Неусыхина (см. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI -VIII вв. М., 1956. С. 83–85).

ассимиляционных этнических процессов[363] и участия в распространении христианства[364]. В случае смерти мужа они могли быть опекунами своих детей, управлять и распоряжаться имуществом от их имени, организовывать их браки, основывать монастыри и управлять ими. Эта своеобразная эмансипация была достигнута благодаря существовавшей полигинии и была сведена на нет утверждением в Каролингский период под влиянием церкви моногамии, нерасторжимости брака и нуклеарного характера семьи[365].

Проанализировав правовые источники, К. Дрю пришла к выводу, что основой франкского общества, как в других германских племенах, была нуклеарная семья, состоявшая из семейной пары, их несовершеннолетних сыновей и незамужних дочерей[366]. В число домочадцев также входили полусвободные литы и рабы. Однако, в отличие от других германцев (бургундов, вестготов, лангобардов), расселившихся на территории бывшей Западной Римской империи, родственники до шестого колена (parentela) продолжали играть значительную роль в жизни франка, выступая вмести с ним в судебных делах, получая вергельд и помогая уплачивать его, участвуя в наследовании. Подобная практика имела как свои достоинства, так и недостатки, поэтому существовала процедура отказа от родства, которая приводила к исключению индивида из parentela, а также процедура усыновления на случай отсутствия наследников. Брак заключался между взрослыми свободными мужчиной и женщиной (существовал ли минимальный брачный возраст не известно), если они не были родственниками, союзы между которыми были запрещены. К последним относились брачные союзы между дядей и племянницей/внучатой племянницей, с женой брата или дяди с материнской стороны. Возможно также запрещено было выходить замуж тетке за племянника/внучатого племянника, за мужа сестры или мужа сестры матери[367]. Дрю считает,

---

[363] Об этом см., например, Demandt A. The Osmosis of Late Roman and Germanic Aristocracies // Das Reich und die Barbaren. Vienna, 1989. P. 75–86; Mathisen R.W. Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition. Austin, 1993.

[364] Об этом см., например, Wemple S.F. Women in Religious Life // Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900. Philadelphia, 1981. P. 127–187; McNamara J.A. Living Sermons: Consecrated Women and the Conversion of Gaul // Medieval Religious Women. Kalamazoo, 1988. Vol. 2, 1988. P. 19–38; Sainted Women of the Dark. Durham and London, 1992.

[365] Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900.

[366] Ср. с господствовавшей среди советских медиевистов точкой зрения о преобладании в меровингский период больших патриархальных семей (см., например, Неусыхин А.И. Указ. соч. С. 85; Бессмртный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика. С. 46, 51).

[367] Большая часть этих правил нарушалась Меровингами, которые вступали в браки с женами братьев и дядьев. Спорным остается вопрос о том, практиковали ли они полигинию: Ж. Мюррей считает, что они продолжали практику, которую для германских вождей зафиксировал еще Тацит (см. Murray J. Hiding Behind the Universal Man: Male Sexuality in the Middle Ages // Handbook of Medieval Sexuality. N. Y., 1996. P. 129–130; см. также Wallace–Hadrill M.J. The Long–Haired Kings. N. Y., 1962. P. 161, 204; Geary P.J. Before France and Germany: the Creation and Transformation of the Merovingian World. Oxford, 1988. P. 52); С. Вэмпл — что полигиния стала результатом влияния римского обычая конкубинажа и отсутствия четкого законодательного регулирования брачных отношения и наследования (см. Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900. P. 38–41; см. также Stafford P. Queens, Concubines, and Dowagers: The King's Wife in the Early Middle Ages. Athens, 1983. P. 73); Д. Херлихи рассматривал многоженство как обычай, свойственный всем знатным франкам, при котором мужчины преимущественно состояли в одновременных отношениях с несколькими женщинами из одного рода/семьи (см. Herlihy D. Making Sense of Incest: Women and the Marriage Rules of the Early Middle Ages. P. 11). О. Ивих и Э. Дэйли выступал против существования практики многоженства у Меровингов: Ивих считал, что короли франков заключали браки с женщинами, упоминаемыми Григорием Турским, по очереди и никогда не состояли одновременно в браке с несколькими женщинами (цит. по Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden, Boston, 2015. P. 103–104); Дэйли — что браки

что это указывает на то, что родство с материнской стороны для Эго считалось более близким, чем с отцовской. Она также указывает, что до конца VI в. канонические нормы, касающиеся близкородственных союзов и моногамии, не были закреплены в светском законодательстве. Браку предшествовала помолвка, в ходе которой невеста получала дар от жениха. Он становился частью ее приданного, которое являлось собственностью женщины, если она не выходила замуж второй раз[368]. Приданное было неприкосновенно для мужа, и наследовалось детьми женщины. Во франкском обществе существовал институт *mundium*'а — опеки и легального представительства женщины ее отцом, мужем или его родственниками. Если женщина хотела выйти замуж второй раз, она «выкупала» *mundium* у родственников мужа[369]. Однако, границы *mundium*'а определить достаточно сложно в силу того, что франкская женщина, в отличие от женщин других германских племен, пользовалась значительной самостоятельностью в вопросах владения и наследования имущества, повторного замужества. Однако она не участвовала в наследовании имущества своего мужа, оставаясь наследницей в семье отца, в отличие от женщин других германских племен, и могла быть призвана к несению материальной ответственности за кровных родственников. Опека над несовершеннолетними детьми, в случае смерти матери, переходила к их отцу[370].

Подробное изучение системы родства и его восприятия в раннесредневековом франкском обществе предприняли Р. Ле Жан и И. Реаль. Главной задачей, которую пыталась решить в ходе своего исследования Р. Ле Жан, было соотнесение изменений в политической сфере франкского общества в эпоху Каролингов с трансформацией в системе родства знати в регионе между Рейном и Луарой. Исследовательница искала ответы на вопросы о том, какое значение имело родство в становлении аристократии в VII-VIII вв., ослабляло ли оно систему власти в империи Каролингов или же, напротив, укрепляла ее, и какую роль оно сыграло в становлении «нового порядка» («ordre nouveau») в X в. Р. Ле Жан пришла к выводу, что номинально франкское общество в это период состояло из больших родственных групп, которые напоминали германские кланы (*Sippe*). Они представляли собой широкие горизонтальные объединения родственников без реальной генеалогической глубины (не далее третьей степени родства) с общим предком и без четкой организации. Их существование поддерживалось эндогамным принципом заключения браков и клановой солидарностью, а

Меровингов были моногамными, но, в перерывах между ними, или даже находясь в браке, они могли иметь одну или несколько наложниц, действуя не под влиянием германского или римского обычая, и уж тем более не руководствуясь похотью, которую им приписывал Григорий Турский, а проводя продуманную и обоснованную брачную политику (см. Dailey E.T. Opp. cit. P. 101–108).

[368] Подробнее об этом см. в MaNamara J.–A., Wemple S.F. Marriage and Divorce in the Frankish Kingdom // Women in Medieval Society. Philadelphia, 1976. P. 95–124; Grey C. Two Young Lovers: An Abduction Marriage and Its Consequences in Fifth–Century Gaul // The Classical Quarterly. 2008. Vol. 58, No.1. P. 286–302.

[369] Э. Джейм указывает на то, что в случае, если жених не выплачивал приданного, то он не получал *mundium*'а над женой (см. James E. The Origins of France: From Clovis to the Capetians, 500–1000. P. 78).

[370] Drew K.F. The Franks as Seen Through Their Law Code // The Laws of the Salian Franks. Philadelphia, 1991. P. 39–45. Подробнее см. в Murray A.C. Opp. cit. P. 115–216.

главной задачей была взаимопомощь и возмездие. На основе анализа терминов родства исследовательница заключает, что в повседневной жизни Эго реально взаимодействовал с небольшой группой родственников: чем богаче был Эго тем большее количество родственников наблюдались рядом с ним, однако, даже в этом случае, родство было не далее третьего колена. Более дальнее родство признавалось, но фактически не работало. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что, выбирая имя ребенку, родители хотя и обращались к именам родственников, но не далее всей той же третьей степени. Понятия первородства не существовало, все имущество в равных долях распределялось родителями между всеми детьми, что способствовало циркуляции собственности и богатств в рамках больших социальных групп и социальной мобильности.

Ле Жан придерживается точки зрения К. Шмита и Ж. Дюби об эволюции франкского общества, согласно которой в ходе трансформации, произошедшей около 1000 г., место больших когнатических родственных групп заняли вертикально структурированные агнатные объединения с наследование по мужской линии. Однако, она считает, что происхождение, определяемое по отцовской линии, начинает заменять более широкое понятие двухстороннего родства уже в середине VIII в. Превращению нуклеарной семьи в центр системы родства, по ее мнению, способствовала королевская власть, которая видела в *Sippe* угрозу себе, а также политика христианской церкви. Последняя была заинтересована в распространении нуклеарных семей, основанных на принципе экзогамии, для чего увеличивала количество родственников, брак с которыми запрещался как близкородственный. Исследовательница также высказывает мнение, что, хотя наследование осуществлялось почти исключительно по мужской линии, «благородная кровь» рассматривалась как передающаяся по женской линии[371].

И. Реаль изучала франкское общество в эпоху Меровингов на основе житий святых, исторических сочинений и правовых источников, созданных в период с V по VIII вв. Исследуя терминологию родства, Реаль, приходит к выводу, что центром родственных отношения Эго в этот период была нуклеарная семья. Эго активно взаимодействовал также с братьями/сестрами, дядьями/тетками, некоторыми родственниками по свойству. Более дальние родственники упоминаются, но частота их упоминаний зависит от типа источника (в исторических сочинениях и правовых документах чаше фигурируют члены расширенной семьи, в агиографии — нуклеарной). Присутствие родных вокруг Эго было пропорционально эмоциональной и родственной близости с ними (чем ближе степень родства, тем чаще они

[371] Le Jan R. Opp. cit. Критику методов и выводов Р. Ле Жан см., например, в Bouchard C.B. [Rev.:] Régine Le Jan. Famille et Pouvoir dans le Monde Franc (VIIe-Xe Siècle): Essai d'Anthropologie Sociale. P.: Publications de la Sorbonne. 1995 // Speculum. 1997. Vol. 72. No. 4. P. 1191-1193; Depreux Ph. [Rev.:] Régine Le Jan. Famille et Pouvoir dans le Monde Franc (VIIe-Xe Siècle): Essai d'Anthropologie Sociale. P.: Publications de la Sorbonne, 1995 // Revue Historique. 1997. T. 297, Fasc. 1. P. 256-260.

упоминались и тем сильнее эмоции по отношению к ним). Возможно, на размер родственного коллектива и его состав влияло также имущественное положение: чем богаче Эго, тем больше вокруг него родственников и «ближе» отношения с ними[372]. По мнению Реаль, родство уже в V в. было билатеральным (Эго не делал различий между родственниками со стороны отца и матери). Отсутствие четких указаний на сторону родства Реаль рассматривает как отражение перехода от коллатеральной к линейной системе учета родства.

Исследовательница отмечает определённые различия в использовании терминов родства в исторических и агиографических источниках: авторы житий считали менее важными точные степени родства и передавали их более «расплывчато», в отличие от авторов хроник, писавших политическую историю, для которых была важна точность в вопросах родства. Кроме того, в исторических сочинениях преобладают термины, которые обозначают степень родства, прежде всего, как социальную роль, а в житиях святых терминологически упор делается на чувственно-эмоциональные отношения родственников[373].

«Язык» чувств родителей к детям очень богат и выразителен. В различных источниках родители называют детей «любимыми», «сладкими» и т.д., открыто говорят о любви к ним. К сожалению, Реаль не рассматривает особенности и нюансы употребления терминов, обозначающих чувства родителей и детей. Наиболее интенсивно родители проявляют свои эмоции в момент болезни/смерти ребенка. Они плачут, кричат, молятся, стонут, дают обеды и т.д. Однако, Реаль ничего не говорит о возможной ритуальности подобных действий.

Что касается отношений внутри семьи, то Реаль приходит к выводу, что наиболее подробно они описываются в житиях святых. Эти источники изображают семью как союз любящих супругов, которые заботятся друг о друге и своих детях. Близкие отношения часто складываются между братьями и братьями и сестрами, а также между дядьями и племянникам. Первые часто берут на себя обязанности опекуна в случае смерти родителей. Реаль считает, что в житиях пропагандируется определенный образ семьи, который, однако, не был отражением библейских сюжетов или набирающего популярность культа Богородицы, т.к. для последней, в частности, было характерно подчеркивание девственности и непорочности матери Христа. Хотя картины детства святых часто напоминают сюжеты Священного Писания, по мнению, Реаль, из него заимствовалось только то, что соответствовало

[372] К тем же выводам относительно состава семьи в зависимости от богатства ее главы у древних греков и в эпоху Каролингов приходит М. Трумпер и Р. Ле Жан (см. Le Jan R. Opp. cit. P. 159-179; Trümper M. Space and Social Relationships in the Greek Oikos of the Classical and Hellenistic Periods. P. 32–52).

[373] Исследовательница отмечает и другие особенности в употреблении терминов в рассматриваемых ею источниках. Например, Реаль высказывает предположение, что частое использование слова *сын* объясняется ролью этой степени родства в идентификации человека. Многократное упоминание *жены* говорит о важности брачных связей, а редкость слова *дочь*, свидетельствует о незначительной роли *дочерей* в обществе. Агиографы чаще говорили о *матерях*, чем об *отцах*, что Реаль объясняет тем, что, с одной стороны, единственной женщиной, с которой их авторы – клирики – имели отношения, были материи. С другой стороны, таким образом они могли в неявной/подсознательной форме транслировать в массы библейский образ Девы Марии и ребенка. Наконец, возможно, что таким образом пропагандировалась определенная модель семейных отношений, основанная, прежде всего, на любви (см. Real I. Vies de saints, vie de famille. P. 97-107).

представлениям, существовавшим в обществе. Кроме того, все еще преобладающие с периода поздней античности антисемейные настроения большинства отцов церкви, которые считали целибат лучшей из возможностей для человека, а брак «меньшим из двух зол», не позволили бы «создать» образ «хорошей» семьи в обществе, где преобладают антисемейные настроения.

Источники, по мнению И. Реаль, отражают определенные гендерные особенности переживания роли родственников. Например, если отец преимущественно ассоциировался с властью и авторитетом, то мать могла и даже должна была демонстрировать любовь и нежность к своим детям. Матери находились рядом с детьми с рождения и до начала обучения грамоте, о чем можно судить по сюжетам о несчастных случаях и болезнях[374]. В заботе о малолетних детях знатным матерям, скорее всего, помогали кормилицы. Матери также отвечали за религиозное образование детей и воспитание их в духе христианства, занимаясь этим самостоятельно, нанимая учителей или служа примером благочестивой жизни. В источниках редко упоминаются вдовы, которые самостоятельно заботятся о детях. Реаль предполагает, что это связано с незащищенностью самой женщины и ее неспособностью обеспечить безопасность детей от возможной «физической» агрессии со стороны других мужчин. Как правило власть матери над детьми ограничена авторитетом старшего сына или дяди ребенка.

Отцы начинали активно заниматься ребенком (мальчиком) в возрасте 7-8 лет, в связи с необходимостью его подготовки к «мужским» занятиям. Чаще всего отец передавал непосредственное обучение в руки третьих лиц. Целью начальной ступени образования было приготовление детей к получению «профессии» у людей (придворных или клириков), которые могли обеспечить их будущие карьеры (светские или духовные). Как правило воспитатель был связан с семьей/отцом мальчика дружескими или родственными узами, и фактически заменял собой родного отца на время нахождения у него ребенка, принимая на себя все права и обязанности родителя. После этого молодые аристократы покидали дом. Отношения между отцом и сыновьями строились на основе верности и солидарности. Отец являлся главной опорой и помощником сына, а сын обязан был слушаться отца. Если же он не подчинялся, то отец мог наказывать его вплоть до смерти. Конфликты между отцом и сыном, упоминаются достаточно часто в связи со схожей сферой деятельности. Дочери же, напротив, почти не конфликтовали с отцами. Возможно потому, что не могли соревноваться с ними из-за

[374] В сценах чудесных исцелений мальчики фигурируют чаще, чем девочки, в т.ч. в паре с матерями. Это может быть объяснено личным опытом авторов житий (все они были мужчинами), а также тем, что спасти *сына* для женщины было важнее т.к. в будущем он должен был стать ее опорой. Девочки чаще описываются, как исцеляющиеся в «одиночестве» без упоминания родителей. Возможно это связано с тем, что они были старше на момент исцеления, или что о здоровье мальчиков родители заботились больше, начиная с маленького возраста. Однако, количество исцелившихся взрослых мужчин гораздо больше количества женщин, по сравнению с «детской» статистикой исцелений. Поэтому, скорее всего, дело не в пренебрежении или детоубийстве, а в проецировании агиографами собственного бессознательного (см. Ibid. P. 143-159).

различий в социальном положении. С другой стороны, послушание могло принести им большую пользу, побудив отца быть с ними щедрее.

Что касается отношений между братьями, то в исторических источниках они изображаются преимущественно как конфликтные т.к. эти источники в основном рассказывают о политической сфере. Изначально равные по своему положению они борются друг с другом за первенство. В житиях святых можно встретить обратную картину: там братья помогают друг другу. Но подобное изображение, вполне возможно, отражает пропаганду христианских ценностей. Отношения братьев и сестер были свободны от соперничества и напоминали отношения женщины с отцом. Особенно хорошо это видно в житиях святых, где братья часто основывают монашеские обители для своих сестер.

Важное место в исследовании И. Реаль занимает восстановление брачных обрядов и традиций франкского общества V-VIII вв., а также представлений о том, какие союзы считались «законными», а какие не признавались таковыми. Реаль утверждает существование двух формы брака в раннесредневековом Франкском королевстве: *muntehe* (публичная свадьба с передачей *mundium*'а от отца/опекуна к мужу) и *friedelehe* (союз на основе соглашения двоих без участия родственников и публичных церемоний, выделения мужем приданного, но с вручением утреннего дара). *Muntehe* заключался между достаточно молодыми людьми, одного социального ранга, и организовывался родителями. Кроме того, для знатных пар часто требовалось одобрение короля. Все брачные обряды (предложение, помолвка, свадьба) имели публичный характер. Церковное благословение становится частью церемонии с IV в. (сначала на юге Франции, а затем и на севере преимущественно среди франкского населения). Причиной включения христианского благословения в брачную церемонию Реаль считает не давление церкви, которая стремилась поставить под свой контроль институт брака, а стремление, прежде всего, аристократии к еще большей публичности брачных союзов.

Muntehe предполагал публичное предложение брака мужчиной женщине с поднесением подарков и ее обязательным согласием, затем церемонию помолвки, в ходе которой жених/его семья приносили невесте приданное (*dos*) с последующей праздничной трапезой, и сама свадьба с пиром в доме жениха, после которой следовала брачная ночь. На утро по германскому обычаю муж вручал жене «утренний дар» как подтверждение соблюдения всех условий брачного соглашения. Отец девушки также мог преподнести ей подарок по случаю свадьбы. Нарушение соглашения о помолвке каралось законом. В данном брачном обряде, по мнению Реаль, смешались галло-римские и германские традиции (в римском праве женщина приносила мужу приданное, среди германцев муж платил за жену и давал ей утренний дар).

«Честный брак» («honnête mariage»), предполагал контроль родителей за его заключением, взаимное согласие будущих супругов, их социальное равенство, публичность

всех церемоний и обрядов и выплату приданного («dot maritale»). Родители, как правило, сами подбирали брачного партнера для своего ребенка. Их согласие на брак считалось обязательным, особенно для женщин, замужество которых без согласия семьи рассматривалось как похищение и делало подобный брак незаконным. Мужчины обладали большей свободой в вопросах брака, в том числе, правом самостоятельно выбирать себе невесту и не нуждались в обязательном согласии родителей. Об этом свидетельствует, в частности тот факт, что количество мужчин-святых, которые смогли избежать брака, больше количества женщин. Хотя семья могла настоять на браке женщины, тем не менее в день помолвки от нее требовалось публичное согласие вступить в брак. Эта римская традиция поддерживалась и церковью, которая считала добровольность важным условием для утверждения нерасторжимости брака. Брак, по мнению Реаль, являлся, по сути, «обменом женщинами», целью которого было сохранение мира и стабильности в рамках отдельной социальной группы, установление социальных связей, увеличение богатства. Поэтому важным условием выступало равное социальное положение будущих супругов, что подчеркивается в большинстве житий святых. Другой целью брака было обеспечение рода законными наследниками. Очевидно, что значительную роль при этом играла «национальная» принадлежность вступающих в брак. Реаль предполагает, что изначально характер браков, по крайней мере, среди франкской знати, был эндогамным. На это, по ее мнению, указывают как исторические источники, так и частое повторение запрета на них в решениях соборов и светском законодательстве. Брак с вдовой родственника позволял сохранить имущество, нажитое парой, в семье, сохранить связи с семьей этой женщины, и, наконец, обеспечить передачу власти от ее мужа. Подобная «национальная» эндогамия, однако, не была абсолютной. Заключались и браки с представителями других «племен», но равного социального статуса. Еще одним важным, а со временем и обязательным, элементом заключения «честного» брака было наделение женщины приданным, которое ей давал ее муж. Это делалось публично и официально. В свою очередь, традиция «утреннего дара» постепенно сходит на нет, поскольку она не имела публичного характера и не поддерживалась властями.

Friedelehe — союз, заключенный без публичных церемоний — еще одна форма брака существовавшая, по мнению Реаль, среди франков[375]. Подобные союзы могли заключаться влюбленными, против брака которых выступали их родственники, а также похитителями с

[375] Родоначальником гипотезы о существовании в период раннего Средневековья брака в форме *friedelehe*, который предполагал равноправие мужчины и женщины, был Г. Мейер (см. Meyer H. Friedelehe und Mutterrecht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1927. Bd. 47. S. 198–286). В настоящее время существование *friedelehe* и *muntehe* как двух разных форм брачного союза (с выкупом женихом опеки (*mundium*) над женщиной и без выкупа и получения опеки) считается подтвержденным только для лангобардского общества, в котором этот обычай, скорее всего, развился под влиянием римского права (см. об этом Karras R.M. The History of Marriage and the Myth of Friedelehe // Early Medieval Europe. 2006. Vol. 14, No. 2. P. 119–151; Reynolds P.J., Marriage in the Western Church: The Christianization of Marriage during the Patristic and Early Medieval Period. P. 101–117).

женщинами, которых они украли. Кроме того, он мог использоваться для заключения второго «законного» союза при наличии первой жены, с которой уже был заключен брак в форме *muntehe*. Похищение, с которым боролись и светские, и церковные законодатели, выступало способом обойти брачные традиции, сложившиеся в обществе, и преодолеть сопротивление родственников. Законы различали два вида похищения: по взаимному согласию сторон, и при отсутствии такового. Похищение в любом случае преследовалось по закону, поэтому почти единственным способом избежать наказания для его участников было получение убежища в церкви. За похищение девушки в ряде германских Правд предусматривалось денежное возмещение ее родственникам. Таким образом, приняв возмещение от похитителя, родственники признавали союз законным. Похититель затем мог придать ему форму *muntehe,* совершив все положенные церемонии. *Friedelehe* для магнатов, и особенно франкских королей, был способом, заключая «законные союзы», оставлять для себя также и возможность вступления в *muntehe*, что часто приводило к полигинии. Однако статус женщин в обоих браках был равным, на что указывает как терминология, так и их положение, и права, например, в случае с королевами, а также положение и права их детей. Церковь выступала против *friedelehe* поскольку он имел частный характер, в отличии от публичного *muntehe*, что мешало контролировать соблюдение в нем других принципов христианского брака (добровольность, равенство статусов и т.д.).

Слияние галло-римских и германских брачных ритуалов, а также представлений о браке происходит в условиях совместного проживания двух народов и под влиянием церкви, а также новых экономических и социальных условий. К VI в. *iustum matrimonium* сливается с *muntehe,* тогда же начинается активный процесс ассимиляции двух народов. Церковь поощряла это слияние, хотя и мирилась с обоими формами брака: *muntehe* и *friedelehe*. Главным для нее было утверждение публичности брачного союза, как средства контроля за ним. Только с VIII в. она начинает активно бороться с *friedelehe*, который постепенно сводится ею к институту наложничества и объявляется незаконным[376].

Поскольку, основной целью брака было обеспечение экономических интересов семьей и наследования, монашество и целибат не рассматривались как его достойная альтернатива, не смотря на доминирование христианских ценностей в среде галло-римлян. По крайней мере, не для молодых и знатных юношей и девушек, о чем говорит распространенный в житиях святых сюжет о вступлении их героев в брак под давлением родителей. Даже если женщина становилась вдовой, но не имела детей, то родители, под власть которых она возвращалась,

[376] См. об этом также Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 29–32, 33.

стремились выдать ее замуж повторно. Жития святых изображают как почти невозможную ситуацию, в которой женщина пренебрегает волей отца, решившего выдать ее замуж.

Тем не менее, герои житий святых всячески стремились избежать брака, а если вступали в него, то переживали несчастливое замужество или сохраняли целомудрие. В любом случае, брак в их восприятие изображался как менее почетный, чем целомудрие. Единственным его оправданием служило рождение в нем детей. Несмотря на все это, жития пропагандируют нерасторжимость брачного союза, который может прекратить только смерть одного из супругов. Реаль считает, что противоречивость христианской брачной доктрины кроется в эсхатологических ожиданиях ее авторов, отношение которых можно выразить следующим образом: брак сам по себе не плохой институт, но конец света лучше встретить девственником. Брак как таковой не считался греховным, он рассматривался как альтернатива для тех, кто не мог сохранять целомудрие, и те, кто вступает в брак, не лишались возможности обрести спасение души.

Подобное отношение к браку сформировалось во многом под влиянием учения гностиков и стоиков. Гностики, утверждали необходимость полного воздержания (вплоть до кастрации) и отрицали брак как механизм само воспроизводства этого мира. Стоики и неоплатоники также указывали на бренность мирского, однако признавали брак инструментом воспроизводства общества, существующим согласно законам природы. Под их влиянием в христианское учение проникла мысль о том, что в плотские отношения супруги должны вступать только с целью рождения детей. Популярность обрела идея превосходства безбрачия как одного из методов усмирения плоти для возвышения души. Из монашеской среды эти идеи постепенно проникают и в среду мирян. В IV-V в. окончательно сформировалось негативное отношение к человеческой сексуальности, которое повлияло на восприятие брака: половой акт, даже между супругами, превратился в воплощение похоти.

Теологическая мысль в эпоху Меровингов не сосредотачивалась на проблемах брака, ограничиваясь выработанными ранее постулатами о греховности сексуальных отношений, и рассматривая брак почти исключительно с этой точки зрения (сводя его к сексуальным отношениям)[377]. Целомудрие и умерщвление плоти было объявлено предпочтительным, женщинам и мужчинам лучше было избегать брака, особенно повторного. С другой стороны, церковь активно занималась вопросами регламентации брачных союзов, поощряя «законные» браки, и осуждая «незаконные» практики (похищение невест, инцест, повторные браки),

[377] Подробнее об эволюции брачного дискурса и отношений к супружеской паре в период поздней Античности и раннего Средневековья см., например, в Toubert P. La théorie du mariage chez les moralistes carolingiens // Matrimonio nella società altomedievale. Spolète, 1977. P. 233–281; Veyne P. La famille et l'amour sous le Haut-Empire romain // Annales. 1978. Vol. 33. No. 1. P. 35–63; Bouchard C.B. Episcopal "Gesta" and the Creation of a Useful Past in Ninth-Century Auxerre // Speculum. 2009. Vol. 84. No. 1. P. 1–35; Lazzari T. "Secondo natura": l'età giusta per il matrimonio nelle leggi dell'Europa altomedievale // La condizione giuridica delle donne nel medioevo. Trieste, 2012. P. 27–51; Le couple dans le monde franc // Médiévales. 2013. No. 65.

запрещая вступление в брак монахов и монахинь. Церковь выводит на первый план добровольности брачного союза как условие его нерасторжимости, а согласие родителей превращается в дополнительную гарантию того, что супруг/супруга достойны друг друга. Активно поддерживается публичность брачного союза, которая противопоставляется приватности отношений с наложницей. Утверждалась необходимость приданного, которое муж дает жене для признания брака законным. Определенные ограничения накладываются и на сексуальную жизнь супругов: в половые отношения следовало вступать только для деторождения, воздерживаться от них перед причастием и в определенные дни, во время беременности женщины и менструации [378].

Изучение родства в англосаксонском обществе начинается во второй половине XIX в. Подобно исследованиям родственных отношений в королевстве франков его анализ первоначально осуществлялся на основе правовых источников. Уже первые работы по истории родства у англосаксов задали основную их проблематику, а многие из выделенных проблем остаются дискуссионными до настоящего времени. Как и в случае с франками одними из первых на себя обратили внимание вопросы взаимоотношений институтов родства и королевской власти, в частности, попытки последней ослабить родственные коллективы путем различных ограничений их прав и обязанностей по отношению к их членам, а также с помощью установления правил вступления в брак и в наследство. Особенностью исследований родства у англосаксов является подробное рассмотрение проблемы конфликта между узами родства и верностью своему вождю/лорду/королю, а также роли родства и наследования земли в формировании института частной собственности. Отдельно необходимо отметить изучение терминологии родства, которое для англосаксонского общества может проводиться на материале двух языков — латинского и древнеанглийского, что невозможно для Франкского королевства.

Э. Янг указывал на то, что в англосаксонском обществе Эго был участником двух групп родственников. В одну (*maegth, maegburh*) входили те, кто вел свое происхождение от общего предка. Конкретный состав членов *maegth*'а зависел от индивидуальных обстоятельств жизни человека. Понятия главенства в нем отсутствовало, что, по мнению Янга, делало невозможным существование в англосаксонском обществе патриархата. Другая группа представляла собой, по сути, нуклеарную семью и включала супругов и их детей (*household*). *Жена* не входила в

[378] Real I. Vies de saints, vie de famille. Л. Тэ считает, что невозможно изучать семьи «грешников» по житиям святых (см. Theis L. Saints sans famille? Quelques remarques sur la famille dans le monde franc à travers les sources hagiographiques // Revue Historique. 1976. T. 255, Fasc. 1 (517). P. 3–20). На крепость родственных уз между франками, находящимися на римской военной службе, и их родственниками, и о взаимопомощи, как основном их проявлении указывает Дж. Бароу (см. Barlow J. Kinship, Identity and Fourth–Century Franks / Historia: Zeitschriftfür Alte Geschichte. 1996. Bd. 45, №. 2. P. 223–239). Критику выводов И. Реаль см. в Lett D. [Rev.:] Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout: Brepols, 2001 // Médiévales. 2002. No. 43. P. 174-176; Coon L.L. [Rev.:] Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout: Brepols, 2001 // Speculum. 2003. Vol. 78, No. 2. P. 594–595.

число членов *maegth*'а своего *мужа*, оставаясь в составе своей родственной группы. Если женщина совершала проступок, за него отвечала она и члены ее *maegth*'а, но не *муж* и его родственники, и наоборот[379]. Также и вергельд получали родственники *мужа* или *жены*, но не *супруг*. Наследование осуществлялось тоже в рамках *maegth*'а: первыми наследниками считались *сыновья*, которые получали равные доли в наследстве, за ними следовали *дочери*, затем *внуки* и т.д. Таким образом, семья являлась отдельной группой, а не частью *maegth*'а[380].

Родство было когнатическим: Эго, если был признан *отцом*, считался членом *maegth*'а как *матери*, так и *отца*, объединяя их в единую группу родственников с внутренним разделением по сторонам родства. Членство в *maegth* давало индивиду защиту в различных ее формах (в случае сиротства, кровной мести, выплаты вергельда, защиты в суде и т.д.). При этом, права и обязанности родственников со стороны *отца* были шире, чем у родственников со стороны *матери*. Дети, не признанные *отцами* или рожденные вне законных союзов, не включались в *maegth* и не получали соответствующих прав и обязанностей, а поступали под защиту лорда или короля. Янг считает, что королевская власть, стремясь забрать себе функции социального контроля, которую осуществлял *maegth*, и ослабить могущественные роды, создавала механизмы для отказа от родства с определенным индивидом, прежде всего, в случае совершения им преступления и участия в кровной вражде.

До замужества женщина находилась под опекой семьи и родственников, после заключения брака право опеки переходило мужу, но родственники продолжали контролировать его действия в отношении женщины и ее детей (вплоть до инициирования развода и возвращение женщины в родительскую семью). В случае смерти мужчины ближайший родственник по мужской линии становился опекуном детей. Власть отца над законнорожденными детьми была ограничена: он не имел права лишить их жизнь, но мог наказывать физически, ограничивалась возможность продажи их в рабство. Янг считает, что первоначально отец мог выдать дочь (возможно только несовершеннолетнюю) замуж против ее воли, однако под влиянием христианства к X в. обязательной стала добровольность брачного союза, — так же, как и для поступления в монастырь[381]. Возможно, аналогичными правами отец обладал в отношении сыновей. Сыновья находились в подчинении у отца до тех

[379] Подробнее об этом см., например, в Hough C. Two Kentish Laws Concerning Women: A New Reading of Æthelberht 73 and 74 // "An Ald Reht": Essays on Anglo–Saxon Law. Newcastle upon Tyne, 2014. P. 87–110.
[380] Young E. The Anglo–Saxon Family Law // Essays in Anglo–Saxon Law. Boston, 1876. P. 121–182.
[381] Ж. Мюррэй, отмечает, что, не смотря на утверждение нормы об обязательной добровольности брачного союза в светском и каноническом законодательстве, в общественном сознании англичан она закрепилась только к середине XIV в. параллельно с распространением тайных браков (см. Murray J. Individualism and Consensual Marriage: Some Evidence from Medieval England // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. Kalamazoo, 1999. P. 121–151). О своболе выбора брачного партнера в средневековой Англии см. также McSheffrey S. I Will Never Have None against my Faders Will: Consent and the Making of Marriage in the Late Medieval Diocese of London // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. Kalamazoo, 1999. P. 152-174.

пор, пока им не исполнялось двенадцать лет, дочери — пока не выходили замуж или не становились монахинями.

Англосаксонское право, в отличие от права канонического, изначально не содержало запретов на близкородственные браки. Скорее всего, допускались даже союзы между двоюродными родственниками. Жених выплачивал отцу невесты или ее опекуну определенную сумму денег, что придавало браку законность[382]. Он также передавал жене утренний дар, который отходил в ее собственность в случае вдовства, или же она получала часть его имущества в наследство[383]. Этим имуществом, как и своей жизнью, она могла распоряжаться свободно после смерти мужа[384].

В середины 1950–х гг. Л. Ланкастер предприняла исследование проблемы родства в англосаксонской Англии на основе его терминологии в древнеанглийском языке. Ее выводы во многом совпадают с выводами Янга: терминологический анализ показал, что родство у англосаксов было когнатическим и в нем не отдавалось предпочтения одной линии родства (материнской или отцовской[385]). Каждый индивид сам выбирал с кем из родственников поддерживать отношения. Исследовательница отвергает точку зрения, высказанную

[382] См. об этом Mezger F. Did the Institution of Marriage by Purchase Exist in Old Germanic Law? // Speculum. 1943. Vol. 18, No. 3. P. 369–371.

[383] Ф. Бакстафф считала, что женщины и мужчины были, по большому счету, равны в англосаксонском обществе. Положение женщины в обществе резко ухудшилось после норманнского завоевания (см. Buckstaff F.G. Married Woman's Property in Anglo–Saxon and Anglo–Norman Law and Origin of the Common–Law Dower // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1893. Vol. 4. P. 233–264). Это мнение долгое время было господствующим в историографии вопроса (см., например, Stenton F.M. The Historical Bearing of Placename Studies: the Place of Women in Anglo–Saxon Society // Transactions of the Royal Historical Society. 1943. Vol. 25. P. 1–13; Bandel B. The English Chroniclers Attitude toward Women // Journal of the History of Ideas. 1955. No. 16. P. 113–18; Hill R. Marriage in Seventh–Century England // Saints, Scholars and Heroes: Studies in Medieval Culture in Honour of Charles W. Jones. Collegeville. 1979. Vol. 1. P. 67–75; Dietrich S.C. An Introduction to Women in Anglo–Saxon Society // The Women of England from Anglo–Saxon Times to the Present. L., 1980. P. 32–56; Fell Ch., Clark C., Williams E. Women in Anglo–Saxon England and the Impact of 1066. L., 1984). Д.М. Стентон была согласна с оценкой статуса женщины, которую дала Бакстафф, но поворотным моментом, по ее мнению, стало распространение христианства, которое утверждало нерасторжимость брака и отдавало жену в полное подчинение мужу (см. Stenton D.M. The English Woman in History. N. Y., 1957. P. 1–28). А. Клинк считает, что положение женщины, хотя и улучшилось в течение англосаксонского периода, никогда не было равным положению мужчины, а норманнское завоевание не привнесло в него серьезных изменений (см. Klinck A.L. Anglo–Saxon Women and the Law // Journal of Medieval History. 1982. No. 8. P. 107–121; см. также Stafford P. Women and the Norman Conquest // Transactions of the Royal Historical Society. 1994. Vol. 4. P. 221–249). В пользу этой точки зрения может свидетельствовать дискурс сексуального насилия и восприятие полового акта как почти неизбежно связанного с жестокостью и применением силы в средневековой английской литературе (см. об этом Shari H. The Languages of Rape in Old English Literature and Law: Views from the Anglo–Saxon(ist)s // Sex and Sexuality in Anglo–Saxon England. Tempe, 2004. P. 149–181; см. также Coleman J. Rape in Anglo–Saxon England // Violence and society in the early medieval West. N. Y., 1998. P. 193–204; противоположную точку зрения см. в Hough C. Alfred's Domboc and the Language of Rape*:* a Reconsideration of. Alfred, ch. 11 // Medium Ævum. 1997. Vol. 66, No. 1. P. 1–27). Об особенностях источниковой базы, которые необходимо учитывать при исследовании положения женщины в раннесредневековой Англии см. в Richards M.P., Stanfield B.J. Concepts of Anglo–Saxon Women in the Laws // New Reading on Women in Old English Literature. Indiana, 1990. P. 89–99. Анализ историографии о положение женщин в английском обществе после норманнского завоевания см. в Jewell H. Opp. cit.

[384] О положении вдовы и ее имущественных правах в англосаксонском обществе см., например, Buckstaff F.G. Married Woman's Property in Anglo–Saxon and Anglo–Norman Law and Origin of the Common–Law Dower. P. 233–264; Rivers T.J. Widows' Rights in Anglo–Saxon Law // *The American Journal of Legal History*. 1975. Vol. 19. No. 3. P. 208–215; Hough C. The Widow's "Mund" in Æthelberht 75 and 76 // The Journal of English and Germanic Philology. 1999. Vol. 98, No. 1. P. 1–16.

[385] Сторонником патрилинейности англосаксов был, например, Дж. Кембл (см. Kemble J.M. The Saxons in England, a History of the English Commonwealth till the Period of the Norman Conquest. L., 1849). В настоящее время доминирующим можно считать взгляд на родство среди англосаксов как когнатическое, а браки как экзогамные с проживанием женщины в семье мужа (см. Hameroy H. The Earliest Anglo–Saxon Kingdoms // New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2005. Vol. 1. P. 273).

антропологом А. Радклиффом-Брауном[386], что границей родства считалась шестая степень. Также, как и Янг, она считала, что четкого определения того, кто входит в круг родственников не существовало. Все зависело от ситуации, в которой находился индивид (наличие родственников определенных степеней, географического фактора, возможности общения и т.д.) и его личных предпочтений. Ланкастер указывает, что активные родственные связи поддерживались, прежде всего, с членами нуклеарной семьи, которая являлась преобладающей формой семейной организации. Однако браки были непрочными[387], что объясняет слабые связи Эго с его родственниками по свойству. Ланкастер не находит подтверждения существования линиджей (групп родственников, отсчитывавших свое происхождение от общего предка с одной стороны (descent group)), совместного проживания и владения группой родственников недвижимым имуществом[388]. С последним утверждением был не согласен Т. Чарльз-Эдвардс, который считал, что в рамках англосаксонской системы родства существовали различия в положении родственников со стороны отца и матери, и, как следствие, имели место агнатные и патрилокальные линиджи, которые могли владеть совместной собственностью, прежде всего земельной[389]. Он также указывал на то, что англосаксы делили свое окружение на друзей и врагов. Родственные связи при этом выступали как один из источников дружбы. Однако, если для обычных людей близкие родственники являлись поддержкой, то в королевских династиях они превращались в соперников[390]. Г. Лойон обращает внимание на то, что именно место в когнатической группе родственников во многом определяло социальный статус и положение человека (в смешенных браках супруги сохраняли социальный статус, полученный при рождении, а дети получали статус отца, что и служило проявлением патрилинейности). Большое значение имело также происхождение человека, прослеживаемое через генеалогии, причем не только в среде королевских

[386] См. Radcliffe–Brown A.R. Introduction // African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950.
[387] М. Росс считает, что англосаксы из различных слоев общества параллельно с законными браками достаточно часто практиковали внебрачное сожительство и признавали детей о таких союзов, наделяя их правами наследования, что могло в целом ослаблять институт брака (см. Ross M.C. Concubinage in Anglo–Saxon England // Past and Present. 1985. Vol. 108. P. 3–34). В пользу непрочности брачных союзов говорит и отмеченное Дж. Риверсом отсутствие у них законов, наказывающих за внебрачные связи, до распространения христианства (см. Rivers T.J. Adultery in Early Anglo–Saxon Society: Æthelberth 31 in Comparison with Continental Germanic Law // Anglo–Saxon England. 1991. V. 20. P. 19–25). О развитии института брака в средневековой Англии см. McCarthy C. Marriage in Medieval England: Law, Literature and Practice. Woodbridge: Boydell Press, 2004. 185 p. (критику работы МакКарти см. в Kelly H.A. [Rev.:] Conor McCarthy. Marriage in Medieval England: Law, Literature and Practice. Woodbridge: Boydell Press, 2004. 185 p. // The English Historical Review. 2006. Vol. 121. No. 492. P. 909–911). О процедуре развода и правовом положении женщины после него см. подробнее в Hough C. The early Kentish 'Divorce Laws': a Reconsideration of Æthelberht, chs. 79 and 80 // Anglo–Saxon England. 1994. Vol. 23. P. 19–34. О положении вдов в Средневековой Англии см. Alamichel M.–F. Widows in Anglo–Saxon and Medieval Britain. Oxford, 2008.
[388] Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 230–250; eadem. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 2. P. 359–377.
[389] Charles–Edwards T. Kinship, Status and the Origins of the Hide. P. 3–33.
[390] *idem.* Anglo–Saxon Kinship Revisited // The Anglo–Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 1997. P. 171–200. П. Стаффорд считает, что причиной далеких от идеала родственных отношения внутри королевских семей Англии было сочетание нестабильности брака с большим количеством наследников и отсутствием права первородства (см. Stafford P. Sons and Mothers: Family Politics in the Early Middle Ages // Studies in Church History Subsidia. 1978. Vol. 1. P. 79–100; eadem. The King's Wife in Wessex 800–1066 // Past & Present. 1981. No. 91. P. 3–27).

династий[391], но и среди знати. Активные родственные узы, по мнению Лойона, связывали небольшую группу родственников, преимущественно членов нуклеарной семьи Эго (супруги, дети, братья, дядя по отцу), хотя существовала и возможность отказаться от родства. Эта группа выполняла ряд функций, среди которых было участие в кровной мести, в выплате или получении вергельда[392], в содержании родственников в случае их помещения в тюрьму, в крещение детей, в свадьбах (которые оставались преимущественно светским событием), в заботе о сиротах, душевнобольных и глухонемых, в задержании злоумышленников[393]. Жена имела право на наследство своего мужа наравне с его детьми (но не могла наследовать фолкленд, который передавался по мужской линии[394]), а также на получение за него вергельда. В целом исследователь приходит к выводу, что родственные узы между англосаксами были достаточно сильны, чтобы противостоять даже королевской власти, которая стремилась ослабить их и поставить под свой контроль[395]. Э. Вэрхом считает, что усиление агнатного

[391] О значениях генеалогий в англосаксонском обществе написано большое количество исследований. См., например, Wheeler G.H. The Genealogy of the Early West Saxon Kings // The English Historical Review. 1921. Vol. 36, No. 142. P. 161–171; Sisam K. Anglo–Saxon Royal Genealogies // Proceedings of the British Academy. 1953. No, 39. P. 287–348; Dumville D.N. Kingship, Genealogies and Regnal Lists // Early Medieval Kingship. Leeds, 1977. P. 73–104; Moisl H. Anglo–Saxon Royal Genealogies and Germanic Oral Tradition // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. 215–248; idem. The Bernician Royal Dynasty and the Irish in the Seventh Century // Peritia. 1983. Vol.2. P. 103–126; Naismith R. The Origins of the Line of Egbert, King of the West Saxons, 802–839 // The English Historical Review. 2011. Vol. 126. No. 518. P. 1–16; Blanton V. King Anna's Daughters: Genealogical Narrative and Cult Formation in the Liber Eliensis // Historical Reflections. 2004. Vol. 30, No. 1. P. 127–149.

[392] Существование в англосаксонском обществе до норманнского завоевания «культуры кровной вражды» (feud culture) (в самом общем смысле под ней понималось преимущественное решение возникающих конфликтов путем вооруженного столкновения его непосредственных участников, а также их родственников (Niles J.D. The Myth of the Feud in Anglo–Saxon England // The Journal of English and Germanic Philology. 2015. Vol. 114, No. 2. P. 163)) долгое время считалось неоспоримым, а различные ее аспекты подробно изучаются до сих пор (см., например, Miller W.I. Choosing the Avenger: Some Aspects of the Bloodfeud in Medieval Iceland and England // Law and History Review. 1983. Vol. 1. P. 159–204; Hyams P.R. Rancor and Reconciliation in Medieval England. Ithaca, 2003. P. 71; idem. Feud and the State in Late Anglo–Saxon England // Journal of British Studies. 2001. Vol. 40. P. 1–43; Fletcher R. Bloodfeud: Murder and Revenge in Anglo–Saxon England. Oxford, 2002). Во многом это мнение сформировалось под влиянием изучения литературной традиции, прежде всего поэмы «Беовульф» (см., например, Kahrl S.J. Feuds in Beowulf: A Tragic Necessity? // Modern Philology. 1972. Vol. 69. P. 189–98; Osborn M. The Great Feud: Scriptural History and Strife in Beowulf // Publications of the Modern Language Association. 1978. Vol. 93, No. 5. P. 973–981; Camargo M. The Finn Episode and the Tragedy of Revenge in Beowulf // Studies in Philology. 1981. Vol. 78. P. 120–34; Day D. Hwanan sio fæhð aras: Defining the Feud in Beowulf // Philological Quarterly. 1999. Vol. 78. P. 77–95; Hill J.M. The Ethnopsychology of In–Law Feud and the Remaking of Group Identity in Beowulf: The Cases of Hengest and Ingeld // Philological Quarterly. 1999. Vol. 78. P. 97–123; Biggs F.M. The Naming of Beowulf and Ecgtheow's Feud // Philological Quarterly. 2001. Vol. 80. P. 95–112). С другой стороны, увеличивается число исследователей, которые, не отрицая существование практики кровной мести и вражды, ставят под сомнение их доминирование в качестве способов разрешения конфликтов и указывают на растущей контроль за ними со стороны государства (см., например, Halsall G. Violence and Society in the Early Medieval West: An Introductory Survey // in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 1–45; Hyams P.R. Was There Really Such a Thing as Feud in the High Middle Ages? // Vengeance in the Middle Ages: Emotion, Religion and Feud. Farnham, 2010. P. 151–75; Hudson J. Feud, Vengeance and Violence in England from the Tenth to the Twelfth Centuries // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White. Burlington, 2010. P. 29–53; Niles J.D. Opp. cit. 163–200). О кровной вражде в Нормандии и влиянии нормандского завоевания на этот институт в Англии см. Bennett M. Violence in Eleventh–Century Normandy: Feud, Warfare and Politics // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 126–140; Sneight S.J. Violence and the Creation of Socio–Political Order in Post–Conquest Yorkshire // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 157–174.

[393] О гендерных особенностях родственных обязанностей и их изменении в англосаксонском обществе см. Dawn H. Negotiating Gender, Family and Status in Anglo–Saxon Burial Practices, c. 600–950 // Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900. N. Y., 2004. P. 301–323.

[394] Об этом см. также в Charles–Edwards T. Anglo–Saxon Kinship Revisited // The Anglo–Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 1997. P. 171–200.

[395] Loyn H.R. Kinship in Anglo–Saxon England // Anglo–Saxon England. 1974. Vol. 3. P. 197–209. Проблема столкновения родственных уз и верности воина своему вождю/лорду, а именно вопрос о том, когда последнее стали преобладать над первыми (если это вообще имело место быть), длительное время активно обсуждался исследователями (резюме проблемы и новый взгляд на нее см. в White St.D. Kinship and Lordship in Early Medieval England: The Story of Sigeberht, Cynewulf, and Cyneheard // Viator. 1989. Vol. 20. P. 1–18; традиционный взгляд и анализ литературы см. в Leneghan F. Royal Wisdom and the Alfredian Context of Cynewulf and Cyneheard // Anglo–Saxon England. 2010. No. 39. P. 71–104). Роль родства и семьи также обсуждается в связи с проблемой укрепления государственной власти в англосаксонских королевствах X–XI вв. и создание централизованного государства

принципа в англосаксонском родстве и сокращение количества членов семьи и активных родственных связей началось в X в. Оно было связано с вовлечением аристократии в монастырское движение и увеличением озабоченности смертью и спасением души[396]. К. Пастернак на основе сравнения «Пенитенциалия святителя Феодора» и «Законов Этельберта» приходит к выводу, что церковь пыталась подорвать важные в германском обществе семейные и клановые узы и перенести акцент на индивида и его персональную ответственность перед Богом и церковью[397].

В ходе изучения лангобардских источников, преимущественно правовых, исследователи пришли к выводу, что подобно франкам и англосаксам, родство у лангобардов было когнатическим, родственная группу вокруг Эго формировалась по принципу происхождения от общего мужского потомка, различались родственники со стороны отца и матери[398]. Центром родственной организации лангобардов была семья[399], которая состояла из супругов и их потомков. В число домочадцев также входили представители зависимого населения. Глава семьи обладал правом опеки (*mundium*'а) над всеми ее членами (женой, незамужними дочерями, несовершеннолетними сыновьями, полусвободными и рабами). В случае его смерти *mundium* переходил ближайшему родственнику мужского пола. Родственные связи активизировались также, если необходимо было защитить родственника в суде, в случае наследования, получения или выплаты вергельда, или кровной мести (*faida*)[400]. Так же, как и у других германцев, на ранних этапах существования лангобардского общества группа родственников являлась основным институтом защиты жизни и собственности своих членов. Таким образом, индивид, не имеющий родственных связей, находился в крайне уязвимом положении.

(см., например, Hart C. Athelstan 'Half King' and his Family // Anglo–Saxon England. 1973. Vol. 2. P. 115–144; Williams A. Princeps Merciorum Gentis: the Family, Career and Connections of Ælfhere, Ealdorman of Mercia, 956—83 // Anglo–Saxon England. 1982. Vol. 10. P. 143–172; Insley Ch. Politics, Conflict and Kinship in Early Eleventh–Century Mercia // Midland History. 2000. Vol. 25, No. 1. P. 28–42; idem. The Family of Wulfric Spott: an Anglo–Saxon Marcher Dynasty // The English and Their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams. Woodbridge, 2012. P. 115–128). В частности, А. Уильямс и Э. Сёрл (см. Searle E. Opp. cit.) приходят к выводу, что родственные связи региональных элит, общность их политических и экономических интересов с общенациональными играли важную роль в функционировании королевской власти. Отдельно рассматривался вопрос влияния датского и норманнского завоевание на аристократию, и проводимую королями политику по отношению к ней (преемственность и ассимиляция или замена местной знати на своих приближенных) и последствия этой политики (см., например, Mack K. Changing Thegns, Cnut's Conquest and the English Aristocracy // Albion. 1984. Vol. 16. P. 375–87; Fleming R. Kings and Lords in the Conquest England. Cambridge, 1991. P. 21–52; Marten L. Meet the Swarts*:* Tracing a Thegnly Family in Late Anglo–Saxon England // The English and Their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams. Woodbridge, 2012. P. 17–32; Roffe D. Hidden Lives*:* English Lords in Post–Conquest Lincolnshire and Beyond // The English and Their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams. Woodbridge, 2012. P. 205–228).

[396] Wareham A. The Transformation of Kinship and the Family in late Anglo–Saxon England // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10, No. 3. P. 375–399.

[397] Pasternack C.B. Negoitating Gender in Anglo–Saxon England // Gender and Difference in the Middle Ages. Minneapolis, 2003. P. 107–142.

[398] См. Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths. P. 143.

[399] Б. Крейц отмечает исключительную силу семейных связей среди лангобардов и их преданность семье, на что, по ее мнению, в частности, указывает та тщательность, с которой в лангобардских правовых источниках отражены различные вопросы, связанные с делами семьи. Эмоциональная привязанность членов семьи друг к другу нашли свое отражение и в Хартиях Аббатства Святой Троицы (Кава–де–Тиррени) (Cava Charters) (см. Kreutz B.M. Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries. Philadelphia, 1992. P. 119–121).

[400] Женщины не могли инициировать кровную месть и потому, как правило, не участвовали в получении вергельда (см. Drew K.F. Notes on Lombard Institution // The Rice Institute Pamphlet. 1956. Vol. 43. P. 68).

Мужчина становился совершеннолетним в восемнадцать лет, превращаясь в полноправного члена общества. Однако закон не позволял даже взрослым сыновьям требовать раздела семейного имущества пока был жив отец. Поэтому взрослые мужчины и их семьи продолжали жить со своими родителями, если только отец не соглашался поделить имущество. Семейная собственность считалась неприкосновенной, и глава семьи не мог свободно распоряжаться ею (продавать, дарить, обменивать и т.д. по своему желанию). В тоже время она не находилась в совместном владении, т.к. в случае смерти главы семейства подлежала разделу между наследниками. Кроме семейной собственности, которая не подлежала отчуждению, каждый лангобард мог иметь собственность личную. Ее можно было получить путем покупки, получения в дар, или взяв под контроль имущество жены. После этого мужчина мог отделиться от своих родителей и стать главой собственной семьи. Всем, чем мужчина владел в качестве личной собственности, он мог распоряжаться по своему усмотрению.

Брак представлял собой своего рода контракт между женихом, который не нуждался в одобрении собственных родственников, и родственниками невесты[401]. Женщина, в отличие от мужчины, не получала самостоятельности при достижении определенного возраста и в каждый момент своей жизни находилась под опекой (*mundium*) отца, мужа или родственников[402]. Выходя замуж женщина переходила из-под *mundium*'а отца или другого опекуна под опеку мужа, который становился ее законным представителем и получал право распоряжаться ее собственностью (хотя он не имел право продавать ее без согласия женщины и ее родни). За обладание этим правом он выплачивал родственникам невесты определённую сумму денег (*meta*)[403]. Отец одаривал новобрачных в день свадьбы, а на следующий день муж вручал жене утренний дар[404]. Часть дара отца и подарок мужа составляли личное имущество женщины, которое после ее смерти переходило детям. Брак мог быть заключен и без выкупа мужчиной *mundium*'а женщины, но в этом случае она сама и рожденные в браке дети оставались под опекой ее семьи. Повторный брак осуществлялся также путем покупки *mundium*'а у опекуна женщины, которым, как правило, был ближайший родственник ее умершего мужа[405]. В лангобардском обществе существовал также институт внебрачного сожительства, признаваемый законом, а дети от таких союзов могли наследовать имущество отца, хотя их доля была меньше доли детей, рожденных в браке[406]. Те, кто был рожден вне

[401] Г. Аусенда указывает на ограниченное количество сведений, не позволяющее точно определить характер брака (экзогамный или эндогамный) у лангобардов, и не находит доказательств существования у них кроскузенных браков (см. Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths. P. 143–144).
[402] Согласие женщины на брак требовалось, только если замуж ее выдавал не отец и не брат (см. Drew K.F. Notes on Lombard Institution. P. 59).
[403] Подробнее об этом см. в Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths. P. 155–162.
[404] Подробнее о помолвке и свадьбе см. также Ibid. P. 150–155.
[405] Drew K.F. Notes on Lombard Institution. P. 63.
[406] Подробнее об этом см. в Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths. P. 162–163.

союзов, регулируемых законом[407], считались незаконнорожденными и не имели никаких прав на имущество и защиту отца. Расторжение брака было возможно только в случае измены жены[408] или если она злоумышляла против мужа.

Наследником жены являлся ее муж, за исключением тех случаев, когда он несправедливо убивал ее. Тогда наследниками становились ее дети или родственники. Наследование мужчине, как и переход *mundium*'а над зависимыми от него членами семьи, осуществлялось лицами, происходившими от общего предка до седьмого колена, по принципу близости родства. Первоначально женщины не участвовали в наследовании семейной собственности даже в случае отсутствия сыновей[409]. Лишь начиная с VIII в. они получили такое право, если у них не было братьев, однако контроль над имуществом переходил владельцу их *mundium*'а (мужу или ближайшему родственнику мужского пола)[410].

Проблема восприятия детей и детства в рассматриваемых нами обществах была отдельно рассмотрена Э. Джеймсом, Э.М. Куфлером и С. Кроуфорд. Исследователи сошлись во мнении, что в них детство воспринималось как особый период жизни человека с присущим ему своеобразием. Джеймс на основе анализа произведений Григория Турского пытался ответить на вопросы о том, насколько современные представления о периоде детства и юности можно соотнести с таковыми в период раннего Средневековья, как складывались отношения детей и взрослых, существовали ли детская и молодежная субкультуры, какое участие принимали дети в жизни взрослых[411]. Исследователь пришел к выводу, что детство во франкском обществе не только осознавалось, но и до некоторой степени, идеализировалось (в отличие от юности, упоминаний которой он не нашел в рассматриваемых источниках). Поведение детей отличалось от поведения взрослых, и только малолетние будущие святые демонстрируют стремление вести себя подобно старшим[412]. Ко времени полового созревания большинство детей уже знали, чем будут заниматься во взрослой жизни (станут клириками,

---

[407] В случае двоеженства мужчины, если свободная женщина выходила замуж за раба. Позднее под влиянием христианства были также запрещены браки с родственниками до седьмого колена, с мачехой, падчерицей, женой брата, с женой двоюродного брата, духовными родственниками (см. Drew K.F. Notes on Lombard Institution. P. 65–66). О запретах на близкородственные браки у лангобардов см. также в Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths. P. 145–149.

[408] Об изменах и прелюбодеяниях, и отношении к ним со стороны закона см. в Ibid. P. 163–165.

[409] М. Костанбис считает, что лангобардская семья избирала стратегию наследования, исходя из индивидуальных обстоятельств и местных обычаев, а не под влиянием лангобардского или римского права (см. Costambeys M. Kinship, Gender and Property in Lombard Italy // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2009. P. 69–84).

[410] См. Drew K.F. Introduction // The Lombard Laws. Philadelphia, 1973. P. 1–38. Подробнее об этом см. в Drew K.F. Notes on Lombard Institution. P. 59–78. Подробнее о положении женщины в средневековой Италии см. в Skinner P. Women in Medieval Italian Society, 500–1200. Harlow, 2001; Абрамсон М.Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 103–135.

[411] James E. Childhood and Youth in the Early Middle Ages // Youth in the Middle Ages. York, 2004. P. 11–24.

[412] Л. Тинсли указывает на необходимость учитывать жанровые особенности и ожидания аудитории, при использовании информации о детстве святых, содержащейся в их житиях. Он обращает внимание на то, что в житиях детство изображается как время опережающего развития святых, а юность – как начало «трудовой» деятельности. При этом существует опасность принять за норму как «отклоняющееся» поведение святых, так и реакцию на него со стороны родителей (см. Tinsley D.F. Reflections of Childhood in Medieval Hagiographical Writing: The Case of Hartmann von Aue's Der arme Heinrich // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality. B., 2005. P. 229–247).

войнами, продолжат работать в хозяйстве родителей или будут учиться грамоте), имели брачного партнера. М. Куфлер на основе изучения англосаксонских источников приходит к выводу, что общество и особенно родители любили своих детей, хотя тяжесть условий жизни вносила определенные коррективы в восприятие детства[413]. С. Кроуфорд, сравнивая данные письменных и археологических источников, изучала вопросы беременности и родов, особенностей восприятия различных этапов детства, здоровья, воспитания и образования детей, отношения с членами семьи, духовными родственниками, воспитателями и опекунами. Исследовательница рассматривала как на жизнь детей повлияло распространение христианства и появление частного землевладения, как отличалась жизнь детей из разных социальных слоев, проживающих в городе[414] и сельской местности[415].

Ряд исследователей обратились к проблеме восприятия материнства и отцовства в период раннего Средневековья. Э. Саутон, рассматривая представления об отцовстве в позднеантичной Галлии, приходит к выводу, что среди галло-римского духовенства широкое распространение получили взгляды Августина Блаженного на отца, который использует строгость и физические наказания как способ выражения любви к своим детям[416], чтобы вовремя скорректировать их поведение и избежать более радикальных мер (например, лишения наследства). Отец, по их мнению, должен был заботиться о будущем сыновей, не создавая им комфортные условия жизни, а обеспечивая их образование для спасения души. Напротив, в отношениях с дочерями священнослужители советуют, прежде всего, использовать доброту, любовь и наставления, а не наказания. Однако Саутон отмечает появление среди галло-римской аристократии и другой модели взаимоотношений отцов и детей, которая берет свое начало у Иеронима Стридонского. Она была основана на открытой демонстрации эмоциональной привязанности между детьми и родителями, прощении и участии. К VI в. Саутон относит появление идеи об отцовстве как способе достижения эмоционального удовлетворения и полноты семейной жизни. Однако исследовательница указывает на необходимость учитывать, что эта идея в основном содержится в текстах, написанных клириками, которые сами не были отцам, что в силу своих жанровых особенностей (поэзия и жития святых) эти тексты изображают идеализированные отношения,

[413] Kuefler M.S. “A Wryed Existence”: Attitudes toward Children in Anglo–Saxon England // Journal of Social History. 1991. Vol. 24, No. 4. P. 823–834.
[414] Об этом см. подробнее в Hanawalt B.A. Growing Up in Medieval London: The Experience of Childhood in History. N. Y., 1993.
[415] Crawford S. Childhood in Anglo–Saxon England. Stroud, I999.
[416] Т. Де Бройн проследил развитие образа «отца порющего» (pater flagellans) в период Поздней Античности: в республиканский период и период позднего принципата порка применялась только к рабам и была важным культурным символом их статуса, но с конца IV в. фигура отца, порющего детей из любви к ним, стала обычным делом. Исследователь считает, что изменение отношения к этой практике внесла коннотацию рабства в восприятие сына, и была взаимосвязана с образом «сына» в христианском квазиродственном дискурсе (de Bruyn T. Flogging a Son: The Emergence of the pater flagellans in Latin Christian Discourse // Journal of Early Christian Studies. 1999. Vol. 7. P. 249–290). См. об этом также Garnsey P. Sons, Slaves and Christians // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space. N. Y., 1997. P. 101–122.

наконец, что подобное выражение чувств происходит в ситуации гибели матери ребенка и/или его самого[417]. Р. Бальдзаретти сравнивает положение отца и матери на основе изучения лангобардских источников. Он приходит к выводу, что фигура отца в них изображается как доминирующая над почти абсолютно бесправной матерью в силу ее физической и «умственной» слабости. Мужчина играл решающую роль в жизни сыновей[418], женщины же фактически не представлены в источниках. Исследователь считает подобную картину результатом мисогинистического дискурса авторов-мужчин-монахов, в числе которых он называет и Павла Диакона, воспитанных на текстах Бенедикта Нурсийского и Исидора Севильского с содержащимся в них упором на необходимость сыновнего послушания отцам, в т.ч. духовным[419].

Проблема восприятия материнства и роли матери в жизни детей и общества была изучена на англосаксонском материале. М. Докрей-Миллер, рассматривавшая ее, пришла к выводу, что главными задачами матери в этот период были «защита, забота, обучение детей» («protection, nurturance, and training of children»). В объединённых женско-мужских монастырях Нортумбрии, Кента и Восточной Англии, основанных и управлявшихся представительницами королевских династий, она видит элемент матрилинейности (должность аббатисы передавалась между представительницами одной династии, а наследование представляло собой передачу должности от духовной матери к духовной дочери) в патрилинейном англосаксонском обществе, а в деятельности их аббатис — воплощение материнского идеала. Исследовательница также указывает на роль родственных связей по женской линии и взаимоотношений родственниц в управлении англосаксонскими королевствами на примере дочери Альфреда Великого Этельфледы. Рассматривая матерей, упоминаемых в поэме «Беовульф», она указывает, что они стремились защитить своих сыновей от жестокости «героического, патриархального» мира, поэтому старались предотвратить наследование ими трона. Так, по ее мнению, Вальхтеов делала все, чтобы трон ее мужа перешел к его племяннику, а не к их сыновьям[420].

Что касается отношений между сиблингами, то отдельное исследование им посвятили И. Реаль и О. Шервиниак. И. Реаль считает, что именно отношения между этой группой

[417] Southon E. Fatherhood in Late Antique Gaul // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 238–253.
[418] Ср. с ролью, которую отцы, по мнению Дж. Лиона, играли в подготовке молодых представителей германских аристократических родов Вельфов, Виттельсбахов, Веттинов и др. к исполнению ими обязанностей правителя (см. Lyon J.R. Fathers and Sons: Preparing Noble Youths to Be Lords in Twelfth–Century Germany // Journal of Medieval History. 2006. Vol. 31, No. 3. P. 291–310).
[419] Balzaretti R. Lombard Fathers // Archeologia medievale. 2011. Vol. 38. P. 45–58. См. также: idem. Fatherhood in Late Lombard Italy // Gender and Historiography: Studies in the History of the Earlier Middle Ages in Honour of Pauline Stafford. L., 2012. P. 9–20.
[420] Dockray–Miller M. Motherhood and Mothering in Anglo–Saxon England. N. Y., 2000. Ср. утверждение о мотивах действия Вальхтеов с объяснением, предложенным Drout M.D.C. Blood and Deeds: The Inheritance Systems in "Beowulf" // Studies in Philology. 2007. Vol. 104, No. 2. P. 199–226. Критику методов и выводов Докрей–Миллер см., например, в Srafford P. [Rev.:] Mary Dockray–Miller. Motherhood and Mothering in Anglo–Saxon England. N. Y.: St. Martin's Press, 2000. 161 p. // Albion. 2001. Vol. 33, No. 3. P. 430–432.

родственников являются наиболее длительными в жизни индивида, и одними из центральных для всей системы родства. Их значимость подчеркивается тем, что именно они были выбраны церковью для моделирования отношений между христианами в целом («все люди – братья»). Реаль приходит к выводу, что их основой являлась взаимопомощь, покровительство и защита. Все дети имели право на наследство родителей, но характер наследства у братьев и сестер был разным: первые получали землю и должности, вторые — преимущественно движимое имущество. Подобный раздел был скорее традицией, т.к. закон не запрещал передавать женщинам земельные владения. Однако он порождал напряженность между родственниками. Сиблинги могли демонстрировать сплочённость, когда одному из них грозила опасность «извне»: в случае судебного преследования, политических неурядиц, болезней. Особенно ярко эмоциональная привязанность между ними проявляет себя в случае смерти одного из них, а выжившие продолжают хранить память об умерших[421]. О. Шервиниак сравнивает изображение кровных и духовных братьев и сестер в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного. Он обращает внимание, что количество случаев упоминания кровных и духовных сиблингов почти одинаково. Среди кровных братьев достаточно много язычников, а их упоминание часто происходит в контексте смерти. По мнению исследователя, главной целью Беды было прославление идеала духовного братства, которое со временем должно заменить братство кровное, для которого было характерно соперничество и предательство. Союзы, заключенные между королями путем брака с сестрами друг друга были не прочны, а попытка отомстить/заступиться за родственницу изображается как углубляющая конфликт и ведущая к росту насилия. В положительном свете изображаются лишь отношения сиблингов, способствующие распространению христианства. Духовное братство должно было объединять не только отдельных индивидов, но и народы, и стать основой для превращения человечества в идеальную общину верующих, организованную по принципу монастыря[422].

Б. Юссен предпринял попытку изучения практик крестного родительства и усыновления в королевстве франков VI в. на материале «Истории франков» Григория Турского[423], во многом опираясь на предположения, высказанные А. Ангенендтом. Немецкий ученый считает, что крестное родительство рассматривалось современниками турского епископа как один из способов усыновления. Среди главных мотивов выбора фигуры крестного отца/матери он, как и Линч, называет обладание им светской или духовной властью. Юссен

[421] Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles) // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 73–94.

[422] Szerwiniack O. Frères et sœurs dans l'Histoire ecclésiastique du peuple anglais de Bède le Vénérable de la fratrie biologique à la fratrie spirituelle // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 237–245.

[423] Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter: Kilnstliche Verwandtschaft als soziale Praxis. Gottingen, 1991. P. 342. См. также английский перевод Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages. Delaware, 2000. Главным отличием изданий является более подробная вводная статья, посвящённая методологии и историографии родства.

отмечает, что значительная часть «Истории франков» посвящена описанию попыток бездетного короля Гунтрамна обрести наследника, усыновляя и участвуя в крещении своих племянников Хильдеберта II и Хлотаря II. Подобно Ангенендту, он считает, что таким образом король не только решал проблемы с наследованием, но и пытался распространить свою власть на королевства племянников, возможно стремясь восстановить единство всего королевства франков. Установка контроля над Нейстрией через участие в крещении Хлотаря II потерпела неудачу не только потому, что избранный Гунтрамном метод противоречил традициям, но и потому что объединение королевства встретило сопротивление со стороны местной знати. Юссен скептически относится к вероятности соблюдения табу на сексуальные отношения между духовными родственниками, не только во Франкском королевстве VI в., но и в Европе в целом вплоть до века XII[424]. Дж. Линч исследовал особенности крестного родительства и восприемничества при крещении у англосаксов. Он обращает внимание на то, что в англосаксонском обществе эти институты превращаются в мощную социальную силу, которая позволяет расширять круг друзей и покровителей, в т.ч. за счет врагов. Среди их особенностей он отмечает, использование различных людей в качестве восприемников при крещении и конфирмации, что позволяло увеличить количество духовных родственников. Еще одним отличием от континентальных практик, исследователь считает отсутствие беспокойства по поводу возможных сексуальных отношений между восприемниками, крестниками и их родителями. По его мнению, это объясняюсь тем, что восприемники были одного пола с их крестниками[425].

Таким образом, изучение системы родства и родственных отношений в королевствах франков, англосаксов и лангобардов в период раннего Средневековья выявили их общие черты. Хотя во все трех обществах существовали большие родственные группы (кланы, роды), основой социальной организации оставалась вирилокальная нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары и их детей. Родство было когнатическим, однако к X в. во всех трех обществах отмечается переход к агнатному принципу. Роль дальних родственников (4 колено и далее) в жизни Эго была минимальна, хотя и оговаривалась в законодательстве. Функции родственников Эго в этих обществах также похожи (выплата и получение вергельда, кровная месть, опека и защита и т.д.). Индивид сам выбирал с кем из родственников поддерживать отношения. На его выбор, кроме личных предпочтений, могла влиять демографическая ситуация (например, низкая продолжительность жизни приводила к тому, что мужчины и женщины редко доживали до появления у них внуков), географические особенности

[424] Об особенностях спонсорства при крещении в Византии см., например, Burnish R.F.G. The Role of the Godfather in the East in the Fourth Century // Studia Patristica. 1982. Vol. 18. P. 558–564; Macrides R. The Byzantine Godfather // Byzantine and Modern Greek Studies. 1987. Vol. 11, No. 1. P. 139–162.
[425] Lynch J.H. Christianizing Kinship Ritual Sponsorship in Anglo-Saxon England. Ithaca: Cornell University Press. 1998.

расселения, социальная и политическая ситуация. Положение женщин, на первый взгляд различное, судя по правовым источникам, также обнаружило значительное сходство при изучении исторических и агиографических сочинений (в частности, в положении вдов и их права на опеку над детьми). Много общего имели и брачные обряды во всех трех обществах. Однако отдельные аспекты родственных отношений (положение и роль детей в обществе, восприятие материнства и отцовства, отношения сиблингов, а также роль дядьев и теток в жизни семьи и более дальних родственников), на наш взгляд, до сих пор исследованы недостаточно подробно.

Значительный вклад в понимание нами системы и отношений родства внесло изучение его *терминологического аспекта*. Анализируя слова, которыми обозначались степени родства в греческом, латинском и германских языках, исследователи искали ответы на вопросы об учете сторон родства и о том, насколько терминология в этом случае отражает реальную ситуацию, сложившуюся в обществе, матри/патрилинейность родства, возможность отражения эволюции счета родства в терминологии, семантические особенности слов, обозначающих родство, и их синонимов, передающих одну и ту же степень родства, влияние личного опыта автора текста на использование тех или иных терминов родства, а также роль контекста на их использование.

М. Миллер на основе изучения III части «Ономастикона» Юлия Полидевка не только составила перечень греческих терминов родства[426], но и сделала вывод, что в Темные века Эго учитывал/а родственников как с материнской, так и с отцовской стороны, а также, что большое значение для него имели родственники по свойству. В Классический период число используемых терминов родства снижается, но ἀγχιστεία сохранилась как господствующая форма семейной организации, хотя роль родства по свойству падала[427]. На основе изучения генеалогий мифологических героев, особенно Одиссея, Миллер делает вывод о том, что в них отразились переход от матрилинейности к патрилинейности и образование трехчастной системы фратрий[428]. Дальнейшее исследование греческой терминологии с применением методов сравнительной лингвистики и антропологии проводит Г. Гейтс. Главной его целью была попытка реконструкции на их основе индоевропейских терминов и структуры родства. Исследователь пытается доказать, что последняя была сходна с той, что существует у

[426] См. об этом также Thompson W.E. Attic Kinship Terminology // The Journal of Hellenic Studies, 1971. Vol. 91. P. 110–113.
[427] Сравни с выводами С. Хамфриса об афинской семье, которые он сделал на основе изучения судебных речей Humphreys S.C. Kinship Patterns in the Athenian Courts // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1986. Vol. 27. P. 57–91.
[428] См. Miller M. Greek Kinship Terminology // Journal of Hellenic Studies. 1952. Vol. 73. P. 46–52. Работу М. Миллер дополнил У. Томас, который расширил список терминов родства, приводимых ею, новыми, собранными им на основе изучения трудов 10 аттических ораторов, Фукидида, Ксенофонта и Платона. Кроме того, он уточнил значение некоторых терминов родства (см. Thompson W.E. Attic Kinship Terminology. P.110–113; idem. Some Attic Kinship Terms // Glotta. 1970. 48. Bd., 1/2. P. 75–81.).

индейцев омаха[429]. Начиная с 1990–х гг. исследователи обращаются к изучению терминологии родства в связи с более узкой проблематикой, например, ее использование в специфическом контексте[430] или определенным автором[431].

У. Уоллис, анализируя римские, греческие и германские термины родства, пытается понять отражает ли различие в терминах родства по его сторонам (материнской или отцовской) реальную ситуацию с распределением социальных позиций и власти в обществе. Исследователь отмечает, что римские термины кровного родства четко указывают на его сторону. Однако, когда речь заходит о словах, передающих родство по свойству, то большее количество терминов существовало для обозначения родственников со стороны мужа, чем со стороны жены. По мнению исследователя, это было вполне естественно в обществе, где женина входила в семью мужа и проживала в ней, а контакты мужчины с семьей жены были ограничены. Исчезновение точного значения у терминов родства в зависимости от его стороны в римском обществе Уоллес связывает с изменением законодательства о наследовании. Это изменение не обязательно отражает трансформацию статуса отца и родственников с его стороны. Для греческих терминов родства исследователь отмечает такое же разделение на родственников по сторонам родства, которое со временем утрачивает свое значение. Он также не исключает возможность существования у греков матриархата в ранний период их истории, поскольку система наследования и сведения о союзах, считающихся инцестом, по его мнению, содержит намек на преимущественный переход имущества по женской линии. Такую же картину утраты терминами родства своего первоначально значения по его сторонам Уоллес находит и у тевтонов (Teutonic peoples). Этимология древнегерманских терминов родства говорит, по его мнению, о существовании у них матрилинейности, а сами термины родства отражали социальный статус. Подобно римским терминам родства по свойству, германские первоначально существовали только для родственников мужа, в семье которого проживала жена. Исчезновение во всех трех рассмотренных им обществах терминологического различия в сторонах родства может, по его мнению, свидетельствовать о переходе от патри-/матрилинейности к когнатическому родству. Другим объяснением может быть отражение в первоначальном различии отцовской и материнской экзогамных родственных групп. Однако Уоллес говорит о недостаточности сведений для определения, как точной причины существования подобных различий, так и

[429] См. Gates H.P. The Kinship Terminology of Homeric Greek. Baltimore, 1971. Работа основана на диссертации, защищенной Гейтсом в Принстонском университете (см. Gates H.P. Kinship Terminology in Homeric Greek: Ph.D. Diss.; Princeton University. Princeton, 1971). См. также Lounsbury F.A Formal Analysis of Crow- and Omaha-Type Kinship Terminologies // Explorations in Cultural Anthropology. Essays in Honor of George Peter Murdock. N. Y., 1964. P. 375.

[430] См., например, Elwyn S.F. The Use of Kinship Terminology in Hellenistic Diplomatic Documents: An Epigraphical Study: PhD. Diss.; University of Pennsylvania. Philadelphia, 1991; Dickey E. Literal and Extended Use of Kinship Terms in Documentary Papyri // Mnemosyne. 2004. Vol. 57, Fasc. 2. P. 131–176.

[431] См., например, Perdicoyianni–Paléologou H. The Vocabulary of Kinship in Euripides // Rivista di Cultura Classica e Medioevale, 2002. Vol. 44 (2). P. 253–268.

того, были ли они первичными для организации социальной и политической жизни общества, или же структура общества повлияла на их появление[432].

У. Леманн указывает на то, что само по себе существование и способы образования терминов родства, а также их этимология не могут служить основанием для признания существования у прото-германцев (Proto-Germanie community) матрилинейности. Причиной увеличения количества терминов родства, по его мнению, могло быть желание установить различие между сыном как членом семьи (immediate household), который является прямым наследником по мужской линии, и сыновьями женщин, и даже служанок, не входящих в нее. Исследователь считает, что анализ терминологии позволяет утверждать существование у прото-германцев формализованного института брака как союза мужчины и женщины вокруг которого организуется домохозяйство. Леманн говорит о том, что простое увеличение количества терминов родства у прото-германцев не обязательно является свидетельством значительных изменений в системе родства, социальном статусе родственников и отношений между ними[433].

Г. Пфеффер считал, что древнегерманская система родства была сходна с системой аранда (Aranda/Arunta), существующей у австралийских аборигенов одноименной протоэтнической группы. Эта система основывается на кросскузенном браке[434]. Доводы Пфеффера опровергает Р. Паркин, который доказывает ошибочность его выводов, особенно в отношении кроскузенных браков[435].

Изучение англосаксонских терминов родства было предпринято Л. Ланкастер[436], которая не только подробно рассмотрела их, но одной из первых усомнилась в сохранении у англосаксов больших семей, и присутствии дальних родственников в жизни индивида после переселения в Британию. Э. Спольски использует анализ древнеанглийских терминов родства для того, чтобы показать, что они не только использовались в своем прямом значении, но и отсылали к другим, известным слушателям, коннотациям. В частности, особые термины, описывающие отношения между мужчиной и братом его матери (*sughtergefæderan* и *apumsweoras*), скорее всего, свидетельствовали не об отражении в поэме существовавшего когда-то среди древних германцев матриархата, а служили напоминанием об обычае, который

[432] Wallis W.D. Indo–Germanic Relationship Terms as Historical Evidence // American Anthropologist. 1918. Vol. 20, No. 4. P. 419–431.
[433] Lehmann W.P. The Proto-Germanic Words Inherited from Protoindo-European Which Reflect the Social and Economic Status of the Speakers // Zeitschrift für Mundartforschung. 1968. N. 35, H. 1. P. 1-25.
[434] Pfeffer G. The Vocabulary of Anglo-Saxon Kinship // L'Homme. 1987. No. 103. P. 113-128. См. также idem. Symmetrische Praskription in germanischen Verwandtschaftsterminologien // Sociologus. 1985. N. 35. P. 53-73.
[435] Parkin R. On the Definition of Prescription: The Problem of Germanic Kinship Terminologies // Social Anthropology. 1993. Vol. 1, No. 3. P. 309-325. См. также Helmig Th. Anglo-Saxon Kin-Class Structure // Mankind. 1992. Vol. 3, No. 2. P. 155-162.
[436] Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 1. P. 230-250; Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 2. P. 359-377.

ассоциировался с неким идеализируемым периодом в прошлом[437]. Таким образом, автор «Беовульфа» с помощью архаизма апеллирует к чувству гордости и воспоминаниям о лучшем периоде, подошедшем к концу, в котором свершения его героя были реальностью[438]. Г. Бартэлт указывает на существование более одного способа обозначения некоторых степеней родства в англосаксонском языке, из чего он делает вывод, что кроме прямых значений каждый их них имел иные коннотации. В свою очередь автор текст, используя тот или иной синоним, выбирал наиболее подходящий для своей цели, обращая особое внимание на его дополнительные значения[439].

Крупным исследованием в данной области можно также считать работы А. Герро-Жалабер и В. Джонса. А. Герро-Жалабер предприняла анализ особенностей функционирования в раннесредневековых источниках в период с 800 по 1200 гг. таких терминов родства как *affinitas, cognatio, consanguinitas, parentela, propinquitas, proximitas*. В частности, она обращает внимание на то, что эти термины могут быть распределены по трем группа с внутренними бинарными оппозициями: родство как отношения/родство как группа (parenté comme relation / parenté comme groupe), кровное родство/родство по свойству (consanguinité / alliance), родство настоящее/родство духовное (parenté réelle / parenté spirituelle). Кроме того, термины могут распределяться в зависимости от стороны родства и/или его близости/дальности. Исследовательница подчеркивает необходимость изучать использование терминов на различных языковых уровнях, а также рассматривать взаимодействие латыни и местных языков, а также важность сравнительного анализа лингвистических и социальных трансформаций в обществе[440]. В. Джонс подробно и на широкой источниковой базе исследовал германские термины родства и проследил изменения в их значениях и способах формирования на протяжении всего периода Средневековья. Он приходит к выводу, что средневековая германская терминология родства является переходной между латеральной (отец, его брат и брат матери называются разными словами) и линейной (брат отца и брат матери называются одним словом) системами[441].

Подводя итоги предшествующим лингвистическим исследованиям, В. Хаубрихс указывает, что их данные позволяют утверждать патрилинейность и патрилокальность протоиндоевропейской системы родства. Группа родственников включала в себя всех, кто

[437] Ср. с выводами И. Бажема об англосаксонском eam: Bajema I. M. The Mother's Brother: an Investigation into the Meaning of Old English eam. P. 633–43.
[438] Spolsky E. Old English Kinship Terms and Beowulf // Neuphilologische Mitteilungen. 1977. Vol. 78, No. 3. P. 233–238.
[439] Bartelt G. A Note on Old English Kinship Semantics // Journal of English Linguistics. 1996. Vol. 24, No. 2. P. 116–122.
[440] Guerreau-Jalabert A. La désignation des relations et des groupes de parenté en latin médiéval // Archivum Latinitatis Medii Aevi. 1988. N. 47 P. 65–108.
[441] Jones W.J. German Kinship Terms (750-1500): Documentation and Analysis. B., N. Y., 1990. См. также idem. Change in Lexical Fields: A Case Study of Kinship Terms in German // Lexicology: An International Handbook on the Nature and Structure of Words and Vocabularies. B., N. Y., 2005. Vol. 2. P. 1353-1363.

происходил от одного общего предка. Ее члены помогали друг другу, особенно в случае кровной вражды, наследовали друг другу, осуществляли совместное захоронение и коммеморацию предков. Женщина включалась в родственную группу мужа и использовала особые термины для обращения к его родственникам, аналоги которых для обращения ее мужа к ее родственникам отсутствовали, также, как и сам термин «муж», а также существительное «брак». Выделившись из протоиндоевропейского языка, протогерманский язык претерпел некоторые изменения в части терминологии родства: появились новые термины, предположительно отражающие социальные изменений (например, отделение брака от наложничества). Это может свидетельствовать о том, что количество членов в родственной группе увеличилось, а степени родства между ними усложнились. Укреплялось когнатическое родство, что выразилось в сохранении терминов, обозначавших родство по свойству, которые могли применяться к родственникам со стороны и жены и мужа, и появлению существительного «жена». Сравнивая готский и западногерманский языки, выделившиеся из протогерманского, Хаубрихс отмечает, что в обоих языках росло значение когнатической группы родственников. С другой стороны, если в готском языке количество терминов родства сокращается в пользу родства внутри нуклеарной семьи, в западногерманском продолжает активно действовать большое количество терминов родства, особенно связанных с конкубинажем и социальным статусом. Таким образом, указывает исследователь, выводы лингвистов и филологов о развитии протоиндоевропейской и протогерманской систем родства совпадают с теми, к которым пришел А. Мюррей[442].

В целом, в ходе изучения терминологического аспекта родственных отношений ученые преимущественно затрагивали только буквальные значения терминов родства безотносительно к их дополнительной семантической специфики, которая появлялась в тот или иной период времени или у конкретного автора. Однако, как убедительно продемонстрировали Э. Спольски и Г. Бартэлт, изучение дополнительных смысловых значений терминов родства, а также синонимов, которые выбирали для них автора текстов (как самих слов, так и ситуаций, в которых к ним прибегали) может многое рассказать не только о восприятии авторами родственных отношений и о влиянии на него личных обстоятельств их жизни, но и о переживании родства в обществе в целом.

Выводы по Главе 1

За долгое время изучения родства историками, а также представителями иных наук о человеке и обществе был накоплен огромный материал, отражающий специфику родственных

[442] Haubrichs W. Germanic and Gothic Kinship Terminology // The Ostrogoths from the Migration Period to the Sixth Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2007. P. 143–182.

отношений в различных социокультурных контекстах. Полученные данные в целом подтверждали исключительную значимость институтов родства и семьи в истории человечества. Стремление изучить системы родства в их исторической динамике побудило уже первых исследователей ориентироваться на трансформации родственных связей в зависимости от уровня политического, социально-экономического, культурного развития конкретных обществ прошлого.

Исследования, посвященные восприятию и переживанию родства в античных и средневековых обществах, обнаруживают схожую проблематику и тенденции (прежде всего, разнообразие методик исследования на фоне довольно ограниченного роста общего количества источников). Этот факт может быть объяснен тем, что эволюция семейно-родственных структур классической древности (разумеется, прежде всего, римской) существенно повлияла на развитие родственных отношений у народов средневековой Европы. Изучая их, исследователи, как отмечалось выше, решали в первую очередь проблему «изначального характера» родства, включавшую в себя, помимо прочего, вопросы о соотношении матриархальных и патриархальных компонентов в истории сменявших друг друга эпох и цивилизаций. Еще одной фундаментальной проблемой, решение которой пытались — и пытаются — найти ученые, является проблема границ (манифестированных, в том числе, правовыми источниками) тех родственных групп, которые существовали в обществах Античности и Средневековья. Дискуссионными остаются и смежная проблема «первичной семейной организации» — т.е. преобладания расширенной или нуклеарной семьи — а также вопросы о возможных этапах и причинах ее эволюции (если таковая и впрямь имела место).

Примерно с середины XX столетия исследователи перешли от изучения проблематики преимущественно политико-правового, экономического и социологического плана, к более плотной разработке вопросов, связанных с *переживанием* родства как сложного комплекса материальных и духовных (психологических, чувственных и т.д.) связей между родственниками. Особое внимание, в частности, стало уделяться изучению внутрисемейных отношений, эмоциональной привязанности друг к другу отдельных родственников, восприятию детства и роли детей в семье и обществе. Больший вес обрели также исследования квазиродственных отношений, моделью для которых служили отношения фактического родства.

Пристально исследовалось и то влияние, которое в действительности оказывала на развитие родственных отношений христианская религия, долгое время считавшаяся основным фактором трансформации брачно-семейных связей в период Поздней Античности. В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что идея отказа от

приоритета кровного родства возникла еще в античной интеллектуальной традиции — до формирования христианского учения. Идеал пренебрежения кровным родством не оказал принципиального влияния на повседневную жизнь большинства первых христиан. Более заметным изменением, обусловленным распространением христианской морали, стало новое отношение к женщинам и детям, которые на время превратились в равноправных членов локальных духовных сообществ (благодаря «быстроте» своего обращения в христианство и активному участию в распространении новой религии). Однако после повсеместного утверждения христианства и женщины, и дети вновь оказывались в подчиненном положении.

Большое значение для интерпретации современными историками родственных связей в период Античности и Средневековья приобрели исследования девиантного поведения по отношению к родичам. В настоящее время наибольшее число специальных работ по данной проблематике посвящено феноменам инцеста и детоубийства. Изучая проблему инцеста в античных обществах, исследователи обращают внимание, прежде всего, на социальную обусловленность соответствующих запретов и на вопрос об определении круга тех родственников, сексуальные отношения с которыми могли считаться инцестуальными. В случае со Средневековьем на первый план выходит проблема резкого расширения количества лиц, половая связь или брак с которыми рассматривался христианской церковью в качестве инцеста, а также вопрос о последствиях подобной трактовки инцестуальных отношений. Более сложным в указанных обществах было восприятие детоубийства. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в период Античности и Средних веков методы контрацепции и аборта были известны, однако степень их эффективности, распространенности и влияния на демографическую ситуацию остается спорной. При этом, если в период Античности соответствующие вмешательства не всегда воспринимались в качестве детоубийства и подчас не осуждались обществом и государством (именно факт такого осуждения / его отсутствия чаще всего выступает главной интригой для современных исследователей), то в период Средневековья христианская церковь постепенно внушает массам верующих отношение к любым практикам контрацепции и абортам как к греховным действиям. Распространенность практики убийства грудных детей в указанных обществах также является предметом острых дискуссий среди исследователей.

Что касается работ, посвященных изучению родства в обществах франков, англосаксов и лангобардов на протяжении раннего Средневековья, то необходимо отметить, прежде всего, немногочисленность таких трудов. Ученых занимали, главным образом, самые общие вопросы родственных отношений среди этих народов (виды родственных групп, преобладающий тип семьи, характер родства, функции родственников и т.д.), при этом большинство исследований выполнено на материале правовых источников, что приводит, на

наш взгляд, к довольно однобокому в*и*дению темы. Несколько более подробно проблематика родства изучена применительно к меровингскому периоду в истории Галлии / Франкии, однако целый ряд аспектов родственных отношений (положение и роль детей в обществе, восприятие материнства и отцовства, отношения сиблингов, а также роль дядьев и теток в жизни семьи и более дальних родственников) до сих пор освещены крайне поверхностно или вообще не удостоены внимания.

Одним из недостатков имеющихся исследований является минимальное привлечение данных, полученных благодаря анализу терминологии родства. Следует отметить, что работы в этой области долго были сосредоточены на вопросах этимологии и словообразования. Более продуктивным сегодня выглядит изучение возможных дополнительных значений терминов родства в разные периоды времени и в разных источниках, поскольку они могут отражать важные перемены в процессах переживания родства. В настоящее время нам известно лишь весьма ограниченное число трудов, рассматривающих отмеченные выше особенности. Однако эти немногочисленные исследования убедительно демонстрируют, что обращение к проблемам семантики и синонимии терминов родства способствует появлению новых — и довольно важных — данных как об обществе, в которых создавались исследуемые тексты, так и об их непосредственных авторах. Кроме того, для понимания эволюции восприятия родства и семейных отношений большое значение может иметь сравнение «лексикона» родственных связей у авторов, в разное время живших в различных регионах раннесредневековой Европы. В свете сказанного представляется целесообразным более подробно изучить вопросы исторической семантики и терминологические аспекты интересующей нас темы.

Глава 2. Описание родственных связей в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона: вопросы терминологии

В любом языке, на котором когда–либо говорили люди, есть группа слов, передающих родственные отношения между людьми, — т.н. термины родства, которые объединяются в систему терминов родства. Термины родства являются не только лингвистическим явлением, подчиняющимся общим законам развития языка, но и отражают специфику определенных социальных институтов, и поэтому могут предоставлять материал для изучения различных сторон жизни общества. Таким образом, анализ терминов родства и изменений в их системе может давать материал для изучения социальных, этнических, лингвистических и иных исторических процессов, а также общих и частных закономерностей развития общества[443].

Научное изучение терминов родства было начато антропологом Г. Морганом во второй половине XIX в.[444]. Он предполагал, что их исследование сможет пролить свет на этногенез[445]. Отказавшись от точки зрения о неизменности терминов и систем родства в пользу их эволюционного развития, Морган предположил, что на их основе можно реконструировать не только эволюцию форм семьи, но и эволюцию форм социальной организации общества[446]. Хотя дальнейшие исследования доказали несостоятельность его гипотезы о взаимосвязи типов систем родства с историческими формами семьи, тезис о социальной детерминированности терминов родства продолжает разделяться большинством исследователей.

В ходе изучения как самих *систем родства*, под которыми в современной антропологии понимаются *исторически обусловленные системы отношений социального родства, совокупность принципов группировки родственников и свойственников*[447], так и терминов родства, для изучения феномена родства были разработаны теоретические понятия и принципы. Представляется необходимым разобраться в них прежде, чем переходить непосредственно к исследованию терминов родства, присутствующих в наших источниках.

Первая научная типология систем родства принадлежит самому Г. Моргану[448]. Американский антрополог разделил их на две группы в зависимости от типов терминов родства, которые в них преобладают: описательные (дескриптивные) и классификационные.

---

[443] Об особенностях изучения системы родства в этнологии см. в Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972. С. 3–4.
[444] См. Morgan L.H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Washington, 1871.
[445] См. Крюков М.В. Указ. соч. С. 9–12. Позже исследователь пересмотрел свою точку зрения и выдвинул гипотезу о том, что сходство систем родства у разных народов может объясняться не их общим происхождением, а идентичностью господствовавших у них семейно-брачных отношений (Там же. С. 12–13).
[446] О критике данного тезиса Г. Моргана см. в Там же. С. 43–44.
[447] Системы родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1999. С. 899.
[448] См. Morgan L.H. Opp. cit.

В классификационных системах родства основными являются групповые термины родства, которые обозначают не конкретного родственника, а группу родственников, где каждый человек, имеет точно такое же отношение к определенному индивиду, что и другие члены этого класса (например, в слово *брат* может обозначать всех родственники мужского пола одного поколения с Эго). В описательных системах родства каждый новый родственник обозначается индивидуально, либо отдельным термином (например, *отец*, *племянник*, *зять*), либо описательно через сочетание уже известных терминов (например, *сын сестры*, *муж дочери*, *брат отца*)[449].

Современные антропологи, развивая классификацию Моргана[450], говорят о том, что системы родства, предложенные им, представляют собой две стадии в их развитии. Классификационная система является первым этапом, в ходе которого в качестве Эго выступает группа индивидов (как правило, группа сиблингов), а биологическому характеру родства и генетическим связям между индивидами не придается большого значения. Описательные системы представляют собой вторую стадию, для которой характерна индивидуализация родства (в качестве Эго выступает один человек), появление понятия линии и степени родства, связанных с биологическим родством[451].

Термины родства, как было отмечено выше, также образуют системы, под которой понимаются *исторически обусловленные системы наименования отношений социального родства*[452]. В рамках этих систем термины могут существовать в двух формах: референтивной (слова обозначают родственные отношения) и вокативной (слова используются при прямом обращении). С точки зрения морфологии различают:

- элементарные — термины, представляющие собой самостоятельные слова, неразложимые на значимые компоненты (например, в русском языке это слова *отец*, *сын*, *мать*, *брат*);
- составные термины — термины, в основе которых лежит элементарный термин, детерминируемый той или иной лексической единицей, которая обычно сама по себе не является элементарным термином родства (например, в русском языке это слова *правнук*, *двоюродный брат*);
- описательные термины — термины, которые представляют собой комбинацию двух или более элементарных терминов, родства, связанных атрибутивными отношениями.

[449] См. Крюков М.В. Указ. соч. С. 28.
[450] Об этом см., например, Там же. С. 27–48.
[451] См. Системы родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1999. С. 899.
[452] Системы терминов родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899.

Такой термин может быть единственным способом обозначения родственника или одним из синонимом для него (например, в русском *племянник*/*сын сестры*)[453].

Еще одним критерием классификации терминов родства служит принцип группировке родственников (альтеров). В соответствии с ним могут быть выделены:

- индивидуальные термины — термины, каждый из которых служит для обозначения одного строго определенного лица (например, в русском и латинском языках их восемь). Индивидуальные термины родства, как правило, являются элементарными, но возможны и исключения;
- групповые термины — термины, которые служат для обозначения группы родственников, находящихся в одних и тех же отношениях с говорящим (например, в русском слово *сын*);
- классификационные термины – термины, которые служат для обозначения не только нескольких лиц, но лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим[454].

Принципиальное значение для классификации систем терминов родства имеют также *бифуркативность* (*разграничение родственников по сторонам отца и матери*) и *линейность* (*разграничение прямых и боковых линий родства в поколении Эго и поколении его родителей*). С учетом этих признаков выделяют четыре основных типа систем терминов родства:

- бифуркативный (ирокезский) тип, характеризующийся наличием бифуркативности и отсутствием линейности (один термин обозначает отца и брата отца, брат матери обозначается другим термином), противопоставлением родства свойству, а также терминологическим выделением кросскузенов и объединением ортокузенов с сиблингами;
- бифуркативно-линейный (арабский) тип, в котором реализуются и бифуркативность и линейность (отец, брат отца и брат матери обозначаются разными терминами);
- генерационный (гавайский) тип, у которого и бифуркация и линейность отсутствуют (один термин обозначает отца, брата отца и брата матери), а главный структурообразующий принцип — разграничение альтеров по поколениям;
- линейный (английский) тип, для которого характерна линейность, но отсутствует бифуркативность (один термин обозначает отца, брата отца и брата матери обозначает

[453] См. Крюков М.В. Указ. соч. С. 33–34; Системы терминов родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899.
[454] См. Крюков М.В. Указ. соч. С. 34-35. Системы терминов родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899.

другой термин), а все кузены терминологически объединены и отделены от сиблингов[455].

Как было установлено антропологами, каждый тип систем терминов родства соответствует определённой стадии развития систем родства и обусловлен особенностями социальной организации. Исторически первым типом систем терминов родства был бифуркативный, который складывался в рамках классификаторских систем родства и обычно соответствовал родовой организации. Бифуркативные системы терминов родства эволюционировали либо в бифуркатнвно–линейный тип, обусловленный, по мнению многих авторов, большесемейными отношениями, которые требовали разграничения большого количества родственников разных степеней, либо в генерационный, который возникал в экстремальных условиях вынужденной эндогамии. Завершает эволюцию линейный тип, отражающий отношения внутри современной малой (нуклеарной) семьи[456].

Изучение явления бифуркативности привело к появлению в антропологии понятия *латеральности — принципа различения двух категорий родственников индивида: с материнской стороны и отцовской стороны*. В качестве вариантов латеральности возможна унилатеральность, т.е. учёт только одной стороны (матри– и патрилатеральность) и билатеральность как симметричные отношения индивида с родственниками как со стороны отца, так и со стороны матери[457].

Принцип линейности, в свою очередь, связан с понятием *счета родства*, т.е. *принципом учёта происхождения индивида в форме выстраивания линейных связей по рождению между ним и его предками*. Так Эго оказывается связан, с одной стороны с отцом и матерью и их предками, а, с другой, со своими детьми и их потомками. Счет родства играет важную роль в обществе, т.к. им определяются принципы передачи статуса, прав, обязанностей, собственности, при которых одни родственные связи выделяются как социально более значимые по сравнению с другими[458]. Счет родства связан с *линиями родства*, которые представляют собой *последовательность родственников, связанных друг с другом*

[455] Начало разработки этой классификации положил У. Риверс в 1920-х гг. (см. Rivers W.R.H. A Genealogical Method of Collecting Social and Vital Statistics // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1900. № 30. P. 74–88; idem. Social Organization. L., 1924). Подробнее о ней см., например, в Крюков М.В. Указ. соч. С. 21–22, 39–40; Системы терминов родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899; Джавахадзе Н.В. Система родства осетин. Тбилиси, 1989. С. 15–16, 25–28. О недостатках этой классификации и попытках ее доработки см. Крюков М.В. Указ. соч. С. 22–24. О вкладе советских этнографов в изучение систем родства см. в Джавахадзе Н.В. Указ. соч. С. 15–16, 31–38.

[456] Системы терминов родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899.

[457] См. Латеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 888; См. также Унилатеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 900; Матрилатеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 889; Патрилатеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 894; Билатеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 882. Некоторые отечественные исследователи (Н.М. Гиренко, В.А. Попов) относят понятие латеральности не только к области систем родства, но и к области счета родства, считая, что латеральность представляет собой принцип учета происхождения индивида, предшествовавший линейности и характеризовавшийся отсутствием значимых генеалогических представлений в обществе (см. Латеральность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 888). Подробнее об этом см. в Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 3. СПб., 1999.

[458] Счет родства / О.Ю. Артемова // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 900.

отношениями порождения. Различают прямую (связь индивидов, происходящих друг от друга: прадед — дед — отец — эго — сын — внук — правнук) и боковые/коллатеральные линии родства (составляют родственники, имеющие общего предка). Прямую линию родства подразделяют также на восходящую (от потомков к предкам) и нисходящую (от предков к потомкам), которую также называют филиацией[459].

Счет родства производится в форме унилинейности и неунилинейности. *Унилинейность* представляет собой *принцип счёта родства, учитывающий из поколения в поколение связи детей только с родителем определённого пола*. Унилинейность встречается в форме матри- и патрилиненности, а также как сочетание обеих этих форм (т.н. дуолинейность/двойной счёт родства). *Матрилинейность* предполагает *учет из поколения в поколение связи детей только с матерью*. Таким образом, связь от потомка к предку («линию») поддерживают исключительно женщины и принадлежность к матрилинейным родственным группам определяется через женщин[460]. Соответственно, *патрлинейность* представляет собой способ *унилинейного счета родства, учитывающий из поколения в поколение только связи детей с отцом*. Это приводит к тому, что линию родства поддерживают исключительно мужчины[461]. *Дуалинейность* (двойной счет родства) является системой, при которой *одновременно формируются и патрилинейные и матрилинейные родственные объединения*. Каждый член общества принадлежит одновременно и к патрилинейной, и к матрилинейной родственной группе[462]. Наконец, *амбилинейность* предполагает *формирование лишь одной линии происхождения от предка к потомку, но позволяющей в каждом поколении привлекать к этому любого из родителей*[463].

Современными антропологами был опровергнут тезис Г. Моргана[464] о том, что существует строгое соответствие между системой наименований родственников и системой отношений между ними. Ими было установлено, что термины родства могут отражать как реальные, так и идеальные, искусственные/фиктивные отношения родства[465]. Однако и в том

---

[459] Линия родства / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 888-889; Филиация / О.Ю. Артемова // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 900.
[460] Матрилинейность / О.Ю. Артемова // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 889.
[461] Патрилинейность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 894. Длительное время острую полемику в вызывал вопрос об историческом соотношении матрилинейных и патрилинейных, в частности было распространено мнение, что структуры с материнской филиацией являлись исторически более ранними, чем структуры с отцовской, а также чем билатеральные или амбилинейные. В основе идеи первичности матрилинейности лежало представление о промискуитете и групповом браке как о первоначальных формах взаимоотношений полов, которые исключали фиксацию родственных связи между детьми и отцом. Также существовала гипотеза, что первичные формы экономики — охота и собирательство — неизбежно предполагали исключительно тесные связи детей с матерями и слабые связи с отцами (или вообще отсутствие таковых). Однако тезис, о существовании промискуитета и группового брака практически не может быть аргументирован, а этнографические аналоги первобытных охотников и собирателей часто обнаруживают либо развитые формы отцовской или амбивалентной филиации, либо билатеральные системы родственной организации (см. Матрилинейность / О.Ю. Артемова // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 889).
[462] Двойной счет родства / В.А. Тишков // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1999. С. 884.
[463] Амбилинейность / И.Ж. Кожановская // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1999. С. 881.
[464] См. Morgan L.H. Opp. cit.
[465] «…Родство искусственное (фиктивное, названое, крёстное, псевдородство, квазиродство, сродство), разновидность социального родства… для установления или укрепления хозяйственных, социальных и идеологических связей, в целях взаимопомощи и взаимозащиты. В категориях родства искусственного на ранних

и в другом случае система терминов родства соотносится с реальными социальными практикам общества, даже в случае если сама система родства находится в переходном состоянии[466].

Изучение терминов родства и их систем в нашем случае, затрудняется не только историческим характером обществ, которые мы рассматриваем, но и проблемами, связанными с языком описания этих обществ. Все три анализируемых нами текста были записаны на латинском языке, который не являлся родным языком для сообществ, которые описываются в них. В частности, в Галлии к V в. основанная масса местного населения хотя и говорила на латыни[467], но это была народная латынь, сильно отличавшаяся от латыни классической[468], а завоевавшие ее франки первоначально использовали свой язык — древнефранкский (более вероятно несколько его диалектов[469]). В связи с тем, что франки оказались этническим меньшинство в Галлии, под воздействием более высокой римской культуры они со временем они утратили свой родной язык, который окончательно вышел из обихода к концу VIII — середине IX вв.[470] и перешли на протороманский (Low Romance)[471]. Схожая ситуация сложилась в Италии: завоевавшие ее в VI в. лангобарды уже через столетие начали переходить на вульгарную латынь, а к XI в. лангобардский язык вымер окончательно[472]. Напротив, в Британии, которая была романизирована значительно слабее, чем Италия и Галлия, латинский язык не вытеснил кельтский и к началу англосаксонского завоевания практически не использовался[473]. Влияние латыни на древнеанглийский (а точнее его диалекты — нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский[474]) усилилось после принятия англосаксами христианства, но практически не затронуло лексику семейно–родственных отношений[475].

стадиях развития общества выражались потестарно-политические отношения и территориальные связи. Родство искусственное строилось по модели кровного родства и воспринималось как реальные родственные отношения. Различают родство искусственное индивидуальное и коллективное (групповое), горизонтальное (породнение равных, например, братства) и вертикальное (породнение неравных, как в случаях установления отношений патроната-клиентеллы, сюзеренитета-вассалитета), а также казуальные (целенаправленные) и ритуальные (обрядовые) формы родства искусственного...» (Родство искусственное / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 897). В настоящем исследовании для обозначения искусственного родства будет в основном использоваться термин «квазиродство».

[466] См. об этом, например, Ghasarian C. Introduction à l'étude de la parenté. P., 1996. P. 199.

[467] Holmes U.T., Schutz A.H. Opp. cit. P. 29. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. М., 1952 г. С.54–55.

[468] Holmes U.T., Schutz A.H. Opp. cit. P. 15-23; Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 2008. С. 116.

[469] Springer M. Location in Space and Time // The Continental Saxons from the Migration Period to the Tenth Century: an Ethnographic Perspective. Rochester, 2003. P. 19.

[470] Holmes U.T., Schutz A.H. Opp. cit. P. 29.

[471] Ibid. P. 26–31.

[472] Wallace-Hadrill J.M. Italy and the Lombards // The Barbarian West 400-1100. L., 1996. P. 43–63. Подробнее о лангобардском языке см в. Onesti N.F. Vestigia longobarde in Italia (468-774). Lessico e antroponimia. Rome, 2000; Hutterer C.J. Langobardisch // Die Germanischen Sprachen. Wiesbaden, 1999. P. 336–341; Dentschewa E. Langobardische (?) Inschrift auf einem Schwert aus dem 8. Jahrhundert in bulgarischem Boden // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Vol. 128, No 1. P. 1–11; Green D. Linguistic and Literary Traces of the Langobards // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2009. P. 174–195.

[473] См. об этом подробнее в Baugh A.C., Cable T. A History of the English Language. L., 2002. P. 41 (1st published in 1951).

[474] Подробнее о диалектах древнеанглийского см., например, в Смерницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., 1998. С. 21; Аракин В.Д. История английского языка. М., 2003. С. 31–32; Ringe D.R., Taylor A. The Development of Old English // A Linguistic History of English. Vol. II. Oxford, 2014. P. 6–7; Baugh A.C., Cable T. Opp. cit. P. 47.

[475] См. об этом подробнее в Ibid. P. 70–81.

В связи с этим, основной проблемой является адекватность передачи систем родства в сообществах, не говорящих на латыни, с помощью латинского языка. В частности, Григорий Турский описывает родственные связи галло–франкского населения, используя латинский язык, система терминов родства которого, возможно, не в полной мере соответствовала системе и отношениям родства у франков, а возможно уже и у самих галло–римлян. Так, по мнению Р. Ле Жан и И. Реаль, система родства у франков относилась к бифуркативно–линейному типу, как у римлян в период Республики. Однако к концу имперского периода сама римская система родства эволюционировала в сторону линейного типа. Именно через призму такой системы воспринимал и описывал родственные отношения Григорий Турский. С другой стороны, как указывает Р. Ле Жан со ссылкой на английского антрополога Р. Фокса, системы терминов родства развивались гораздо медленнее самой системы родства и отражали, скорее, его идеальное состояние, только приблизительно соответствующее реальной ситуации[476]. Таким образом, система терминов родства латинского языка, возможно, в большей мере соответствовала системе родства франков, чем самих галло–римлян[477]. Ее применение Григорием Турским могло искажать картину реальных родственных отношений в описываемых им сообществах. Тоже самое верно и для Беды Достопочтенного и Павла Диакона. В связи с этим, целью нашего исследования является не попытка воссоздать систему родства галло-франкского, англосаксонского или лангобардского обществ в период раннего Средневековья[478], а изучение их восприятия авторами «Истории франков», «Церковной истории народа англов» и «Истории лангобардов».

Задача данной главы – определить нюансы восприятия и использования Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом терминов родства, встречающихся в их «Историях». Прежде всего, необходимо прояснить характер используемых терминов: какие термины по морфологическому принципу (элементарные, составные или описательные) преобладают в текстах. Это позволит ответить на целый комплекс вопросов, связанных с обществом варварских королевств и практиками бытования литературных произведений в них. Например, какая модель восприятия родства нашла свое отражение в рассматриваемых

[476] Fox R. Kinship and marriage: an anthropological perspective. Cambridge, 1983. P. 240–262. См. также: «…Морган опирался на те толкования терминов, которые дошли до нас в сочинениях римских юристов, стремившихся преодолеть многозначность многих латинских терминов. Морган не обратился к сравнению случаев употребления этих терминов в текстах различных периодов римской истории, хотя такое сравнение могло дать ему убедительные свидетельства эволюции терминологии родства…» (Крюков М.В. Указ. соч. С. 49).

[477] «…En fait, les Francs semblent avoir adapté la langue latine à leurs besoins, usant si nécessaire de périphrases pour exprimer les nuances de leur propre système…» (Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout, 2001. P. 96). Косвенным подтверждением этого может служить и тот факт, что лингвисты не отмечают заимствований в сфере семейно-брачных отношений из древнефранкского языка в старофранцузский (см., например, Holmes U. T., Schutz A.H. Opp. cit. 29-30; Сергиевский М.В. Указ. соч. С.26–27).

[478] Что достаточно успешно проделали, например, Р. Ле Жан, И. Реаль, Г. Аусенда (см. Ausenda G. Kinship and Marriage among the Visigoths // The Visigoths: From the Migration Period to the Seventh Century: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 1999. P. 129–165; idem. Kinship and Marriage among the Baiuvarii and Thuringi // The Baiuvarii and Thuringi: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2014. P. 103–110; Réal I. Vies de saints, vie de famille; Le Jan R. Opp. cit.).

источниках: германская или римская/античная. Это в свою очередь позволит по-новому взглянуть на процессы аккультурации между местным население территорий и пришлыми германскими племенами, их глубину и направление в раннесредневековых государствах. С другой стороны, подобный терминологический анализ вместе с исследованием вопроса о языковых заимствованиях или причинах их отсутствия позволяет рассмотреть аспекты, связанные с авторами произведений: цель, которую они преследовали при написании своих сочинений[479], их предполагаемая аудитория и ее восприятие вопросов родства, а также уровень образования читателей.

На основании терминологического анализа можно также рассмотреть вопрос о «коллективном» и «индивидуальном» в восприятии родства нашими авторами: преобладают ли групповые или индивидуальные термины родства в их словаре. Это позволит обратиться к пониманию ими роли индивида в жизни родственной группы и родственной группы в жизни индивида. Кроме того, исследовав глубину счета родства, представленную в наших источниках, мы можем ответить на вопросы: до какой степени исчисляется родство, какие виды терминов при этом используются и т.д. На основании этих данных, мы имеем возможность поставить вопрос о восприятии Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом роли нуклеарной и расширенной семьи и других родственных групп в обществе. Наконец, изучив терминологию родства, мы можем рассмотреть гендерную его составляющую: особенности функционирования «женских» и «мужских» степеней родства, принципы включения в коллективные термины (дети, предки, потомки), стороны родства, их учет и разница отношений к родственникам со стороны «отца» и «матери» (латеральность) и между ними, нашедшие отражение в наших источниках.

Для ответа на все эти вопросы необходимо выяснить семантическое значение терминов родства, общие черты и особенности их восприятия каждым из авторов. Однако подобный анализ затруднен тремя обстоятельствами. Прежде всего, существуют проблемы, связанные с влиянием личного социального опыта авторов на отношение к событиям, о которых они повествуют в своих текстах, и конструирование ими сообщений об этих событиях[480]. Григория Турского, Беду Достопочтенного и Павла Диакона объединяет принадлежность к

[479] Григорий Турский традиционно воспринимается как апологет патрицианства и противник франкского владычества в Галлии. Однако рассмотрение вопросов, связанных с родством, дает повод усомниться в подобной его позиции. Например, он демонстрирует германское восприятие вопросов наследования престола, одобряет такой «варварский» институт как кровная месть и т.д.

[480] Например, как успешно показал в своих работах Э. Дэйли отношения Григория Турского с матерью сильно повлияли на его восприятие вдов и вдовства, которое отразилось на отношение к другим женщинам-вдовам и их образах в «Истории франков», хотя и разделялось далеко не всеми его современниками (см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden, Boston, 2015; см. также Dailey E.T. Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II: Stages of Legitimition in the Merovingian Kingdoms // Journal of Late Antiquity. 2014. Vol.. 7. P. 3–27). О трансформации восприятия кровного родства под влиянием опыта квазиродственных отношений в общине монахов у Беды Достопочтенного писал и О. Шервиниак (см. Szerwiniack O. Frères et sœurs dans l'Histoire ecclésiastique du peuple anglais de Bède le Vénérable de la fratrie biologique à la fratrie spirituelle // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 237–245).

священнослужителям. Однако обстоятельства их жизни и роль в церковной организации сильно отличались. Также необходимо отметить тот факт, что, хотя они были церковными деятелями, большая часть их «Историй» посвящена событиям жизни мирян.

Создатель «Истории франков» был представителем галло-римской аристократии. Он стал духовным лицом в достаточно зрелом возрасте при покровительстве короля Сигиберта и королевы Брунгильды[481]. Большую часть жизни Григорий исполнял обязанности турского епископа, активно участвуя в политической и религиозной жизни Галлии второй половины VI в. Это предопределило хорошее знание епископом как церковной, так и светской среды, как у галло-римлян, так и у франков. Латынь была его родным языком, однако он говорил и писал на «народной» латыни[482]. В отличие Григория Турского, происхождение Беды Достопочтенного (672/673-735 гг.) является предметом дискуссий[483]. Нам крайне мало известно о событийной стороне его жизни. В этой связи закономерен вопрос об ограниченности представлений Беды, касающихся родства. Следствием подобного затворничества могло стать ограниченное представление о родственных связях в мирской жизни и восприятие их в метафорическом свете «родственных» отношений между священнослужителями. В тоже время он получил блестящее образование и превосходно знал классическую латынь и хорошо владел древнегреческим языком[484]. Павел Диакон также, как и Григорий Турский, принадлежал к знати, но уже лангобардской[485]. Он, подобно Беде, получил превосходное образование, однако его латынь, как и латынь Григория Турского, далека от классической[486]. Изначально Павел не видел своего предназначения в духовном звании, делая успешную карьеру придворного ученого. Только после 776 г. он, по неизвестным нам причинам[487], удаляется в монастырь. Автор «Истории Лангобардов» много

[481] Вопросы, связанные с его биографией наиболее полно освещены в книге М. Хайнцельмана (см. Heinzelmann M. Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century. Cambridge, 2001. P. 7–29). См. также: Goffart W. Op. Cit. P. 112; James E. Gregory of Tours and the Franks // Narrators and Sources of Early Medieval History. P. 51–67; Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 321–350).

[482] «…Термин «народная латынь» (а особенно его синоним «вульгарная латынь») содержит неизбежный оттенок осуждения: кажется, что это как бы латынь второго сорта, «испорченная» по сравнению с классической. Это не так. Народная латынь — это живой разговорный язык, всегда существовавший параллельно с языком литературным и всегда (как это свойственно разговорному языку) развивавшийся быстрее, чем язык литературный. Распространение школьного образования, ориентированного, понятным образом, на стабильные классические нормы, сдерживало это развитие. С упадком школьной культуры на исходе античности разрыв между литературным и разговорным языком резко расширился. Народная латынь стояла на пороге перерождения в те романские наречия, из которых предстояло развиться романским языкам нового времени…» (Савукова В.Д. Язык и стиль Григория Турского // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 344). См. об этом также Bonnet M. Le latin de Grégoire de Tours. P., 1890.

[483] См. подробнее об этом во Введении к настоящей работе.

[484] Подробно об этом см. Laistner M.L.W. The Library of the Venerable Bede // Bede, His Life, Times and Writings. Oxford, 1935. P. 237–266; idem. Bede as a Classical and a Patristic Scholar // Transactions of the Royal Historical Society. 1399. N. 19. P. 69–93; Holder A.G. Bede and the New Testament // The Cambridge Companion to Bede. Cambridge, 2010. P. 145.

[485] См. Павлов А.А. Павел Диакон и его эпитома "О значении слов" // ВДИ. 2012. № 2. С. 221; Циркин Ю.Б. Введение // Павел Диакон. История лангобардов. С. 8–9.

[486] См. об этом Foulke W.D. // Paul the Deacon. History of the Lombards. Philadelphia. P. 268; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. P. 329–333.

[487] См. Циркин Ю.Б. Введение // Павел Диакон. История лангобардов. С. 9.

путешествовал, был знаком с придворной жизнью лангобардского и франкского королевств, но имел слабые связи с церковными кругами.

С указанными сложностями реконструкции биографий трех авторов связанно выявление тех целей, которые они ставили при написании своих «Историй». Они предопределили отбор материала, его наличие или отсутствие, его подачу и отношение к нему[488]. Кроме того, необходимо принять во внимание и аудиторию, для которой изначально предназначались «Истории», т.к. ее политическая ориентация, уровень образованности, этническая принадлежность и социальные позиции, также могли оказать определенное влияние на авторов, методы изложения и организацию текста[489].

Следующая группа вопросов связана с полнотой отражения реалий переходной эпохи доступными авторам языковыми средствами. Все они описывают общества переходного периода, где идет активный синтез германского, античного и христианского компонентов. Это касается как политических институтов, экономики и культуры, так и социальных структур. Авторам приходилось описывать латинскими терминами родственные отношения в среде германцев и родственные связи местного населения с разным уровнем романизации, уже испытавшие варварское влияние. Хотя латынь, древнегерманские языки и кельтские языки относятся к индоевропейской языковой семье, в рассматриваемый нами период римская система родства уже эволюционировала до линейного типа, в котором не делалось различий между родственниками со стороны отца и матери, в то время как германская и кельтская системы продолжали сохранять их (были бифуркативно-линейными)[490]. Однако, как считают Р. Ле Жан и И. Реаль, это не означает, что с помощью латыни невозможно было адекватно отразить нюансы этих отношений[491].

И. Реаль обращает внимание и другую проблему, связанную с терминологией родства: использование того или иного термина родства могло зависеть от вида речи и текста. Одни слова могли использоваться в устной речи, другие — в письменной. Семантической особенностью одних была передача аспектов отношений, связанных с юридическими правами и обязанностями, а другие относились к сфере моральных взаимоотношений[492]. Возможно также наличие различных дополнительных коннотаций у терминов, передающих отношения родства в латинском и древнегерманском языках.

---

[488] Подробнее об этом см. Goffart W. The Narrators of Barbarian History.

[489] Существует предположение, что Григорий Турский специально использовал разговорную латынь, чтобы расширить читательскую аудиторию «Истории франков» (см. The World of Gregory of Tours. Boston, 2002).

[490] Среди самых значительных проблем связанных с этими различиями и проблемами их отражения в письменном виде можно отметить: проблемы описания родства по системе «*agnatio–cognatio*»; споры о преобладании расширенной или нуклеарной семьи в период раннего Средневековья; глубину и способ исчисления родства для участия в социальных институтах и практиках (таких как брак, кровная месть, наследование и т.д.) (об этом см. например Bullough D.A. Early Medieval Social Groupings: The Terminology of Kinship // Past & Present. 1969. Vol. 45, No. 1. P. 3–18)

[491] См. Le Jan R. Opp. cit. P. 161; Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 95-96.

[492] Ibid. P. 96.

Хотя вышеуказанные проблемы затрудняют поиск решения поставленных нами задач, однако не делает его абсолютно невозможным. В данной главе на основе семантического и контекстуального анализа терминов родства, используемых в рассматриваемых текстах, мы предпримем попытку ответить на следующие вопросы:

1) Какие степени родства и как часто упоминаются в текстах, какие термины использует каждый из авторов для их обозначения, и какова особенность их употребления?

2) Какова ментальная схема (представление) системы родства каждого из авторов, элементы какой системы родства ((галло)римской, германской, кельтской, христианской) в ней преобладают?

3) Какие дополнительные коннотации терминов родства фиксируются в текстах источников?

4) Какие термины родства — групповые, индивидуальные или классификационные — преобладают в «Историях»?

5) Как глубоко генеалогически исчислялось родство, и какие термины — элементарные, описательные или составные — при этом использовались?

6) Отражается ли в наших источниках гендерный аспект функционирования степеней родства (например, отличалось ли отношение родителей к сыновьям и дочерям; племянников к дяде и тетке и т.д.)?

7) Каков характер латеральности (унилатеральность, билатеральность) и линейности (унилинейность, дуолинейность) системы родства? Отражают ли эти признаки различия в положении людей, входящих в родственную группу Эго?

8) Какие степени родства, и по какой причине имеют синонимы, и каковы их семантические особенности?

Для решения поставленных задач и удобства изучения терминологии родства, слова, обозначающие родство, согласно современным представлениям о системе родства будут разделены на две группы: а) обозначающие прямое, б) непрямое кровное родство. Внутри этих групп соответствующие термины будут рассматриваться в порядке поколенности: термины, передающие родство в соседних поколениях, через поколение, через два и более поколений, через несколько поколений. Сначала мы рассмотрим термины родства с точки зрения линейности по восходящему и нисходящему принципу, а затем по принципу дальности родства в боковых линиях. Таким образом, в каждой из групп мы планируем изучить термины, передающие степени родства наиболее близкие к Эго, а затем те, что считаются более дальними. Подобное построение главы не только облегчит восприятие материала (в силу соответствия современным представлениям о родстве), но и позволит сравнить их с той, что существовала в рассматриваемых нами обществах.

2.1. Кровное родство по прямой линии

2.1.а. В соседних поколениях

Из терминов, характеризующих кровное родство по прямой линии в соседних поколениях встречаются следующие термины: *parens, pater/genitor/pater familias, mater/genetrix/mater familias, filii/liberi/nati/parvuli/soboles, filius, filia, avus/avia, nepos, proavus, abavus, atavus, progenitor, posteri/progenies/simines, posteri/progenies/simines*.

Parens/Parentes

Данный термин[493] встречается в рассматриваемых нами источниках относительно редко: 68 раз в «Истории франков» Григория Турского, 12 раз в «Церковной истории» Беды Достопочтенного и 5 раз в «Истории лангобардов» Павла Диакона[494]. Значение степени родства *родители* — «отец и мать по отношению к своим детям»[495] — является основным для данного термина не во всех «Историях». Так, в «Истории франков» в этом значение *parens* встречается всего в 17 случаях, что составляет всего 31% от общего числа его употреблений[496]. В «Церковной истории» в значении степени родства термин *parens* употреблен 5 раз, т.е. в 42% случаев. И только в «Истории лангобардов» в 4 из 5 случаев данный термин обозначает именно *родителей*. Отмеченное Нирмейером значение *родственники* встречается, главным образом, в «Истории франков», где является основным — 44 случаев из 68, что составляет 65% упоминаний слова. В «Церковной истории» в этом значении термин не встречается, а в «Истории лангобардов» употреблен в нем лишь один раз. Кроме того, в «Истории франков» и «Церковной истории» *parens* также по три раза используется в значении *предки* (см. Приложение 2-5).

Parentes в восприятии наших авторов являют собой пару — мужчину и женщину — имеющую совместного ребенка/детей[497]. В этом качестве они представляются как равные друг другу: имеют одинаковое социальное положение и происхождение, совместно участвуют в заботах о ребенке и изображаются как равные наследодатели.

Анализируя контекст сообщений, в которых встречается термин *parens*, можно отметить, что в основном он используется в сообщениях о смерти детей/родителей или болезни детей.

---

[493] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. В качестве источников нами использовались: Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968; Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. Leiden, 1976; Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. 1-10. Niort, 1883-1887. См. также: Parens // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. М., 2003. С. 752.

[494] См. Greg. Tur. Hist. I, 36, 47; II, 27, 40(2), 42(4); III, 7(3), 13(2), 14, 15(3), 23; IV, 48; V(1), 5, 32, 49; VI(1), 16, 17, 36(3), 45; VII, 23, 25, 29(2), 40, 47; VIII, 2, 16, 18, 29(2); IX, 18, 19(6), 27, 33(2), 39(5), 43; X, 1, 12, 16(2), 27(2), 28, 29(2), 31; Bede Hist. Eccles. I, 7, 16, 18(2), 25, 27; II, 1, 5, 12; III, 8; IV, 20; V, 22; Pauli Hist. Lang. II 4(2); III, 19; V, 11; VI, 5.

[495] Родители // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 680.

[496] При переводе этого термина в «Истории франков» на новоевропейские языки встречаются разногласия. Так, В.Д. Савукова и Гизо переводят его в указанных случаях как *родители*. Торп же использует такие термины как *family, relatives, relations, near and dear* или описательный перевод (см. Gregorius Turonensis. Historia Francorum. L., 1974. P. 366–370, 425, 500–502, 526–529, 538–539, 593–604).

[497] Э. Джеймс утверждает: «для обозначения родителей как таковых не использовалось собирательное существительное» (James E. The origins of France: From Clovis to the Capetians, 500–1000. L., 1982. P. 73).

Этот контекст является общим для всех трех «Историй». Смерть чаще всего описывается, как происходящая в обстановке чрезвычайной ситуации — эпидемии или нападения врагов[498]. Что касается эпидемий, то все они происходят в Италии, при этом, Григорий Турский описывает туже эпидемию (Greg. Tur. Hist. X, 1), что и Павел Диакон (Pauli Hist. Lang. II, 4; VI, 5):

Можно отметить, что смерть детей прежде родителей, а также их одновременная смерть, подается авторами как необычное событие. Возможно, именно подобными сообщениями они заставляют читателей почувствовать весь трагизм ситуации. Тогда как в случае смерти только родителей, Павел Диакон упрекает детей лишь в неисполнении обязанностей по погребению их тел. Таким образом, сама по себе их кончина не является ударом. То же отношение к смерти родителей мы встречаем и в «Церковной истории» (см., например, Bede Hist. Eccles. I, 16). Кроме того, автор «Истории лангобардов» упрекает родителей за то, что они бросают больных детей, забота о выздоровлении которых подается как их обязанность. В «Истории франков» (Greg. Tur. Hist. VIII, 16) и «Церковной истории» мы встречаем 2 сообщения подобного рода (Bede Hist. Eccles. I, 18).

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что термин *parens* имел коннотацию «настоящего», тогда как *дети* воплощали собой будущее. Поэтому, смерть детей прежде родителей воспринимается как нарушение континуитета и несчастье, тогда как смерть родителей является его частью. Поэтому *parens*, в изображении наших авторов, должны обеспечить выживание детей, что выражается, в частности, в заботе об их здоровье. Отражение подобного отношения можно найти, например, в сообщениях о наследовании (см. Greg. Tur. Hist. VII, 40; IX, 18).

В «Истории франков» термин *parens* встречается также в сообщениях о рождении/происхождении (см., например, Greg. Tur. Hist. I, 36, 47; VI, 36; IX, 39). В целом, это соответствует его этимологии: *parens* происходит от глагола *pario* — «рождать, производить»[499]. При этом турский епископ обращает внимание читателей на высокое социальное положение родителей.

Григорий Турский, и Павел Диакон используют *parens* и в сообщениях, относящихся к контексту воссоединения/расставания с родителями (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 45; IX, 19, 39, 43; X, 31; Pauli Hist. Lang. V, 11), который является одним из основных для термина в «Истории франков». Разлука с родителями, особенно недобровольная, описывается как трагическое событие и даже уподобляется смерти. При этом в *parens* персонифицировалось

[498] Ср. с контекстом использования топоса продажи детей в рабство в латинской литературе (см. Vuolanto V. Selling a Freeborn Child: Rhetoric and Social Realities in the Late Roman World // Ancient Society. 2003. Vol. 33. P. 169–207).

[499] Parens // De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo–European Etymological Dictionary Series. Vol. 7. Leiden–Boston, 2008. P. 255. Этой же этимологии, по всей видимости, придерживались и в период раннего Средневековья (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX: О языках, народах, правлениях, войске, гражданах, родстве. С. 535).

все, что было дорого человеку: родина, образ жизни, эмоциональные привязанности. Так, говоря об уходе в монастырь, Григорий Турский именно разлуку с отцом и матерью изображает как самое сложное испытание (Greg. Tur. Hist. IX, 39; X, 31). Автор «Истории франков» противопоставляет любовь к родителям любви к Богу, что позволяет предположить, что первые отождествлялись им с гармоничным физическим бытием, тогда как жизнь в монастыре считалась идеалом духовной жизни[500].

Кроме того, для женщины расставание с родителями означало начало самостоятельной жизни, было точкой ее отсчета. До этого дочери и *parentes* воспринимались, по всей видимости, как единое целое. Это прослеживается в сообщениях о воссоединении родителей и их дочерей: *«…Tranquilla quoque, coniux Sichari, relictis filiis et rebus viri sui in Toronico sive in Pectavo, ad parentes suos Mauriopes vicum expetiit; ibique et matrimonio copulata est…»*[501] (Greg. Tur. Hist. IX, 19). Желая начать новую жизнь, Транквилла не только оставляет детей и имущество своего покойного мужа, но и возвращается в родительский дом.

Наконец, в «Истории франков» и «Церковной истории» термин *parens* встречается в сообщениях о заключении браков (Greg. Tur. Hist. IX, 33; Bede Hist. Eccles. I, 25). В обоих случаях речь идет о разрешении родителей на брак дочери, хотя в большинстве случаев поиском брачного партнера занимался только отец[502]. Поскольку упомянутые выше браки, были не совсем обычными, разрешение на них обоих родителей представлялось более авторитетным[503].

Нам не удалось выделить каких–либо гендерных особенностей функционирования термина *parens*. Во всех трех «Историях» родители почти одинаковое количество раз взаимодействуют с дочерями, сыновьям и группами детей. Контексты, в которых встречается термин, также совпадают. Исключением являются сообщения о браках и воссоединении, где упоминаются только дочери.

На основании всего вышесказанного мы можем констатировать, что степень родства *родители* и обозначающий ее термин *parens* достаточно редко фигурируют в наших источниках. *Parens* в восприятии наших авторов представляли собой пару равных друг другу по социальному положению и правам в отношении детей супругов. Их совместное появление на страницах рассматриваемых источников чаще всего вызвано чрезвычайными обстоятельствами (болезнью, смертью или разлукой с детьми). При этом *parens*

[500] Подробнее об этом см. в Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. Расставание как испытание чувств: эмоциональный фон рассказов о разлуке с родственниками в сочинениях Григория Турского и Беды Достопочтенного // Диалог со временем. 2019. №4. С. 90–106.

[501] *«…Транквилла же, супруга Сихара, после того как оставила детей и имущество мужа в Туре и Пуатье, отправилась к родителям в деревню Мавриопы…»*. См. также: *«…Puellae vero separatae ab invicem, aliae ad parentes, aliae ad domus proprias, nonnullae in his monasteriis, in quibus prius fuerant, sunt regressae…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 43).

[502] См. об этом Глава 3 настоящего исследования.

[503] И. Реаль отмечает, что жития франкских святых V–VIII вв. чаще всего изображают в качестве организаторов браков обоих родителей (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 169–209).

символизируют гармоничное физическое бытие, порядок, безопасность и заботу, который нарушается в указанных выше ситуациях, уступая место неопределенности и вызывая эмоции горя и страха.

Pater

У Григория Турского в «Истории франков» этот термин[504] встречается 251 раз[505], у Беды Достопочтенного в «Церковной истории народа англов» — 117 раз[506], у Павла Диакона в «Истории лангобардов» — 66 раз[507]. Из указанных выше значений в этих произведениях *pater* чаще всего обозначает степень родства *отец* — мужчина по отношению к своим детям[508]. В «Истории франков» оно встречается 146 раз, что составляет 58% от общего числа упоминаний, в «Церковной истории» — 36 раз (то есть 31%), в «Истории лангобардов» — 38 раз (58%). Он является одним из наиболее часто упоминаемых в наших источниках. Кроме того, среди случаев обозначения соответствующей степени родства необходимо выделить те, где он применяется по отношению к Богу–Отцу, как ипостаси Троицы, и к Богу–Сыну (Иисусу Христу). В «Истории франков» таких случаев 90 (36%), в «Церковной истории» — 14 (12%), в «Истории лангобардов» — 6 (9%). Другим вариантом использования этого термина в значении степени родства является передача им квазиродственных отношений и/или покровительства — между крестным отцом и сыном, а также между священнослужителями[509] в рамках церковной организации и между ними и их паствой. В «Истории франков» на него приходится 12 упоминание (5%), в «Церковной истории» — 62 упоминаний (53%), в «Истории лангобардов» — 22 упоминание (33%). Наконец, во множественном числе термин *pater* выступает в качестве синонима слова *предки* (см., например, Greg. Tur. Hist. I, 10; X, 3; Bede Hist. Eccles. II, 20(2); VI, 20(2); V, 7) (см. Приложение 6-9).

Единственное пояснение значения этого термина мы встречаем в «Истории франков», где, говоря о Боге–Отце, Григорий Турский пишет: *«…Не мог бы называться отцом, если не имел бы сына…»* (Greg. Tur. Hist. I, Praef.; см. также V, 43)[510]. Следовательно, *pater* воспринимался им, прежде всего, как мужчина, связанный отношениями порождения с другим мужчиной. Дальнейший анализ этого термина показывает, что это родство могло быть

---

[504] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Pater // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 731.
[505] См. Greg. Tur. Hist. I(15), 7, 8, 9, 10, 24, 35, 47; II, 1(2), 2, 3(8), 5, 7(2), 8, 9, 31(3), 34(2), 37(2), 40(9); III, 1, 5, 6, 10, 12, 18, 23(3), 24(3), 33, 35; IV, 3, 11, 16(6), 7, 20(6), 22(2), 23, 24, 26(3), 27, 28, 35, 41(2), 42(2), 47, 51; V(2), 1, 2, 5, 14(5), 16(3), 18(3), 25, 32(4), 34, 38(6), 39, 42, 43(23), 44(5), 49; VI, 5(3), 6, 11, 18, 24, 30, 31(2), 40(22), 43(4), 45(2), 46; VII, 1, 6(2), 7, 13(2), 14(4), 25, 32, 33(2), 36, 47(2); VIII, 2, 3, 13(2), 32, 37(2); IX, 1, 8, 10, 15(4), 20(3), 30(3), 33, 34, 36, 40, 42(4); X, 3(2), 8(2), 12, 13, 19, 21(2).
[506] См. Bede Hist. Eccles. Praef. (3); I, 8, 10, 15(3), 21(2), 25, 27(9), 30, 32; II, 1(3), 2(3), 3, 5(6), 6, 7, 10(3), 15(2), 20; III, 3, 4, 9, 14(2), 15, 16, 21, 23(3), 24(2), 25(6), 26; IV, 3(6), 4, 5(4), 17(7), 20(2), 24, 26, 27(3), 29, 30(3), 31, 32; V, 1(3), 7(2), 12, 17, 19(4), 20(2), 21(2), 22(4), 24(4).
[507] См. Pauli Hist. Lang. I, 23(2), 24(5), 25, 26(11); II, 10, 28(2); III, 1, 21(2), 30; IV, 17(3), 30, 37, 42(3), 43, 47; V, 2, 7(2), 10(2), 22, 36(2), 39(2), 40; VI, 2, 4(2), 15, 17, 22(2), 24, 26, 30, 35, 40(4), 48, 50, 51, 53.
[508] Отец // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 468.
[509] См. Ожегов С.И. Указ. соч. С. 468.
[510] *«…Nec enim pater dici potuerat, nisi haberit filium…»*.

кровным или искусственным (духовным)[511]. Первое являлось следствием рождения ребенка от конкретного мужчины: *«…si ego te generavi, coram cunctis edicas'. Et ille: 'Non es… tu pater meus…»* (Greg. Tur. Hist. II, 1)[512]. Духовное родство могло устанавливаться в рамках института усыновления или через обряд крещения.

Большая часть *pater*, упомянутых в наших источниках, мертвы или находятся на пороге смерти[513]. Здесь мы сталкиваемся с одним из важных компонентов восприятия данного термина — коннотацией смерти[514]. Отношения отца и сына, по всей видимости, понимались нашими авторами как особая связь, которая начинала развиваться вместе с рождением сына и достигала кульминации в момент смерти отца, когда сын «занимал» его место в обществе (становился главой семьи, владельцем имущества, возможно, получал должности родителя). Это соответствует этимологии термина: *pater* происходит от глагола *patro*[515] — «приводить в исполнение, совершать, заканчивать, завершать»[516]. Таким образом, в восприятии авторов «Историй» мужчина становился отцом, скорее, не в момент рождения у него ребенка, а в момент смерти по отношению к живым отпрыскам. Это объясняет большое количество сообщений с термином *pater*, в которых речь идет о наследовании/передаче прав между отцом и сыном.

В «Истории франков» особенно ярко это проявляется в рассказе о короле Теодоберте и его крестном сыне Сигильвальде. Теодорих, отец Теодоберта, убив Сигильвальда, предложил своему сыну сделать тоже самое с его ребенком. По всей видимости, король Теодорих хотел беспрепятственно завладеть имуществом покойного. Однако сын короля не захотел убивать своего крестника и дал ему возможность скрыться. Став королем после смерти Теодориха, Теодоберт *«…omnia, quae in fisco suo pater posuerat de rebus Sigivaldi, patri eius, ipsi reddi praecipit…»*[517] (Greg. Tur. Hist. III, 23). Как мы видим, в одном предложении говорится о

---

[511] Спор исследователей об истинной природе духовного родства подробно освещен в книге Б. Джассена (см. Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages. P. 17–24). См. также замечание М. Вердона о взглядах средневековой христианской церкви на природу отцовства: Verdon M. Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity // Man, 1988. Vol. 23, №3. P. 500). Дж. Йохенс, например, утверждает, что в древней Норвегии биологическое отцовство не имело первостепенного значения и мужчинам довольно часто приходилось признавать своими детей, кровными родителями которых они не являлись (см. Jochens J. Women in Old Norse Society. Ithaca, N. Y., 1995. P. 17–64).

[512] *«…если я породил тебя, объяви об этом на глазах у всех». Он ответил: «Не ты … мой отец…».* См. так же: *«…Credo … in Deum patrem … Credo in Iesum Christum, filium eius unicum … natum a patre…»* (Greg. Tur. Hist. I, Praef.); *«…Его отцом был Пеоний…» («…Hic etenim Peonio patre ortus…»* (Greg. Tur. Hist. IV, 42). О важности биологических процессов для концепции отцовства в Средние века см. Grace Ph. Aspects of Fatherhood in Thirteenth–Century Encyclopedias // Journal of Family History. 2006. Vol. 31, No. 3. P. 211–236.

[513] Ту же закономерность для рыцарских романов XIV в. отмечает Р. Мосс (см. Moss R.E. Fatherhood and its Representations in Middle English Texts. Woodbridge, 2013).

[514] Л. Ланкастер упоминает древнеанглийский термин *ærfæder* обозначающий «покойного или почившего отца» (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9, No. 3. P. 236).

[515] См. De Vaan M. Op. cit. P. 449. Данное заключение позволяет поставить под сомнение широту распространения этимологической интерпретации термина *pater*, которая давалась Исидором Севильским. Напомним, что он относил происхождение термина к *patratione peracta* (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 535). По всей видимости, что эта точка зрения не повлияла на восприятие наших авторов.

[516] Patro // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 732.

[517] *«...все, что он [Теодоберт] получил в казне своего отца из имущества его отца Сигильвальда, он приказал ему вернуть…»*

наследовании между двумя умершими отцами и их сыновьями: Теодоберт получил наследство отца после его смерти и вернул Сигильвальду незаконно отобранное имущество его отца, которое должно было перейти к нему после смерти последнего. В целом в двадцати одном сообщении о передаче собственности отца сыну, содержащемся в «Истории франков»[518], *отец* жив только в трех[519], однако во всех этих случаях смерть последнего подразумевается.

Другой коннотацией, отмеченной нами для термина *pater* у рассматриваемых авторов, была коннотация прошлого. Возможно, она являлась под влиянием германского восприятия термина, т.к. встречается только в сообщениях, рассказывающих о представителях германских племен, прежде всего, в генеалогиях[520].

В «Истории франков» Григория Турского данная семантика термина проявляется в XXXIV главе V книги, где королева Фредегонда, стремясь искупить свои грехи и спасти больного сына, предлагает своему мужу, королю Хильперику I: *«…incendamus omnes discriptionis iniquas, sufficiatque fisco nostro, quod sufficit patri regique Chlothario…»*[521] (Greg. Tur. Hist. V, 34; см. так же Greg. Tur. Hist. IX, 30). В данном случае термином *pater* обозначается определенный период времени в прошлом, который воспринимается как эталонный. Прошлое здесь ассоциируется со степенью родства. В обществе, где отсутствовала точная система счета времени, а последнее воспринималось циклично[522], переход власти от отца к сыну представлял собой цикл правления, где отец всегда воплощает в себе прошлое. Поэтому смерть сыновей прежде отцов нарушала этот порядок. Она разрывала временной континуитет — преемственность между поколениями, движение из прошлого в будущее.

Тоже отношение мы можем наблюдать в «Церковной истории» Беды Достопочтенного. Сравнивая периоды правления короля Этельберта, крестителя Кента, и его сына Эдбальда, который на время отступился от христианства, Беда говорит, что *«…Non enim tanta erat ei, quanta patri ipsius regni potestas…»*[523] (Bede Hist. Eccles. II, 6). Из этого сообщения можно заключить, более благополучное прошлое королевства связывалось с правлением *pater*. С одной стороны, подобное отношение соответствует германскому пониманию прошлого, где

---

[518] См. Greg. Tur. Hist. II, 7, 8, 37, 40; III, 23, 24(2); IV, 22(2), 24; V, 1, 16, 39, 49; VI, 11, 31; VII, 14, 25, 33; VIII, 3; IX, 20; X, 3.

[519] В рассказе о судьбе сына Хильперика Хлодвига, последний мечтает о том, как он унаследует все владения отца, что возможно только после смерти последнего: *«…Вот, умерли мои братья, мне достанется все королевство; мне будет подчинена вся Галлия…» («…Ecce, mortuos fratres meus, ad me restitit omne regnum; mihi universae Galliae subicientur…»*, Greg. Tur. Hist. V, 39; см. также Greg. Tur. Hist. V, 49; IX, 20).

[520] Подтверждением того, что данная коннотация характерна именно для германского восприятия могут служить отмеченные Л. Ланкастер особенности использования термина *отец* для передачи кровного родства через поколение и несколько поколений: «…Деда называли *«ealda fæder»* или *«yldra fæder»* (т.е. «старый отец» или «пожилой отец») с подразумеваемым значением «второй отец», так как прадеда называли *«pridda fæder»* (т.е. «третий отец»). Другие предки мужского пола по прямой линии могли прослеживаться, лингвистически, до пра–пра–пра–пра–деда, который назывался *«sixta fædre»*» (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9, No. 3. P. 236; см. также Drout M.D.C. Blood and Deeds: The Inheritance Systems in "Beowulf" // Studies in Philology. Vol. 104, No. 2, 2007. P. 205).

[521] *«…сожжем все несправедливые списки, пусть будет достаточно нашей казне того, что было достаточно нашему отцу и королю Хлотарю…»*.

[522] См. об этом, например, Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 90.

[523] *«не так велика была его королевская власть, как власть его отца…»*.

периоды правления умерших конунгов воспринимались как более удачные. С другой, у Беды это отношение трансформируется под влиянием христианства и решающим фактором при оценке становится деятельность *pater* на благо церкви.

В XXI главе III книги Беда рассказывает о том, что как король Мерсии Пенда за четыре года до своей гибели провозглашает сына Пэду своим соправителем и в этой же главе он сообщает о смерти Пенды. При этом он особо оговаривает, что Пэда был *«…iuuenis optimus, ac regis nomine ac persona dignissimus…»*[524] (Bede Hist. Eccles. III, 21). Кроме того, он принял христианство в Нортумбрии, хотя его отец Пенда был ярым язычником и убил не одного нортумбрийского короля-христианина. Так Беда не только подчеркивает, что Пенда как правитель отжил свой век, но и то, что вместе с его смертью само мерсийское королевство ожидает новая эпоха — из языческого оно превратится в христианское.

Похожая ситуация складывается в 25-ой главе III книги, рассказывающей о созванном королем Нортумбрии Освиу и его сыном Альдфридом в 667 г. синоде в Уитби. На нем должен был решиться вопрос об отказе Нортумбрии от «кельтской христианской традиции». Так же, как и в случае с Пендой и Пэдой, в паре Освиу — Альфрид король Освиу приверженец прошлого, т.е. «кельтской традиции», в которой он воспитывался, а его сын Альфрид — сторонник римского христианства, которое утвердится в королевстве, подобно тому, как он сменит со временем на троне своего отца. Сам синод состоялся за три года до смерти короля Освиу. С этим эпизодом связано и еще одно «прижизненное» упоминание термина *pater*. В 19-ой главе V книги, рассказывая биографию Йоркского епископа св. Вилфрида, Беда говорит о том, что последнего Альфрид, *«…cum consilio atque consensu patris sui Osuiu, episcopum sibi rogauit ordinari…»*[525] (Bede Hist. Eccles. V, 19). Эпизод изображен Бедой, как происходящий после синода в Уитби. Следовательно, несмотря на то что отец–король еще жив, главным действующим лицом Беда делает Альфрида, давая понять, что эпоха Освиу, как короля, осталась в прошлом вместе с «кельтской традицией», приверженцем которой он был[526].

Особенно ярко коннотация прошлого в термине *pater* проявляется при его использовании в генеалогиях. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают генеалогии, в той или иной форме присутствующие в тексте «Церковной истории». Беда рассказывает о происхождении всего двух королевских родов — Эскингов (королей Кента) и Уффингов (королей Восточной Англии). Общим для обеих генеалогий является их составление по стандартной формуле — *«сын, чей отец, чей отец»* (*«filius cuius patter cuius pater»*), т.е.

[524] *«юношей наидостойнейшим, как королевского звания, так и человеческого»*.
[525] *«по совету и с согласия своего отца Освиу, попросил назначить епископом»*.
[526] Дж. Хейс приводит доказательства, что Альдфрид превосходил своего отца в военном отношении и политическом влиянии и намеревался свергнуть его (см. Hayes J.N. Anglian Leadership in Nirthumbria, 547 A.D. through 1075 A.D.: PhD Diss. / J.N. Hayes J.N.; Louisiana State University. Louisiana, 2005. P. 58).

представляет собой описание нисходящей прямой линии родства от ныне живущего представителя рода к предкам с помощью термина *pater*.

Самая подробная генеалогия дается для королей Кента. Ее Беда пишет в два приема, в двух разных частях своей истории: *«…Duces fuisse perhibentur eorum primi duo fratres Hengist et Horsa… erant autem filii Victgilsi, cuius pater Vitta, cuius pater Vecta, cuius pater Voden…»* (Bede Hist. Eccles. I, 15)[527]; *«…Aedilberct filius Irminrici, cuius pater Octa, cuius pater Oeric… cuius pater Hengist…»*[528] (Bede Hist. Eccles. II, 5). В первом случае Беда использует генеалогию для завершения рассказа о прибытии в Британию первых англосаксонских дружин и об основании их вождями Хенгистом и Хорзой Кентского королевства. С помощью нее он связывает мифическое прошлое германских племен, завоевавших Британию, с началом письменного этапа в англосаксонской истории. Термин *pater* при этом, играет важную роль, т.к., во–первых, акцентирует последовательность существования людей, упомянутых в генеалогии. Во-вторых, само их существование становится реальным, поскольку они связываются между собой кровными узами, действительными и понятными для современников Беды. Присутствие термина *pater* придает упорядоченность хаотическому мифическому прошлому, внося в него элемент определенности.

Второй раз к этому вопросу он возвращается, рассказывая о смерти Эдильберта, первого короля англосаксов, принявшего крещение, отдавая, таким образом, ему дань уважения. На этот раз целью Беды было объединение языческое прошлое англосаксов с их христианским настоящим. Используя термин *pater* Беда создает стройную картину прошлого англосаксов, связывая первого христианского короля Эдильберта с его предком язычником Хенгистом, основоположником англосаксонского господства в Британии, и первого «реального» персонажа англосаксонской истории, который, в свою очередь, с помощью того же термина, был им связан с мифическим предком англосаксов — богом Воденом (Одином, Вотаном). Интересно, что в данном случае Беда пользуется не моделью, напоминающей генеалогии библейских персонажей и заключающейся в переходе от предка к потомку, а «германской», основанной на переходе от потомка к предку. Это может являться следствием как сильного влияния германского прошлого на все сферы жизни англосаксонского общества, не исключая и круг священнослужителей, так и недостатком информации о «континентальном» периоде в истории англосаксонских племен. Кроме того, как заметила Ш. Бёхр[529], пропаганда подобного происхождения рода Эскингов могла быть официальной политикой королей Кента в период,

[527] *«…Говорят, их первыми предводителями были Хенгист и Хорса… они были сыновьями Витгисля, чей отец был Витта, чей отец был Векта, чей отец был Воден…»*.
[528] *«…Этельберт был сын Эрменрика, чей отец был Окта, чей отец был Эрик… чей отец был Хенгист…»*.
[529] Behr Ch. The Origins of Kingship in Early Medieval Kent // Early Medieval Europe. 2000. No. 1. P. 25–52.

когда Беда работал над своей «Историей». Поскольку он активно использовал кентские источники, то не мог обойти вниманием этот факт.

Генеалогия королей Восточной Англии описана Бедой значительно короче: *«…Erat autem… rex Reduald… filius Tytili, cuius pater fuit Uuffa, a quo reges Orientalium Anglorum Uuffingas appellant…»*[530] (Bede Hist. Eccles. II, 15). При этом, рассказывая о происхождении кентских королей от языческого бога Водена (Одина, Вотана), Беда замечает, что многие англосаксонские королевские династии ведут свое происхождение от него. Однако вторую приведенную им генеалогию Беда с ним не связывает. Поэтому она как бы повисает в воздухе, лишенная связи с мифологическим германским прошлым.

Это сообщение сделано Бедой после рассказа об отце, обращенного королем Эдвином короля Восточной Англии Эрпвальда Редвальде. Последний был одним из первых англосаксонских королей, принявших христианство. Как пишет Беда, Редвальд пошел на этот шаг под влиянием кентского короля Эдильберта, который на тот момент являлся бретвальдой Британии. Однако, вернувшись домой, новообращенный король стал практиковать двоеверие, а христианство утвердилось в Восточной Англии только во времена его сына. На наш взгляд, это сообщение, может служить своеобразным знаком порицания со стороны автора «Церковной истории» за отступничество короля Восточной Англии, заставляя предков «расплачиваться» за ошибки потомков[531].

В тексте «Церковной истории» присутствует и еще одна своеобразная генеалогия. Она содержится в 24-ой главе III книги и представляет собой рассказ о месте захоронения дочери короля Нортумбрии Освиу Эльфледы: *«…In quo monasterio et ipsa, et pater eius Osuiu, et mater eius Aeanfled, et pater matris eius Aeduini, et multi alii nobiles in ecclesia sancti apostolic Petris epultisunt»*[532] (Bede Hist. Eccles. III, 24). Король Освиу пообещал посвятить свою дочь Господу, если тот дарует ему победу над королем Мерсии язычником Пендой. Пенда был побежден, и Эльфледа стала монахиней в Стренескальке — монастыре своей родственницы Хильды. После смерти последней принцесса стала аббатисой этого монастыря. Беда явно высоко чтил короля–крестителя Нортумбрии св. Эдвина, чем, видимо, и объясняется появление в книге этой своеобразной генеалогии его внучки. Стремясь возвысить род потомков св. Эдвина, Беда как бы передает Эльфледе часть «значимости» ее деда, усиливая связь между ними за счет упоминанием термина *pater*: «приближая» ее таким образом к святому предку[533]. Хотя общая

[530] *«…Был же… король Редвальд… сын Титила, чей отец был Уффа, по которому короли восточных англов зовутся Уффингами…»*.
[531] Подробнее о месте и значении генеалогии в англосаксонской политической культуре см., например, Dumville D.N. Kingship, Genealogies and Regnal Lists // Early Medieval Kingship. Leeds, 1977. P. 73–104; Sisam K. Anglo–Saxon Royal Genealogies / Proceedings of the British Academy. 1953. No, 39. P. 287–348.
[532] *«…В том монастыре в церкви святого апостола Петра и сама, и ее отец Освиу, и ее мать Энфледа, и отец ее матери Эдвин, и многие другие знатные люди похоронены…»*.
[533] В X в. подобным приемом пользуется Эльфрик Грамматик в «Житие св. Эдильфриды» (см. Steele K. The Ladies of Ely // Quest. 2009. No. 6. P. 65; см. также Моховокова Т.В. «Жития святых» Эльфрика как памятник

схема построения генеалогии остается прежней — через *отцов* по нисходящей линии к предкам (*«pater eius… pater mater eius»*), — в данном случае отсчет ведется уже не от мифического персонажа/языческого бога, а от святого представителя рода. Возможно, таким образом, Беда пытается отразить влияние христианства и внедрить новый вариант построения генеалогии. Не решаясь сделать это на примере более значимых фигурах англосаксонской истории, он составляет подобный ее вариант для менее значительного лица королевской крови.

Также коннотация прошлого и характерное для германцев его восприятие как лучшего периода времени, по сравнению с настоящим, служит причиной появления у термина *pater* дополнительного значения авторитета, вплоть до сравнения с Богом–Отцом.

Эта коннотация проявляется в рассказах о конфликтах отцов и сыновей. Наличие семантики прошлого в термине *pater* привело к восприятию отца как лучшего, более опытного правителя, непререкаемого авторитета. Сыновья считались подчиненными отцам, обязанными во всем слушаться их и быть продолжателями их дел.

В «Истории франков» встречается несколько эпизодов, отражающих подобное отношение. Прежде всего, это касается королей франков Хлотаря и Хильперика и их сыновей, а также короля вестготов Леовигильда и его сына Герменегильда. Примечательно, что во всех трех случаях термин *pater* применяется к живым отцам и упоминается очень часто. По частоте упоминаний этого термина они сравнимы с «теологическими» эпизодами — сообщениями, где встречаются рассуждения на тему единосущности Бога–Отца и Бога–Сына. Кроме того, во всех из них первое упоминание термина *pater* встречается в предложениях, где говорится о выступлении сына против отца (Greg. Tur. Hist. IV, 16; V, 2, 38).

Рассказывая историю Храмна, Григорий Турский пять раз называет его еще живого отца Хлотаря *pater* (см. Greg. Tur. Hist. IV, 16), два из которых находятся в соседних предложениях. Последний раз в этой главе термин встречается в сообщении, что Храмн *«…dolo saeper extraneam personam patris mortem fratribus pronuntiat…»*[534] (Greg. Tur. Hist. IV, 16). Таким образом, он фактически хоронит отца. Кроме того, после этого в Париже он поклялся королю Хильдеберту, что *«…se patri esse certissimum inimicum…»*[535] (Greg. Tur. Hist. IV, 17). С одной стороны, многократным повторением термина *pater* по отношению к живому отцу Григорий Турский хочет передать всю тяжесть преступления Храмна. С другой стороны, Храмн воспринимает отца уже как мертвого и забирает себе часть его владений: *«…per quod prius*

Бенидиктинского возрождения: автореф. дис. … канд. филолог. наук / Моховокова Татьяна Вячеславовна; Московский педагогический гос. книвер–т. М., 1999).

[534] *«…коварным образом через иноземцев сообщил братьям о смерти отца…»*.

[535] *«…он является злейшим врагом своему отцу…»*.

ambulaverat in regno patris sui, in sua dominatione redigit…»[536] (Greg. Tur. Hist. IV, 16). Использование термина в этом случае согласуется с общей концепцией его употребления[537].

Несколько иное восприятие термина *pater* мы встречаем в «Истории лангобардов» Павла Диакона. В ней коннотации смерти и прошлого, свойственные этому термину в «Истории франков» и «Церковной истории», значительно смягчаются.

В «Истории лангобардов», как и в других рассматриваемых нами «Историях», содержатся сообщения о наследовании сына отцу. Их всего шесть (см. Pauli Hist. Lang. II, 10; VI, 30, 47; V, 22; VI, 17, 35). При этом на первый взгляд, коннотация смерти в «Истории лангобардов», в некотором смысле, даже усиливается, так как в двух сообщениях, где присутствует данный термин, мертвы оба — и отец и сын[538]. Схожую структуру в «Истории франков» и «Истории лангобардов» имеют и сообщения о переходе качеств характера (ср., например, Greg. Tur. Hist. II, 8; Pauli Hist. Lang. VI, 26)[539]. Наконец, в «Истории лангобардов» присутствует даже сообщение о наследовании верности слуги отца сыном (см. Pauli Hist. Lang. V, 2).

Однако в ней встречаются сообщение о возведении сына в королевское достоинство при жизни отца. Подобный сюжет присутствует и в «Церковной истории народа англов» (см. Bede Hist. Eccles. III, 21), но в этом случае Беда специально оговаривает, что отец вскоре после этого умер. В рассказе же Павла Диакона о короле Агилулфе и его сыне Адалоальде мы подобной

---

[536] *«…[земли] по которым он прежде проехал в королевстве своего отца, взял под свою власть…»*.

[537] Тоже мы можем наблюдать в случае Меровея и его отца Хильперика. В общей сложности живой еще Хильперик был назван *pater* 9 раз (см. Greg. Tur. Hist. V, 2, 14(5), 18(3)). Примечательно, что вслед за сообщением о том, что Меровей *«…пренебрег повелением отца своего…» («…relictam ordinationem patris…»*, Greg. Tur. Hist. V, 2). Григорий Турский уточняет, что произошло это в дни празднования Пасхи. Далее преступления принца идут по нарастающей: в дни праздника его войска опустошают территорию вокруг Тура, он обманывает свою мать, женится на вдове своего дяди, сбегает из монастыря, куда поместил его отец. Последней каплей, как показывает нам Григорий Турский, становится то, что он начал злословить против отца и мачехи. Автор «Истории франков» осуждает его действия с помощью цитаты из Библии: *«…я верю, что Богу было не угодно то, что это было сказано сыном… Глаз, насмехающийся над отцом, пусть выклюют вороны дольние…» («…credo, acceptum non fuisse Deo, ut haec per filium vulgarentur… Oculum, qui aversus aspexerit patrem, effodiant eum corvi de de convallibus…»*, Greg. Tur. Hist. V, 14). Крайним случаем противодействия сына отцу является убийство им последнего. В рассказе о сговоре Хлодвига и Хлодериха с целю убить Сигиберта Хромого, отца последнего, термин *pater* встречается 9 раз. Хлодвиг называет Сигиберта отцом в первый раз, когда говорит о его хромоте: *«…отец твой состарился и сильно хромает… если он умрет, тебе по–справедливости достанется его королевство вместе с нашей дружбой» («…pater tuus senuit et pededibile claudicat. Si illi... recte tibi cum amicitia nostra regnum illius reddebatur…»*, Greg. Tur. Hist. II, 40). Таким образом, Хлодвиг хочет заставить Хлодериха воспринимать Сигиберта как уже мертвого. В течение всего рассказа Григорий Турский продолжает называть Сигиберта *pater* и лишь дважды использует его имя, усиливая впечатление от преступления его сына. Кроме того, он нигде не осуждает короля Хлодвига за организацию этого убийства и убийство самого Хлодериха. В рассказе присутствует лишь порицание действий сына со ссылкой на божественное правосудие и цитатой из Псалтыри (см. Greg. Tur. Hist. II, 40). Таким образом, смерть Хлодериха от рук Хлодвига воспринимается как возмездие со стороны Бога. Кроме того, род королей рипуарских франков прервался вместе с сыном–убийцей.

[538] Ее усиление мы видим и в сообщении о передаче пожилым герцогом Беневентума Арихисом престола своим воспитанникам в обход его «душевнобольного сына». Сам Арихис и его сын воспринимаются как уже мертвые. Подобно королю франков Хлодвигу, называющему живого Сигиберта Хромого *pater* из–за его старости и хромоты, Павел Диакон использует этот термин по отношению к пожилому герцогу: *«…когда герцог Арихис, их отец, о котором мы говорили, уже в зрелых годах приближался к своему последнему дню, сознавая, что его сын Айо не имеет здравого рассудка, Родуальда и Гримуальда, бывших в расцвете юности, назвал своими сыновьями перед лангобардами, и сказал, что они будут править лучше, чем сможет его сын Айо…» («…cum dux Arichis, huius de quo diximus pater, iam maturus annis ad diem ultimum propinquasset, sciens filium suum Aionem non recti esse sensus, Radoaldum et Grimoaldum… quasi proprios filios Langobardis… dixit, quod melius eos regere isti quam Aio suus filius posset…»*, Pauli Hist. Lang. IV, 43).

[539] Подробнее о наследовании символического капитала (знатности, чести, качеств характера) см. в Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 84–85.

информации не находим (см. Pauli Hist. Lang. IV, 30). Более того, на момент коронации Адалоальду было всего 2 года, а его отец умер только через 11 лет. В политическом смысле подобный шаг Агилульфа был продиктован желанием закрепить престол за своим сыном — католиком в королевстве, где большинство населения составляли ариане[540]. С другой стороны, Павел Диакон, по всей видимости, не испытывает затруднений в использовании термина *pater* при написании этого сообщения. Возможно потому, что коннотация смерти в этом термине для него не является столь сильной, как для Григория Турского и Беды Достопочтенного.

Мы можем отметить и изменения, связанные с коннотацией прошлого в термине. Король Алахис вспоминая времена своего детства, так локализует их во времени: *«…Nam tempore patris eius nos erabamus iuvenculi, habebantur in palatio berbices mirae magnitudinis…»*[541] (Pauli Hist. Lang. V, 40). Здесь, как и в «Истории франков», прошлое воспринимается как время, когда жил ныне мертвый отец, то есть момент в прошлом ассоциируется с данным термином. Однако, в единственной генеалогии, представленной в «Истории лангобардов» — генеалогии самого Павла Диакона — термин *pater* лишен этой коннотации: *«…Hic etenim genuit avum meum Arichis, Arichis vero patrem meum Warnefrit, Warnefrit autem ex Theudelinda coniuge genuit me Paulum meumque germanum Arichis, qui nostrum avum cognomine retulit…»*[542] (Pauli Hist. Lang. IV, 37). Данная генеалогия отличается от германских генеалогий, представленных в «Церковной истории». Прежде всего, она строится от первого известного предка к ныне живущим потомкам. Этим напоминает генеалогии, представленные в Библии:

Библия. Новый завет. Евангелие от Матфея	«История лангобардов»	«Церковная история народа англов»	«Англосаксонская хроника»
«…Abraham genuit Isaac Isaac autem genuit Iacob Iacob autem genuit Iudam et fratres eius…» (Biblia Sacra Vulgatae, Mt., 1:2).	*«…Hic etenim genuit avum meum Arichis, Arichis vero patrem meum Warnefrit, Warnefrit autem ex Theudelinda coniuge genuit me Paulum meumque germanium*	*«…Duces fuisse perhibentur eorum primi duo fratres Hengist et Horsa… erant autemfilii Victgilsi, cuius pater Vitta, cuius pater Vecta, cuius pater*	*«…Кердик был отцом Кинрика, Кердик был сыном Элесы, Элеса Эслы, Эсла Гевиса, Гевис Виэ, Виэ Фревина, Фревин Фритгара, Фритгар Бранда, Бранд Балдая,*

[540] Р. Бальдзаретти считает, что концепт отцовства и биологического родительства был слаб в лангобардском обществе и не позволял быть уверенным, что, например, малолетний сын унаследует власть соего отца–короля после его смерти, если рядом с ним не будет другого мужчины, исполняющего функции отца (Balzaretti R. Lombard Fathers // Archeologia medievale. 2011. Vol. 38. P. 49–50).

[541] *«…Ведь во времена его отца [Куникперта], когда мы молодые развлекались, во дворце были вадухи…».*

[542] *«…Ибо он породил моего деда Арихия, Арихий же – моего отца Варнефрита, Варнефрит же от супруги Теуделинды родил меня, Павла, и моего брата Арихия, который носил имя нашего деда…».*

Arichis…»[543] (Pauli Hist. Lang. IV, 37).	*Voden…»*[544] (Bede Hist. Eccles. I, 15).	*Балдай Водена…»* (The Anglo-Saxon Chronicle, 552).

Кроме того, при ее построении, кроме термина *pater*, использовались и другие термины родства, такие как *avus* и *germanus*. Этим она напоминает другую генеалогию, составленную Бедой Достопочтенным и представленную в «Церковной истории народа англов» — генеалогию папы Григория Великого: *«…Erat autem natione Romanus, a patre Gordiano, genus a proauis non solum nobile, sed et religiosum ducens. Denique Felix eiusdem apostolicae sedis quondam episcopus, uir magnae gloriae in Christo et ecclesia, eius fuit atauus…»*[545] (Bede Hist. Eccles. I, 15).

Как можно заметить, в этом отрывке при описании происхождения папы Григория Беда не придерживался формулы, которую использовал в генеалогиях англосаксонских королей. Генеалогии Павла Диакона и папы Григория имеют совершенно иное построение: как уже отмечалось, в них используются термины *proavus* и *atavus* вместо многократного повторения термина *pater*. Примечательно, что обе они были составлены для духовных лиц, оба из которых проживали в раннесредневековой Италии. Для Беды подобное отступление при построении генеалогии может объясняться спецификой источников, из которых он черпал информацию о своем герое. В целом же, здесь мы, по всей видимости, имеем дело с традицией, а также с желанием разделить духовную и светскую власть, римский и германский мир. Картина мира германцев имела тяготение к повторяемости, общности, при описании происхождения человека важным было показать, что он один из многих в цепочке предков. Для римского мира заслуги человека значили ничуть не меньше, чем дела его предков. В сочетании с концепцией времени, присущей каждому из этих обществ это дает нам различные способы построения генеалогий и различное восприятие термина *pater*. Для Беды подобная генеалогия с отличным от традиционного восприятия термина *pater* является исключением среди других генеалогий, представленных в тексте «Церковной истории». Для Павла Диакона она представляет собой пример влияния антично–христианского восприятия термина *pater* на традиционно германское.

---

[543] *«…Ибо он породил моего деда Арихий. Арихий же – моего отца Варнефрита. Варнефрит же от супруги Теуделинды родил меня, Павла, и моего брата Арихия, который носил имя нашего деда…»*.

[544] *«…Говорят, их первыми предводителями были Хенгист и Хорса… они были сыновьями Витгисля, чей отец был Витта, чей отец был Векта, чей отец был Воден…»*.

[545] *«…Он был из народа римлян, от отца Гордиана, ведя свой род от предков не только благородных, но и благочестивых…»*. Эти сведения Беда мог почерпнуть из раннего анонимного «Жития св. Григория», написанного в Уитби между 680-704 гг. См. об этом подробнее в. Colgrave B. The Relation between Bede and Whitby Writer // The Earliest Life of Gregory the Great. By an Anonymous Monk of Whitby / Text, Translation, and Notes by B. Colgrave. Lawrence, 1968. P. 56–59. В.В. Эрлихман считает, что автор «Церковной истории» не был знаком с этим текстом (см. Эрлихман В.В. Примечание 258 // Бела Достопочтнный. Церковная история народа англов / Пер. с. лат. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 255). Более вероятно, что источником его сведений была «Книга пап» («Liber Pontificalis»). См. об этом в Meyvaert P. Benedict, Gregory, Bede and Others. Collected Essays. L., 1977; Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). P. 303-307.

Это же влияние заметно и в сообщении о наследовании между отцом и сыном. Наряду с указанной выше традиционной формой рассказа об этом, в «Истории лангобардов» присутствует и рассказ другого характера: *«…Ibi tamen unus e Langobardis nomine Munichis, qui pater post Petri Foroiulani et Ursi Cenetensis ducum extitit, solus fortiter et viriliter fecit…»*[546] (Pauli Hist. Lang. VI, 24). Таким образом, в данном случае термин *pater* обращен в будущее, а не в прошлое.

Кроме того, мы можем отметить изменения в коннотации авторитета. Особенно ярко они проявляются в различном отношении к вражде короля Леовигильда и его сына Герменегильда. Рассказ о ней встречается как в «Истории франков», так и в «Истории лангобардов», но восприятие этого термина в них совершенно противоположное. Для Григория Турского *pater* в этой истории воплощает в себе высший авторитет, подобно тому, как это было в рассказах о выступлении франкских принцев против их отцов. Мы можем наблюдать то же многократное повторение термина[547], использовавшееся Григорием Турским для указания на преступность действий сына. Несмотря на то, что последний был арианином, а его сын — католиком, Григорий Турский нигде не поддерживает сына в его борьбе с отцом[548]. Единственные слова раскаяния он вкладывает в уста самого Герменегильда (см. Greg. Tur. Hist. V, 38). Следовательно, для епископа католической церкви более важным являлось послушание сына отцу, а не борьба с ересью.

Иное восприятия термина *pater* мы встречаем в рассказе об этих событиях Павла Диакона. Его сообщение намного короче, и термин встречается в нем всего 2 раза, но находятся они в соседних предложениях. В первом из них автор «Истории лангобардов» порицает отца за его еретические взгляды (Pauli Hist. Lang. III, 21), а в следующем сообщает о казне сына отцом (Pauli Hist. Lang. III, 21). Как мы видим, здесь *pater* лишается высшего авторитета. На первый план выдвигается следование определенным религиозным взглядам, а не подчинение старшим[549]. Особенно отчетливо это проявляется в оппозиции прилагательных *impius — sacratus*[550]. При этом само детоубийство Павел Диакон никак не комментирует.

---

[546] *«…Но тогда один из лангобардов по имени Муних, который затем стал отцом герцога Петра Фриульского и Урса Кенетского, действовал храбро и мужественно…»*.

[547] В обшей сложности живого Леовигильда Григорий Турский называет *pater* 10 раз (см. Greg. Tur. Hist. V, 38(6); VI, 43(4)).

[548] О возможных причинах этого см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 28–29.

[549] Схожую тенденцию размывания коннотации авторитета у *pater* можно отметить и в «Церковной истории». Беда Достопочтенный, рассказывая о том, как св. Вилфрид стал монахом, так описывает это событие: *«…он предпочел монашескую жизнь светской. Когда он сообщил это своему отцу, ибо мать его уже умерла, он охотно одобрил его намерения и пожелания, и велел ему придерживаться спасительного начинания…»* (*«…monasticam saeculari vitam praetulit. Quod ubi patri suo narrauit, iam enim mater obierat, libenter eius uotisac desideriis caelestibus adnuit, eumque coeptis insistere salutaribus iussit…»*, Bede Hist. Eccles. V, 19). Молодой человек сам принял столь важное решение, он не спрашивает разрешения на постриг у отца, он ставит его в известность о своем намерении. Упоминание же смерти матери, может выступать скрытым упреком мужчине, который, уже имея детей, предпочел вступить в повторный брак, а не хранить целомудрие. Кроме того, оно может указывать на непростые отношения Вилфрида и его мачехи (см. об этом Eddius Stephanus. Vita Sancti Wilfrithi // The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. Cambridge, 1927. I).

[550] Возможно, вопрос религиозных взглядов настолько острым в лангобардском обществе сделала борьба католицизма с арианизмом. Так, автор «Carmen de Synodo Ticinensi» прославляет королей–католиков Ариперта, Бертари и Куникперта, которых изображает как отцов и сыновей, последовательно наследующих друг у друга не

Более того, *pater* в «Истории лангобардов» стал обретать коннотации равенства. Как уже было отмечено выше, в ней появляются сообщения, в которых данный термин применяется к живому отцу, активно взаимодействующему с сыном. Среди них преобладают два мотива: мотив взаимопомощи (см., например, Pauli Hist. Lang. I, 23, 24; V, 7, 10, 39; VI, 51) и мотив воссоединения (см., например, Pauli Hist. Lang. V, 39; VI, 22, 53), По всей видимости, это является результатом смягчения коннотации смерти в термине. При этом сын начинает играть активную роль, а отец — пассивную (см., например, Pauli Hist. Lang. I, 23, 24; V, 36), лишаясь непререкаемого авторитета[551]. Последнее резко контрастирует с рассказом Григория Турского о том, как король франков Хлодвиг послал своего сына Теодоберта завоевывать города в Клермонте:

«История франков»	«История лангобардов»
«…Chlodovechus vero filium suum Theudoricum per Albigensim ac Rutinam civitatem ad Arvernus dirigit. Qui abiens, urbes illas a finibus Gothorum usque Burgundionum terminum patris sui dicionibus subiugavit…»[552] (Greg. Tur. Hist. II, 37).	*«…Grimuald… contra eum proficisci voluit. Cui filius Romuald: "Non est opus;" inquit "sed tantum partem nobis de exercitu vestro tribuite. Ego Deo favente cum eo pugnabo; et cum vicero, maior utique gloria vestrae potentiae adscribetur". Factumque est; et accepta aliqua parte de patris exercitu, pariterque cum suis hominibus contra Saburrum proficiscitur…»*[553] (Pauli Hist. Lang. V, 10).

Особенно ярко активность сына при пассивной роли отца проявляется в рассказе о разногласиях между королем Перктаритом и его сыном Куникпертом по поводу герцога Алахиса: *«…Qui rex cum eum interficere aliquotiens vellet, Cunincpertus, eius filius, hoc fieri*

только трон, но и бескомпромиссную религиозность и приверженность католической церкви (см. Carmen de synodo ticinensi // MGH SS Rer. Lang. Hanover, 1878. P. 190). Таким образом, история борьбы с арианизмом превращается в историю одной семьи, из которой исключаются старший сын Ариперта Годеперт, и его зять также Гримоальд, не только правившие лангобардами в 661–671 гг., но и бывшие арианами (см. об этом подробнее в Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 50).

[551] В рассказе о герцоге Аудуне и его сыне Альбоине, когда первый, несмотря на просьбы лангобардов почтить храбрость сына в битве с гепидами и разрешить ему сидеть за одним столом с собой, не решается пойти против обычая, Альбоин сам отправляется за доспехами к отцу убитого им Турисмонда (см. Pauli Hist. Lang. I, 23, 24). Когда Туризинд, отец последнего может только с печалью смотреть на место своего убитого сына, занятое его убийцей, именно его второй сын решается на конфронтацию с лангобардами с целью отомстить за брата и утешить отца (см. Pauli Hist. Lang. I, 24). Сын герцога Пеммо убедил короля Лиутпранда помиловать отца и вернуть ему герцогство (см. Pauli Hist. Lang. VI, 51). В сообщении о войне короля Гримуальда и его сына герцога Беневента Ромуальда против византийского императора Константа II отец играет пассивную роль, приходя на помощь сыну по его просьбе (см. Pauli Hist. Lang. V, 7), и по его же инициативе доверяет ему командование частью своего войска (см. Pauli Hist. Lang. V, 10). Схожим образом строятся отношения отцов и сыновей в труде Нитхарда «Четыре книги истории»: Людовик Благочестивый в его изображении представляет собой набожного, мягкого и великодушного отца, который всякий раз прощает сыновей, поднимающих против него восстания (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 26–27).

[552] *«…Хлодвиг же послал своего сына Теодориха через Альби и город Родез в Клермон. Прибыв, он подчинил власти своего отца те города от границ готов до бургундских пределов…»*.

[553] *«…Гримуальд… хотел выступить против него. Его сын Ромуальд сказал: «Не делайте этого, но дайте мне часть вашего войска и я, с божьей помощью, сражусь с ним; когда я выиграю, большая часть славы будет вашей». Так и произошло; после того, как он взял часть войска отца, а также и своих людей, он выступил против Сабурра…»*.

semper proibuit, reputans eum de reliquo fidelem existere; nec destitit patrem optinere, quin etiam ei ducatum Brexiae contribueret; reclamante saepius patre…»[554] (Pauli Hist. Lang. V, 36). Как мы можем видеть, воля Куникперта преобладала над волей его отца–короля. Именно сын изображается Павлом Диаконом как главное действующее лицо, а отец лишен авторитета[555].

Переходя к гендерным особенностям восприятия *pater*, необходимо отметить, что термин, безусловно, чаще упоминается в связи со взаимодействием между мужчинами, прежде всего, между отцом и сыновьями. В рассматриваемых источниках встречаются сообщения об отцах и женщинах/дочерях, но они относительно редки. В «Истории франков» их всего 16, что составляет всего 11% от общего числа употребления термина. В «Церковной истории» сообщается всего о 4 подобных эпизодах (4%), в «Истории лангобардов» — о 3 (4% случаев).

Главным отличием в восприятии термина в этом контексте является преобладание в нем коннотаций смерти и прошлого. Первая передается теми же видами сообщений, которые были разобраны выше. При этом в 15 из 16 сообщений о взаимодействии *pater* и женщин в «Истории франков» отцы мертвы или находятся при смерти. Ту же картину мы можем наблюдать в «Церковной истории» и «Истории лангобардов». Среди женщин, взаимодействующих с ними, преобладают дочери, однако, встречаются также жены и сестры. Контакты между ними ограничены сообщениями об организации замужества, наследовании и похоронах.

Среди сообщений, в которых термин *pater* употребляется в связи с женщинами, преобладают рассказы о свадьбах дочерей. Интересно отметить, что мы не встречаем ни в одной из рассматриваемых нами «Истории» рассказов об организации брака сына отцом, в котором встречался бы данный термин. Кроме того, в четырех случаях из пяти *patres* не имеют других выживших детей, кроме дочерей, которые выходят замуж. С одной стороны, женщина, как отметила Лиза Бител, была посредником между ее мужем и отцом[556]. С другой, она также могла выступать в качестве медиатора власти между ними. Не имея права властвовать самостоятельно, дочери были временным «вместилищем» власти, которая вместе с браком переходила к ее мужу. Женщина может «носить» в себе власть отца и передать ее мужу, но не может сама реализовывать эту власть. Все *patres* в сообщениях о замужестве дочерей мертвы

---

[554] *«…Когда король несколько раз хотел его казнить, Куникперт, его сын, всегда мешал этому, думая, что он будет ему верен; он не успокоился, пока не добился от отца, что он передал ему даже герцогство Брексии, хотя его отец часто возражал…».*

[555] Противоположную картину, по мнению Р. Бальдзаретти, рисует житие св. Вальфреда и «Хартия об основании им монастыря Святого Петра в Палаццуоло»: отец не только передает монастырю все имущество семьи, но и делает своих, по всей видимости, несовершеннолетних на тот момент сыновей, монахами, не спрашивая их согласия (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 52). С другой стороны, король Лиутпранд разрешил детям распоряжаться имуществом отца, который отсутствовал в семье более трех лет, а если он вернется, то он не только не имел права на это имущество, но и не мог быть принят в семью без согласия короля. Как предполагает Р. Бальдзаретти, одной из причин подобной законодательной нормы было наказание родителя, не исполняющего своей долг (см. Ibid. P. 50–51). Следовательно, власть и авторитет отца в миру у лангобардов все же имели ограничения.

[556] См. Bitel L.M. Women in the Early Medieval Europe 400–1000. Cambridge, 2002. P. 81.

или умирают в скором времени после него: как и в случае с сыновьями процесс передачи власти завершается после смерти отцов. Это особенно хорошо заметно в рассказе о бракосочетании дочери императора Тиберия: *«…Hic cum egrotare coepisset et se iam vivere disperaret... vocato Mauritio, ait: "...ad imperium elegeris; in quo ut firmior sis, filiam meam tradam tibi'. Et accedentem puella, tradedit eam pater Mauritio, dicens: 'Sit tibi imperium meum cum hac puella concessum...»*[557] (Greg. Tur. Hist. VI, 30). Видимо, по тем же причинам король Кента Эдбальд «*женился на супруге отца*» (*«uxorem patris haberet»*, Bede Hist. Eccles. II, 5), король Нортумбрии Освиу заключил брак с дочерью св. короля Эдвина (Bede Hist. Eccles. III, 15), а король Альбоин — с дочерью убитого им Кунимунда (Greg. Tur. Hist. IV, 41).

Столь же частое употребление термин *pater* в отношении женщин мы встречаем в сообщениях о наследовании женщинами имущества их отцов. Несмотря на отмеченную некоторыми исследователями ограниченность женщины в вопросах владения имуществом в изучаемый нами период[558], в «Истории франков» упоминается 4 таких случая. В них речь всегда идет о переходе имущества и социального положения, но не власти. Говоря о социальном статусе женщины, необходимо отметить, что он определялся соответствующим положением отца при его жизни и защищался им (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 26; V, 32), а после его смерти нуждался в подтверждении со стороны мужа (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 27, 28), в отличие от сыновей, которые наследовали социальное положение отцов[559]. Этим же влиянием может объясняться присутствием сообщений о совместном захоронении отца и незамужних дочерей в «Истории франков» (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 10) и «Церковной истории» (см., например, Bede Hist. Eccles. III, 24).

Наконец, «германским» влиянием на восприятие термина *pater* при его применении к женщинам являются сообщения о кровной мести дочерей за убийство отцов. Необходимо отметить, что таких случаев в наших источниках всего два. Оба они имеют место в случае, когда за мужчину не могут отмстить сыновья или другие родственники–мужчины. Однако и в этом случае женщина не может мстить самостоятельно. Дочери вынуждены обращаться за помощью к другим мужчинам. При этом святая Хродехильда не осуждается Григорием Турским за свои действия, т.к. она лишь просила сыновей отомстить за нее[560], тогда как Розамунда, мстящая мужу за убийство отца и организовавшая его убийство, заслужила негативную оценку, как от автора «Истории франков», так и от Павла Диакона[561].

---

[557] *«…Когда он начал болеть и уже не имел надежды выжить, … прихватив Маврикия, он сказал: «…ты будешь избран на царство; чтобы упрочить тебя в нем, я дам тебе в жены свою дочь. И когда девушка подошла, отец передал ее Маврикию, сказав: «Да будет моя власть передана тебе вместе с этой девушкой…»*.

[558] О дискуссии на эту тему среди исследователей см. Главу 1 настоящего исследования.

[559] Р. Бальзаретти видит в этом «копировании» отца суть отцовства и результат особой связь мужчины и его сына, которой нет между сыном и матерью, имеющей слабое влияние на своих отпрысков (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 50).

[560] См. Greg. Tur. Hist. III, 10.

[561] См. Pauli Hist. Lang. II, 28; Greg. Tur. Hist. IV, 41.

Таким образом, *отцовство*, и характеризующий его как степень родства, термин *pater*, достаточно часто фигурируют во всех трех «Историях». Слово *pater* могло описывать как кровное родство, так и квазиродственные отношения. Последнее нашло отражение в его использовании для описания отношений между Богом и верующими, между священнослужителями, а также крестными и крестниками. Дополнительными коннотациями термина являются смерть, прошлое и авторитет. Однако они не одинаково проявляют себя в рассматриваемых источниках, значительно смягчаясь в «Истории лангобардов», по сравнению с «Историй франков» и «Церковной историей».

Синонимы

В качестве синонима к термину *pater* во всех трех «Историях» используется термин *genitor*[562], однако, встречается он довольно редко: 6 раз у Григория Турского в «Истории франков», 7 раз у Павла Диакона в «Истории лангобардов» и только однажды в «Церковной истории» Беды Достопочтенного (см. Приложение 10). Этимологически термин *genitor* восходит к индоевропейскому корню *janitár* — «родитель», «отец»[563], и образован от глагола *gigno*[564] — «рождать», порождать, производить на свет»[565].

В большинстве случаев во всех рассматриваемых нами источниках термин *genitor* используется не для того, чтобы избежать повторения слова *pater*[566]. В ходе анализа случаев его употребления мы пришли к выводу, что семантически в нем преобладает указание на кровное родство[567]. По всей видимости, термин *pater* подразумевал под собой не только и не столько факт рождения от конкретного мужчины, но и исполнение определенных социальных функций, *genitor* же отсылал, прежде всего, к биологическому происхождению. Последнее хорошо заметно в сообщениях, где эти термины противопоставляются:

«История франков»	«История лангобардов»

[562] См. Greg. Tur. Hist. IV, 42; VI, 43; VII, 14; IX, 15, 20; X, 29; Bede Hist. Eccles. III, 18; Pauli Hist. Lang. IV, 37; V, 8, 37, 39; VI, 53, 58. Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также: Genitor // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 453.

[563] Genitor // Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, Heidelberg, 1938. P. 624. О споре относительно этимологии терминов genitor/genetrix см. в Kullanda S. Indo–European "Kinship Terms" Revisited // Current Anthropology, 2002. Vol. 43, No. 1. P. 91, n. 13.

[564] См. Walde A., Hofmann J.B. Op. cit. P. 624.

[565] Gigno // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 456. См. также Исидор Севильский. Этимологии. С. 535). Семантика термина, как отмечает С. Кулланда остается предметом дискуссии. Сам исследователь считает, что в латинском языке он имел смысловое значение «признавать [законным ребенком]» (см. Kullanda S. Indo–European "Kinship Terms" Revisited // Current Anthropology, 2002. Vol. 43, No. 1. P. 91, n. 13).

[566] Единственным случаем синонимического использования *genitor*, на наш взгляд, является следующий фрамент из «Истории лангобардов» Павла Диакона: *«…Алахис, думая, что мальчик ничего не поймет, сказал следующее: «Много такого же имеет твой родитель, и, если Бог позволит, оно вскоре будет отдано мне». Когда этот мальчик вечером вернулся домой, его родитель спросил его, говорил ли что–нибудь король в этот день, он рассказал отцу все, что случилось и все, что ему говорил король…» («…Alahis, sperans puerulum parum intellegere, ita locutus est: "Multos ex his genitor tuus habet, quos mihi in proximo, si Deus voluerit, daturus est". Qui puer cum vespere domum ad patrem regressus esset, cum suus genitor requisivit, si quid ei illo die rex locutus fuisset, ille patri omnia ut facta fuerant et quid sibi rex dixerat nuntiavit…»*, Pauli Hist. Lang. V, 39).

[567] Ср. с выводами И. Реаль (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 106).

«…Non enim auditum est, unum hominem praeter spiritalem causam duos habere posse pariter genitores…»[568] (Greg. Tur. Hist. VII, 14).	*«…Qui eius caesariem incidens, ei pater effectus est multisque eum ditatum regiis muneribus genitori remisit…»*[569] (Pauli Hist. Lang. VI, 53).

Таким образом, в данных предложениях кровное родство, передаваемое *genitor*, противопоставляется социальной роли, обозначаемой *pater*. Это же можно отметить и в рассказе Григория Турского о св. Аредии. В частности, автор «Истории франков» так описывает кончину его близких: *«…Exinde vir Dei, Spiritu, ut diximus, sancto repletus, ad patriam, genitore ac germane defunctis, regreditur, consolaturus Pelagiam genitricem…»*[570] (Greg. Tur. Hist. X, 29). Автор специально подчеркивает, что святой был *«vir Dei, Spiritu… sancto repletus»*, выставляя его связь с Богом на первое место и сводя его земные родственные узы к чисто биологическим. Все термины, обозначающие степени родства в данном предложении — *genitor*, *genetrix* и *germanus* — выражали, прежде всего, родство биологическое. Так же поступает и Павел Диакон в рассказе о короле Гримуальде и его сыне Ромуальде (Pauli Hist. Lang. V, 8). Концентрация «духовности» в *pater* подтверждается и его значениями, преобладавшими в средневековой латыни — все они указывали именно духовное родство[571]. Это так же хорошо заметно в сообщениях о местах захоронения двух лангобардских королей:

«…ab hac luce subtractus est, corpus que illius [Перктарита] iuxta basilicam domini Salvatoris, quam Aripert, eius genitor, construxerat, sepultum est…»[572] (Pauli Hist. Lang. IV, 37);	*«…corpusque eius [Лиутпранда] in basilica beati Adriani martyris, ubi et eius genitor requiescit, sepultum est…»*[573] (Pauli Hist. Lang. VI, 58).

В данных случаях термином *genitor* Павел Диакон стремится подчеркнуть, что, как души отца и сына вместе пребывают в Царствие Божием, так и их физические тела находятся рядом на земле после их смерти.

Коннотацию биологического родства у *genitor* можно отметить и в сообщениях о наследовании (см., например, Greg. Tur. Hist. XI, 20; Pauli Hist. Lang. IV, 37; V, 39). Во всех подобных случаях особо оговаривается, что передаются именно материальные вещи: рабы, земли, доход, дома. В большинстве же сообщений о наследовании с использованием *pater* речь, прежде всего, идет о наследовании власти (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 14; Bede

[568] *«…Это неслыханно, чтобы один человек мог иметь одновременно двух отцов, кроме случаев духовного родства…».*
[569] *«…он, обрезав его волосы, стал ему отцом и, одарив его многочисленными королевскими дарами, отправил к родителю…».*
[570] *«…После этого Божий человек, как говорят, преисполнившись святого духа, после смерти его родителя и родного брата, отправился на родину, чтобы утешить родительницу свою Пелагию…».*
[571] См. Приложение 1.
[572] *«…когда он покинул этот свет, его тело погребли рядом с базиликой господа Спасителя, которую построил его родитель Аригерт…».*
[573] *«…тело его было погребено в базилике блаженного мученика Адриана, где покоился и его родитель…».*

Hist. Eccles. I, 8; Pauli Hist. Lang. IV, 47). Исключением являются лишь сюжеты, где описывается переход имущества от отцов к дочерям в «Истории франков». Однако женщины и не могли наследовать королевскую власть. Кроме того, в восприятии наших авторов «духовная связь» между ними и их отцами отсутствовала. Последнее хорошо видно из договора между королями Гунтрамном и Хильдебертом. В нем *pater* применяется только в связи с упоминанием сыновей, в части же, касающейся дочери Гунтрамна Хлодехильды, король назван *genitor* (см. Greg. Tur. Hist. IX, 20).

Желание акцентировать кровное родство между отцом через употребление термина *genitor* видно во фрагментах «Истории франков», посвященных вестготскому королю Леовигильду и его сыновьям. Оба они были католиками, а их отец — арианином. В первом сообщении Леовигильд назван *genitor* в отношении старшего сына Герменегильда, с которым он вел открытую войну (Greg. Tur. Hist. VI, 43). Использование Григорием Турским термина *genitor* в данном случае вряд ли можно объяснить желанием избежать тавтологии: он спокойно пишет три раза подряд *pater* и, лишь в четвертый раз, заменяет его синонимом. Однако, в первых трех случаях автор, по всей видимости, хотел подчеркнуть авторитетность фигуры отца с помощью термина, имеющего данную коннотацию. Последний же раз Григорий называет Леовигильда еретиком — «*genitorem, quamlibet hereticum*» — у которого с сыном–католиком не может быть духовной связи[574].

С помощью этого же термина, автор «Истории франков» отказывает в «духовном родстве» графу Муммолу и его отцу Пеонию (Greg. Tur. Hist. IV, 42). *Genitor* в этом сюжете вновь употребляется не с целью избежать повторов. В данном случае Григорий Турский, вероятно, хотел подчеркнуть, что Муммол, хотя и являлся биологическим сыном Пеония, совершил поступок, недопустимый для *сына* с точки зрения общества. Кроме того, отношение автора к самому Муммолу было неоднозначным. С одной стороны, граф был лучшим полководцем своего времени, помогал покровителю Григория королю Сигиберту в войне против Хильперика и выдворил из Тура сына последнего[575]. С другой, он поддерживал мятеж Гундовальда, которого позже предал, оскорбил епископа Магнульфа, вмешивался в дела церкви и был алчным человеком. Возможно, что использую термина *genitor*, автор «Истории

[574] То же мы можем наблюдать в случае со вторым его сыном Реккаредом. Леовигильд назывался *pater* по отношению к нему (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 38; IX, 1), но во фрагменте, рассказывающем об обращении Реккареда в католичество, он снова — *genitor*: Greg. Tur. Hist. IX, 15). В этом случае, употребление *genitor* не может быть объяснено литературными соображениями: в данной главе термин *pater* до этого предложения не встречается. С другой стороны, мы снова можем наблюдать соседство терминов *genitor* и *hereticus*. По понятным причинам, у короля, обратившего Испанию в католичество, с отцом–еретиком общим может быть только факт биологического происхождения. Кроме того, в этой же главе сам Бог–Отец называется *pater* и, используя этот термин вместо него, Григорий Турский проводит границу между ними, не позволяя ассоциировать одного с другим. Интересен также и тот факт, что в данном фрагменте в *genitor* присутствует коннотация прошлого. Это позволяет предположить, что не только термин *pater*, но и степень родства, как таковая, имела эту коннотацию. Таким образом, с помощью использования *genitor* Григорий Турский не только «разъединяет» отца и сына, но и показывает, что арианство, символом которого являлся Леовигильд, осталась для Испании в прошлом.

[575] Подробнее о герцоге Муммоле см., например, в Lewis A.R. The Dukes in the Regnum Francorum, A.D. 550–751 // Speculum. 1976. Vol. 51, No 3. P. 390–392.

франков» хотел подчеркнуть, что Муммол поступил совсем не так, как полагалось вести себя сыну.

Интересно также отметить, что данный термин дважды употреблен в сообщениях о неподобающем поведении сыновей, их выступлении против отцов (Greg. Tur. Hist. IV, 42, VI, 43). Таким образом, термин *genitor* как и термин *pater* сохраняет коннотацию «авторитета». Отец в обоих случаях представляет собой фигуру неприкасаемую, несмотря ни на что.

Беда Достопочтенный только в одном случае использует термин *genitor*. Он встречается во фрагменте XVIII главы III книги «Церковной истории», в котором содержится сообщение о том, что Анна унаследовал королевство восточных англов после смерти короля Эгрика: *«…Successor autem regni eorum factus est Anna filius Eni de regio genere, uir optimus, atque optimae genitor sobolis, de quibus in sequentibus suo tempore dicendum est…»*[576] (Bede Hist. Eccles. III, 18)[577]. Данное сообщение отличается от рассмотренных нами выше случаев использования этого термина в «Истории франков» и «Истории лангобардов».

На наш взгляд, Беда, с помощью использования термина *genitor* вместо термина *pater*, стремится выделить короля Анну среди других отцов, упомянутых в «Церковной истории». Потомство, о котором говорил Беда, представляет собой пятерых (по некоторым данным четырех) дочерей (четыре (три) из них были его родными дочерями и одна — Сефрита — приемной) и сына. Все они были канонизированы. Кроме того, его внучки Эрменхильда и Эрконгонта, дочери Сексбурги, а также дочь Эрменхильды, правнучка Анны, Витбурга, тоже были объявлены святыми. Правнук Анны, король Мерсии Кенред, отрекся от престола и совместно с Оффой, королём Эссекса, отправился в Рим, где принял постриг от папы Константина (Bede Hist. Eccles. V, 19). Таким образом, этот король Восточной Англии имел «святое семейство» в прямом смысле слова, хотя не все исследователи признают реальность существование Эрменхильды, Витбурги и младшей дочери Анны Виктбурги[578].

Причин подобного особого отношения Беды может быть несколько. Прежде всего, одной из главных целей, которые он преследовал при написании «Церковной истории», по его собственным словам, являлось снабжении потомков достойными образцами поведения (см.

---

[576] *«…Наследником же их царства стал Анна, сын Эни из королевского рода, муж благороднейший и родоначальник славнейшего потомства, о котором мы расскажем в свое время...»*.

[577] В переводе на английский Селлара: *«…They were succeeded in the kingdom by Anna, the son of Eni, of the blood royal, a good man, and the father of good children, of whom, in proper place we shall speak hereafter…»* (The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Translated and edited by A.M. Sellar. III, 18). В русском переводе Эрлихмана фрагмент *«… atque optimae genitor sobolis…»* был опущен: *«…Их наследником на троне стал Анна, сын Эни из королевского рода, знатный муж благородного происхождения, о котором мы будем говорить в надлежащем месте;..»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 91).

[578] См. В.В. Эрлихман // Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 83. См. также: Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England. L., 1997. P. 70–71; Ridyard S.J. The Royal Saints of Anglo–Saxon England: A Study of West Saxon and East Anglian Cults. Cambridge, 2008. P. 177–179; Blanton V. Signs of Devotion: The Cult of St. AEthelthryth in Medieval England, 695–1615. Pensylvania, 2007; ibid. King Anna's Daughters: Genealogical Narrative and Cult Formation in the Liber Eliensis // Historical Reflections. 2004. Vol. 30, No. 1. P. 127–149; Love R.C. Goscelin of Saint–Bertin: The Hagiography of the Female Saints of Ely. Oxford, 2004. P. XIII–XIX; Godfrey J. The Church in Anglo–Saxon England. Cambridge, 1962. P. 99.

Bede Hist. Eccles. Praef)[579]. Король Анна и его семейство представляли собой идеальный пример благочестивой жизни. Кроме того, по мнению ряда исследователей, христианизация территории Срединной Англии началась под влиянием короля Анны[580], он же способствовал обращению короля Уэссекса Кенвалка (Bede Hist. Eccles. III, 7), основывал монастыри и всячески поддерживал церковь (Bede Hist. Eccles. III, 19). Все это могло сподвигнуть автора «Церковной истории» отметить этого короля особым образом. Наконец, судьба Анны, очень похожа на судьбу короля Нортумбрии Освальда, одного из самых любимых персонажей Беды: короли, его предшественники, были убиты в сражении с королем Мерсии Пендой, как и дядя, и брат Освальда; сам Анна был убит Пендой, как и нортумбрийский король (Bede Hist. Eccles. III, 18).

Кроме слова *genitor* в двух случаях в «Церковной истории» синонимом *pater* выступает термин *parens*[581]. Рассказывая об отступничестве короле Кента Эдбальда Беда пишет, что его примеру последовали те, *«…qui sub imperio sui parentis, uel fauore uel timore regio, fidei et castimoniae iura susceperant…»*[582] (Bede Hist. Eccles. II, 5). Говоря о кентской принцессе Эрконгонте, дочери знаменитого короля Эрконберта, автор «Церковной истории» характеризует ее как *«…condigna parenti suboles…»* (Bede Hist. Eccles. III, 8). Очевидно, что использование этого синонима несет определенную смысловую нагрузку. Интересно отметить, что оба *родителя*, названные *parens* вместо *pater*, правили Кентом, многое сделали для распространения христианства в Британии и были дедом и внуком. В обоих случаях данный термин содержится сразу после сообщения о смерти: в первом случае о смерти Этельберта, во втором — Эдбальда. Анализируя сообщение осмерти Этельберта можно заметить, что в двух предложениях, идущих одно за другим, он назван сначала *pater*, а потом *parens*:

«…Siquidem non solum fidem Christi recipere noluerat, sed et fornicatione pollutus est tali, qualem nec inter gentes auditam apostolus testatur, ita ut uxorem patris haberet…»[583] (Bede Hist. Eccles. II, 5).	*«…Quo utroque scelere occasionem dedit ad priorem vomitum revertendi his, qui sub imperio sui parentis, vel favore vel timore regio, fidei et castimoniae iura susceperant…»*[584] (Bede Hist. Eccles. II, 5).

[579] См. об этом также Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Notre Dame, 2005. P. 238–239.
[580] См. Kirby D.P. The Earliest English Kings. L., 2000. P. 74; Yorke B. Op. cit. P. 62–63.
[581] Интересно отметить, что *parens* не заменяет *mater* ни в одной из рассматриваемых нами «Историй».
[582] *«…кто в правление его отца, ради милостей или из страха перед королем, приняли законы веры и благочестия…»*.
[583] *«…Ибо он не только отказался принять веру Христову, но и был осквернен таким развратом, который, по свидетельству апостола, не слыхан даже у язычников, а именно женился на жене отца…»*.
[584] *«…Двумя этими преступлениями он дал повод вернуться к своей блевотине тем, кто в правление его отца, ради милостей или из страха перед королем, приняли законы веры и благочестия…»*.

Соседство двух терминов может рассматриваться как попытка избежать тавтологии. Возможно, однако, что в первом случае подчеркивается, что *отец* — мертв, как употреблением термина *pater*, который имел коннотацию смерти, так и информацией о свадьбе его сына и его жены, которая имела место после его кончины. Во втором же предложении, напротив, говорится о «живом» Этельберте, т.к. обсуждается произошедшее во время его правления. Этимология этих двух терминов также поддерживает это впечатление. Таким образом, термин *parens* мог содержать в себе значение жизни и кровного родства. Еще одним подтверждением этого, может служить цитата из гимна в честь Этильфриды, где Бог как активный создатель мира называется его родителем (см. Bede Hist. Eccles. IV, 20).

Второй случай употребления *parens* в качестве синонима термина *pater*, можно отнести к желанию Беды подчеркнуть биологическое родство между отцом и дочерью. Пара терминов *suboles–parentes* имеет, в общем, обезличенный характер и подчеркивает кровное родство между ними, тогда как в термине *pater* основным являлось духовная связь. Кроме того, называя двух мужчин–родственников *parens*, Беда, видимо, желает подчеркнуть биологическую природу их родства, создавая еще одну своеобразную генеалогию: от первого христианского короля англосаксов — деда — к одному из самых благочестивых — внуку — и его святому семейству, минуя отступника сына/отца.

Наконец, Беда Достопочтенный в двух случаях использует словосочетание *pater familias*. То, что термин имеет особые коннотации для автора «Церковной истории» не вызывает сомнений, т.к. он не используется «механически», с целью избежать повторения. Однако незначительное количество сюжетов с ним не позволяет делать какие–либо выводы. Очевидно, что в обоих сообщениях термин обозначает не просто отца, а главу семейства[585]. Возможно, что коннотации, свойственные *pater*, отчасти присутствуют и в этом слове. Прежде всего, это коннотация авторитета, соответствующая положению *pater familias*. Второй его особенностью является его появление в сюжетах, так или иначе связанных со смертью. Первое упоминание термина происходит в истории об исцелении парализованной племянницы отца семейства[586] (*pater familias*). При этом девушка изображается как почти мертвая. Кроме того, после ее выздоровления, речь идет уже о родных, находящихся рядом с ней, а термин *pater* больше не упоминается. Второе сообщение с этим словосочетанием встречается в 12-ой главе V книги «Церковной истории»: *«…aliquandiu mortuus ad uitam resurrexit corporis... Erat ergo*

[585] Ср. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536.
[586] Bede Hist. Eccles. III, 9: *«…inuenit puellam ibi neptem patris familias longo paralysis morbo grauatam…»*. В русском переводе Эрлихмана этот фрагмент переведен как *«…Там он застал девушку, дочь хозяина, которая давно уже страдала от паралича…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. III, 9). Однако термин *neptis* ни в классической, ни в средневековой латыни не имел значения *дочь* (см. Neptis // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 668; Neptis // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 717). Поэтому, на наш взгляд, здесь более точен английский перевод Селлара: *«…On his arrival he found a girl, niece to the landlord, who had long been sick of the palsy…»* (Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 155).

pater familias in regione Nordanhymbrorum, quae uocatur Incuneningum, religiosam cum domu sua gerens uitam…»[587] (Bede Hist. Eccles. V, 12).

По итогам проведенного нами анализа синонимов термина *pater*, обозначавших степень родства *отец*, необходимо отметить, что авторы в основном используют их не для того, чтобы избежать повторений. Они встраивают их в повествование, с целью наиболее полной реализации собственного замысла за счет дополнительных коннотаций этих терминов. В частности, сравнение функционирования в текстах слов *pater* и *genitor*, позволяет предположить, что первое обозначало, прежде всего, отца как социальную роль, как человека, имеющего определенные связи (эмоциональные, социальные, потестарные) с другим мужчиной, состоящего с ним в определенных отношениях. *Genitor* же указывал на происхождение и кровное родство[588]. Однако коннотация авторитета характерна для обоих терминов, что позволяет предположить не только ее связь с институтом отцовства в целом, но и то, что авторитет отца проистекал из факта кровного родства, а не из «социальных» качеств мужчины (возраст, опытность, положение в обществе, наличие власти, имущества и т.д.). Использование других синонимов *pater* нуждается в анализе с привлечением дополнительных источников в виду их редкости в рассматриваемых «Историях».

Mater

Термин mater[589] не так часто упоминается в рассматриваемых нами произведениях, как термин *pater*. В «Истории франков» Григория Турского он встречается 80 раз (в три раза реже по сравнению с термином *pater*), у Беды Достопочтенного в «Церковной истории» — 28 раз (т.е. в четыре раза реже), в «Истории лангобардов» Павла Диакона — всего 10 раз (в шесть раза меньше, чем *pater*). Значение степени родства — мать, т.е. «женщина по отношению к своим детям»[590] является основным для этого термина. В «Истории франков» на него приходится 74 упоминаний, что составляет 93% от всех случаев его употребления; в «Церковной истории» — 16 (57%); в «Истории лангобардов» Павла Диакона в этом значении он употребляется в 9 из 10 случаев[591]. Однако, родство, которое *mater* подразумевает под собой, может быть, как кровным, так и духовным. В случае с духовным родством преобладает

[587] *«…мертвый в течение некоторого времени воскрес к жизни телесной… Был же он отцом семейства в области Нортумбрии, которая называется Инкуненинг, живший со своим семейством благочестивой жизнью…» «…aliquandiu mortuus ad uitam resurrexit corporis... Erat ergo pater familias in regione Nordanhymbrorum, quae uocatur Incuneningum, religiosam cum domu sua gerens uitam…»*.
[588] Ср. с выводами И. Реаль (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 101).
[589] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также: Mater // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 621.
[590] Мать // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 344.
[591] См. Greg. Tur. Hist. I, 9, 12, 25, 32, 36; II, 8, 9, 29; III, 5(2), 6, 12, 18(2), 31(7); IV, 38, 39(3); V, 2, 5, 20 22(2), 34, 39(3); VI, 11, 24, 36; 45(2); VII, 1, 33; VIII, 2, 4, 9, 22, 28; IX, 1(3), 10, 16, 33(7), 34(3), 36, 38(3); X, 8(2), 11, 12(3), 19(2), 29; Bede Hist. Eccles. I, 21, 27(2); II, 1; 19; 20; III, 24(2); IV, 23(3), 26; V, 16, 19; Pauli Hist. Lang. I, 3, 7, 15; V, 22; VI, 42.

его использование в значении аббатиса — «духовная мать монахинь монастыря» (см. Greg. Tur. Hist. IX, 39; X, 15; Bede Hist. Eccles. IV, 6, 7, 9(4), 19, 20, 23(3), 25). Также в «Истории франков» этот термин встречается в словосочетании *mater aeclesia* (см. Greg. Tur. Hist. I, 4; V, 11). Наконец, иногда в качестве метафоры он используется в значении «источник, начало чего-либо»[592] (см. Bede Hist. Eccles. III, 5; Pauli Hist. Lang. I, 16) (см. Приложение 11-14).

Мы не обнаруживаем никаких пояснений значения слова *mater* в рассматриваемых источниках. Однако, в «Церковной истории», в приводимых ответах папы Григория Великого Августину и в письме папы Гонория епископам скоттов, приводится цитата из L псалма: *«…in delictis peperit me mater mea…»*[593] (Bede Hist. Eccles. I, 27; II, 19). Также в жизнеописании Григория I Беда Достопочтенный использует следующую цитату: *«…Quia ab infantia mea creuit mecum miseratio, et de utero matris meae egressa est mecum…»*[594] (Bede Hist. Eccles. II, 1). В отличие от термина *pater*, для которого он опускает все моменты, связанные с зачатием и рождением ребенка, в случае с *mater* автор «Церковной истории» не замалчивает их[595]. Следовательно, мы можем предположить, что под данным термином подразумевалась, прежде всего, женщина, выносившая и родившая ребенка[596]. При этом статус женщины–матери среди равных ей по социальному положению был выше, чем у женщин, не имеющих детей. Об этом ясно говорит рассказ Павла Диакона о жене герцога Пеммо Ратперге (Pauli Hist. Lang. VI, 26)[597]. Не исключено также, что именно материнский статус играл не последнюю роль в признании особой мудрости Гамбары, чьими сыновьями были лангобардские герцоги Ибор и Агион (см. Pauli Hist. Lang. I, 3).

Семантика «порождения» в случае с *mater* проявляется и при анализе метафорического использования этого термина в «Церковной истории» и «Истории лангобардов». В обоих произведениях они имеют следующую структуру: *«X является матерью Y»* (*«X mater est Y»*): *«…discretionis, quae uirtutum mater est…»* (*«…рассудительность, которая является матерью всех добродетелей…»*, Bede Hist. Eccles. III, 5), *«…securitas, quae semper detrimentorum mater*

[592] См. также Мать // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 344.
[593] *«…во грехе родила меня мать моя…».*
[594] *«…Ибо с детства росло во мне сострадание, и от утробы матери моей пронес я его…».*
[595] Подтверждение этого мы находим у Исидора Севильского, который считал, что термин «…mater (мать) происходит от того, что матерью порождается нечто. В самом деле, mater (мать) – как бы materia (материал), тогда как отец (pater) – причина (causa)…» (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536). Как отмечала И. Реаль в житиях святых в период раннего Средневековья часто именно во время беременности женщине становится известно, что она вынашивает будущего святого (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 413–414).
[596] О важности материнства для социального статуса женщины в Раннее Средневековье см. в Garver V.L. Childbearing and Infancy in the Carolingian World // Journal of the History of Sexuality. 2012. Vol. 21, No. 2. P. 208–244.
[597] Ср. со статьями об убийстве женщин в Салической правде: вергельд девушки составлял 300 солидов, женщины, у которой есть дети, — 600 солидов, женщины, которая уже не может иметь детей — 200 солидов (Салическая правда / Пер. с лат. Н.П. Грацианского. М., 1950. С. 28). Ср. также с отношением к беременным женщина в средневековой Англии, Франции и Флоренции: Haas L. Women and Childbearing in Medieval Florence // Medieval Family Roles. A Book of Essays. N. Y., 1996. P. 88; Stoertz–Harris E. Pregnancy and Childbirth in Twelfth and Thirteenth Century French and English Law // Journal of the History of Sexuality. 2012. Vol. 21 No. 2. P. 263–281. Подробнее об институте вергельда в древнегерманском праве см. в MacCormack G. Inheritance and Wergild in Early Germanic Law: I // Irish Jurist (new series). 1973. Vol. 8, No. 1. P. 143–163; idem. Inheritance and Wergild in Early Germanic Law: II // Irish Jurist (new series). 1974. Vol. 9, No. 1. P. 166–183.

est…» (*«…небрежность, которая всегдая является матерью поражения…»*, Pauli Hist. Lang. I, 16). Таким образом, *mater* выступает как начало, источник чего–либо, в прямом смысле послуживший причиной появления этого. Для термина *pater* факт рождения служит лишь своеобразным началом формирования социальной связи отца с сыном, а для *mater* биологическое родство с ребенком представляет собой основу их взаимоотношений.

Возможно, в т.ч. поэтому, мы не встречаем сообщений об усыновлении женщинами детей, хотя мужчины, особенно франкские короли, практиковали его[598]. Только в XX главе II книги «Церковной истории», повествующей о бегстве жены короля Эдвина Эдильберги и епископа Паулина из Нортумбрии, Беда сообщает: *«… Uuscfrean filium Aeduini, nec non et Yffi filium Osfridi filii eius, quos postea mater metu Eadbaldi et Osualdi regum misit in Galliam…»*[599]. Здесь Эдильберга названа матерью обоих детей, хотя биологически она была связана только с Эксфри. Кроме того, Григорий Турский заканчивает рассказ о конфликте между Реккаредом и его мачехой Гоисвинтой тем, что: *«…Igitur post mortem Leuvigilde Hispanorum regis Richaredus, filius eius, foedus iniit cum Goesintha, relicta patris sui, eamque ut matrem suscepit…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 1). Сказанное выше позволяет предположить, что в присвоении женщине статуса *mater* определенную роль могло играть и признание ее таковой со стороны общества, и ее собственных детей/ребенка, основанное на ее соответствии образу матери. Подтверждением этого может служить высказывание Беды Достопочтенного об аббатисе Уитбе св. Хильде: *«…Hild, quam omnes, qui nouerant, ob insigne pietatis et gratiae matrem uocare…»*[600] (Bede Hist. Eccles. IV, 23).

В целом для восприятия этой степени родства был характерен определенный дуализм. С одной стороны, процесс зачатия ребенка ассоциировался с грехом, даже если происходил в браке (см. Bede Hist. Eccles. I, 27)[601]. Отражение этого мы находим в ответах папы Григория I Августину Кентерберийскому, где, говоря о Еве, он называет ее *«праматерью»* (*«prima mater»*). С другой стороны, страдание женщины при родах искупает ее грех (Bede Hist. Eccles. I, 27). Кроме того, как отмечает Л. Байтл, матери были первыми, кто знакомил детей с христианством[602]. Так, именно матери св. Хильды, аббатисы Уитби, было послано видение,

---

[598] Этим германские общества отличались, например, от кельтских. См. об этом: Bitel L.M. Land of Women: Tales of Sex and Gender from Early Ireland. P. 93–111. Подробнее о практике усыновления у франкских королей см в Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter: Kilnstliche Verwandtschaft als soziale Praxis. Gottingen, 1991. P. 47–78.

[599] *«…его сын Эскфри и Иффи, сын Осфрида, покойного сына короля Эдина, которых после этого мать из страха перед королями Освальдом и Эдбальдом, отправила в Галлию…».*

[600] *«…Хильда, которую все, кто ее знал, звали матерью за беспримерную доброту и благочестие…»*.

[601] См. об этом Niebrzydowski S. Asperges me, Domine, hyssopo: male voices, female interpretation and the medieval English purification of women after childbirth ceremony // Early Music. 2011. Vol. 39, No. 3. P. 327–333.

[602] Baitel L.M. Women in Early Medieval Europ 400–1100. P. 125. См. также Schulenburg J.T. Women's Monastic Communities, 500–1100: Patterns of Expansion and Decline // Signs. 1989. Vol. 14, No. 2. P. 271–272; McNamara J.A. Living Sermons: Consecrated Women and the Conversion of Gaul // Medieval Religious Women. 1988. Vol. 2. P. 19–38. Кроме того, значительное влияние матерей на религиозные предпочтениях своих детей подтверждается примером короля Нортумбрии Альдфрида, который между «кельтским» христианством отца и римским христианством матери следует за последней (см. об этом: Hayes J.N. Anglian Leadership in Nirthumbria, 547 A.D. through 1075 A.D.: PhD Diss.; Louisiana State University. Louisiana, 2005. P. 59).

предсказавшее религиозную карьеру ее дочери (см. Bede Hist. Eccles. IV, 23). Примечательно, что ее мать Брегусвида названа *mater*, тогда как отец Хильды называется *vir eius* (Брегусвиды). Таким образом, Беда подчеркивает родство между святой и ее матерью, но не отцом. Последний отстранен от конкретных обязанностей по воспитанию детей[603].

Возможно, что дуализм в восприятии *mater*, привел к «появлению» «плохих» матерей. Ни в одной из рассматриваемых нами «Историй» рядом с термином *pater*, за исключением еретика Леовигильда (Pauli Hist. Lang. III, 21), мы не встречаем отрицательного эпитета. В «Истории франков» и «Истории лангобардов» присутствуют три подобных случая в отношении матерей (Greg. Tur. Hist. I, 32; IX, 33; Pauli Hist. Lang. I, 15).

Термин *mater* представлял собой своего рода оппозицию термина *pater*: если для последнего была характерна коннотация смерти, то для *mater* основной была коннотация жизни. Так, большинство матерей во всех трех рассматриваемых нами источниках живы: в «Истории франков» термин *mater* применяется к 8 умершим женщинам из 27 упомянутых с ним; в «Церковной истории» живы 6 из 8 упомянутых матерей; в «Истории лангобардов» упоминается только одна мертвая *mater*.

Случаи употребления термина по отношению к мертвым женщинам можно разделить на три группы: 1) описание родства и происхождения; 2) наследование; 3) эмоциональная привязанность. Большинство случаев относится к описанию родственных связей и происхождения. При этом есть как прямое указание на родство по матери (Greg. Tur. Hist. I, 9; V, 5; VIII, 2), так и описание происхождения (см. Greg. Tur. Hist. II, 8; X, 8). К этому же типу сообщений можно отнести и рассказ Беды Достопочтенного о месте захоронения принцессы–монахини Эльфледы (см. Bede Hist. Eccles. III, 24). Он содержит единственную в «Церковной истории» генеалогию, в которой упоминается женщина, а не только мужчины–родственники.

С темой наследования соотносятся два сообщения: в первом говорится о переходе к дочери имущества матери (Greg. Tur. Hist. X, 12), второе касается передачи моральных качеств (Pauli Hist. Lang. IV, 37). Примечательно, что в обоих случаях женщины сталкиваются с определенными трудностями при наследовании: в первом мать сама не хочет, чтобы дочь унаследовала ее имущество из-за давнего конфликта между ними; во втором дочери сознательно не перенимают качеств матери, выбирая иную линию поведения.

Проявлением коннотации жизни в «Истории франков» служат сообщения, связанные с заботой матерей о здоровье детей (см. Greg. Tur. Hist. II, 29; IV, 39; V, 34; X, 11, 15): воплощая собой жизнь и плотский мир, они обеспечивают выживание своих отпрысков. Отказ от

[603] Вердон считает, что подобная фиксация семейных отношений на паре «мать–ребенок» формировалась под влиянием христианской церкви с целью предотвратить повторное замужество женщин (см. Verdon M. Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity. P. 499). Ср. с точкой зрения Р. Бальдзаретти по поводу участия матерей в жизни лангобардов: Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 45–58.

выполнения долга ведет к осуждению со стороны общества и даже наказывается (Greg. Tur. Hist. V, 22). В трех из четырех подобных сообщений *mater* осуществляет свою заботу с помощью молитвы и личного покаяния (Greg. Tur. Hist. II, 29; IV, 39; X, 11). Плотская связь *mater* и ее детей проявляется в содержащихся в «Истории франков» сообщениях о том, как матери разделяют судьбу своих сыновей и отвечают за их преступления (Greg. Tur. Hist. II, 9; III, 12; V, 39). В целом термин *mater* содержит в себе коннотацию равноправия при воплощающем авторитет *pater*: матери дают детям жизнь, рождение детей поднимает авторитет женщины в обществе; *mater* может участвовать в управлении вместе со своими сыновьями; смерть или наказание одних часто отражается на других.

В сообщениях, где термин *mater* применяется по отношению к живым женщинам, проявляется и другая его коннотация — коннотация настоящего. Прежде всего, она находит свое отражение в большом количестве сообщений о регентстве/совместном правлении матерей с их сыновьями или активном в нем участии. Так, в «Истории лангобардов» на них приходится 5 из 8 сообщений, где присутствует данный термин (см. Pauli Hist. Lang. I, 3, 7; III, 10; VI, 41, 49)[604]. В «Церковной истории» мы встречаем упоминания как о совместном правлении государством, так и монастырем (Bede Hist. Eccles. I, 21; см. также Greg. Tur. Hist. IV, 26). В «Истории франков» *mater* так же упоминается как активный участник политической жизни в период правления ее детей (см. Greg. Tur. Hist. I, 12, 32; III, 18; VII, 33; VIII, 4, 28; IX, 16, 38).

Проявление этой же коннотации мы встречаем в сообщениях, где женщины называются *mater* по отношению к своим царствующим детям:

«История франков»	«Церковная история народа англов»
«…Gunsuintham, reginae Brunichildis matrem, accepit…»[605] (Greg. Tur. Hist. III, 38; см. также Greg. Tur. Hist. IX, 1).	*«…in eodem monasterio soror ipsius Heresuid, mater Alduulfi regis Orientalium Anglorum…»*[606] (Bede Hist. Eccles. IV, 23).

Сюда же могут быть отнесены и рассказы о совместном времяпрепровождении *mater* и ее детей в «Истории франков» (см. Greg. Tur. Hist. V, 2; X, 10, 36).

Как и в случае с термином *pater*, в большинстве случаев *mater* взаимодействует с сыновьями. В «Истории франков» встречается всего 6 пар *mater* +дочь, на них приходится 23 упоминания термина, что составляет 30% от общего числа его упоминаний в качестве степени родства. В «Церковной истории» встречаются 2 подобные пары с 3 упоминаниями термина, то есть 10% от общего числа. В «Истории лангобардов» мы находим лишь одну подобную

[604] Ср. с Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 50.
[605] *«…Женился на Гоисвинте, матери королевы Брунгильды…»*.
[606] *«…в этом же монастыре жила ее собственная сестра Хересвида, мать короля Восточных саксов Элдвульфа …»*.

пару из 8 случаев использования термина. Ситуативный спектр взаимоотношений матерей и дочерей в целом совпадает с набором ситуаций, в которых взаимодействуют матери и сыновья. Исключением является наследование, в сообщениях о котором упоминаются только *mater* и дочери, рассмотренные нами выше. Кроме того, в двух случаях взаимодействия указанной выше пары, *mater* применяется к женщине и при жизни, и после смерти. В «Истории франков» это аббатиса Ингунда и ее дочь Бертегунда. При жизни первой между ней и ее дочерью возникла ссора из-за того, что мать склонила ее оставить мужа и жить с ней в основанном ею монастыре, но позже не смогла оказать ей поддержку. Во втором случае речь идет о наследовании Бертегундой имущества матери, вопреки воле последней. В «Церковной истории» в подобной ситуации находятся королева Энфледа и ее дочь аббатиса Эльфледа. При этом, порядок упоминаний меняется: сначала сообщается о месте их общего захоронения, а затем о том, что они сообща управляли монастырем.

Подводя итог, необходимо отметить, что термин *mater* является основным для передачи степени родства *мать* во всех трех рассматриваемых источниках. *Матери* значительно реже упоминаются в источниках, чем *отцы*, при этом коннотации *mater* противоположны тем, которые были отмечены нами для *pater* (жизнь–смерть, настоящее–прошлое, равноправие–авторитет). В восприятии матерей мы можем отметить у наших авторов определенный дуализм: с одной стороны, мать неизбежно грешна, т.к. зачатие невозможно без греха, с другой стороны, именно они часто способствовали обращению своих домочадцев в христианство и первыми знакомили с ним детей[607]. Возможно, что следствием этой двойственности стало появление «плохих» матерей, осуждаемых нашими авторами за те или иные действия. Таким образом, в их глазах для женщины было важно не только биологическое родство с ребенком, но и надлежащее поведение.

Синонимы

В качестве синонима *mater* в рассматриваемых нами источниках встречается термин *genetrix*[608]. Необходимо отметить, что он используется довольно часто, как по сравнению с основным термином, так и по сравнению с аналогичным ему термином *genitor*. Григорий

[607] См. об этом подробнее в Brown P.R.L. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. 1961. Vol. 51. P. 1–11; Yarbrough A. Christianization in the Fourth Century: The Example of Roman Women // Church History. 1976. Vol. 45, No. 2. P. 149–165; MacDonald M.Y. Was Celsus Right? The Role of Women in the Expansion of Early Christianity // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue. Grand Rapids, Michigan, 2003. P. 157–184; Bradley K.R. Sacrificing the Family: Christian Martyrs and their Kin // Ancient Narrative, 2003. Vol. 3. P. 150–181; Cooper K. The Household as a Venue for Religious Conversion: The Case of Christianity // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. Malden and Oxford, 2011. P. 185–197.

[608] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Genetrix // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 621. Как и *genitor*, термин *genetrix* образован от глагола *gigno* — «рождать, порождать, производить на свет» (Gigno // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 456). О споре относительно этимологии терминов *genitor/genetrix* см. в Kullanda S. Indo–European "Kinship Terms" Revisited // Current Anthropology, 2002. Vol. 43, No. 1. P. 91, n. 13.

Турский в «Истории франков» использует его 15 раз, т.е. в среднем один синоним приходится на каждые пять употреблений *mater*. В «Церковной истории» *genetrix* встречается несколько реже — всего 6 раз, однако, пропорция между данным термином и *mater* такая же, как в «Истории франков» — 1:5. Павел Диакон использует данный синоним в «Истории лангобардов» только 3 раза, при этом на каждые три упоминания *mater* в его истории приходится один случай использования *genetrix* (см. Приложение 15).

Из всех вышеперечисленных значений в рассматриваемых нами источниках термин *genetrix* используется только в значении степени родства. В нескольких случаях в «Истории франков» *genetrix* играет роль простого синонима *mater*. Например, в рассказе об аббатисе Ингунде и ее дочери (см. Greg. Tur. Hist. IX, 34), или в начале рассказа о ссоре Фредегонды и ее дочери Ригунты: *«…Rigundis autem filia Chilperici, cum saepius matri calumnias inferret diceritque, se esse dominam, genetricem que suam servitio redeberit…»*[609] (Greg. Tur. Hist. IX, 34). Последнее сообщение, однако, перекликается со словами епископа Сагитария о детях короля Гунтрамна: «*…filii eius regnum capere non possint, eo quod mater eorum ex familia Magnacharii quondam adscita regis torum adisset…»*[610] (Greg. Tur. Hist. V, 20). Сам же Григорий Турский уточняет, что дети франкских королей наследуют трон, несмотря на обстоятельства их рождения и происхождение их матерей. Таким образом, использование *genetrix* в сообщении о конфликте королевы и ее дочери можно также расценить, как желание автора показать, что происхождение матери не влияет на положение дочери в обществе. Кроме того, в рассказе о св. Аредии и его матери уже термин *mater* играет роль синонима для *genitrix*: Пелагия, мать Аредия, дважды называется в рассказе *genetrix* и только один раз *mater*, что позволяет считать первый термин основным в этом рассказе(Greg. Tur. Hist. X, 29).

В большинстве же случаев в «Истории франков» *genetrix* обозначает матерей епископов, аббатов и святых (см. Greg. Tur. Hist. VII, 1, 17; IX, 33; X, 5, 29). Кроме того, в двух случаях в «Истории франков» и в «Истории лангобардов», а также во всех шести в «Церковной истории» *genetrix* обозначает Богоматерь (см. Greg. Tur. Hist. IX, 42(2); Pauli Hist. Lang. VI, 49, 55; Bede Hist. Eccles. II, 4, 6; III, 23; IV, 10; V, 19, 20). Причина этого, возможно, кроется в церковной традиции. Например, Григорий Турский приводит следующие слова Иисуса Христа о своей матери: *«…de cruce gloriosam virginem, suam genetricem, beato Iohanni apostolo commendavit…»*[611] (Greg. Tur. Hist. IX, 42). Возможно, что, используя этот термин и в отношении матерей священнослужителей, наши авторы, хотели выделить их среди других, указать на их сопричастность церкви. С другой стороны, большое значение в восприятии

[609] *«…А Ригунта, дочь Хильперика, часто позорила мать, говоря, что она, Ригунта, — госпожа и что она вновь отдаст свою родительницу в служанки…».*
[610] *«…его сыновья не могут владеть королевством, потому что их мать до того, как она взошла на королевское ложе, была одной из служанок покойного Магнахара…».*
[611] *«…кто со креста поручил преславную деву, родительницу свою, блаженному апостолу Иоанну…».*

термина *genetrix* имела его связь с биологическим родством, вытекающая, в частности, и из его этимологии[612]. В случае Иисуса Христа, этот термин подчеркивает, что все человеческое, земное, плотское в нем было от матери, божественная же природа — от Бога–Отца. Подтверждением этого служит и то, что последний нигде не называется *genitor*, только *pater*. Для священнослужителей употребление этого термина означало их обособление от мира, сведение к минимуму контактов с их мирскими семьями. Однако, говоря о собственной матери, Григорий Турский нигде не называет ее *genetrix* в «Истории франков»[613]. Он упоминает ее дважды лишь как *mater* (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; VI, 5). Возможно, автор «Истории франков» делает это из «скромности», не желая ставить себя в один ряд с упомянутыми им подвижниками католической церкви, матерей, которых он называет *genetrix*. Или его привязанность к матери была слишком сильной, чтобы «ограничивать» ее этим термином. Наконец, причиной этого может быть также контекст, в котором он упоминает ее: речь идет о родственных узах, связывающих его и святого Ницетия, а не просто о нем и его матери.

Больший интерес, на наш взгляд, представляют случаи, где термин *genetrix* употребляется по отношению к матерям детей, не связанных с церковью. Среди них есть женщины, которых авторы называют только этим термином, но есть и те, к которым применяется как *mater,* так и *genetrix*, и не во всех из них это можно объяснить только желанием избежать тавтологии.

В «Истории франков» две матери называются только *genetrix*: жена майордома принцессы Ригунты Ваддона и Тетрадия жена графа Евлалия. В первом случае этот термин встречается в речи сына, уговаривающего отца не вступать в вооруженный конфликт. В качестве аргумента он приводит возможность оставить мать вдовой. В данном сообщении термин *genetrix*, воплощающий в себе физическое бытие, по всей видимости, использован для усиления угрозы смерти. С той же целью Григорий Турский в этом же предложении использует термин *germanus* для обозначения брата говорящего. Данное сообщение можно сравнить с сообщением о смерти отца и брата св. Аредия:

«…Si abieris, pariter moriemur, et relinques genetricem meam viduam orfanusque germanus…»[614] (Greg. Tur. Hist. IX, 35);	*«…ad patriam, genitore ac germano defunctis, regreditur, consolaturus Pelagiam genitricem…»*[615] *(*Greg. Tur. Hist. X, 29).

[612] Сравни сходные коннотации терминов *cenneestre* и *sunu–cennicge* в древнеанглийском (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 236)
[613] Однако, согласно сведениям М. Хейнцельмана, он называет ее *genetrix* в других своих *агиографических* произведениях (см. Heinzelmann M. Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours. P. 9).
[614] *«…Если ты пойдешь, то мы оба умрем, и ты оставишь мою родительницу вдовой, а братьев сиротами…».*
[615] *«…после смерти родителя и брата возвратился на родину, дабы утешить свою родительницу Пелагию…».*

Хотя, в случае святого, использование этих терминов, в первую очередь, призвано подчеркнуть, что он лишь биологически связан с мирской семьей. Тем не менее, использование в обоих случаях терминов, ассоциирующихся, прежде все, с кровным родством и физическим началом, усиливает ощущение трагичности прекращения этого бытия.

Во втором случае, называя *genetrix* жену графа Евлалия, Григорий Турский, скорее всего, хочет подчеркнуть ее несостоятельность как матери: она оставила мужа, пусть и обращавшегося с ней жестоко, ради любовника, сбежала с последним, взяв с собой старшего сына и бросив младшего. В доме ее нового мужа ее сыну, по всей видимости, жилось не очень хорошо (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). Таким образом, называя ее *genetrix* автор «Истории франков» хочет подчеркнуть, что Тетрадия только дала жизнь своему сыну, но не выполнила по отношению к нему обязанности, которые являются составной частью роли *mater*. Кроме того, на подобное ее именование Григория Турского могло побудить желание отделить ее от двух других *mater* упомянутых в главе: набожной матери Евлалия и ее собственной матери.

Возможно также, что термин *genetrix* был обязательным при прямом обращении к матери (устном или письменном)[616], а также для именования женщины как матери короля. Так, Гунтрам Бозон, прося прощения у короля Хильдеберта, называет Брунгильду не *mater*, а *genetrix*[617]. Так же она названа и в договоре между королем Гунтрамном и ее сыном[618]. Наконец, в сообщении о попытке убийства Ригунты матерью служанка называет Фредегонду *genetrix*[619]. Поскольку все вышеупомянутые королевы были христианками, подобное обращение может отражать сближение образа матери короля и Богоматери, как часть христианского влияния на процесс обожествления королевской власти[620]. На это указывает, в частности, «используемый» Гунтрамном Бозоном глагол *pecco*. В данном контексте Брунгильда и ее сын ассоциируются с Богоматерью и Иисусом Христом. Мужчины–короли с происхождением, возводимым к племенным богам, могли олицетворять собой германский компонент этого процесса. Сближение образа королевы–матери с Богородицей–Царицей Небесной могло отражать влияние христианства на этот процесс[621]. Свидетельством этого влияния может служить, и вышеупомянутая «генеалогия» принцессы Эльфледы. В ней с

[616] Например, как это делает упомянутый выше сын майордома Ваддона, обращаясь к нему: *«...Si abieris, pariter moriemur, et relinques genetricem meam viduam orfanusque germanus…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 35).
[617] *«…Peccavi tibi ac genetrice tuae, non oboediendo praeceptionibus vestris…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 8).
[618] *«…et genetricem domni Childeberthi, domnam Brunichildem reginam, vel filiam eius Chlodosuindam, germanam domni Childeberthi regis... vel eius reginam Faileubam tamquam sororem bonam et filias in sua tuitione et defensione spiritali dilectione recipiat…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 20).
[619] *«…ecce! domina mea a genetrice sua graviter suggillatur…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 34).
[620] Об обожествление королевской власти у германцев в современной историографии см. в Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011. С. 200–205.
[621] О Деве Марии — Царице Небесной — как образе идеальной земной матери–королевы см. в Stroll M. Maria Regina: Papal Symbol // Queens and Queenship in Medieval Europe. Woodbridge, 1997. P. 173–204; Mellon J. The Virgin Mary in the Perceptions of Women: Mother, Protector and Queen since the Middle Ages. Jefferson, 2008; Leyser C. From Maternal Kin to Jesus as Mother: Royal Genealogy and Marian Devotion in the Ninth–Century West // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser. Burlington, 2012. P. 21–40.

помощью термина *mater* Беда выделяет трех персонажей: ее саму, ее мать и отца ее матери, которые являются своего рода воплощением Бога-Отца, Богоматери и Иисуса Христа, а отец принцессы воспринимается как св. Иосиф, т.к. он был кельтским христианином.

Кроме того, рассматривая договор Хильдеберта с Гунтрамном можно отметить, что мать и сестра первого по отношению к самому Хильдеберту именуются *genetrix* и *germana*, а по отношению к Гунтрамну — *soror* и *filia*[622]. Таким образом, близкое кровное родство, выраженное в первых двух терминах, противопоставляется более дальнему родству и родству по свойству.

Схожий принцип использования этих двух терминов можно отметить в сообщении о матери больного мальчика, обратившейся за помощью в монастырь св. Радегунды в Пуатье: *«…Puer iste, parvolus cum esset et infirmaretur in femore, disperatus coepit habere; mater quoque eius sanctam Radegundem adivit, ut ei aliquod studium iubiret inpendi... Tunc ego... incisis testicolis, puerum sanum genetrici maestae restitui…»*[623] (Greg. Tur. Hist. X, 15). С одной стороны, данный случай можно рассматривать как использование синонимов. С другой стороны, когда мать имеет дело со святой, она названа *mater*, в момент же возвращения ей ребенка после хирургического вмешательства женщина именуется уже *genetrix*.

Несколько иное использование термина мы встречаем в «Истории лангобардов». Павел Диакон называет *genetrix* единственную женщину — королеву Теуделинду. Однако он также именует ее *mater* (Pauli Hist. Lang. IV, 41). Известно, что королева Теуделинда многое сделала для утверждения католичества в Лангобардском королевстве[624]. Возможно, поэтому Павел Диакон во фрагменте, рассказывающем о ее делах на благо церкви, позволил себе назвать ее *genetrix*, стремясь вызвать у своих чтителей ее ассоциацию с Богоматерью.

Таким образом, термину *genetrix* в рассматриваемых нами источниках свойственна та же двойственность восприятия, что и его синониму *mater*. С одной стороны, именно так, согласно церковной доктрине, Иисус Христос называл Деву Марию. Это могло повлиять на восприятие термина как имеющего отношение к Богоматери, а также к матерям святых и подвижников католической церкви. С другой стороны, его этимология делала фактор кровного родства основным для него, в отличие от термина *mater*, который предполагал также выполнение определенных обязанностей и наличие эмоциональной привязанности. Однако, подобный дуализм свойственен термину только в «Истории франков» Григория Турского, где он, кроме

---

[622] *«…et genetricem domni Childeberthi, domnam Brunichildem reginam, vel filiam eius Chlodosuindam, germanam domni Childeberthi regis… tamquam sororem bonam et filias in sua tuitione et defensione spiritali dilectione recipiat…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 20).

[623] *«…Когда этот мальчик был еще маленьким, у него болело бедро, и он начал отчаиваться, что выздоровеет. Тогда его мать пришла к святой Радегунде и попросила ее позаботиться о нем… Тогда я оскопил мальчика… и вернул его опечаленной родительнице здоровым…»*.

[624] Подробнее о Теуделинде в изображении Павла Диакона и других источников см. в Balzaretti R. Theodelinda, “most glorious queen” // The Medieval History Journal. 1999. Vol. 2, No. 2. P. 183–207.

всего прочего, используется для обозначения нерадивых, по мнению автора, матерей. Можно предположить, что ко времени написания «Церковной истории» и «Истории лангобардов» термин прочно ассоциировался с Богоматерью и для обозначения обычных матерей использовался крайне избирательно.

Термин *mater* в «Истории франков» также встречается в словосочетании *mater familias* (см. Greg. Tur. Hist. II, 7; X, 5)[625]. В обоих случаях в «Истории франков» речь идет о женщинах, возглавляющих семейства в отсутствие мужа. Интересно также отметить, что обе женщины, обозначенные данным словосочетанием, имели германское происхождение: жена Аэция была из племени готов[626], а Магнатруда – из племен франков. В целом данное словосочетание перекликается с сообщениями о регентстве женщин при малолетних сыновьях. Возможно, при этом, что термин *mater* в нем говорит, прежде всего, о наличии у данной женщины детей[627].

Filii/liberi/nati/parvuli/suboles (soboles)

Термин *filii*[628] встречается во всех рассматриваемых нами источниках: 7 раз в «Истории франков», 3 раза в «Церковной истории» и 4 раза в «Истории лангобардов». Используется он только в значении *дети* — «сыновья, дочери»[629].

Ни один из изучаемых нами авторов не объясняет специально значение термина *filii*. Какие–либо эпитеты, определяющие термин, то же отсутствуют. Интересно отметить, однако, что он не выступает в качестве подлежащего ни в одном предложении. Кроме того, во всех случаях использования термина под ним имеются в виду смешанные группы детей — мальчики и девочки[630].

---

[625] Написание словосочетаний различно в различных рукописях см. Krusch B. // Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X / MGH. SRM. V.1, P1, FSC 1. P. 50, 488. О возможной этимологии см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536. Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Mater // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 621.

[626] По поводу того, относилось ли данное словосочетание к жене Аэция или жене человека, подслушавшего разговор в церкви, существуют разногласия в переводах на новоевропейские языки. Из текста «Истории франков» это не совсем ясно: *«...sed mox inluciscente caelo omnia quae audierat matrisfamiliae pandit, expletisque sermonibus, lumen caruit oculorum…»* (Greg. Tur. Hist. II, 7). В русском переводе В.Л. Савуковой мы читаем следующее: *«…С наступлением дня все, слышанное им в церкви, рассказал своей жене, и как только закончил рассказ, лишился зрения…»* (Григорий Турский. История франков. С. 35). Однако в переводе на английский Л. Торпа фигурирует жена Аэция: *«…As soon as day dawned in the sky, he recounted what he had heard to the wife of Aetius. He had no sooner finished speaking when he became blind…»* (Gregory of Tours. The History of Franks / Trans. from Latin by L. Thorpe. P. 117). Тоже мы видим в переводе на французский Гизо: *«…Aussitôt que le ciel commença à s'éclaircir, il découvrit à la femme d'Aetius tout ce qu'il avait entendu; et, lorsqu'il eut parlé, ses yeux se fermèrent à la lumière…»* (см. Grégoire de Tours. Histoire des Francs. P. 65). Учитывая второе употребление словосочетания, английская и французская интерпретация сообщения представляется нам более вероятной.

[627] Этого же мнения придерживался и Исидор Севильский (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536).

[628] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Filius // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 327.

[629] Дети // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 166.

[630] Единственным спорным моментом в этом отношении может считаться сообщение Григория Турского о детях узурпатора Гундовальда. Сначала автор «Истории франков» сам рассказывает о семье самозванца: *«…Ibi accepta uxore, filios procreavit…»* (Greg. Tur. Hist. VI, 24); потом он передает его слова в прямой речи, где сам Гундовальд говорит только о двух сыновьях/детях: *«…ibique uxorem accipiens, duos filius generavi…»* (Greg. Tur. Hist. VII, 36). Встречаются также варианты написания *filios* (см. Greg. Tur. Hist. P. 357). А затем он приводит слова Мummола, обращенные к Гундовальду: *«…Uxor enim tua iam cum filiis captivata est, filii tui utpute iam interfecti sunt…»* (Greg. Tur. Hist. VII, 36). Таким образом, у Гундовальда, по все видимости, были еще дочери, кроме упомянутых сыновей. В переводе Савуковой в первых двух случаях говорится о сыновьях, а в последнем — о детях и сыновьях

Среди контекстов, в которых встречаются сообщения с *filii*, необходимо, прежде всего, отметить контекст взаимодействия. Сюжеты, относящиеся к нему, содержат рассказы об эмоциональной привязанности (см. Greg. Tur. Hist. I, 8), либо о ее отсутствии (см. Greg. Tur. Hist. IX, 1). К нему же можно причислить сообщения с формулой *«cum uxoribus et filiis»* (*«с женами и детьми»*). Среди последних выделяются те, где акцентируется тема заботы/безопасности (Greg. Tur. Hist. VI, 41; VII, 38; Pauli Hist. Lang. V, 8) и те, которые ассоциируются с передвижением/бегством (Greg. Tur. Hist. IV, 51; Pauli Hist. Lang. IV, 28). В эту же группу можно включить сообщения с данным термином в «Церковной истории» Беды Достопочтенного. В них речь идет о воспитании (см. Bede Hist. Eccles. I, 27) и грудном вскармливании детей (см. Bede Hist. Eccles. I, 27(2)), однако все они находятся в ответах папы Григория I на вопросы св. Августина.

Filii встречаются в рассказах, связанных с контекстом смерти. В «Истории франков» к нему относится сообщение о наследовании детьми имущества отца (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 22). В «Истории лангобардов» упоминается разлучение детей и родителей (см. Pauli Hist. Lang. V, 11), а также их одновременная смерть (см. Pauli Hist. Lang. VI, 8).

Термин *liberi*[631] используется только Григорием Турским и Бедой Достопочтенным: 13 раз у первого и 5 раз у второго. Во всех случаях термин имеет значение *дети* — «сыновья, дочери»[632].

В «Истории франков» встречается пояснение термина: *«…regis vocitantur liberi, qui de regibus fuerant procreati…»*[633] (Greg. Tur. Hist. V, 20). Таким образом, *liberi* в понимании Григория Турского, прежде всего биологически родственны родителям[634]. Это находит свое подтверждение в использовании термина папой Григорием Великим в вопросах, касающихся деторождения, в отличие от *filii*, которых он упоминает в вопросах воспитания. Как и в случае с *filii* термин никогда не выступает в качестве подлежащего, что создает контраст с его этимологией[635].

(см. Григорий Турский. История франков. С. 173, 211–212). Л. Торп в своем переводе говорит только о сыновьях, считая, что в последнем случае речь идет о приговоре их к казни, а не о ее фактическом исполнении (см. Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. P. 352, 419, 421). Гизо также говорит только о сыновьях и казни только одного их них (см. Grégoire de Tours. Histoire des Francs. P. 454-455). На наш взгляд, Гундовальд имел других детей, кроме двух упомянутых им сыновей. Уточнение же самого узурпатора о наличии у него именно двух сыновей может быть связано с желанием противопоставить это бездетности его братьев–королей. Возможно, что эти двое сыновей были взрослыми на момент его мятежа, в отличие от наследника короля Гунтрамна. Подробнее о самом Гундовальде и его выступлении см. Goffart W. The Frankish Pretender Gundovald, 582–585. A Crisis of Merovingian Blood // Francia. 2012. No. 39. P. 1–27; Bachrach S. The Anatomy of a Little War. A Diplomatic and Military History of the Gundovald Affair (568–586). Boulder, 1994.

[631] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Liberi // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 450.

[632] Дети // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 166.

[633] *«…детьми короля называются те, кто был рожден от короля…»*.

[634] На это же обстоятельство ссылается и Исидор Севильский (Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 537–538).

[635] Liber // De Vaan M. Op. cit. P. 338.

Liberi используется в сообщениях, относящихся к контекстам взаимодействия и брака. В первом встречаются только сообщения с формулой *«ac/et liberi»* (*«и дети»*), которые можно разделить на две группы: с «мотивом движения» (Greg. Tur. Hist. III, 13; IV, 41; Bede Hist. Eccles. I, 17) и с «мотивом существования» (Greg. Tur. Hist. III, 6, 15, VI, 13, V, 23). Интересно отметить, что в «Истории франков», когда Григорий Турский говорит о наличии детей, то использует термин *filii* (Greg. Tur. Hist. X, 31). Когда же речь идет об их отсутствии, то сообщения содержат слово *liberi* (Greg. Tur. Hist. IV, 24; V, 17(2); VI, 22).

Термин *nati*[636] в значении *дети* встречается только в «Истории франков» и «Истории лангобардов». Григорий Турский использует термин исключительно в этом значении, а у Павла Диакона на него приходится 2 из 6 случаев употребления. Пояснение термина в рассматриваемых источниках не встречается. Он, как и *filii* с *liberi* никогда не выполняет функцию субъекта действия.

Основным контекстом для *nati* является контекст смерти (см. Greg. Tur. Hist. I, 4; V, 34; Pauli Hist. Lang. II, 4). Кроме того, в «Истории лангобардов» он встречается в формуле *«cum uxoribus et natis»* в сообщении с мотивом движения (см. Pauli Hist. Lang. II, 7)[637].

Термин *parvuli*[638] употребляется всеми тремя авторами: 4 раза Григорием Турским, 3 раза Бедой Достопочтенным и 6 раз Павлом Диаконом. Объяснений значения термина они не дают, однако Беда Достопочтенный использует в сочетании с ним прилагательное *innocuus*. В «Истории лангобардов» основным контекстом для него является контекст действия/движения. Сообщения с ним содержат формулу *«uxoribus/mulieres et parvulis»* (*«с женами/супругами и детьми»*) (см. Pauli Hist. Lang. II, 6; III, 6(2); IV, 37(2); VI, 46). Подобные рассказы встречаются и в «Истории франков» (см. Greg. Tur. Hist. IV, 14, 42(2)). Кроме того, *parvuli* используется в сообщениях, так или иначе связанных с темой смерти (см. Greg. Tur. Hist. VII, 8; Bede Hist. Eccles. II, 6, 20).

Термин *suboles*[639] *(soboles*) используется всеми тремя авторами и только в значении *потомство* — «молодое поколение по отношению к старшему, к родителям»[640]. Пояснений значения термина не встречается ни в одной из «Историй». Однако Беда Достопочтенный использует эпитеты *bona*, *sancta* и *optima* для его характеристики. В «Истории франков» термин встречается один раз в сообщении о том, что придворные неуважительно отзывались

[636] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Natus II // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 505.
[637] Как замечает Х.–В. Гетц подобные сообщения о перемещениях больших племенных групп «с женами и детьми» означало их намерение осесть на той территории, куда они направлялись. Таким образом, это было движение не воинов, а колонистов и, по сути, знаменовало новый этап в истории племени (см. Goetz H.–W. Gens, Kings and Kingdoms: the Franks // The Transformation of the Roman World. Boston, Leiden, 2003. P. 312).
[638] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Parvulus II // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 556.
[639] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Suboles // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 737. О вариантах написания термина в «Истории франков» см. в Greg. Tur. Hist. P. 215.
[640] Потомство // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 74. Исидор Севильский дает свое объяснение происхождению этого слова (Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 537).

о детях королевы Австригильды (см. Greg. Tur. Hist. V, 17). В «Истории лангобардов» *soboles* используется в эпитафии короля Кедваллы, приводимой Павлом Диаконом (см. Pauli Hist. Lang. VI, 15). В «Церковной истории» термин употребляется 3 раза: в ответах папы Григория Великого (см. Bede Hist. Eccles. I, 27) и 2 раза при характеристике короля Анны (см. Bede Hist. Eccles. III, 7, 18).

Проанализированный нами материал показывает, что рассматриваемые авторы используют значительное количество терминов для обозначения степени родства *дети* (см. Приложение 16). Это позволяет предположить, что для Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона каждый из них имел свои коннотации и семантику. Нам удалось выявить, в частности, что словом *filii* обозначались группы детей, куда входили мальчики и девочки. Использование термина *liberi* позволяло акцентировать внимание на кровном родстве с родителями. Слово *nati* имело коннотацию смерти, противоположную его этимологии. Общей особенностью для всех трех терминов является использование их в формулах «с детьми», а также тот факт, что они никогда не обозначают лиц, действующих самостоятельно. Однако для более полного раскрытия особенностей их употребления и восприятия необходимо привлечение дополнительных источников, т.к. в «Историях» данная степень родства употребляется достаточно редко.

Filius

Термин *filius*[641] в «Истории франков» Григория Турского встречается 440 раза[642], в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного — 110 раз[643], в «Истории лангобардов» Павла Диакона — 120 раза[644]. Среди значений, которые он имел, основным является значение степени родства: *сын* — «лицо мужского пола по отношению к своим родителям»[645]. В «Истории франков» на него приходится 312 случаев употребления *filius*, что составляет 71% от общего числа случаев его использования. В «Церковной истории» в нем

[641] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Filius // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 327.

[642] См. Greg. Tur. Hist. I(14), 1, 2, 5, 6, 7, 8(2), 9(2), 10, 13(2), 15, 20, 21, 22, 25(2), 27, 39, 39, 40, 47; II,1, 2, 3(9), 7, 8, 9(7), 12, 18, 27(2), 28(2), 29(4), 30, 31(2), 34, 37(3), 40(4), 41(3); III, 1(4), 3, 4, 5(4), 6(5), 7(2), 14(2); 15(2), 18(5), 20, 21, 23, 24(2), 27, 28, 31(2), 33, 35, 37; IV, 1, 3, 9, 11, 13, 16, 19, 20(2), 21, 23(2), 24(2), 25(5), 26(2), 28, 34, 35, 36, 38, 39(2), 42, 45, 47(2), 50, 51(5); V(2),1(2), 2, 3(3), 5(2), 6, 11(3), 13, 14(4), 16(4), 17(5), 18(6), 20(3), 22, 25(3), 26(2), 30(2), 34(2), 38(3), 39(4), 43(15), 44(7), 46, 47, 48, 49, 50; VI, 3(2), 4, 5(8), 7, 8,15, 17(2), 18(2), 23(2), 24, 26(4), 26, 27, 29, 31, 32, 33, 34(2), 35(2), 40(24), 41(2), 43(2), 45(2); VII, 3, 7(2), 8, 12, 13, 14, 19, 22, 27(2), 32(2), 33(2), 36(5), 38(3), 39, 47(6); VIII, 1, 3, 4, 9(2), 10, 12, 13, 16, 18, 20(2), 22(2), 28(2), 30, 31, 37, 38, 42(3), 43(2), 44, 45, 46; IX,1(2), 4, 9(4), 10(2), 11(2), 13(2), 15(4), 18(3), 19, 20(4), 21(2), 23, 26, 28(2), 29, 30, 32(3), 33(4), 35(7), 36(2), 38, 42(2); X, 1(2), 2(2), 8(5), 9, 11, 13(4), 18, 19(2), 21, 24, 27(2), 28(3), 29, 31(3).

[643] См. Bede Hist. Eccles. Praef.(3); I, 3, 5, 8, 10, 11(2), 15, 17, 21(4), 23(2), 24, 27(5), 30(2), 32(5), 34; II, 1, 5(4), 8, 10(5), 11, 12, 14(3), 15(2), 17(2), 18(3), 20(4); III, 1(3), 4,7(2), 8, 14(6), 18, 21(2), 22, 23, 24(5), 25(2), 28, 29(2); IV, 1, 5, 11, 13,16, 17(3), 22, 24, 25, 26(3); V, 12, 18, 19(4), 21(4), 23(2), 23.

[644] См. Pauli Hist. Lang. I, 14, 18, 20(2), 21(3), 23(4), 24(4); II, 4, 10(3), 22, 24(2); III, 10, 12(2), 16, 21(3); IV, 4, 9, 11, 16, 18, 19(3), 25, 26, 27, 28, 29, 36(2), 37(4), 38(2), 39(2), 41, 42(4), 43(3), 44, 46, 47, 48, 49(3), 51(4); V, 7(4), 8, 10, 11, 22, 25(2), 29, 30, 33(2), 35, 36(3), 37, 39; VI, 2, 5, 11, 17, 19, 22(2), 23, 26(2), 30, 32, 35(2), 37, 38, 39, 42, 44, 45(3), 50, 51(3), 53, 55, 58.

[645] Сын // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 783.

термин употребляется 69 раз (63%). В «Истории лангобардов» на него приходится 109 случаев (91%) (см. Приложение 18-21). Данная степень родства является одной из самых часто встречающихся в рассматриваемых нами произведениях.

В качестве частного случая этого значения может рассматриваться его использование в словосочетании «Бог–Сын»: 95 употреблений в «Истории франков» (24%), 11 в «Церковной истории» (9%) и 3 в «Истории лангобардов» (2%). В 8 случаях в «Истории франков», в 4 в «Истории лангобардов» и в 3 в «Церковной истории» *filii* используется в значении *дети*, если среди них были и мальчики, и девочки, или было неизвестно, была ли группа однополой или смешанной. Кроме того, он передавал значение духовного родства между старшим и более авторитетным духовным лицом и младшим, а также между христианами и Богом. В словосочетаниях *«filii Israhel»* и *«filii hominis»* термин приобретал значение *народ* и *человечество*.

Группа *filius* в «Историях» не является однородной. Среди них авторы выделяют *parvolus/infans filius* (см. Greg. Tur. Hist. II, 9; III, 27; V, 1; VIII, 28), *senior/iunior/minor filius*[646], *primus/primogentius* (см. Greg. Tur. Hist. I, 7; II, 29) при этом имеются в виду возраст или порядок рождения сыновей[647]. Также, среди них выделялись законно– и незаконнорожденные. Специальные термины для этих групп в наших источниках не встречаются, возможно, в связи с отсутствием ко времени их создания четкой концепции законно/незаконнорожденности (см. Greg. Tur. Hist. II, 28; IV, 25; V, 17, 20; X, 8; Bede Hist. Eccles. I, 8)[648]. Особенно это касается Галлии, описанной в «Истории франков»: христианство, с характерным для него взглядом на семью и рождение детей, и римская юридическая традиция боролись там с язычеством и

---

[646] См. Greg. Tur. Hist. III, 21; IV, 25, 47; V, 22, 38; VI, 29; IX, 9, 29, 32, 36; X, 8, 21. Bede Hist. Eccles. I, 11; Pauli Hist. Lang. VI, 11, 22.

[647] Исидор Севильский приводит 4 «основания» (эпитета) для детей (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 537), но в рассматриваемых нами источниках встречается только *primogenitus.*

[648] Прилагательные *nothus* и *spurius*, использовавшееся в классической латыни для обозначения детей, рожденных вне брака (см. Nothus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 516, Spurius // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 724; Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 538), ни в одном из рассматриваемых нами источников не встречаются. В одном случае Григорий Турский, говоря о детях Тетрадии и Лезидерия, использует прилагательное *incestos* (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). В классической латыни оно имело значения «нечистый, преступный, греховный» (Incestus I // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 386). Этимологически *incestus* восходит к прилагательному *castus* (De Vaan M. Op. cit. P. 690). Кроме того, оно является вариантом написания *incestum* (Incestus II // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 386) — «преступная связь, кровосмешение» (Incestum // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 386). В словари средневековой латыни Нирмейера и Дюканжа это прилагательное не вошло. Торп и Гизо при его переводе на английский и французский используют слова *illegitimate* и *bâtard* соответственно. По всей видимости, уже в период раннего Средневековья за прилагательным закрепилась значение «преступный, противозаконный» именно в вопросах брачно–семейных и сексуальных отношений. Так, Григорий Турский использует его еще только один раз в «Истории франков»: *«…Sunt multa quae debeant discerni, quae iniuste gesta sunt, tam de incestis quam de ipsis quae inter nos aguntur causis…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 20). В том же контексте мы встречаем термин у Беды Достопочтенного: *«…Nullus incestum faciat, nullus coniugem propriam, ut sanctum euangelium docet, fornicationis causa, relinquat…»* (Bede Hist. Eccles. IV, 5). Очевидно, что речь в обоих случаях идет не только об инцесте, как половой связи между близкими кровными родственниками (родителями и детьми, братьями и сёстрами), но о любой связи такого рода вне законного христианского брака. Свидетельством в пользу того, что «законным» считался именно брак, заключенный по одобренной христианской церковью традиции, можно считать, как тот факт, что оба автора «Историй» были клириками, так и использование *incestus* в решениях Хертфордского собора (см. Bede Hist. Eccles. IV, 5). Несколько странным, в этой связи, выглядит практически полное отсутствие упоминаний детей подобного рода в «Церковной истории» в связи с утверждением М. Росс, что, во–первых, подобные союзы и дети от них были весьма распространены в англосаксонской Британии, а, во–вторых, церковь активно боролась с этой практикой (см. Ross M.C. Concubinage in Anglo–Saxon England // Past and Present. 1985. Vol. 108. P. 6).

традиционным отношением к этому вопросу[649]. Кроме того, в «Истории франков» выделяется также усыновленные сыновья (*adoptivus*, Greg. Tur. Hist. VIII, 8, 13).

В Предисловие к I книге своей «Истории» Григорий Турский поясняет значение термина *filius*: *«…neque filius esset, si patrem utique non haberet…»*[650] (Greg. Tur. Hist. I, Praef.). В XX главе VIII книги он добавляет к этому: *«…vocitatur filius… quod sit filius… mulieris…»*[651] (Greg. Tur. Hist. VIII, 20; см. также Greg. Tur. Hist. I, 2). Таким образом, в его понимании *сын* — это мужчина, имеющий определенного рода отношения с другим мужчиной и/или женщиной. Эти отношения могут проистекать из кровного родства (рождение от данного мужчины) и/или эмоциональной связи между сыном и отцом/матерью. Восприятие этого термина Бедой и Павлом в целом совпадает с точкой зрения Григорий Турского. Однако значение кровной и духовной связи различно для всех трех авторов[652].

В «Истории франков» момент прямого биологического родства представляется важным, но не ключевым фактором в отношениях между отцом и сыном. Основным является признание первым последнего[653]. В случае преждевременной смерти родителя признание должно последовать со стороны близких родственников мужского пола[654] или общества в целом. Показательной в этом отношении является реплика самого Григория Турского, в ответ на подозрение посла короля Гунтрамна, что между последним и его племянником, которого король усыновил, наступило охлаждение. Присутствовавший при этом разговоре автор

---

[649] Так, епископ Саггитарий говорил о сыновьях короля Гунтрамна: *«…quod filii eius regnum capere non possint, eo quod mater eorum ex familia Magnacharii quondam adscita regis torum adisset…»* Greg. Tur. Hist. V, 20). В этих словах, вероятно, отражается галло–римский взгляд на вопрос законности рождения детей и наследования ими имущества и социального положения отцов (сравни: *«…всякий, кто рождается, воспринимает правовое положение того родителя, кто ниже по статусу…»*, Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 538). Однако Григорий Турский замечает: *«…praetermissis nunc generibus feminarum, regis vocitantur liberi, qui de regibus fuerant procreati…»* (Greg. Tur. Hist. V, 20). Автор «Истории франков» высказывает, по всей видимости, новый, «германский» (?) взгляд на эту проблему, где важным является признание отцом сына, а не факт его рождения в законном браке (см. об этом Ross M.C. Opp. cit. P. 16). Так, Гундовальд был сыном короля Хлотаря от его любовницы (см. В.Д. Савукова // Григорий Турский. История франков. С. 402), но, поскольку король не признал его таковым, он не участвовал в разделе королевства Хлодвига после его смерти вместе с другими его сыновьями. И, напротив, сын Хлодвига Теодорих, про которого Григорий Турский пишет *«de concubina filium»* (Greg. Tur. Hist. II, 28), становится королем наравне со сводными братьями, рожденными Хлодвигу Хродехильдой (см. Greg. Tur. Hist. III, 1). Для династии Меровингов подобное «примирительное» отношение к законно/незаконно рожденным детям может объясняться еще и тем, что легендарный основатель династии Меровей, возможно, был зачат его матерью не от мужа, а от морского чудовища (об этом см. Wood I. Deconstructing the Merovingian Family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts. Leiden, Boston, 2003. P. 149–172). Тем не менее, несмотря на одинаковое положение законно и незаконнорожденных детей, Григорий и остальные авторы все же отмечают, был ли сын рожден в браке или вне его (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 28; III, 27; IV, 26; VII, 7; VIII, 9, 31; X, 8; Bede Hist. Eccles. I, 8; Pauli Hist. Lang. IV, 46).

[650] *«…не был бы сыном, если бы не имел отца…»*.

[651] *«…называется сыном… потому что является сыном … женщины…»*.

[652] Исидор Севильский в своих «Этимологиях» подчеркивает именно биологический аспект данной связи (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 537).

[653] Определенное значение имеет и признание отца сыном, но без согласия отца или его родственников, оно играет второстепенную роль. Гундовальду, без признания со стороны брата, так и не удается окончательно убедить франков в том, что он сын Хлотаря. Не помогает даже апелляция к Богу (см. Greg. Tur. Hist. VII, 27, 32, 36, 38; см. также Greg. Tur. Hist. IX, 9). Сомнения в том, что Хильперик является отцом Хлотаря II (см. Greg. Tur. Hist. VII, 7; VIII, 1, 9, 31), удалось разрешить только благодаря клятве самой королевы Фредегонды и *«собравшихся с первыми людьми ее королевства, среди которых было три епископа и триста лучших людей»* (Greg. Tur. Hist. VIII, 9).

[654] Например, в ходе обряда крещения, когда крестным отцом выступает старший мужчина в семье, как это произошло в случае с королем Гунтрамном и его племянником Хлотарем (см. Greg. Tur. Hist. X, 28; Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 71–73).

«Истории франков» так ответил послу: *«…Nulli enim latet, quod Childeberthus rex alium patrem nisi patruum non habet, neque ille alium filium nisi hunc habere disponit…»* (Greg. Tur. Hist. VIII, 13)[655].

В «Церковной истории» и «Истории лангобардов» напротив, момент прямого биологического родства доминирует над фактором эмоциональной взаимосвязи между отцом и сыном. В частности, в них практически отсутствуют сообщения об усыновлении[656].

Семантической особенностью понимания авторами термина *filius* является наличие в нем коннотаций настоящего/будущего, тогда как *отец* воспринимался как прошлое. Он находил продолжение в сыне, обретал своего рода вечную жизнь в нем и его потомках[657]. В связи с этим можно также отметить отражение в «Истории франков» восприятие цикла жизни мужчины: родился сам, *«…взял жену, родил сыновей…»* (см. Greg. Tur. Hist. VI, 24; см. также Greg. Tur. Hist. VII, 36). С появлением на свет сына, т.е. став отцом, мужчина выполняет свой долг. Это подчеркивает коннотацию будущего в *filius* и находит свое подтверждение в построении текста сообщений. Например, кульминацией рассказа о Хильдерики I и Базине является сообщение о том, что она *«…Quae concipiens, peperit filium vocavitque nomen eius*

---

[655] *«…Король Хильдеберт не имеет другого отца кроме своего дяди, также и он не собирается иметь другого сына…»* (Григорий Турский. История франков, 1987. С. 225). Об этом свидетельствует и то, что разница в отношении к родным и приемным детям в изображении наших источников должна была отсутствовать. Тот же король Гунтрамн говорит своему племяннику Хильдеберту: *«…liberis remanerem, et ideo peto, ut hic nepus meus mihi sit filius... Quod si filius habuero, te nihilhominus tamquam unum ex his reputabo, ut illa cum eis tecumque permaneat caretas, quam tibi hodie ego pollicior, teste Deo…»*, Greg. Tur. Hist. V, 17; см. также Greg. Tur. Hist. VIII, 13). В этом произведении встречаются и другие примеры усыновления мужчинами биологических сыновей других мужчин (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 24; V, 17; VI, 24; VII, 8, 13, 33). Однако необходимо отметить, что в «Истории франков» содержатся сообщения об усыновлении, главным образом, родственников, прежде всего, племянников. Таким образом, определенная родственная связь между усыновителем и усыновленным, по всей видимости, считалась необходимой. Хотя Гуди отмечает, что церковь негативно относилась к практике усыновления (см. Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983. P. 48–83), однако в рассматриваемых нами источниках, прежде всего в «Истории франков», мы не встречаем примеров подобного отношения. Напротив, сам Григорий Турский активно защищает их (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 13).

[656] В тексте «Церковной истории» встречается всего одно упоминание о попытке усыновления, предпринятой гальским епископом в отношении св. Вилфрида, которая, впрочем, оказалась неудачной (см. Bede Hist. Eccles. V, 19). В «Истории лангобардов» также встречается только один рассказ о том, как римский патриций под предлогом усыновления заманил сыновей герцога Гизульфа в город Опитергии и убил их (см. Pauli Hist. Lang. IV, 38). Кроме того, не совсем понятен статус Ралуальда и Гримуальда при дворе герцога Бенавента Арихия: с одной стороны, Павел Диакон нигде не сообщает об их официальном усыновлении герцогом, с другой стороны, он описывает отношение к ним со стороны герцога как *«…ab eo gratissime suscepti et filiorum loco sunt habiti…»* (см. Pauli Hist. Lang. IV, 39), а, когда его сын лишился рассудка, он *«…Radoaldum et Grimoaldum…quasi proprios filios Langobardis quiaderant commendavit…»* и хотел передать им власть в герцогстве (см. Pauli Hist. Lang. IV, 43). Примечательно, что в обоих случаях усыновителем выступает иностранец. Учитывая, что епископами у франков были, в основном, представители романизированной галло–римской знати, данный обычай выглядит как присущий римскому обществу и неизвестный германским племенам. Представляется, что франкские короли переняли его у галло–римской знати своего королевства. Британия же не была достаточно романизирована для его распространения среди англосаксов. Драут считает, что в «Беовульфе» король Хротгар усыновил Беовульфа с целью сделать его свои наследником, но это встретило негативную реакцию со стороны его семьи (см. Drout M.D.C. Opp. cit. P. 201–202, 208–210). Лангобарды же воспринимали римские обычаи как пагубные (об этом см. Ю.Б. Циркин // Павел Диакон. История лангобардов / Пер.с лат., примм., статья Ю. Циркина. СПб., 2003. С. 135; Borri F. Murder by death: Alboin's life, end(s) and means // Millennium. 2011. No. 11. P. 242–244). Кроме того, Гуди и Вердон приводят свои объяснения отсутствия подобной практики в христианских обществах (см. Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. P. 194–221; Verdon M. Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity. P. 497–498).

[657] Королева Хродехильда заявляет внукам: *«…я буду считать, что не потеряла сына, если увижу вас правящими в его королевстве…»* (Greg. Tur. Hist. III, 18; см. также Greg. Tur. Hist. IV, 26). См. также Drout M.D.C. Opp. cit. P. 207). Иногда сыновья в буквальном смысле заканчивали дела отцов (см. Greg. Tur. Hist. IV, 19; VI, 43).

Chlodovechum…»[658] (Greg. Tur. Hist. II, 12; см. также Greg. Tur. Hist. IV, 26; Pauli Hist. Lang. IV, 25).

Контекстуально данная особенность восприятия термина находит свое отражение в сообщениях о рождении[659], наличии[660] или отсутствии сыновей и их преждевременной смерти[661]. Это позволяет понять причину их большого количества в текстах «Истории франков» и «Истории лангобардов»[662]. Григорий Турский обращает особое внимание своих читателей на то, что к моменту смерти Хлодвига у его старшего сына Теодориха уже был сын (см. Greg. Tur. Hist. III, 1; см. также II, 28). Отсутствие сыновей или их смерть превращаются в большую проблему, угрозу индивиду и всему сообществу[663]. В «Истории франков» встречаются рассказы о попытках отцов обеспечить выживание и безопасность сыновей в случае собственной смерти[664]. Подобное восприятие сыновей объясняет, почему они были такими ценными заложниками (см. Greg. Tur. Hist. III, 15; V, 26; VI, 27; VII, 39). Это также позволяет понять стремление германских вождей, с одной стороны, уничтожить не только своих соперников, но и их сыновей[665], а с другой, описание подобных действий автором

---

[658] *«…От этого брака у нее родился сын, которого Базина назвала Хлодвигом…»* (Григорий Турский. История франков. С. 41).

[659] Интересно отметить, что почти во всех случаях употребления термина в этом контексте, он сопровождается сообщением имени ребенка:

«История франков»	«Церковная история»	«История лангобардов»
«…peperit filium vocavitque nomen eius Chlodovechum…» (Greg. Tur. Hist. II, 12); *«…Habebat iam tunc Theudoricus filium nomen Theudobertum…»* (Greg. Tur. Hist. III, 1).	*«…filioque suo Brittanici nomen in posuit…»* (Bede Hist. Eccles. I, 3).	*«…Ex ipsa ei natus est filius, quem Waltari appellavit…»* (Pauli Hist. Lang. I, 21); *«…Huic fuerunt filii tres, quorum qui maior natu extitit Raaimpertus nomine…»* (Pauli Hist. Lang. VI, 35).

В сообщениях о рождении сыновей чаще всего фигурируют оба родителя. В «Истории франков» и «Истории лангобардов» они в основном строятся по схеме: «*de/ex Z (Y) filium habet/suscipit/genuit/natus est (nomen X)/(qui X appellavit)/(hoc est X)*». Дважды, перечисляя детей от разных женщин, Григорий Турский использует фразу «*erant de diversis/alii uxroribus filii*». Таким образом, если в контексте происхождения акцент делался на *сыне*, то в настоящем контексте именно *отцы* изображаются как главные действующие лица. Кроме того, в «Истории франков» встречаются сообщения о рождении сыновей с упоминанием только одного родителя — матери или отца. В этих случаях Григорий Турский, по всей видимости, хотел подчеркнуть особую связь между этим родителем и сыном, или просто не знал имени второго родителя.

[660] Сообщения о наличии сыновей строятся по двум схемам: «*habebat Y filium X*» — когда речь идет об одном ребенке, и «*fuerunt/erant filii*» — если речь шла о нескольких детях. В них фигурируют только отцы.

[661] Последняя часто преподносится Григорием Турским как наказание родителям за их неблаговидные поступки. Король Гунтрамн прямо говорит об этом: *«…По грехам моим, я остался бездетным…»* (см. Greg. Tur. Hist. IV, 17; см. также Greg. Tur. Hist. VI, 3; VII, 33). При этом оно воспринимается как более тяжкое, чем собственная смерть (см. Greg. Tur. Hist. IV, 25; V, 14, 16, 17, 34, 49, 50; VII, 38;VIII, 12; X, 1; Pauli Hist. Lang. I, 24; II, 4; VI, 45).

[662] См. Greg. Tur. Hist. I, 2, 5, 8; II, 9, 12, 28(2), 29(2); III, 1, 5, 27; IV, 3, 25(3), 26, 28, 38; V, 14, 16, 38; VI, 23, 24, 34, 41; VII, 14, 33, 36, 38; VIII, 3, 9, 12, 37; IX, 4; Bede Hist. Eccles. I, 3; Pauli Hist. Lang. I, 21; II, 10, 24; IV, 25, 37, 46, 51; V, 25; VI, 26, 35, 37, 50.

[663] Гундовальд объясняет свой мятеж против франкских королей отсутствием у последних сыновей, т.е. их неспособностью продолжить королевский род: *«…взволнованный, я старательно расспрашивал о делах моих братьев и узнал, что род наш очень оскудел, и не осталось от нашей семьи никого, кроме королей Гунтрамна и Хильдеберта, то есть моего брата и сына моего брата. Дети короля Хильперика и он сам умерли, остался только один младенец, Гунтрамн, брат мой, детей не имел, а Хильдеберт, наш племянник, был еще мал…»* (Greg. Tur. Hist. VII, 36; см. также Greg. Tur. Hist. IV, 39; V, 39; VI, 32, 35; VIII, 10; X, 1). Сообщая о победе короля Восточной Англии Редвальда в битве с королем Нортумбрии Элельфрилом, Беда добавляет, что в этом сражении погиб сын Редвальда (см. Bede Hist. Eccles. II, 12; см. так же Bede Hist. Eccles. II, 18). Ни о нем самом, ни о его роли в сражении он ничего не упоминает. Смерть королевского сына уже сама по себе является достаточно важным событием, большой ценой, которую королю англов пришлось заплатить за победу, т.к. ее результаты, возможно, некому будет передать.

[664] Для тирана Максима, в изображении Григория Турского, одинаково важна защита Галлии и безопасность его сына (см. Greg. Tur. Hist. II, 9; см. также V, 16). Аргезил убеждает Мундериха сдаться королю Теодориху, чтобы последний сохранил жизнь его сыновьям (см. Greg. Tur. Hist. III, 14). Король Гунтрамн обращается к епископам с просьбой *«…молитесь о милосердии господнем для меня и моего сына Хильдеберта…»* (Greg. Tur. Hist. VIII, 4).

[665] Таким образом, они не только наносили им окончательное поражение и предавали забвению, но и уничтожали возможность кровной мести с их стороны (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 33, 35; V, 5, 17, 18; VII, 3; IX, 35).

«Истории франков» как проявления крайней жестокости (Greg. Tur. Hist. III, 6, 15). Наконец, скорее всего, такое восприятие и было главной причиной волны «родственных» усыновлений в среде франкских королей (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 24; V, 17; VI, 24; VII, 8, 13, 33)[666].

Кроме того, данная коннотация влияет как на формирование самих сообщений, так и на то, как они встроены в структуру повествования. Например, сначала Григорий Турский рассказывает о потопе и Ное, а следующую главу начинает со слов: *«…Habebat ergo Noe… tres filius…»*[667] (Greg. Tur. Hist. I, 5) и продолжает рассказ о сыновьях Ноя, не упоминая больше о нем самом (см. Greg. Tur. Hist. I, 7; см. также Greg. Tur. Hist. II, 18, 28; III, 4). Но особенно сильно это проявляется в сообщениях о переходе власти от умершего короля к его сыну[668]. Иногда Григорий Турский начинает (см. Greg. Tur. Hist. III, 1) или заканчивает (см. Greg. Tur. Hist. III, 37; IV, 51; VIII, 46) подобными сюжетами очередную книгу «Истории франков». В начале XX главы I книги «Истории лангобардов» Павел Диакон сообщает о смерти короля Клефа и о воцарении его сына Тато и продолжает рассказ уже о сыне (см. Pauli Hist. Lang. I, 20). В «Церковной истории» это проявляется в генеалогиях, присутствующих в тексте. Две из четырех генеалогий начинаются с ныне «живущего» представителя рода — *filius* — и, через термин *pater*, восходят к основателю рода, то есть идут от «настоящего» к «прошлому»: *«…Erant autem filii Uictgilsi, cuius pater Uitta, cuius pater Uecta, cuius pater Uoden…Erat autem idem Aedilberct filius Irminrici, cuius pater Octa, cuius pater Oeric…Cuius pater Hengist, qui cum filio suo Oisc…»* (Bede Hist. Eccles.I, 15; II, 5)*, «…rex Reduald… filius Tytili, cuius pater fuit Uuffa, a quo reges Orientalium Anglorum Uuffingas appellant…»* (Bede Hist. Eccles. II, 15).

Другой семантической особенностью восприятия термина *filius* в «Истории франков» является наличие у него коннотации пассивность и покорность. Она проявляется в сообщениях, связанных с контекстом взаимодействия отцов и сыновей (см., Greg. Tur. Hist. II, 7, 9, 37; III, 3, 21; IV, 9, 16, 20, 47, 50, 51; V, 3, 13, 39, 48, 51; VI, 18, 29; 40; 43; VII, 47; VIII, 28, 42, 44; IX, 32; 33, 35, 36; X, 8), а также в контексте брака (Greg. Tur. Hist. III, 20). В большинстве случаев, даже когда речь идет о совместных действиях, субъектом в них выступает отец, называемый по имени, а сын занимает подчиненное положение. В «Церковной истории» данные коннотации несколько смягчаются. В светских вопросах сын по–прежнему изображается как подчиненный отцу (Bede Hist. Eccles. II, 5; III, 24), но и в делах, связанных с церковью, они могут выступать на равных (Bede Hist. Eccles. III, 25, 28).

---

[666] См. об этом также Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 64–86.
[667] *«…Имел Ной трех сыновей…»*.
[668] См. Greg. Tur. Hist. II, 18, 27, 28, 37; III, 1, 5, 37; IV, 51; VII, 7; VIII, 46; IX, 1; Bede Hist. Eccles. I, 5; II, 5; III, 7, 8, 18, 24; IV, 1, 5; V, 18, 19, 23; Pauli Hist. Lang. I, 18, 20; II, 10; III, 10; IV, 38, 41, 44, 47, 49, 51; V, 30, 33; VI, 2, 11, 30, 51, 55. Кроме наследования власти, Григорий Турский также упоминает наследование грехов и наказаний за них (см. Greg. Tur. Hist. IV, 24; V, 20, 22; IX, 10).

В «Истории лангобардов» *filius* обретает бóльшую самостоятельность и в военных делах. Когда отец не решается наградить сына за победу в битве, он сам отправляется добывать себе награду (см. Pauli Hist. Lang. I, 23-24). В вопросах же управления государством сыновья послушны отцам[669], хотя встречается и несколько исключение из этого правила (Pauli Hist. Lang. III, 21; VI, 53; V, 10, 29, 35, 37; VI, 32, 35, 38, 51).

Кроме того, одной из важнейших функций термина *filius* в рассматриваемых произведениях было определение положения человека в обществе. Для этого в тексте используется именование человека через обороты *«X, сын Y»*[670] и *«X, Y сын»*[671], где X — имя сына, а Y — в большинстве случае имя отца[672]. В общей сложности в этом качестве термин используется в «Истории франков» 44 раза из 403, в «Церковной истории» — 28 из 72 раз, в «Истории лангобардов» — 18 из 122 раз.

Так, авторы, прежде всего, утверждали факт существования своих героев: они были рождены, они были сыновьями, у них были отцы, следовательно, они существовали. Сообщая, например, о легендарном основателе Вавилона Нимроде, он пишет: *«…Haec est Babilonia a Nebroth gygante aedificata, filio Chus…»*[673] (Greg. Tur. Hist. I, 6). Таким образом, он превращает легендарного персонажа в реально существовавшее лицо. Кроме того, это помогает локализовать их во времени и пространстве:

«время»	«пространство»
«…Superstes enim erant his diebus filii regis…»[674] (Greg. Tur. Hist. V, 20; см. также Greg. Tur. Hist. V, 39; VII, 7; Bede Hist. Eccles. II, 18; V, 19);	*«…Guntchramnus vero rex volens regnum nepotis sui Chlotchari, fili scilicet Chilperici…»*[675] (Greg. Tur. Hist. VIII, 18; см. также VIII, 42; IX, 18);

[669] Когда Куникперт пытается перечить воле отца в отношении Алахиса, Перктарит подчиняется, но Павел Диакон осуждает сына за подобное поведение (см. Pauli Hist. Lang. V, 36).
[670] См. Greg. Tur. Hist. I, 6; II, 9(2), 37, 40; III, 1; IV, 35; V, 3, 22, 26; VI, 45; VIII, 18, 30, 38, 43; IX, 9, 13; X, 2(2), 19, 28; Bede Hist. Eccles. I, 10, 11; II, 14(2), 15(2), 20(2); III, 4, 14, 18, 22, 23, 24(2); IV, 16, 26 (3); V, 19(3), 23; Pauli Hist. Lang. I, 14, 21(2), 23; IV, 11, 27, 37, 48; VI, 22.
[671] См. Greg. Tur. Hist. I, 27; II, 27; IV, 13, 23, 39, 45, 47; V, 3, 16, 25; VI, 7, 24; VII, 12, 36, 47; VIII, 42; IX, 18(2); X, 11; Bede Hist. Eccles. I, 17; III, 24; Pauli Hist. Lang. I, 23; II, 22, 24; III, 16, 21; V, 7; VI, 22, 23. Кроме того, встречается конструкция «*сын Y, X*» (Greg. Tur. Hist. II, 37; Bede Hist. Eccles. II, 12; III, 1, 24). К ней можно отнести и определения, где отсутствует имя сыновей: *«…он отправил посла к сыну Сигиберта…»* (Greg. Tur. Hist. II, 40; см. также Greg. Tur. Hist. V, 5, 17; X, 21).
[672] Во всех трех источниках встречается всего несколько исключений из этого правила. В основном заменяется указание имени отца или сына, на указание их степени родства по отношению к другому персонажу. В рассказе об убийстве Сигиберта Хромого, Хлодвиг называет его сына *«Хлодерих, сын моего родственника»* («*Chlodericus, filius parentis mei*», Greg. Tur. Hist. II, 40; см. также Greg. Tur. Hist. VI, 3, 24; VII, 36; X, 28; Pauli Hist. Lang. IV, 4). Также встречается определение по обоим родителям. В сообщение о смерти графа Паллалия, Григорий Турский говорит о нем как о *«сыне графа Бритиана и Цезарии»* («*Palladius autem, Britiani quondam comites ac Caesariae filius*», IV, 39; см. также Pauli Hist. Lang. IV, 37). В «Церковной истории» Беда Достопочтенный использует как указания на сложную степень родства, так и упоминание женщины в качестве Y. В сообщение о передачи земли епископом Вилфридом его племянник назван *«сыном его сестры»* («*…nomen Bermuini, et erat filius sororis eius…*», см. Bede Hist. Eccles. IV, 16; см. также Bede Hist. Eccles. IV, 22; Pauli Hist. Lang. VI, 58). Кроме того, женщины в качестве Y используются Григорием Турским при описании сложных степеней родства или родства одного человека по отношению к двум людям одновременно: *«filio uxoris suae»* вместо «пасынок» (см. Greg. Tur. Hist. IX, 20); *«…Berthchramnum, germanum eius, filium videlicet suum…»* (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33); *«…arcessitu filio meo, nepote suo…»* (см. Greg. Tur. Hist. X, 28).
[673] *«…Эту Вавилонию построил великан Нимрод, сын Хуша…»*.
[674] *«…в это время еще были живы сыновья короля…»*.
[675] *«…Король Гунтрамн, желая управлять королевством своего племянника Хлотаря, сына Хильперика…»*.

Это также помогает ориентировать читателя, создавая единую картину событий из разбросанных сообщений, связывая их друг с другом, объясняя их причины и следствия[676]. Наконец, в раннесредневековом обществе указание на родственные связи было, часто, единственным способом ответа на вопрос о человеке «Кто он?»[677]. При этом степень родства *сын*, была самой удобной, т.к. каждый человек, чтобы существовать, должен быть кем-то рожден, следовательно, должен быть *сыном*.

Кроме того, с контекстом определения термина *filius* связана «скрытая причинность». Порой авторам рассматриваемых нами источников достаточно просто указать степень родства, чтобы стали понятны мотивы действий героев сообщения[678].

Наконец, иногда в контексте определения *filius* используется для указания на социальное положение без сообщения имени самого *сына* или его *отца*:

«История франков»	«История лангобардов»
«…relicto matris consilio, quae ei regis filium providebat…»[679] (Greg. Tur. Hist. III, 31; см. так же Greg. Tur. Hist. VIII, 26).	*«…non esse apud nos consuetudinem, ut regis cum patre filius prandeat…»*[680] (Pauli Hist. Lang. I, 23).

Таким образом, термин *filius* не только используется для рассказа о происхождении человека, но и для указания социального положения безотносительно к конкретному лицу.

В целом степень родства *сын* и передающий ее термин *filius* употребляются в рассматриваемых источниках чаще всех остальных. В восприятии *сына*, как и в случае с *матерью*, имел значение не только фактор биологического происхождения, но и признание со стороны родителей, прежде всего, отца и установление особых отношений с ним. При этом, для Григория Турского первостепенное значение имел последний фактор, что может быть связанно с распространением в галло–римском обществе института усыновления, в результате которого человек становился сыном в социальном смысле, не будучи им биологически. Беда Достопочтенный и Павел Диакон, напротив, на первое место ставили кровное родство с родителями, возможно в связи с тем, что в их обществах усыновления не практиковались. Среди коннотаций термина *filius* нами были отмечены коннотации настоящего/будущего и покорности. Последняя, однако, обладает разной интенсивностью у наших авторов: у

[676] Например, с помощью термина *filius* Григорий Турский связывает XII (о Хильдерике и Эгидии) с XXVI (об их сыновьях Хлодвиге и Сиагрии) главы II книги «Истории франков» (см. также Pauli Hist. Lang. III, 16), помогая читателю сориентироваться во времени и месте действия.
[677] См., например, *«…Между франками, жившими в Туре, возник серьезный раздор, из–за того, что сын одного франка бранил сына другого франка за то, что женился на его сестре, оставив ее, ходил к любовнице…»* (Greg. Tur. Hist. X, 27). В случае, когда имя неизвестно или мало известно, степень родства становится единственным средством именования человека.
[678] Заканчивая рассказ о смерти Хлодомера, Григорий Турский сообщает: *«…что касается его сыновей, королева Хродехильда после траура, забрала их…»* (Greg. Tur. Hist. III, 6). Таким образом, Григорию Турскому не нужно пояснять, что она заботиться о них, т.к. является их бабушкой. Также, в сообщении о короле Гунтрамне и Магнатруде, автор «Истории франков» не объясняет, почему король отсылает своего сына в Орлеан (см. Greg. Tur. Hist. IV, 25). См. также, например, Greg. Tur. Hist. III, 5, 6, 23, 28, 31; IV, 23; V, 20; VII, 21, 32, 38; X, 8.
[679] *«…она пренебрегла советом матери, чтобы она вышла за сына короля…»*.
[680] *«…нет у нас обычая, чтобы сын короля ел вместе с отцом…»*.

Григория Турского сын послушен отцу во все вопросах, у Беды Достопочтенного — может действовать самостоятельно в делах, связанных с церковью, у Павла Диакона — в военных вопросах. Очень часто термин используется для «определения» человека: указание на его происхождение и родственные связи, социальное положение, локализации во времени и пространстве. Необходимо также отметить, что это один из двух терминов родства, не имеющих синонимов в рассматриваемых источниках.

Filia

Термин *filia*[681] в рассматриваемых нами источниках встречается чаще, чем термин *mater*, но значительно реже термина *filius*: 106 раз в «Истории франков», 35 раз в «Церковной истории народа англов» и 41 раз в «Истории лангобардов». При этом значение степени родства — *дочь* — «лицо женского пода по отношению к своим родителям»[682] — является единственным, в котором употребляется данный термин (см. Приложение 22-25). Как и в случае с *filius*, для характеристики *filiae* наши авторы используют различные эпитеты. Они выделяют родных дочерей, дочерей по крови — *filia naturalis* и приемных дочерей — *locus filia*. Кроме того, дочери могли быть плотскими (*filia carnalis*) и духовными (*filia spiritualis*). Наконец, в рассматриваемых источниках присутствует группировка по возрастам: малолетняя — *parvola filia*, и старшая — *filia maior*.

В отличие от термина *filius* мы не встречаем в рассматриваемых источниках пояснения термина *filia*. Однако довольно часто наши авторы говорят о рождении дочерей (см., например, Greg. Tur. Hist. I, 44; Bede Hist. Eccles. II, 9; Pauli Hist. Lang. I, 27).

Принимая во внимание достаточное количество сообщений о рождении/наличии дочерей, можно прийти к выводу, что биологическое родство между *filia* и ее родителями имело важное значение в восприятии данной степени родства[683]. Кроме того, Григорий Турский и Беда Достопочтенный делают оговорки в случаях, если дочь не состояла в кровном родстве с одним из родителей (Greg. Tur. Hist. III, 23; Bede Hist. Eccles. III, 8).

С другой стороны, признание родителями соответствующей степени родства с ребенком и выполнение ими надлежащих обязанностей по отношению к нему также являлось важным компонентом восприятия этого термина. Так, король Гунтрамн в договоре с королем Хильпериком обещает *«…Chlodosuindam, germanam domni Childeberthi regis... vel eius reginam Faileubam tamquam sororem bonam et filiasin sua tuitione et defensione spiritali dilectione recipiat…»*[684] (Greg. Tur. Hist. IX, 20). Королева-монахиня Радегунда отзывается о

[681] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Filia // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 427.
[682] Дочь // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 181.
[683] Сравни с этимологией Исидора Севильского (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 537).
[684] *«Хлодозинду, родную сестру господина-короля Хильдеберта… королеву Файлевбу как добрую сестру и дочь в духовной любви примет под свое покровительство и защиту…»*.

настоятельнице, выбранной ею для своего монастыря, так: *«…domnam et sororem meam Agnitem, quam ab ineunte aetate loco filiae colui et eduxi…»*[685] (Greg. Tur. Hist. IX, 42). Таким образом, для степени родства, выражающегося термином *filia*, одинаково важным представляется как биологическая, так и духовная составляющая.

Значение кровного родства ярче всего проявляется в определениях, которые даются женщинам при помощи данного термина. *Filia* участвует в именованиях всего двух видов: *«X дочь Y», «X Y дочь»* (*«X filia Y», «X Y filia»*)[686]. При этом *Y*, в большинстве случаев, это мужчина, являющийся биологическим отцом женщины X. Всего в двух случаях в «Церковной истории» и «Истории лангобардов» в качестве Y указывается женщина. Однако в обоих случаях сообщается и о ее родстве с мужчиной (Bede Hist. Eccles. III, 8; Pauli Hist. Lang. VI, 50). Кроме того, в одном случае в «Истории лангобардов» указываются оба родителя — отец и мать женщины (Pauli Hist. Lang. IV, 47). Таким образом, хотя в текстах рассматриваемых нами источников встречается упоминание термина *filia* в сообщениях с контекстом духовного родства, однако в случаях определений женщины связываются, так или иначе, родством с мужчиной. Функции же данных определений в целом аналогичны с функциями, которые выделяются для них с термином *filius*: они помогают определить место женщины во времени и пространстве, а также указать ее социальное положение.

Переходя к контекстуальному употреблению *filia*, необходимо отметить, что наиболее часто термин встречается в сообщениях о свадьбах/помолвках или родстве посредством замужества собственной дочери или заключения брака с чьей-то дочерью. В «Истории франков» в данном контексте встречается 25 употреблений данного термина, что составляет 23% от общего числа; в «Церковной истории» — 5 раз (14%); в «Истории лангобардов» — 14 раз (34%). В сообщениях, где речь идет о свадьбах и родстве путем заключения брака, термин *filia* чаще всего является частью определения, строящегося по схеме *«X filia Y»* (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 21; IV, 25, 41; Bede Hist. Eccles. II, 9; Pauli Hist. Lang. III, 10; VI, 2). При этом степень родства, выраженная данным термином, фактически выступает как причина заключения брака. В сообщениях же о помолвках термин *filia* обычно сочетается с притяжательным местоимением (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 46; VI, 34; Pauli Hist. Lang. III, 12, 30)

По всей видимости, в момент помолвки и до заключения брака дочь воспринималась как «собственность» отца. После свадьбы на первый план выходили ее родственные узы с ним. При этом практически во всех сообщениях сторона жениха/мужа выступает как инициатор заключения союза, сторона же дочери остается пассивной. Исключения составляют лишь

[685] *«…госпожу и сестру мою Агнессу, о которой я заботилась и воспитывала с малолетства…».*
[686] См. Greg. Tur. Hist. III, 5, 7; IV, 25, 27; VIII, 32; IX, 24, 33, 34; Bede Hist. Eccles. II, 9, 14, 20; III, 8, 11, 15, 21; IV, 3, 19, 23; V, 24; Pauli Hist. Lang. I, 21(3), 27; IV, 47; VI, 2, 43, 50(2).

случаи, когда отец, в понимании авторов «Историй», превосходит могуществом жениха. Например, в «Истории франков» и «Истории лангобардов» содержится упоминание о конфликте императора Тиберия и Юстиниана, который чуть было, не завершился свадьбой между их детьми. При этом именно Тиберий, как более авторитетная фигура, объявляется инициатором брака своей дочери с Юстинианом, который, впрочем, так и не состоялся (Greg. Tur. Hist. V, 30; Pauli Hist. Lang. III, 12). Впоследствии, по инициативе все того же Тиберия его дочь выходит замуж уже за Маврикия (Greg. Tur. Hist. VI, 30; Pauli Hist. Lang. III, 15). То же самое мы можем наблюдать в случае короля Гримуальда и графа Транзимунда: именно по желанию короля его дочь выходит замуж за графа (см. Pauli Hist. Lang. V, 16). По-разному воспринимают Григорий Турский, и Павел Диакон брак между дочерью короля Хлотаря Хлодозиндой и лангобардским королем Альбоином (ср. Greg. Tur. Hist. IV, 3 и Pauli Hist. Lang. I, 27). Григорий Турский считал, по всей видимости, что Хлотарь ничем не превосходит своего зятя. Такое отношение, в целом, соответствует восприятию автором «Истории франков» этого короля. Для Павла Диакона это возможность напомнить своим соотечественникам о времени, когда могущество лангобардского королевства признавалось франками. Во всех сообщениях, где термин *filia* присутствует в брачно–семейном контексте, ему свойственна пассивность: дочери, подобно вещам, передаются из рук отца в руки мужа, не совершая каких–либо самостоятельных действий.

Черты, характерные для рассматриваемого нами термина, проявляются также в сообщениях о рождении/наличии дочерей. Их значительно меньше, чем в случае с термином *filius*, и отношение авторов к ним различно. Общее восприятие появления на свет дочери хорошо отражает сообщение Григория Турского о епископе Клермона Урбике, нарушившем обет воздержания со своей женой. Последнее рассматривается автором «Истории франков» как большой грех, результатом которого и стало рождение у супругов дочери (см. Greg. Tur. Hist. I, 44). Тот факт, что у короля Хильперика в живых остались лишь дочери, а все его сыновья погибли, также служит, по мнению Григория Турского, своеобразным наказанием для него (см. Greg. Tur. Hist. V, 14). Дочерей Хлотаря I и его сына Харибета — Хлодозинду и Берту, автор «Истории франков» упоминает лишь по причине важности их брачных союзов (см. Greg. Tur. Hist. IV, 3, 26), игнорируя остальных.

Схожее восприятие мы встречаем в «Истории лангобардов» Павла Диакона. В двух сообщениях о наличии у королей исключительно детей женского пола он добавляет слово «только»:

«…De qua unam tantum filiam Alpsuindam nomine genuit…»[687] (Pauli Hist. Lang. I, 27);	*«…de qua unam solum modo filiam genuit…»*[688] (Pauli Hist. Lang. VI, 43).

О дочерях короля Вахо Визегарде и Вальдраде автор «Истории лангобардов» сообщает лишь в связи с их браками с франкскими королями (см. Pauli Hist. Lang. I, 21). Нейтральными по своей сути являются лишь упоминания *filia* в рассказах о наличии дочерей у герцога Бенавента Радуальда (см. Pauli Hist. Lang. IV, 46) и Ромильды, жены герцога Форума Юлия Гизульфа (см. Pauli Hist. Lang. IV, 37), причем последние прославляются, как сумевшие сохранить целомудрие, находясь в плену у авар.

По-иному относится к рождению/наличию у мужчины дочерей Беда Достопочтенный. Например, король Эдвин Нортумбрийский *«…gratias ageret diis suis pro nata sibi filia…»*[689] (Bede Hist. Eccles. II, 9), которая появилась на свет в пасхальную ночь. Ее рождение и последующее крещение подается как знак будущего обращения королевства. Сообщая об обращении остальных детей этого короля, Беда, по всей видимости, говорит о них в порядке их рождения, помещая дочь Эдильфриду между двумя сыновьями (см. Bede Hist. Eccles. II, 14). В рассказе же о бегстве королевы Эдильберги из Нортумбрии Энфледа упоминается первой перед сыном и внуком Эдвина.

Таким образом, термин *filia* передающий степень родства *дочь* демонстрирует особенности восприятия схожие с теми, что были отмечены нами для сына. В ее восприятии важную роль играет как кровное родство, так и признание со стороны родителей. Для обоих терминов характерна коннотация пассивности. Слово *filia* преимущественно встречается в сообщениях о рождении и заключении брака. Эти события, в изображении наших авторов, являются ключевыми в жизни женщины в ее родительской семье. *Filia* также встречается в определениях, в которых всегда указывается на ее родственную связь с мужчиной. Данная степень родства в рассматриваемых источниках передается только термином *filia*, у которого отсутствуют синонимы и другие значения.

2.1.б. Через поколение: avus/avia, nepos

Термины, передающие кровное родство через поколение, в изучаемых нами источниках встречаются достаточно редко, и, скорее всего, это связано с низкой продолжительностью

[687] *«…От которой он имел всего только одну дочь Альпсвинду…».*
[688] *«…от которой родил только одну дочь…».*
[689] *«…возблагодарил своих богов за рождение дочери…».*

жизни в период раннего Средневековья. Среди таких терминов *avus*/*avia* и *nepos* (см. Приложение 26).

В рассматриваемых нами произведениях термин *avus*[690] встречается два раза в «Истории франков» Григория Турского и три раза в «Истории лангобардов» Павла Диакона. Беда Достопочтенный не использует термин *avus* в своих произведениях. Как Григорий Турский, так и Павел Диакон используют его в значении степени родства *дед* — «отец отца или матери»[691].

Контексты, в которых употребляется *avus*, условно можно разделить на две группы: 1) наследование/преемственность; 2) происхождение. К сообщениям о наследовании можно отнести рассказ об убийстве сына короля Сигимунда Сигериха (Greg. Tur. Hist. III, 5) и родословную Павла Диакона (Pauli Hist. Lang. IV, 37). При этом, хотелось бы отметить, что речь идет не об обычном наследовании. В случае Сигериха желание получить королевство деда рассматривается как преступное, поскольку может быть осуществлено лишь после смерти отца[692]. Во втором сообщении речь идет о наследовании имени[693].

К сообщениям с контекстом преемственности можно отнести письмо св. Радегунды, в котором она просит королей франков поддерживать ее монастырь, как это делали их отец и дед[694]. С этим же контекстом соотносится сообщение о захоронении короля Куникперта в базилике, построенной его дедом Арипертом (Pauli Hist. Lang. VI, 17.).

Последний раз термин *avus* встречается в генеалогии Павла Диакона: *«…Iste... extitit meus proavus. Hic etenim genuit avum meum Arichis, Arichis vero patrem meum Warnefrit, Warnefrit autem ex Theudelinda coniuge genuit me Paulum meumque germanum Arichis…»*[695] (Pauli Hist. Lang. IV, 37).

---

[690] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Avus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 96. Этимологию термина дает Исидор Севильский (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536).

[691] Дед // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 160.

[692] Подробнее о причинах этого см., например, в Drout M.D.C. Opp. cit. P. 213–214.

[693] Во всех трех рассматриваемых нами «Историях» встречается еще только одно упоминание об именовании детей в честь умершего родственника: в «Истории лангобардов» Гумперга, жена герцога Бенавента Ромуальда, называет своего сына в честь своего отца Гизульфа (см. Pauli Hist. Lang. VI, 50).

[694] По поводу перевода данного отрывка на новоевропейские языки не существует единого мнения. Исходный текст Григория Турского не совсем ясен: *«…monasterium, quod ex permisso et solatio domnorum regum patres vel avi eorum construxisse visa sum et ordinasse regulariter vel dotasse…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 42). В переводе В.Л. Савуковой: *«…монастырем, который я основала с разрешения и с помощью их отца и деда–государя…»* (Григорий Турский. История франков. С. 280); в английском переводе Торпа: *«…this nunnery, which, with the express permission and approval of the kings their fathers and grandfathers…»* (Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. P. 537); во французском переводе Гизо: *«…le monastère que j'ai voulu construire par la permission et les secours des seigneurs rois leurs pères ou aïeux…»* (Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. 2. P. 78). Наиболее удачным, на наш взгляд, является перевод В.Л. Савуковой, так как все правящие на тот момент Меровинги были потомками мужа Радегунды Хлотаря I и его сына Сигиберта, что исключает использование этих терминов во множественном числе. Что касается использования Гизо термина *aïeux* в качестве перевода *avi*, то он также выглядит не слишком удачно, учитывая время основания монастыря.

[695] *«…Он… был моим прадедом… Ибо он породил моего деда Арихия, Арихий же – моего отца Варнефрита. Варнефрит же от супруги Теуделинды родил меня, Павла, и моего брата Арихия, который носил имя нашего деда…»*. О роли именаречения в переживании родства см. п. 3.1.3. Помятование.

В рассматриваемых нами произведениях *avia*[696] встречается только в «Истории франков» Григория Турского (Greg. Tur. Hist. V, 38; IX, 38). При этом единственным его значением является степень родства *бабушка* — «мать отца или матери»[697]. В обоих случаях речь идет о еще живых бабушках, тогда как все упомянутые *avi* мертвы. Интересно отметить, что женщины, называемые *avia* — королевы Гоисвинта и Брунгильда — являются между собой матерью и дочерью. Первая описывается как бабушка по отношению к дочери Брунгильды Ингунде, вторая — по отношению к детям своего сына Хильдеберта. В обоих случаях термин соотнесен с темой покровительства.

В «Истории франков» и «Истории лангобардов» встречается термин *nepos*[698]. В рассматриваемых нами произведениях преобладает использование этого термина в значении *племянник*, которое, как показывают словари средневековой латыни, стало для него основным. В значении *внук* — «ребенок сына или дочери»[699] — данный термин встречается всего в 4 случаях[700] в «Истории франков» и «Истории лангобардов». В «Истории франков», в частности, присутствует пояснение значения *nepos*: *«…nepotibus suis, quos de filio uno habebat…»*[701] (Greg. Tur. Hist. IX, 33). При этом внуки изображаются как малолетние дети, нуждающиеся в опеке. Так, Инготруда и ее внуки (дети одного из ее сыновей, которые, по всей видимости, находились на ее попечении) получает в совместное владение одну третью часть состояния ее покойного мужа (Greg. Tur. Hist. IX, 33). В сообщениях о регентстве королевы Брунгильды Павел Диакон в обоих случаях использует термин *nepos* вместе с уточняющими существительными *puerulus* и *parvulus* (см. Pauli Hist. Lang. IV, 11). Единственный случай, когда этим термином описываются родственные связи взрослого человека — св. Евфрония — находится в контексте рассказа о происхождении. При этом внуком Евфроний является по отношению к своему мертвому деду св. Григорию.

---

[696] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Avia // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 96. Этимологически *avia* восходит к *avus* (см. Avia I // Oxford Latin Dictionary. P. 214; Avia // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 96).

[697] Бабушка // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 39.

[698] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Nepos // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 509.

[699] Внук // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 92; см. также Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 539.

[700] Не совсем ясно имеет ли Григорий Турский в виду *внука* или *племянника* в случае со св. Евфронием: *«…De sancto vero Eufronio interrogans, dixerunt, eum nepotem esse beati Gregorii…»* (Greg. Tur. Hist. IV, 15). В.Л. Савукова переводит *nepos* как *внук*: *«…Когда король стал спрашивать о святом Евфронии, ему сказали, что он приходится внуком блаженному Григорию…»* (Григорий Турский. История франков. С. 90). Однако Торп и Гизо считают его племянником Григория: *«…The king made inquiries about Saint Eufronius, and he was told that he was a nephew of Saint Gregory…»* (Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. P. 210); *«…Et de cette sorte il s'en alla confus, et le roi s'étant informé de saint Euphronius, ils lui dirent qu'il était neveu du bienheureux Grégoire dont nous avons parlé…»* (Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T.1. P. 186). Хотя в генеалогическом древе, представленном во введении к английскому переводу «Истории франков», Торп изображает св. Евфрония внуком св. Григория (см. Thorpe L. Introduction // Gregory of Tours. History of the Franks. P. 11). На наш взгляд, вариант *внук* является более вероятным, т.к. мы не находим упоминании о наличии у св. Григория Лангрского братьев или сестер, но нам известно, что он был женат и имел сыновей.

[701] *«…его внуками, которых он имел от сына…».*

2.1.в. Через два и более поколения: proavus, abavus и atavus

Среди терминов, обозначающих родство по прямой линии через два и более поколения, в наших источниках встречаются *proavus, abavus* и *atavus*. Однако, случаи их использования единичны (см. Приложение 26).

Термин *proavus*[702] в общей сложности встречается в «Историях» 4 раза. При этом в трех случаях *proavus* передает степень родства *прадед* — «отец деда или бабушки»[703], и в одном случае — *предки*. Все они находятся в сообщениях, которые могут быть отнесены к контексту происхождения[704].

В этом же контексте Павел Диакон употребляет термин *abavus*[705]: *«…Italiam venit, Leupchis meus abavus…»*[706] (Pauli Hist. Lang. IV, 37). Продолжая рассказ о родословной папы Григория I, Беда Достопочтенный использует термин *atavus*[707]: *«…Denique Felix eiusdem apostolicae sedis quondam episcopus... eius fuit atauus…»*[708] (Bede Hist. Eccles. II, 1). Сам Беда, как отмечает Селлар, не использует данный термин для указания на точную степень родства между Григорием и Феликсом[709], обозначая последнего как предка.

На основании сказанного выше мы можем констатировать, что термины, обозначающие степени родства через поколение (*дед* и *бабушка*) встречаются в наших источниках крайне редко. Основным контекстом для них является контекст происхождения. В связи с этим, меньшее число упомянутых *бабушек* может объясняться тем, что они не встречаются в генеалогиях. Интересно отметить, что все *дедушки*, в наших источниках, мертвы, а *бабушки*, напротив, живы и опекают своих *внуков*. Последние также крайне редко упоминаются в «Историях», с чем может быть связано изменение основного значения у термина *nepos*, который в классической латыни передавал эту степень родства, на значение *племянник*. Все упомянутые внуки являются малолетними и находятся под опекой *бабушек*.

---

[702] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. Proavus // Oxford Latin Dictionary. P. 1464. См. также Proavus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 619.
[703] Прадед // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 575. См. также Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536.
[704] Так, Григорий Турский, говоря о месте захоронения своего брата–диакона Петра, уточняет, что последний *«…secus sanctum Gregorium, proavum nostrum, sepelitur…»* (Greg. Tur. Hist. V, 5). Павел Диакон, рассказывая о своем прадеде Лопихисе, дважды напоминает о степени их родства: *«…Lopichis, qui noster postea proavus extitit…», «…Iste... extitit meus proavus…»* (Pauli Hist. Lang. IV, 37). Беда Достопочтенный использует термин *proavus* в значении *предок* в родословной папы Григория Великого*: «…Erat autem natione Romanus, a patre Gordiano, genus a proauis non solum nobile…»* (Bede Hist. Eccles. II,1).
[705] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Abavus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 12; Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536).
[706] *«…Пришел в Италию, мой прапрадед Леупхис…»*.
[707] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Atavus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 86; Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 536).
[708] *«…Феликс, некогда епископ на апостольском престоле… был его прадедом…»*.
[709] См. A.M. Sellar // The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Transl. and ed. by A.M. Seller. P. 75.

2.1.г. Через несколько поколений

Среди терминов, передающих кровное родство через несколько поколений, в рассматриваемых нами произведениях встречаются: *parentes, progenitores, patres, posteri, progenies, semena*.

Parentes, progenitores[710], patres

Термины со значением *предок* встречаются только в двух из трех рассматриваемых нами «Историй». В этом значении Григорий Турский, и Беда Достопочтенный используют термины *parentes, progenitores, patres* (см. Приложение 27). Наиболее распространенным из них можно назвать первый. Он встречается и в «Истории франков», и в «Церковной истории» (см. Greg. Tur. Hist. IV, 48; V, Praef., 49; Bede Hist. Eccles. I, 27; II, 1, 12; V, 22)[711]. Только один раз *parentes* упомянуты в цитате из письма папы римского Григория I (см. Bede Hist. Eccles. I, 27), в остальных случаях они встречаются в «авторских» фрагментах текста. Под данным термином Григорий Турский понимал только группу мужчин–предков, а Беда Достопочтенный подразумевал, как группу мужчин (см. Bede Hist. Eccles. II, 1), так и смешанную группу мужчин и женщин (Bede Hist. Eccles. I, 27; II, 12; V, 22). В источниках *parentes* могут являться предками как одного человека (см. Greg. Tur. Hist. V, 49; Bede Hist. Eccles. II, 1, 12), так и группы людей. В целом оба автора используют термин при сравнении прошлого с настоящим. Прошлое, при этом, ассоциируется с *parentes*. Необходимо отметить, что оба автора проводят качественное различие между прошлым и настоящим:

«История франков»	«Церковная история»
«…Et adhuc obstupiscimus et admiramur, cur tantae super eos plagae inruerint. Sed recurramus ad illud quod parentes eorum egerunt et isti perpetrant. Illi post praedicationem sacerdotum de fanis ad ecclesias sunt conversi; isti cotidie de ecclesiis praedas detrahunt. Illi sacerdotes Domini ex toto corde venerati sunt et audierunt; isti non solum non audiunt, sed etiam persecuntur. Illi monasteria et ecclesias ditaverunt; isti eas	*«…Tum ille tertio: ‘Si autem,’ inquit, ‘is, qui tibi tanta taliaque dona ueraciter aduentura praedixerit, etiam consilium tibi tuae salutis ac uitae melius atque utilius, quam aliquis de tuis parentibus aut cognatis umquam audiuit, ostendere potuerit, num ei obtemperare, et monita eius salutaria suscipere consentis?’…»*[713] (Bede Hist. Eccles. II, 12; см. также I, 27; V, 22);

[710] Термины *parentes* и *progenitores* встречаются в рассматриваемых источниках только во множественном числе.
[711] См. Parens I // Oxford Latin Dictionary. P. 1295–1296; Parens // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 752; Parens // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 763.
[713] *«…Тогда незнакомец спросил в третий раз:” А если тот, кто правдиво предскажет тебе все эти великие блага, даст тебе ведущий к твоему спасению совет, который никто из твоих предков и родственников никогда не слышал, послушаешься ли ты его и примешь ли тот спасительный совет?” …»*.

diruunt ac subvertunt…»[712] (Greg. Tur. Hist. IV, 48; см. также Greg. Tur. Hist. V, Praef.);	

Некоторая преемственность наблюдается только тогда, когда оба автора рассказывают о священнослужителях (см., например, (Greg. Tur. Hist. V, 49; Greg. Tur. Hist. V, 49)

Термин *progenitores*[714] встречается только в «Церковной истории» и всего два раза (см. Bede Hist. Eccles. II, 12; III, 6), однако оба они находятся во фрагментах, написанных Бедой лично. В обоих случаях он используется в значении *предок*[715] — «древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений»[716]. Хотя этимологически термин восходит к глаголу *progigno*[717] — «рождать, порождать, производить на свет»[718], однако только в одном из случаев Беда имеет в виду предков–родственников (см. Bede Hist. Eccles. II, 12). Автор «Церковной истории» не поясняет значение слова *progenitores*, но исходя из контекста, можно предположить, что данный термин мог обозначать, как мужчин–предков (см. Bede Hist. Eccles. II, 12), так и женщин (см. Bede Hist. Eccles. III, 6). В обоих случаях речь идет о сравнении прошлого с настоящим/будущим. При этом первое ассоциируется с термином родства. Как и в случае с *parentes*, прошлое, репрезентуемое им, представляется хуже настоящего: предки короля Эдвина имели меньше политической власти, *progenitores* короля Освальда были язычниками. Исходя из его местонахождения в тексте, можно предположить, что, скорее всего, Беда рассматривал его в качестве синонима термина *parentes*[719].

Также в тексте «Церковной истории» в трех случаях в значении *предки* используется термин *patres*[720]. Возможно, на использование данного термина в этом значении повлияло

---

[712] *«…Мы еще и теперь поражаемся и удивляемся, за что на этих людей обрушились такие беды. Но давайте вернемся к тому, что совершали их предки и что они делают. Первые после проповеди святителей шли из капища в храм; вторые из церкви каждый день уносят добычу. Те от всего сердца почитали святителей господних и слушали их; а эти не только не слушают, но даже преследуют их. Те обогащали монастыри и церкви; эти же их разрушают и уничтожают …».*

[714] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Progenitor // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 623.

[715] Так его переводят В.В. Эрлихман и А.М. Селлар:

В.В. Эрлихман	А.М. Селлар
1) *«…превзойдешь могуществом не только всех твоих предков, но и всех, кто правил англами до тебя…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 63); 2) *«…уповать на Царствие Небесное, о котором не ведали их предки…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 79);	*«…surpassing in power, not only all your own ancestors, but even all that have reigned before you in the English nation…»* (The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. by A.M. Sellar. P. 114). *«…to hope for a heaven kingdom unknown to his fathers…»* (The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. by A.M. Sellar. P. 146).

[716] Предок // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 578.

[717] Progenitor // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 623; см. также Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 539.

[718] Progigno // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 623.

[719] В первом случае встречается после употребления термина в схожем контексте (см. Bede Hist. Eccles. III, 6). Во втором, смысл предложения совпадает с первым употреблением термина:

«…что если, он даст тебе… совет, который никто из твоих предков и родственников никогда не слышал…» (Bede Hist. Eccles. II, 12);	*«…управляемый им народ англов научился уповать на Царствие Небесное, о котором не знали его предки…»* (Bede Hist. Eccles. III, 6)

[720] Также, как и в случае с *parentes*, данное значение термина *pater* не фиксируется в средневековой латыни (см. Pater // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 772).

знакомство Беды с эпитафией короля Кэдваллы, на которую приходится 2 из 5 случаев его употребления в этом значении (см. Bede Hist. Eccles. II, 20(2), IV, 20 (2), V, 7). Подтверждением этого может служить тот факт, что два других фрагмента с ним тоже имеют поэтический характер. Кроме того, в сообщении о смерти диакона Иакова, единственного священнослужителя, который, по сведениям Беды Достопочтенного, остался в Нортумбрии после наступления языческой реакции, под *patres*, по всей видимости, имелись ввиду только кровные родственники. Учитывая тот факт, что собирательным *patres* автор «Церковной истории» обозначает и отцов церкви, то, в данном случае, Иаков, как священнослужитель, воссоединится и со своими «коллегами» по христианской церкви.

Таким образом, общим для всех трех терминов, обозначавших *предков* было ассоциация их с прошлым, которое неоднозначно воспринималось нашими авторами. В пользу этого говорит характер сообщений, а также то, что *предки* представлялись всегда группой людей. Ни один из авторов не упоминает конкретного *предка*.

Posteri, progenies, semena

Термин *posteri*[721] встречается только в «Истории франков» (3 раза) и в «Церковной истории» (3 раза). Единственным его значением в этих произведениях является значение *потомки* — «люди будущих поколений»[722], что соответствует его этимологии[723]. Пояснение значения термина *posteri* ни один из авторов не дает. В «Церковной истории» он обозначает потомков как сограждан будущих поколений, носителей коллективной памяти, а не кровных родственников. Григорий Турский, напротив, применяет термин только в значении кровного родства. При этом *posteri* для него, прежде всего, наследники власти или имущества ныне живущих родственников.

Термин *progenies*[724] встречается по одному разу в «Истории франков» и «Истории лангобардов», однако пояснения значения термина в них отсутствуют. Этимологически *progenies*, как и *progenitor*, восходит к глаголу *progigno*[725]. В обоих случаях имеется в виду кровное родство. Упоминания термина встречаются в сообщениях, которые можно отнести контексту смерти: Григорий Турский — в рассказе о решение короля Гунтрамна уничтожить Эберульфа и всех его потомков (см. Greg. Tur. Hist. VII, 21), Павел Диакон — в связи с наследованием имущества (см. Pauli Hist. Lang. I, 12).

---

[721] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Posteri // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 600.
[722] Потомок // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 570.
[723] Posteri // Oxford Latin Dictionary. P. 1413; Posteri // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 600.
[724] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Progenies // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 623.
[725] Progenies // Oxford Latin Dictionary. P. 1479. См. также Progenies // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 623; Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 539. Варианты написания термина см. в Greg. Tur. Hist. P. 70.

Термин *semena*[726] в значение *потомки* он встречается только в «Истории франков» (см. Приложение 28). Пояснение смысла термина Григорий Турский не дает, но речь идет о кровном родстве. *Simena* встречаются в сообщениях из контекста наследования, но в отличие от случаев наследования с *posteri*, здесь передается «божественная благодать» (см. Greg. Tur. Hist. II, 24).

Подводя итог, мы можем отметить значительную разницу в восприятии термина *потомки* у наших авторов: если для Григория Турского и Павла Диакона имеет значение кровное родство, то Беда Достопочтенный не делает на нем акцента. Это может быть связано с обстоятельствами жизни каждого из них: у авторов «Истории франков» и «Истории лангобардов» были близкие родственники в миру, автор «Церковной истории» всю жизнь провел в монастыре и либо не имел их, либо не поддерживал с ними связей. Можно предположить, что каждый из терминов, которым наши авторы обозначали потомков, имел свои особенности восприятия, однако их незначительное количество в текстах затрудняет семантическую спецификацию.

2.2. Кровное непрямое родство

2.2.а. В одном поколении

Среди терминов, передающих кровное непрямое родство, в одном поколении встречаются: *frater*/*germanus, soror*/ *germana*.

Frater

Григорий Турский в «Истории франков» использует *frater*[727] 182 раза; Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англов» — 174 раз[728]; Павел Диакон в «Истории лангобардов» — 16 раз. Во всех «Историях» одним из основных значений для *frater* выступает значение *брат* — «сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям»[729]. В «Истории франков» на это значение приходится 145 упоминание термина, что составляет 80% от общего числа его использований. В «Истории лангобардов» *frater* имеет это значение в 13 из 16 случаев (80%). В «Церковной истории» в этом значении термин используется 53 раз, т.е. в 30% случаев. Довольно часто, особенно в «Церковной истории» термин обозначает «монаха, члена религиозного братства»[730]. Так, Беда Достопочтенный употребляет *frater* в этом смысле 121 раз (70% случаев), что делает это значение термина

[726] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Semen // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 697. Варианты написания термина см. в Greg. Tur. Hist. P. 70.
[727] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Frater // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 335.
[728] См. об этом также Szerwiniack O. Opp. cit. P. 238–239.
[729] Брат // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 63.
[730] Там же.

основным в «Церковной истории». Григорий Турский использует его в этом значении гораздо реже — всего 35 раз (19% случаев), а Павел Диакон — только 3 раза (20% случаев, при этом все они находятся в поэме, сочиненной им в честь св. Бенедикта Нурсийского). Наконец, в «Истории франков» в двух случаях *frater* имеет указывает на «человека близкого другому по духу, по деятельности»[731] (см. Приложение 29-32).

Мы не встречаем пояснения значения термина ни в одной из «Историй». Однако анализ случаев употребления термина *frater* позволяет предполагать, что *брат* воспринимался как ребенок родителей/родителя Эго, появившийся позже или раньше него.

Группа *fratres* не является однородной. Среди них авторы рассматриваемых нами источников выделяют *senior/puerilis* и *germanus frater*. Один раз Григорий Турский использует оценочное прилагательное *malesuadus*. Однако использование эпитетов для описания братьев достаточно редки. Это позволяет предположить, что между собой братья воспринимались как равные: ни возраст, ни порядок рождения не давал кому–либо из них преимущества перед другими[732].

Среди контекстов, в которых встречается *frater*, общими для всех трех «Историй» являются контексты ссор/убийств[733], взаимодействия, наследования и контекст идентификации/происхождения. Давольно часто, особенно в «Истории франков», термин встречается в сообщениях о неприязненных отношениях братьев друг к другу, их ссорах и убийствах друг друга. Среди чувств, которые питали друг к другу *fratres*, Григорий Турский и Павел Диакон упоминаю *odium* (см. Greg. Tur. Hist. I, 9; Pauli Hist. Lang. IV, 51). Также, в отношениях между братьями автор «Истории франков» говорит о *dolus* (см. Greg. Tur. Hist. II, 32(2)), и приводит отрицательные оценки действий друг друга[734]. Ссоры, в которых упоминается термин, происходят, в основном, из-за земельных владений. В сообщениях об убийстве *frater* убийцей может выступать как посторонний человек, так и другой брат. В «Истории франков» на 20 сообщений о ссорах с упоминанием термина *frater* приходится 19

[731] Там же; сравни Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 540–541.

[732] На этом же принципе основывались монашеские общины — *fraternitas*, упоминавшиеся выше. Исключением является рассказ Павла Диакона о братьях Айоне, Родуальде и Гримуальде: *«…Айо, его сын, был избран вождем самнитов; Родуальд и Гримуальд должны были подчиняться ему во всем как старшему брату и господину…» («…Aio, eius filius, Samnitum ductor effectus est; cui tamen Radoald et Grimoald sicut seniori fratri et domino per omnia paruerunt…»*. Pauli Hist. Lang. IV, 44). Однако Родуальд и Гримуальд были приемными детьми отца Айона, что может объяснять их подчиненное положение. А также, библейский сюжет об Иосифе и его братьях: *«…как будто ему, вязавшему снопы, поклонились снопы братьев…» («…quasi manipolus legens, suum fratrum manipoli adorarent…»*. Greg. Tur. Hist. I, 9). Однако в нем подобное «выделение» Иосифа было воспринято братьями негативно. На предпочтение родителей одного сблинга другому в качестве одной из основных причин конфликтов между ними, описанных в Средневековой литературе, указывает и К. Ларингтон (см. Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester, 2015).

[733] Ср. с Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 480.

[734] См.: *«…Когда король Сигиберт увидел, что его братья женятся на недостойных женщинах и по причине своей распущенности сочетаются даже со служанками…»* (*«…Sigyberthus rex cum videret, quod fratres eius indignas sibimet uxores acciperent et per vilitatem suam etiam ancillas in matrimonio sociarent…»* (Greg. Tur. Hist. VI, 27); *«…мой брат виновен во многом…» («…frater meus accessit culpabilis…»*, Greg. Tur. Hist. VI, 31). При этом какие–либо положительные оценки действий братьев отсутствуют.

сообщений об убийстве брата. Таким образом, почти каждый конфликт между братьями приводил к смерти его участников.

Контексту ссор/убийств в «Историях» можно противопоставить контекст взаимодействия братьев. В «Истории франков» термин *frater* упоминается в сообщениях, относящихся к нему, намного реже, по сравнению с предыдущим: 43 раза в контексте ссор/убийств против 27 ситуаций взаимодействия. В «Церковной истории» это соотношение почти 1:1 (5 в первом контексте и 7 во втором), а в «Истории лангобардов» термин чаще употребляется в сюжетах, связанных с взаимодействием (8 раз по сравнению с 3 в предыдущем). В «Истории франков» ситуации взаимодействия между братьями можно разделить на 3 группы: 1) переговоры, 2) кооперация/помощь и 3) конкуренция/соперничество. Чаще всего термин *frater* употребляется в первом из них, при этом он используется, главным образом, в однотипных фразах — *«брат X к брату Y отправил послов»* (*«X ad fratrem Y legatus mittit»*, см. Greg. Tur. Hist. III, 18; IV, 49, 50; VI, 19, 24, 36; V, 38). В сообщениях о кооперации с *fratres* речь идет о помощи в захвате власти, военных действиях и задержании преступника (см. Greg. Tur. Hist. I, 12; II, 42; III, 7; V, 14). Спектр ситуаций сотрудничества *fratres* включает совместное правление и участие в военных действиях, но довольно часто речь идет о заговорах братьев против других родственников. Таким образом, анализ первых двух контекстов употребления термина *frater* в «Истории франков» позволяет предположить устойчивые коннотации борьбы для этого термина[735].

В «Церковной истории» и «Истории лангобардов» контекст взаимодействия братьев ограничен употреблением термина в сообщениях о сотрудничестве. При этом *frater* используется, прежде всего, в сюжетах о совместном правлении и работе, рассказы о совместных военных действиях встречаются только по одному разу в каждой из «Историй».

Следующим контекстом, к которому могут быть отнесены сообщения с *fratres* во всех трех «Историях», является контекст идентификации/определения. В этом контексте можно выделить две группы сообщений: 1) определения Эго через его брата и 2) определения, в которых используется *frater*. В наших источниках преобладают сообщения, относящиеся к первой группе. При этом Григорий Турский и Павел Диакон конструируют сложные определения с *frater*, т.е. определения, которые включают более чем одну степень родства:

«История франков»	«История лангобардов»

[735] Подробнее об этом см. Wood I., The Merovingian kingdoms. P. 88–102. И. Реаль считает, что характер отношений между братьями, описываемый нашими источниками, сильно зависел от жанровой принадлежности последних. Так, исторические произведения сосредотачивали свое внимание на политике — сфере, где между братьями преобладало соперничество. Жития святых, напротив, были ориентированы на пропаганду христианских ценностей, в.ч. в вопросах семейных отношений. Поэтому в них между братьями преобладает взаимопомощь и взаимопонимание (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 481–482).

«…de stirpe mea remansit nisi tu tantum, qui mei fratris es filius…»[736] (Greg. Tur. Hist. VII, 33; см. также Greg. Tur. Hist. VII, 33; X, 8);	*«…ad Childebertum, qui ei nepus ex fratre erat…»*[737] (Pauli Hist. Lang. III, 34).

В «Церковной истории» подобное сложное определение встречается всего один раз (Bede Hist. Eccles. IV, 13). Основным же их видом выступает конструкция «*X* брат *Y*» (*«X frater Y»*, Bede Hist. Eccles. II, 5; III, 14, 21, 22, 23, 24, 27, 28; IV, 26). Идентификации с использованием термина *frater* встречаются достаточно редко: 2 раза в «Истории франков»[738] и один раз в «Церковной истории»[739]. Описание происхождения мы встречаем только у Григория Турского (Greg. Tur. Hist. VII, 25, 36).

В сообщениях, связанных с наследованием, *frater* встречается только в «Истории франков» и «Церковной истории». Оно имеет два аспекта: 1) наследование между братьями и 2) сообщения о наследовании, где упоминается термин *frater*. В сообщениях, относящихся к первому виду, в «Истории франков» можно заметить противопоставление процесса передачи имущества и власти среди священнослужителей и мирян, — прежде всего, королей:

«*…Cur nos deseres, pastor bone... Spiritu in se sancto influente, respondit…ecce! Frater meus Aprunculus vivit, et ipse erit sacerdos vester…»*[740] (Greg. Tur. Hist. II, 23);	*«…Defuncto igitur Leuvane, Leuvieldus, frater eius, totum regnum occupavit…»*[741] (Greg. Tur. Hist. IV, 38).

Таким образом, переход должности епископа от брата к брату происходит мирным путем, а наследование между братьями-королями — с применением силы. Последний процесс, в целом, изображается как осуществляющийся с затруднениями и препятствиями (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 4; VII, 5, 12). В случае с епископами потребовалось божественная санкция, хотя наследование фактически не было осуществлено. Когда речь идет о королях, оно достигается путем захвата или, как в случае королевы Фредегонды, путем обращения жены умершего за помощью к его брату. В сообщениях первого типа мы подобного не наблюдаем[742]. В «Церковной истории» сюжеты обоих типов, связанные с наследованием, не имеют негативной «окраски»[743]. В «Истории лангобардов» *frater* в этом контексте не встречается.

---

[736] *«…из нашего рода совсем никого не осталось кроме тебя, сына моего брата…».*
[737] *«…к Хильдеберту, который был его племянником от брата…».*
[738] *«…Фарульф, постельничий его брата…» («…Farulfus, cobicularius quondam fratris tui…»*, Greg. Tur. Hist. VII, 18); *«…Сократия, брата его тещи…» («…Socratium, fratrem socerae suae…»*, Greg. Tur. Hist. X, 8).
[739] *«… королева Мерсийцев Осфрида, которая была дочерью его брата Освиу…» («…reginae Merciorum Osthrydae, quae erat filia fratris eius, id est Osuiu…»*, Bede Hist. Eccles. III, 11).
[740] *«…Почему ты оставляешь нас, добрый пастырь… вдохновленный святым духом, он ответил… вот! Жив мой брат Апрункул, он будет вашим епископом…».*
[741] *«…Итак, после смерти Леовы, Леовигильд, брат его, завладел всем королевством…».*
[742] Исключением является рассказ о брате, не позволившем своему брату–вдовцу поступить в монастырь, т.к. *«…испугавшись, что он все оставит церкви Божьей, потому он женил его…»* (*«…timens, ne heredem institueret Dei ecclesiam, si ei coniungeretur…»*, Greg. Tur. Hist. VI, 13).
[743] За исключением двух сообщений, где Беда использует глаголы, производные от *capio*. Однако выбор этих глаголов говорит, скорее, не об отрицательном восприятии наследования между братьями, а о политической

Другим общим для «Истории франков» и «Церковной истории» контекстом, в котором встречаются сообщения с термином *frater*, был контекст брака. В «Истории франков» присутствует сюжет об организации одним братом брака другого с его упоминанием. Однако, как и в случае с наследованием, данное сообщение рассказывает о произошедших неприятных событиях: поскольку брат действовал из корыстных побуждений, выбранная невеста оказалась прелюбодейкой, а сами братья были убиты ее любовником (Greg. Tur. Hist. IV, 13). В «Церковной истории» *frater* в подобном контексте упомянут 6 раз (Bede Hist. Eccles. I, 27(4); II, 9; V, 19). По большей части термин встречается в цитируемом Бедой ответе папы Григория I на вопрос св. Августина о порядке заключения брака между родственниками. Однако Беда сообщает об обращении жениха к брату невесты за разрешением на брак, а также о епископе, выдающим замуж *«filiam fratris sui»* (Bede Hist. Eccles. V, 19).

Кроме того, в обеих этих «Историях» термин присутствует в сообщениях, которые можно отнести к контексту смерти[744]. В «Истории франков» *frater* в нем упоминается 12 раз[745], а в «Церковной истории» только 4 раза[746]. При этом заметна та же разница в характере рассказов: в «Церковной истории» они имеют нейтральный или позитивный характер, в «Истории франков» — негативный. У Беды Достопочтенного мы встречаем описания того, что душа ранее умершего брата пришла забрать в рай душу умирающего, или, что смерть брата короля не привела к войне между королевствами (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3, 21). У Григория Турского брат радуется смерти брата (см. Greg. Tur. Hist. V, 39), описываются похороны (см. Greg. Tur. Hist. VII, 46), кровная месть (см. Greg. Tur. Hist. VII, 21, 47), горе по умершему брату (см. Greg. Tur. Hist. VII, 5) и т.д.

Кроме того, Григорий Турский использует термин *frater* для ориентирования читателей во времени и пространстве. В качестве «маркера» временных изменений термин обозначает конкретное событие в прошлом (Greg. Tur. Hist. V, 3, 22; VII, 4) или период правления. Маркируя пространство, он очерчивает земельные владения короля (Greg. Tur. Hist. VI, 19; VII, 12).

Основываясь на сказанном, можно заключить, что степень родства *брат* и основной передающий ее термин *frater* достаточно часто встречаются в наших источниках, уступая по количеству лишь терминам *filius* и *pater*. *Frater* обозначает как отношения кровного родства, так и квазиродственные связи в рамках общины монахов. Основным контекстом, в котором

ситуации, в которой происходило наследование (см. Bede Hist. Eccles. II, 15; III, 14). См. об этом также Szerwiniack O. Opp. cit. P. 241.

[744] О. Шервиниак считает коннотацию смерти основной для термина *брат* в «Церковной истории». Он приходит к выводу, что изображая отношения братьев как связанны со смертью, Беда указывает на то, что со временем концепт кровного братства должен исчезнуть, а преобладающим станет братство духовное (см. Szerwiniack O. Opp. cit. P. 241).

[745] См. Greg. Tur. Hist. III, 18; VI, 4, 16, 51; V, 34, 39; VII, 5, 21, 46, 47; VIII, 36; IX, 20.

[746] См. Bede Hist. Eccles. I, 34; IV, 3, 21, 22.

упоминаются братья, является контекст взаимодействия, которое может иметь как характер сотрудничества, так и соперничества. Последнее может объясняться равным положением, которое занимали братья в обществе, что порождало у них стремление проявить свою индивидуальность и выделить себя. Необходимо отметить также разницу в восприятии кровных и духовных братьев: если первые часто конфликтуют и испытывают друг к другу не самые теплые чувства, то отношения вторых основаны на взаимопонимании и поддержке.

Germanus

Единственный синоним термина *frater*, который встречается в рассматриваемых нами источниках, это термин *germanus*[747].

В «Истории франков» *germanus* встречается 12 раз. В 10 случаях это слово указывает на брата, что составляет пропорцию 1:18 с термином *frater*. В «Истории лангобардов» он используется 28 раз, т.е. почти в два раза чаще, чем *frater*, что позволяет считать его основным термином, обозначающим данную степень родства[748] (см. Приложение 33-36). Беда Достопочтенный не использует *germanus* в качестве существительного в «Церковной истории», но добавляет к некоторым *frater* эпитет *germanus*[749] (всего он делает это в 10 случаях[750]). Два раза прилагательное *germanus* в субстантивированной форме использует и Григорий Турский, обозначая им родственников (Greg. Tur. Hist. VIII, 39; IX, 33).

Контексты употребления *germanus* совпадают с контекстами употребления *frater*: смерть/убийство, конфликты и взаимодействие. При этом для обеих «Историй» характерен негативный оттенок сообщений о смертях/убийствах и ссорах. Определения с *germanus* в обоих случаях имеют простой характер[751] *«X (родной) брат Y»* (*«X germanus»*), причем, один раз в «Истории лангобардов» под Y имеется в виду женщина. Кроме того, Павел Диакон использует именно этот термин при описании собственной родословной. Спектр взаимодействия в «Истории лангобардов» ограничен ситуациями сотрудничества —

---

[747] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Germanus II // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 347.

[748] Вызывают интерес причины, по которым именно он был выбран Павлом Диаконом в качестве такового. Возможно, в разговорной латыни термин *germanus* употреблялся чаще, чем в классической/письменной традиции, и, используя этот термин, автор «Истории лангобардов» придавал ей максимально достоверное звучание, т.к. сам он происходил из среды германской аристократии. В пользу этого довода говорит также относительно редкое употребление термина галло-римлянином Григорием Турским. Выбор *germanus* в качестве основного для обозначения степени родства мог быть также продиктован желанием отделить *кровных братьев* от *духовных*, которые обозначались термином *frater*.

[749] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Germanus I // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 347. В этимологическом плане Исидор Севильский возводит термин к *genetrix* и считает, что он обозначал братьев сводных по матери (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 540). Однако последний довод, по всей видимости, не повлиял на восприятие авторов наших «Историй».

[750] Подобные уточнения могут являться отражением наличия в древнеанглийской языке похожей структуры — *æwe gebroðor* — для обозначения братьев с общими родителями (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 236). Кроме того, папа римский Григорий Великий, подробное житие которого Беда включил в «Церковную историю», в своих сочинениях использует прилагательное *germanus* подобным образом (см. Sancti Gregorii Papae I, cognomento Magni, Opera Omni // Patrologiae cursus completus. Series Latina. P., 1862. T. 75–79).

[751] За исключением *«…Вахо, сын его родного брата Урихиса…» («…Wacho, filius germani sui Zuchilonis…»,* Pauli Hist. Lang. I, 21).

соправления, мирных переговоров, побегов от врагов и участия в усыновлении. Таким образом, синоним сохраняет все коннотации, присущие основному термину.

Soror

Soror[752] встречается в рассматриваемых источниках далеко не так часто, как *frater*. Например, Григорий Турский использует его в «Истории франков» 50 раз, т.е. почти в 4 раза реже. В «Церковной истории» он встречается всего 24 раза, что в 5 раз реже. У Павла Диакона слово используется 8 раз — в 2 раза реже, чем *frater*. Значение степени родства *сестра* — «дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям»[753] — является для *soror* основным во всех трех «Историях». В «Истории франков» термин используется в этом значении в 34-х случаях, что составляет почти 70% его употребления. В «Церковной истории» *soror* встречается в этом смысле 15 раз (т.е. в 60% от общего числа употреблений)[754]. Для «Истории лангобардов» Павла Диакона в 7 из 8 случаев этот термин обозначает именно степень родства. В остальных ситуациях термин используется в «Истории франков» и «Церковной истории» в значении *монахиня*[755]. А Павел Диакон в одном случае придает ему переносное значение (см. Приложение 37-40).

Ни один из авторов не поясняет значения слова *soror*. В договоре короля Хильдеберта и его дяди Гунтрамна последний обещает: *«…reginam Faileubam tamquam sororem bonam et filias in sua tuitione et defensione spiritali dilectione recipiat…»*[756] (Greg. Tur. Hist. IX, 20). Таким образом, можно предположить, что в приобретении статуса *сестры* определенную роль играло признание со стороны других сиблингов[757], а также исполнение соответствующих обязанностей по отношению друг к другу[758].

В рассматриваемых «Историях» отсутствуют какие–либо эпитеты, характеризующие термин. Это позволяет предположить, что старшинство или другие отличия не имели значения для *sorores*. Кроме того, в «Истории франков» термин порой встречается в сюжетах негативного характера: Григорий Турский упоминает случаи инцеста между братом и сестрой, браков мужчины с двумя родными сестрами и жестокого обращения. Кроме того, в одном

[752] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также: Soror // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 718.
[753] Сестра // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 712.
[754] См. об этом также Szerwiniack O. Opp. cit. P. 238–239.
[755] Сестра // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 712.
[756] *«…королеву Файлевбу как добрую сестру и дочь в духовной любви примет под свое покравительство и защиту…».*
[757] «…дети родителей индивида, (родственники второй степени родства). Различаются сиблинги полнородные (имеющие общих мать и отца) и неполнородные, если они имеют общую мать (единоутробные) или общего отца (единокровные)…» (Сиблинги / В.А. Попов // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 899.
[758] Этимология, предложенная Исидором Севильским, напротив, подчеркивает важность биологического родства (см. Исидор Севильский. Этимологии: Книга IX. С. 541).

случае лжепророк называет путешествующую с ним наложницу *сестрой*, хотя она таковой не являлась.

Среди контекстов, к которым относятся сообщения с *soror*, следует, прежде всего, отметить контекст брака. В «Истории франков» встречаются сюжеты поиска партнера, сватовства, помолвки, свадьбы, нахождения в браке. Таким образом, они охватывают практически весь спектр ситуаций, связанных с браком. При этом Григорий Турский не использует одних и тех же грамматических и лексических конструкций даже для сообщений, содержащих сюжеты с одной темой в рамках контекста[759]. В «Церковной истории» к указанным выше сюжетам добавляются сообщения о расторжении брака (Bede Hist. Eccles. III, 21), а сообщения о нахождении в браке имеют схожую форму (Bede Hist. Eccles. IV, 21). У Павла Диакона к этому контексту можно отнести сообщения о помолвке и заключении брака.

Soror также встречается в сообщениях, сюжетом которых является взаимопомощь брата и сестры. Григорий Турский в «Истории франков» изображает *soror* как нуждающуюся в защите и покровительстве брата. Данный сюжет не имеет той негативной окраски, которая отмечена нами в случае с термином *frater*. Григорий Турский описывает только один случай, когда сестра помогает брату в достижении епископского сана, при этом автор «Истории франков» подает ее действия как недостойные. Позитивный характер имеют сообщения этого контекста в «Церковной истории» и «Истории лангобардов». Беда Достопочтенный даже описывает случай наследования должности аббатисы между сестрами.

Термин *soror* также используется всеми авторами при идентификации и описание происхождения. Стандартной формой в этом случае является словосочетание «*X soror Y/Z*», причем факт родства может утверждаться как с мужчиной, так и с женщиной. Григорий Турский и Беда Достопочтенный конструируют и сложные определения, как в случае с *frater*:

«История франков»	«Церковная история»
«…Alchima, soror patris eius…»[760] (Greg. Tur. Hist. III, 12).	*«…Saberct nepos Aedilbercti ex sorore Ricula…»*[761] (Bede Hist. Eccles. II, 3; см. также Bede Hist. Eccles. IV, 16, 22).

[759] Так, например, сообщая о помолвках, Григорий Турский каждый раз делает это в разной форме:

«… Авдика, который был помолвлен с его сестрой…» (*«…Audica, qui sororem illius disponsatam habebat…»*, Greg. Tur. Hist. VI, 43);	*«…король Хильперик,… обещал выдать свое сестру за их короля…»* (*«…Childebertus rex... sororem suam regi eorum esse coniugem... promisisset...»*, Greg. Tur. Hist. IX, 25);	*«…Реккареду, который был помолвлен с Хлодозиндой, сестрой короля Хильдеберта…»* (*«…Richaredum, qui Chlodosuindam, sororem Childeberthi regis, sponsare…»*, Greg. Tur. Hist. IX, 28).

Три из пяти сообщений о заключении брака имеют общий глагол *accipio*, но их форма различна:

«…uxoris suae sororem acciperet…» (Greg. Tur. Hist. IV, 43);	*«…Herminichildum, qui sororem Childeberthi regis acciperat…»* (Greg. Tur. Hist. VI, 40);	*«…qui sororem eius in matrimonium acceperat…»* (Greg. Tur. Hist. X, 27).

[760] *«…Алкима, сестра его отца…»*.
[761] *«…Саберт, племянник Эдильберта от его сестры Рикулы…»*.

В «Истории франков» и «Истории лангобардов» *soror* также встречается в контексте смерти. В отличие от *frater* во всех случаях смерть имела естественный, а не насильственный характер.

Таким образом, мы можем отметить определенное сходство в восприятии степеней родства *дочь* и *сестра* у наших авторов. И те, и другие представляются как равные друг другу и как будто бы лишены индивидуальности. Основным контекстом, в котором встречаются сообщения с данными степенями родства, является контекст брака. И дочери, и сестры нуждаются в покровительстве и защите, а их самостоятельные действия воспринимаются негативно. При описании происхождения *soror*, как и в случае с *filia*, она обязательно связывается с мужчиной–родственником.

Germana

В «Истории франков» и «Истории лангобардов» *soror* имеет только один синоним *germana*[762]. Григорий Турский использует этот термин всего 3 раза. У Павла Диакона на 8 употреблений термина *soror* приходится 7 *germana*. В «Церковной истории» синонимы для *soror* не встречаются[763] (см. Приложение 41-43).

В «Истории франков» и в «Истории лангобардов» по одному разу *germana* используется с целью избежать тавтологии. Рассказывая о принятии христианства королем Хлодвигом и его семьей, Григорий Турский пишет следующее: *«…Baptizata est et soror eius Albofledis, quae non post multum tempus migravit ad Dominum... sanctus Remegius consolaturiam misit epistolam... Anget me et satis me anget vestrae causa tristitiae, quod bonae memoriae germana vestra transiit Albofledis... Conversa est enim et alia soror eius Lantechildis nomen...»*[764] (Greg. Tur. Hist. II, 31). Однако, как уже было отмечено выше, у Григория Турского в речах, письмах и обращениях, которые он передает от первого лица, часто используются термины *genitor, genetrix, germanus, germana*. Можно предположить, что употребление этого термина в данном случае является следствием принятой формы обращения[765]. Этой же причиной можно объяснить упоминание *germana* в договоре королей Хильдеберта и Гунтрамна (см. Greg. Tur. Hist. IX, 20). Однако оба случая можно трактовать и как желание обособить *germane* (акцентировав факт

[762] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Germana // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 347.
[763] Также и Л. Ланкастер не отмечает наличие других терминов кроме *sweostor* для обозначения *сестры* в древнеанглийском (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 236).
[764] *«…Крещена была и его сестра* [soror] *Альбофледа, которая вскоре после этого отошла к Господу… святой Ремигий послал утешительное письмо…Удручает меня и удручает сильно причина вашего горя, то есть смерть вашей сестры* [germana] *Альбофледы… Обращена же была и другая его сестра* [soror] *по имени Лантехильда…».*
[765] Таким образом, все эти термины могли быть частью вокативной системы терминов родства (терминов прямого обращения или апелляции) древних германцев. О вокативной системе терминов родства см. подробнее Системы терминов родства // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 889; Мердок Дж.П. Социальная структура. М., 2003. С. 123-124.

биологического происхождения от одних родителей) от *soror* (которые еще и играли определенную социальную роль в семье).

Контексты сообщений, в которых мы встречаем *germana* совпадают с таковыми для *soror*. Чаще всего термин используется в сюжетах, связанных с браком. В «Истории лангобардов» *soror* в них употребляется 2 раза, а *germana* — 4. В двух случаях, говоря о помолвке, Павел Диакон использует одну и ту же конструкцию: *«…germanam se daturum promisisset…»*[766] (Pauli Hist. Lang. III, 28; IV, 51). Интересно также отметить, что все случаи сватовства и помолвки с данным термином не закончились свадьбами. То же можно отметить и для использования *germana* в сообщениях этого контекста в «Истории франков»: брак был заключен, но позже муж убил жену. Кроме того, *germana* встречается в сюжетах, связанных со смертью/увечьями.

Consubrinus[767]/consubrina, patruelis

В рассматриваемых нами источниках термин *consobrinus*[768] встречается только в «Истории франков» и в «Истории лангобардов»[769]. В первой он используется 9 раз, во второй — 1[770]. Единственным значением термина в обеих «Историях» является — «двоюродный брат» — «сын дяди или тетки»[771].

В «Истории франков» встречается пояснение значения данного термина: *«…Nam illum non oportet scandalizare, si consubrinum eius, filium fratris mei, de sancto suscipiam lavacro…»*[772] (Greg. Tur. Hist. X, 28). В данном случае двоюродный брат — это сын родного дяди. Однако мы не можем утверждать, что *consobrinus* у Григория Турского использовался для обозначения только двоюродного брата со стороны отца. В явной форме на родство с материнской или отцовской стороны указывается только в приведенном выше отрывке. В четырех случаях из 9 невозможно установить, о родстве с какой стороны идет речь (см. Greg. Tur. Hist. IV, 31; VI, 15; VII, 25; X, 8). Один раз *consobrinus* — двоюродный брат со стороны матери (см. Greg. Tur. Hist. I, 8). Таким образом, как упоминалось выше, невозможно

---

[766] *«…обещал выдать за него свою родную сестру…»*. Ср. с героем «Carmen de Synodo Ticinensi», который основывает для своей сестры (*egregia germana*) монастырь (цит. по Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 59), что могло выступать аналогом подбора ей брачного партнера.

[767] О разнице написания *consobrinus* в рукописях «Истории франков» см. Greg. Tur. Hist. P. 51, 127, 285, 330, 335, 345, 490, 521.

[768] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Consobrinus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 187.

[769] Отсутствие термина в «Церковной истории» совпадает с отмеченным Л. Ланкастер отсутствием специальных терминов для обозначения этой степени родства в древнеанглийском языке (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 237).

[770] Pauli Hist. Lang. IV, 4. Беда Достопочтенный использует только сложные степени родства: *«…сын его дяди Эльфрика, которого звали Осрик…»* (*«…filius patrui eius Aelfrici, uocabulo Osric…»*, Bede Hist. Eccles. III, 1), *«…Эрконберта, который был сыном его дяди…»* (*«…Erconberctum, quierat filius auunculi sui…»*, Bede Hist. Eccles. V, 19).

[771] См. Брат // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 76.

[772] *«…Ему не следует гневаться, если его двоюродного брата, сына моего брата, я восприму от святой купели…»*.

утверждать, что в «Истории франков» практически не находит отражение явление латеральности, т.е. учета стороны родства[773].

Контексты, к которым можно отнести сообщения, содержащие *consobrinus*, аналогичны контекстам, включающим упоминание *frater*. Наиболее часто Григорий Турский использует данный термин в сюжетах вражды/смерти/убийства. Единственное его упоминание в «Истории лангобардов» связано с этими же обстоятельствами. В «Истории франков» речь, главным образом, идет о насильственной смерти самого *consobrinus* (см. Greg. Tur. Hist. VII, 7, 14; X, 8), и только один раз двоюродным братьям сообщают об убийстве их сестры (см. Greg. Tur. Hist. III, 31). Однако в последнем случае мы не встречаем упоминаний о горе/скорби двоюродных братьев (в отличие от сообщений, где повествуется об их реакции на смерть родных брата или сестры). Термин используется и в сообщениях, посвященных ситуациям сотрудничества: речь в них идет о наследовании (см. Greg. Tur. Hist. VI, 15) и помощи в достижении престола (см. Greg. Tur. Hist. II, 8). Наконец, дважды Григорий Турский использует термин в сообщениях с контекстом происхождения (см. Greg. Tur. Hist. VII, 25; X, 28).

В «Истории лангобардов» в значении *двоюродный брат* также встречается термин *patruelis* (Pauli Hist. Lang. IV, 15), который в остальных двух «Историях» не встречается[774]. Не совсем понятны мотивы использования Павлом Диаконом двух разных терминов для обозначения одной и той же степени родства. Оба они употребляются по одному разу и описывают родство по отцу между членами династии Меровингов. Контекст употребления — конфликт — также совпадает.

Термин *consobrina* встречается только в «Истории франков»[775]. Григорий Турский использует *consobrina* 4 раза[776] (см. Приложение 44). Пояснений относительно этого термина автор «Истории франков» не приводит. В трех случаях из четырех речь идет о родстве по отцу. По всей видимости, данная степень родства активно не функционировала в системе родственных связей Эго в восприятии наших авторов. Об этом говорит, как отсутствие

[773] К схожим выводам приходит и И. Реаль (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 109–110).
[774] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Patruelis // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 558.
[775] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Consobrina // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 187.
[776] Не до конца понятно имеет Григорий Турский в виду *родственницу* или *двоюродную сестру* в случае жены Амвросия: *«…Vidastis cognomento Avus, qui ante hos annos Lupum Ambrosiumque pro amore uxoris Ambrosii interfecerat et ipsam sibi, quae consubrina sua esse dicebatur, in matrimunio acceperat…»* (Greg. Tur. Hist. VII, 3). Какие–либо другие сведения о степени их родства отсутствуют. В.Л Савукова считает ее родственницей: *«…Видаст, по прозвищу Ав, который несколько лет тому назад убил Лупа и Амвросия из–за своей страсти к жене Амвросия, а саму ее, хотя она и считалась его родственницей, взял в жены…»* (Григорий Турский. История франков. С. 194). Торп и Гизо называют ее двоюродной сестрой: *«…At the same time Vedast, commonly known as Avius, was committing many crimes in the district Poitiers. It was he who, some years earlier, had murdered Lupus and Ambrosius for love of the latter's wife, and then had married the woman, although she was said to be his cousin…»* (Gregory of Tours. The History of the Franks // Trans. and intr. by L. Thorpe. P. 390); *«…Vedaste, surnommé Avon, qui avait tué Loup et Ambroise par amour pour la femme de ce dernier, qui était, dit–on, sa cousine germaine…»* (Grégoire de Tours. Histoire des Francs. P. 417). На наш взгляд, т.к. в остальных случаях автор использует этот термин только в значении *двоюродная сестра*, то и в этом сообщении его можно перевести этой степенью родства. Кроме того, термин *consobrinus* Григорий Турский также не использует в значении *родственник*.

данного термина в «Церковной истории» и «Истории лангобардов», так и ограниченное число лиц данной степени родства, упомянутых в «Истории франков». В трех из четырех случаях речь идет о двоюродных сестрах Ходехильде и Базине. Все упоминания связаны с ситуациями взаимодействия. Однако необходимо отметить, что эти сообщения, как и сюжеты, связанные с браком, в которых присутствует *consobrina*, имеют негативную окраску.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что двоюродные братья и сестры не играли значительной роли в жизни индивида в восприятии наших авторов. Латинские степени родства в «Историях» практически лишились указания на сторону родства (латеральность). Схожесть контекстов их употребления с теми, что были отмечены нами для *frater* и *soror* может быть связана с близостью положения в обществе двоюродных родственников, которая могла порождать конфликт или служить основой для сотрудничества в достижении общих целей.

2.2.б. В соседних поколениях

Patruus/avunculus, amita/matertera

Термин *patruus*[777] встречается во всех трех «Историях»: 15 раз в «Истории франков» и по 4 раза в «Церковной истории» и «Истории лангобардов». Развернутых пояснений значения *patruus* ни один из авторов не приводит. Все они используют его для указания на степень родства, как это было принято в классической латыни[778], что соответствует его этимологии[779].

Среди контекстов, выявленных нами в связи с *patruus*, можно назвать взаимодействие, ссора/смерть/убийство и происхождение. В сюжетах первого типа термин встречается только в «Истории франков» и «Церковной истории». При этом, они включают в себя как сообщения с положительными коннотациями (получение и дарение подарков (см. Greg. Tur. Hist. III, 7, 24), переговоры (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 13), совместное правление (см. Greg. Tur. Hist. IX, 8, 10, 16; Bede Hist. Eccles. I, 9)), так и с отрицательными (борьба за наследство между племянником и дядьями (см. Greg. Tur. Hist. III, 23)[780], объединение дяди и племянника против отца последнего (см. Greg. Tur. Hist. IV, 16), брак племянника с женой дяди (см. Greg. Tur. Hist. V, 2, 18)).

[777] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Patruus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 558.
[778] Исключением может являться его употребление в VII главе VI книги «Истории лангобардов», где Павел Диакон говорит о Феликсе дяде его учителя Флавиана. К сожалению, мы не располагаем более подробной информацией о родстве этих двоих.
[779] Pater // De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo–European Etymological Dictionary Series ed. by A. Lubotsky. Vol. 7. Leiden–Boston, Brill, 2008. P. 263.
[780] Это противоречит высказанной Бреммером и Драутом оценке пары *дядя–племянник* как идеальной с точки зрения взаимодействия и наследования по гибридной системе (*hybrid inheritance*) в «Беовульфе», т.к. она сочетала в себе достаточно близкое кровное родство с объективностью оценки заслуг племянника со стороны дяди (см. Bremmer R.H. The importance of Kinship: Uncle and Nephew in Beowulf // Amsterdamer Beitrage zur Alteren Germanistik. 1980. No. 15. P. 28–29; Drout M.D.C. Opp. cit. 2. P. 213).

Сообщения с *patruus*, которые могут быть отнесены к контексту ссор/смерти/убийств, встречаются во всех трех «Историях». Все они, за исключением одного рассказа о перезахоронении, повествуют о проблемных отношениях между родственниками.

Наконец, в контексте происхождения *patruus* встречается также у всех трех авторов (см., например, Greg. Tur. Hist. VIII, 13; Bede Hist. Eccles. III, 1; Pauli Hist. Lang. III, 34)

Также в «Истории франков» и «Церковной истории» встречается термин *avunculus*[781]. В «Истории франков» термин встречается 7 раз (см. Greg. Tur. Hist. V, 5, 36(3); VI, 11, 15; X, 8), в «Церковной истории» — 1 (см. Bede Hist. Eccles. V, 19). В обоих произведениях *avunculus* используется в значении, принятом в классической латыни, — «дядя». Однако только в трех случаях сторона родства может быть установлена точно (Greg. Tur. Hist. V, 5; VI, 11; Bede Hist. Eccles. V, 19). Ни один из авторов не поясняет значение термина.

В четырех случаях из 8 *avunculus* используется в связи с темой происхождения. При этом три раза он передает другую степень родства — внучатого племянника и двоюродного брата (Greg. Tur. Hist. V, 5, VI, 11; Bede Hist. Eccles. V, 19). Кроме того, в «Истории франков» в трех случаях термин присутствует в сюжетах, повествующих о соперничестве/смерте/убийстве (см. Greg. Tur. Hist. V, 36(2); X, 8) и один — раз в рассказе о сотрудничестве в ситуации наследования (см. Greg. Tur. Hist. VI, 15).

Аналогами *patruus* и *avunculus* для женских степеней родства выступали термины *amita* и *matertera*. *Amita*[782] встречается только в «Истории франков». Григорий Турский использует его в двух значениях: «тетка по матери» (см. Greg. Tur. Hist. VII, 7) и «жена брата отца» (см. Greg. Tur. Hist. V, 18). Хотя двух этих упоминаний *amita* недостаточно для полноценного анализа, однако, на наш взгляд, на себя обращают внимание два момента. Во-первых, Григорий Турский устами Хильдеберта II называет Галсвинту, сестру своей матери, *amita*. Таким образом, термину присваивается значение противоположное тому, которое он имел в классической латыни (тетка по отцу), хотя в других местах Григорий Турский подробно описывает родство вышеуказанных лиц. В связи с этим можно предположить, что термин *amita* начал утрачивать свое изначальное значение, возможно потому, что, как уже говорилось выше, в галло-римском обществе не придавалось особого значения стороне родства. Во-вторых, тот факт, что *amita* указывает как на кровную родственницу, так и на родственницу по свойству, можно предположить, что в восприятии Григория Туоского отсутствовало четкое разделение родственников по этим категориям. Возможно, однако, это касалось только достаточно дальних степеней родства.

[781] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Avunculus // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 96.
[782] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Amita // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 53.

Термин *matertera*[783] встречается один раз в «Церковной истории» (см. Приложение 45) в рассказе о членах семейства короля Кента Анны: *«…matertera eius* [Earcongotae], *de qua diximus, Aedilberg, et ipsa Deo dilectam perpetuae uirginitatis gloriam in magna corporis continentia seruauit…»*[784] (см. Bede Hist. Eccles. III, 8). Эдильберга была теткой Эрконготы по матери. Однако по единственному случаю употребления *matertera* в «Церковной истории» невозможно сделать вывод, указывал ли Беда точную степень родства этих женщин или использовал термин в широком значении *тетка*.

Подводя итог, необходимо отметить, что, в целом, степени родства *тетка* и *дядя*, как и термины их передающие, встречаются в рассматриваемых источниках достаточно редко. При этом, только для *patruus* можно предполагать полное сохранении значения, которое у него было в классической латыни, что может быть связано с его морфологической близостью с термином *pater*. Упоминание дядьев в контекстах, связанных с соперничеством, может быть объяснено их частым соперничеством с племянниками за право занять место их отцов.

Nepos (nepus)/fratruus, neptis

Термин *nepos*[785] встречается достаточно часто в «Истории франков» — 66 раз. Хотя он используется Григорием Турским в значении *внук*, основным его значением в наших «Историях» является *племянни*к — «сын брата или сестры»[786]. На него приходится 64 случая употребления *nepos*, что составляет почти 97% от общего числа его употреблений. В «Церковной истории» Беда Достопочтенный использует его 4 раза и только в значении *племянник*. В «Истории лангобардов» термин упоминается 12 раз, 10 из которых приходится на то же значение (см. Приложение 46).

В рассматриваемых произведениях развёрнутое пояснение значения *nepos* встречается лишь однажды в «Истории лангобардов»: *«…regis nepotem, hoc est sororis eius filium, Aufusum nomine…»*[787] (Pauli Hist. Lang. III, 34; см. также Pauli Hist. Lang. VI, 58). Таким образом, *племянник* воспринимался как ребенок брата или сестры. Беда Достопочтенный и Павел Диакон в некоторых случаях уточняют, с чьей стороны он был родственником[788] (см., например, Bede Hist. Eccles. II, 3; III, 6; Pauli Hist. Lang. III, 34; VI, 58).

---

[783] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Matertera // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 474.

[784] *«…Упомянутая уже ее тетка Эдильберга прожила жизнь в великом смирении, также сохранив славу вечной девственности, угодной Богу…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 81).

[785] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Nepos // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 509.

[786] Племянник // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 521.

[787] *«…племянник короля по имени Ауфуз, который был сыном его сестры…»*.

[788] По всей видимости, Беда Достопочтенный пытается передать различие родственников со стороны отца и матери, которые в древнеанглийском языке выражаются терминами *suhterga*, *geswiria* (*сын брата*) и *swustorsunu* (*сын сестры*) (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1. P. 237).

Беда Достопочтенный делает подобные уточнения в сообщениях о наследовании власти между правителями, создавая таким образом впечатление «непрерывность» правления королевского рода. Павел Диакон сообщает о стороне родства, рассказывая о посольстве короля Автари к франкским правителям, а также сообщая о ранении любимого королевского племянника на охоте. Присутствие подобных уточнений стороны родства в текстах авторов «германского» происхождения, и отсутствие их у галло-римлянина Григория Турского, позволяет предположить, что, возможно, латеральность в среде германцев продолжала сохранять определенное значение.

Среди контекстов, в которых встречается сообщения с *nepos*, общим для всех трех «Историй» является контекст происхождения. В нем сообщения с использованием термина делятся на 3 вида: 1) определения, 2) описание происхождения, 3) обращения. Сообщения первого вида встречаются в каждой из «Историй» и имеют общую формулу *«X nepos Y»*, где Y всегда мужчина (Greg. Tur. Hist. I, 18; III, 15; VII, 5, 36; IX, 32; Bede Hist. Eccles. II, 3; III, 6; Pauli Hist. Lang. III, 34; VI, 58). Описание происхождения встречается также во всех трех рассматриваемых «Историях» (см. Greg. Tur. Hist. V, 30; VI, 24; VII, 27; IX, 20; X, 28; Bede Hist. Eccles. III, 7; IV, 23. Pauli Hist. Lang. III, 12). При этом Григорий Турский дважды использует этот термин в сообщениях, где ставится под сомнение факт родства (Greg. Tur. Hist. V, 30; IX, 20). *Nepos* в обращениях используется только в речах, передаваемых Григорием Турским (см. Greg. Tur. Hist. VI, 31(2)).

Наиболее часто сообщения с упоминанием термина *nepos* встречаются в контексте взаимодействия. В нем он употребляется только в «Истории франков» и «Истории лангобардов». В первой основным видом сообщений с подобным сюжетом являются рассказы о переговорах между королями Гунтрамном и Хильдебертом (см. Greg. Tur. Hist. V, 17; VII, 6(2), 14(3), 33; VIII, 13; IX, 10, 11, 20(9); X, 3, 28(2)), Хильдеберотом и Хильпериком (см. Greg. Tur. Hist. VI, 31(4)) и Гунтрамном и Хлотарем (см. Greg. Tur. Hist. IX, 20). Среди них можно выделить эпизоды, где речь идет об отправке и приеме послов, и рассказы, где передаются речи самих говорящих. Для первых характерно наличие конструкции *«ad nepotem + притяжательное местоимение»*, а также глаголов *mitto*, *suscipio* и *dirigo*. Во-вторых, речь в основном идет о взаимном невыполнении обещаний и территориальных претензиях. В них встречаются эпитеты *dulcissimus*, *carus* и *gloriosissimus*. Сюда же можно отнести сообщение о несостоявшихся совместных военных действиях королей Хильперика и Хильдеберта (см. Greg. Tur. Hist. VI, 31).

В этом же контексте можно выделить сообщения о вражде между дядей и племянником: Хильпериком и Хильдебертом, Гунтрамном и Хильдебертом. При этом Григорий Турский использует термины *inimicia* и *discordia* для описания отношений между ними. В одном случае

они объединяются против другого брата/дяди: короли Хильдеберт и Теодоберт против Хлотаря (см. Greg. Tur. Hist. III, 31). В «Истории франков» и «Истории лангобардов» с использованием *nepos* также встречаются сообщения об усыновлении (см. Greg. Tur. Hist. V, 17; VII, 8) и эмоциональной привязанности (см. Greg. Tur. Hist. III, 13; VIII, 10; Pauli Hist. Lang. VI, 55) между дядей и племянником. Кроме того, в рамках контекста взаимодействия в них можно выделить сообщения о сотрудничестве. Последнее является основным видом отношений между дядей и племянником в «Истории лангобардов»: часто племянник под присмотром дяди и с его разрешения осуществляет управление определенной территорией (см. Pauli Hist. Lang. II, 9; VI, 55, 57, 58). Три из четырех сообщений имеют общую схему построения: «*in loco nepotem suum X constituit*» (см. Pauli Hist. Lang. II, 9; VI, 57, 58). В «Истории франков» к сотрудничеству можно отнести раздел сокровищ между королями Гунтрамном и Хильдебертом по инициативе первого (см. Greg. Tur. Hist. VII, 40). Кроме того, сюда относятся рассказы об участии племянника в судебном поединке вместо дяди (см. Greg. Tur. Hist. X, 10), использование племянника в качестве заложника (см. Greg. Tur. Hist. X, 9) и о возвращении королем Гунтрамном своему племяннику городов его отца (см. Greg. Tur. Hist. VI, 33; VIII, 45). Наконец, после смерти Хильперика люди из его королевства клянутся в верности его брату Гунтрамну, а его сын назван лишь племянником последнего (см. Greg. Tur. Hist. VII, 7; см. также Greg. Tur. Hist. VIII, 29).

Еще одним контекстом, к которому можно отнести сообщения с *nepos*, является контекст смерти. К нему относится сообщения об убийстве и наследовании. Преобладающей темы у первой группы нет: встречаются рассказы об убийстве дядей племянника (см. Greg. Tur. Hist. III, 18; X, 8)[789] и кровной мести племянника за убийство дяди (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 41). Сообщения о наследовании встречаются как в «Истории франков», так и в «Истории лангобардов». При этом, в первой содержатся два сообщения о наследовании дядей племяннику (см. Greg. Tur. Hist. IV, 14; VIII, 18) и одно — о том, когда племянник должен был наследовать своему дяде (см. Greg. Tur. Hist. VI, 15). В каждом из этих сюжетов передача собственности сопряжена с разного рода проблемами[790]. Павел Диакон сообщает лишь об одном случае наследования между дядей и племянником, однако и ему сопутствует плохая примета (см. Pauli Hist. Lang. VI, 55).

Кроме того, Григорий Турский использует *nepos* в качестве маркера времени и места:

[789] При этом в случае убийства детей Хлодомера Хлотарем Григорий Турский упрекает последнего за отсутствие угрызений совести: *«…Quibus interfectis, Chlothacharius, ascensis equitibus, abscessit, parvi pendens de interfectione nepotum…»* (Greg. Tur. Hist. III, 18).

[790] Драут считает, что в эпизоде «Беовульфа», где Хюгд предлагает Беовульфу занять трон его дяди Хигелака, последний отказывается, т.к. подобный поступок был бы бесчестным (см. Drout M.D.C. Opp. cot. P. 211–212). В этой связи интересно провести параллель с похожим эпизодом из «Истрии франков», где Фредегонда приглашает короля Гунтрамна помочь ей в управлении государством после смерти мужа (см. Greg. Tur. Hist. VII, 5), а последний решает завладеть королевством племянника (см. Ibid. VIII, 18).

время	место
«…Inter exitum vero eius et nepotis sui Theodoberthi fuere dies 18…»[791] (Greg. Tur. Hist. IV, 51);	*«…habebat enim scripta seniorum regni nepotis mei…»*[792] (Greg. Tur. Hist. VII, 36).

Термин *neptis*[793] встречается только в «Истории франков» и «Церковной истории» (см. Приложение 47). Григорий Турский использует этот термин 12 раз[794], Беда Достопочтенный — 1[795]. Во всех случаях *neptis* обозначает *племянницу* — дочь брата или сестры»[796]. Ни один из авторов не поясняет значение термина.

В «Истории франков» основным контекстом сообщений с его использованием является контекст брака. Главным образом в сообщениях с *neptis* речь идет о сватовстве (см. Greg. Tur. Hist. IX, 20; X, 16(6)) и заключении брака (см. Greg. Tur. Hist. VI, 16). Один раз Григорий Турский рассказывает о наследовании племянницей должности аббатисы монастыря после ее тетки (см. Greg. Tur. Hist. X, 12). Также *neptis* встречается в рассказе о вражде (см. Greg. Tur. Hist. VII, 32; X, 16, 20). В «Церковной истории» термин используется в сообщении о болезни племянницы хозяина дома.

Из приведенного выше можно сделать вывод, что в период раннего Средневековья степень родства племянник стала передаваться преимущественно термином *nepos*, который почти полностью перестал употребляться в значении внук. Контексты употребления термина совпадают с теми, что были отмечены нами для *patrui/avunculi*: соперничество и взаимодействие. Племянницы, подобно дочерям и сестрам, в основном фигурируют в сообщениях, связанных с заключением брака. При этом термин *neptis* ни одним из наших авторов не используется в значении *внучка*, которое существовало у него в классической латыни.

Fratruus

В качестве синонима *nepos* единственный раз Беда Достопочтенный использует термин *fratruus*[797] (см. Приложение 48). Термин встречается в сообщениях, которые можно отнести к контексту определения, как и все случаи употребления *nepos* в «Церковной истории». Беда поясняет его смысл: *«…nec non et a fratruo, id est fratris sui, qui ante eum regnauit, filio Oidilualdo…»*[798] (Bede Hist. Eccles. III, 14). Причины использования этого термина, как и его

[791] *«…прошло 18 дней между смертью его и его племянника…»*.
[792] *«…имел же письма людей от знатных из королевства моего племянника…»*.
[793] Значение термина в классической и средневековой латыни см. в Приложении 1. См. также Neptis // Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 509.
[794] См. Greg. Tur. Hist. IV, 16; VII, 32; IX, 16, 20(2); X, 12, 16(6).
[795] См. Bede Hist. Eccles. III, 9.
[796] Племянница // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 521.
[797] Значение термина в средневековой латыни см. в Приложении 1.
[798] *«…и его племянник, то есть сын его брата, который правил до него, сын Эдильвальда…»*.

возможные смысловые коннотации, остаются непонятными, в связи с единичным случаем его употребления в выбранных нами источниках. Возможно, называя родственника *fratruus* вместо *nepos*, Беда хотел указать на недостойное поведение именно этого племянника, выступившего против дяди, или указать на наследование как возможную причину мятежа. Так или иначе, для ответа на эти вопросы требуется более детальное изучение принципов использования термина *fratruus* в раннесредневековых сочинениях.

Выводы по Главе 2

На основе анализа терминов родства, встречающихся в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона, мы пришли к следующим выводам.

Всего в рассматриваемых нами источниках используется 42 термина, обозначающих 25 степеней родства. Не все термины упоминаются в каждом из трех текстов. Например, термины *genetrix*, *mater familias*, *avia*, *semena*, *consobrina*, *amita* встречаются только в «Истории франков»; *fratruus*, *atavus*, *progenitors*, *matertera* — только в «Церковной истории»; *abavus* и *patruelis* — только в «Истории лангобардов»; *liberi*, *posteri*, *avunculus*, *neptis* — только в «Истории франков» и «Церковной истории»; *avus*, *nepos* (в значении внук), *progenies*, *consobrinus*, *germanus* и *germana* — только в «Истории франков» и «Истории лангобардов». Некоторые термины обозначают сразу несколько степеней родства, хотя среди них, как правило, можно выделить основное значение, которое может отличаться для каждого из авторов. Например, слово *nepos* могло обозначать степени родства *внук* и *племенник*, однако в большинстве случаев во всех наших источниках оно используется во втором значении. Термин *parens* в «Истории франков» в основном означает *родственников*, а в «Истории лангобардов» — *родителей*.

Некоторые термины родства демонстрируют у рассматриваемых авторов особые коннотации, сформировавшиеся, возможно, под влиянием специфической социокультурной среды. Например, термин *pater* в «Истории франков» и «Церковной истории» имеет коннотации смерти, прошлого и авторитета. Слово *mater* имеет дополнительные семантические оттенки, противоположные коннотациям для слова *pater*: жизнь, настоящее и равенство. Среди коннотаций термина *filius* нами были отмечены: настоящее/будущее и покорность. У слова *frater* нами была отмечена коннотация борьбы. Указанные семантические особенности могли отличаться в рассматриваемых источниках. Так, коннотация авторитета у термина *pater* в «Истории лангобардов» практически отсутствует. Коннотация покорности у *filius* также проявляется по-разному в трех «Историях»: у Григория Турского сын послушен

отцу во всех вопросах, у Беды Достопочтенного — может действовать самостоятельно в делах, связанных с церковью, у Павла Диакона — в военных вопросах.

Кроме того, наши авторы демонстрируют определённый дуализм в восприятии степени родства *мать*: с одной стороны, любая женщина, зачавшая ребенка, грешна, т.к. зачатие невозможно без плотского греха, с другой стороны, именно матери часто способствовали обращению своих домочадцев в христианство и первыми знакомили с ним своих детей.

В качестве особенностей использования латинских терминов при описании родственных отношений в период раннего Средневековья нами были отмечены:

- изменения основного значения у ряда терминов;
- утрата терминами некоторых значений;
- появление у них новых значений;
- появление новых терминов под влиянием изменений, происходивших в системе родственных отношений, по сравнению с классической латынью.

Так, упоминавшийся уже термин *nepos* в наших источниках в основном используется в значении *племянник*, а не *внук*, как в классической латыни. Словом *amita* Григорий Турский называет *тетку по матери*, что противоречит значению термина в классической латыни. Некоторые термины — *pater, mater, filius, filia, frater, soror* — стали обозначать не только кровное, но и искусственное родство в рамках христианской традиции. При этом, в некоторых случаях они чаще используются для обозначения квазиродственных отношений. Например, в «Церковной истории» более 50% случаев употребления *pater* относится к духовному родству, та же особенность отмечается для слова *frater*.

Что касается характеристик терминов родства, то нами было выявлено преобладание в текстах «Историй» элементарных терминов: наиболее часто встречаются такие из них как *filius, pater, frater, filia, mater, parentes, soror*. Составные термины родства (например, *patruus, avunculus, abavus, atavus, proavus*) встречаются достаточно редко, также, как и описательные. Среди последних преобладает степень родства *племянник*. Интересно отметить, что Григорий Турский предпочитает обозначать эту степень термином *nepos*, а описательную конструкцию *filius fratris/sororis* он использует в основном в прямой речи своих героев-германцев, часто с указанием на сторону родства. У Беды Достопочтенного на 4 случая использования *nepos*, приходится 3 описательных конструкции с указанием стороны родства; у Павла Диакона это соотношение 5:1. При этом, в «Церковной истории» и в «Истории лангобардов» описательные конструкции не встречаются в прямой речи персонажей. Для обозначения степени родства *племянница* Павел Диакон использует только описательную форму *filia sororis*. Беда Достопочтенный один раз употребляет термин *neptis*, а в другом сообщении прибегает к формуле *filia fratris*. Григорий Турский для этой степени родства использует только термин

neptis. Все это может говорить о том, что Беда Достопочтенный и Павел Диакон придают определенное значение стороне родства при передачи родственных отношений, что позволяет предполагать существование элементов латеральности в системах родства англосаксов и лангобардов (возможно, она была актуальна только в случае племянников и племянниц). Вероятно, латеральность сохраняла свое значение и в системе родства франков, поскольку Григорий Турский стремится отразить ее, когда речь заходит о родственных отношениях представителей этого этнического сообщества. С другой стороны, термин *consobrinus* используется автором «Истории франков» по отношению как к родственникам со стороны отца, так и со стороны матери, а в половине случаев сторона родства вообще не указывается. Термины *avunculus* и *amita* утратили в «Истории франков» точное указание на сторону родства, которую они имели в классической латыни. Вышесказанное позволяет предположить, что в восприятии родства Григорием Турским латеральность могла не иметь большого значения.

Описательные термины родства наши авторы также используют для передачи таких степеней родства как *пасынок*/*падчерица*, *тетка*, *дед*, *внук*, *свояченица*, *двоюродные братья*/*сестры*, *двоюродный дядя*. Но эти случаи, как и упоминание данных степеней родства, единичны. Вероятно, они могли не знать специальных латинских терминов, указывавших на эти степени родства, или же предполагали, что их могут не знать потенциальные читатели. Вероятно также, что в данных случаях для повествования могла иметь определенное значение сторона родства. Кроме того, необходимо отметить, что термины родства, используемые для обозначения групп родственников — таких как *родители*, *дети*, *предки*, *потомки* — встречаются значительно реже, чем термины для родственников-индивидов (*сын*, *отец*, *брат*, *мать* и т.д.).

Судя по встречающимся в «Историях» терминам, в целом счет родства производился не далее третьего колена. Хотя в текстах встречаются такие степени родства как *прадед* и *прапрадед*, их упоминание крайне редко, они используются только в генеалогических отрывках. Степень родства *дед* также упоминается довольно редко. С другой стороны, рассказывая о своих родственных связях, Григорий Турский и Павел Диакон упоминают родственников в четвертом и пятом коленах. Подобное несоответствие может объясняться тем, что, во-первых, оба они были представителями знати, в семьях которых могла сохраняться память о более дальних родственных связях — в отличие от основной массы населения. Во-вторых, фиксация и сохранение родовой памяти тех или иных семей не являлись целью авторов «Историй», и поэтому не нашли в них своего отражения (в отличие, например, от «Деяний мецких епископов» Павла Диакона). Широта актуальных для повседневной жизни родственных связей, по всей видимости, ограничивалась третьей

степенью родства. Даже двоюродные братья и сестры редко взаимодействуют на страницах наших источников. Однако в нетривиальных ситуациях — например, в случае смерти членов нуклеарной семьи, — некоторые их обязанности по отношению к *Эго* могли возлагаться на более дальних родственников, что приводило к их сближению (как это было в случае самого Григория Турского, который общался с дядей своей матери, воспитавшим ее, но не узнал при встрече другого дядю матери — родного брата ее воспитателя).

Значительных особенностей гендерного распределения интересующих нас терминов отмечено не было. Родственники-мужчины, упоминаются чаще женщин, сходным образом характеризуются и те ситуации взаимодействия родичей, в которые вовлечены персонажи трех «Историй» (даже героини чаще взаимодействуют с родственниками мужского пола, чем с женщинами). Этот факт, впрочем, может объясняться и специфическим характером текстов, которые, в основном, повествуют о политических и военных коллизиях.

Для передачи большинства степеней родства (за исключением *сын* и *дочь*), в наших «Историях» используется несколько терминов, среди которых, как правило, можно выделить основной термин и его синонимы. Последние часто сохраняют коннотации основных терминов. Так, термин *pater* и его синоним *genitor* имеют одну и ту же коннотацию авторитета. То же сходство можно отметить для пар *mater-genetrix, frater-germanus, soror-germana*. Вероятно, что эти коннотации были свойственны, в первую очередь, самим степеням родства и отражались в терминах, их обозначающих. Кроме того, между основным термином и его синонимом в ряде случаев можно отметить семантические отличия. Например, слово *pater* обозначало, прежде всего, отца как носителя социальных функций и человека, состоявшего в определенных взаимоотношениях (эмоциональных, потестарных, правовых) с другими людьми. Его синоним g*enitor* акцентировал, в первую очередь, факт происхождения и кровного родства. Эта же семантическая особенность была нами выявлена для *genetrix, germanus* и *germana*. Определенная разница отмечается и в восприятии тремя авторами степени родства *потомки*: если для Григория Турского и Павла Диакона имело значение кровное родство между ними и *Эго*, то для Беды Достопочтенного потомки — это, прежде всего, абстрактные представители будущих поколений, потенциальные носители *memoria* группы, которые не обязательно являются кровными родственниками друг для друга. Подобная разница в восприятии терминов, возможно, связана с обстоятельствами жизни каждого из писателей: у авторов «Истории франков» и «Истории лангобардов» были семьи и близкие родственники, с которыми они поддерживали отношения; автор «Церковной истории» всю жизнь провел в монастыре и для него более актуальными могли быть квазиродственные связи.

С другой стороны, в случае с некоторыми терминами, передающими родство с группой людей (*родители, дети, предки, потомки*), бывает сложно выделить основной термин и его синонимы, поскольку, судя по нашим источникам, существовали определенные нюансы в их употреблении. Например, для передачи степени родства *дети* наши авторы использовали слова *filii, liberi, nati, parvuli, suboles*/*soboles*. При этом термином *filii* обозначалась группа детей, куда входили мальчики и девочки; слово *liberi* позволяло акцентировать внимание на кровном родстве с родителями; *nati* же, в противоположность своей этимологии, имел коннотацию смерти. Одновременно, общей особенностью всех этих слов является тот факт, что они никогда не обозначают лиц, действующих самостоятельно. Впрочем, для уточнения значения подобных терминов необходимо расширение источниковой базы исследования.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно заметить, что основным родственным коллективом, с которым поддерживал отношение *Эго*, в восприятии наших авторов, является, прежде всего, нуклеарная семья — *отец*/*мать, братья*/*сестры, сыновья*/*дочери*. Кроме того, достаточно часто фиксируются ситуация взаимодействия *дядя-племянник*. Родственники остальных степеней родства, как по прямым (дедушки/бабушки, прадедушки, внуки/внучки, правнуки и т.д.), так и по боковым линиям (дядья/тетки, двоюродные братья/сестры, двоюродные дядья/тетки), упоминаются довольно редко. На наш взгляд, это может объясняться, прежде всего, низкой продолжительностью жизни в рассматриваемых обществах. Судя по текстам «Историй», последнее обстоятельство также являлось и главной причиной более активного взаимодействия дядьев и племянников: они фактически занимали место и обретали функции умерших отцов/сыновей *Эго*. Соответственно, их участие в жизни друг друга было не самоценно, но определялось необходимостью замещения отсутствующего члена нуклеарной семьи.

Что касается модели восприятия родства, нашедшей свое отражение в источниках, то можно отметить определенные различия в его восприятии у Григория Турского, с одной стороны, и Беды Достопочтенного и Павла Диакона, с другой. Выше речь уже шла об отношении к латеральности родственных связей. В целом, анализ «Истории франков» позволяет заключить, что Григорий Турский позиционирует родственные связи с точки зрения линейного типа системы родства, а Беда Достопочтенный и Павел Диакон — бифуркативно-линейного типа. С другой стороны, турский епископ, по всей видимости, осознает разницу в системах родства галло-римлян и франков, что находит свое отражение в «Истории франков» (например, указание стороны родства в прямой речи героев-германцев, использовании специальных вокативных терминов при обращении к родственникам и т.д.). Беда Достопочтенный, судя по тексту «Церковной истории», придавал бóльшее значение квазиродственным связям в рамках церковного сообщества, нежели кровному родству.

Моделью для отношений фиктивного родства в данном случае выступала линейная система родства, сложившаяся у римлян в период поздней Античности. Однако при описании кровнородственных отношений своих героев Беда вольно или невольно передает черты, присущие германской системе родства (латеральность, линейность и счет родства по восходящей линии и т.д.). Родственные связи лангобардов в изображении Павла Диакона также демонстрируют черты свойственной германскому обществу бифуркативно-линейной системы родства, которая, впрочем, подверглась определенному влиянию системы родства, сложившейся в позднеантичный период. Таким образом, мы приходим к выводу, что в рассматриваемых нами источниках представлены переходные модели восприятия родства, основанные на разных уровнях синтеза германского, античного (римского) и христианского компонентов.

Глава 3. Опыт реконструкции раннесредневекового восприятия родства на основе исторических повествований Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона

Переживание родства — это осознание человеком особой связи с другим лицом, основанной на кровнородственных или брачно-семейных отношениях[799], и определенные действия, передающие данное состояние. Анализ рассматриваемых источников позволил выделить следующие компоненты данного процесса: чувства и эмоции по отношению к родственникам, систему прав и обязанностей, реализующихся в отношениях между ними, обмен дарами, а также роль, которую родство играло в практиках коммеморации[800]. На наш взгляд, изучение феномена переживания родства следует начать с родства кровного, поскольку, можно предположить, что, по мнению наших авторов, именно этот тип родства играл наиболее важную роль в жизни человека — судя по тому, что именно кровные родственники чаще всего взаимодействуют во всех трех исследуемых нами произведениях, Необходимо отметить, что большая часть терминов и ситуаций, упомянутых выше, связана с кровным родством в рамках группы, куда входили люди, находящиеся в прямом и непрямом кровном родстве в одном поколении и/или через поколение (родители и дети, братья и сестры, дядья/тетки и племянники).

3.1. Переживание индивидуальных родственных связей

3.1.1. Чувства и эмоции

Наши авторы изображают кровное родство как наиважнейший тип человеческих отношений, основанных на происхождении от общего предка. Анализ «Историй» также позволяет с уверенностью утверждать, что в психоэмоциональной сфере факт подобного родства дублировался в их восприятии переживанием привязанности, если не аналогичной, то сопоставимой по характеру с более поздним чувством любви между родственниками. Специфической чертой этой привязанности является использование для указания на ее интенсивность таких латинских терминов как *caritas*, *affectus*, *dilectio* и *amor*.[801]

Преимущественное использование слова *caritas*[802] для обозначения привязанности, в рамках как кровного, так и «социального» родства, позволяет предположить, что именно этот

[799] См. Родство // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 681.
[800] О связи феномена коммеморации с родством см. примечание 191.
[801] О семантических особенностях употребления этих латинских слов для передачи чувств см., например, в Herlihy D. Family // Women, Family and Society in Medieval Europe: Historical Essays, 1978–1991. Oxford, 1995. P. 120–127; Ле Гофф Ж. Значение «caritas» // Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 191–196.
[802] Григорий Турский упоминает *caritas* в связи с кровно–родственными и квазиродственными отношениями 25 раз (см. Greg. Tur. Hist. II, 36; IV, 17, 36(2); V, 5, 18, 36; VI, 19, 29, 38(2); IX, 16(3), 19, 20(5), 33, 39(2), 42; X, 20). Для сравнения, *amor* он использует в схожем контексте 7 раз, *dilectio* — 5, *affectus* — 3 раза. Беда Достопочтенный

термин авторы «Историй» считали важнейшим элементом сообщений о кровнородственных отношениях. Автор «Истории франков» упоминает *caritas*, как чувство, существующее между братьями (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 19), братом и сестрой (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 33), дядей и племянником/приемным сыном (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 20), включая представителей династии Меровингами (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 17; IX, 20). Под *caritas* он, по всей видимости, понимал эмоциональную привязанность, никак не связанную со сферой плотской любви, но отсылающую к таким системам взаимодействия индивидов как товарищество, дружба, покровительство[803]. Напротив, *amor* явно имело для Григория Турского коннотацию сексуальности, т.к. именно этот термин он использует для описания отношений между мужчинами и женщинами (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 22; IV, 3, 26; V, 3; VI, 23; VII, 3; IX, 27). В отношениях же кровных родственников любая плотская составляющая подается автором как однозначное отклонение. С помощью слова *dilectio* турский епископ характеризовал отношение верующих к Иисусу Христу. Термин *affectus* употреблялся им в связи с излишней интенсивностью привязанности. Впрочем, употребление данных терминов для характеристики родственных уз вовсе не обязательно. Гораздо чаще в «Историях» речь заходит не об этих сложных чувствах, но о практических действиях (забота, защита) и конкретных эмоциональных реакциях (радость, печаль), которые тем не менее могут соотносится со сферой ритуала.

Воспринималось ли, наличие любви и привязанности как норма в отношениях между родственниками? Для ответа на этот вопрос мы можем обратиться к переживаниям самого Григория Турского, который сообщает о себе, что он «милостиво» (лат. *benigne*) принял герцога Гундульфа, когда узнал, что они являются родственниками (Greg. Tur. Hist. VI, 11). Описывая отношения между графом Дезидерием и его матерью, автор «Истории франков» пишет: *«…a matre suaepius increpitus, haberet in ea odium, quam amare debuerat…»*[804] (Greg. Tur. Hist. X, 8). Таким образом, любовь по отношению к родственникам описывается Григорием Турским с оттенком долженствования[805]. С другой стороны, чувства противоположные любви

говорит о *caritas* в 7 подобных случаях (Bede Hist. Eccles. I, 24, 28; II, 1, 11, 17(2), 18), об *amor* — в одном (Bede Hist. Eccles. II, 1), о *dilectio* — в четырех (Bede Hist. Eccles. I, 26, 30; II, 11, 18), об *affectus* — в двух (Bede Hist. Eccles. I, 27; III, 29). Павел Диакон прибегает к слову *caritas* два раза (Pauli Hist. Lang. IV, 9, 19), к *amor* — один раз (Pauli Hist. Lang. I, 26), к *dilectio* — дважды (Pauli Hist. Lang. III, 34; IV, 19). Для сравнения, Нитхард в «Четырех книгах истории» характеризуя эмоциональную привязанность между родственниками преимущественно использует термин *amor* (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 27). И. Реаль указывает, что в качестве основных маркеров эмоциональной привязанности между детьми и родителями в раннесредневековых житиях франкских святых используются глаголы *diligere*, *dilectio* и *amore* (Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 432).

[803] Р.Г. Апресян указывает на то, что *caritas* выступает аналогом греческого термина ἀγάπη, которым в Ветхом завете и патристической литературе обозналась любовь–забота, любовь–милосердие, любовь к ближнему (см. Агапэ // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 14–15; там же. С. 241). Подобное определение соответствует дополнительным значениям, которые зафиксированы для *caritas* в словаре средневековой латыни Нирмейера (см. Caritas // Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 144–145). Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, наиболее удачным вариантом перевода *caritas* для описания отношений между родственниками будет слово *привязанность*.

[804] *«…он [Дезидерий] вместо должной любви питал к ней ненависть...»*.

[805] Нитхард, напротив, изображает родственную любовь как существующую в определенных условиях: *«…Карл радушно встретил свою сестру и простил ей все, в чем она до сих пор перед ним провинилась; и во многих*

между родственниками, такие как *invidia* (см. Greg. Tur. Hist. I, 2, 9; III, 18, 31), *odium* (см. Greg. Tur. Hist. I, 9; X, 8; Pauli Hist. Lang. IV, 51), *iniuria* (см. Greg. Tur. Hist. III, 6; IV, 20; VI, 19), *inimicitia* (см. Greg. Tur. Hist. VI, 11, 33; IX, 33, 34; X, 8) изображаются автором «Истории франков» в качестве девиации в родственной привязанности[806].

Отсутствие частых упоминаний о привязанности между родственниками может объясняться тем, что, будучи нормой, данное чувство не нуждалось в дополнительном утверждении. Установление факта родства в момент рождения или первой встречи героев должно было вызывать у родственников приязнь друг к другу. Признание факта родства представляется своего рода гарантией обретения данного чувства. Так, королева Гоисвинта, «с великой радостью» (*«cum gaudio magno»*, Greg. Tur. Hist. V, 38) встречает свою внучку, дочь королевы Брунгильды и короля Сигиберта I, ставшую женой ее пасынка Герменегильда, которую она прежде не видела. И, наоборот, отказ в привязанности мог восприниматься как отрицание факта родственной связи. Например, мать Гундовальда отправляет сына к его дяде по отцу, королю Хильдеберту I, потому, что *«отец его ненавидит»* (*«invisus habetur patri»*, Greg. Tur. Hist. VI, 24). На практике подобное утверждение маркировало отказ Хлотаря I от родства с мальчиком.

В некоторых ситуациях, впрочем, указание Григорием Турским на наличие эмоциональной привязанности может рассматриваться как намек на проблемы в отношениях. Например, рассказывая об усыновлении королем Гунтрамном I его племянника Хильдеберта II, Григорий Турский приписывает первому следующие слова: *«…Quod si filius habuero, te nihilhominus tamquam unum ex his reputabo, ut illa cum eis tecumque permaneat caretas, quam tibi hodie ego pollicior, teste Deo...»*[807] (Greg. Tur. Hist. V, 17). Данное обещание явно противоречит тем непростым отношениям, которые сложились между этими представителями династии Меровингов[808].

Необходимо ли было соответствие родственника определенным критериям, или же возникшая эмоциональная привязанность не могла перестать переживаться? Григорий Турский в «Истории франков» проникновенно описывает отношение к детям: *«…dulcis et caros nobis infantulos, quos aut gremiis fovimus aut ulnisbaiolavimusautpropriamanu,*

ласковых словах ***он обещал ей всю любовь, которую брат обязан [дать] сестре, если бы она пожелала впредь быть ему преданной****, и позволил ей идти, куда она пожелает…»* (Нитхард. Четыре книги истории. III, 4).

[806] Основной причиной их появления выступает борьба за власть, но встречаются и конфликты по причине ревности, кровной мести и имущественные споры (об этом см., например, Гвоздецкая Н.Ю. Типы конфликтов в англосаксонской истории: истоки и результаты // Социально–политические конфликты в древних обществах. Сборник научных трудов. С. 110–138; она же. Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001).

[807] *«Если же у меня будут сыновья, то я буду считать тебя ничем не хуже их, так что* ***та любовь, которую я тебе обещаю ныне, пребудет****, бог свидетель,* ***и с ними, и с тобою****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 128).

[808] Об этом см. подробнее Григорий Турский. История франков. С. 166–168. См. также Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 69–71.

ministratiscibis, ipsos studio sagatiorenutrivimus…» (Greg. Tur. Hist. V, 34)[809]. Таким образом, в изображении турского епископа родители испытывали к своим детям любовь с самого рождения, не предъявляя к ним каких-либо требований. Также и граф Дезидерий «должен был» любить свою мать, несмотря на конфликты между ними (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). Этот и приведенные выше примеры позволяют предположить, что данная привязанность воспринималась как безусловная, т.к. родственники получали ее с момента рождения/первой встречи.

Напротив, анализ упоминания *caritas* в отношениях между братьями–королями Гунтрамном и Хильпериком не соответствует подобной характеристике (см. Greg. Tur. Hist. VI, 19). Во-первых, в данном случае чувство изображается как конвенциональное, т.е. для того, чтобы оно возникло, необходимо было выполнить ряд условий: например, признать свою неправоту в конфликте, не иметь дружественных отношений с людьми, которые враждебны родственнику. Во-вторых, оно могло возникать и прекращаться, его можно было добиться или потерять. Такая подача противоречит естественной привязанности между родственниками, о которой говорилось выше. Возможно, поэтому, Григорий Турский, обращая внимание читателей на существование *caritas* между героями–родственниками, намекает на ее неискренность или «деланность»[810].

Общеизвестно, что отношения в роду Меровингов больше напоминали сопернические, чем родственные, поскольку родственные чувства часто вступали в конфликт с властными интересами[811]. При этом следование первым превращалось в недостижимый идеал, а предпочтение вторых становилось нормой. Так, захват Хильпериком городов, принадлежащих его брату Гунтрамну, описывается как одно из многочисленных военных столкновений (см. Greg. Tur. Hist. VI, 12; см. также Greg. Tur. Hist. IV, 22), а возвращение королем Гунтрамном захваченного им города брату, характеризуется как результат *«обычной* ***для него*** *доброты» («****iuxta consuetudinem*** *bonitatis* ***suae****»,* Greg. Tur. Hist. IV, 30). Таким образом, сообщение о том, что Гунтрамн «вернул расположение брата» выглядит, скорее, как ирония автора «Истории франков». В случае с королем Сигибертом и его племянником Теодобертом, первый, отдавший предпочтение родственным чувствам, изображается как милосердный, но недальновидный правитель. Клятвопреступление второго рисуется как ожидаемое (см. Greg.

[809] *«…Мы потеряли милых и дорогих нам деток, которых мы согревали на груди, нянчили на руках и сами, приготовив пищу, кормили их ласково и заботливо…»*.

[810] Также и в описании отношений между дядей–королем Гунтрамном и его племянником королем Хильдебертом II постоянно упоминается необходимость сохранять и поддерживать любовь (лат. *caritas* и *amor*). Схожие сомнения в силе взаимных чувств, судя по описанию Нитхарда, одолевали Людовика II Немецкого и его брата Карла Лысого (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 28–29).

[811] То же самое, по мнению Д. Поланички было характерно и для Каролингов (см. Ibid. P. 26–27). С другой стороны, сам Григорий Турский пишет о «конфликте» из–за должности епископа между своим братом Петром и диаконом Сильвестром, их близким родственником. В ходе него оба участника погибли: Сильвестр от болезни, Петр был убит сыном диакона в качестве кровной мести (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 24–25).

Tur. Hist. IV, 23, 47). Королева Фредегонда воспользовалась горем короля Хильперика после смерти сына, чтобы устранить неугодного ей префекта Муммола, обвинив его в колдовстве против ребенка (см. Greg. Tur. Hist. VI, 35)[812].

Изучение другого эпизода «Истории франков» позволяет выделить еще одну характеристику родственной привязанности: ее интенсивность, по всей видимости, зависела от степени родства. Например, в случае с Хродехильдой и ее внуками Григорий Турский использует применительно к ее чувствам латинский термин *affectus*. Обращает на себя внимание тот факт, что *affectus* достаточно редко встречается в «Истории франков» для описания эмоциональной привязанности. Анализ его употреблений Григорием Турским позволяет предположить, что он обозначал те чувства, которые обладали большей интенсивностью по сравнению с ожидаемой реакцией героев[813].

Чувства бабушки к внукам воспринимаются как девиация, но на этот раз с точки зрения сыновей Хродехильды: по мнению Хильдеберта королева проявляла чрезмерную любовь к этим детям (*«…videns **Childeberthus**, quod mater sua filius Chlodomeris, quos supra memoravimus, **unico affectu** diligeret...»*, Greg. Tur. Hist. III, 18)[814]. Бабушка, по всей видимости, демонстрировала внукам тот уровень привязанности, на который, скорее, были в праве рассчитывать дети. Это заставило ее сыновей подозревать, что она может предпочесть внуков детям, и в вопросах наследования[815].

Показательна в этом отношение и реакция Меровингов на рождение у них сыновей и внуков:

«…Dehinc Chilperico regi post multa funera filiorum filius nascitur. Ex hoc iubet rex omnes custodias relaxari, vinctos absolvi conpositionesque neglegentum fisco debitas	*«...Post haec Childebertho regi filius natus est... De quo tantum gaudium Gunthchramnus rex habuit, ut statim legatus dirigens, multa ei munera transmitteret, dicens: 'Per hunc enim*

[812] Схожим образом Павлом Диаконом изображаются отношения в среде лангобардской знати (см., например, Pauli Hist. Lang. I, 21; VI, 44). Кроме того, в «Истории лангобардов» описывается случай четкого разграничения родственных чувств и королевских обязанностей (см. Pauli Hist. Lang. I, 23, 24).

[813] Сравни с Affectus 1 // Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. I. P. 125. Как отмечает Д. Херлии, хотя христиане обязаны были любить всех ближних, теологи, начиная с Оригена, выстраивали определенную «иерархию силы любви»: сильнее всего верующий должен любить Бога, затем своих родителей, потом детей, остальных родственников и соседей (см. Herlihy D. Family // Women, Family and Society in Medieval Europe: Historical Essays, 1978–1991. Oxford, 1995. P. 121–124). Цезарий Арльский предлагает несколько иную последовательность: Бог, супруг/супруга, дети, другие родственники и ближние в целом (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 263–264). Описывая эпизод с арестом Хильдегардой, сестрой Карла Лысого, приближенного последнего, Нитхард называет следующие мотивы поведения Карла: *«…Без сомнения, город тотчас был бы предан огню и разграблению, если бы **Карл, побужденный состраданием к [1] церквям божьим, [2] сестре и [3] всему христианскому народу**, не потрудился угрозами и дружескими увещеваниями невероятным усилием успокоить людские души…»* (Нитхард. Четыре книги истории. III, 4).

[814] Подтверждение данному тезису можно найти и в рассказе об св. Иосифе. Григорий Турский отмечает, что Иаков любил его больше остальных детей (*«…Hunc coeteris filiis **plus dilexit**…»*, Greg. Tur. Hist. I, 9). Хотя напрямую автор «Истории франков» не осуждает отца, но ниже он сообщает, что это стало причиной неприязни к Иосифу со стороны его братьев.

[815] В своей статье М. Драут рассматривает аналогичную ситуацию, в которой находился Беовульф при дворе своего деда (см. Drout M.D.C. Blood and Deeds: The Inheritance Systems in “Beowulf” // Studies in Philology. 2007. Vol. 104, No. 2. P. 214).

praecipit omnino non exigi…»[816] (Greg. Tur. Hist. VI, 23).	*Deus eregere Francorum regnum propria maiestates suae pietate dignabitur, si huic pater aut ipse viverit patri'...»*[817] (Greg. Tur. Hist. VIII, 37).

Король Гунтрамн явно проявляет свои эмоции более сдержанно. Это позволяет сделать вывод о том, что интенсивность выражения эмоциональной привязанности, нормировалась, по крайней мере, по отношению к различным категориям родственников.

Возможно, интенсивность выражения эмоциональной привязанности могла зависеть и от пола родственника. Сравним для примера реакцию короля Хильперика на рождение сына, реакцию короля Эдвина на рождении дочери и замечание Павла Диакона по поводу семьи короля Лиутпранда:

«История франков»	«Церковная история»	«История лангобардов»
«…Dehinc Chilperico regi post multa funera filiorum filius nascitur. Ex hoc iubet rex omnes custodias relaxari, vinctos absolvi conpositionesque neglegentum fisco debitas praecipit omnino non exigi…»[818] (Greg. Tur. Hist. VI, 23).	*«...Eadem autem nocte sacrosancta dominici paschae pepererat regina filiam regi, cui nomen Aeanfled. Cumque idem **rex**, praesente Paulino episcopo, **gratias ageret diis suis** pro nata sibi filia...»*[819] (Bede Hist. Eccles. II, 9).	*«…Liutprand rex... regnator Guntrut, filiam Teutperti Baioariorum ducis, aput quem exularat, in matrimonium duxit; de qua **unam solummodo filiam genuit**…»*[820] (Pauli Hist. Lang. VI, 43).

В целом, можно отметить, что в наших историях чаще встречаются описания эмоциональных реакций по поводу рождения сыновей и даже внуков, чем дочерей (у Григория Турского таких сюжетов нет вообще, у Беды Достопочтенного — один, у Павла Диакона — ни одного). При этом рождение девочек изображается как менее значимое событие, чем рождение мальчиков. Причина подобного отношения, вероятно, кроется в том, что ребенок ценится, прежде всего,

[816] *«…Затем у короля Хильперика, похоронившего уже многих сыновей, родился сын. В честь этого король приказал открыть все тюрьмы, освободить заключенных, отдал распоряжение совсем не требовать недоимки, подлежащие выплате казне…»* (Григорий Турский. История франков. С. 172).
[817] *«…Затем у короля Хильдеберта родился сын… По этому случаю король Гунтрамн так обрадовался, что немедленно направил послов с многочисленными дарами для новорожденного, говоря следующее: «Ведь через это дитя бог по великой милости своей соблаговолит возвеличить королевство франков, если отец у него или он у отца останется в живых»* (Григорий Турский. История франков. С. 240).
[818] *«…Затем у короля Хильперика, похоронившего уже многих сыновей, родился сын. В честь этого король приказал открыть все тюрьмы, освободить заключенных, отдал распоряжение совсем не требовать недоимки, подлежащие выплате казне…»* (Григорий Турский. История франков. С. 172).
[819] *«…В ту же ночь святой Пасхи Господней королева родила королю дочь по имени Энфледа. В присутствии епископа Паулина **король возблагодарил своих богов** за рождение дочери…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 58).
[820] *«…король Лиутпранд… вступил в брак с Гунтрутой, дочерью герцога бавар Теутперта… и от нее **у него была лишь одна дочь**…»* (Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат., примм., статья Ю. Циркина. СПб., 2003. С. 200).

не как личность, а как наследник и продолжатель рода, что делало рождение мальчика более желанным, чем рождение девочки[821]. Однако необходим более широкий круг источников для изучения данного вопроса, т.к. в рассматриваемых нами произведениях сведений недостаточно.

Таким образом, мы видим, что, желаемой основой отношений между кровными родственниками авторы видят бессрочную, безусловную привязанность — *caritas*, глубина переживания которой зависела от степени родства между индивидами[822]. Однако Григорий Турский не наделяет большую часть представителей династии Меровингов способностью к подобному чувству. Будучи поставленными перед выбором «родство или власть» они выбирают последнюю[823]. Хотя сам автор «Истории франков» в основном воздерживается от комментариев, касающихся как самого выбора, так и его последствий, способ подачи материала позволяет предположить, что он, если не одобряет, то понимает причины подобного поведения.

Проявлением привязанности к родственникам были радость (*gaudium*) и печаль (*luctus, tristitia, maeror*)[824]. В «Истории франков» они изображаются в связи с такими оппозициями как «рождение — смерть», «встреча — разлука», «болезнь — выздоровление»[825]. О радости по поводу рождения детей речь шла выше (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 23; VIII, 37). Похожие переживания, по всей видимости, сопровождали и крещение ребенка (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 31; VIII, 37). Смерть человека, особенно ребенка, в свою очередь, вызывала печаль у его родственников в независимости от обстоятельств смерти[826]:

Естественная смерть	Убийство	Самоубийство
«…Baptizata est et soror eius Albofledis, quae non post multum tempus migravit ad	*«…His et huiuscemodi ille incitatus verbis, uxoris iniquae consilium utens,*	*«…evaginato gladium cornuaque ensis pedibus calcans... inpraessusque*

[821] Схожее отношение, по мнению Л. Хааса, встречало рождение девочек в средневековой Флоренции (см. Haas L. Women and Childbearing in Medieval Florence // Medieval Family Roles. A Book of Essays. N. Y., 1996. P. 87–100).
[822] На основе изучения житий франкских святых И. Реаль утверждает, что возраст детей не влиял на силу и глубину эмоциональной привязанности к ним родителей (Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 436).
[823] Д. Поланичка, исследуя отношения между сыновьями Людовика Благочестивого, приходит к выводу, что, хотя Нитхард изображает «братскую любовь» (*fraternitas*) в качестве основной франко–христианской ценности, а братья часто ссылаются на нее в своих речах, Каролинги также легко пренебрегали ее в угоду политической конъюнктуре, как и Меровинги (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 27; Polanichka D., Cilley A. Opp. cit. P. 184–185).
[824] Одной из эмоций, связанных с переживанием родства, в «Истории франков», как отмечает Р. Ньюболд, был страх. Однако число случаев его упоминания в связи с родством невелико (в «Истории франков» их всего три по подсчетам самого Ньюболда), что препятствует подробному изучению этой эмоции (подробнее о страхе в «Истории франков» см. Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 1–23).
[825] В «Истории франков» упоминаются другие причины для переживания радости в связи с родством. Так, Григорий Турский пишет о празднествах по поводу помолвки дочери (см. Greg. Tur. Hist. VI, 45), совершеннолетия сына (см. Greg. Tur. Hist. VII, 33).
[826] Венанций Фортунат красноречиво описывает горе королевы Гоисвинты по убитой дочери Галсвинте (см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 29–30). О горе, вызванном смертью детей, его переживании, и месте этого сюжета в создании идеализированного образа отца у Григория Турского и Венанция Фортуната см. в Southon E. Fatherhood in Late Antique Gaul // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 247–248. И. Реаль, в связи с этим, обращает внимание на организацию мест захоронения детей, особенно в возрасте до 6 лет (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 440-441).

Dominum. ***Pro qua cum rex contristaretur****, sanctus Remegius consolaturiam misit epistolam…»*[827] (Greg. Tur. Hist. II, 31).	*iniquus extitit parricida…* ***Quo facto pater sero iam paenetens, super cadaver exanime ruens, flere coepit amarissimae****…»*[828] (Greg. Tur. Hist. III, 5).	*desuper gladius, ab una ingressus mammilla, in spadolam dorsi egressus est, erectusque iterum, similiter in alia mammilla perfossus…* ***Currit mater exanimis et supra filii corpusculum orbata conlabitur, atque omnes familia voces planctus emittit****…»*[829] (Greg. Tur. Hist. IV, 39).

Более того, герои «Истории франков» не раз называют отсутствие у них родственников поводом для страданий (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 42; V, 17; VI, 32)[830]. Печаль могла отсутствовать в случае смерти родственника «в белых одеждах», т.е. сразу после крещения. Причину подобного отношения объясняет королева Хродехильда: *«…Qua de causa commotus felle rex, non signiter increpabat regina, dicens: 'Si in nomine deorum meorum puer fuisset decatus, vixisset utique; nunc autem, quia in nomine Dei vestri baptizatus est, vivere omnino non potuit'. Ad haec regina: 'Deo', inquid, 'omnipotenti, creatori omnium, gratias ago, qui me non usquequaque iudicavit indigna, ut de utero meo genitum regno suo dignaretur adscire.* ***Mihi autem dolore huius causae animus non attingitur****, quia scio,* ***in albis ab hoc mundo vocatus Dei obtutibus nutriendus****'…»* (Greg. Tur. Hist. II, 29)[831].

Первые контакты между родственниками, как и встречи после расставания, отмечены переживанием радости (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 38; VI, 11). Печаль, противоположная радости, сопровождала расставания. В «Истории франков» разлука с родителями изображается Григорием Турским как главная причина волны самоубийств среди слуг в свите принцессы Ригунты (Greg. Tur. Hist. VI, 45). В качестве исключения описываются случаи

[827] *«…Крестилась и сестра его Альбофледа, которую спустя немного времени взял господь. Так как король* ***глубоко скорбел по ней****, святой Ремигий прислал ему письмо со словами утешения…»* (Григорий Турский. История франков. С. 51).
[828] *«…Сигимунд принял совет своей коварной жены и стал жестоким детоубийцей…* ***После содеянного отцом овладело раскаяние… упав на тело бездыханного сына, он начал горько плакать****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 63).
[829] *«…он вынул меч из ножен и наступил ногами на его рукоятку… затем упал на меч, и меч пронзил одну сторону груди до самой лопатки… Прибежала мать и,* ***ни жива ни мертва, упала, осиротелая, на тело сына, и заголосил весь дом****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 104).
[830] Ср. с Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 75.
[831] *«…король гневно и резко упрекал королеву. «Если бы мальчик, — говорил он, — был освящен именем моих богов, он непременно остался бы живым; теперь же, когда его окрестили во имя вашего бога, он не выжил. На что королева ему отвечала: «…****Душа моя не печалится по этому поводу****, ибо я знаю,* ***если кто-то призван из этого мира в белых одеждах, то должен пребывать в царстве божием****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 49). На это же обстоятельство в связи со смертью его сестры указывает королю Хлодвигу и св. Ремигий (Greg. Tur. Hist. II, 31; см. также: Bede Hist. Eccles. II, 13).

принятия монашеского сана[832]. Григорий Турский изображает расставание с близкими как важный этап на пути к монашеской жизни (см., например, Greg. Tur. Hist. I, 40; IX, 39; X, 31), и осуждает родственников за препятствие ему (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 13).

Отсутствие, по крайней мере, печали у родственников в указанных выше ситуациях воспринимается как девиация. Описывая реакцию на смерть сыновей Хлодомера со стороны их бабушки и дядьев, Григорий Турский дает читателям представление об истинном характере отношений между героями и выражает свое отношение к их поступку[833]:

«…Quibus interfectis, Chlothacharius, ascensis equitibus, abscessit, ***parvi pendens de interfectione nepotum****; sed et Childeberthus in suburbana concessit…»* (Greg. Tur. Hist. III, 18)[834].	*«…Regina vero, conpositis corpusculis feretro,* ***cum magno sallentio inmensoque luctu*** *usque ad basilicam sancti Petri prosecuta, utrumque pariter tumulavit…»*[835] (Greg. Tur. Hist. III, 18).

Сам король Хильперик осуждает свою супругу Фредегонду за отсутствие у нее беспокойства и печали о заболевшем сыне (Greg. Tur. Hist. V, 22)[836].

Основным способом выражения печали героев в рассматриваемых произведениях является плач (лат. *planctus, fletus, lacrima*)[837]. Им сопровождается расставание детей и родителей[838], получение сообщения о смерти родственников[839] и сам обряд похорон[840].

---

[832] Сравни: *«…Достигнув возраста четырнадцати лет, он предпочел монашескую жизнь мирской. Когда он сказал об этом* ***отцу… тот одобрил благое намерение мальчика и всячески ободрял*** *его в этом достойном начинании…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С.174).

[833] Описывая само убийство этих детей, Григорй Турский делает следующее замечание: *«…frater eius ad pedes Childeberthi prosternitur, adpraehensaque eius genua, agebat cum lacrimis: 'Succurre,* ***piissime pater****, ne et ego peream sicut frater meus…»* (Greg. Tur. Hist. III, 18). В.Д. Савукова при переводе передала слово *pater* как *дядя* (*«…О мой милый дядя…»*, Григорий Турский. История франков. С. 73), возможно считая, что Григорий Турский или его переписчики по ошибки называют Хильдеберта отцом мальчиков. Однако, принимая во внимание точку зрения И. Реаль о том, что фигура дяди в жизни ребенка во многом напоминала фигуру отца, в т.ч. в отношении взаимной привязанности (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 493–497), то подобная «оговорка» может быть не случайной, а намеренной. Она может говорить об ожиданиях, которые турский епископ (и общество в целом?) имели относительно поведения дядьев, а конкретно, что последние должны заменить отца, как в отношении обязанностей, так и в чувственно-эмоциональной сфере. Здесь, в частности, Григорий Турский мог отталкиваться от собственного опыта отношений с дядьями, которые, во многом заменили ему рано умершего отца, и с которыми у него установились достаточно близкие отношения.

[834] *«…После совершенного убийства Хлотарь сел на коня и уехал,* ***нисколько не думая об убиении племянников;*** *равно и Хильдеберт удалился из города…»* (Григорий Турский. История франков. С. 73). Ср. с реакцией на смерть внуков Децима Магна Авсония и Марка Корнелия Фронтона (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 268).

[835] *«…А королева положила тела детей на погребальные носилки и* ***с душераздирающим стенанием*** *следовала за ними в сопровождении большого хора певчих до базилики святого Петра, где и похоронила их обоих…»* (Григорий Турский. История франков. С. 73).

[836] О возможной предвзятости в истолкование данного эпизода Григорием Турским см. Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 8.

[837] Один раз Григорий Турский указывает на плач как выражение радости по поводу возвращения родственника (см. Григорий Турский. История франков. С. 71). Р. Ньюболд в своей статье приводит полный список слов, связанных с переживанием горя героями «Истории франков» (см. Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 11).

[838] *«…они отъезжали с горьким плачем и проклятиями; плач в Париже стоял такой, что его можно было сравнить с плачем египетским…»* (Григорий Турский. История франков. С. 187; см. также Pauli Hist. Lang. V, 11). Именно потерю близких Р. Ньюболд считает основной причиной горя для героев «Истории франков» (см. Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 10–14). Однако в «Истории франков» встречаются сообщения об оставлении женщиной детей от первого брака на попечение родственников, когда она выходила замуж вторично, без какого–либо осуждения матери или выражения горя одной из сторон (см., например, Greg. Tur. Hist. I, 40; III, 6; IX, 19).

[839] *«…Когда король Гунтрамн узнал о смерти брата, он очень горько плакал…»* (Григорий Турский. История франков. С. 194; см. также: Greg. Tur. Hist. IX, 34).

[840] *«…от этой болезни погиб и его сын, которого он, громко стеная, похоронил в пригороде Марселя...»* (Григорий Турский. История франков. С. 224; см. также Greg. Tur. Hist. VI, 34). Схожую реакцию демонстрируют

Отсутствие слез в такой момент воспринимается как отсутствие соответствующих душевных переживаний и осуждается (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 39). Кроме «телесных» способов демонстрации скорби Григорий Турский упоминает и социальные действия: удаление от двора (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 39), отказ от участия в увеселениях и праздниках (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 35), уничтожение вещей, напоминающих о покойном (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 34)[841]. Судя по сообщениям «Истории франков», проявление скорби нормировалось, по крайней мере, в зависимости от степени родства. Например, Григорий Турский замечает о короле Гунтрамне, что *«...non minus plangens nepotes mortuos, quam cum vidit filios proprios iam sepultus...»* (Greg. Tur. Hist. VIII, 10)[842].

Плач мог также носить ритуальный характер, например, в ходе похорон[843]. Интересно отметить, что почти во всех случаях «телесное» выражение горя происходит параллельно с отправлением социальных практик. Однако установить точно, какое проявление чувств считалось более важным — спонтанное или ритуализованное — по данным «Истории франков» не представляется возможным[844].

Что касается радости, то мы не встречаем универсального «телесного» способа ее демонстрации, каким были слезы для печали. Она могла выражаться слезами (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 17), однако при ее описании преобладают социальные жесты, такие как публичные восхваления богов, освобождение заключенных, прощение недоимок по налогам. Еще одной возможностью продемонстрировать радость могла быть организация праздников: Григорий Турский упоминает пиры по поводу помолвки принцессы Ригунты (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 45) и совершеннолетия принца Хильдеберта (см., например, Greg. Tur. Hist. VII, 33). Вероятно, они также устраивались в честь рождения и крещения детей (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 29; VIII, 9).

Гнев и ярость (лат. *ira, furor*) также упоминаются Григорием Турским в связи с родством[845]. Они могли возникать в отношениях между родственниками (см., например, Greg.

отцы из исландских саг в случае смерти сыновей (см. Jorgensen Itnyre C. The Emotional Universe of Medieval Icelandic Fathers and Sons // Medieval Family Roles: A Book of Essays. N. Y., 1996. P. 181–183).

[841] Павел Диакон также указывает на глубокие вздохи (*«alta suspiria»*, Pauli Hist. Lang. I, 24) и сетования (*«dolor in voce merupit»*, Pauli Hist. Lang. I, 24). И. Реаль в качестве социальных действий, выражающих чувства родителей святых, называет клятвы, стоны, крики боли, молитвы и мольбы (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 434–436).

[842] *«…убиенных племянников он оплакивал с не меньшей горечью, нежели, когда он видел в могиле собственных сыновей…»* (Григорий Турский. История франков. С. 224). См. также: *«…Хлодоберта положили на носилки и принесли в Суассон, в базилику святого Медарда, и, опустив его на могилу святого, дали обет от его имени. Но в полночь, задыхаясь и ослабев, он испустил дух. Его похоронили в базилике святых мучеников Криспина и Криспиниана. Тогда великое рыдание было во всем народе.* ***Плачущие мужчины и женщины в траурных одеждах, в таких, в каких они хоронят мужей****, следовали за похоронной процессией…»* (Григорий Турский. История франков. С. 141).

[843] См. об этом подробнее Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 1.

[844] Об опасности интерпретации ритуала и того или иного поведения, описанного в источниках, как ритуал см. Buc P. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton, 2001.

[845] Подробнее о гневе в «Истории франков» см. Newbold R.F. The nature of anger in Gregory of Tours' Libri Historiarum // Nottingham Medieval Studies. P. 21–39; idem. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum. P. 1–23.

Tur. Hist. IV, 47; V, 58; IX, 35, X, 8), или быть реакцией на события, произошедшие с ними (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 12, 29; V, 39; VI, 35; VII, 15). В первом случае их причиной, как правило, служил отказ младшего по возрасту или положению родственника подчиниться старшему, во втором — смерть, угроза жизни или чести родственника. Интересно отметить, что в «Истории франков» данная эмоция в отношениях между родственниками проявляется только у франков и других германцев. Гнев и ярость изображаются Григорием Турским как отклонение в отношениях между родными, как показатель отсутствия у них авторитета или неразумности их поведения. С одной стороны, подобное отношение к гневу, по мнению Г. Альтхоффа, исходит из его восприятия как одного из смертных грехов[846]. С другой стороны, гнев родственников в изображении Григория Турского, не поддается контролю и иногда реализуется в членовредительстве или попытке его совершить. Так, королева Гоисвинта в ярости избивает до крови свою внучку за отказ перейти в арианство (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 38)[847], а Ваддон в гневе едва не убивает сына топором (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 35).

Таким образом, конкретные проявления эмоций в описании наших авторов вполне зависят от ситуации и субъекта переживаний. Их интенсивность, время, место и способы выражения нормировались и обуславливались не только степенью родства, но и конкретными событиями в жизни родственников. При этом, если переживание горя и страдания выражается преимущественно «телесно» — плачем, то для демонстрации радости используются более разнообразные и сложные социальные действия (пиры, подарки, молебны). Родство также порождает у человека эмоции, которые не вызывают одобрения у авторов: одной из них является гнев.

3.1.2. «Вероятное» и «должное» в переживания родства

Как уже упоминалось выше, в рассматриваемых нами источниках встречаются словосочетания *paterna caritas* и *fraterna caritas*. Это позволяет предположить, что отношения между отцом и детьми отличалось от отношений между братьями или другими родственниками. Более того, данные виды отношений используются нашими авторами и для характеристики взаимодействий между людьми, не состоящими в данных степенях родства[848].

---

[846] См. Althoff G. Ira regis: Prolegomena to a History of Royal Anger // Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages. Ithaca, 1998. P. 60–61.

[847] О возможной предвзятости Григория Турского при создании образа королевы Гоисвинты и заимствования сюжета насильственного принуждения к переходу в аринаство из агиографии см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. P. 27–28.

[848] Например, Григорий Турский так характеризует св. Авит: *«…если к нему приходил чужестранец, он **так его любезно принимал, что тому казалось, будто он нашел отца и отчизну**…»* (Григорий Турский. История франков. С. 101; см. также Greg. Tur. Hist. V, 42), а св. Радегунда говорит, что заботилась об аббатисе Агнессе «*с самого раннего возраста **как о своей дочери***» (Григорий Турский. История франков. С. 278). К. Лас и В. Вуоланто указывают на то, что один из самых известных позднеантичных поэтов и риторов Деций Магн Авсоний в своих стихах описывает своего дядю с материнской стороны, который воспитывал его, как отца и

Отношения родителей и детей, братьев и сестер включали не только эмоциональный компонент, но и комплекс прав и обязанностей, а также представления о нормах поведения, соответствие которым ожидали от кровных родственников. В связи с этим нас будет интересовать, прежде всего, что входило в сферу «возможного», а что считалось «должным» в рамках этого типа отношений, какое поведение ожидалось от кровного родственника, и предопределяло ли наличие рассмотренных выше чувств поведение, соответствующее статусу кровного родственника.

Наиболее полно в рассматриваемых источниках освещается взаимодействие родителей и детей. По всей видимости, в восприятии наших авторов ключевым понятием в их взаимоотношениях являлся *officium*[849]. Одной из главных его составляющих им виделось обеспечение выживания ребенка[850]. Оно подразумевало, прежде всего, защиту от опасностей

мать, а сестер своих матери и отца, которые также принимала участие в его воспитании, как матерей (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 266).

В текстах наших источников встречаются словосочетания родительская/братская/родственная любовь. Однако они используются лишь при описании отношений в рамках квазирдствех связей. Основным определением у всех трех авторов выступает эпитет *paternus* — родительский/отеческий (Paternus // Oxford Latin Dictionary. P. 1308). Все 4 упомянутых выше термина, передающих интенсивность эмоциональной привязанности (*caritas, affectus, dilectio* и *amor)*, в сочетании с данным прилагательным встречаются только в «Церковной истории». При этом большая их часть содержится во фрагментах–цитатах из писем римских пап героям «Церковной истории». Сам Беда Достопочтенный использует только выражения *fraternus amor* (Bede Hist. Eccles. II, 1) и *germana caritas* (Bede Hist. Eccles. II, 1). Оба они могут быть переведены как *братская любовь*. Однако, если значение первого словосочетания не вызывает разногласий у переводчиков Беды на новоевропейские языки, то второе имеет различные интерпретации. В.В. Эрлихман считает, что в данном случае имеется ввиду *родственная любовь* (*«…Он даже вызвал из своего монастыря братьев, которые из* ***родственной любви*** *последовали за ним в столицу и следили за соблюдением им правил…»*, Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 46). Сэллар, напротив, полагает, что речь идет о «*братской любови»* («brotherly love», The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. and ed. by A.M. Sellar. Mineola, 2011. P. 774; см. также Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. by Bertram Colgrave and R. A. B. Mynor, ed. by J. McClure and R. Collins. Oxford, 1999. P. 397). Дж. Джайлс предлагает вариант «*братская милость*» («broverly charity», Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the Englis Nation / Trans. by J.A. Giles. Aeterna Press, Kindle, 2016. P. 56). На наш взгляд в данном случае следует придерживаться версии Сэллара, т.к. прилагательное *germanus* используется Бедой только в значении «родной (брат)». Кроме того, скорее всего, в данном случае автор «Церковной истории» хотел избежать тавтологии, т.к. ранее в этом предложение уже использовал слово *frater*. Сэллар дает один и тот же перевод обоим словосочетания, находящимся в одной главе. Возможно, на выбор Бедой Достопочтенным именно этих терминов для сочетания с прилагательными повлиял тот факт, что папа римский Григорий Великий только их использует в сочетании с подобными эпитетами, хотя в его письмах встречаются все указанные термины. Кроме того, хотя папы Бонифаций V и Гонорий I используют выражения *paterna dilectio* и *fraterna dilectio*, но в тоже время Григорий I использует его в выражении *carnalis dilectio*, что вносило плотские коннотации в значение термина. Это могло повлиять на решение Беды не использовать его при описании отношений, где подобное было нежелательным. Григорий Турский использует только одно подобное «родственное» описание любви — *fraternus affectus* (Greg. Tur. Hist. I, 33). Точно установить причины выбора автором «Истории франков» именно этого термина не представляется возможным из-за недостатка материала для анализа. Павел Диакон самостоятельно подобные словосочетания в «Истории лангобардов» не использует. В ней встречаются только *paterna caritas* (Pauli Hist. Lang. IV, 9 (2), 19) в письмах папы Григория Великого.

[849] См., например: *«Unde* ***paternis officiis*** *vestrae gloriosae Christianitati nostram commonitionem non distulimus conferendam…»* (Bede Hist. Eccles. II, 11 (2)). Среди переводчиков нет единого мнения о том, как следует переводить данное словосочетание. Так, Дж. Джайлс, который одним из первых перевел «Церковную историю народа англов» на английский язык, передает *paternum officium* как *fatherly care* (The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England. P. 194). Этого же значения придерживается и М. Селлар (The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 110). В переводе «Церковной истории» Б. Колгрейва *paternum officium* передается как *fatherly duty* (см. Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 502). В.В. Эрлихман следует за Б. Колгрейвом и переводит *paternum officium* как *отцовский долг* (см. Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 61). Сам по себе латинский термин *officium* имеет коннотацию долженствования (см. Officium // Oxford Latin Dictionary. P. 1243–1244; Pater // И.Х. Дворецкий. Латинско–русский словарь. С. 534). Таким образом, на наш взгляд, уместнее было бы переводить данный термин как «долг/обязанность», тем более что далее во фрагменте четко противопоставляются понятия *officium* и *dilectio*: *«…His ergo premissis,* ***paternae vobis dilectionis exhibentes officia****…»* (Bede Hist. Eccles. II, 11). В данном словосочетании все без исключения переводчики передают *officium* как *долг*: *«the duty of our fatherly affection»* (The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England. P. 196; The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 110), *«our duty and our love for you»* (Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 503), *«ради нашего долга и из отеческой любви к вам»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 61).

[850] Епископ Претекстат прямо указывает на это королеве Фредегонде: *«…Лучше было бы тебе забыть свои безрассудство и злодеяния, обратясь к более добрым делам, оставить свое высокомерие, которое тебя всегда*

— реальных или потенциальных[851] (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 9; IV, 20, 25, 39; V, 1, 24, 25; VI, 41, 45; VII, 15; VIII, 21; Bede Hist. Eccles. II, 20; Pauli Hist. Lang.V, 10)[852]. Судя по сообщениям наших источников, такую защиту осуществлял один из родителей. По всей видимости, исполнение данной обязанности считалось прерогативой отцов[853], только в случае отсутствия/смерти последних ее брали на себя матери[854]. Защите родителей подлежали сыновья малолетние или взрослые и нездоровые психически (см. Greg. Tur. Hist. IV, 39). Дочери, вероятно, опекались до вступления в брак, а также в случае вдовства (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 21)[855]. В качестве основной опасности, как ни странно, фигурируют родственники — близкие или не очень (мачеха, дед, дядя, двоюродный брат), находящиеся в состоянии конфликта с родителями ребенка. Кроме того, детям могли угрожать отряды противника в ходе военных действий, гнев правителя на родителей и даже сглаз[856]. Для защиты детей родители удаляют их от источника опасности, используют военную силу, подкуп и обращаются за помощью к более влиятельным лицам. Однако отцы преуспевают только в 3 случаях из 7, а матери — в 2 из 5.

Хрестоматийным примером могут служить действия королевы Брунгильды. Традиционно считающийся сторонником короля Сигиберта I и его супруги Григорий Турский изображает королеву неспособной защитить своих детей. В момент смерти мужа Брунгильда,

---

переполняет, дабы удостоиться вечной жизни, и ***чадо свое****, которое родила,* ***довести до совершеннолетия****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 236).

[851] М. Докрэй–Миллер считает, что суть материнства в период раннего Средневековья может быть сформулирована как «защита, забота, обучение» (см. Dockray–Miller M. Motherhood and Mothering in Anglo–Saxon England. N. Y., 2000. P. 2).

[852] Именно защиту на случай смерти мужа и брата обещает король Гунтрамн королеве Файлевбе и принцессе Хлодозинде, принимая их под свое покровительство как дочерей (*«… tamquam... filias in sua tuitione et defensione spiritali dilectione recipiat…»*, Greg. Tur. Hist. IX, 20).

[853] Взгляды на сущность отцовства и обязанности отца в раннем Средневековье, как указывает Р. Балдзаретти, развивались под влияние трудов Августина Блаженного, который одним из первых сформулировал обязанности отца обеспечивать семью, оказывать поддержку ее членам, воспитывать их и любить. В ответ жена и дети должны были беспрекословно подчиняться ему и уважать. Именно на эти обязанности, по воспоминаниям св. Виллибальда, ссылался его отец, когда первоначально отказывался отправиться с ним в паломничество в Святую Землю (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 47–49). Схожего мнения о сути отцовства придерживались авторы энциклопедий XIII в. Томас ванн Кантимпре и Бартоломей Английский (см. Grace Ph. Aspects of Fatherhood in Thirteenth–Century Encyclopedias // Journal of Family History. 2006. Vol. 31, No. 3. P. 211–236), а также мыслители конца Средних веков (см. Mulliez J. La désignation du père // Histoire des pères et de la paternité. P., 1990. P. 27–54). Р. Каррас указывает на то, что, в период позднего Средневековья большинство мужчин стремились стать отцами и предпочитали дочерям сыновей, которым могли бы передать свое имя и социальное положение. Однако в тоже время они не участвовали активно в жизни последних и не испытывали к детям сильной эмоциональной привязанности (Karras R.M. From Boys to Men: Formations of Masculinity in Late Medieval Europe. Philadelphia, 2003). Э. Саутон указывает на существование в «отцовском» дискурсе двух моделей поведения: первой, основанной на учении Августина Блаженного, предполагающую строгое отношения к детям ради их будущего благополучия, и второй, взятой из трудов Иеронима Стридонского, основанной на любви, заботе и открытой демонстрации эмоциональной привязанности (см. Southon E. Fatherhood in Late Antique Gaul // Families in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2012. P. 238–253). Ср. с родительским долгом, как он воспринимался в период поздней Античности по мнению Дж. Кларк, которая отмечает, что само по себе рождение ребенка не обязывало античного отца к исполнению своих обязанностей. Только признание ребенка порождало их (см. Clark G. The Fathers and the Children // Studies in Church History. 1994. Vol. 3. P. 5).

[854] Дж. Кларк указывает, что позднеантичное римское законодательство демонстрирует тенденцию к учету уз между матерью и ее детьми, а также позволяет ей или даже бабушке ребенка осуществлять *potestas* над ними, при условии, что они откажутся от возможности повторно выйти замуж (см. Ibid. P. 6).

[855] Подробнее об этом также Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 191–192.

[856] *«… В эти дни у него родился сын, которого он повелел воспитывать в вилле Витри. Для того, «чтобы с ним не случилось какого–либо несчастья, — говорил он, — и чтобы он не умер, [что может произойти], если будет на глазах у народа…»* (Григорий Турский. История франков. С. 185). В.Д. Савукова считает, что Хильперик боялся колдовства (см. В.Д. Савукова // Григорий Турский. История франков / Пер. с лат и комментарии В.Д. Савуковой. С. 405).

по его мнению, была полностью деморализована и не способна выполнять родительский долг (Greg. Tur. Hist. V, 1). Интересно также сравнить ее попытку освободить из плена дочь Ингунду с действиями королевы Фредегонды в аналогичной ситуации: последняя смогла вернуть дочь домой, а дочь Брунгильды умерла в неволе (см. Greg. Tur. Hist. VII, 39; VIII, 21).

Для обеспечения выживания ребенка родители также должны были заботиться о его здоровье (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 36; V, 17, 22, 34; VI, 6; VIII, 16; IX, 21; X, 11, 15; Bede Hist. Eccles. I, 18, 21; V, 3; Pauli Hist. Lang. II, 4). Григорий Турский сообщает нам только о случаях болезни сыновей, Беда Достопочтенный упоминает также больных дочерей. Среди больных упоминаются дети разных возрастов — от новорожденных до подростков. Кроме того, ребенок с постоянным недугом (глухой или немой), скорее всего, оставался на попечении родителей и после совершеннолетия (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 6; VIII, 16)[857]. В отличие от случаев обеспечения безопасности детей, в котором мать играет второстепенную роль, в случае заболевания ребенка, особенно малолетнего, женщины в рассматриваемых «Историях» активно организуют их лечение[858]. При этом речь идет не о приглашении врачей (которых наши авторы попросту не упоминают)[859], а об обращении к Богу и небесным покровителям[860]. Стремясь добиться выздоровления детей, родители также сжигают налоговые списки, освобождают пленных, жертвуют храмам деньги, обращаются к святым, посещают их могилы и дают им обеты. Это может быть связанно с тем, что болезнь ребенка часто изображается Григорием Турским как наказание за грехи родителей, особенно высокопоставленных (епископов, королей). В четырех случаях из пяти дети умирают, несмотря на покаяние родителей[861]. Беда Достопочтенный, напротив, упоминает только

[857] Анализ историографии о детях-инвалидах и их жизни в период Античности и Раннего Средневековья см. в Laes Ch. Learning from Silence: Disabled Children in Roman Antiquity // Arctos. 2008. Vol. 42. P. 85–122; idem. Raising a Disabled Child // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 125–146; Solevag A.R. Listening for the Voices of Two Disabled Girls in Early Christian Literature // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World. L., N. Y., 2017. P. 287–299. Об увечных детях в произведениях Григория Турского Laes Ch. Disabled children in Gregory of Tours // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost. Oxford, 2011. P. 39–62.

[858] Как отмечают Лас и Вуоланто в «Житие св. Мартина» Сульпиция Севера часто упоминаются отцы, которые заботятся о больных дочерях, и только в одном случае речь идет о матери. Напротив, в «Проповедях» Цезария Арльского о больных детях в основном заботятся матери (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 271). И. Реаль указывает, что, хотя на первый взгляд, в раннесредневековых житиях франкских святых о здоровье детей, особенно малолетних, заботятся преимущественно матери, статистика показывает, что отцы почти также часто участвуют в лечении детей (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 416-417, 444).

[859] И. Реаль отмечает, что родители, обратившиеся в первую очередь к врачам или к «народной медицине», очень быстро убеждаются в их некомпетентности и неэффективности, и прибегают к помощи святого, который легко излечивает их ребенка. Подобные сюжеты, по ее мнению, призваны продемонстрировать «силу» героя жития и власть Бога над жизнями людей, укрепляя, таким образом, их приверженность христианству (Ibid. P. 437–439).

[860] Ср. с выводами В. Вуоланто о роли серьезных заболеваний в религиозной жизни ребенка в период поздней Античности, которые, по его мнению, сближали больного с духовными подвижниками, проживающими по соседству с ним (см. Vuolanto V. Family Relations and the Socialization of Children in the Autobiographical Narratives of Late Antiquity // Approaches to the Byzantine Family. L., 2013. P. 47–74).

[861] Сам же Григорий Турский в автобиографических эпизодах своих произведений не раз говорит о том, как он и его отец излечивались, благодаря божественному вмешательству (см. об этом Heinzelmann M. Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours. P. 21–22). Сопоставление этих двух фактов, может свидетельствовать в пользу того, что в изображении автора «Истории франков» смерть ребенка от болезни есть свидетельство неискренности/недостаточности покаяния родителей. Об отношении Григория Турского к медицине см., например, James E. A Sense of Wonder: Gregory of Tours, Medicine and Science // The Culture of Christendom: Essays in Commemoration of Denis L.T. Bethell. L., 1993. P. 49–50. См. также Leyerle B. Children and Disease in a Sixth Century Monastery // What Athens Has To Do with Jerusalem. Sterling, 2002. P. 346–358. Об

случаи излечения, превращая их в демонстрацию силы Христа, и награды за верность ему их родителей.

Наконец, в «Истории франков» описываются ситуации, в которых родителям приходится защищать честь и достоинство своих детей (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 12; V, 17, 20, 32). Как и в случае с безопасностью, речь идет о малолетних сыновьях и дочерях, как о незамужних (см. Greg. Tur. Hist. II, 12), так и о выданных замуж (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 32). В изображении Григория Турского данная обязанность исполняется только отцами. Для сыновей основной угрозой являлось сомнение в их праве наследовать отцу, для дочерей — угроза целомудрию. Способы защиты от клеветы отцы избирают различные. Например, король Гунтрамн наказывает подданных, сомневающихся в правах его сыновей, в зависимости от их социального положения (см. Greg. Tur. Hist. V, 17, 20).

В качестве важного элемента родительской заботы можно рассматривать и практику выбора для ребенка подходящего брачного партнера (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 20, 31; IV, 27, 28, 46; V, 30; VI, 17, 30; 34; Bede Hist. Eccles. III, 21; IV, 19; Pauli Hist. Lang. I, 21, 27; III, 12, 15, 30; V, 16, 25). Анализ источников позволяет прийти к выводу, что, как и в случае с обеспечением безопасности, данная обязанность лежала, прежде всего, на отцах. Только в «Истории франков» содержатся эпизоды, рассказывающие о женщинах, которые устраивают браки своих детей (Greg. Tur. Hist. III, 31; IV, 46; X, 5). При этом в двух случаях супруги этих женщин мертвы, а в третьем муж находится в отъезде[862]. Показательно, что во всех трех случаях браки не состоялись[863]. Хотя наши источники сообщают и об устройстве отцами личной жизни сыновей (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 20; V, 30; VI, 17; Bede Hist. Eccles. III, 21; Pauli Hist. Lang. III, 12; V, 25), в сообщениях на данную тему речь идет в основном о дочерях. Причины подобной избирательности могут быть различны. Судя по эпизодам из «Истории франков», можно предположить, что мужчины–франки пользовались определенной самостоятельностью в выборе жен[864]. Сведения «Церковной истории» и «Истории

античной и раннесредневековой педиатрии см. в Gourevitch D. The Sick Child in his Family: A Risk for the Family Tradition // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 273–292; Dean-Jones L.A. The Child Patient of the Hippocratics: Early Pediatrics? // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World. Oxford, 2013. P. 108–124; Holman S.R. Martyr-Saints and the Demon of Infant Mortality: Folk Healing in Early Christian Pediatric Medicine // Children and Family in Late Antiquity. Life, Death and Interaction. Leuven, 2015. P. 233–254.

862 По всей видимости имели место и другие случаи, где женщины принимали решения по поводу браков своих детей, в случае смерти их отцов. Например, хотя Григорий Турский ничего не сообщает об этом, свадьба принцессы Ингунды могла быть организована ее матерью Брунгильдой, т.к. на момент бракосочетания отец девушки был уже мертв, а брат слишком мал. Возможно, что королева Эдильберга также сыграла определенную роль в заключение брака между ее дочерью Энфледой и королем Освиу (см. об этом Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England. P. 36–37).

863 Ср. с Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900. Philadelphia, 1981. P. 58–69, 190. И. Реаль считает, что брак мог быть организован только отцом или другим опекуном девушки, т.е. теми, кто обладал mundium'ом над ней (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 255–256).

864 Единственный королевский брак, упоминаемый Григорием Турским, организованный для сына королем Теодорихом, состоялся уже после смерти отца, спустя 7 лет после объявления помолвки и только под давлением франкской знати, которую не устраивала Деотерия — спутница Теодоберта, выбранная им самостоятельно (см. Greg. Tur. Hist. III, 20; 22; 27). Также Григорий Турский в качестве одной из причин брака Сигиберта и Брунгильды указывает на нежелание короля уподобляться братьям, которые *«**выбирают** в жены недостойных себя женщин и, унижая себя, женятся даже на служанках»* (Григорий Турский. История франков. С. 96). Таким

лангобардов» слишком отрывочны, чтобы делать какие-либо предположения. Напротив, епископ Бордо Бертрамн указывает, что для дочерей участие родителей в подборе супруга было обязательным (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33)[865]. При этом главным критерием служило социальное положение будущего зятя (Greg. Tur. Hist. III, 31), его личные качества: такие как храбрость (см., например, Pauli Hist. Lang. III, 15), военные заслуги (см., например, Pauli Hist. Lang. I, 27), богатство, и, наконец, хорошие личные отношения с родителями невесты (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 30; Pauli Hist. Lang. V, 16). Таким образом, женщине обеспечивалось сохранение ее социального статуса и материального положения. Об участии невесты в решении собственной судьбы ни один из наших авторов не упоминает (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 20; Bede Hist. Eccles. IV, 19). Кроме того, в «Истории франков» встречаются сообщения о женщинах, которые после смерти своего супруга, несмотря на наличие детей от первого брака, возвращаются к родителям, которые устраивают следующий их брак (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 19; Bede Hist. Eccles. IV, 19).

Таким образом, *officium*, согласно рассматриваемым источникам, представлял собой набор обязанностей, исполнять которые должны были как отец, так и мать ребенка. При этом в полных семьях — семьях, где имелись оба родителя – часть из них выполнялась мужчиной (обеспечение безопасности, защита интересов ребенка, поиск брачного партнера), а часть — женщиной (уход и забота о здоровье ребенка). Однако, в случае смерти одного из супругов, второй приступал к исполнению родительского долга в полном объеме[866]. Он осуществлялся по отношению к несовершеннолетним сыновьям и дочерям до их замужества, а также в случае их вдовства и последующего возвращения в дом родителей. Сыновья с серьезными

образом, можно предположить, что, либо организация брака сыновей не входила в обязанность отцов, либо ее исполнение не было строго обязательным.

[865] Возможно, поиск брачного партнера для дочери, был такой же обязанностью, как и ее защита. С распространением христианства у брака появляется альтернатива — монашество, но, видимо, даже в VI–VII вв. она все еще не рассматривалась как достаточная. Так, король Хильперик I пытается отправить в Испанию к жениху не только свою дочь Ригунту, но и ее старшую сестру Базину, хотя последняя была монахиней (см. Greg. Tur. Hist. VI, 34). Этот эпизод соответствует негативному образу короля Нейстрии, который Григорий Турский создает в «Истории франков»: с одной стороны, король стремился исполнить долг отца, несмотря на сложные отношения между ним и дочерью, с другой стороны, своими действиями он заставляет ее нарушить святой обет, чем подвергает опасности спасение ее души. Кроме того, Хильперик отправляет дочь в Испанию в неясном статусе, что может повредить ее репутации, которую он, как отец, должен защищать. Наконец, он явно демонстрирует, что брак для женщины, предпочтительнее монашества. Неодобрение подобной позиции Григорий Турский выражает устами королевы-монахини Радегунды. Другую интерпретацию поведения Хильперика см. в Crisp R. Opp. cit. P. 188-189. В Британии благочестивый король восточных англов Анна, не обращая внимания на желание своей дочери поступить в монастырь, дважды выдает ее замуж (см. Bede Hist. Eccles. IV, 19). Однако Беда не осуждает его действия, представляя их в качестве испытания веры женщины. Интересен и тот факт, что единственное упоминание *paternum officium* в «Церковной истории» встречается в той части письма папы Григория I королеве Нортумбрии Эдильберге, которая посвящена проблеме законности ее брака с королем Эдвином (см. Bede Hist. Eccles. II, 11).

[866] Хотя в «Церковной истории» и упоминается *paternum officium*, т.е., строго говоря, «отцовский долг» (см. Paternus // Oxford Latin Dictionary. P. 1308), сказанное выше позволяет нам распространять это понятие и на матерей и говорить о *родительском долге*. Прилагательное *paternus*, скорее, указывает на подчиненное, зависимое положение объекта заботы. Об универсальности данного понятия свидетельствует и Павел Диакон, когда говорит, что *«…**родители**, бессердечно **позабыв свой долг**, оставляли своих детей лежать в смертельном бреду…»* (*«…**parentes obliti pietatis** viscera natos relinquebant aestuantes…»*, Pauli Hist. Lang. II, 4). Р. Бальдзаретти считает, что Павел Диакон изображает лангобардских матерей, как неспособных исполнять обязанности отца в случае его смерти. Даже прославляемая им королева Теоделинда (единственная лангобардская мать–регент), по мнению исследователя не справилась с ролью *отца* при своем *сыне*, который сошел с ума и умер (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 50; см. также idem. Theodelinda, “most glorious queen” // The Medieval History Journal. 1999. Vol. 2, No. 2. P. 183–207).

заболевания находились на попечении родителей в течении всей жизни последних. Исходя из этого, можно предположить более тесную связь дочерей с родительской семьей, т.к. они дольше находились под опекой отца и матери, даже могли возвращаться в их дом в случае прекращения брака (по причине смерти супруга или развода) (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 19, 33; Bede Hist. Eccles. IV, 19). Однако мы не можем точно установить, были ли подобные отношения дочерей и родителей характерны для всех групп населения, или они были распространены только среди знати[867].

Кроме понятия *paternum officium* в «Церковной истории» и «Истории лангобардов» упоминается *paterna pietas*[868] (Bede Hist. Eccles. I, 9; Pauli Hist. Lang.VI, 40, 55). Хотя встречается данное понятие крайне редко и никогда не описывает отношения между родителями и детьми, очевидно, что оно отсылает читателей к одному из широко известных аспектов отношений между ними. Контекстуальный анализ использования этого словосочетания позволяет предположить, что под *paterna pietas* подразумевались любые действия в пользу ребенка, не включавшиеся в понятие *paternum officium*, или помощь совершеннолетнему ребенку (Bede Hist. Eccles. I, 9; Pauli Hist. Lang. VI, 40; VI, 55)[869]. Отеческая забота, по всей видимости, воспринималась нашими авторами как норма, однако, демонстрировалась по желанию родителя. Дальнейший анализ этого аспекта отношений родителей и детей затруднен как незначительным количеством связанных с ним ситуаций, так и метафорическим характером использования словосочетания *paterna pietas*, и требует привлечения дополнительных источников.

Другим важным фактором во взаимодействии родителей и детей был долг детей перед родителями. Ни в одном из рассматриваемых источников мы не встречаем термин, который описывал бы данный аспект их отношений, однако в «Историях» содержится достаточно ситуаций его иллюстрирующих. На основе анализа наших источников нам удалось выделить как минимум два его компонента.

---

[867] Ср. с выводами И. Реаль о роли родителей в жизни их детей-святых (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 430).

[868] Как и словосочетание *paternum officium*, *paterna pietas* не имеет однозначного перевода на новоевропейские языки. В случае с императором Феодосием (см. Bede Hist. Eccles. I, 9), англоязычные переводчики передают это понятие как *fatherly affection* (см. The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England / Trans. and ed. by J.A. Giles. P. 70; The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. and ed. by A.M. Sellar. P. 20; Bede. The Ecclesiastical History of the English People / Trans. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors, ed. by J. McClure and R. Collins. P. 192). На русский язык М.М. Эрлихман переводит его как «отцовская забота» (см. Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 17). Когда *paterna pietas* проявляет папа Захарий в «Истории лангобардов» (см. Pauli Hist. Lang. VI, 40) У. Фулк переводит словосочетание как *fatherly piety* (Paul the Deacon. History of the Lombards / Transl. by W.D. Foulke. P. 283), Д.Н. Раков — как *отеческое благословение* (см. Павел Диакон. История лангобардов. С. 237), а Ю.Б. Циркин — как *отцовское имущество* (Павел Диакон. История лангобардов. С. 199). Король Лиутпранд, по свидетельству Павла Диакона, также демонстрировал по отношению к своему племяннику *paterna pietas* (Pauli Hist. Lang. VI, 55), которую У. Фулк считает *fatherly care* (см. Paul the Deacon. History of the Lombards / Transl. by W.D. Foulke. P. 300), Д.Н. Раков — *отеческой заботой* (см. Павел Диакон. История лангобардов. С. 255), а Ю.Б. Циркин — *отеческой любовью* (Павел Диакон. История лангобардов. С. 207). На наш взгляд, наиболее уместным является перевод термина *pietas* в данном контексте как *забота/доброта*, т.к. наши авторы используют другие термины для передачи родительских чувств, о чем речь шла выше.

[869] В наших источниках речь идет только о мужчинах, помогающих мужчинам, хотя, возможно, что женщины также могли проявлять или быть адресатами подобного отношения.

Прежде всего, речь идет об обязанности детей подчиняться своим родителям. Здесь, как и в предыдущих случаях, героями большей части сообщений являются отцы и сыновья. Однако, если в сообщениях, где речь шла о *родительском долге*, упоминались почти исключительно несовершеннолетние дети, то в отрывках с данной тематикой действующие лица в основном взрослые мужчины (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 9, 37; III, 3, 21; IV, 9, 42, 47; V, 2, 13, 14, 26, 38, 39; VIII, 42; Bede Hist. Eccles. I, 11; Pauli Hist. Lang. V, 36). Не вызывает сомнения, что маленькие дети обоего пола находились в подчинении у родителей, но приведенные выше примеры позволяют предположить, что и взрослые сыновья, и дочери не освобождались от этой обязанности[870]. Это, по всей видимости, отличало долг детей перед родителями от долга родителей перед детьми: последние должны были исполнять его только до совершеннолетия сына или вступления в брак дочери. Отказ детей выполнять требования родителей осуждается: если не прямо, как в случае с майордомом Ваддоном[871], то косвенно, через описание негативных последствий подобных действий[872]. Поручения в основном предполагали захват или удержание какой-либо территории (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 37; III, 3, 21; IV, 47; V, 2, 14, 26), а также управление ею (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 9; V, 39; VIII, 42; Bede Hist. Eccles. I, 11; Pauli Hist. Lang. V, 36), в том числе сопряженное с риском для жизни (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 9; V, 39).

Интересно в этой связи рассмотреть эпизод, касающийся короля Теодориха и его сына принца Теодоберта: Теодорих убивает своего родственника Сигивальда и предлагает Теодоберту поступить так же с сыном последнего, который являлся крестником принца и находился у него на службе (см. Greg. Tur. Hist. III, 23). Теодоберт находится в ситуации морального выбора: с одной стороны, есть распоряжение отца, которого он обязан слушаться, а с другой, он должен будет убить своего крестного сына. Король Теодорих, судя по всему, ставил долг сына перед отцом выше христианской морали, однако Теодоберт делает выбор в

---

[870] Такое же мнение о необходимости безоговорочного послушания детей своим отцам высказывали Хинкмар Реймский и Рабан Мавр (см. Nelson J.L. The Search for Peace in a Time of War: The Carolingian Brüderkrieg, 840–843 // Träger und Instrumentarien des Friedens im hohen und späten Mittelalter. Thorbecke, 1996. P. 87–114; Joye S. Family order and kingship according to Hincmar // Hincmar of Rheims: Life and work. Manchester, 2015. P. 190–210).

[871] *«…Ваддон… жаловался, что его лошади были уведены зятем Беретруды. И он решил приехать на одну из его вилл… и сын тогда говорил ему: «Если ты пойдешь, то мы оба умрем, и ты оставишь мою мать вдовой, а братьев сиротами». Но эти слова нисколько не подействовали на него, более того,* ***пылая гневом, он назвал сына трусом и неженкой и, бросив в него топор, чуть не разбил ему голову****. Но тот, отскочив в сторону, избежал удара, нанесенного отцом… Наконец, сев на лошадей, они уехали…*» (Григорий Турский. История франков. С. 270).

[872] Например, принц Меровей, ослушавшись приказа отца, вступает в брак с вдовой своего дяди *«вопреки естеству и каноническим законам»* (см. Greg. Tur. Hist. V, 2), а Алахис, которого принц Куникперт поддерживал вопреки воле своего отца короля Перктарита, свергает его с трона (см. Pauli Hist. Lang. V, 36). Возможно, подобная сдержанность Григория Турского при описании неподчинения принцев отцам заключается в том, что он вообще старался избегать негативных оценок представителей королевских династий, если только она не была высказана официально церковью. Одним из исключений из этого правила является характеристика, данная им королю Хильперику, которого он в частности обвиняет в том, что Хильперик *«попирал даже распоряжения своего отца, полагая, что никого не осталось, кто бы мог настаивать на выполнении его воли»* (Григорий Турский. История франков. С. 189). И. Реаль приводит в пример эпизод «Жития св. Элидия», в котором сын попытался обвинить отца в совершении преступления, при этом его действия являлись следствием дьявольского наущения (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 458).

Смерть не прекращала обязательств детей перед родителями и в эпоху Каролингов (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 26; Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 52).

пользу последней и отпускает крестника. Григорий Турский, который, подобно принцу, осознает всю сложности ситуации, не осуждает его за такое решение. Напротив, Хлодвига, сына короля Хильперика, автор «Истории франков» изображает клятвопреступником за то, что он подчинился отцу и напал на своего дядю Сигиберта, которому дал обещание в военных действиях против него не участвовать (см. Greg. Tur. Hist. IV, 47)[873]. Таким образом, Меровинги в изображении Григория Турского, ставят обязанность подчиняться отцу выше, чем все прочие обязательства, связанные в т.ч. и с религиозным долгом.

По иному сценарию складываются отношения взрослых детей и матерей. Ключевое различие заключается в том, что по Григорию Турскому матери, в отличие от отцов, не могли распоряжаться своими детьми[874]. Королева Брунгильда не требует от своих сыновей отомстить за убийство ее родителей, а просит их об этом[875]. Также и Инготруда советует своей дочери оставить мужа и детей и перебраться в основанный ею монастырь (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33; см. также Greg. Tur. Hist. III, 31). Причина подобного различия в отношениях к отцу и матери со стороны детей, возможно, заключается в том, что отцы-короли рассматривают своих отпрысков не только как родственников, но и в качестве своего рода «должностных лиц» с определенными обязанностями, главной из которых было беспрекословное подчинение[876]. Кроме того, Григорий Турский мог рассматривать отношения отцов и сыновей с точки зрения института *patria potestas*, который давал отцу полную власть над сыном. Матери же подобными полномочиями в римском обществе не обладали.

---

[873] Несмотря на то, что принц выполнял распоряжения отца, последствия его действий оказываются такими же плачевными, как у других принцев в случае непослушания (Greg. Tur. Hist. IV, 47).

[874] Вполне возможно, что единого мнения о необходимости подчиняться матерям, особенно сыновьям и особенно взрослым, по крайне мере среди раннесредневековых авторов, не существовало. Так анонимный ирландский автор «De duodecim abusivis saeculi» говорит о том, что следует одинаково слушаться отца и матери, а Исидор Севильский и аббат Санкт–Галлена Гримальд считали, что подчиняться стоит прежде всего отцу (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 47). И. Реаль считает, что вдовы попадали под контроль своих взрослых сыновей, которые не обязаны были слушаться их и могли сами распоряжаться жизнями матерей (Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 469).

[875] *«…Chrodechildis vero regina Chlodomerem vel reliquos filius suos adloquitur,* ***dicens****: 'Non me paeneteat, carissimi, vos dulciter enutrisse; indignate, quaeso, iniuriam meam et patris matrisque meae mortem sagaci studio vindecate»…»* (Greg. Tur. Hist. III, 6).

[876] Ср., например, с рассказом Павла Диакона о короле Аудуне и его сыне: *«…лангобарды возвратились домой и начали упрашивать своего короля Аудуина, чтобы он позволил сидеть вместе с ним за столом Альбоину, благодаря мужеству которого они одержали победу в битве, и чтобы таким образом он разделял с отцом стол, как разделял опасность. Аудуин ответил им, что никак не может этого сделать, не нарушая народного обычая. «Вы знаете, — сказал он, — какой у нас существует обычай: сын короля может садиться за стол вместе с отцом не раньше, чем получит оружие от короля какой-нибудь другой нации…»* (Павел Диакон. История лангобардов. С. 56–57). Все это является косвенным свидетельством в пользу точки зрения о том, что франки и другие германские племена рассматривали свои королевства не только как «патримониальные государства» или как «совокупность личных отношений между определенными индивидуумами», т.е. как собственность (см. об этом подробнее Корунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе М., 1963. 186 с.; Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 12; Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI в. Новосибирск, 2011. С. 123–125; Золотарев А.Ю. Государство и суд в раннесредневековой Англии: 07.00.03 Золотарев, Антон Юрьевич Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII — XI вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 Воронеж, 2005). Д. Поланички считает, что в эпоху Каролингов власть родителей над детьми уже не была столь всеобъемлющей (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 26).

Почтение к родителям являлось вторым элементом долга сыновей и дочерей, которую нам удалось выделить[877]. Григорий Турский изображает его как равно распространяемое на обоих родителей со стороны детей независимо от пола и возраста последних. Автор «Истории франков» отказывает детям даже в праве на справедливое обличение неблаговидных поступков родителей. Тем более осуждалось достижение личной выгоды через ущемление интересов родителя. В наших источниках содержатся характерные примеры социально одобряемого и неодобряемого поведения сыновей в подобных ситуациях:

«История франков»	*«История лангобардов»*
«…Eunius quoque cognomento Mummolus a rege Gunthchramno patriciatum promeruit... Hic etenim Peonio patre ortus, Audisiodorensis urbis incola fuit. Peonius vero huius municipii comitatum regebat. Cumque ad renovandam actionem munera regi per filium transmisisset, illi, datis rebus paternis, comitatum patris ambivit subplantavitque genetorem, quem sublevare debuerat…»[878] (Greg. Tur. Hist. IV, 42; см. также Greg. Tur. Hist. V, 25).	*«…Quod rex Liutprand audiens, in magnam iram exarsit, ducatumque Pemmoni auferens, Ratchis, eius filium, in eius loco ordinavit.... sed Ratchis, eius filius, a rege supplicavit patremque in regis gratiam reduxit. Accepta itaque Pemmo fiducia, quod nihil mali pateretur... perrexit…»*[879] (Pauli Hist. Lang. VI, 51).

В «Истории франков» также приводится яркий пример неподобающего поведения дочери: принцесса Ригунта не только осыпает бранью свою мать, но позволяет себе даже физическое насилие (см. Greg. Tur. Hist. IX, 34). Интересно отметить, что Григорий Турский ничего не сообщает нам об осуждении или наказании, постигшем принцессу за подобное поведение — в отличие от того, что случилось с ее сводным братом Меровеем в схожих обстоятельствах (см. Greg. Tur. Hist. V, 14). Возможно, такие ситуации случались достаточно редко, и потому поведение детей не всегда получало адекватную оценку со стороны социума.

В целом долг детей перед родителями представляется нашим авторам универсальным явлением: одни и те же обязанности на протяжении всей жизни были у сыновей и дочерей.

[877] По мнению Д. Поланички, в эпоху Каролингов уважение, верность и подчинения отцам сыновья «обменивали» на долю в наследстве родителей (см. Ibid. P. 25–26). Р. Бальдзаретти указывает на то, что в раннесредневековых житиях святых отцы изображаются как вызывающие восхищение, уважаемые фигуры, которым дети беспрекословно подчиняются (Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 48).

[878] *«…Евний, по прозвищу Муммол, также заслужил от короля Гунтрамна титул патриция… Он был сыном Пеония и жителем города Оксера. Пеоний же был графом этой муниципии. И когда Пеоний* ***послал с сыном подарки королю для возобновления своей графской службы, сын, отдав отцовские подарки, добился графства для себя, обойдя тем самым своего родителя, которого он должен был поддержать****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 105).

[879] *«…короля Лиутпранда охватил великий гнев, и он отобрал у Пеммо герцогство и* ***назначил вместо него его сына Ратхиса****…* ***но его сын Ратхис умолил короля и восстановил своего отца в монаршей милости****. Тогда Пеммо, уверившись, что ему не нанесут никакого вреда, отправился к королю…»* (Павел Диакон. История лангобардов. С. 204).

Кроме того, судя по описаниям Григория Турского, франкские короли считали данное обязательство наиболее важным в жизни мужчины. Тем не менее, возможно, взрослые дети не обязаны были беспрекословно подчиняться матерям. Обобщая сказанное выше, мы приходим к выводу, что родительская любовь, в восприятии наших авторов, воплощала заботу и покровительство, дочерняя/сыновья — уважение и подчинение.

Переходя к изучению отношений между детьми в семье, необходимо отметить, что в рассматриваемых источниках описываются ситуации взаимодействия только взрослых сиблингов[880]. Анализ «Историй» позволяет предполагать, что все дети, независимо от их пола и возраста, могли рассчитывать на одинаковое отношение к ним со стороны родителей. Каковы были отношения между малолетними сиблингами, установить по нашим «Историям» не представляется возможным.

Прежде всего, необходимо отметить, что, когда речь идет об однополых сиблингах, мы не встречаем как таковых обязанностей одних родственников перед другими[881]. Что касается отношений между братьями и сестрами, то первые, очевидно, полностью или частично перенимали на себя обязанности отцов по отношению ко вторым[882]. Прежде всего, это касается защиты и устройства браков[883]. Основываясь на сведениях Павла Диакона, можно предположить, что исполнение обязанностей не зависело от того, был ли брат старше или младше сестры[884]. Неясным остается ответ на вопрос, кто конкретно, по мнению наших авторов, должен был выбирать супруга для сестер, если братьев было несколько. Например, в случае принцессы Хлотхильды Григорий Турский изображает это решение как принятое коллегиально (Greg. Tur. Hist. III, 1)[885].

---

[880] На ту же тенденцию, но на более широкой источниковой базе, указывает И. Реаль (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 476-477).

[881] Подробнее об отношениях между братьями в период Раннего Средневековья (VI–IX вв.) см. в Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 73–94.

[882] Я. Бреммер настаивает на тесной связи между братьями и сестрами как результате исполнения последними данных обязанностей (см. Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. 1976. No. 14. P. 72). См. также Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 483; Alamichel M.–F. Le rôle du frère aîné lors du veuvage de la mère en Angleterre médiévale // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006. Turnhout, 2007. P. 137–150.

[883] В «Истории франков» упоминаются попытки сестры найти супруга сестре (см. Greg. Tur. Hist. IV, 3) и брата женить брата (см. Greg. Tur. Hist. VI, 13), но насколько широко была распространена подобная практика установить по нашим источникам не представляется возможным. Скорее всего, данные прецеденты все же являлись исключениями. Это, а также результаты подобного сватовства, по всей видимости, и привлекли внимание Григория Турского. Кроме того, судя по эпизоду из «Церковной истории», братья, подобно отцам, начинают рассматривать монашество в качестве альтернативы браку для сестер: *«…До того как сделаться епископом, он [Эрконвальд, епископ Лондиния] основал два преславных монастыря — один для себя, другой для своей сестры Эдильбурги — и в обоих ввел совершенную форму правила и дисциплины…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 120).

[884] Так, автор «Истории лангобардов» сообщает, что король Хильдеберт II выдал замуж свою сестру Ингунду, хотя она была старше его, и на момент ее бракосочетания ему было около 10 лет (см. Pauli Hist. Lang. III, 21). С другой стороны, Павел Диакон мог и не располагать точными сведениями об их возрасте и обстоятельствах заключения этого союза. Ср. с поступком св. Остроберты, которая сбежав из дома родителей, чтобы избежать навязываемого ей брака, отправилась к соседнему епископу с целью принять монашеский постриг в компании своего брата, хотя он был младше ее (Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 483).

[885] Р. Крисп считает, что решение об этом браке принимал либо Хлодомер — старший из сыновей Хродехильды и Хлодвига, либо, если свадьба состоялась после 526 г., Хильдеберт, второй по старшинству брат Хлотхильды (см. Crisp R. Marriage and Alliance in the Merovingian Kingdoms, 481-639. Columbus, 2003. P. 100).

Как и в случае с отцами, на защиту со стороны братьев могли рассчитывать женщины и незамужние, и вступившие в брак. В качестве основной опасности наши источники указывают на угрозу их жизни (см. Greg. Tur. Hist. III, 10; VI, 40; VIII, 18; Pauli Hist. Lang. III, 21,22, 30) и чести (см. Greg. Tur. Hist. X, 27; Bede Hist. Eccles. III, 7). При этом, судя по сообщениям наших «Историй», замужних сестер братья защищали только от посягательств со стороны мужей или их родственников. Недостаточное количество сведений не позволяет детально проследить действия данного механизма защиты (например, установить, нормировалось ли вмешательство родственников женщины в дела семьи). Во всех сообщениях, связанных с данной темой, братья начинают действовать в тот момент, когда уже существует реальная угроза жизни или чести сестер[886]. Вопрос, могли ли они действовать «на опережение» и пытаться предотвратить потенциальную опасность, пока остается открытым. У нас также недостаточно сведений и о том, могли ли братья вмешиваться по собственной инициативе, или же просьба о защите со стороны сестры была обязательной[887]. Конечная цель подобного вмешательства также не совсем ясна[888].

Отдельные эпизоды из наших источников позволяют проблематизировать вопрос взаимопомощи взрослых сиблингов, т.к. сведения «Историй» на этот счет противоречивы. Одни сообщения указывают на то, что поддержка, по крайней мере, братьями друг друга воспринималась как своеобразная обязанность[889]. Возможно, именно на ее неисполнение указывает король Хлодвиг Рихару, брату короля Рагнахара: *«…'Si tu solatium fratri tribuissis, allegatus utique non fuisset''; similiter et hunc secure percussum interfecit…»*[890] (Greg. Tur. Hist. II, 42). С другой стороны, современные авторам «Историй» политические реалии могли вносить

[886] Например, епископ Бертрамн, вмешавшийся в семейные неурядицы своей сестры Бертегунды без должного на то основания, осуждается как ее мужем, так и королем Гунтрамном и самим Григорием Турским (см. Greg. Tur. Hist. XI, 33).

[887] Так, если в случае Хлотхильды (см. Greg. Tur. Hist. III, 10) и Бертегунды (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33) Григорий Турский сообщает о том, что братья вступаются за них по их просьбе, а в случае с сестрой короля Пенды (см. Bede Hist. Eccles. III, 7) и сестрой неизвестного франка (см. Greg. Tur. Hist. X, 27) это весьма вероятно, исходя из ситуации, то в истории с принцессой Ингундой никаких сведений о подобном обращение мы не имеем ни от Павла Диакона, ни от Григория Турского (см. Greg. Tur. Hist. VI, 40; VIII, 18; Pauli Hist. Lang. III, 21, 22).

[888] Всегда ли оно означало прекращение брака (например, в связи с убийством мужа-обидчика, — как в случае с королевой Хлотхильдой, сестрой короля Пенды либо неизвестного по имени франка)? Или целью братьев могла быть коррекция поведения зятя? Последнее представляется более вероятным т.к. в случае все того же безымянного франка, Григорий Турский сообщает, что убийству супруга сестры предшествовало выяснение отношений между родственниками (Greg. Tur. Hist. X, 27). И. Реаль указывает, что братья могли также помогать и оберегать сестер, посвятивших себя духовной карьере (см. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 75–76).

[889] Ср. с мотивацией, которую предлагает Нитхард, объясняя поведения сыновей Людовика Благочестивого: *«…несмотря на то, что братья были утомлены длинными переходами, борьбой и другими трудностями, в особенности нехваткой лошадей, они решили, что* ***лучше вынести всяческие бедствия и, если это будет необходимо, принять смерть, чем запятнать свое имя и оставить потомкам постыдные воспоминания о том, что брат не оказал брату никакой помощи****…»* (Нитхард. Четыре книги истории. II, 10). Х. Фихтэнау указывает на то, что в X в. согласие и взаимопомощь между родственниками воспринималась как часть естественного порядка вещей, а отказ в помощи родственнику считался грехом. Исследователь высказывает предположение, что подобное отношение стало ответом на ослабление, а местами и полное исчезновение, публичной власти (см. Fichtenau H. Opp. cit. P. 87). Такого же мнения придерживается и И. Реаль (см. Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 74). Она считает, что жития рисуют картину близких и даже доверительных отношений между братьями, основанных на поддержке и взаимопомощи. При этом, последняя воспринималась как обязанность (см. eadem. Vies de saints, vie de famille. P. 478, 480).

[890] *«…Если бы ты помог своему брату, его бы не связали», и убил его таким же образом, поразив секирой…»* (Григорий Турский. История франков. С. 58).

коррективы в порядок исполнения данной обязанности. Так, король Теодорих отказывается помогать своим братьям в их походе на Бургундию по причинам политического характера (см. Greg. Tur. Hist. III, 11)[891]. Его воины, хотя и настаивают на его участии в экспедиции, руководствуются соображениями личной выгоды, а не братского долга[892]. Однако, возможно, что помощь брату рассматривалась как обязательная только в случае реальной угрозы его жизни или чести[893]. Что касается помощи сестер братьям, то мы встречаем лишь один подобный эпизод в «Истории франков»[894]: дочь Сидония Аполлинария пыталась помочь брату заполучить должность епископа Клермона (см. Greg. Tur. Hist. III, 2). Характеристика, которую Григорий Турский дает данному поступку (Greg. Tur. Hist. III, 2), позволяет предположить, что подобное участие сестер в делах братьев, как минимум, не всегда считалось уместным. Повторим, впрочем, что наши источники содержат недостаточно данных для более подробного рассмотрения этого аспекта отношений[895].

Напротив, основываясь на сведениях «Историй», мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что все сиблинги имели право на долю в наследстве родителей, а однополые — на равную долю в нем[896]. Именно такой раздел имущества, фиксируемый им у некоторых германских племен (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 28, 32; III, 1, 4, 6), Григорий Турский называет «законным» (*legitimus,* Greg. Tur. Hist. IV, 22;)[897]. Он осуждает тех сиблингов, которые пытаются получить больше, чем им положено (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 4), и даже оправдывает военные действия с целью призвать их к порядку (см. Greg. Tur. Hist. IV, 22). Соответственно, отказ в доле наследства может рассматриваться, как отказ от признания факта родства (см., например, Greg. Tur. Hist. VII, 32). Судя по некоторым

---

[891] См. об этом Van Dam R. Merovingian Gaul and the Frankish Conquests // The New Cambridge Medieval History. N. Y., 2008. T. I. P. 199.

[892] Подробнее об этом см. Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья (на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas* в исторических сочинениях Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 39–44.

[893] Как в случае с Рагнахаром и Рихаром (см. Greg. Tur. Hist. II, 42), или Нектарием и Бадегизилом (см. Greg. Tur. Hist. VII, 15).

[894] На небольшое число сюжетов, описывающих отношения сестер или сестер с братьями указывает и К. Ларрингтон (см. Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester, 2015).

[895] И. Реаль указывает на один способ, которым сестра могла помочь продвижению своих братьев по социальной лестнице — заключив брак с мужчиной, занимающим более высокое социальное положение. Однако подобное основание социальной мобильности является ненадежным в условиях политической и социальной нестабильности: потеря сестрой своего положения (в случае расставания супругов, вдовства или ее смерти) ведет к падению ее родственников (см. Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 76–77).

[896] К. Фишер указывает, что Салическая правда определяет равные права наследования детьми обоего пола как движимого, так и недвижимого имущества (см. Drew K.F. The Franks as Seen Through Their Law Code // The Laws of the Salian Franks. Philadelphia, 1991. P. 43–45). К схожему выводу приходит и Р. Ле Жан. Французская исследовательница также отмечает, что, кроме имущества, наследованию подлежал и такой символический капитал как честь. При этом в период правления Меровингов сыновья получали право заслужить ее, но не ее саму. Прямая «передача» чести начинается в эпоху Каролингов (см. Le Jan R. Opp. cit.; см. также Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 461). По мнению Д. Поланички, в эпоху Каролингов обеспечение детей наследством воспринималось как главная обязанность родителей (см. Polanichka D.M. Opp. cit. P. 23–36).

[897] См. об этом Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI в. Новосибирск, 2011. С. 123–125. См. также Лебек С. История Франции. Т.1. Происхождение франков. М., 1993. С. 65–69; Van Dam R. Merovingian Gaul and the Frankish Conquests // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2005. Vol. 1. P. 199–214; Stafford P. Sons and Mothers: Family Politics in the Early Middle Ages // Studies in Church History Subsidia. 1978. Vol. 1. P. 82.

сообщениям «Истории лангобардов» и «Церковной истории», их авторы демонстрируют тот же взгляд на «справедливый» раздел имущества родителей (Bede Hist. Eccles. V, 12[898], Pauli Hist. Lang. IV, 38, 51)[899]. При этом все наши авторы изображают мирный (договорной) характер раздела наследства как единственно приемлемый в отношениях между сиблингами[900].

Что касается наследования между братьями, то оно, как уже отмечалось во второй главе, упоминается только в двух «Историях», при этом Григорий Турский и Беда Достопочтенный демонстрируют разное к нему отношение. В среде мирян Григорий Турский изображает наследование между братьями как допустимое в случае бездетности одного из них[901], если только наследодатель не пожелает передать свое имущество церкви (как в случае с братьями Лупом и Амвросием — Greg. Tur. Hist. VI, 13), или получатель наследства не стал клириком

[898] Мы не можем с уверенностью утверждать, что данный порядок наследования применялся по отношению к королевской власти, т.к. во времена Беды Достопочтенного она еще рассматривалась как прерогатива рода в целом, а не отдельной семьи (см. об этом, например, Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 152–153). Действительно, в «Церковной истории» мы не встречаем сообщений, где бы прямо говорилось о разделе братьями наследства родителей. В трех из пяти эпизодов с упоминанием о совместном правление сиблингов речь идет о Римской империи (см. Bede Hist. Eccles. I, 4, 9, 10), в одном — о легендарном периоде истории англосаксов — их переселении в Британию под предводительством братьев Хенгиста и Хорзы (см. Bede Hist. Eccles. I, 15), и только в пятом об относительно современном Беде соправительстве братьев Сигхарда и Свефреда (см. Bede Hist. Eccles. IV, 11). Однако Б. Йорк фиксирует подобную практику для большинства англосаксонских королевств: Эссекса, Восточной Англии, Уэссекса, Кента и Нортумбрии, хотя соправители не обязательно являлись братьями (см. Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England; см. также Cannon Jh., Hargreaves A. The Kings and Queens of Britain. Oxford, 2001. P. 405; Hamerow H. The Earliest Anglo–Saxon Kingdoms // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2005. Vol. 1. P. 280–287; Kirby D.P. The Earliest English Kings. L., 2000).

[899] Однако применение ее к наследованию королевской власти у лангобардов, по всей видимости, уходило в прошлое, будучи, по мнению С.В. Санникова «…одной из наиболее архаичных моделей потестарной организации, относящейся ко времени легендарного переселения народа из Скандинавии под предводительством братьев Ибора и Айо…» (Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI в. Новосибирск, 2011. С. 124; см. также Oman Ch. The Dark Ages. L., 1908. P. 111–113; Moorhead Jh. Ostrogothic Italy and the Lombard invasions // The New Cambridge Medieval History, 2008. Vol. 1. P. 151–161).

[900] Григорий Турский не раз описывает борьбу между братьями по поводу наследства. Однако она, в свою очередь, изображается не только как показатель определенных отклонений в отношениях между сиблингами и их личностных качеств, но и как возможное следствие их религиозных взглядов: *«…братья Гундобад и Годегизил владели королевством, простиравшимся по Роне и Соне с провинцией Массилийскою. Но* ***они и их народ придерживались ложного учения ариан****. И когда Гундобад и Годегизил напали друг на друга, то Годегизил, узнав о победах короля Хлодвига, тайно послал к нему послов…»* (Григорий Турский. История франков. С. 51). Что касается обеспечения права наследования со стороны родителей для своих детей, то описания подобных попыток в рассматриваемых источниках не встречаются. Возможно, что среди германской части населения продолжала сохраняться практика, описанная еще Тацитом: *«…наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети;* ***завещания у них неизвестны****. Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери…»* (Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии / Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобович. М.: АСТ, Ладомир, 2003. 20). Таким образом, владелец, по сути, не мог распоряжаться своим имуществом. В качестве намека, на существования некой фиксации воли умершего, перенятой, возможно, у галльского населения, можно рассматривать эпизод с последней волей Беретруды, жены герцога Лавнебода: *«…Находясь при смерти, Беретруда* ***сделала свою дочь наследницей, выделив какую–то часть*** *основанным ею девичьим монастырям, церквам и базиликам святых исповедников…»* (Григорий Турский. История франков. С. 270; *«…Beretrudis vero moriens filiam suam* ***heredem instituit****,* ***relinquens quaepiam*** *vel monastiriis puellarum, quae ipsa instituerat, vel aeclesiis sive basilicis confessorum sanctorum…»*, Greg. Tur. Hist. IX, 35). Однако, судя по эпизоду с Бертегундой, старый обычай безраздельного наследования родственниками всего имущества покойного/ой, продолжал во времена Григорий Турского превалировать над практикой «свободного распоряжения» даже движимым имуществом, и даже завещанным в пользу церкви: *«…Король же, забыв о решении, которое он вынес в пользу ее матери [Инготруды], даровал Бертегунде новую грамоту, скрепленную его личной подписью, в которой было указано, что все имущество ее матери и отца переходит в ее собственность и что она должна получить все то, что Инготруда оставила монастырю…»* (Григорий Турский. История франков. С. 293). О конфликтах по поводу наследования имущества между сиблингами и их губительности для семьи и общества см. также в Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester, 2015.

[901] Что соответствует установлениям Салической правды (см. об этом Drew K.F. The Franks as Seen Through Their Law Code. P. 43–45).

(как в случае с Маклиавом и Ханаоном — Greg. Tur. Hist. VI, 4). Интересно отметить, что в обоих случаях в «Истории франков» сообщается об осуждении поступков братьев церковью, но не сообществом мирян[902]. В случае же наличия детей, особенно сыновей, подобное наследование изображается турским епископом как отклонение от обычного порядка вещей (см., например, Greg. Tur. Hist. VII, 5). Кроме того, Григорий Турский, по всей видимости, весьма скептически относился к идее мирного наследования братьями королевской власти (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 17, 38).

Напротив, в «Церковной истории» наследование сиблингами друг другу изображается в качестве обычной практики. Наследование королевской власти между братьями, даже при наличии у них сыновей, подается Бедой Достопочтенным как нормальный порядок передачи власти (см., например, Bede Hist. Eccles. II, 15; III, 14, 22). Возможно, это было связанно с тем, что, как уже упоминалось выше, королевская власть у англосаксов, в отличие от франков, все еще воспринималась как прерогатива рода в целом[903], т.е. власть получал наиболее опытный и авторитетный мужчина из представителей рода, к тому же находящийся в достаточно близком родстве с умершим королем. Согласно данным критериям, младший брат был наиболее вероятным кандидатом в короли.

Говоря о наследовании церковных должностей, необходимо отметить, что современные исследователи единодушны во мнении, что в Галлии V—VI вв. подобная практика не просто существовала, а прочно укоренилась в среде галло-римской аристократии[904]. Представители сенаторских семей здесь образовали так называемые «епископские династии», к одной из которых принадлежал и Григорий Турский[905]. По мнению Я. Хена, от подобного симбиоза выигрывала как аристократия, которая, фактически, брала в свои руки местное управление при отсутствии иной провинциальной администрации, так и церковь, которая получала часть сенаторского престижа и богатств. Однако ко времени Григория Турского монополия галло-римской знати в этой области была поставлена под сомнение, в связи с началом создания

---

[902] Амвросия осуждает сам Григорий Турский: *«…И **коварный брат** снова выбрал ему жену и назначил день, в который они должны были сойтись для помолвки…»* (Григорий Турский. История франков. С. 168). Маклиава отлучают от церкви епископы (см. Greg. Tur. Hist. VI, 13). Однако, несмотря на это, автор «Истории франков» не упоминает о каком–либо осуждении со стороны соплеменников или соседей. Таким образом, можно предположить, что в отношении к данном предмету Григорий Турский выражает взгляды, распространенные преимущественно в среде священнослужителей.

[903] См. примечание 92.

[904] На сегодняшний день различным аспектом этой проблемы посвящено множество статей и монографий. Основные: Hen Y. The church in the Sixth–Century Gaul // A Companion to Gregory of Tours. P. 232–255; James E. The origins of France; Douchesne L. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. Vol. 1–3. P., 1907–1915; Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul. Oxford and Los Angeles, 1985; Mathisen R.W. Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition. Austin, 1993; Salzman M.R. The Making of a Christian Aristocracy. Cambridge, L., 2002; Heinzelmann M. L'aristocatie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'Église de France. 1976. Vol. 62, No 168. P. 75–90; idem. Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichtliche Aspekte. München/Zürich, 1976; Woolf G. Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul. Cambridge, 1998; Сравни также с упомянутыми в Вестготской правде сыновьями, *«…которые владеют землями, либо иным имуществом в силу исполнения им должностных обязанностей в епархии…»* (Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 477).

[905] Подробнее о семье Григория Турского, его происхождении и родственных связях см. Heinzelmann M. Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours. P. 7–34.

Меровингами светского аппарата местного управления, а также ростом беспокойства церковных иерархов о моральном облике духовенства[906]. Кроме того, начался процесс создания так называемой «меровингской элиты», куда входили представители сенаторской аристократии и германская знать[907].

По всей видимости, именно эти взаимно противоречивые процессы нашли свое отражение при описании наследования церковных должностей в «Истории франков». С одной стороны, сам Григорий Турский с гордостью говорит о том, что должность турского епископа передавалась в его роду по наследству (см. Greg. Tur. Hist. V, 49). С другой, описанная им попытка Сидония Аполлинария передать должность епископа Клермона своему брату, хотя и вдохновленная святым духом, не встретила поддержки у населения[908]. Это позволяет поставить под вопрос отношение к практике наследования церковных должностей со стороны мирян, не принадлежавших к элите франкского общества.

В «Церковной истории» наследование сиблингами церковных должностей друг друга также представляется в качестве распространенного порядка передачи власти. Среди священнослужителей, однако речь идет о переходе от брата к брату должности настоятеля монастыря (см. Bede Hist. Eccles. III, 19, 23), которая не вызывала возражения ни у духовенства, ни у светских покровителей обители.

Таким образом, в изображении наших авторов отношения между однополыми сиблингами (братьями) строились, прежде всего, на основе равенства прав, главным из которых было право на долю наследства в имуществе их родителей. С другой стороны, мы практически не встречаем упоминаний об обязанностях братьев друг перед другом. Напротив, в отношениях братьев и сестер, долг играл первостепенную роль. Братья были обязаны защищать незамужних сестер и устраивать их браки. Замужние сестры также могли рассчитывать на их помощь, однако вопрос о том, могли ли братья сами вмешиваться в дела сестер или должны были ждать обращения последних, прояснить пока не удалось. В рассматриваемых источниках встречается лишь один эпизод, в котором описывается обратная ситуация — сестра пытается помочь брату. Это, а также неодобрительная оценка Григорием Турским результатов подобной взаимопомощи, позволяет предположить, что, в целом, такое поведение не воспринималось как общепринятое[909].

---

[906] Hen Y. The church in the Sixth–Century Gaul // A Companion to Gregory of Tours. P. 240–241.

[907] См. об этом Jones A.E. Social Mobility in Late Antique Gaul: Strategies and Opportunities for Non–Elite. Cambridge, 2009.

[908] *«…по наитию святого духа епископ ответил: «Не бойтесь, люди, вот жив брат мой Апрункул, он и будет вашим епископом». Но* ***они ничего не понимали и думали, что он говорит что—то в забытьи****…»* (Григорий Турский. История франков. С.45).

[909] Однако, по мнению Э. Дейли, сам Григорий Турский, а также его брат Петр, получили свои должности не без помощи своей матери Арментарии. Арментария, скорее всего, способствовала утверждению Григория в Туре, т.к. первоначально жители города негативно отнеслись к его назначению. Она же, возможно, использовала свои связи для благополучного разрешения дела по обвинению ее младшего сына Петра в убийстве лангрского диакона Сильвестра с помощью колдовства (см. Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 23–25).

Кроме отцов и детей, братьев и сестер, достаточно подробно в изучаемых источниках описываются отношения между дядьями/тетками и племянниками/племянницами. В связи с этим нас будет интересовать вопрос о том, на основе каких прав и обязанностей функционировали отношения между людьми с данными степенями родства, и оказывал ли на них влияние принцип латеральности.

Анализ отношений дядьев и племянников показывает, что первые могли осуществлять защиту вторых и заботиться об их воспитании (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 24; VII, 5, 8; Bede Hist. Eccles. III, 9; Pauli Hist. Lang. VI, 55)[910]. Из сообщений Григория Турского и Павла Диакона следует, что дядья оказывали покровительство, прежде всего несовершеннолетним племянникам. В «Церковной истории» сюжеты, связанные с заботой последних о племянниках, несколько отличаются от таковых в «Истории франков» и «Истории лангобардов». Во-первых, здесь речь всегда идет о взрослых племянниках\цах, во-вторых, в двух случаях дядья клирики занимаются «трудоустройством» своих племянников (см. Bede Hist. Eccles. III, 7, 9; IV, 16). В «Истории франков» также встречается рассказ о помощи дяди взрослому племяннику, но последний находится в опасной для жизни ситуации[911]. Что касается женщин, то мы встречаем всего два упоминания о тетках в данном контексте. При этом обе они принадлежат к церкви и покровительствуют своим уже взрослым племянницам[912].

Таким образом, налицо разница в отношениях между дядьями/тетками и племянниками в светской среде и среде священнослужителей. В наших источниках первые берут на себя заботу о несовершеннолетних племянниках и незамужних племянницах, и только в случае отсутствия у них других более близких родственников мужского пола подходящего возраста (отцов и братьев)[913]. Однако, как и в случае братьев и сестер, наши источники не раскрывают до конца порядок установления подобной опеки: становился ли дядя опекуном автоматически, требовалось ли обращение к нему со стороны матери племянника или проявление инициативы

---

[910] Что касается законодательного закрепления опеки дядьев над племянниками и племянницами, то оно встречается только в Вестготской правде: *«…Если братья сироты по возрасту или по своим возможностям не таковы, чтобы взять на себя защиту сирот, тогда заботу по опеке, каковую мы установили в отношении братьев, берет на себя дядя по отцовской линии или его сын…»* (Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 595). Эдикт Ротари позволяет женщине расторгнуть брак с насильником и выбрать в качестве покровителя среди прочих альтернатив своего дядю: *«…пусть имеет сама женщина дозволение вместе со всеми своими собственными вещами, которые принадлежат ей по закону, избрать [того], во власти которого должен находиться мундиум над ней: захочет, если имеет, — отца; пожелает — брата; захочет — дядю; захочет — [перейдет под защиту] королевской руки (ad manum regia), — пусть будет власть самой женщины, где избрать себе [покровител]…»* (Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1991. С. 36–37).

[911] Блаженный Григорий устраивает возвращение своего взрослого племянника Аттала из плена (см. Greg. Tur. Hist. III, 15).

[912] Св. Радегунда отказывается отпустить свою племянницу — монахиню Базину в Испанию ко двору жениха ее сестры Реккареда (см. Greg. Tur. Hist. VI, 34), а Инготруда назначает свою племянницу аббатисой основанного ею монастыря (см. Greg. Tur. Hist. X, 12).

[913] В случае короля Гунтрамна и его племянников, нам известно, что последний берет на себя их воспитание после смерти их отцов и в отсутствие у них взрослых братьев. Поскольку дядья в остальных сюжетах фактически принимают на себя функции родителей, это позволяет предположить, что, хотя нам и не известно, что произошло с отцами их племянников/ниц, но, скорее всего, они также мертвы или отказались от своих детей, как в случае короля Хлотаря I и Гундовальда (см. Greg. Tur. Hist. VI, 24).

ожидалось от самого дяди[914]? Так, в «Истории франков» в двух случаях матери обращаются к братьям своих мужей за защитой (см. См.: Greg. Tur. Hist. VI, 24; VII, 5), а в одном случае дядя предлагает себя в качестве опекуна (см. Greg. Tur. Hist. V, 17). По сообщению Павла Диакона король Лиутпранд также по собственной инициативе берет на воспитание племянника Гизульфа (см. Pauli Hist. Lang. VI, 55)[915].

Дядья и тетки, принадлежащие к церковной среде, напротив, заботятся о взрослых племянниках. Наши источники не содержат сведений о причинах, по которым они оказались под покровительством своих родственников[916]. Однако их возраст позволяет предположить, что, в данном случае, дядья и тетки, скорее всего, действовали по своему желанию и вне зависимости от наличия у племянника/ницы отца или братьев.

В наших источниках встречается упоминания и об участии дядьев/теток в устройстве браков племянников[917]. В «Истории франков» речь идет только о племянницах (см. Greg. Tur. Hist. VI, 16; IX, 20). В «Церковной истории» мы также встречаем описание попытки лионского епископа Дальфина выдать замуж свою племянницу (см. Bede Hist. Eccles. V, 19). В целом, это служит подтверждением того, что франкские мужчины были, по всей видимости, свободны в выборе спутниц, тогда как браки женщин устраивались их «старшими», будь-то родители, братья или дядья[918]. В «Истории лангобардов», как и в случае с отцами и сыновьями, дядя устраивает брак своего племянника (см. Pauli Hist. Lang. VI, 55). Кроме того, Григорий Турский описывает попытку аббатисы Левбоверы организовать свадьбу своей племянницы (см. Greg. Tur. Hist. X, 16). Событие, как следует из сообщения, встретило неоднозначную оценку у современников: с одной стороны, обручение прошло *«…coram pontifice, clero vel senioribus…»* (Greg. Tur. Hist. X, 16)[919], с другой, сама аббатиса, видимо, не до конца была

[914] Ср. с Epistola, qualiter pupilli recipiantur // Formulae Turonenses vulgo Sirmondicae dictae // MGH. V. Legum sectio V. Formulae. Hanovre, 1886. P. 148–149.
[915] По некоторым данным Лиутпранд усыновил Гизульфа, который не был связан с ним прямыми родственными узами (см. подробнее в Rovagnati S. I Longobardi. Milano, 2003).
[916] И. Реаль предполагает, что священнослужители, не имевшие своих детей, но стремившиеся сохранить церковные должности в семье, выбирали в качестве наследников ближайших родственников, которыми, как правило, и являлись племянники/племянницы. Подробнее об этом см. в Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 87–88.
[917] Что касается браков между этими категориями родственников, то сообщения о них встречаются только в «Истории франков». При этом, с одной стороны, они изображаются как запрещенные как в среде франков, так и в среде галло–римлян: *«…Хильперик, узнав о том, что Меровей, **вопреки естеству и каноническим законам**, женился на жене своего дяди, крайне огорченный этим известием, поспешил в упомянутый город…»* (Григорий Турский. История франков. С. 116). С другой стороны, венчание Меровея и его тетки Брунгильды провел епископ, и, несмотря на расторжение брака путем разлучения супругов, произведенное по нормам Салической правды (Салическая правда. / Пер. с лат. Н.П. Грацианского. М., 1950. С. 22), возможно, что по церковным законам брак расторгнут не был, что позволило Меровею претендовать на воссоединение с супругой (см. Greg. Tur. Hist. V, 14). Кроме того, судьбу Меровея и Брунгильды собирались повторить Вир и жена его дяди Тетрадия (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). Заключение подобных браков запрещается и Вестготской правдой (см. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 573)
[918] На подбор спутника жизни в качестве прямой обязанности дяди указывает только Вестготская правда: *«…По смерти отца, пусть обеспечение вступления в брак детей перейдет во власть матери. Если же мать умрет, либо случится, что она вступит в другой брак, пусть братья выберут, с кем сочетается брачными узами юноша или девушка. Если же не будет братьев совершеннолетнего возраста, чтобы младшие брат или сестра последовали их решению, пусть дядя по отцу получит власть обеспечить их вступление в брак…»* (Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 550)
[919] *«в присутствии епископа, духовенства и знатных лиц»* (Григорий Турский. История франков. С. 300).

уверена в уместности своего поведения: *«…si haec culpa sit, veniam se coram cunctis petere, professa est…»* (Greg. Tur. Hist. X, 16) [920]. Что конкретно заставило Левбоверу сомневаться в своем участии в обручении — то, что она — женщина, или то, что она — аббатиса, выяснить на основании наших источников невозможно, т.к. других сообщений об организации тетками замужества племянниц в них не встречается.

Что касается практики наследования, то сообщения о прямой передаче имущества между дядьями/тетками и племянниками встречаются крайне редко. По сути, в наших источниках мы встречаем информацию всего о двух подобных случаях: при этом наследование в них сопряжено с проблемами и фактически осуществлено не было. Так, Юстиниан, несмотря на заговор своих сторонников, не смог получить трон своего дяди Юстина (Greg. Tur. Hist. V, 30; Pauli Hist. Lang. III, 12), а Бургундиону не помогло даже согласие других епископов с просьбой его дяди Феликса передать после его смерти племяннику Нантское епископство (Greg. Tur. Hist. VI, 15)[921]. Напротив, вместо того чтобы передавать имущество друг другу, дядья в «Истории франков» чаще выступают соперниками племянников за наследство их отцов (см. Greg. Tur. Hist. II, 28; III, 23; IV, 20; VII, 32; VIII, 18)[922]. Исходя из описания Григория Турского, создается впечатление, что дядья-короли могли вести себя по отношению к племянникам как люди, вообще не связанные какими-либо родственными обязательствами. Если же они хотели быть уверенными, что именно племянники станут их наследниками, то, судя по сведениям «Истории франков», они прибегали к усыновлению (лат. *adoptum)* (Greg. Tur. Hist. III, 24, V, 17, VI, 3, VIII, 33).

Из текста «Истории франков» остается не совсем ясным ответ на вопрос о том, как соотносилась практика опеки и усыновления: означало ли согласие дяди воспитывать племянника превращение последнего в его наследника, или опека могла осуществляться и без последующей передачи имущества опекуна опекаемому? С одной стороны, она устанавливалась только над детьми, усыновлению же подлежали и взрослые мужчины (см.,

[920] *«…она открыто заявила, что если это является виной, то она у всех присутствующих просит прощения…»* (Григорий Турский. История франков. С. 300).

[921] Хотя главным препятствием в наследовании должности епископа между дядей и племянником, как указывает сам Григорий Турский, было вовсе не их родство, а то, что Бургондион на момент смерти Феликса не имел духовного сана (Greg. Tur. Hist. VI, 15). Именно отказ Бургондиона становится клириком до смерти дяди, привел к тому, что епископство в итоге досталось двоюродному брату Феликса (Greg. Tur. Hist. VI, 15). Таким образом, или племянник считал желание дяди передать ему епископство достаточны или не хотел становиться клириком. Иную картину рисуют раннесредневековые законодательные памятники. Так, согласно Вестготской правде в случае отсутствия более близких родственников тетки как со стороны отца, так и со стороны матери могут наследовать племяннику (см. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 483, 589, 601); племянники/цы в подобных обстоятельствах могут наследовать дядьям (см. Там же. С. 589). Согласно Салической правде, тетки с материнской и отцовской стороны могут наследовать аллод племянника в случае отсутствия более близких родственников (см. Салическая правда. С. 56). Король Лиутпранд назначает наследником имущества умершей незамужней племянницы ее дядю в обход ее теток (см. Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1991. С. 114).

[922] Подобное соперничество нашло отражение и в законодательных памятниках. Эдикт Ротари отстраняет от наследования дядьев, покушавшихся на жизнь племянника (см. Там же. С. 33). Законы короля Айстульфа устанавливают преимущественное право сыновей покойного перед его сестрами (см. Там же. С. 127). Также и король Гримоальд защищает права внуков на имущество опекавшего их деда перед дядьями (см. Там же. С. 67).

например, Greg. Tur. Hist. III, 24). С другой, как опека, так и усыновление производились только в отношении детей, чьи отцы мертвы или отказались от них, и только бездетными (на момент вступления в данные отношения) дядьями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что почти все упомянутые опекаемые племянники позже становились наследниками дядьев[923]. Совпадением этих двух практик можно отчасти объяснить негативную реакцию короля Хильдеберта II на решение его дяди и приемного отца короля Гунтрамна принять на воспитание и другого своего племянника-короля Хлотаря II (см. Greg. Tur. Hist. X, 28)[924].

Что касается латеральности при исполнении обязанностей и реализации прав, то, как и в случае с чувствами, никакой разницы в отношениях дядьев/теток со стороны отца или матери и племянников от брата или сестры наши источники не фиксируют. Хотя, как отмечалось в первой главе, в большинстве случаев читатель ставится в известность о стороне родства, в дальнейшем латеральность себя никак не проявляет. В сообщениях наших источников речь в основном идет о родственниках с мужской стороны. Однако данное обстоятельство может быть следствием их специфики, а не проявлением некой общей тенденции в отношениях родственников[925].

В целом, как и в случае взаимопомощи между братьями, забота о племянниках воспринимается нашими авторами скорее не как обязательная, а как осуществляющаяся по желанию дяди/тетки[926], возможно, с учетом мнения матерей опекаемых. При этом, в светской среде речь идет о покровительстве малолетним племянникам, духовные же лица имеют дело со взрослыми родственниками. Связующим звеном между дядьями и племянниками могла выступать практика наследования. Однако, исходя из информации «Истории франков», племянники вовсе не рассматривались как прямые наследники дядьев, даже в случае отсутствия других наследников (сыновей и братьев). Поэтому светские и духовные родственники вступают в отношения с детьми братьев и сестер, считая их потенциальными

[923] Исключением является король Теодоберт, который умер раньше усыновившего его дяди Хильперика I (см. Greg. Tur. Hist. III, 24), и король Хлотарь II, которого дядя–опекун король Гунтрамн нигде не называет своим наследником.

[924] Кроме того, неподобающим поведением короля Гунтрамна по отношению к своему приемному сыну Хлотарю II, которого он не провозгласил своим наследником, может объясняться и нежелание жителей Анжера подчиняться графу, присланному туда королем (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 18): дядя хотел воспользоваться правами усыновителя на управление имуществом, официально оставаясь лишь опекуном и избегая исполнять свои обязанности — объявить Хлотаря II свои наследником (см. об этом Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 98–125).

[925] Данное заключение не противоречит выводам Я. Бреммера, поскольку в наших источниках в целом недостаточно ситуаций, описывающих отношения брата матери и сына сестры. С другой стороны, Я. Бреммер в основном опирается на поэму «Беовульф», действия которой относятся ко времени, когда англосаксы еще проживали на континенте, а наши источники фиксируют состояние общества более чем столетие спустя, когда ситуация с переживание родства могла начать меняться.

[926] Косвенным подтверждением этого, может служить тот факт, что короли Гундобанд и Хлотарь I вместо того, чтобы взять своих племянниц под опеку, отправляют их в изгнание (лат. *exilium*, см. Greg. Tur. Hist. II, 28; IV, 20), при этом Григорий Турский не сопровождает эти сообщения никакими комментариями. В своей статье, посвященной изучению феномена взаимоотношений между мужчиной и детьми его сестры, Я. Бреммер объясняет преимущественное воспитание детей в семье родственников по материнской линии тем, что «приемный отец считался стоящим ниже на социальной лестнице по сравнению с отцом ребенка» (Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. 1976. No. 14. P. 73–74). Возможно, именно этим объясняется нежелание франкских королей заботиться о сыновьях своих братьев.

наследниками. Описывая взаимодействия дядьев и племянников, принадлежащих к роду Меровингов, Григорий Турский акцентирует договорной характер отношений между ними[927]. В случае же отсутствия подобного договора, эти категории родственников не имели друг перед другом никаких обязательств[928].

В качестве одной общей для всех категорий кровных родственников обязанности может рассматриваться месть за убийство родственника[929]. Основными «мстителями» в «Историях» выступают дети, братья и племянники. Представляется маловероятным, что главным мотивом мести были особенно близкие отношения между родственниками[930]. Одной из причин «обязательности» ее исполнения, по мнению С.Л. Никольского, могла быть связь обычая кровной мести и наследования: как правило, кровную месть за родственника осуществлял его наследник[931]. Осуществление мести могли провоцировать и опасения мстителя показаться слабым и уязвимым, подобно убитому родственнику[932]. Григорий Турский и Павел Диакон, в трудах которых упоминается кровная месть, изображают ее как явление, широко

[927] В «Истории франков» содержатся несколько договоров, заключенных королем Гунтрамном и его племянником Хильдебертом II, которые, в т.ч., определяют и их взаимоотношения как родственников (см. Greg. Tur. Hist. V, 17; VII, 33; IX, 20), упоминается договор между королем Хильпериком и Хильдебертом II (см. Greg. Tur. Hist. VI, 3), возможно, что договор существовал и между Хильпериком и Теодобертом (см. Greg. Tur. Hist. III, 24). К сожалению, рассматриваемые источники не позволяют сделать вывод о том, какие отношения существовали между данными категориями родственников у англосаксов и лангобардов. Кроме того, в «Истории франков» содержаться сведения только об отношениях в роду Меровингов, что ограничивает возможность распространение наших выводов на остальное население Франкского королевства.

[928] Одной из причин подобной холодности между ними может быть то, что в данных случаях речь идет о мужчине и сыновьях его братьев, отношения между которыми, по мнению Я. Бреммера, строились на основании закона (см. Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. 1976. No. 14. P. 66), тогда как многие исследователи настаивают на чувствах в качестве основы для взаимоотношений между братом матери и сыном сестры (“MoBr and SiSo”, см. Bremmer R.H. The importance of Kinship: Uncle and Nephew in Beowulf // Amsterdamer Beitragezur Alteren Germanistik. 1980. No. 15. P. 21–38). См. об этом подробнее Farnsworth W.O. Uncle and Nephew in the Old French Chansons de Geste: A Study in the Survival of Matriarchy. N.Y., 1913; Fox R. Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. Cambridge, 1967; Bell C.H. The Sister’s Son in The Medieval German Epic // Modern Philology. 1922. №10. P. 67–182; Garbaty T.J. The Uncle–Nephew Motif: New Light into its Origins and Development // Folklore, 1977. Vol. 88, No. 2. P. 220–235; Bremmer R.H. The importance of Kinship: Uncle and Nephew in Beowulf // Amsterdamer Beitragezur Alteren Germanistik. 1980. No. 15. P. 21–38; Drout M.D.C. Blood and Deeds: The Inheritance Systems in “Beowulf” // Studies in Philology. 2007. Vol. 104, No. 2. P. 199–226; Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. 1976. No. 14. P. 73–74; Guerrieri A.M. The Figure of the Maternal Uncle in the Old Germanic Tradition // Studi Germanici. 2014. No. 6. P. 123–146).

[929] О кровной мести в эпоху Меровингов см. подробнее в Wallace–Hadrill J.M. The Bloodfeud of the // The Long–Haired Kings. N. Y., 1962. P. 121–147; White St.D. Clotild's Revenge: Politics, Kinship, and Ideology in the Merovingian Blood Feud // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy. Ann Arbor, 1996. P. 107–130; Wood I. ‘The Bloodfeud of the Franks’: a Historiographical Legend // Early Medieval Europe. 2006. Vol. 14. P. 489–503. О кровно мести в лангобардском обществе см. в Sutherland J.N. The Idea of Revenge in Lombard Society in the Eighth and Tenth Centuries: The Cases of Paul the Deacon and Liudprand of Cremona // Speculum. 1975. Vol. 50, No. 3. P. 391–410; Balzaretti R. ‘These are Things that Men do, not Women’: the Social Regulation of Female Violence in Langobard Italy // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 175–192;

[930] Например, Хремнезинд, который, несмотря на вмешательство самого Григория Турского, первоначально отказывался от вергельда за своих убитых отца, брата и дядю, впоследствии *«завязал с ним [Сихаром, убийцей] большую дружбу, и они друг друга так полюбили, что очень часто вместе обедали и спали на одном ложе»* (Григорий Турский. История франков. С. 257). Таким образом, Сихар, по сути дела, занял место убитых родственников Храмнезинда. На долг, как первоначальный мотив кровной мести в скандинавских сагах, указывает и М.И. Стеблин–Каменский (см. Стеблин–Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 116).

[931] Никольский С.Л. Наследование и кровная месть (по материалам раннесредневековой Скандинавии) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80–летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 202.

[932] См. об этом подробнее Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья. С. 40–41. Г. Аусенда указывает, что в «Тюрингской правде» наследник недвижимого имущества должен брать на себя кровную месть за родича и выплату вергельда (см. Ausenda G. Kinship and Marriage among the Baiuvarii and Thuringi // The Baiuvarii and Thuringi: an Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2014. P. 103-110.

распространенное в описываемых ими обществах[933]. Судя по «Истории франков», обычай проникает даже в среду галло-римлян: сын Астериола, придворного короля Теодоберта, мстит его убийце Секундину (см. Greg. Tur. Hist. III, 33)[934]. При этом, ни галло-римлянин Григорий Турский, ни лангобард Павел Диакон не осуждают открыто подобную практику, хотя в качестве священнослужителей они предпочли бы отдать исполнение приговора в руки Бога[935] (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 36).

В «Истории франков» и «Истории лангобардов» наиболее часто наказание убийцы осуществляют или пытаются осуществить сыновья (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 7, 33, 35; VII, 7, 14, 47; Pauli Hist. Lang. I, 23), при этом они стремятся совершить месть как можно быстрее. В случае отсутствия или малолетства сыновей мстят братья (см., например, Greg. Tur. Hist. VII, 21, 47; Pauli Hist. Lang. I, 20, 23; V, 28) или племянники (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 36; VII, 7, 14; VIII, 14), однако осуществление ими кровной мести могло долго откладываться или оставаться лишь намерением.

Вопрос об участии женщин в кровной мести остается открытым: насколько распространена была кровная месть за убийство родственниц, подлежали ли мщению убийства, совершенные женщинами, могла ли женщина–родственница инициировать кровную месть и какими методами для ее осуществления она могла воспользоваться? Что касается мести за убийство родственниц, то в «Истории франков» содержится три подобных эпизода[936]. В каждом случае действуют дальние родственники — двоюродные братья, дядя и

---

[933] О кровной мести как институте Средневекового обществе см. подробнее в Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998; La Vengeance, 400–1200. Rome, 2006; Feud in Medieval and Early Modern Europe. Aarhus, 2007; Vengeance in Medieval Europe: A Reader. Toronto, 2009; Vengeance in the Middle Ages: Emotion, Religion and Feud. Farnham, 2010; Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D White. Burlington, 2010; Ausenda G., Barnish S. A Comparative Discussion of Langobardic Feud and Blood-Money Compensation with Parallels from Contemporary Anthropology and from Medieval History // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2009. P. 309–341.

[934] Более того, даже сыновья и племянники епископов мстят за убийство своих родственников (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 33, 35). Ср. с мнением В. Вуоланто и К. Ласа, которые не находят следов германского влияния на семьи аристократов в позднеантичной Галлии (см. Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 258–282).

[935] В качестве компромисса могло рассматриваться мщение с призывом божественной помощи, где успех рассматривался как доказательство санкции на него со стороны Бога (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 7). Дж. Уоллел–Хэдрилл считал, что, с одной стороны, расселение на территории Галлии ослабило узы внутри больших коллективов родственников, что затруднило участие в кровной мести. С другой стороны, он рисует этот обычай как укоренившийся во всех слоях общества, даже среди клириков. Сам Григорий Турский, по его мнению, даже рассчитывал на непосредственное вмешательство Бога в мщение за несправедливо обиженных, особенно в случае сокрытия преступления или отсутствия у пострадавшего родственников (см. Wallace–Hadrill M.J. The Long–Haired Kings. P. 126–127). С. Уайт считает, что в восприятии Григория Турского кровная вражда франков и вражда бога франков с грешниками разворачивается схожим образом («…he [Gregory of Tours] believed that the Franks and the God of the Franks feuded in the similar ways…») (см. White St.D. Clotild's Revenge: Politics, Kinship, and Ideology in the Merovingian Blood Feud // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy. Ann Arbor, 1996. P. 107–130).

[936] В целом, тот факт, что убийство женщины, как и убийство мужчины, подлежало наказанию, не вызывает сомнений, т.к. франкские и лангобардские правовые источники содержат соответствующие статьи (см., например, Салическая правда. С. 42; см. также Drew K.F. Notes on Lombard Institution // The Rice Institute Pamphlet. 1956. Vol. XLIII. P. 26–27; eadem. The Family in Frankish Law // Law and Society in Early Medieval Europe. L., 1988. P. 1–11; eadem. The Franks as Seen Through Their Law Code. P. 32–39, 50–51). О наказаниях за убийство женщин у других германских племен и славян, см. Drew K.F. Law and Society in Early Medieval Europe. L., 1988. P. 1–22; Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 160–169). Об участии женщин в кровной мести см. также Byock J.L. Defining Feud: Talking Points and Iceland's Saga Women // Feud in medieval and early modern Europe. Aarhus, 2007. P. 95–112.

племянник по матери. Ни в одном из случаев кровная месть не была осуществлена фактически: король Хильдеберт и Хлотарь взяли за двоюродную сестру Амаласунту вергельд (см. Greg. Tur. Hist. III, 31), Хильдеберту II так и не удается добраться до убийцы его тетки Галсвинты (см. Greg. Tur. Hist. VII, 7, 14), так же, как и королю Гунтрамну — до убийц его племянницы Ингунды (см. Greg. Tur. Hist. IX, 16)[937].

Сюжет о женщине–убийце содержится в «Истории лангобардов»: дочь короля лангобардов Руметруда организовала убийство брата короля Родульфа, приехавшего к ее отцу для мирных переговоров. Брат убитого не стал мстить женщине, а начал войну с отцом принцессы. Тот факт, что Родульф решил мстить подобным образом, может объясняться как тем, что сами женщины–убийцы не могли быть объектом кровной мести со стороны мужчин (т.к. не были равным им по положению[938]), так и явной политической подоплекой этого убийство, организатором которого на самом деле мог быть отец Руметруды, чью волю она исполняла.

В «Истории франков» и «Истории лангобардов» упоминаются три женщины, инициировавшие кровную месть: королевы Хродехильда[939], Розамунда[940] и Фредегонда[941]. При этом только королева Хродехильда заслужила если не симпатию, то понимание со стороны авторов[942]. Возможно, причина этого кроется в методах действия женщин: обе

---

[937] Подобная непоследовательность может быть объяснена, во–первых, сложностями, с которыми было связанно практическое осуществление мести, как правовыми (Амаласунта была убита в рамках кровной мести за организацию ею устранения трех предводителей готской знати; (см. Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000. С. 41); Галсвинта была умерщвлена по наущению королевы Фредегонды, про которую король Гунтрамн сказал: *«…Выдать ее нельзя, так как у нее есть сын–король…»* (Григорий Турский. История франков. С. 198); Ингунда умерла в плену у византийского императора, куда попала в ходе войны ее мужа с собственным отцом), так и политическими и географическими. Кроме того, осуществление мести в данном случае было лишь вопросом престижа, но не наследования (возможно именно поэтому двоюродные братья Амаласунты потребовали от ее убийц вергельд, а не пытались их убить). Возможно, что сама половая принадлежность жертв и достаточно дальнее родство с мстителями, делало вопрос мести менее острым, не задевающим чести родственников. Наконец, именно с ослабления обязательности кровной мести за дальних родственников, особенно женщин, начинает снижаться роль самого обычая кровной мести в обществе.

[938] Сходное отношение к мести женщине сложилось в Скандинавии (см. Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести. С. 167). Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что принцесса Амаласунта мстит своей матери, т.е. женщина могла мстить женщине.

[939] Подробно изучив особенности мести Брунгильды за своих родителей в изображении Григория Турского, С. Уайт приходит к выводу, что кровная месть и участие в ней могли служить не только способом восстановления порядка, но и помогала возобновить потерявшие актуальность родственные связи для получения и удержания власти и создания долгосрочных политических союзов (см. White St.D. Clotild's Revenge: Politics, Kinship, and Ideology in the Merovingian Blood Feud // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy. Ann Arbor, 1996. P. 107–130; см. также Fichtenau H. Opp. cit. P. 86–87). Р. Крисп считает, что месть использовалась Хродехильдой как повод напасть на Бургундию, чтобы ослабить позиции ее пасынка Теодориха I, заключившего брак с дочерью короля Сигимунда (которая также приходилась внучкой Теодориху Великому). Этот брак укреплял престиж Теодориха, который и так получил большую по сравнению со сводными братьям часть территории Королевства франков после смерти Хлодвига, и ставил под угрозу положение сыновей Хродехильды (см. Crisp R. Opp. cit. P. 876 89, 92).

[940] Подробнее об этом см. в Balzaretti R. ‘These are things that men do, not women’: the Social Regulation of Female Violence in Langobard Italy // Violence and society in the early medieval West. Woodbridge, 1998. P. 175–192.

[941] С.Л. Никольский отмечает, что в Скандинавии женщины, за редким исключение, стояли вне института кровной мести, поскольку они не являлись наследницами мужчин (см. Никольский С.Л. Наследование и кровная месть. С. 203; см. также Drew K.F. Notes on Lombard Institution. P. 78), тогда как согласно Салической правде, женщина наследовала своему отцу, а также и другим родственникам. К женщинам–инициаторам кровной мести, возможно относится и королева Брунгильда, которая могла спровоцировать месть за убийство своей сестры Галсвинты своему деверю Хильперику своим мужем Сигибертом и его братьями. Однако Григорий Турский не упоминает о ее участии напрямую, возможно из-за губительных последствий, которые этот конфликт имел для дома Меровингов.

[942] Дж. Уоллес–Хэдрилл считает, что Григорий Турский относился с понимание к действиям Хродехильды (см. Wallace–Hadrill J.M. The Long–Haired Kings. P. 130–132).

женщины мстят за родителей, но королева Хродехильда лишь инициирует мщение, действуя открыто и через своих сыновей, Розамунда же организует все скрытно и самостоятельно, используя недостойный метод — отравление[943]. Обе женщины выжидали время, чтобы совершить свою месть, однако Хродехильда ждала, пока повзрослеют ее дети, для Розамунды же толчком к осуществлению мести послужила недостойная страсть к слуге. Действия королевы франков в целом отвечали интересам франкского государства и церкви[944], королева же лангобардов, вероятнее всего, имела в виду, прежде всего, свое благополучие[945]. Отличаются и сами обстоятельства смерти родителей женщин: отец и мать Хродехильды стали жертвами заговора, Кунимунд, отец королевы лангобардов, был убит в бою. Однако необходимо отметить, что Розамунда действовала в условиях отсутствия у нее других кровных родственников, которые могли бы осуществить акт мести.

Таким образом, женская месть изображается нашими авторами как нежелательная и даже девиантная практика, что может быть увязано с гендерным неравенством. В крайнем случае, женщине отводилась роль организатора, фактически же месть должны были осуществлять мужчины. Данное восприятие женского участия в обычае кровной мести еще более усилилось под влиянием христианства с его постулатом об изначальной греховности женщины[946]. Подобное отношение к женской мести гротескно отразилось в истории королевы Амаласунты: она отравила свою мать, мстя за убийство своего мужа-слуги, организованное ее родительницей (см. Greg. Tur. Hist. III, 31). Григорий Турский изображает Амаласунту как воплощение зла, действующую по наущению самого дьявола[947]. Причина же подобного поведения кроется в вероисповедании принцессы и ее матери: *«…Erant autem sub Arriana secta viventes…»*[948] (Greg. Tur. Hist. III, 31). Таким образом, осуждение самого обычая кровной мести сливается в данном сюжете с еще более сильным осуждением участия в нем женщины, и того

[943] В неприятии подобной самостоятельности действий Григорий Турский и Павел Диакон не одиноки: исландские саги и «Повесть временных лет» также изобилуют сообщениями о неудачной самочинной мести женщин, и об удачной — в случае действия через посредников (см. Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести. С. 164). Подобная схожесть сюжетов памятников, относящихся к различным географическим регионам и временным промежуткам, может свидетельствовать о древности подобного сюжета. Возможно, он отражает отголоски матриархата, когда женщины по своему положению в обществе и правам была равна мужчине: «…на реальный правовой статус женщины во всех текстах накладываются отголоски родовых представлений о кровной мести как о священном долге, связывающем весь семейный коллектив…» (Там же. С. 168).

[944] Бургунды были одними из главных соперниками франков, а дядья Хродехильды, как и все остальные бургунды, были арианами. Таким образом, расправа с ними отвечала не только интересам королевы и интересам франкского королевства, но и превращалась в своего рода акт божественного правосудия (ср. с восприятие мести княгини Ольги за мужа — Там же. С. 164).

[945] По сведения Павла Диакона супружеская неверность королевы каралась смертью (см. Павел Диакон. История лангобардов. С. 141–142; ср. с наказанием королевы изменницы у готов: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 91), т.е. в случае раскрытия ее измены, она могла поплатиться жизнью.

[946] См. об этом Jochens J.M. The Medieval Icelandic Heroine: Fact or Fiction? // Viator. 1986. Vol. 17. P. 49–50.

[947] *«… в ту чашу, из которой должна была причащаться королева, дочь всыпала яд. Как только королева выпила [содержимое] ее, она тотчас же умерла. Нет сомнения в том, что злодеяние не обошлось без вмешательства диавола…»* (Григорий Турский. История франков. С. 77).

[948] *«…А были они в то время арианами…»* (Григорий Турский. История франков. С. 77).

способа мщения, которым она воспользовалась[949], а также ее вероисповедания (которое видится причиной столь гнусного поведения).

Другим сюжетом, связанным с женской местью, является рассказ о расправе королевы Фредегонды над ее пасынком Хлодвигом, его возлюбленной и ее матерью (см. Greg. Tur. Hist. V, 39)[950]. В данном случае женщина выступает не только как подстрекательница, но и как мстительница. Историю Амаласунты и Фредегонды, кроме фигур женщин-мстительниц, объединяет то, что обе они мстят другим женщинам[951]. И, хотя королева франков не была арианкой, принятие ею на себя, по сути, мужской роли, является тем проявлением дьявольского начала, которое свойственно женщине-мстительнице. Таким образом, автор «Истории франков» подкрепляет старый запрет на участи женщин в кровной месте новым для германцев обоснованием, связывая его с происками дьявола[952].

Однако христианство предоставляет женщине другую возможность участия в обычае кровной мести. Беда Достопочтенный, с его особым взглядом на роль женщины в распространении религии, отводит ей новую роль — миротворца, который предотвращает кровопролитие, пропагандируя замену мести вергельдом или различными вариантами покаяния[953]. Образцом для подражания в этом случаем становится королева Энфледа, которая вместо кровной мести своему мужу–королю за убийство ее родственника, принимает вергельд, который, к тому же «передается» церкви (Bede Hist. Eccles. III, 24).

Таким образом, месть, с одной стороны, изображается нашими источниками как обязанность родственников по отношению друг к другу, но, с другой стороны, каждый ее случай преподносится и оценивается их создателями по–разному, в зависимости от обстоятельств мести и личности мстителей. По мере приближения сюжета к современным для авторов событиям, упоминания о ней практически исчезают, что может быть объяснено

[949] Традиционный для мужчины способ мести в открытом бою с противником был недоступен женщине, поэтому ей приходится прибегать к хитрости и коварству, осуждавшимся как традиционной культурой, так и христианством, согласно представлениям которого они лишний раз свидетельствовали о ее дьявольской сути (см. об этом Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести. С. 167). Кроме того, важную роль в осуществлении мести играла осведомленность убийцы о причине нападения на него родственников убитого им человека. Яд подобного осознания не гарантировал.

[950] Григорий Турский, несмотря на свою антипатию к королеве Фредегонде, нигде не называет данный ее поступок местью, хотя все ее признаки на лицо. Возможно, подобная осторожность является следствием противоречия между восприятием статуса королевы и женщины–мстительницы в обществе.

[951] Фредегонда разделалась не только с любовницей принца и ее матерью, но и с доносчицей на них, а также матерью и сестрой самого принца (см. Greg. Tur. Hist. V, 39). Принца Хлодвига она сначала передает в руки короля и, лишь видя его бездействие (или нежелание марать руки в крови своего собственного сына), сама организовывает его убийство. Подобный порядок действий, позволяет предположить, что, возможно, на месть женщины женщине общество смотрело более терпимо.

[952] Об отношение Григория Турского к гневу см. Newbold R.F. Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours 'Libri Historiarum'. P. 20–21.

[953] Женщина идеально подходила на эту роль, так как, с одной стороны, возможности для ее участи в кровной мести путем убийства были ограничены, как ее физическими возможностями, так и социальными нормами, а с другой стороны, как продемонстрировал Григорий Турский в сюжете о Хремнезинде и Сихаре (см. Greg. Tur. Hist. IX, 19), мужчины не считали возможным принять вергльд и отказаться от мщения, очевидно, боясь показаться слабыми и трусливыми. Женщины же могли не опасаться подобных обвинений. Поддержка вергельда приобретала для них покровительство церкви и давала возможность более активно участвовать в жизни сообщества. Для мужчины же уступка уговорам женщины (жены, сестры, матери), подкрепленная настояниями церкви, могла служить достаточным основанием для отказа от мести.

желанием Григорий Турского и Павла Диакона создать у читателей впечатление о кровной мести, как об обычае, оставшемся в прошлом[954]. Главным побудительным мотивом для мстителей служат не чувства к умершему родственнику, а долг, а также связь мести и наследования или соображения престижа рода. Еще одной особенностью является отсутствие безусловной критики обычая: строго осуждаются женщины–мстительницы, а мужчины — только в случае отказа согласовывать месть с божьей волей[955]. Кроме того, источники фиксируют несколько ограничений на осуществление мести: нельзя мстить гостю (см. Pauli Hist. Lang. I, 20), женщине, человеку, который нашел убежище в церкви (см. Greg. Tur. Hist. VII, 21), священнослужителям (см Greg. Tur. Hist. V, 36). Женщины исключаются из числа возможных мстителей, но могут побуждать к мщению.

3.1.3. Поминовение

Одним из ключевых аспектов переживания родства было поминовение. Образы умерших родственников актуализировались в свете заботы о духовном спасении[956], а также с целью демонстрации единства родственного коллектива. В рассматриваемых нами

[954] Беда Достопочтенный практически не упоминает кровную месть в «Церковной истории», хотя англосаксонские законы и другие источники содержат сведения о ней. Исключением является рассказ о воине Имме, который, участвуя в битве у реки Тренто, избежал кровной мести пленившего его комита (*«… ты должен был умереть, потому что все мои братья и родичи погибли в той битве…»*, Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 136) во многом благодаря молитва своего брата–священника Тунны (см. Bede Hist. Eccles. IV, 22). Возможно, Беда считал, что подобные сюжеты противоречат создаваемому им образу англов как нового богоизбранного народа. С другой стороны, кровная месть могла быть менее распространена в англосаксонских королевствах, чем нам представляется, а королевская власть строго ограничивала ее законом и держала под контролем (см. об этом Hudson J. Feud, Vengeance and Violence in England from the Tenth to the Twelfth Centuries // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White. Burlington, 2010. P. 29–53).

[955] Призывая франков отомстить тюрингам за вероломство и предательство, король Теодорих апеллирует к Богу: *«…созвав франков, Теодорих обратился к ним с такими словами: «…Вспомните, как тюринги некогда вероломно напали на наших отцов… **Пойдем же с божией помощью на них**!»…»* (Григорий Турский. История франков. С. 64–65). Его успех является показателем одобрения его мести со стороны высших сил (см. также Greg. Tur. Hist. III, 35). Граф Нантий, напротив, не доверился божественному правосудию, которое гораздо быстрее покарало убийцу его дяди, чем смог он. В результате граф умер от жестокой лихорадки, насланной на него в наказание за преследование епископа Ираклия, которого он ошибочно счел убийцей своего родственника (см. Greg. Tur. Hist. V, 36).

[956] Поминовение (коммеморация) рассматривается в качестве одного из проявлений феномена *memoria*. Латинским термином *memoria* историки обозначают понятие «память» во всех проявлениях этого многослойного феномена. *Memoria* как способность удержать знание о пережитом, о людях, умерших или отсутствующих, есть свойство человеческого знания (*mneme*). Но это еще и само воспоминание, точнее, вспоминание (*anamnesis*) — воспроизведение в сознании (в мыслях, рассказах) событий и образов прошлого, а также те социальные действия, в которых это воспоминание манифестируется (Арнаутова Ю.Е. Meroria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 9; см. также Эксле О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 247–248). Родство — один из важнейших группообразующих факторов в период раннего средневекового, также, как и *memoria* (см. об этом Там же. С. 256–257). Более того, одной из причин зарождения данного феномена О.Г. Эксле называет обычай поминовения умерших родственников (см. Там же. С. 236). Таким образом, практика поминовения родственников может рассматриваться как одна из форм переживания родства. См. подробнее Арнаутова Ю.Е. Meroria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования». С. 19–37; она же. Формы идентичности в memoria социальных групп // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 70–87; она же. Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 47–55; Эксле О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье. С. 247–248; он же. Memoria Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 308–338; Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. 1999. Вып. 14. С. 106–120; Geary P.J. Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the end of the first Millennium. Princeton, 1994; McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004; eadem. Perceptions of the Past in the Early Middle Ages. Notre Dame, 2006; Freed J.B. The Counts of Falkenstein: Noble Self–Consciousness in Twelfth–Century Germany // Transactions of the American Philosophical Society. 1984. Vol. 74, No. 6. P. 1–70.

источниках содержатся упоминания о различных коммеморативных практиках, причем некоторые из них, судя по изображению наших авторов, различались у различных групп населения[957].

Необходимо отметить, что во всех трех «Историях» чаще всего говорится о поминовении близких родственников: родителей и детей[958], братьев и сестер[959], мужей и жен[960]. Реже упоминаются более дальние родичи – племянники и дядья[961], бабушки, дедушки и внуки[962], и т.д. Достаточно часто памятование изображается как процесс, осуществляемый группой родственников/близких/любимых, без точного указания на степени родства его участников[963] (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 5; Bede Hist. Eccles. V, 5; Pauli Hist. Lang. V, 34). Однако, вышесказанное позволяет предположить, что в их число, скорее всего, также входили родственники, не далее третьей степени родства по прямым и боковым линиям, прежде всего, члены нуклеарной семьи[964].

Среди причин активного поминовения членов именно нуклеарной семьи можно указать, прежде всего, на сильную эмоциональную связь с ними. Учитывая, изменения, которые христианство внесло в восприятие смерти и посмертного бытия, коммеморативные практики давали возможность «реального» общения с ушедшим близким человеком, а также могли помочь ему «лучше устроиться» в потустороннем мире. Переживание потомком подобной «близости» с давно умершим предком представляется маловероятной. С другой стороны, осуществление памятования в различных формах служило также способом подтверждения родства с покойным тогда, когда это могло требоваться для получения наследства, отстаивания чести семьи/рода и т.д. Наконец, коммеморация членов нуклеарной семьи могла осуществляться под давлением общества, которое требовало от человека определенного поведения в случае смерти родственника под угрозой санкций[965].

---

[957] Об изменениях античных практик памятования умершего под влиянием распространения христианства см., например, Vuolanto V. Children and the Memory of Parents in the Late Roman World // Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 173–194.

[958] Greg. Tur. Hist. II 29; III 5,10,33; IV 1,41; V 5,34;39; VI 34,35; VIII 12; Bede Hist. Eccles. II 14; III 24; Pauli Hist. Lang.I 24; IV 47; V, 34,45; VI 58.

[959] Greg. Tur. Hist.II 31; III 10; IV 1,6,21,51; VII, 5,46; Bede Hist. Eccles. III 12; IV, 21,22; Pauli Hist. Lang. I 20.

[960] Greg. Tur. Hist. III 29; IV 28; IX 35; Bede Hist. Eccles. V 12.

[961] Greg. Tur. Hist. VIII 10; Pauli Hist. Lang. VI 58.

[962] Greg. Tur. Hist. III 18; Pauli Hist. Lang. VI 17.

[963] Greg. Tur. Hist. V 5; VI 17; VII, 29; VIII 18,21,40; IX 19,27; X 24,27; Bede Hist. Eccles. III 24; IV 22; V 5; Pauli Hist. Lang. II 4; V 34.

[964] В целом, схожую картину мы можем наблюдать в «Деяниях мецких епископов» Павла Диакона, где подробно перечисляются только родственники Карла Великого (отец, жены, сыновья, дочери, сестры). Интересно отметить, что приводимые Павлом Диаконом эпитафии, принадлежат только ближайшим родственницам Карла Великого (см. Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения / Пер. с лат. А.И. Сидоров. СПб., 2006. С. 295-300). Рассказывая о епископе Хродеганге, Павел хотя и упоминает, что он принадлежал к очень знатному роду, называет лишь его отца и мать (см. Там же. С. 300-301).

[965] Так, второй и третьей причиной, может объясняться тот факт, что короля Сигиберта хоронит его брать Хильперик, который в момент смерти находился с ним в состоянии войны, чья жена, по сведениям Григория Турского, организовала убийство Сигиберта (см. Greg. Tur. Hist. IV, 51).

Наши авторы сообщают и о памятовании о более дальних родственников, но значительно реже[966]. Возможно, это было связано с тем, что сохранение памяти о предках далее третьего колена могло быть характерно лишь для семей знати и/или королевских родов[967]. С другой стороны, ни одна из рассматриваемых «Историй» не имела задачи прославления конкретного знатного рода, в отличие, например, от «Деяний мецких епископов», которые, как отмечает А.И. Сидоров, являлись отражением официальной каролингской идеологии и особенно превозносили епископа Арнульфа, который был родоначальником Пипинидов-Каролингов, всячески подчеркивавших свое родство с ним[968] (см. Павел Диакон. Деяния мецких епископов. С. 292-293)[969].

В качестве основной причины поминовения предков нашими авторами представляется желание возвеличить свою семью в связи с родством с тем или иным человеком (реальным или мифическим), фигура которого остается значимой независимо от дальности родства с ним. Другой причиной могло быть желание подтвердить единство рода, преемственность между предками и потомками, право последних на унаследованное положение и владения. Например, Григория Турский ссылается на родство со святым Григорием Лангрским (Greg. Tur. Hist. V 5). Каролинги по причине отсутствием предков королевского рода, акцентирую свое родство со св. Агилульфом, и более туманно с царями Трои (см. Павел Диакон. Деяния мецких епископов. С. 292)[970]. Англосаксонские короли, по свидетельству Беды Достопочтенного, считали своим предком языческого бога Одина (Водана).

Однако число ситуаций в жизни человека или коллектива родственников, когда возникала необходимости подобного поминовения, не могло быть велико. Поэтому либо коммеморация более дальних родственников осуществлялась как часть поминовений близких (например, при совместном захоронении), либо реализовывалась в рамках нетрадиционных практик (в качестве примера можно рассмотреть «Деяния мецких епископов»), либо становилась частью ритуала, а, возможно, и представляла собой преимущественно частную

[966] Greg. Tur. Hist. V, 49; VIII, 2; Bede Hist. Eccles.I, 15; II, 1; Pauli Hist. Lang. IV, 37.
[967] В качестве доказательства своего тезиса о том, немецкая родовая знать не существовала как таковая до XII в., М. Блок приводил довод об отсутствии до этого времени у представителей знати интереса к своим предкам и стремления возвеличить их, т.е. они не осуществляли их памятование (цит. по Freed J.B. Reflections on the Medieval German Nobility // The American Historical Review. 1986. Vol. 91, No. 3. P. 554–555).
[968] Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 39-40. Возможно, наличие святого-предка было своего рода «компенсацией» отсутствующего предка-короля и должно было подтверждать их права на престол. Отчасти они могли подражать в этом Меровингам, которые также старались устроить свои усыпальницы в местах, где похоронены святые. Например, в базилике св. Петра и Павла, кроме короля Хлодвига, его жены, дочери и внуков была погребена св. Генувейфа (см. Greg. Tur. Hist. IV 1). Король Хлотарь и его сын Сигиберт сами построили базилику для мощей св. Медарда, где позже были похоронены (см. Greg. Tur. Hist. IV, 6, 21, 51).
[969] Насколько распространено было подобное «глубинное» памятование установить достаточно сложно. Сам Павел Диакон упоминает еще только одного родственника в четвертом колене – своего прадеда, и только в «Истории лангобардов» (Pauli Hist. Lang. IV, 37). Григорий Турский также упоминает только своего собственного прадеда – епископа Григория Лангрского: *«…Петра подобрали в том месте и принесли в крепость Дижон, и похоронили рядом со святым Григорием, нашим прадедом…»* (Greg. Tur. Hist. V, 5).
[970] А.И. Сидоров считает, что Павел Диакон по своей инициативе исказил имя младшего сына св. Арнульфа (см. Павел Диакон. Деяния мецких епископов. С. 292, прим. 24). Однако он с таким же успехом мог зафиксировать интерпретацию, бытующую у самих Каролингов.

практику памятования в виде устной традиции, передаваемой из поколения в поколение, использующейся, например, при воспитании новых членов рода. Вполне вероятно именно такую форму и функции имела «родовая легенда» Каролингов до записи ее Павлом Диаконом в «Деяниях мецких епископов», «история» рода Флоренциев, к которому принадлежал Григория Турский, или история семьи Павла Диакона.

Что касается конкретных способов памятования, то в наших источниках содержатся упоминания о различных способах поминовения, однако абсолютное их большинство связано с моментом смерти, похорон и посмертной коммеморации.

В качестве социальной нормы наши авторы изображают смерть в круги близких людей, которые дежурят у постели умирающего, оплакивают его и готовятся к похоронам. Желательным ими изображается и присутствие духовного лица (см., например, Greg. Tur. Hist. IX, 35; Bede Hist. Eccles. V, 5, 19; Pauli Hist. Lang. VI, 58). Обряд похорон, судя по нашим источникам, включал в себя омовение тела покойного и облачение его в «подобающую одежду»[971], молитвы над телом покойного[972], последующее сооружение гробницы и захоронение в присутствии оплакивающих его родных и близких[973], также одетых соответствующим образом[974], на освященной земле (в церкви или монастыре)[975]. Посмертное поминовение предполагало зажигание лампад у могилы умершего[976], служение по нему панихид[977]. По всей видимости, активное поминовение ограничивалось определенным периодом времени[978]. Григорий Турский также упоминает о раздаче подарков родственниками умершего, скорее всего, с целью обеспечить его более широкое поминовение[979]. При этом, в качестве способа преодоления горя по умершему Григорий Турский говорит о попытке его забвения: *«…Post haec regina, adpraehenso pueroli thesauro, tam vestimenta quam reliquas species, vel ex sirico aut quocumque vellere invenire potuit, igne consumpsit… Aurum vero vel argentum fornace conflatum reposuit,* ***ne aliquid integrum remanerit, quod ei planctum fili in memoriam revocaret…»***[980] (Greg. Tur. Hist. VI, 35). Гробницы членов правящих семей и знати, по всей видимости, могли сопровождались эпитафиями с указанием степени родства

[971] Greg. Tur. Hist. IV, 5, 37, 49; VI, 46.
[972] Greg. Tur. Hist. VI, 46.
[973] См. Greg. Tur. Hist. II, 31; III, 5, 18, 29; IV, 21, 28, 51; V, 34, 35; VI, 34; VII, 5, 46; VIII, 10, 12, 40; IX, 35; X, 24; Bede Hist. Eccles. V, 12; Pauli Hist. Lang. I, 24; V6 34.
[974] *«…Женщины, накинув черные покрывала, распустив волосы и посыпав их пеплом, следовали за ними с плачем, так что можно было подумать, что они оплакивают мужей…»* (Григорий Турский. История франков. С. 76).
[975] Greg. Tur. Hist. IV 21,37, 49, 51; V, 34.
[976] Greg. Tur. Hist. IV, 28.
[977] Greg. Tur. Hist. III, 5; IV, 39; Bede Hist. Eccles. III, 24; IV, 22; V, 14.
[978] Greg. Tur. Hist. V, 35; IV, 28.
[979] Greg. Tur. Hist. V, 34.
[980] *«…королева собрала драгоценности младенца, а одежду и остальные вещи из шелка или из другой материи, которые она могла найти, предала огню… золото и серебро она отдала перелить, чтобы* ***ничего не осталось в прежнем состоянии, что могло бы вызывать у нее печальное воспоминание о сыне****...»* (Григорий Турский. История франков. С. 180). Социальное забвение умершего, как правило не распространялось на родственников. Чаще всего оно представляется нашими авторами как следствие признания его недостойным памятования (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 39; Bede Hist. Eccles. V, 14) или опасности сохранения памяти о нем для того, кто создает условия для забвения (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 39; VIII, 10).

умершего по отношению к тому или иному живущему лицу (см. Pauli Gesta episcoporum Mettensium… P. 266–267)[981].

Организация траурных мероприятий изображается авторами «Историй», по сути, как одна общая обязанность родственников. Она соблюдалась даже более полно, чем месть за их убийство, и ни один из авторов не упоминает обстоятельства, ограничивавших ее. Решающую роль в ее исполнении играло именно соображение долга[982], поэтому ни вражда между родственниками[983], ни их пол[984], ни фактическое отсутствие тела умершего[985] не освобождали от его исполнения[986]. Судя по информации наших источников, чаще всего похороны устраивались именно ближайшими родственниками умершего, которые одновременно являлись и его наследниками[987]. Кроме того, по свидетельству Григория Турского, возможна была также прижизненная подготовка к собственному погребению: определение места, создание гробницы (см. Greg. Tur. Hist. VIII 40; Bede Hist. Eccles. III, 23; Pauli Hist. Lang. V 34).

Одно из проявлений культа *memoria,* связанное с погребением умерших (упоминания о котором встречаются во всех трех рассматриваемых «Историях») — это совместное захоронение родственников. Григорий Турский не раз сообщает о погребении членов семьи Меровингов в одном месте. Так, король Хлодвиг I, его жена, королева Хродехильда, их дочь Хлодехильда и их внуки Теодобальд и Гунтар были похоронены в церкви апостолов Петра и Павла в Париже (см. Greg. Tur. Hist. III 10, 18; IV 1)[988]. Король Хлотарь был похоронен вместе с сыном Теодобертом в базилике св. Медарда (см. Greg. Tur. Hist. IV, 6,21,51). Беда Достопочтенный сообщает о совместном захоронении детей короля Нортумбрии Эдвина (см Bede Hist. Eccles. II, 14), а также самого короля, его жены, дочери и внучки (Bede Hist. Eccles.

---

[981] *«…Надолго* ***разбив материнское сердце*** *печалью.*
Она умерла, ***не увидев отцовской победы****…»*
«…Совсем еще крошка, ты скорбь породила большую,
Отцовское сердце *будто копьем* ***поразив****,*
Тебя назвали, как мать, и ты вновь оживила печаль, по смерти ее…»
(Павел Диакон. Деяния Мецких епископов. С. 299).

[982] Хотя проявление скорби по умершему, о котором речь шла выше, изображается как обязательное.

[983] Несмотря на вражду с Сигебертом, именно его брат Хильперик проводит его похороны (см. Greg. Tur. Hist. IV, 51). Также поступают франки, убившие в ходе битвы при Фонтене между сыновьями Людовика Благочестивого своих братьев, оказавшихся в войске противника (см. об этом Polanichka D., Cilley A. Opp. cit. P. 185–186).

[984] Когда дядья Хлотарь и Хильдеберт фактически отказываются организовывать похороны, убитых ими племянников, эту обязанность берет на себя бабушка мальчиков короле Хродехильда (см. Greg. Tur. Hist. III, 18). Подобный отказ исполнить свой долг, делает общее впечатление от поступка дядьев еще более негативным.

[985] В «Истории лангобардов» содержится упоминание об устройстве родственниками кенотафа по погибшим вдали от Италии (см. Pauli Hist. Lang. V, 34).

[986] Возможно, некоторое ограничение могла накладывать опасность для жизни человека в случае организации или участия в похоронных мероприятиях. Так, Павел Диакон, описывая эпидемию чумы в Лигурии, дает следующую неоднозначную оценку действиям своих героев: *«…Сыновья бежали от непогребенных тел своих родителей; родители бессердечно забывали свои обязанности и оставляли своих детей лежать в смертельном бреду. И если кто-то из старой привязанности хоронил своих ближних, то оставался сам непогребенным, хоронящие умирали во время похорон; сопровождающие чье-то тело - сами становились получателями подобной любезности…»* (*«…Fugiebant filii, cadavera insepulta parentum relinquentes, parentes obliti pietatis viscera natos relinquebant aestuantes. Si quem forte antiqua pietas perstringebat, ut vellet sepelire proximum, restabat ipse insepultus; et dum obsequebatur, peri mebatur, dum funeri obsequium praebebat, ipsius funus sine obsequio manebat…»*, Pauli Hist. Lang. II, 4).

[987] Р. Ле Жан также указывает, что в эпоху Меровингов молитвы за умерших родителей являлись обязанностью детей (см. Le Jan R. Opp. cit. P. 35–37).

[988] Другие примеры совместных захоронений родственников в эпоху Меровингов см. в Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 91–92.

III, 24). По мере «разрастания» рода поминовение близких родственников в ходе совместного захоронения начинает сочетаться с памятованием и более дальних. Так, Павел Диакон подчеркивает, что церковь св. первомученника Стефана была, фактически, превращена Каролингами в семейную усыпальницу, поскольку там покоился родоначальник их династии св. Арнульф[989]. Судя по нашим источникам, целью совместного захоронения родственников могла быть, в том числе, попытка обеспечить единство рода не только на земле, но и в горнем мире. Рассказывая историю двух сохранивших целомудрие супругов, Григорий Турский приводит и такой эпизод: *«…Porro cum utriusque sepulchrum e diversis parietibus collocatum fuisset, miraculi novitas, quae eorum castitatem manifestaret, apparuit. Nam facto mane cum ad locum populi accederent, invenerunt sepulchra pariter, quae longe inter se distare reliquerant, scilicet ut, quos tenet socios caelum, sepultorum hic corporum non separet monumentum…»*[990] (Greg. Tur. Hist. I, 47; см. также Greg. Tur. Hist. V 3). Совместное захоронение превращается в знак совместного пребывания в Раю, особенно если оно было организовано рядом с могилой святого.

Элемент памятования могла содержать и месть за смерть родственника, которая подчас откладывалась на десятилетия[991]. Так, королева Хродехильда просит сыновей отомстить за гибель ее родителей, произошедшую много лет назад (см. Greg. Tur. Hist. III, 6; см. также Greg. Tur. Hist. V, 16, 36; Bede Hist. Eccles. III, 24; Pauli Hist. Lang. II, 28; VI, 45), а король Теодорих призывает франков в память об их отцах на войну с тюрингами (Greg. Tur. Hist. III, 7).

Строгое соблюдение посмертных родственных обязанностей (мести и захоронения), в целом, может быть связанно с тем, что коллектив более тщательно следил за их исполнением, т.к. сам индивид не мог этого сделать. Таким образом, обеспечение соблюдения данных обязанностей другими было единственным способом для индивида повлиять на соблюдение их по отношению к себе.

Кроме того, в качестве способа памятования может рассматриваться продолжение/завершение дел умерших родственников. Королева Гундиперга по сведениям Павла Диакона подражала делам своей матери (Pauli Hist. Lang. IV, 47). Король Сигиберт достроил базилику в честь святого Медарда, которую начал строить его отец, король Хлотарь (см. Greg. Tur. Hist. IV, 19), в которой позже оба они будут похоронены (см. Greg. Tur. Hist. IV, 19, 21,51). Его брат, король Хильперик, напротив, описывается в «Истории франков» как

[989] В трех из пяти эпитафий женщин из семьи Каролингов, приводимых Павлом Диаконом в «Деяниях мецких епископов», упоминается основатель рода – св. Арнульф (см. Павел Диакон. Деяния мецких епископов. С. 297-299). Таким образом, Каролинги используют эпитафии близких родственников, не только для их собственного поминовения, но и для коммеморации своего далекого предка.

[990] *«…хотя могилы их были у разных стен, совершилось невиданное чудо, явившее их непорочность: однажды утром, когда люди подошли к месту их погребения, то оказалось, что обе могилы, прежде разделенные, расположены рядом. Совершилось это для того, чтобы могилы не разъединяли тела тех, чьи души обитали вместе на небесах…»* (Григорий Турский. История франков. С. 23).

[991] См. об этом также в Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 479.

человек не достойный памяти: «*...ipsasque patris sui praeceptiones, potans, quod non remanerit qui voluntatem eius servaret, saepe calcavit…*»[992] (Greg. Tur. Hist. VI, 46).

Что касается сохранения памяти о более дальних родственниках, то одним из способов, который упоминается в «Церковной истории», «Истории лангобардов» и «Деянии мецких епископов» можно считать генеалогии[993]. Беда Достопочтенный и Павел Диакон не только говорят о существующих генеалогиях (см., например, Pauli Hist. Lang. I, 14, 21), но и делают попытки создания подобных им генеалогических описаний для папы римского Григория I (Bede Hist. Eccles. II, 1), самого Павла Диакона (Pauli Hist. Lang. IV, 37) и Карла Великого (Pauli Gesta episcoporum Mettensium…)[994] (см. Bede Hist. Eccles. I, 15; II, 1; Pauli Hist. Lang. IV, 37; Pauli Gesta episcoporum Mettensium… P. 265). Попытка Беды Достопочтенного и Павла Диакона при создании генеалогий папы Григория I, Карла Великого и самого Павла Диакона сделать их похожими на библейские генеалогические описания[995], может свидетельствовать о желании встроить в данную практику элементы присущие христианству.

Отсутствие генеалогий в «Истории франков» может объясняться несколькими причинами. Прежде всего, ее автор был галло-римлянином, поэтому данный способ коммеморации мог быть ему малознаком. На то, что подобный способ памятования предков, по всей видимости, существовал у франков (как и у других германских народов), указывает как попытка Павла Диакона описать родословную Карла Великого, так и наличие в «Хронике» Псевдо-Фредегара рассказа о происхождении династии Меровингов от морского чудовища (Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici / MGH.SRM, 1888. V. 2, P1, FSC 1. III, 9)[996].

---

[992] *«…Он нередко попирал даже распоряжения своего отца, полагая, что никого не осталось, кто бы мог настаивать на выполнении его воли…»* (Григорий Турский. История франков. С. 189).

[993] См. об этом Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 180–222; Эксле О.Г. Memoria Вельфов. С. 308–338; Зверева В.В. Образы прошлого у раннесредневековых христианских историков // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 223–241; Репина Л.П. Историческая культура Европы до начала Нового времени // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени. М., 2006. С. 732–739; Wheeler G.H. The Genealogy of the Early West Saxon Kings // The English Historical Review. 1921. Vol. 36, No. 142. P. 161–171; Moisl H. Anglo–Saxon Royal Genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 215–248; idem. Kingship and Orally Transmitted Stammestradition among the Lombards and Franks // Die Bayern und ihre Nachbarn. Wien, 1985. P. 111–120; idem. The Bernician Royal Dynasty and the Irish in the Seventh Century // Peritia. 1983. Vol. 2. P. 103–126.

[994] Подробнее об этом см. в Goffart W. Paul the Deacon's ‘Gesta Episcoporum Mettensium’ and the Early Design of Charlemagne's Succession // Traditio. 1986. Vol. 42. P. 59–93; Sot M. Historiographie épiscopale et modèle familial en Occident au IXe siècle // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. 1978. N. 33. P. 433–449; McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World; Reimitz H. Social Networks and Identities in Frankish Historiography // The Construction of Communities in the Early Middle Ages. Leiden, 2003. P. 229–268; Kempf D. Creating a Carolingian Capital: Paul the Deacon's "Liber de Episcopis Mettensibus" and the Rise of Metz, 751–791. Baltimore, 2007; Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. С. 35–59.

[995] Ср.:

Библия. Новый завет. Евангелие от Матфея	«Англосаксонская хроника»
«…Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона…»(Мф, 1 зач., 1, 1–25);	*«…Кердик был отцом Кинрика, Кердик был сыном Элесы, Элеса Эслы, Эсла Гевиса, Гевис Виэ, Виэ Фревина, Фревин Фритгара, Фритгар Бранда, Бранд Балдая, Балдай Водена…»* (The Anglo-Saxon Chronicle, 552).

Об использовании генеалогий в Новом Завете и влиянии на них имперского контекста с его неоднозначным отношением к агнатному линиджу и мужественности см. Punt J. Writing Genealogies, Constructing Men: Masculinity and Lineage in the New Testament in Roman Times // Neotestamentica. 2014. Vol. 48, No. 2. P. 303–323.

[996] Григорий Турский не упоминает об этой истории. Возможно потому, что легенда называла родоначальником Меровингов даже не языческого бога Водена, как это делали англосаксонские короли, но некоего монстра,

Интересно отметить, что для «генеалогической» коммеморации характерно памятование только кровных родственников–мужчин и только по прямой линии отец–сын[997]. Возможно, именно этим объясняется относительно незначительное число упоминаний таких терминов как *прадед, прапрадед* и т.д. в текстах рассматриваемых нами источников, т.к. ценность представляло только непосредственное прямое родство по данному направлению. Кроме того, подобный способ построения генеалогии приближал предков к потомкам, осуществляющим коммеморацию, а также отражал преобладающий в германских обществах унилинейный счет родства по восходящей линии. На этот же принцип указывает и Григорий Турсский: *«…dicere, quod filii eius regnum capere non possint, eo quod mater eorum ex familia Magnacharii quondam adscita regis torum adisset, ignorans, quod, praetermissis nunc generibus feminarum, regis vocitantur liberi, qui de regibus fuerant procreati…»*[998] (Greg. Tur. Hist. V, 20).

В галло-римской среде «генеалогическое» памятование родственников, по всей видимости, тоже практиковалось. Однако ключевую роль при этом играло, вероятно, не родство как таковое, а достижение тех или иных высот в «карьере» светской или духовной. Например, сам Григорий Турский с гордостью заявляет, что *«praeter quinque episcopos reliqui omnes, qui sacerdotium Turonicum susceperunt, parentum nostrorum prosapiae sunt coniuncti»*[999] (Greg. Tur. Hist. V, 49). С одной стороны, это расширяет круг памятуемых лиц, приводит к включению в их число родственников по женским и боковым линиям. С другой, делает практически невозможным сохранение памяти о точной степени родства между памятующими и памятуемыми. Сохранению же памяти о родстве с лицами, не достигшими значительных высот, не уделялось особого внимания. Так, тот же Григорий Турский, по его собственному признанию, поначалу не знает, что прибывший к нему (недавно назначенный герцогом) Гундульф, являлся дядей его матери (см. Greg. Tur. Hist. VI, 11). По всей видимости, именно гость сообщает ему о родственных связях между ними, т.к. человек, достигший должности епископа достоин того, чтобы помнить о родстве с ним[1000]. Также и король

который мог ассоциироваться с порождениями дьявола (см. об этом Wood I.N. Deconstructing the Merovingian Family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts. Leiden, Boston, 2003. P. 149–151).

[997] На это указывает сам Григорий Турский, когда замечает, что франкские короли придают значение только родству по прямой восходящей линии:
«…теперь не обращают внимания на ***происхождение по женской линии*** *и* ***называют детьми короля всех тех, кто родился от короля****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 135).
«…praetermissis nunc ***generibus feminarum***, ***regis vocitantur liberi, qui de regibus fuerant procreati****…»* (Greg. Tur. Hist. V, 20).

[998] *«…Сагиттарий не знал того, что теперь не обращают внимания на происхождение по женской линии и называют детьми короля всех тех, кто родился от короля…»* (Григорий Турский. История франков. С. 135)

[999] *«все епископы, принявшие епископство в Туре, кроме пяти, связаны с моим родом…»* (Григорий Турский. История франков. С. 155).

[1000] См. об этом Leyser K. The German Aristocracy from the Ninth to (he Early Twelfth Century: A Historical and Cultural Sketch // Past and Present. 1968. No. 41. P. 25; Duby G. Structures familiales aristocratiques en France du XIe siècle en rapport avec les structures de 1'etat // L'Europe aux IXe–XIe siècles, Aux origines des Autats nationaux. Warsaw, 1968. P. 57–62; White S.D. Custom, Kinship and Gifts to Saints. The Laudatio Parentum in Western France, 1050–1150. Chapel Hill and L., 1988; Livingstone A. Kith and Kin: Kinship and Family Structure of the Nobility of Eleventh– and Twelfth–Century Blois–Chartres // French Historical Studies. 1997. Vol. 20, No. 3. P. 419–458; Bouchard C.B. "Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001; Nathan G.S. Extended Family in

Гунтрамн упрекает епископа Бордо Бертрамна за то, что он ведет себя так, будто бы забыл, что находится в родстве с самим королем, пусть и по линии матери (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2). Сам Григорий Турский упрекает короля Теодориха за то, что тот оскорбил память своего тестя, придя на помощь его убийце (см. Greg. Tur. Hist. III, 6).

Наконец, в качестве еще одной практики посмертной коммеморации мог выступать обычай называть детей именами умерших родственников[1001]. Так, брата Павла Диакона назвали Арихисом в честь их деда (Pauli Hist. Lang. IV, 37). По-видимому, у Меровингов, в англо-саксонских и лангобардских королевских родах существовал культ рода, подобный тому, который позже практиковали Рюриковичи[1002]. В связи с этим имя ребенка, с одной стороны, сигнализировало о его принадлежности к роду, а с другой, наречение определенными именами его членов утверждало единство и непрерывность самого рода[1003]. Кроме того, предок, в честь которого ребенок получал имя, становился как бы прототипом, моделью поведения для него. От ребенка ожидали поступков и свершений, подобных тем, которыми был известен его тезка (см., например, Pauli Hist. Lang. VI, 50; Pauli Gesta episcoporum

---

the Experiences of Ausonius and Libanius // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space. Chichester, 2017. P. 243–246.

[1001] Особое значение имя наречение приобретало еще и потому, что в условиях отсутствия фамилий, оно было единственных средством «привязки» индивида к его родственникам. Подробнее об особенностях имя наречения у германских народов см. в Bennett M. Spiritual Kinship and the Baptismal Name in Traditional European Society // Traditional European Society, Studies on the Personal Name in Later Medieval England and Wales. Kalamazoo, 2006. P. 115–146; Woolf H.B. The old Germanic principles of name–giving. Baltimore, 1939; Flom G.T. Alliteration and Variation in Old Germanic Name–Giving // Modern Language Notes. 1917. Vol. 32, No. 1. P. 7–17; Morlet M.–T. Les Noms de Personne sur le Territoire de L'Ancienne Gaule du VI au XII Siècle. P., 1968. T. I. Les noms issus du germanique continental et les créations gallo-germaniques; eadem. Les Noms de Personne sur le Territoire de L'Ancienne Gaule du VI au XII Siècle. Paris, 1972. T. II. Les noms latins ou transmis par le latin. О традициях именования у Меровингов см. Ewig E. Die Namengebungbei den ältesten Frankenkönigen und immerowingischen Königshaus. Mit genealogischenTafeln und Notizen // Francia. 1991. Vol. 18, No. 1. P. 21–69; Wells Ch. An Orthographic Approach to Early Frankish Personal Names // Philological Society. 1972. Vol. 71. P. 101–164; Bouchard C.B. Patterns of Women's Names in Royal Lineages // "Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia. P. 98–119; idem. The Migration of Women's Names in the Upper Nobility // "Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 120–134; О традициях имя наречения у англосаксов см., например, Searle W.G. Onamasticon Anglo–Saxonicum A List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to that of King John. Cambridge, 1897; Ström H. Old English Names in Bede's History. L., 1939; Kitson P.R. How Anglo–Saxon Personal Names Work // Nomina. Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland. 2002. Vol. 25. P. 91–133; Okashs E. Women's Name in Old English. N. Y., 2011; Colman F. The Grammar of Names in Anglo–Saxon England: The Linguistics and Culture of the Old English Onomasticon. Oxford, 2014. О личных именах и традициях имя наречения у лангобардов см. подробнее в Haubrichs W. Langobardic Personal Names: Given Names and Name-Giving among the Langobards // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2009. P. 195–251.

[1002] Р. Ле Жан отмечает, что в меровингский период до конца VI в. в силу господства двухсторонней системы родства у франков имя ребенка преимущественно составлялось из двух частей — имени отца и имени матери, или их родственников. При этом имя не выступало вместилищем «родовой» памяти, т.к. выбиралось не далее третьей степени родства и отражало родовую принадлежность обеих родителей (см. Le Jan R. Opp. cit. P. 180–224). Сходную систему именования вместо традиционной римской модели начали перенимать и гало–римляне: Э. Джеймс приводит пример самого Григория Турского, который до принятия сана носил имя Григорий Флоренций в честь отца и деда с материнской стороны (см. James E. The origins of France. P. 76). Однако такая система именования постепенно исчезала, уступая принятому в среде королей принципу выбора имени из имен родственников по мужской линии. Каролинги не только превратили имя в инструмент родовой коммеморации, но и рассматривали его как программу действий для человека, носящего его, а его деятельность оценивалась с точки зрения выполнения или не выполнения этой программы (см. Le Jan R. Opp. cit. P. 180–224). О культе рода у Рюриковичей см. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. 1960. Т. 16. С.84–104.

[1003] См. об этом Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в Средневековой Скандинавии. М., 2001; он же. Скандинавы. Варяги. Русь: историко–филологические очерки. М., 2002; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006; они же. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. Возможно, этим также объяснялось преимущественное называние именами из отцовского рода, в связи с практикой перехода власти в большинстве германских раннефеодальных государств по мужской линии.

Mettensium... P. 265). Таким образом, он превращался, по сути, в носителя двух идентичностей (своей и предка, в честь которого был назван)[1004]. Глядя на него или говоря о нем, люди вольно и невольно вспоминали его предшественника, сравнивали одного с другим[1005]. Кроме того, в королевской среде имя предка служило своего рода подкреплением права потомка на власть, возможно даже в рамках определенной территории[1006]. Переход Меровингов в христианство не мог не сопровождаться некоторыми изменениями в обычае именования. Судя по сообщению Григория Турского, можно предположить, что официальное присвоение имени новому члену рода совпадало теперь с крещением[1007]. Возможно, эта традиция была утверждена женой короля Хлодвига Хродехильдой, которая внесла значительный вклад в его обращение в христианство[1008]. Ее роль в этом событии могла послужить достаточным основанием для изменения строго регламентированного порядка имя наречения. Присвоение имени в ходе крещения могло выдвинуть на первый план при выборе имени фигуру крестного отца. Очевидно, до принятия христианства детей у Меровингов называли родители, возможно даже матери[1009]. После присоединения к христианской церкви это право могло перейти к крестному родителю[1010], что усиливало его связь с крестником. Учитывая, что в основном крестными отцами меровингских принцев и принцесс выступали епископы[1011], эта практика могла способствовать более быстрому и полному сращиванию германской и галло-римской элит, лучшему усвоению христианских ценностей германской знатью. Однако это не привело

[1004] Ю.Е. Арнаутова пишет о том, что согласно представлениям скандинавов: «…Новорожденный, названный именем недавно умершего родича, как считалось, наследовал его душу, судьбу, удачу…» (Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 235).

[1005] В связи с этим, возможно, действовал запрет на называние именем живого родственника, как минимум отца. См. об этом: Литвина А.Ф. Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 267–268.

[1006] Очевидно, именно на подобное восприятия рассчитывала королева Фредегонда, когда называла своего сына, рожденного ею уже после смерти мужа короля Хильперика I, именем его деда Хлотаря I. Подробнее об этом см: Dailey E.T. Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II. P. 3–27.

[1007] Сравни:

*«…Ведь он приезжал в Париж, **приглашенный воспринять от святой купели** возрождения сына Хильперика, которого **уже называли** Хлотарем…»* (Григорий Турский. История франков. С. 219; *«…quem iam Chlothacharium **vocitabant**…»*, Greg. Tur. Hist. VIII, 1);	*«…у короля Хильдеберта родился сын, которого **воспринял** от священной купели Магнерих, епископ трирский. Его **нарекли** Теодобертом…»* (Григорий Турский. История франков. С. 240; *«…Childebertho regi filius natus est, qui a Magnerico Treverorum episcopo de sacro fonte **susceptus**, Theodoberthus est **vocitatus**…»*, Greg. Tur. Hist. VIII, 37);	*«…у короля Хильдеберта родился второй сын, которого **воспринял** от купели Веран, епископ Кавайона, и **нарек** его Теодорихом…»* (Григорий Турский. История франков. С. 247; *«…Childebertho rege alius filius natus est, quem Veranus Cavelonensis episcopus **suscipiens** a lavacro, Theodorici nomen **inposuit**…»,* Greg. Tur. Hist. IX, 4).

[1008] Королева Хродехильда вопреки неодобрению мужа крестила своих сыновей, используя торжественность обряда крещения, как дополнительное средство приобщения мужа к христианству (см. Greg. Tur. Hist. II, 29). Р. Ле Жан указывает на то, что роль женщин в сохранении родовой памяти в эпоху Каролингов была очень высока. Она приводит пример знатной жительницы Фризии, которая приютила дома слепца, воспевавшего деяния ее предков и королей. Сестра Карла Великого аббатиса Шелльского монастыря Гизела положила начало составлению Мецких анналов, в которых описывалась ранняя история Пипинидов (см. Le Jan R. Opp. cit.).

[1009] *«…От этого брака [с королем франков Хильдериком] у нее родился сын, которого **Базина назвала** Хлодвигом…»* (Григорий Турский. История франков. С. 41; *«…Quae concipiens, peperit filium **vocavit** que nomen eius Chlodovechum…»*, Greg. Tur. Hist. II, 12).

[1010] См. Greg. Tur. Hist. VIII, 37; IX, 4.

[1011] Об этом см. пункт 3.3. настоящего исследования.

к включению в набор родовых новых христианских имен[1012], или, как это было в Древней Руси, утверждения практики двойного (родового и христианского) именования.

Изучение феномена памятования на материале наших источников позволяет сделать вывод, что в них нашли свое отражение такие его способы как организация обряда похорон, кровная месть, генеалогии и именование в честь умерших родственников. Во всех трех наших источниках, в контексте поминовения чаще всего речь идет о близких родственниках не далее третьего колена. Сохранение памяти о более дальних родичах, скорее всего, также имело место, но было ограниченно.

Большое значение в практике поминовения играли мероприятия, связанные с похоронами усопшего родственника. К ним относились: организация места захоронения (сооружение гробницы, высечение эпитафии), сам обряд похорон и последующие траурные мероприятия. Это одна из немногих обязанностей родственников, следов ограничений для исполнения которой мы не находим ни в одной их рассматриваемых «Историй». Судя по их сведениям, похороны организовывались наследником умершего или его старшим родственником. Еще одним элементом коммеморации в связи со смертью была кровная месть в случае насильственной гибели памятуемого, которая также, как правило, осуществлялась наследниками. Однако далеко не всегда так быстро и полно, как его захоронение.

Следы «генеалогической» коммеморации хорошо прослеживаются в «Церковной истории» и «Истории лангобардов». Необходимо отметить, что этот способ поминовения был, скорее всего, распространен в германской среде. Так, Беда Достопочтенный и Павел Диакон не только приводят известные им генеалогии правителей, но и составляют новые. При этом, они опираются не на германскую генеалогическую традицию, а на христианскую, нашедшую свое отражение в Библии. Григорий Турский не приводит генеалогий в «Истории франков». Возможно, будучи галло-римлянином, он был плохо знаком с этой традицией или генеалогией правителей германских королевств. Однако, сведения «Истории» турского епископа позволяют предположить, что и галло-римляне практиковали «генеалогическую» коммеморацию, но в несколько другой форме: памятованию подлежали не только родственники–мужчины, состоящие в прямом кровном родстве по нисходящей линии, но все родственники (в.ч. по женской и боковым линиям, а также по свойству), достойные этого (занимавшие высокие должности, прославившиеся как ученые, деятели искусства и т.д.). При этом, Эго сам выбирал, кого из родственников ему «помнить». При таком способе

[1012] Единственный принц с христианским именем, упомянутый в «Истории франков» — принц Самсон, сын короля Хильперика I и Фредегонды (см. Greg. Tur. Hist. V, 2). Однако он умер в младенчестве, несмотря на отчаянные попытки его матери спасти его жизнь путем молитв и других благочестивых деяний. Видимо, подобная неудача отвратила франкских королей от дальнейшего включения христианских имен в число родовых. Так, своего следующего сына Фредогонда называет Хлодвигом, даже не дожидаясь обряда крещения.

коммеморации, точная степень родства с памятуемым могла забываться, как и те, кто оказывался не заслуживающим памяти.

В качестве способа коммеморации можно рассматривать и практику именования в честь умершего родственника. В этом случае имя не только становилось пропуском ребенка в род, но и конституировало непрерывность и единство самого рода. Имя предка задавало модель поведения, которой человеку надлежало следовать. Глядя на него и произнося его имя, вспоминали и о предке, в честь которого он был назван, сравнивали его с этим предком, актуализируя таким образом события прошлого в настоящем.

3.1.4. Роль дара в переживании родства

В качестве одного из способов манифестации родства можно рассматривать практику дарения между родственниками. М. Мосс назвал обмен дарами «тотальным социальным явлением»[1013] и эпоха Средневековья в этом отношении не является исключением[1014]. Обмен дарами между родственниками является частным случаем этой распространенной социальной практики, который имеет свои особенности. Из наших источников она зафиксирована только в «Истории франков», при этом в большинстве случаев подарками обмениваются дядья и племянники (см. Greg. Tur. Hist. III, 7; V, 17; VI, 3; X, 28), хотя в этом же контексте упоминаются родители и дети (см. Greg. Tur. Hist. VI, 45), братья (см. Greg. Tur. Hist. III, 7) и родственники по свойству (см. Greg. Tur. Hist. VI, 45; IX, 28).

Судя по сообщениям, в качестве подарков преподносились определенные вещи. Так, в «Истории франков» упоминаются блюда и чаши из драгоценных металлов[1015], оружие, одежда, украшения, лошади (см. Greg. Tur. Hist. III, 7, 24). Количество подарков, по всей

[1013] Мосс М. Опыт о даре // Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. С. 137.

[1014] См. об этом Дар // Словарь Средневековой культуры. М., 2007. С. 129–134. Подробнее о даре и его роли в развитии общественных отношений см. Gregory C.A. Gifts and Commodities. L., 1982; Baldwin J.W. The Medieval Theories of the Just Price: Romanists, Canonists, and Theologians in the Twelfth and Thirteenth Centuries // Transactions of the American Philosophical Society. 1959. Vol. 49, No. 4. P. 1–92; Carrier J.G. Gifts and Commodities: Exchange and Western capitalism since 1700. L., 1995; Davis N.Z. The Gift in Sixteenth–Century France. Oxford, 2000; Godbout J.T., Caillé A. The World of the Gift. Montreal, 1998; Bell D. Modes of Exchange: Gift and Commodity // Journal of Socio–Economics. 1991. Vol. 20, No. 2. P. 155–167; Kettering Sh. Gift–Giving and Patronage in Early Modern France // French History. 1988. Vol. 2, No. 2. P.131–151; Damen M. Gift Exchange at the Court of Charles the Bold // In but not of the Market: Movable Goods in Late Medieval and Early Modern Urban Society. Brussel, 2007. P. 81–89; Heal F. The Power of Gifts: Gift–Exchange in Early Modern England. Oxford, 2014; Miller W.I. Gift, Sale, Payment, Raid: Case Studies in the Negotiation and Classification of Exchange in Medieval Iceland // Speculum. 1986. Vol. 61. P. 18–50; White St.D. Custom, Kinship, and Gifts to Saints. The Laudatio Parentum in Western France: The Laudatio Parentum in Western France, 1050–1150. Chapel Hill, 1998; Titmuss R. The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy. N.Y., 1970; Curta Fl. Merovingian and Carolingian Gift Giving // Speculum. 2006. Vol. 81, No. 3. P. 671–699; Fouracre P.J. The Use of the Term Beneficium in Frankish Sources. A Society Based on Favors? // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 62–88; Wood I.N. The Gifts of Wearmouth and Jarrow // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 89–115; Wickham Ch. Compulsory Gift Exchange in Lombard Italy, 650–1150 // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 193–216; Reuter T. Property Transactions and Social Relations between Rulers, Bishops and Nobles in Early Eleventh–Century Saxony. The Evidence of the Vita Meinwerci // Property and power in the early Middle Ages. Cambridge, 2014. P. 165–199; Bjork R.E. Speech as Gift in Beowulf // Speculum. 1994. Vol. 69, No. 4. P. 993–1022; Russom G.R. A Germanic Concept of Nobility in the Gifts of Men and Beowulf // Speculum. 1978. Vol. 53, No. 1. P. 1–15; Дэвис Н. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. 1994. С. 193–203; Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в Раннем Средневековье // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 180–198.

[1015] См. об этом подробнее в Hardt M. Silverware in Early Medieval Gift Exchange: Imitatio Imperii and Objects of Memory // Franks and Alamanni in the Merovingian Period. Woodbridge, 1998. P. 317–342.

видимости, нормировалось в зависимости от степени родства или повода[1016] (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 24, VI, 45, X, 28).

Дарение было публичной процедурой и имело несколько важных функций[1017]. В отношениях между родственниками основными из них были: скрепление союза[1018], демонстрация признания факта родства/усыновления и саморепрезентация. При этом один обмен дарами мог выполнять сразу несколько из них.

Прежде всего дар был призван укрепить уже существующие родственные связи: в условиях столкновения родовых и христианских ценностей с политическими интересами, дар давал дополнительные гарантии соблюдения существовавших между родственниками договорённостей. Обмен дарами акцентировал те родственные связи, которые были выгодны в данный момент, подтверждал их важность, помогал актуализировать дальнее родство, усилить новые родственное связи. Кроме того, дарение могло сопровождать признание факта родства, а также служить способом само репрезентации как более выгодного и могущественного партнера для других родственников или третьих лиц. Часто один и тот же акт дарения мог выполнять сразу несколько функций.

Казалось бы, установление социальных связей путем обмена дарами не должно быть актуально для родственников в силу уже имеющихся между ними отношений. Однако в «Истории франков» Григорий Турский описывает правящую элиту в момент коллизии родовых и христианских ценностей, которым в его глазах она должна следовать, и политической конъюнктуры. Будучи правителями, Меровинги столкнулись с тем, что их обязательства друг перед другом как родственников и их политические интересы подчас противоречат друг другу. Обмен же дарами позволял укрепить традиционные и создать новые социальные связи, дополнительно усиливая те родственные отношения, которые выгодны в данной политической ситуации, и выступая в качестве гарантии выполнения взятых на себя конкретных обязательств.

Одну из попыток подкрепить родственные связи за счет обмена дарами, описанную в «Истории франков», предпринял король Теодорих I, стремясь уладить отношения с братом после неудавшегося покушение на него (Greg. Tur. Hist. III, 7). Позже по просьбе брата Хлотарь I вернул подарок (см. Greg. Tur. Hist. III, 7). Григорий Турский объясняет подобный

[1016] Судя по сообщениям Григория Турского, превышение установленного количества подарков даже приветствовалось и могло свидетельствовать об искренности намерений дарителя. Кроме того, Г. Алтофф высказывает предположение, что подобное поведение было частью саморепрезентации королей (см. Althoff G. Ira regis: Prolegomena to a History of Royal Anger. P. 60). Это мнение разделяет и экономист Д. Белл, который утверждает, что именно «способность давать другим» определяет различия в социальном ранге, а щедрость подарка повышает престиж человека и его социальный статус (см. Bell D. Modes of Exchange: Gift and Commodity // Journal of Socio–Economics. 1991. Vol. 20, No. 2. P. 160–162). Возможно также, что в отношениях родителей и детей дар представлял собой одну из форм проявления *paterna pietas*, упоминавшейся нами выше.

[1017] Об этом см. Дар // Словарь Средневековой культуры. С. 129.

[1018] Так, например, поступали Людовик II Немецкий и его брат Карл Лысый после заключения союза против их брата Лотаря I: *«…Почти всегда они вместе пировали, и каждый по братской любви дарил другому все, что имел ценного…»* (Нитхард. Четыре книги истории. III, 6; см. об этом также Polanichka D.M. Opp. cit. P. 29).

неслыханный жест жадностью Теодориха. Однако возможно король был обижен на брата за то, что не получил от него ответного подарка, что делало ритуал обмена незавершенным, а значит недействительным. Так или иначе, но «История франков» не сообщает о других попытка организации ими убийств друг друга.

Следующие ситуации дарения между родственниками, описанные Григорием Турским, происходит в ходе двух военных конфликтов между дядей и племянником (Greg. Tur. Hist. III, 24, IV, 23). С точки зрения норм родственных отношений, пропагандируемых Григорием Турским, военный конфликт между родственниками является девиацией. Стремясь найти выход из него, дядья инициирую союзы с племянниками. Но, не имея возможности опереться в договоре на родственные отношения, нормы которых уже были нарушены, они стремятся обновить социальные связи между собой на основе клятвы и дарения. При этом выполнивший все условия соглашения сын Теодориха Теодоберт изображается Григорием Турским как великий король, достойный своего отца, а нарушение Теодобертом данного им слова оценивается турским епископом как грех (см. Greg. Tur. Hist. IV, 23, 47), а сам принц, так и не став королем, погибает в битве. Позже Меровинги все чаще прибегают к обмену дарами, заключая временные союзы со своими родственниками (см. Greg. Tur. Hist. V, 17; VI, 3; IX, 11).

Обмен подарками в случае признания факта родства и усыновления может рассматриваться в качестве частного случая «поддержания дружбы и побратимства между отдельными лицами»[1019]. При этом сам характер подобного одаривания описывается Григорием Турским по-разному в зависимости от целей автора. Так, рассказывая о реакции короля Гунтрамна на рождение сына у короля Хильдеберта II, турский епископ создает впечатление одностороннности и безвозмездности дарения, спровоцированного радостью от рождения ребенка (Greg. Tur. Hist. VIII, 37). Напротив, рассказывая о крещении Хлотаря II, автор «Истории франков» акцентирует ритуальный характер взаимного обмена подарками (Greg. Tur. Hist. X, 28)[1020]. Таким образом, у читателя создается впечатление, что только с одним из племянников короля связывают родственные чувства, перемещая обмен дарами в область внесемейных отношений.

Меровинги также активно использовали дарение родственникам как способ саморепрезентации, демонстрации собственного богатства и власти, в том числе для упрочения родственных связей. Например, король Хильдеберт I не просто одаривает племянника, но делает это так: *«…Quo veniente, tantis eum muneribus ditavit, ut ab omnibus*

[1019] Дар // Словарь Средневековой культуры. С. 129.
[1020] Возможно, подобный обмен дарами был одной из стратегий по легитимизации положения короля Хлотаря II, которые использовала его мать королева Фредегонда (подробнее об этом см. Dailey E.T. Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II. P. 3–27), представляя его, таким образом, не ребенком, а независимым правителем и усиливая обязательства короля Гунтрамна перед ним.

miraretur. Nam de rebus bonis, tam de armis quam de vestibus vel reliquis ornamentis, quod regem habere decet, terna ei paria condonavit, similiter et de equitibus atque catin…»[1021] (Greg. Tur. Hist. III, 24). С одной стороны, Хильдеберт демонстрирует свое богатство, а, следовательно, могущество и удачу. С другой, подобная щедрость с его стороны должна была затруднить для другого его брат, Хлотаря I, заключение аналогичного соглашения с их племянником, т.е. обеспечить верность его как союзника[1022]. Аналогичным образом поступает и королева Фредегонда, одаривая выходящую замуж дочь: щедро одаривая дочь, она акцентирует свое богатство и влияние в королевстве, а также повышает престиж родственных связей со своей семьей, стремясь, в т.ч. превзойти приданное, которое король Сигиберт I и королева Брунгильда могли дать за своей дочерью (см. Greg. Tur. Hist. VI, 45).

В качестве социальной практики близкой по своей сути к обмену дарами может быть рассмотрен обычай обмена заложниками[1023]. Его суть заключается в том, что, как и дар, в некоторых случаях, заложник был призван обеспечить выполнение лицом, его давшим, своих обязательств. Распространенность подобной практики в королевстве франков в целом не вызывает сомнений, т.к. неоднократное упоминание о ней мы встречаем у Григория Турского (см. Greg. Tur. Hist. II, 8, 9, 18; III, 7, 15, 23; V, 26; VI, 26, 31; VII, 39; VIII, 12; IX, 8,18; X, 9). В «Церковной истории» и «Истории лангобардов» дача заложников также встречается (см. Bede Hist. Eccles. I, 2; III, 24; Pauli Hist. Lang.V, 8; VI, 3). Отношение авторов к самому институту заложничества ими никак не акцентируется.

Однако Григорий Турский использует эпизоды с заложниками для характеристики действующих лиц своей «Истории»[1024]. Например, рассказывая о графе бретонов Варохе, турский епископ изображает его как вероломного человека, который нарушает обещания, ставя жизнь своего сына-заложника под угрозу (Greg. Tur. Hist. V, 26). Напротив, сообщая о

[1021] *«…Когда Теодоберт [племянник] приехал, Хильдеберт [дядя]* ***так его одарил, что у всех вызвал удивление.*** *В самом деле, из дорогих вещей, как из оружия, так и из одежды и других украшений, какие должен иметь король,* ***он подарил ему по три пары всего, столько же дал ему лошадей и чаш****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 75).

[1022] Сын Хлотаря I Хильперик I, переманивая на свою сторону племянника Хильдеберта II, очевидно дает ему больше подарков, чем его брат Гунтрамн, с которым сначала заключил договор Хильдеберт:
«… они [Гунтрамн и Хильдеберт] *вместе вкусили и выпили, и,* ***обменявшись взаимно подарками****, разъехались с миром…»* (Григорий Турский. История франков. С. 128);
«…Поблагодарив короля [Хильперика] *и скрепив договор подписями, послы вернулись к королю Хильдеберту* ***с большим количеством подарков****…»* (Григорий Турский. История франков. С. 159).

[1023] Подробнее об этой практике см. в Kosto A. Hostages in the Middle Ages. Oxford, 2012; Medieval Hostageship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker. L., 2016; Lavelle R. Alfred's Wars: Sources and Interpretations of Anglo–Saxon Warfare in the Viking Age. Woodbridge, 2010. P. 315–335.

[1024] Подобным образом поступает и Беда Достопочтенный. Он использует эпизод с заложниками для характеристики веры короля Освиу в Бога: *«…Король Освиу и его сын Альфрид, как мы уже сказали, имели весьма малое войско, но* ***вышли на битву с верой в то, что их ведет Христос****. Другой* ***сын Освиу Эгфрид были тогда заложниками в Мерсии у королевы Кинвисы****. Эдильвальд же, сын короля Освальда, находился на стороне врагов и вышел на войну против своего дяди и своей страны…»* (*«…Osuiu rex cum Alchfrido filio, perparuum, ut dixi, habens exercitum, sed Christo duce confisus, occurrit. Nam alius filius eius Ecgfrid eo tempore in prouincia Merciorum apud reginam Cynuise obses tenebatur; filius autem Osualdi regis Oidiluald, qui eis auxilio esse debuerat, in parte erat aduersariorum, eisdemque contra patriam et patruum suum pugnaturis ductor exstiterat…»*, Bede Hist. Eccles. I, 2; III, 24).

герцоге Гунтрамне, автор «Истории франков» подчеркивает его искренность готовностью дать в заложники собственного сына (Greg. Tur. Hist. VI, 26).

Интересно отметить, что в «Истории франков» в случаях, когда упоминаются родственные связи между тем, кто дает заложника и самим заложником, речь идет только о сыновьях и племянниках[1025] (см. Greg. Tur. Hist. V, 26; VI, 26; VII, 39; X, 9). В «Церковной истории» в заложниках у короля Мерсии Пенды оказывается сын короля Нортумбрии Освиу (см. Bede Hist. Eccles. III, 24)[1026], а в «Истории лангобардов» принц Ромуальд отдает в заложницы императору Константу II свою сестру Гизу (см. Pauli Hist. Lang. V, 8)[1027].

Таким образом мы можем сделать вывод, что немаловажную роль в переживание родства в изображении рассматриваемых нами источников играла практика дарения. Обмен дарами между родственниками упоминает только Григорий Турский. В «Истории франков» друг друга одаривают в основном дядья и племянники, но в этом контексте упоминаются также родители и дети, братья и сестры, родственники по свойству. В качестве подарков в основном выступают предметы роскоши (посуда и драгоценности, оружие, лошади, оружие). Количество подарков и их качество, исходя из сведений «Историй», нормировалось в зависимости от степени родства.

В связи с проблемой роли дарения в отношениях родственников, на наш взгляд в изучении нуждается и обмен заложниками как обладающий рядом общих с дарением характеристик. Например, он предусматривал переход ценности одного в собственность другого с целью обеспечить выполнение взятого на себя обязательства. Однако, в отличие от обмена дарами, здесь реже упоминается взаимность. Кроме того, возврат дара означал разрыв

[1025] О преимуществе последних в качестве заложников упоминает и Тацит: *«…К сыновьям сестер они относятся не иначе, чем к своим собственным. Больше того, некоторые считают такие кровные узы и более священными, и более тесными и* ***предпочитают брать заложниками племянников, находя, что в этом случае воля сковывается более прочными обязательствами, и они охватывают более широкий круг родичей****…»* (Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии / Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобович. М., Ладомир, 2003. 20). Григорий Турский сообщает о племяннике, которого в качестве заложника отдает дядя–граф бретонов Варох (см. Greg. Tur. Hist. X, 9). С одной стороны, бретоны могли придерживаться принципа, описанного Тацитом и ценить племянников в качестве заложников выше сыновей. С другой стороны, Варох уже давал в заложники своего сына, но нарушил клятву (см. Greg. Tur. Hist. V, 26). Поэтому, либо у него «кончились» сыновья, которых он мог отдать в заложники, либо франки поняли, что эффективнее будет взять в заложники его племянника. Так или иначе, но далее о проблемах с графом бретонов Григорий Турский не сообщает.

[1026] *«…Nam alius filius eius Ecgfrid eo tempore in prouincia Merciorum apud reginam Cynuise obses tenebatur…»*. В.В. Эрлихман переводит это предложение как: *«…Другой сын Освиу Эгфрид вместе с королевой Кинвисой были тогда заложниками в Мерсии…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 98). На самом деле королева Кинвиса была женой короля Пенды, а принц Эгфрид был заложником и находился при ее дворе. С подобной трактовкой ситуации согласно большинство переводчиков Беды на английский язык: *«…his other son, Egfrid, was then kept as an hostage at the court of Queen Cynwise, in the province of the Mercians…»* (The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England. P. 304); *«…Oswin's other son Ecgfrith was at the time a hostage in the Mercian kingdom with Queen Cynewise…»* (Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 773); *«…his other son, Egfrid, was then kept as a hostage at the court of Queen Cynwise, in the province of the Mercians…»* (The Venerable Bede. The Ecclesiastical History of the English People. P. 188-189).

[1027] Тацит в «Германии» особо подчеркивает важность женщин–заложниц и поясняет причину этого: *«…прочнее всего удерживаются в повиновении племена, которым было предъявлено требование выдать в числе заложников также девушек знатного происхождения. Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями…»* (Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии. 8).

договоренностей, а возврат заложника, напротив, их выполнение. Кроме того, оба эти института могут быть изучены в связи с институтом гостеприимства между родственниками.

3.1.5. Девиации в родственных отношениях

Девиция, т.е. поведение, отклоняющееся от принятых в данном обществе норм, также могут рассматриваться в связи с переживанием родства[1028]. Изучение представлений о том, как родственники должны или не должны вести себя по отношению друг к другу, позволяет лучше понять общество и происходящие в нем процессы. Учитывая тот факт, что наши источники описывают сообщества, переживающие трансформацию, нас будут интересовать не только сами девиации, но и возможные критерии, на основании которых то или иное поведение считалось отклонением, а также то, насколько часто члены сообщества (в восприятии наших авторов) определяют конкретные действия в качестве такового.

Однозначной девиацией все три автора считают инцест — половую связь между близкими кровными родственниками (родителями и детьми, братьями и сёстрами). Сами по себе упоминания об инцесте достаточно редки[1029], что может рассматриваться как свидетельство в пользу его исключительного характера. Судя по сообщениям наших

[1028] При толковании девиантного поведения мы опираемся на «гуманитарную концепцию», в которой отклонение рассматривается как социальный конструкт, а не как объективное свойство личности (об этом см., например, Асп Э.К. Введение в социологию. СПб., 2000. С. 45–46).

[1029] В «Церковной истории» и «Истории лангобардов» инцест и вовсе не упоминается, хотя период Раннего Средневековья отличался активным развитием антиинцестного законодательства. Салическая правда запрещала браки между дядей и племянницей/внучатой племянницей, с женой брата или дяди с материнской стороны. Возможно также запрещено было выходить замуж тетке за племянника/внучатого племянника, за мужа сестры или мужа сестры матери (см. Drew K.F. The Franks as Seen Through Their Law Code. P. 39–45). Э. Джеймс утверждает, что франки допускали заключение брака со вдовствующей сводной сестрой или мачехой с целью защитить вдову и детей, а также сохранить приданное в семье (см. James E. The origins of France. P. 79). Первое каноническое законодательство против инцеста относится к VI в., когда франкские прелаты на соборе в Орлеане в 511 г, а затем в Эпаоне в 517 г. запретили браки с вдовой брата, сестрой жены, мачехой, падчерицей, вдовами дядьев, как со стороны матери, так и со стороны отца, между двоюродными и троюродными братьями и сестрами, т.е. до шестого колена. В середине VII в. вестготский король Хиндасвинт закрепил эти правила в светском законодательстве, Хильдеберт II запретил браки с мачехами и отлучил от двора тех, кто отказался расторгнуть союзы, которые церковь считала недопустимыми. В VIII в. вслед за церковью Восточной Римской империи, папа римский Григорий II, запретил браки между отцом ребенка и его крестной матерью. В течение VIII–IX вв. наблюдалось дальнейшее расширение круга родственников (как кровных, так и по свойству, и через участие в крещение и конфирмации), брак с которыми считался недопустимым. Подобные ограничения усложнили поиск брачного партнера и породили различные фальшивые документы от римских пап с разрешением заключать браки с родственниками более близкими, чем в седьмом колене. Светское каролингское законодательство IX в. строго запрещало браки только до третьего колена, заключившие их подлежали разлучению. К союзам, между более дальними родственниками церковь и светская власть относились более терпимо, дабы предотвратить превращение антиинцестного законодательства в инструмент законного прекращения брака, что могло бы подорвать основы христианского брака в целом. Утверждение принципа «единой плоти» супругов в светском законодательстве привело к уравнению родственников по крови и по свойству, в т.ч. в вопросах брака. Дальнейшее распространение этого принципа привело к запрету на браки между родственниками людей, состоявших даже во внебрачной связи. Окончательно разработанное к середине IX в. каноническое законодательство запрещало браки между родственниками до седьмого колена (этот запрет сохранится до 1215 г., когда VI Латеранский собор ограничил его четвертым коленом). Клирики активно следили за соблюдением антиинцестного права при заключении брака. Одним из механизмов контроля стало требование публичного заключения брака. О влиянии законодательного запрета инцеста на раннесредневековую систему родства, говорит тот факт, что по крайне мере аристократия, а она чаще всего страдала от антиинцестного законодательства, была хорошо осведомлена о его нормах (см. Brundage J.A. Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987. P. 107, 130–131, 140–141; de Jong M. The Development of Legislation in the Early Middle Ages // To the limits of kinship: anti–incest legislation in early medieval west (500–900) // From Sappho to De Sade (Routledge Revivals): Moments in the History of Sexuality. L. and N. Y., 1991. P. 37–42; idem. M. An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 2003. P. 107–113; Wood I. Incest, law and the Bible in sixth–century Gaul // Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7, No. 3. P. 291–303).

источников, подобного взгляда на него придерживалось абсолютное большинство населения. Подтверждением этого может служить рассказ о гонителе христиан Нероне, главным доказательством порочности которого Григорий Турский (вслед за Иеронимом Стридонским и Орозием), называет интимные отношения с его собственной матерью и сестрами (см. Greg. Tur. Hist. I, 25). Также и королева Хродехильда, обличая перед своим мужем Хлодвигом I ложность языческих богов, вменяет им в вину инцест (Greg. Tur. Hist. II, 29). Стремясь отвратить мужа от идолопоклонства, королева, по всей видимости, указывает на поведение богов, которое должно было вызвать у него, все еще исповедующего язычество, наибольшее отторжение.

Другой безусловной девиацией в глазах авторов «Историй» предстает убийство родственников — в первую очередь. В «Истории франков» присутствует прямое осуждение этого действия, высказанное недавним язычником–королем Хлодвигом: *«…Nec enim possum sanguinem parentum meorum effundere, quod fieri nefas est…»*[1030] (Greg. Tur. Hist. II, 40). Сам Григорий Турский в предисловии к V книге приводит цитату из Библии, осуждающую подобные действия (Greg. Tur. Hist. V, Praef.). Анализ «Церковной истории» и «Истории лангобардов» позволяют сделать вывод о том, что их авторы придерживались сходных взглядов на данное поведение. Например, в «Церковной истории» Беда Достопочтенный, хотя и не сообщает никаких подробностей, вслед за Марцеллином Комитом, называет убийство вождем гуннов Аттилой своего брата Бледлы «предательским» (*«interemtus insidiis»*, Bede Hist. Eccles. I, 13)[1031].

Однако, когда речь заходит о конкретных обстоятельствах убийства родственников, автор «Истории франков» оценивает их неоднозначно. Чаще всего Григорий сообщает об убийстве родителями своих детей (см. Greg. Tur. Hist. I, 36; III, 5, 26; IV, 20; V, 39; VIII, 28) в следствии вовлеченности последних в заговора или подозрений в таковом. Основными способами убийства, о которых сообщают наши авторы, являются отравление, удушение или имитация несчастного случая. Таким образом, более чем серьезный проступок со стороны детей не встречает публичного осуждения, расследования, суда и наказания, а преследуется в «частном» порядке. Причиной подобного стремления не делать преступления детей достоянием гласности, могло быть опасение со стороны родителей потерять символический капитал, которым они обладали как правители и главы семей. С другой стороны, действовавшие обычаи, по всей видимости, разрешали наказывать детей, покушающихся на родителей, хотя христианская мораль предполагала в таких случаях лишь божественную кару.

[1030] *«…я не могу проливать кровь моих родственников, поскольку делать это грешно…»* (Григорий Турский. История франков. С. 57-58).
[1031] См. так же оценку Павлом Диаконом убийства короля Сигиберта (*«Sigibertus rex Francorum occisus est fraude Hilperici, germani sui»*, Pauli Hist. Lang. III, 10).

Григорий Турский в большинстве случаев оставляет данные преступления без комментариев. Каковы были причины его молчания? Для ответа на данный вопрос мы рассмотрим сюжеты, где автор «Истории франков» все же обозначает свою позицию.

Отсутствие расследования приводило иногда к ошибочным обвинениям и убийствам безвинных детей, а подобные действия как раз подлежали осуждению. Показателен в этом отношении эпизод с убийством королем Сигимундом своего сына Сигериха, которого оговорила мачеха: Сигимунд, которого Григорий Турский описывает как ревностного христианина, приказал задушить опьяневшего сына, подозревая его в заговоре против себя, но позже выяснил, что сын был невиновен (Greg. Tur. Hist. III, 5). Кроме красочного описания раскаяния самого отца[1032], автор «Истории франков» приводит слова осуждения его поступка со стороны сообщества: *«…Ad quem senex quidam sic dixisse fertur: 'Te', inquid, 'plange amodo, qui per consilium nequam factus es parricida saevissimus; nam hunc, qui innocens iugulatus est, necessarium non est plangi…»* (Greg. Tur. Hist. III, 5)[1033]. Самое главное здесь то, что, несмотря покаяние отца, по словам Григория Турского, *«возмездие господа преследовало его по пятам»*[1034]. Следовательно, убийство невинных воспринималось им как тяжелое преступление[1035]. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что отсутствие замечаний о подобных поступках, по крайне мере, сигнализирует о сомнениях турского епископа в невиновности убитого или о согласии с действиями родителя[1036]. Возможно, в глазах Григория

[1032] *«…После содеянного отцом овладело раскаяние, но было уже поздно, и, упав на тело бездыханного сына, он начал горько плакать…»* (Григорий Турский. История франков. С. 63).

[1033] *«…Говорят, что тогда к нему обратился один старец с такими словами: "Плачь только о себе, так как ты принял злой совет и стал злейшим убийцей, а о нем, невинно задушенном, не стоит плакать"…»* (Григорий Турский. История франков. С. 63). В случае Хильперика и его сына Хлодвига, Григорий Турский позволяет себе даже прямой упрек отца за равнодушие к смерти сына, в которой он был виновен бездействием, хотя и сам Хлодвиг не всегда вел себя подобающим образом по отношению к отцу (Greg. Tur. Hist. V, 39), фактически угрожая мачехе.

[1034] *«…Psallentium ibi assiduum instituens, Lugduno regressus est, ultione divina de vestigio prosequente…»* (Greg. Tur. Hist. III, 5).

[1035] Очевидно, Павел Диакон придерживался сходных взглядов. В «Истории лангобардов» автор так описывает мать, бросившую своих детей на верную смерть: *«…В эти времена одна продажная девка родила разом семерых детей, и бросила их эта, превосходящая любого зверя своей жестокостью, мать, в пруд, дабы оставить там умирать…»* (*«beluis omnibus mater crudelior in piscinam proiecit necandos…»*, Pauli Hist. Lang. I, 15), т.е. подобное поведение, по его мнению, противоречит самой человеческой природе.

[1036] Показательно в этом отношение сравнение двух эпизодов из «Истории франков»:

«…А Деотерия, видя, что ее дочь становится уже совсем взрослой, боялась, как бы король не почувствовал к ней вожделения и не взял ее себе, и сбросила ее с моста, посадив в закрытые носилки, привязанные к диким быкам. Так она и погибла в волнах реки…» (Григорий Турский. История франков. С. 75);

«…шел король Хлотарь против сына своего, как новый Давид против Авессалома, намереваясь сразиться с ним. Ударяя себя в грудь, он говорил: «Воззри, о господи, с небес и рассуди тяжбу мою, ибо я терплю от сына несправедливые обиды. Воззри, о господи, и суди по правде, и такой сверши суд, который свершил ты некогда над Авессаломом и его отцом Давидом»… он [Храмн, сын] был настигнут войском отца, пленен и связан. Узнав об этом, король Хлотарь приказал сжечь его вместе с женой и детьми… Храмна повалили на скамью и задушили платком…» (Григорий Турский. История франков. С. 93).

Хотя преступления одинаковы по своей жестокости, в обоих случаях Григорий Турский не осуждает родителей. Поскольку вина Храмна была очевидной, то и в случае дочери Деотерии можно с определенной долей уверенности утверждать, что Григорий Турский считал, что подозрения матери не были беспочвенны. То же отношение Григория Турского можно предположить и в случае убийства Криспа его отцом императором Константином I (см. Greg. Tur. Hist. I, 36).

сами отцы превращаются в орудие божественного правосудия[1037]. Придерживаясь подобной точки зрения, Григорий Турский разрешает моральную дилемму, в которой, с одной стороны, восстания и заговоры против родителей требуют наказания вплоть до лишения жизни, а, с другой стороны, любое убийство — грех[1038].

Данное впечатление усиливается, если рассмотреть случаи убийств детьми родителей. В нашем распоряжении имеется лишь один подобный сюжет, описанный достаточно подробно (см. Greg. Tur. Hist. III, 31). Сам по себе данный факт может говорить о редкости такого преступления, хотя случаи покушений описываются достаточно часто. Как было отмечено выше, в большинстве случаев именно желание предупредить собственную смерть от рук детей, побуждает родителей к детоубийству. Мы уже упоминали, что Григорий Турский в «Истории франков» рассказывает об убийстве Амалосунтой своей матери Авдофледы на почве кровной мести[1039]. Турский епископ изображает это происшествие как немыслимое в среде католиков. Только женщина–арианка (руководимая, к тому же, дьяволом) могла совершить подобное. Если У. Гоффарт прав, и Григорий использует данный сюжет как элемент антиарианской пропаганды, то мы можем предположить, что подобное восприятие убийства родителей разделяли не только католики, но и более широкие слои населения.

На страницах «Истории франков» также достаточно часто сообщается об убийстве братьев и дядьев. Общее осуждение подобных поступков со стороны Григория Турского не

[1037] Кроме того, подобное восприятие действий отцов, усиливает дополнительную «неприкосновенность» их личности, увеличивает тяжесть преступлений против них. Например, в случае с Леовигильдом и Герменегильдом, Григорий Турский осуждает сына за выступление против отца и не критикует отца за убийство сына, несмотря даже на то, что Леовигильд был арианином, а одной из причин конфликта между отцом и сыном стал переход Герменегильда в католичество. Единственные слова раскаяния он вкладывает в уста самого Герменегильда: *«…Герменегильд, лишенный помощи, увидел, что никак не сможет одолеть отца, он устремился к расположенной поблизости церкви, при этом говоря: «Да не пойдет отец мой против меня, ибо* ***противоестественно****, чтобы сын убивал отца или отец сына…»* (Григорий Турский. История франков. С. 144). Павел Диакон, напротив, оправдывает сына и упрекает отца (Pauli Hist. Lang. III, 21). Возможно, в восприятии автора «Истории лангобардов» вопросы веры были важнее политических и родственных, или он мог не знать историю Леовигильда и Герменегильда в подробностях. С другой стороны, как отмечает О.В. Ауров, фигура арианина Леовигильда не встречает особого осуждения и у испанских хронистов (см. Ауров О.В. Вестготские короли–ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Вып. 31. С. 83–99). Об отношении Григория Турского к арианам см., например, Goffart W. Foreigners in the Histories of Gregory of Tours // Rome's Fall and After. L. and Ronceverte, 1989. P. 257–291; Cain A. Miracles, Martyrs, and Arians: Gregory of Tours' Sources for His Account of the Vandal Kingdom // Vigiliae Christianae. 2005. Vol. 59, No. 4. P. 412–437; James E. Gregory of Tours, the Visigoths and Spain // Cross, Crescent and Conversion: Studies on Medieval Spain and Christendom in Memory of Richard Fletcher. Leiden, 2008. P. 43–64; idem. Gregory of Tours and "Arianism" // The Power of Religion in Late Antiquity. Farnham, 2009. P. 327–338.

[1038] Несколько иное отношение к данному вопросу мы встречаем в «Истории лангобардов». Как уже упоминалось выше в истории Леовигильда и Герменегильда Павел Диакон, в отличие от Григория Турского, поддерживает сына, а не отца (см. Pauli Hist. Lang. III, 21). Остается только предполагать, насколько хорошо автор «Истории лангобардов» был знаком с обстоятельствами их конфликта. Однако для него первостепенное значение имеет тот факт, что Леовигильд преследует Герменегильда за его принадлежность к католической церкви. О политической составляющей их столкновения Павел либо не знает, либо умалчивает. В любом случае сообщение Павла Диакона слишком краткое, чтобы делать какие–либо окончательные выводы.

[1039] История Амаласунты приводится в «Истории франков» в сильно искаженном виде (об Амаласунте и обстоятельствах ее жизни см. подробнее Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003; Клауде Д. История Вестготов. СПб., 2002; Frankforter D.A. Amalasuntha, Procopius and a Woman's Place // Journal of Women's History. 1996. Vol. 8, No. 2. P. 41–57; Joye S., Knaepen A. L'image d'Amalasonthe chez Procope de Césarée et Grégoire de Tours: portraits contrastés entre orient et occiden // Le Moyen Age. Revue d'Histoire et de Philologie. 2005. Vol. CXI, No. 2. P. 229–257). Возможно, Григорий Турский не располагал достоверными сведениями, или, как предполагает У. Гоффарт, он использовал этот сюжет для обличения арианства, хотя, возможно, и не до конца верил в его достоверность (см. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. P. 215–216).

вызывает сомнений, о чем уже говорилось выше[1040]. Однако присущая турскому епископу манера организации текста позволяет предположить, что, подобное отношение к убийству братьев и дядьев разделялось далеко не всеми его современниками. Начнем с того, что способы убийства, отличаются от тех, к которым в схожих ситуациях прибегают родители. Если вторые предпочитают яды и имитации несчастного случая, то первые — меч и утопление (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 7, 28)[1041]. Таким образом, в отличие от родителей, они не стремятся скрыть свое участие в убийстве. Это может свидетельствовать о том, что, в изображении Григория Турского, братоубийство, по крайней мере, среди знати германского происхождения (а именно ее представители в основном являются героями подобных сообщений в «Истории франков») не встречало резкого осуждения. Напротив, описания турского епископа создают впечатление о том, что убийцы не имели намерений скрыть свое преступление (Greg. Tur. Hist. II, 7, 28). В условиях нестабильности института власти убийство родственника могло представляться не только доступным способом ее захвата, но и возможностью укрепить свой авторитет в качестве вождя[1042], что делало огласку даже желательной для убийцы. При этом факт нахождения в родстве уходил на второй план, а убитый воспринимался, прежде всего, как политический соперник, а не как брат или племянник. Таким образом, налицо несоответствие между политическими традициями и родовыми и христианскими установками[1043].

В этой связи еще более странным выглядит тот факт, что, как и в случае с родителями и детьми, не все убийства братьев и племянников сопровождаются осуждением со стороны автора «Истории франков» и/или сообщества. Так, Григорий Турский оставляет без комментариев действия братьев Торисмонда, короля бургундов Гундобанда и короля тюрингов Герменефреда (см. Greg. Tur. Hist. II, 7, 28; III, 4). Причиной подобной сдержанности, скорее всего, является их арианское вероисповедание. Кроме того, турский епископ не осуждает графа Евлалия, который хладнокровно (лат. «*mitigato dolore, paulolum quievisset*», Greg. Tur. Hist. X, 8), убил собственного племянника за прелюбодеяние с его женой Тетрадией (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). Наконец, действия графа бретонов Ханаона также не вызывают у автора «Истории франков» негативной реакции (см. Greg. Tur. Hist. IV, 4).

[1040] В целом «Церковная история» и «История лангобардов» создают общее впечатление, что их авторы придерживались схожих взглядов на данный аспект отношений между родственниками (см. Bede Hist. Eccles. I, 13; Pauli Hist. Lang. IV, 51). Однако скудность материала по данному вопросу в указанных источниках не позволяет раскрыть их отношение более детально. О. Шервиниак считает, что Беда достопочтенный сознательно не упоминает о братоубийстве в среде англосаксонской знати, чтобы не испортить создаваемый им образ англов как нового богоизбранного народа (см. Szerwiniack O. Opp. cit. P. 240).

[1041] Интересно отметить, что, рассказывая об убийстве родителями детей, наши авторы в большинстве случаев называют способ убийства, при описании же аналогичных действий братьев и дядьев, способы, как правила, не оговариваются.

[1042] Об образе вождя и его силовых составляющих см., например, Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011. С. 100–104.

[1043] См. об этом Szerwiniack O. Opp. cit. P. 241–242; Crisp R.P. Opp. cit. P. 44.

Не вызывает сомнения, что целью Григория Турского при подобной организации сообщений было создать негативный образ убийцы родственников. Так, в большинстве случаев ими двигает корыстный мотив — стремление захватить власть[1044]. Убийцы в основном являются арианами или не слишком уважаемыми членами общества. Они действуют группой, нападают исподтишка или пользуются заведомой слабостью своих жертв (убивают детей или младших по возрасту[1045]). Сами сообщения преимущественно находятся в «исторической» части «Истории франков»[1046], т.е. автор относит их к временам, предшествовавшим распространению христианства среди населения франкского королевства. Наконец, современники Григория Турского, франкские короли Хлотарь I и Хильдеберт I, лично расправившиеся со своими племянниками Гунтаром и Теодебальдом, подвергаются суровому осуждению с его стороны.

Можно отметить, что автор «Истории франков» стремиться создать впечатление прогресс в распространение христианских взглядов на поведение убийц. Так, сын вышеупомянутого короля Хлотаря I Хильперик I, в отличие от отца, не решился открыто прибегнуть к убийству брата для защиты собственной жизни и власти[1047]. С его молчаливого согласия к этому способу прибегает его жена Фредегонда, которая, в изображении Григория Турского, оставалась чуждой христианской морали[1048].

Таким образом, стремясь гармонизировать политические традиции, отношения родства и христианскую мораль, Григорий Турский изображает убийство близкими родственниками друг друга как возможное, по сути, только в случае самозащиты, и только для отдельных категорий родственников (родителей в отношении детей). Для братьев и дядьев подобный способ политической борьбы превращается в табу, нарушение которого несовместимо со статусом христианина.

В качестве еще одного частого отклонения от нормы в родственных отношениях Григорий Турский, Беда Достопочтенный и Павел Диакон рассматривают конфликты между родственниками. Они используют различные термины для передачи подобного состояния: от *inimicitia, discordia, iurgio, dissensio* до *bellum civile* и производных от них[1049]. Раздоры между

[1044] Исключением является лишь граф Евлалий, для которого убийство племянника может рассматриваться как средство защиты своей чести (см. Greg. Tur. Hist. X, 8). Однако сам он изображается Григорием Турским как человек трусливый и аморальный, прелюбодей, подозревающийся в убийстве матери (Greg. Tur. Hist. X, 8).

[1045] Так, в «Истории франков» описываются случаи убийства дядьями племянников, но не наоборот.

[1046] Об этом см., например, Murray A.C. The Composition of the Histories of Gregory of Tours and Its Bearing on the Political Narrative // A Companion to Gregory of Tours. P. 63–101.

[1047] Возможно, определенную роль сыграла и «близость» родства: Хильперик и Сигиберт были братьями, а Гунтар и Теодебальд — племянниками Хлотаря I.

[1048] При этом, несмотря на то, что политические симпатии Григория Турского были на стороне Сигиберта I, он фактически изображает его убийство как результат божественного правосудия за развязывание гражданской войны, намерение убить брата и пренебрежение словами епископа Германа (Greg. Tur. Hist. IV, 51) (см. об этом Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья. С. 41–42).

[1049] Дж. Уоллес–Хэдрилл говорит, что возможно этими терминами обозначается кровная месть (см. Wallace–Hadrill M.J. The Long–Haired Kings. P. 123).

родственниками происходят при столкновении несовместимых интересов их участников, которые переживают при этом отрицательные эмоции, в основном связанные с гневом (лат. прил. *infensus, invidius, iracundus*; сущ. *furor, odium*; гл. *frendo*). Для Григория Турского состояние родства, по сути, не совместимо с состоянием конфликта: *«…Cui rex ait: 'Quid tibi visum est, o episcope, ut* ***inimicum meum Merovechum, qui filius esse debuerat****, cum amita sua, id est patrui sui uxore, coniungeres?..»*[1050] (Greg. Tur. Hist. V, 18). Беда Достопочтенный ставит на одну доску конфликт короля Освиу с мерсийцами и с его родственниками (Bede Hist. Eccles. III, 14). Иными словами, для конфликтующих родственников все правила и нормы, регулирующие их поведение, перестают действовать. Видимо поэтому, сами авторы или их герои иногда пытаются обвинить в разжигании противоречий третьих лиц — злонамеренных советчиков (лат. *malorum consilium, malignus homo*) (см. Greg. Tur. Hist. IV, 16; V, 18; Pauli Hist. Lang. IV, 51).

Характерно в этом отношении описание конфликта, произошедшего в семье самого Григория Турского. В пятой главе V книге он рассказывает об обстоятельствах смерти своего старшего брата Петра, в результате спора за должность епископа Лангра между ним и его родственником (возможно дядей по матери) Сильвестром. Интересно отметить, во-первых, Григорий старается изложить ситуацию так, как будто конфликта, по сути, не было: Петр в его изображении не претендовал на должность епископа и поддержал избрание Сильвестра. Во-вторых, в разжигании конфликта, турский епископ обвиняет третье лицо – еще одного лангрско диакона Лампадия, который, движимый желанием отомстить Петру за утрату позиций при прошлом епископе Тетрике, подговорил сыны Сильвестра обвинить Петра в убийстве родственника путем колдовства. Когда брат Григория был оправдан епископским судом, Лампадий убедил сына Сильвестра убить Петра. В-третьих, Григорий Турский старается, на сколько это возможно, скрыть родственную подоплеку конфликта: если Петра он называет братом (хотя в части, где рассказывается о его обвинении и убийстве он и превращается в диакона), то о родстве с Сильвестром, а тем более его сыном, упоминается и вовсе в вскользь (см. Greg. Tur. Hist. V, 5). Весьма вероятно, что дело Петра было весьма «резонансным» для Галлии VI в. Этот факт, а также желание очистить свою семью от ложных, по его мнению, обвинений, очевидно, и побудил Григория Турского включить этот рассказ в свою «Историю». Его рассказ, как по содержанию, так и по форме, ярко демонстрирует отношение турского епископа к конфликтам между родственниками: они нежелательны, поскольку ведут к нарушению их участниками норм родственных отношений.

[1050] *«…Король сказал Претекстату: «Как тебе, епископ пришло на ум соединить* ***врага моего Меровея, которому следовало бы поступить по отношению ко мне как сыну****, с его теткой, то есть с женой его дяди?..»* (Григорий Турский. История франков. С. 128).

Тем не менее, в «Истории франков» встречается описание разных типов столкновений между родственниками, которые по своим причинам и особенностям взаимодействия, длительности и результатам могут быть условно разделены на «личные» (лат. *inimicitia, discordia* и *iurgio*) и «политические» (лат. «*bellum civile*») конфликты. При описании первых акцент делается на родстве конфликтующих для усиления эффекта морализации, во–вторых родство — лишь один из факторов, усугубляющих негативные последствия конфликта. Оба типа столкновений объединяет доминирующая общая причина — чаще всего родственники конфликтуют из-за власти и имущества (движимого и недвижимого).

Всего в «Истории франков» описывается 8 значительных конфликтов личного характера между родственниками. При этом происходят они только между родителями и детьми, что вновь возвращает нас к вопросу о понимании Григорием Турским близкого родства. Данный тип разногласий, как правило, непродолжителен и сводится к выступлениям детей против своих родителей. Интересно отметить, что у Григория Турского сыновья ссорятся только с отцами, а дочери — с матерями, о конфликтах между сыновьями и матерями, отцами и дочерями не сообщается. При этом зачинщиками конфликта всегда выступают дети, желающие выйти из подчинения родителей. Для сыновей это выражается в попытке стать политически независимыми через обретение власти и имущества, как правило, земельных владений. Дочери же стремятся к самостоятельности в вопросах выбора брачного партнера и укреплению своего социального положения через приобретение материальных ценностей, в основном движимых. Стороны предпринимают разнообразные действия друг против друга: вступают в заговоры (лат. *conspiratio*), строят козни (лат. *insidia, nequitia, dolosus*), осуществляют физическую расправу и даже ведут военные действия. Однако выяснение отношений между ними происходит лично, а не через посредников, в глазах автора они выступают как ссорящиеся родственники, а не как политические или религиозные деятели. Иными словами, речь идет о ссорах отца и сына, а не двух королей, матери и дочери, а не аббатисы и монахини.

При этом часто конфликты обнаруживают некоторую скрытую подоплеку. Так, Меровей, вероятно, хотел отомстить отцу и мачехе за свою мать, а возможно и защитить свою жизнь от козней Фредегонды. Герменегильд мог быть недоволен своим положением при дворе, где значительным влиянием пользовалась его мачеха Гоисвинта. Также и сын Ваддона, очевидно, опасался, что своими действиями отец ставит под угрозу не только свою, но и его жизнь, а также благополучие всей семьи. Бертегунда, вероятнее всего, была обижена на мать, за то, что та, разрушив ее семью и не помогла ей обрести достойное положение в своем монастыре. Принцесса Ригунта также могла обижаться на мать за свой неудавшийся брак с принцем Реккаредом (который в итоге заключил помолвку с дочерью Брунгильды —

соперницы Фредегонды) и подчиненное положение при дворе. Иными словами, на конфликт с родителями детей могло толкать фактическое или воображаемое неисполнение родителями своих обязанностей и отсутствие иного способа принудить их выполнению своего долга по отношению к детям.

Что касается отношения Григория Турского к участникам ссор, то оно не однозначно. Так, в конфликтах между сыновьями и отцами турский епископ в основном выступает на стороне отцов, апеллируя к божественному правосудию и морали[1051] (Greg. Tur. Hist. IV, 16; V, 39). Причиной подобного отношения может быть то, что личные столкновения между ними могли легко превратиться в «политические» и затронуть большое число людей, превратившись в *bellum civile*. В конфликтах матерей и дочерей подобная опасность не скрывалась, поэтому здесь отсутствуют отсылки на божественное вмешательство, а виноватыми, по сути, выставляются обе участницы конфликта (см. Greg. Tur. Hist. III, 31; IX, 33, 43; X, 12). По всей видимости, они были включены в «Историю франков» в качестве иллюстраций поведения, которое недопустимо для родственников–христиан, особенно занимающих высокое положение в светской и церковной иерархии. Очевидно, желая распространить подобный взгляд на конфликты в среде родственников и превратить данные модели поведения в недопустимые, Григорий Турский создает у читателя их негативную ассоциацию с поведением арианок Амаласунты и Авдофледы (см. Greg. Tur. Hist. III, 31), провозглашая, что подобные действия могли быть вдохновлены только дьяволом (Greg. Tur. Hist. III, 31).

Что касается «политических» конфликтов, то в них принимают участия братья, дядья и племянники. В «Истории франков» речь идет о трех крупных конфликтах подобного плана[1052]: между братьями Герменефредом и Бадерихом (см. Greg. Tur. Hist. III, 4), королями Хильдебертом I, Хлотарем I и их племянником Теодобертом (см. Greg. Tur. Hist. III, 23, 28, 31) и братьями Сигибертом I, Хильпериком I и Гунтрамном I, в котором место убитого Сигиберта занимает его сын Хильдеберт II. При этом участники являются не только и не столько

[1051] В разногласиях между королем Перктаритом и его сыном Куникпертом Павел Диакон также занимает сторону отца, непослушание которому стоило его сыну трона: *«…он не остановился перед тем, чтобы через своего отца пожаловать Алахису герцогство Брексии, хотя его отец часто возражал против того, что Кунинкперт делал на свою же погибель, сам наделив своего врага средством добиться королевской власти…»* (*«…nec destitit patrem optinere, quin etiam ei ducatum Brexiae contribueret; reclamante saepius patre, quod in suam hoc Cunincpert perniciem faceret, qui hosti suo ad regnandum vires praeberet…»*, Pauli Hist. Lang. V, 36). Однако, если в «Истории франков» «победителем» в ссоре всегда оказывается отец, то в случае с герцогом Фароальдом и его сыном Транзимундом все происходит наоборот, не встречая при этом какого–либо осуждения со стороны Павла Диакона: *«…Против герцога Фароальда восстал его собственный сын Транзамунд (Transamund) и* ***занял его место, а его самого сделал церковнослужителем****…»* (Павел Диакон. История лангобардов. С. 240). Подобное отношение может являться отражением отличий в восприятии «отцовства» у Григория Турского и Павла Диакона, отсутствия у него коннотации безусловного авторитета в «Истории лангобардов».

[1052] Интересно отметить, что, хотя накануне конфликта между королем Хлотарем I и его сыном Храмном, последний был фактически объявлен королем и получил территории в свое управление, дальнейшее противостояние отца и сына Григорий Турский нигде не называет *bellum civile*, что подтверждает высказанный выше тезис о том, что сыновья оставались в подчинении у родителей вплоть до самой смерти последних вне зависимости от того, какое положение они занимали.

родственниками, сколько независимыми политическими фигурами[1053]. Поэтому они предпочитают отстаивать свои позиции, используя находящиеся в их распоряжении военные силы. Подобные конфликты опасны уже не только для отдельно взятой семьи, но затрагивают жизни большого числа людей, что объясняет крайне негативное отношение к ним автора «Истории франков»: *«…Dolorem enim ingerit animo ista civilia bella referre…»* (Greg. Tur. Hist. IV, 50)[1054]. Однако поскольку родственные связи в них играют второстепенную роль, мы не будем подробно рассматривать их в данной работе.

Наши источники сообщают и об отклонениях в практиках памятования родственников. Так, качестве их девиаций Григорий Турский изображает, прежде всего, предание забвению тех, кого необходимо помнить. Например, он упрекает короля Теодорих, который пошел войной на Бургундию, забыв о том, что является ее король Сигимунд — его тесть, чем, по мнению автора «Истории франков», оскорбил его память (см. Greg. Tur. Hist.III, 6). Весьма вероятно, что в этом случае турский епископ, упрекает короля франков в нарушении традиции, которая имела место в галло-римском, но не в германском обществе. Подтверждением этого может служить эпизод из «Истории лангобардов». Согласно Павлу Диакону король Альбоин не только убил отца своей будущей жены Розамунды, но и сделал из его черепа кубок, пил из него на пирах и позволял себе шутить по этому поводу (Pauli Hist. Lang. II, 28). Очевидно, что лангобард Альбоин, как и франк Теодорих, в отличии от галло-римлянина Григория Турского, не чувствуют себя обязанным чтить память тестя. Нарушение порядка и сроков памятования также вызывает осуждение автора «Истории франков». Например, в случае с королем Хильпериком и Фредегондой он указывает, что прошло слишком мало времени между смертью предыдущей жены короля и его новым браком (Greg. Tur. Hist. IV, 28).

Смерть в одиночестве, в отсутствие тех, кто мог бы позаботиться о достойном поминовении ушедшего также подается как девиация: *«…Nullum umquam pure dilexit, a nullo dilectus est, ideoque, cum spiritum exalasset, omnes eum reliquerunt sui…»*[1055] (Greg. Tur. Hist. VI, 46). Отклонением считается и захоронение в неподобающем месте, без соответствующих

[1053] В «Истории лангобардов» Павел Диакон, напротив, рассматривает конфликт между братьями Пертари и Годопертом, скорее, как частное, семейное дело, а не противостояние двух независимых правителей: *«…Годеперт встал во главе королевства в Тицине, а Пертари — в городе Медиолане. Из–за подстрекательства дурных людей,* ***между этими братьями возникли ссоры, и ненависть возгорелась до такой степени, что каждый из них старался захватить королевство другого****…» («…Et Godepert quidem Ticini sedem regni habuit, Perctarit vero in civitate Mediolanensi. Inter quos fratres, facientibus malignis hominibus, discordiae et odiorum fomes surrexit in tantum, ut alter alterius regnum invadere conaretur…»*, Pauli Hist. Lang. IV, 51). Подобное различие в восприятии данного типа конфликтов может являться косвенным свидетельство в пользу того, что Павел Диакон, в отличие от Григория Турского, мог воспринимать королевства братьев как «патримониальные государства» или как «совокупность личных отношений между определенными индивидуумами», т.е. как собственность, а не как государства (См. примечание 92).

[1054] *«…Душа моя наполняется болью при рассказе об этих междоусобных войнах…»* (Григорий Турский. История франков. С. 111, см. также С. 115-116). Упоминая о войнах между франкскими короля, Павел Диакон не только указывает на их родство, но и на количество жертв, к которым они привели, подчеркивая, таким образом, несоответствие подобного поведения состоянию родства и пагубность отступления от норм, его регламентирующих (Pauli Hist. Lang. IV, 4).

[1055] *«…Никого он не любил бескорыстно и сам никем не был любим, вот почему, когда он испустил дух, все его покинули…»* (Григорий Турский. История франков. С. 189).

почестей. Так, королева Фредегонда, желая отомстить своему пасынку Хлодвигу за смерть своих сыновей не только организует его убийство, но и сделала все, чтобы тело не получило достойного погребения (Greg. Tur. Hist. VIII, 10). Чрезмерная печаль по умершему, особенно если он умер вскоре после крещений, также, как и чрезмерная кровная месть, не приветствовались нашими авторами (см., например, Greg. Tur. Hist. II 29,31; Pauli Hist. Lang. V 45). В качестве девиации воспринимается и ограбление могил родственников (Greg. Tur. Hist. VIII, 21).

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что основными отклонениями в родственных отношениях наши авторы считали инцест, убийство родственниками друг друга, ссоры между ними и нарушение порядка памятования умерших. Инцест упоминается только в «Истории франков», при этом способ организации и подачи материала позволяет предположить, что он осуждался широкими слоями общества, как среди христиан, так и среди язычников.

Убийство родственниками друг друга также воспринимается как девиация всеми тремя авторами. Однако, анализируя «Историю франков», можно выделить некоторые нюансы в отношении к нему Григория Турского. Рассказывая о родителях, которые убивают своих детей, он изображает основным мотивом их действий самозащиту (дети или сами готовились их убить или подозревались в этом). Родители совершают убийство преимущественно тайно, стремясь скрыть свое преступление. Григорий Турский в большинстве случаев не комментирует их действия, что можно рассматривать как признак того, что он верил в высказанные подозрения и считал действия родителей оправданными. Очевидно, что превентивные меры родителей имели успех, т.к. из всех покушений на них детей, своей цели достигает только арианка Амаласунта. В качестве главного мотива, который толкал детей на попытку убийства родителей, Григорий Турский изображает стремление занять их место в обществе, стать самостоятельными и освободиться от их власти. Таким образом, в глазах автора «Истории франков» убийство родственников оправдано, только если это происходит в виде самозащиты, и только в случае, если речь идет о детях и родителях.

Иную картину турский епископ рисует, рассказывая об убийстве дядьями племянников или братьями друг друга. Эти категории родственников не делаю тайны из своих преступлений, хотя их мотивы сходны с мотивами детей, покушающихся на родителей, — борьба за власть и имущество. При этом для них убийство родственника превращается в демонстрацию силы и подтверждает их право на спорную «должность» или наследство. Григорий Турский также открыто не осуждает их поступки, но организация и подача материала позволяет предположить у него желания создать у читателей негативный образ таких убийц. Так, большинство подобных сюжетов содержится в «исторической» части «Истории франков», которая рассказывает о событиях до принятия ими христианства или

вскоре после него. Также действующими лицами таких рассказов являются ариане, не слишком уважаемые члены общества или представители не слишком цивилизованных, по мнению автора «Истории франков» племен (например, бретонов). Таким образом, он создает впечатление, что только нехристиане способны на подобные поступки.

Конфликты между родственниками также относятся нашими авторами к девиациям. Состояние конфликта не совместимо в их глазах с родством, возможно потому, что оно прекращает действие норм родственных отношений. Упоминаемые в наших источниках конфликтные ситуации можно условно разделить на личные и политические конфликты. К личным относятся те, где стороны выясняют отношения непосредственно между собой. Интересно отметить, что в наших источниках сыновья конфликтуют только с отцами, а дочери — только с матерями. При этом, зачинщиками конфликта всегда выступают дети, а наши авторы встают на сторону отцов (когда те конфликтуют с детьми), или обвиняют обе стороны (если конфликтует мать и дочь). На личные конфликты с родителями их толкает уверенность в неисполнении последними той или иной их обязанности в отношении детей. Политические споры, как и попытки убийства родителей, чаще всего, представляются как вызванные желанием занять их место в обществе.

3.2. Переживание индивидом родственных связей с коллективом и роль коллектива в жизни индивида

В изучаемых нами источниках встречаются 4 термина, обозначающие родство между людьми без указания на его точную степень[1056]: *parens, cognatus(a), propinquus(a), proximus (a), consanguineus*[1057] (см. Приложение 49). Каждый из рассматриваемых нами авторов отдает предпочтение определенному термину.

Значение *родственник* термин *parens* приобретает только в средневековой латыни[1058]. В «Истории франков» оно является основным — 44 случая из 68 (67% всех случаев употребления). Беда Достопочтенный в этом значение его не использует, у Павла Диакона в «Истории лангобардов» слово *parens* указывает на родственников только один раз.

Термин *parens* как *родственник* у Григория Турского обозначает неопределенную по широте группу людей, куда входили как мужчины, так и женщины, связанные между собой по крови или через брачные союзы в нескольких поколениях[1059]. Чаще всего, установить

[1056] См. Родственник // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 681.
[1057] Для сравнения, Исидор Севильский в перечне родственников называет только *proximus* и *consanguineus* (см. Исидор Севильский. Этимологии. С. 540).
[1058] См. Parens // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 763. Ср. с Parens II // Oxford Latin Dictionary. P. 1295–1296; Parens // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 752.
[1059] Р. Крисп считает, что *parentes* представляли собой только группу кровных родственников (см. Crisp R.P. Opp. cit. P. 246).

степень родства между ними невозможно. Лишь в некоторых случаях можно понять, что в качестве *parens* в тексте «Истории франков» фигурируют *сын* (см. Greg. Tur. Hist. X, 29), *двоюродный брат* (см. Greg. Tur. Hist. VII, 25) и *зять* (см. Greg. Tur. Hist. III, 15)[1060]. Термин *parentes* указывает на группу родственников, куда входили только женщины (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33; X, 12), и только мужчины (см. Greg. Tur. Hist. II, 27, 40; III, 13, 14, 23; VIII, 2; X, 28), а также на группы родственников смешанного состава (см. Greg. Tur. Hist. IX, 33). Таким образом, термин используется без учета латеральности. Только в одном случае из 44 оговаривается с какой стороны — матери или отца — данный человек является родственником (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2). Неким намеком на степень родства в рамках группы *parentes* могут служить эпитеты, характеризующие слово:

1. *propinquus* — близкий, близкородственный[1061] (см. Greg. Tur. Hist. II, 42; X, 28);
2. *proximus* — ближайший (родственник)[1062] (см. Greg. Tur. Hist. VII, 29; X, 12,);
3. *primus* — ближайший, первейший[1063] (см. Greg. Tur. Hist. II, 42).

Однако какие степени родства воспринимались в качестве *близких*, точно установить из текста не представляется возможным. Исключением является рассказ о том, как король Гунтрамн становится крестным отцом своему племяннику, где последний называется *propinquus parens* (см. Greg. Tur. Hist. X, 28). Кроме того, в случае с королем Рагнахаром, можно предположить, что под *propinqui parentes* Григорий Турский имеет в виду его братьев Рихара и Ригномера (см. Greg. Tur. Hist. II, 42), а в случае с Бертегундой — ее двоюродную сестру (см. Greg. Tur. Hist. X, 12). В трех случаях из пяти близость родства упоминается в связи с имущественными вопросами, два раза — в сообщениях о похоронах/крещении. Все это позволяет предположить, что под *близкими* Григорий Турский подразумевает родственников 1–3 степени[1064].

[1060] Среди 44 случаев обозначения им родства только в 9 речь идет об одном человеке–родственнике (см. Greg. Tur. Hist. II, 27, 40; III, 13, 14, 23; VIII, 2; IX, 33; X, 12, 28). В семи случаях им передается родство с королями: Хлодвигом (см. Greg. Tur. Hist. II, 27, 40), Теодорихом (см. Greg. Tur. Hist. 13, 14, 23), Гунтрамном (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2; IX, 33; X, 28). Употребление в данных случаях именно этого термина для описания родства, скорее всего, объясняется отсутствием у Григория Турского точных сведений о его степени между персонажами «Истории», в том числе и с указанными королями (см. об этом Малов В.Н. Меровинги // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 157). Только в одном из этих случае известна степень родства, обозначенная термином *parens* — племянник (см. Greg. Tur. Hist. X, 28), при этом оговаривается, что родственник был близким — *proximus*. Отсутствие возможности установления степени их родства проявляется и в переводах термина на английский язык. Л. Торп передает его в разным местах как *«(close) blood–relation»* (см. Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. L., 1974. P. 139, 588), *brother* (ibid. P. 155), *(close) relation* (ibid. P. 173, 520, 560), *«to be of royal blood»* (ibid. P. 173), *relative* (ibid. P. 183), *kinsman* (ibid. P. 435). Даже по отношению к одному человеку — Сигильвальду — Торп переводит термин *parens* один раз как *relation*, а другой как *relative*. Гизо во всех указанных случаях переводит термин как *parent(e)* (см. Grégoire de Tours. Histoire des Francs / Tr. de François P.G. Guizot. P., 1862. T. 1. P. 94, 117, 139, 153, 473; Grégoire de Tours. Histoire des Francs / Tr. de François P.G. Guizot. P., 1862. T. 2. P. 53, 106, 143), В.Д. Савукова как *родственник* (см. Григорий Турский. История франков. С. 47, 57, 68, 74, 220, 268, 293, 309).

[1061] Propinquus // Oxford Latin Dictionary. P. 1493. См. также: Propinquus II // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 627–628.

[1062] Proximus // Oxford Latin Dictionary. P. 1508–1509. См. также: Proximus // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 633.

[1063] Primus // Oxford Latin Dictionary. P. 1457. См. также Primus // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 617.

[1064] По мнению Л. Ланкастер у англосаксов под родственниками вообще могли пониматься только члены основной семьи (nuclear family) (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9, No. 3. P. 236).

Наиболее часто *parens* встречается в сообщениях о мести или о защите чести родственника (см. Greg. Tur. Hist. III, 13; V, 32; VI, 16, 17, 36; VII, 23, 29, 47; VIII, 18, 29, 19 (5), 27, 39(2); X, 27(2)). Кроме того, этот термин используется в сообщениях об убийствах королями своих родичей (см. Greg. Tur. Hist. II, 40, 42 (2); III, 23) и в сообщениях о широком круге взаимоотношений родственников (см. Greg. Tur. Hist. II, 27, 42; III, 15(3); VI, 6; VII, 29; X, 12, 28, 29). Наконец, *parens* встречается в описаниях происхождения (см. Greg. Tur. Hist. II, 49; III, 14; VII, 25; VIII, 2; IX, 33)[1065].

В значение *родственник* Григорий Турский и Беда Достопочтенный также использовали термин *propinquus/a*[1066]. В классической латыни, кроме значения *«находящийся рядом (в пространстве), близкий, соседний»*, он также обозначал *родственника/ца*[1067]. Григорий Турский в «Истории франков» использует термин 32 раза, при этом только в 10 случаях он указывает на *родственников* (см. Greg. Tur. Hist. II, 24, 29, 42(2); V, 5(2); VI, 36; VIII, 21; X, 31(2)). В остальных он сохраняет значение *близкий, близлежащий, соседний*[1068] (см. Greg. Tur. Hist. II, 2, 42; IV, 31, 48; VI, 15, 47; V, 23, 38; VI, 17, 26; VII, 9, 23; VIII, 23, 30(2), IX, 9, 31; X, 25(2), 28), а в трех случаях значение *ближний* — «всякий человек по отношению к другому»[1069] (см. Greg. Tur. Hist. V, Preap., 5; X, 24). Преимущественное использование *propinquus* для передачи географической близости, позволяет предположить, что, при обозначении им *родственников*, он указывал на соседство, а не на степень родства[1070].

В «Истории франков» термин встречается в сообщениях о мести родственников за убитого (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; VI, 36; VII, 23) и в описании происхождения (см. Greg. Tur. Hist. II, 24, 42; V, 5; X, 31(2)). Кроме того, один раз он используется в сообщении о смерти родственников (см. Greg. Tur. Hist. X, 24). Судя по случаям употребления термина Григорием Турским, можно предположить, что слово *propinquus,* в основном, использовалось в значении родства по крови. На это указывает большое количество употреблений термина в контексте

[1065] См. Crisp R.P. Opp. cit. P. 246.
[1066] См. Greg. Tur. Hist. II, 24, 29, 40; V, 5(2); VI, 36; VII, 23; VIII, 21; X, 24, 31 (2). B.V. I, 27; III, 22; 24(2); IV, 23; V, 24.
[1067] Propinquus // Oxford Latin Dictionary. P. 1493. См. также Propinquus II // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 627–628. В словарях Нирмейера и Дюканжа термин не встречается, но в последнем есть однокоренное слово *propinquioritas* со значением *родня* (см. Propinquioritas // Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T.VI. P. 533).
[1068] Propinquus // Oxford Latin Dictionary. P. 1493. См. также Propinquus I // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 627.
[1069] Ближний // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 56.
[1070] В сообщение о купце из Антиохии, Григорий Турский пишет: *«…Nam veniens, omnem domum suam incolomem repperit, tantum funera propinquorum, quae in aliis domibus effecta fuerant…»* (Greg. Tur. Hist. X, 24). В.Д. Савукова в данном случае переводит *propinquorum* как *близкие*, имея в виду родственников (см. Григорий Турский. История франков. С. 307). Также передает данный термин Гизо: *«…il la trouva dans aucun mal et pleura la mort de ses proches qui avaient peri dans les autres maisons…»* (Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. 1. P. 138). Л. Торп же считает, что автор «Истории франков» имел в виду соседей: *«…When the man reached his own home he found everybody unharmed; but they were mourning the death of their neighbours…»* (Gregory of Tours. History of the Franks. P. 584). Таким образом, безотносительно к тому имелись ли в виду родственники или соседи, в любом случае это были люди, проживающие в относительной близости от героя рассказа. На наш взгляд, наиболее уместным было бы перевести *propinquus* в данном случае как *ближние*, т.к., с одной стороны, спасение родных было наградой купцу за его благочестие, а с другой, как всякий христианин должен был горевать о смерти своих соседей и друзей.

происхождения и мести[1071]. Кроме того, в отличие от *parens* данный термин в основном используется Григорием Турским в единственном числе (в 6 случаях из 9).

В «Церковной истории» Беды *propinquus* встречается 8 раз (см. Bede Hist. Eccles. I, 27(2), III, 22, 24(2); IV, 23; V, 24), из них только в одном случае в значении *соседний* (см. Bede Hist. Eccles. I, 27). Таким образом, можно утверждать, что значение *родственник* стало для него основным. При этом, как и в случае с использованием термина в «Истории франков», скорее всего, под ним имелось в виду кровное родство[1072]. Два раза *propinquus* встречается в контексте рассказа о кровной мести (см. Bede Hist. Eccles. III, 24(2)), в двух других речь идет о покровительстве беззащитным родственникам (см. Bede Hist. Eccles. IV, 23; V, 24) и в одном — об убийстве родича (см. Bede Hist. Eccles. III, 22). Также *propinquus* встречается в вопросах св. Августина Кентерберийского папе Григорию I в связи с проблемой родственных браков (см. Bede Hist. Eccles. I, 27). Термин используется как в единственном, так и во множественном числе.

Также в значении *родственник* во всех трех историях встречается термин *cognatus/a*[1073]. В «Истории франков» термин используется довольно редко — всего 4 раза, из них только 2 в значении *родственник* (см. Greg. Tur. Hist. IV, 35; VI, 43)[1074]. Хотя точную степень родства, обозначенную Григорием Турским как *cognatus* установить невозможно[1075], скорее всего, этим термином обозначались родственники по свойству[1076], т.к. в одном случае речь идет о помолвке, а в остальных двух им обозначаются степени родства по свойству. Вообще в значении *родственник* он встречается только в единственном числе.

В «Церковной истории» термин встречается 9 раз, из них 5 в значении *родственник* (см. Bede Hist. Eccles. II, 1, 12; III, 18; IV, 22; V, 19). В отличие от Григория Турского, во всех

[1071] Рассказывая об ограблении Гунтрамном Бозоном могилы его родственницы, Григорий Турский определяет женщину как *«родственница его жены»* (*«propinqua uxoris eius»*, Greg. Tur. Hist. VIII, 21), хотя по свойству она была и его родственницей. Таким образом, термину родства по свойству *uxor* противопоставляется термин родства по крови *propinquus*. На это же указывает использование терминов *propinquus* и *parens* в сообщении о распутном клирике и его жертвах: родственники соблазненной им женщины, которая не была замужем, называются *propinquus*, а родственники замужней — *parens* (см. Greg. Tur. Hist. VI, 36). Наконец, описывая убийство Рагнахара, короля Камбре, Григорий Турский называет его и его брата Рихара *propinqui* короля Хлодвига, указывая на их кровное родство (см. Greg. Tur. Hist. II, 42). Говоря же о родственниках, которыми пренебрегал Рагнахар и о тех, которых убил Хлодвиг, он использует термин *parens*, включая в их число, по всей видимости, и родственников по свойству.

[1072] В одном из своих вопросов св. Августин уточняет у папы Григория I до какой степени кровного родства верующие могут вступать в брак: *«…За исключением какой степени родства верующие могут вступать в брак с* ***кровными родственниками****?..»* (*«…Usque ad quotam generationem fideles debeant cum* ***propinquis*** *sibi coniugio copulari?...»*, Bede Hist. Eccles. I, 27), и отдельно задает вопрос о браках с родственниками по свойству.

[1073] Cognatus II // Oxford Latin Dictionary. P. 345. См. также: Cognatus II // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 154; Cognata // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 196. Cognatus // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 196; Cognatus // Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. II. P. 392.

[1074] И. Реаль указывает, что существительное *cognatio* также крайне редко использовалось в литературных произведениях разных жанров, созданных на территории Франкского королевства в период раннего Средневековья. (см. Réal I. Vies de saints, vie de famille. P. 99).

[1075] В.Д. Савукова и Л. Торп переводят *cognatus* в этих случаях как «родственник» (см. Григорий Турский. История франков. С. 101, 186; Gregory of Tours. History of the Franks. P. 229, 376). Гизо же в случае с Берегизилом считает его *местем* Евфразия: *«…Le prêtre Euphrasius, fils du sénateur Ennodius... les envoya au roi par son beau—père Bérégésile…»* (см. Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. 1. P. 212), а Авдику называет *зятем* Евриха: *«…Mais, dans l'année, son beau–frère Audica, qui était fiancé à sa sœur…»* (см. ibid. P. 401).

[1076] Р. Крисп считает, что во всех четырех случаях в «Истории франков» *cognatus* следует переводить как *brother-in-law*, хотя и не уточняет какое из значений этого многозначного слова имеет ввиду (Crisp R.P. Opp. cit. P. 246).

случаях, кроме одного[1077], термин используется во множественном числе для обозначения группы родственников. Однако в случае с употреблением *cognati* в «Церковной истории» невозможно с уверенностью утверждать, что Беда Достопочтенный имел в виду, только родственников по свойству (как это было в случае с «Историей франков»). Интересно, что во всех случаях употребления термина во множественном числе, автор «Церковной истории» как бы противопоставляет группе родственников, обозначенной *cognati*, другие группы родственников:

«…ipse nobilitatem religionis non minore quam parentes et cognati uirtute deuotionis exercuit…»[1078] (Bede Hist. Eccles. II, 1);	*«…quam aliquis de tuis parentibus aut cognatis umquam audiuit…»*[1079] (Bede Hist. Eccles. II, 12);	*«…omnes fratres et cognati mei in illa sunt pugna interemti…»*[1080] (Bede Hist. Eccles. IV, 12);

Из приведенных примеров видно, что из группы *cognati*, исключаются кровные родственники (братья). Кроме того, эта группа противопоставляется группе *предков*, обозначенной термином *parentes*. Таким образом, можно предположить, что под *cognati* Беда Достопочтенный имел ввиду группу, состоящую, преимущественно из мужчины (поскольку термин упоминается в контексте совместных действий, в которых могли участвовать только мужчины — служение в церкви, военные действия и т.д.), которые жили в одно время с Эго.

В «Истории лангобардов» *cognatus* упоминается всего 2 раза (см. Pauli Hist. Lang. III, 30, 35). То, что под этим термином Павел Диакон имел в виду родственников по свойству не вызывает сомнений, т.к. для кровных родственников он использовал субстантивированное прилагательное *consanguineus*. Однако не ясно имел ли в виду автор «Истории лангобардов» какую-то конкретную степень родства или указывал только на отношения свойства. Основным термином для обозначения *родственников* в «Истории лангобардов» является *consanguineus* (встречается в тексте 7 раз). Из всех рассматриваемых нами произведений он используется только у Павла Диакона[1081]. Термин употребляется как в единственном, так и во

[1077] Возможно, в этом случае (см. Bede Hist. Eccles. III, 18) Беда более или менее точно указывает степень родства между королями Сигибертом и Эгриком, установить которую в настоящее время мы не в состоянии. Существуют предположения, что Эгрик был либо старшим, либо двоюродным братом Сигиберта (см. об этом в Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England. P. 68; Plunkett S. Suffolk in Anglo–Saxon Times. Stroud, 2005. P. 72; Hoggett R. The Archaeology of the East Anglian Conversion. Woodbridge, 2010. P. 25). Однако это не объясняет использование Бедой в единственном числе термина, который ассоциируется с родством по свойству. Поэтому, вполне вероятно, что, отвергаемая сейчас версия Уильяма Мальмсберийского о Сигиберте как приемном сыне короля Редвальда, а Егрике как родном (см. Willelmi Malmesbiriensis Monachi. Gesta Regum Anglorum. L., 1840. I, 97), близка к истине.

[1078] *«…Он выказывал такое же рвение в церковном благочестии как его предки и родственники…».*

[1079] *«…который никто из твоих предков или родственников никогда не слышал…».*

[1080] *«…все мои братья и родственники были убиты в этой битве…».*

[1081] Один раз в «Церковной истории» Беда Достопочтенный использует однокоренной ему термин *consanguinitas* — *кровное родство* (Bede Hist. Eccles. III, 6). В классической латыни термин имел значение «кровный (близкий) родственник, брат» (см. Consanguineus // Oxford Latin Dictionary. P. 410; Consanguineus I // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 183). В словаре Нирмейера он не встречается, но есть однокоренное с ним слово *consanguinitas – родственники* (Consanguinitas // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 252). В словаре Дюканжа тоже встречается только однокоренное *consanguinitare — кровное родство* (Consanguinitare // Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. II. P. 513).

множественном числе, но относится только к мужчинам-родственникам. Точные степени родства, обозначенные им в единственном числе, установить не представляется возможным (см. Pauli Hist. Lang.IV, 18; VI, 38, 58). Два раза *consanguineus* встречается в описаниях социальных связей (см. Pauli Hist. Lang. IV, 18; VI, 58), четыре раза в сообщениях, которые могут быть отнесены к контексту смерти (см. Pauli Hist. Lang. IV, 37; V, 34; VI, 22, 38) и один раз в сообщении о взаимопомощи (см. Pauli Hist. Lang. IV, 37).

Кроме того, во всех трех «Историях» для указания на родственников используется слов *proximus*. В «Истории франков» в значение *родственник* этот термин встречается четыре раза[1082], в трех случаях во множественном числе, и относится как к мужчинам, так и к женщинам. Установить степени родства, входящие в категорию *proximus*, из текста «Истории» не представляется возможным. Однако в двух случаях это слово употребляется для обозначения родичей за пределами нуклеарной семьи *(«matris, sororum ac proximarum»* Greg. Tur. Hist. I, 25, *«consurgit pater in filium, filius in patrem, frater in fratrem, proximus in propinquum»* Greg. Tur. Hist. V, Praef.), что указывает на *proximus* как на более дальнего родственника. В одном из приведенных выше примеров Григорий Турский использует данное слово в качестве синонима для *propinqus*, что позволяет предположить определенную близость в их восприятии. В «Церковной истории» и «Истории лангобардов» *proximus* в значении *родственник* встречается лишь по одному разу[1083], что затрудняет анализ его восприятия авторами этих трудов. Тем не менее, можно отметить, что, как и в «Истории франков», Беда Достопочтенный и Павел Диакон использую его только во множественном числе.

Определенное сходство функционирование данного слова демонстрирует и при анализе контекстов сообщений наших источников, в которых оно присутствует. Так, Григорий Турский дважды использует его в связи нарушением норма сексуального поведения: рассказывая об императоре Нероне, который совершал инцест со своими родственницами, и о израильтянах, которые убили своих родичей, блудивших с моавитянками. Два сюжета с *proximi* также содержат сообщение о раздорах между ними (Greg. Tur. Hist. II, 10; V, Praef.). При этом, в одном случае последовавшее затем убийство одних родичей другими оправдывается веской причиной (нарушением убитыми заповедей бога Яхве), а во втором осуждается как признак наступления конце света. В связи с последним контекстом упоминается слово и в «Церковной истории», где раздоры с близкими по пустякам приравниваются к грехам (*«dissensionis, cum animos proximorum etiam in superuacuis rebus offendere non formidamus»* Bede Hist. Eccles. III, 19). Павел Диакон прибегает к *proximi* в связи

[1082] Greg. Tur. Hist. I, 25; II, 10; V, Praef., X, 31.
[1083] Bede Hist. Eccles. III, 19. Pauli Hist. Lang. II, 4

со смертью, рассказывая о чуме, которая не позволяла людям хоронить своих близких. Наконец, в одном случае в «Истории франков» речь идет о разделе бездетным турским епископом Францилионом и его женой своего наследства между епархией и своими родственниками. Учитывая контексты, в связи с которыми упоминается *proximus*, можно предположить, что этим словом обозначались, вероятно, кровные родственники, не в ходящие в число членов нуклеарной семьи, но достаточно близкие, чтобы участвовать в наследовании (при отсутствии детей) и мероприятиях связанных с погребением (возможно также в отсутствии членов нуклеарной семьи). При этом сексуальные отношения с ними были запрещены.

В целом, ни в одной из рассматриваемых нами «Историй» не говорится о какой-либо эмоциональной привязанности между родственниками, обозначенными одним из указанных выше терминов[1084]. Тем не менее, *parentes, propinqui*, *cognati* и *consanguinei* занимали важное место в жизни героев «Историй». Об этом свидетельствует наличие пояснений (см. Greg. Tur. Hist. II, 24; 40, 42; Bede Hist. Eccles. III, 24) и сравнений (Bede Hist. Eccles. II, 1, 12). Ни в одной из рассматриваемых нами «Историй» не встречается какой-либо иерархии *parentes* на основе степеней родства или старшинства по возрасту. Однако родственники, занимавшие более высокое социальное положение — такие как короли — могли распоряжаться менее знатными (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 13, 14; VI, 16). Само положение человека в обществе во многом определялось его родственными связями: как самим фактом их наличия[1085], так и возможностями, которые они предоставляли[1086]. В случае *parentes*, *propinqui*, *cognati* и *consanguinei* отношения строятся, скорее, на долге и взаимных обязательствах.

Поведение родственников было подчинено определенным нормам. Об этом можно судить по описаниям девиаций в отношениях между ними: насмешки над родственниками (см. Greg. Tur. Hist. II, 29), пренебрежение (см. Greg. Tur. Hist. II, 42; Pauli Hist. Lang. IV, 37)[1087], оскорбления (см. Greg. Tur. Hist. X, 12), поддержка противника в случае конфликта (см. Greg.

[1084] Только один раз Григорий Турский упоминает, что родственники скорбели об убитом *(«parentes condolentes propinqui exitum»*, Greg. Tur. Hist. V, 5).
[1085] В сообщение о голоде в Бургундии, Григорий Турский рассказывает, о некоем Экдиции, который за свой счет кормил голодных, при этом особенно подчеркивается его знатное происхождение (*«ex senatoribus»*) и родство с епископом Сидонием (см. Greg. Tur. Hist. II, 24). Рассказывая о пресвитере Сильвестре, несостоявшемся епископе Лангра, Григорий Турский упоминает, что он был в родстве с его семьей и блаженным Тетриком, предыдущим лангрским епископом (см. Greg. Tur. Hist. V, 5). Также повествуя о турских епископах Перепетуе и Волузиане, он упоминает их родственные связи с их предшественниками на епископской должности (см. Greg. Tur. Hist. X, 31). В «Истории лангобардов» назначение Аригия на должность герцога Беневента также объясняется его родством с Гизульфом, герцогом Форума Юлия (см. Pauli Hist. Lang. IV, 18). Не забывает Павел Диакон упомянуть и про родство короля Агилульфа с королем Автари, которому он наследовал (см. Pauli Hist. Lang. III, 35). По всей видимости, оба автора считали, что именно родство давало этим их героям преимущественные права на должности, на которые они претендовали. Однако родственные связи могли и препятствовать продвижению человека в обществе. Нападение и ограбление королевского врача Марилейфа Григорий Турский объясняет именно его плохими родственными связями: (Greg. Tur. Hist. VII, 25). Родственники также могли страдать в случае опалы одного из них (см., например, Pauli Hist. Lang. VI, 22, 58).
[1086] Пресвитер Евфразий через своего родственника Берегизила передает королю подарки с целью получить должность епископа (см. Greg. Tur. Hist. IV, 35).
[1087] По мнению Григория Турского именно недостойное обращение Рагнахара с родственниками стало причиной недовольства его подданных своим вождем (Greg. Tur. Hist. II, 42).

Tur. Hist. VIII, 2; Pauli Hist. Lang. III, 19[1088]). К ним же относилось и убийство родственника[1089]. Кроме того, родственники проводили совместно время (см. Greg. Tur. Hist. III, 15), могли становиться духовными родителями друг другу (см. Greg. Tur. Hist. X, 28) и заключать браки между собой (см. Bede Hist. Eccles. I, 27). Женщины могли быть включены в такие *родственные* практики как: совместный прием пищи, забота о больном, брачные вопросы, погребение и наследование. Интересно, что, за исключением имущественных вопросов, взаимодействие женщины с группой *родственников* происходит опосредованно, чаще всего через старшего родственника мужского пола — мужа, отца, или короля[1090]. Таким образом, женщины–родственницы находятся в подчиненном положении по отношению к мужской части группы, имея возможность действовать самостоятельно только при решении вопросов, связанных с имуществом и наследственными правами.

Родственники должны были помогать друг другу[1091]: в ситуациях военных действий и споров (см. Greg. Tur. Hist. II, 27; VII, 47), при получении должностей и имущества (см. Greg. Tur. Hist. IV, 35; IX, 39; X, 16[1092], Bede Hist. Eccles. IV, 23), защите чести (см. Greg. Tur. Hist. V, 32; VI, 36), в семейных спорах (см. Greg. Tur. Hist. IX, 39), выкупе из плена (см. Greg. Tur.

[1088] Переход герцога Дрокульфа на сторону врага, воспринимается как непростое решение, довольно необычное для того времени. Родственники были обязаны друг другу если не эмоциональной привязанностью, то, по крайней мере, взаимной поддержкой. При этом насколько справедлив родственник в своих притязаниях и устремлениях было не так уж важно. Так, король Гунтрамн ставит в укор епископу Палладию не то, что он поддержал неправого в своих притязаниях Гундовальда, а то, что он сделал это будучи его — короля — родственником.

[1089] Хотя последнее осуждалось как языческой, так и христианской моралью, в «Истории франков» содержится большое количество сообщений о преступлениях подобного рода, когда политические интересы брали верх над чувством родства. Не решаясь напрямую осуждать представителей власти (см. Greg. Tur. Hist. III, 23; VI, 43; так же поступает и Павел Диакон см. Pauli Hist. Lang. VI, 38), Григорий Турский вкладывает слова о нежелательности подобных действий в уста короля Хлодвига, сразу же после сообщения об организованном им заговоре против короля Кельна Сигиберта (см. Greg. Tur. Hist. II, 40). Таким образом, автор «Истории франков» демонстрирует не только двуличность Хлодвига, но и других королей, совершавших подобные преступления (см., например, Greg. Tur. Hist. III, 23). Беда Достопочтенный относит убийство родственниками друг друга к языческим пережиткам и проискам дьявола (Bede Hist. Eccles. IV, 22).

[1090] Так, подозревая женщину в неверности, родственники ее мужа приходят к ее отцу, но не к ней самой, и ее отец клянется в ее невиновности (см. Greg. Tur. Hist. V, 32). Ища защиты от домогательств, другая женщина приходит к мужу, а он обращается к родственникам (см. Greg. Tur. Hist. IX, 36). Девушка, убившая напавшего на нее франка, получает охранную грамоту от короля, запрещающую родственникам убитого мстить ей (см. Greg. Tur. Hist. IX, 27). Другая девушка, вышедшая замуж против воли ее родственников, после замужества находится под защитой мужа (см. Greg. Tur. Hist. IX, 16). Только вопросы имущества/наследования решаются женщинами «напрямую». Стремясь заполучить пост аббатисы Хродехильда обращается к своим родственникам–королям (см. Greg. Tur. Hist. IX, 39). Желая получить имущество матери после ее смерти Бертегунда также апеллирует к королю (см.: Greg. Tur. Hist. X, 12).

[1091] Р. Крисп утверждает, в частности, что король остгов Теодорих (или Кассиодор, который писал письма от его имени) считал мир и сотрудничество между родственниками божественным законом («divine law»). См. об этом Crisp R.P. Opp. cit. P. 15-17. Хотя вопрос о том насколько распространено было подобное восприятия принципов родственных отношений в раннесредневековых сообществах нуждается в дальнейшем изучении.

[1092] Видимо, в данном случае, речь идет, с одной стороны, об отце короля Гунтрамна Хлотаре I, который, в то же время являлся дедом Хильдеберта II, Хродехильды и Базины. С другой стороны, Гунтрамн также приходился им дядей. Наконец, отцы Хильдеберта и Базины были женаты на родных сестрах Галсвинте и Брунгильде Вестготских. Как сам Хлотарь I, так и его сыновья, их жены и другие члены королевского дома могли делать вклады в этот монастырь. Скорее всего, под *«domnorum regum parentum vestrorum»*, подразумеваются не только родители Хильдеберта и Гунтрамна, но и родители Хродехильды и Базины, а также другие их общие родственники. Принцессы–монахини, явно претендуют на это имущество, как принадлежавшее и их родственникам тоже. Таким образом, русский перевод *«…Что касается монастырского имущества и даров государей–королей, ваших родителей, то все это, как они признались, находится у них, и они добровольно никоим образом его нам не возвратят…»* (см. Григорий Турский. История франков. С. 299), на наш взгляд не совсем точен. Например, в английском варианте: *«…For the rest, as to the property of the monastery and the deeds given by the kings your kinsmen which have been stolen, and which they say they have but disregard our orders and fail to return…»* (см. Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by E. Brehaut. N. Y., 1916. P. 243). Л. Торп же и вовсе называет их предками (см. Gregory of Tours. History of the Franks. P. 575).

Hist. III, 13), заботе о больных, женщинах и детях (см. Greg. Tur. Hist. VI, 6; Bede Hist. Eccles. IV, 23; V, 24). Другой их важной обязанностью было обеспечение достойного захоронения и поминовения (см. так же Pauli Hist. Lang. V, 34). Именно *parentes proximi* заботятся о погребении Клавдия — убийцы Эберульфа (см. Greg. Tur. Hist. VII, 29). Посмертная забота о чести могла проявляться в попытке судебного преследования виновного, мести или в получении вергельда. Из всех рассматриваемых нами «Историй» только в «Истории франков» встречается упоминание об одной попытке судебного разбирательства, где фигурируют *parentes* (см. Greg. Tur. Hist. VII, 23). В изображении Григория Турского принятие вергельда вместо мести за убийство родственника воспринималось сообществом как бесчестный поступок, как попытка нажиться на его смерти. В «Истории франков» присутствуют только одно упоминание о выкупе за убийство, где убийца напрямую заявляет родственнику убитых, что тот обогатился на их смерти (Greg. Tur. Hist. IX, 19), сам же родственник признает свой поступок бесчестным (Greg. Tur. Hist. IX, 19). В «Церковной истории», различные способы искупления вины, в т.ч. принятие вергельда подается как норма для сообщества (Bede Hist. Eccles. III, 24; см. так же Bede Hist. Eccles. IV, 21), а кровная месть — пережиток варварства (Bede Hist. Eccles. IV, 22).

Наиболее распространенной реакцией на убийство родственника во франкском королевстве, а возможно и в англосаксонской Британии, оставалась попытка мести (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; VI, 17; VII, 47; VIII, 18; IX, 27; X, 27; Bede Hist. Eccles. IV, 22). Григорий Турский, несмотря на свое галло-римское происхождение, относится к ней не однозначно: в целом, данный социальный институт вызывал его осуждение, однако в отдельных случаях он изображает лиц, вершащих ее, как исполнителей божественной воли, и оправдывает их действия библейскими цитатами (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; IX, 19). Кровная месть, в его изображении, практиковалась даже в среде евреев и галло-римлян (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; VI, 17)[1093]. Она служит оправданием убийце: «…*Vitam peto, o gloriose rex, eo quod occider imhomine, qui, parentes meus clam interfectis, resomnes diripuerunt…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 19)[1094].

[1093] Младший брат Григория Турского Петр стал жертвой кровной мести: будучи обвинен в убийстве своего родственника Сильвестра, который занял должность епископа Ланграа вместо него, он оправдывает себя в епископском суде, но сын покойного, недовольный судебным решением, убивает брата Турского епископа. Семья Григория не преследует убийцу, объявленного вне закона и бежавшего в соседнее королевство. Причиной этого может быть, как положение, которое занимал Григорий, оставшийся старшим мужчиной в семье, так и невозможность «достать» убийцу, который не просто бежал к королю Хильперику, но еще и скрывался. Однако, его настигает божественное правосудие (*«побуждаемый невинно пролитой кровью, вопиющей ко господу»*) в виде кровной мести со стороны родственников другого убитого им человека (*«…По праведному суду божиему презренный, без вины убивший ближнего своего, нашел такой же конец, недолго оставаясь безнаказанным…»*) (см. Greg. Tur. Hist. V, 5; см. об этом также Wood I. The Individuality of Gregory of Tours // The World of Gregory of Tours. Leiden, 2002. P. 40–41; Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines. P. 24–25).

[1094] *«…Я прошу сохранить мне жизнь, о славный король, за то, что я убил людей, тайно умертвивших моих родственников и похитивших их имущество…».* Можно провести параллель между этим эпизодом и рассказом об организации королевой Фредегондой покушения на короля Хильдеберта (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 29): женщина обещает наградить убийц или их родственников, в случае смерти первых.

Даже прямой королевский запрет не всегда был способен остановить ее (см. Greg. Tur. Hist. IX, 27; X, 27)[1095].

Все это делает отсутствие родственников или их смерть событием, достойным сожаления[1096] (см., например, Greg. Tur. Hist. II, 42[1097]; X, 29). Оно означало, прежде всего, лишение поддержки и защиты. По этой причине, в опасный момент жизни Клавдий, убийца Эберульфа, желает как можно скорее оказаться среди родни (*«…Martine beatissime, fac me uxorem cum parentibus cito videre…»,* см. Greg. Tur. Hist. VII, 29). Родственники же укрывают Храмнезида после убийства Сихара (см. Greg. Tur. Hist. IX, 19).

Вышесказанное позволяет сделать несколько выводов. Мы можем заключить, что группа родственников играла важную роль в жизни индивида в рассматриваемых обществах. Очевидно, что наши авторы выделяют вокруг Эго несколько групп родственников, образованных по разным основаниям, и обозначают их разными терминами. Григорий Турский, прежде всего, выделяет *parentes*, к которым относились как мужчины, так и женщины, родственные Эго по крови и по свойству, без учета латеральности. Анализ, сообщений, в которых встречается термин, позволяет предположить, что в число *parentes* включались родственники в основном 1–3 степени родства. Термином *propinquus(a)* автор «Истории франков» обозначал, скорее всего, только кровных родственников, возможно проживающих в непосредственной близости от Эго. Словом *cognatus(a)* турский епископом передавал родство по свойству. Необходимо отметить, что термин *parentes* указывает именно на группу родственников (т.к. употребляется в абсолютном большинстве случаев во множественном числе), а *propinquus* и *cognatus* – на отдельных индивидов (поскольку в основном встречаются в единственном числе). Беда Достопочтенный выделяет группу *propinqui*, куда, судя по использованию слова в тексте «Церковной истории», входили только кровные родственники. Термином *cognati* автор «Церковной истории» обозначал группу

[1095] Фраза *«…Ex hoc parente sutrius queintersesae vientes…»* в русском переводе В.Д. Савуковой выглядит как *«…из–за этого отцы той и другой стороны враждовали…»* (см. Григорий Турский. История франков. С. 309), хотя предыдущие эпизоды, рассказывающие о кровной месте, указывают на участие более широкого круга родственников. В этой же главе содержится сообщение о том, что после убийства глав семей на пиру у королевы Фредегонды, *«…когда их родственникам стало известно об этом, они стали неотступно следить за Фредегондой…»* (*«...cum parentibus perlatum fuisset, custodire arctius Fredegunde coeperunt…»*, Greg. Tur. Hist. X, 27). В английских переводах Брео и Торпа речь идет о родственниках, а не об отцах: *«…the kinsmen on both sides raged at one another… she invited many to a feast and caused these three to sit on the same bench…»* (см. Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by E. Brehaut. P. 246); *«…relations of each of two families started quarrelling with each other… She invited a great number of people to supper and she made the three survivors sit on the same bench…»* (Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. P. 587). Оба переводчика, по всей видимости, следуют за вариантом перевода Гизо *«…Les parents des deux côtés s'élevèrent alors les uns contre les autres… Ayant invité un grand nombre de gens à un festin, elle les fit asseoir tous trois sur un même banc…»* (см. Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. 2. P. 141). На наш взгляд, такой перевод более обоснован.

[1096] Павел Диакон в связи с предсказанием смерти короля Автари упоминает и смерть его родственника, о котором ничего не говорит ни до, ни после этого (см. Pauli Hist. Lang. III, 30), что свидетельствует о важности самого факта этой смерти. Исключением является смерть для мира — уход в монастырь (см. Bede Hist. Eccles. V, 19). См. об этом Crisp R.P. Opp. cit. P. 45.

[1097] Несмотря на то, в изображении Григория Турского, Хлодвигом, произносящим данные слова, движет вовсе не горе, а коварства *(«…это он говорил не из жалости к убитым, а из хитрости: не сможет ли он случайно обнаружить еще кого-либо [из родни], чтобы и того убить…»*, Григорий Турский. История франков. С. 59), очевидно, что его поведение опирается на существовавшие в обществе представления о переживаниях человека, лишившегося родственников.

родственников Эго, состоящую только мужчин – его современников. Было ли их родство только кровным, или в число *cognati* входили и родственники по свойству, точно установить не удалось. Павел Диакон для указания на кровных родственников предпочитал использовать термин *consanguinei*, которым он обозначал только мужчин. Точные степени родства в рамках этой группы установить не удалось. Для родственников по свойству автор «Истории лангобардов» применяет слово *cognatus*.

Ни один из авторов не говорит об эмоциональной привязанности между индивидом и группой родственников. В тоже время, предпочтение не родственников родственникам в любых жизненных ситуациях считалось девиацией. Анализ источников, позволяет предполагать, что, в восприятии наших авторов, отношения между ними строились на основе чувства долга и взаимных обязательств. Поведение родственников подчинялось определенным нормам, и должно было строиться на взаимном уважении (насмешки над родственниками, их оскорбления осуждались). Среди обязательств можно отметить взаимопомощь в трудных жизненных ситуациях (конфликтах, военных действиях, имущественных спорах), покровительство, протекцию и защиту, заботу в случае болезни, кровную месть, достойное погребение и т.д. Родственники присутствовали в жизни ЭГО и вне указанных выше ситуаций. Вместе они могли проводить время, участвовать в крестинах и других важных событиях в жизни друг друга, заключать браки между собой. Вышесказанное, как и тот факт, что само положение индивида в обществе зависело от его родственных связей, объясняет, почему наши авторы изображают отсутствие родственников или их смерть, как достойное сожаления, а их убийство осуждается.

Еще одним словом, которое обозначало социальную группу, в состав которой входило родственники, было слово *familia*. Оно встречается в «Истории франков» Григория Турского достаточно редко — всего 14 раз (в остальных его произведениях в совокупности оно упоминается еще 15 раз), в «Церковной истории» Беды Достопочтенного — 26 раз, и лишь 1 одно упоминание термина присутствует в «Истории лангобардов» Павла Диакона. В других известных раннесредневековых исторических нарративах — «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобардов» Слово *familia* используется в наших источниках в основном в единственном числе и представляет собой собирательное существительное, которое у Григория Турского часто выступает как часть словосочетания *omnis familia*, а у Беды Достопочтенного сочетается с притяжательным местоимением. Во множественном числе оно встречается только в словосочетании *pater/mater familias*[1098].

[1098] А также в выдержках из Ветхого Завета, которые цитирует аббат Кеолфрид в письме к королю пиктов Нейтону (см. Bede Hist. Eccles. V, 21(2)).

Анализ случаев употребления Григорием Турским слова *familia* показывает, что он использовал его для обозначения социальных групп, существовавших как у галло-римлян, так и у франков. Вероятно также, в меровингской Галлии имели место и *familia* смешанного этнического состава. Согласно турскому епископу *familiae* были у королей франков (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 5, 45), у знатных франков (см., например, Greg. Tur. Hist. V, 20, IX, 12, 27[1099]) и у представителей галло-римской аристократии (см., например, Greg. Tur. Hist. IV, 39; VI, 13; X, 29). Однако необходимо иметь ввиду, что в большинстве случаев сложно установить этническую принадлежность глав *familiae*, поскольку в основном для этой цели мы располагаем лишь их именами, которые не могут однозначно указывать на этническую принадлежность их носителей[1100]. Более точно поддается определению социальное положение *pater* и *mater familias*. *Familiae* в произведениях турского епископа существовали у всех слоев населения[1101], за исключением рабов, и даже у церковных организаций[1102]. На то, что Григорий Турский воспринимал эту социальную группу как широко распространенную в описываемом им обществе и знакомую его читателям, указывает упоминание *familia* в связи с лицом без указания его этнического происхождения или социального положения: *«…Sed nec illud silendum putavi, quod reliquiae eius ab incendio hostilitatis creptae, a quodam nomine in Lemovieino delatae sunt. Qui cum saepius admoneretur per visum, ut easdem Aridio abbati deferret, nec iussionem impleret, ipse cum coniuge et omni familia aegrotare coepit…»*[1103].

Более сложным остается вопрос о составе этих социальных групп, а если точнее, считались ли родственники *pater*/*mater familias* ее рядовыми членами или же они выделялись в особый коллектив? Изучение произведений Григория Турского позволяет предположить, что в целом он придерживался классического представления о составе *familia*. В его сочинениях преобладает использование слова *familia* в значении «домочадцы, подвластные одному человеку». В число последних входили слуги, рабы и зависимые[1104]: *«…Ursus autem se in Villavo territurio contulit. Cumque res eius huic consignarentur, et hic in Villavum accessit. Ingressusque unam Ursi domum, [Andarchius] caenam sibi praecepit praeparare atque aquas quibus*

[1099] О принадлежности Урсиона и Бертефреда к франкской аристократии см. Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIA. AD 527–641. Cambridge, 1992. P. 227; idem. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIB. AD 527–641. Cambridge, 1992. P. 1395).

[1100] Так, дядя матери Григория Турского, семья которой принадлежали к галло-римской аристократии, носил германское имя Гундульф (Förstemann E.W. Altdeutsches Namenbuch. München, 1856. S. 570) (подробнее о нем см., например, (Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIA. P. 568). Братом герцога Лупа, также происходившего из галло-римской знати (см. Григорий Турский. История франков. С. 386; Jones A. E. Social Mobility in Late Antique Gaul. Cambridge, 2009. P. 104-107), был епископ Тулузы с германским именем Магнульф [Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIB. P. 798-799), а сыновей герцога звали Иоанн и Ромульф (см. Greg. Tur. Hist. X, 19; Jones A. E. Social Mobility in Late Antique Gaul. P. 105). Подробнее об этом см. Halsall G. The Barbarian invasions // The New Cambridge Medieval History. 2005. Vol. 1. Cambridge. P. 53-54).

[1101] В качестве глав семей упоминаются крестьяне, зависимые от Григория Турского (Gregorius Episcopi Turonensis De Virtutibus Sancti Martini Episcopi // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 209), и его слуги (ibid. P. 155).

[1102] См., например, idem. Liber in Gloria Confessorum // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 312.

[1103] idem. Liber in Gloria Martyrum // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 66.

[1104] Ср. с единственным упоминанием *familia* в «Истории лангобардов»: *«…Erat quidam parvus homunculus ex propria familia Godeperti oriundus in civitate Taurinatium…»* (Pauli Hist. Lang. IV, 51).

ablueretur calefieri iubet. Sed cum servi domus minime rudi domino… Turbata ergo ***familia****, praeparatur caena, abluetur hic aquis calidis, inebriatur vino et se collocat super stratum… Cumque non minus somno quam vino sepulti altius obdormissent,* ***congregata familia****, ostia domus, quae erat ex ligneis fabricata tabulis, claudit…»*[1105] (Greg. Tur. Hist. IV, 46).

В *familia* включались и родственники: *«…Tunc Sigivaldus cum rege praepotens cum* ***omni familia sua*** *in Arverna regione ex regis iussu migravit. Ubi dum multorum res iniuste conpeteret… sed mense tertio, postquam adgressus est, correptus a febre et sine sensu effectus, declinavit capud ad lectulum. Cuius uxor dum de hoc exitu maesta penderet, a quodam sacerdote commonita est, ut eum si videre vellet incolomem auferret a villa…»*[1106]. В то же время, в ряде случаев турский епископ особо выделяет наиболее близких из них (детей, супруга/супругу, мать и сестру) среди членов *familia*[1107]: *«…Sed pro his commota tandem divina maiestas ulta est in* ***familia Prisci episcopi****.* ***Nam coniux eius*** *daemone arrepta, dimissis crinibus per totam urbem insana vexabatur, et sanctum Dei, quem sana negaverat, amicum Christi confessa, ut sibi parceret, declamabat.* ***Episcopus ille*** *a tipo quartano correptus, tremorem incurrit. Nam cum typus ille recessisset, hic semper tremens habebatur ac stupidus.* ***Filius quoque omnisque familia*** *decolor esse videbatur ac stupida, ut nulli sit dubium, eos a sancti viri virtute percussos. Semper enim* ***Priscus episcopus eiusque familia*** *contra sanctum Dei nefariis vocibus oblatrabant, ipsumque sibi amicum esse dicentes, quicumque de eo inproperia evomuisset…»*[1108] (Greg. Tur. Hist. p.168-169). Определить положение более дальних родственников по отношению к *familia* не представляется возможным по причине отсутствия упоминаний о них в связи с этой социальной группой в «Истории франков». Велика вероятность, что они не считались ее частью, в отличие от членов нуклеарной семьи (жена, сын, дочь, муж), которые, напротив, фигурируют при ее упоминании.

[1105] *«…Придя в один из домов Урса, он [Андархий] приказал приготовить ему обед и согреть воды для купания. Но так как рабы в доме не послушались нового хозяина, то он их избил… И вот после того как он привел в трепет весь* ***дом****, ему приготовили обед, искупали его в теплой ванне, напоили вином и уложили в постель. И когда их свалил не только крепкий сон, но и вино,* ***собравшаяся прислуга*** *заперла двери дома, сделанные из деревянных досок…»* (Григорий Турский. История франков. С. 109).

[1106] Gregorius Episcopi Turonensis Liber de Virtutibus Sancti Iuliani // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 120.

[1107] Ср. с *«…И тот, кто вызывает другого на суд, в сопровождении свидетелей должен прийти к его дому и, если последний окажется в отсутствии, должен позвать* ***жену или кого-либо из его домашних*** *с тем, чтобы они известили его о вызове на суд…»* (Салическая правда / Пер. с лат. Н.П. Грацианского. М., 1950. С. 13) (*«…Ille autem qui alium mannit cum testibus ad domum illius ambulet, et sic eum manniat.* ***aut uxorem illius vel cuicumque de familia illius*** *denuniet, et ei faciat notum, quo modo ab illo est mannitus…»* (Lex Salica: the Ten Text with the Glosses and the Lex Emendata. L., 1880. P. 1).

[1108] *«…Но наконец могущественный господь разгневался на них и совершил возмездие* ***семье епископа Приска****.* ***А именно: его жена****, охваченная злым духом, металась с распущенными волосами по всему городу в безумии и громко просила святого божия, кого в здравом уме она отвергла, а теперь признавала другом Христовым, пощадить ее. На* ***самого же епископа*** *напала четырехдневная лихорадка и трясла его. Когда же эта лихорадка отступила, то он все время трясся и оставался слабоумным.* ***Его сын и все домочадцы*** *казались бледными и слабоумными, так что ни у кого не было сомнения в том, что их поразила сила святого мужа. Но* ***епископ Приск и все его домашние*** *продолжали ругать святого безбожными словами и считали своим другом всякого, кто поносил его…»* (Григорий Турский. История франков. С. 102). См. также (Greg. Tur. Hist. VI, 5).

По мнению П.Ш. Габдрахманова Григорий Турский «выводит ближайших родичей главы дома за пределы его familia»[1109]. Данное утверждение представляется не вполне оправданным после анализа всего комплекса произведений турского епископа. В «Книге о доблестях св. Юлиана» Григорий рассказывает о слуге, *familia* которого была наказана за то, что ненадлежащим образом обошлась с реликвией св. Мартина Турского: *«…Fide commonente, quidam ex nostris lignum venerabilem de cancello lectuli, quod est ad monasterium sancti domni, me nesciente, detulerat, quod in hospitiolo suo pro salvatione retenebat. Sed — credo, non sic honorabatur aut diligebatur, ut sibi decuerat — coepit* ***familia*** *eius graviter aegrotare. At ille nihil moratus mihi exhibuit. Quod ego cum summa veneratione collectum loco digno reposui. Et sie* ***omnis familia in domo*** *eius sanata est, ita ut nemo ibidem deinceps aliquid mali perferret…»*[1110]. Кажется маловероятным, что в *familia* зависимого (*«ex nostris»*) от Григория Турского человека, который проживал в *hospitiolum*, входил кто-то кроме его самых близких родственников[1111]. Этот пример, а также на другие, приведенные выше[1112], говорят, скорее о том, что ближайшие родственники в восприятии Григория Турского не выводились за пределы *familia*, но выделялись в ней особую группу.

В качестве возможных причин подобного выделения можно рассмотреть несколько факторов. Выделение членов нуклеарной семьи в особую группу в рамках *familia* могло происходить под влиянием родственных отношений в среде франков. Очевидно, что у германцев отсутствовали родственные коллективы аналогичных римской *familia*, хотя, например, Тацит активно использует этот термин для описания коллективов родственников в «Германии»[1113]. Григорий Турский также относит появление *familia* у франков ко времени до основания ими королевства в Галлии. В то же время его рассказ о том, как франки выбрали своих первых королей, позволяет предположить несколько иной состав их *familia*: *«regis crinitos super se creavisse de* ***prima et****, ut ita dicam,* ***nobiliore suorum familia****»*[1114] (Greg. Tur. Hist. II, 9). Кажется маловероятным, что в число членов первой и знатной *familia* франков

[1109] Габдрахманов П.Ш. Представления о семье в раннесредневековую эпоху: понятие familia/domus и его эволюция в VI–XI вв. // Европейская педагогика от античности до Нового времени // Исследования и материалы: сборник научных трудов. Ч. I. М., 1993. С. 169.

[1110] Gregorius Episcopi Turonensis Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 155.

[1111] *Hospitiolum* в произведениях Григория Турского называется небольшой жилой дом, в котором проживали супруги (возможно с детьми, (Gregorius Episcopi Turonensis Liber Vitae Patrum // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 257) из числа бедняков *(«pauperum hospitiola»*, (Greg. Tur. Hist. P. 385; idem. De Virtutibus Sancti Martini Episcopi // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 169, 195) и рабы (ibid. P. 189), а также одинокие люди (ibid. P. 160, 196; idem. Liber in Gloria Confessorum. P. 349; idem. Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 123).

[1112] См., например, Gregorius Episcopi Turonensis Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 120; idem. De Virtutibus Sancti Martini Episcopi. P. 208–209.

[1113] См. Tacitus. Germania // Tacitus. Dialogus, Agricola, Germania. L., 1914. P. 274, 276, 284, 298, 310. Г. Холсол обращает внимание на то, что целью Тацита при создании «Германии» было не сообщить своим читателям достоверные сведения, но подвергнуть критике современное ему римское общество. При этом германцам приписывались черты, которыми, по его мнению, римляне обладали, но утратили, или, напротив, рискуют приобрести, если не изменят своего образа жизни (см. Halsall G. The Barbarian invasions. P. 39). См. также Murray A.C. Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. P. 53–56.

[1114] *«…избрали себе длинноволосых королей из своего первого, так сказать, более знатного рода…»*.

включались рабы и зависимые[1115]. Схожий состав членов возможно был и у англосаксонских *familiae*, которые упоминает в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенный.

Отчасти подобное описание перекликается с информацией, которую сообщает Тацит об отношениях между главой родственного коллектива у германцев и его рабами: *«…Ceteris servis non in nostrum morem, descriptis per* ***familiam*** *ministeriis, utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit*[1116]*. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit, et servus hactenus paret: cetera domus officia uxor ac liberi exsequuntur… Liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, numquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus quae regnantur…»*[1117]. Таким образом, у франков и других германцев в период поздней Античности, вероятно, существовала социальная практика, отдаленно напоминавшая римскую *familia*: мужчине подчинялись, как его ближайшие родственники (жена и дети), так и рабы и зависимые, которые, однако, не составляли при этом единую социальную группу. Возможно, в качестве отдельной родственной группы могли рассматриваться члены нуклеарной семьи, которые, в частности, обладали первоочередным правом наследования имущества ее главы: *«…Inter* ***familiam*** *et penates et iura successionum equi traduntur: excipit filius, non ut cetera, maximus natu, sed prout ferox bello et melior…»*[1118]. Возможно, в процессе близкого проживания галло-римлян и франков имело место взаимовлияние двух социальных практик, в том числе, выделения ближайших родственников в особую группу в рамках галло-римских *familiae*.

Анализ сюжетов, в которых упоминается *familia*, позволяет предположить, что несколько изменилось восприятие отношений между членами *familia*: вместо отношений власти/подчинения в произведениях Григория Турского все чаще стала упоминаться эмоциональная привязанность между ее членами.

В целом сюжеты с *familia* можно разделить на три группы: рассказы о недугах ее членов/ее главы обычно в качестве наказания за прегрешения (часто с упоминанием

[1115] Тоже можно сказать и о *familia* семи спящих отроков из Эфеса: *«…Cum per universum orbem persecutio christianorum exagitaretur, atque idolis vanis sacrificia funesta offerrentur, fuerunt septem viri* ***in palatio regis primi et nobili familia orti****, id est Achillidis, Diomedis, Diogenis, Probatus, Stephanus, Sambatius atque Quiriacus…»* (Gregorius Episcopi Turonensis Passio anctorum martyrum septem dormientium apud Ephysum // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 398). У Павла Диакона, который также включает этот сюжет в свою «Историю лангобардов», упоминание об их происхождение отсутствует (Pauli Hist. Lang. I, 4).

[1116] Ср. с «…Вместе с тем в более поздних памятниках мы сталкиваемся со значительными новациями в осмыслении понятия familia. Пожалуй, наиболее оригинальная его трактовка содержится в «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного (VIII в.), в которой фамилией называется домохозяйство крестьянина на держании — гайде, соразмерной континентальному мансу или гуфе: «terra unius familiae». Очевидно, понятие familia в отношении зависимых крестьян… постепенно начинает приобретать и более узкий смысл — «крестьянское домохозяйство» (Габдрахманов П.Ш. Представления о семье в раннесредневековую эпоху: понятие familia/domus и его эволюция в VI–XI вв. С. 170).

[1117] Tacitus. Germania. P. 298. *«…Рабов они используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей: каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье… Остальные работы в хозяйстве господина выполняются его женой и детьми… Вольноотпущенники по своему положению ненамного выше рабов; редко, когда они располагают весом в доме патрона, никогда — в общине, если не считать тех народов, которыми правят цари…»* (Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии. С. 347). См. также Tacitus. Germania // Tacitus. Dialogus, Agricola, Germania. L., 1914. P. 284.

[1118] Ibid. P. 310. *«…Вместе с рабами, домом и наследственными правами передаются и кони, и получает их не старший из сыновей, как все остальное, а тот из них, кто выказал себя в битвах наиболее отважным и ловким…»* (Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии. С. 350).

эмоциональных переживаний) (Greg. Tur. Hist. p. 168-169, 171, 446)[1119], рассказы о перемещениях (всей *familia* или уход одного из ее членов) (Greg. Tur. Hist. p. 272, 426)[1120], указание на членство в *familia* или положение ее главы (Greg. Tur. Hist. p. 57, 131, 182-183, 228, 283, 317; 523)[1121]. Интересно отметить, что частота упоминаний *familia* в связи с третьим типом сюжета, почти равна количеству упоминаний ее в связи с болезнью ее главы/членов и эмоциональными переживаниями по этому поводу. При этом, последние сюжеты описаны детально и образно:

Членство в *familia* или главенство над ней	**Перемещение *familia* или ее членов**	**Болезнь/смерть главы или члена *familia***
«…Victurina etenim matrisfamilias ex nobili stirpe progenita in villae suae territurio basilicam construxerat reliquiasque martyris beati condiderat…»[1122];	*«…His signis glorificate inter parentes, ne vanae gloriae lapsum ineurreret, sancti Martini antestitis basilicam, relicto coniuge cum familia vel omni domo sua, fideliter expetivit…»*[1123];	*«…ingressus cubiculum, accepto spatio solitudinis, evaginato gladium cornuaque ensis pedibus calcans, acumen ad pectus erexit, inpraessusque desuper gladius, ab una ingressus mammilla, in spadolam dorsi egressus est, erectusque iterum, similiter in alia mammilla perfossus, cecidit et mortuus est… Currit mater exanimis et supra filii corpusculum orbata conlabitur, atque omnes familia voces planctus emittit…»* (Greg. Tur. Hist. p. 170-171).

Очевидно, что членов *familia*, в восприятии Григория Турского объединяет не только подчинение ее главе, но и эмоциональная привязанность[1124], которая находит свое выражение в рыданиях, переживании беспокойства, горя, отчаяния или радости в связи с событиями в

[1119] См. также Gregorius Episcopi Turonensis De Virtutibus Sancti Martini Episcopi. P. 155, 173, 209; idem. Liber in Gloria Martyrum. P. 66; idem. Liber Vitae Patrum. P. 225-226).
[1120] См. также idem. Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 120; idem. Liber Vitae Patrum. P. 287.
[1121] См. также idem. Liber in Gloria Confessorum. P. 300-301, 312; idem. Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 133; idem. Passio anctorum martyrum septem dormientium apud Ephysum. P. 398; idem. Liber de miraculis beati Andreae apostoli // MGH SS rer. Merov. Hannoverae, 1885. V.1.2. P. 389.
[1122] idem. Liber de Virtutibus Sancti Iuliani. P. 133.
[1123] idem. Liber Vitae Patrum. P. 120.
[1124] Ср. с *«…Et licet omnes homines in illo caelestis caritatis vinculo dilegeret, matri tamen ita erat subditus, ut quasi unus ex famulis obaudiret…»* (ibid. P. 242).

жизни этого коллектива. Сами сюжеты, в которых за прегрешение главы *familia* господь наказывает ее членов, говорит о важной роли, которую они играли в жизни *pater/mater familia,* об их страхе и заботе о них.

Интересно отметить, что схожие отношения связывали, в восприятии Григория Турского и членов группы *familiares*. Этимологически это слово, как и слово *familia*, восходи к термину *famulus*[1125]. Анализ его использования Григорием Турским показывает, что в эту категорию включался достаточно широкий круг лиц. Среди них встречаются и приближенные королей и королев (в том числе из числа епископов и клириков[1126]), доверенные слуги[1127], а также друзья святых[1128] и приспешники проходимцев[1129]. Таким образом, всех *familiares* объединяли лишь особые отношения, основанные на доверии и близости, а не на социальном положении. По всей видимости вхождение в круг *familiares*, в первую очередь, определялось отношениями верности и общими интересами, а не подчинением.

Беда Достопочтенный, в отличие от Григория Турского, использует слово *familia* в двух значениях — для указания на социальную группу (9 упоминаний) и как меру площади (17 упоминаний). Очевидно, что для указания на меру площади *familia* используется им в два раза чаще, чем в значении социальной группы. При этом, Беда — единственный, кто использует это слово в таком значении. *Familia* у него является аналогом англосаксонской меры площади гайды. Точные размеры последней могли отличаться в различных районах Англии, но, по мнению большинства исследователей, гайда представляла собой земельный участок, достаточный для содержания одного крестьянского домохозяйства[1130]. В число домочадцев кэрла — хозяина гайды — по мнению исследователей входили члены его семьи, рабы и лэты (полусвободные)[1131]. Таким образом, этот коллектив имел некоторое сходство с римской *familia*, за исключением совместного проживания домочадцев кэрла, что было не обязательным в случае с античной *familia.*

Familia как социальная группа упоминается Бедой у мирян (англо-саксов) и среди духовенства, в отличии от Григория Турского, который упоминает только *familia* мирян из

[1125] De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. P. 200-201; Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938. Bd. 1. P. 452-453.

[1126] *«…Quibus intentis et ora digitis conpraementibus, ego aio: 'Adtenti estote, quaeso, sermonibus meis, o* ***sanctissimi sacerdotes Dei****, et* ***praesertim vos, qui familiariores esse regi*** *vidimini; adhibite ei consilium sanctum atque sacerdotalem, ne exardiscens in ministrum Dei pereat ab ira eius et regnum perdat et gloriam'…»* (Greg. Tur. Hist. V, 18). См. также (Greg. Tur. Hist. V, 20; VI, 4; VII, 20).

[1127] *«…Sed hic cum in hospitiolo quodam reteneretur, timens, ne ad vindictam inimicorum multas lueret poenas, vocatum ad se Gailenum* ***familiarem suum****, ait: 'Una nobis usque nunc et anima et consilium fuit; rogo, ne patiaris me in anima et consilium fuit; rogo, ne patiaris me in manibus inimicorum tradi, sed, accepto gladio, inruas in me'…»* (Greg. Tur. Hist. V, 18). См. также (Greg. Tur. Hist. VII, 40; X, 19; idem. De Virtutibus Sancti Martini Episcopi. P. 185; idem. Liber in Gloria Martyrum. P. 110).

[1128] *«…Igitur Priscus episcopus, qui ei successerat, cum coniuge sua Susanna coepit persequi ac interficere multos de his quos* ***vir Dei familiares*** *habuerat, non culpa aliqua victos, non in crimine comprobatos, non furto deprehensos, tantum inflammante malitia invidus, cur ei fideles fuissent…»* (Greg. Tur. Hist. P. 168).

[1129] *«…Illud saepe* ***suis familiaribus*** *dicere erat solitus, hominem prudentem non aliter nisi in periuriis quis decipere possit…»* (Greg. Tur. Hist. V, 49).

[1130] Stenton F. Anglo-Saxon England. N.Y., 1971. P. 279.

[1131] Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 124.

различных слоев общества, хотя в основном речь идет о королях и знати (которые, в целом, чаще чем представители непривилегированных групп фигурируют в его «Церковной истории»). Беда говорит о *familiae* двух епископов — св. Августина Кентерберийского и Эты Хагустальдунского (Хэксхэмского). В случае с Этой, излечившим немого юношу (Bede Hist. Eccles. V, 2), епископ предлагает последнему войти в его *familia*, однако юноша отказывается, предпочтя вернуться домой (*domum*). В этой связи, обращает на себя внимание, использование понятий *familia* и *domus* как равнозначных. Установить состав *familia* епископа на основании этого сюжета достаточно сложно: епископ был с несколькими спутниками (*cum paucis*), среди которых, вероятно, присутствовали его клирики, а, поскольку он предложил бедняку-мирянину стать частью его *familia*, то в нее входили, по всей видимости, и слуги-миряне.

Подобное восприятие противоречит представлениям о *familia* епископа папы Григория I: судя по его ответам на вопросы св. Августина Кентерберийского, можно заключить, что епископский клир, с его точки зрения, не входил в ее состав (Bede Hist. Eccles. I, 27)[1132]. Таким образом, можно предположить трансформацию восприятия *familia* духовного лица: из группы слуг-мирян (лично свободных или зависимых) у Григория I, в коллектив клириков и слуг-мирян[1133].

Более полное представление о социальной группе, которую Беда обозначал как *familia* можно получить путем анализа терминологии, использовавшейся для передачи данного концепта при переводе «Церковной истории» на древнеанглийский язык. Для передачи слова *familia* в древнеанглийском переводе были использованы термины *hired/hyred*[1134], *hiwan*[1135] и *hioscipes*[1136]*/heowscipe*[1137]*/hiwscipes*[1138]. По всей видимости, коллективы, обозначенные Бедой как *familia*, с точки зрения переводчика, относились к разным группам. Так, судя по анализу древнеанглийского текста «Церковной истории», *hired* представлял собой группу родственников, которые, вероятно, могли не проживать совместно, но, возможно, подчинялись главе коллектива. В отношении *heowscipe* переводчик на древнеанглийский поясняет, что *familia* в качестве меры площади представляла собой количество земли достаточное для одной *heowscipe*, поэтому, вероятно, этим словом обозначалась семья,

[1132] В древнеанглийской версии «Церковной истории» слово *familia* в случае с епископом Этой было передано как *geferscipe*. Этот термин встречается в переводе «Церковной истории» и в других местах, чаще всего, указывая на священников как часть клира епископов (The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Vol. 1-2. London, 1890. P. 248, 272, 398, 466). Им также обозначается окружение аббатов (ibid. P. 254) и королевских особ (ibid. P. 264). Однако при переводе ответов папы Григория на вопросы св. Августина переводчик не прибегает к указанному термину для передачи слова *familia*, а используя вместо него слово *heorod* (ibid. P. 64)/*hired* (The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Cantabrigiae, 1722. P. 489), а клириков обозначает как *Godes þeowum* (The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Vol. 1-2. London, 1890. P. 64).
[1133] А позже и в группу клириков (см. Stenton F. Anglo-Saxon England. P. 149).
[1134] The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Vol. 1-2. London, 1890. P. 36, 124.
[1135] Ibid. P. 230.
[1136] Ibid. P. 422.
[1137] Ibid. P. 332.
[1138] The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Cantabrigiae, 1722. P. 539, 627.

состоящая из мужчины (*hioscipes/hiwscipes fæder*[1139]), его жены и детей, так как любой другой ее состав сильно зависел бы от индивидуальных обстоятельств конкретного человека и не подходил бы для унифицированного измерения. Именно слово *heowscipe* Э. Викли считал эквивалентом латинского термина *familia*[1140]. *Hiwan* представлял собой коллектив проживающих вместе родственников, куда входили и более дальние, чем жена и дети, родичи (например, племянница), подчиняющихся его главе — *higna (higina/hina) aldres(ealdres)*. Словом *hiwan* переводчик также называет группу, епископом которой по желанию короля Альфрида должен был стать св. Вилфрид, обозначенную Бедой как «*suis*» (Bede Hist. Eccles. III, 29). Этот же термин обозначает в переводе на древнеанглийский насельников монастырей Барденей и Эльге[1141].

Анализ сюжетов с *familia* позволяет заключить, что в основе этой социальной группы, с точки зрения Беды, лежало совместное проживание ее членов, определенная эмоциональная привязанность, подчинение членов ее главе, и, возможно, родственные связи/узы верности между вождем и его дружиной. В состав этого коллектива входили жена и дети, а также другие родственники, оказавшиеся на попечении ее главы, например, племянница. Вероятно, что чем выше было социальное и имущественное положение главы *familia*, тем большей членов в нее входило. Однако, с высокой долей вероятности, из нее исключались зависимые и полусвободные слуги и рабы, которые были членами римской *familia*. То, что членов этого коллектива связывали достаточно близкие и стабильные отношения, подтверждается сюжетами, в которых упоминается это слово. В двух случаях оно используется для характеристики социального положения человека, принадлежащего к ней (Bede Hist. Eccles. I, 7)[1142]. В остальных речь идет о крещении/знакомстве с основами христианства (Bede Hist. Eccles. II, 9; III, 23) или болезни/смерти ее главы/члена (Bede Hist. Eccles. III, 9; V, 12)[1143].

Таким образом, *familia* в восприятии Григория Турского, включала всех подвластных ее главе людей, как свободных, так и несвободных, как его родственников, так и не связанных с ним отношениями родства. Членство в *familia* у франков и англосаксов, напротив, скорее всего, основывалось на родстве кровном, духовном, возможно родстве по свойству, а подчинение ее главе могло не играть значительной роли.

В тоже время, мы можем наблюдать некоторое изменение семантики латинского термина *familia* в «Истории франков» Григория Турского. Хотя в состав *familia* в обычном для него понимании по-прежнему входили все подчиненные ее главе люди (в т.ч. рабы и

[1139] The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Vol. 1-2. London, 1890. P. 422; The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Cantabrigiae, 1722. P. 627.
[1140] Weekley E. An Etymological Dictionary of Modern English. L., 1921. P. 547.
[1141] The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People. Vol. 1-2. London, 1890. P. 182, 318.
[1142] См. также Venerable Bede. Vita Sancti Cuthberti // Works of Venerable Bede. L., 1843. Vol. 4. P. 101.
[1143] См. также ibid. P. 122.

зависимые), среди них иногда выделяются члены его нуклеарной семьи. Это могло быть результатом влияния существовавших у франков родственных коллективов, которые Григорий Турский по аналогии с галло-римскими называл *familia*, но в которые, судя по тексту «Истории франков», входили только родственники и/или люди, имеющие особые отношения с ее главой. По всей видимости, последние, как и германцы в целом, предпочитали не включать в свой ближний круг зависимых и несвободных людей, отдавая предпочтение родственникам. Однако, живя бок обок с галло-римлянами, по крайней мере франкская знать могла перенять часть социальных практик своих соседей, в частности, включить в число своих приближенных доверенных слуг и рабов.

Что касается слова *familia* в произведениях Беды Достопочтенного, то сравнительный анализ «Церковной истории» и ее перевода на древнеанглийский язык показал, что эти словом он описывал три различных коллектива, существовавших в англосаксонском обществе. Состав этих групп, основания для объединения и отношения между членами этих групп были различными. Объединяло их, вероятно, подчинение единому главе, что и позволило Беде обозначат их общим термином *familia*. В то же время большое значение в этих группах могло играть родство, одинаковое социальное положение, а в некоторых случаях и совместное проживание их членов, а также эмоциональная привязанность между ними. Не совсем ясным остается вопрос о том, включались ли полусвободные и рабы в число членов этих коллективов. Тем не менее, очевидно, что уже в период раннего Средневековья в англосаксонском обществе существовали коллективы, обладающие основными чертами нуклеарной семьи (совместное проживание, родство членов не далее третьего колен, эмоциональная привязанность), которые описываются латинским термином *familia*.

Можно отметить, что общим изменением, по сравнению с римской *familia*, стало восприятие Григорием Турским и Бедой Достопочтенным эмоциональной привязанности как неотъемлемой части/основы отношений между членами этого коллектива, о чем свидетельствует значительное число упоминаний *familia* в связи с болезнью/смертью ее главы или членов[1144].

[1144] Другой интересной особенностью текстов турского епископа, является преобладающее использование сюжетов с участием данной группы в исторических нарративах и повествованиях о чудесах. Это обстоятельство, скорее всего, объясняется тем, что, согласно господствующему в рассматриваемый период представлению, родные и близкие не играли важной роли в жизни святых (см. об этом подробнее в Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. Расставание как испытание чувств: эмоциональный фон рассказов о разлуке с родственниками в сочинениях Григория Турского и Беды Достопочтенного // Диалог со временем. М., 2019. №69. С. 90–106), с чем и связано отсутствие *familia* в повествованиях об их жизни. При этом, если в историческом нарративе преобладает упоминание этого коллектива в связи с идентификацией социального положения связанных с ней лиц, то в повествованиях о чудесах число этих сюжетов равно количеству рассказов об эмоциональных переживаниях членов *familia*, что в целом соответствует жанровым особенностям отражения родственных отношений в произведениях различных жанров, отмеченных И. Реаль (Real I. Vies de saints, vie de famille. Turnhout, 2001. P. 472-474).

3.3. Переживание квазиродственных связей

К. Леви-Стросс отмечал, что социальная организация примитивных обществ основана на личных отношениях между индивидами. Даже если члены таких обществ сильно рассеяны, социальные связи в них представляют собой прямые взаимодействия, моделями для которых в основном служат отношения родства. В таких обществах не биологическое родство, а его концепт, играл главную роль во взаимоотношениях между людьми. Ценность семейных уз была настолько высока, что они считались неразрушимыми, поэтому их воспроизводство в неродственных группах придавало им стабильность и смягчало отношения зависимости и подчинения[1145].

В рассматриваемых нами «Историях» упоминаются несколько концептов метафорического родства в рамках церковной доктрины, модели отношений внутри церкви и между ее представителями и мирянами[1146]. Прежде всего, в них воспроизводятся отношения *отец/мать — сын/дочь/дети*, отношения между *братьями и сестрами* и отношения *жених — невеста*. При этом используются те же термины, что и при описании фактического родства, а на отношения между людьми, обозначенными ими, могут частично переноситься особенности взаимодействий между кровными родственниками. Кроме того, в рамках одной группы отношений термины могут обозначать нескольких агентов.

Одним из наиболее важных концептов, используемых как в церковной доктрине, так и в отношениях внутри церкви и с ее прихожанами является концепт *отцовства*. Во всех трех «Историях» он вводится термином *pater*[1147] и может ассоциироваться с крестным отцом, Богом-Отцом как ипостасью Троицы (по отношению к Иисусу Христу), Богом по отношению к верующим, наконец, уважаемым духовным лицом по отношению к другому духовному лицу и мирянам.

Наиболее часто в наших источниках встречается последняя ситуация, поэтому рассмотрение метафорического концепта отцовства в них мы начнем именно с нее. Использование термина *pater* для обозначения духовного лица, как правило, занимавшего высокое положение в церковной иерархии и обладавшего большим авторитетом, могло быть связано как со значением почетного звания, которое он имел в классической латыни[1148], так и

[1145] См. Fichtenau H. Opp. cit. P. 120. И. Реаль считает, что воссоздавая модель семейных отношений в рамках, например, монастыря, церковь стремилась облегчить монахам отказ от кровных родственных уз (см. Réal I. Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles). P. 80).
[1146] Б. Джассен замечает, что данному вопросу до сих пор уделялось крайне мало внимания. Исследователи рассматривали такого рода *родственные* группы преимущественно с точки зрения изучения метафорики (см. Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages. Newark and L., 2000. P. 21–20).
[1147] Несмотря на то, что в них встречается термин *genitor*, который обозначает ту же степень родства, что и *pater*, для описания отношений в рамках церкви он не встречается ни у одного из авторов. Возможно, это связано с тем, что *genitor* акцентирует кровное родство.
[1148] Pater // Oxford Latin Dictionary. P. 1307–1308. См. также Pater // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 731.

с восприятием христианского мира в целом и церковной организации в частности как семьи[1149].

В этом значении в «Церковной истории» он встречается 67 раз (58% от общего числа употреблений) и большинство из них, как и в случае с кровными отцами, приходится на уже умерших духовных лиц. Так, среди 19 человек, которых Беда удостаивает подобным «обращением», только один — Альбин, аббат монастыря святых апостолов Петра и Павла в Кенте — был жив на момент написания им «Истории». Кроме того, среди «умерших» наиболее часто Беда называет так «древних» Отцов церкви и патриархов. Всего он обращается к ним подобным образом 17 раз. Также следует отметить, что в «Церковной истории», упоминанию данных духовных отцов с *pater* довольно часто предшествуют эпитеты *reverendissimus, sanctissimus/sanctus, beatissimus/beatus, venerabilis, «Deo delectus», laudedignus, «Deo acceptabilium», amatissimus, ortodoxus, antiquus, precendens, canonicus, priorus.*

Постоянное использование эпитетов при упоминании квазиродственных связей, по-видимому, призвано было служить индикатором некровного родства, указывать на переносность, «титулярность» подобного обращения, т.к. при упоминании биологических отцов эпитеты используются крайне редко[1150]. Кроме того, использование таких формул настраивало собеседников/корреспондентов на особый режим общения, придавало письмам вид неформальных, «родственных» сообщений, где часто упоминались любовь, добровольность, готовность помочь и ожидание помощи, даже если один из *братьев*-корреспондентов находился в подчинение у другого. Если корреспонденты находились в отношениях *отец-сын*, что было характерно для римских пап/епископов и королей, подобное обращение, с одной стороны, указывало на подчиненное положение *сыновей* (что могло не соответствовать действительности в глазах последних или не отвечать их представлениям/амбициям), однако благожелательный тон писем создавал впечатление доброжелательности и добровольности подчинения в ответ на просьбу, а не на приказ, что, как мы отмечали выше, не было характерно для отношений родных отцов и сыновей.

Чаще всего в качестве эпитета при обращении к святым *отцам* Беда использует *reverendissimus*. В данном контексте оно встречается в тексте 15 раз (см. Bede Hist. Eccles. Prae., III, 4, 14, 25 (2), VI, 3(2), 26, 27, 29, 31, V, 1, 20, 22, 24) и применяется по отношению к

[1149] Х. Фихтэнау отмечает, что целью моделирования монашеской общины по образцу семьи было установление взаимного контроля над ее членами: для аббата как отца на первом месте была забота о своих детях–монахах, а не гордость своим положением и стремление помыкать подчиненными. Будучи братьями, монахи не только получали право на взаимный контроль, но и на утешение и поддержку друг от друга (см. Fichtenau H. Opp. cit. P. 121).

[1150] В качестве исключения можно рассмотреть эпизод убийства сыновей Хлодомера, в котором Гунтар называет убивающего его дядю Хильдеберта «милейший отец» *(«…Succurre,* ***piissime pater****, ne et ego peream sicut frater meus…»*, Greg. Tur. Hist. III, 18). Возможно, таким образом, Григорий Турский подчеркивает разницу в поведении родственников–Меровингов и представление о родственных отношениях, основанных на христианских ценностях, которого придерживался он сам, отсылая читателей к отношениям между квазиродственниками в христианской церкви.

персоналиям различной «значимости». Среди них аббат Альбин и епископ Экберт, св. Паулин — апостол Нортумбрии, святые Колумба, Айдан, Хад, Кутберт и Адриан. Кроме того, *reverendissimus* является эпитетом, который Беда в основном использует при обращении к живому *отцу* — Альбину. Все это позволяет сделать вывод о том, что данное обращение было призвано демонстрировать почтение независимо от положения лица во внутрицерковной иерархии[1151].

Что касается остальных прилагательных, то эпитеты *sanctus/sanctissimus* встречается в тексте 10 раз, *beatus/beatissimus* — 6 раз, *venerabilis* — 3 раза, *laudedignus, Deo delectus* и *antiquus* — 2 раза, *Deo acceptabilis, amatissimus ortodoxus, precendens, canonicus, priorus* — по одному разу. Все они, за исключением одного употребления, относятся к *отцам*, которые были уже мертвы на момент написания «Церковной истории». Так, в четвертой главе III книги, Беда употребляет *sanctissimus* по отношению к Эгберту епископу Линдисфарна, умершему не так давно и еще не признанному святым официально. Подобное наименование встречается в отрывке, где Беда рассказывает об успешном обращении Ионского монастыря к римской–католической традиции, которое реализовал вышеупомянутый *отец*. Принимая во внимание неприязнь, которую автор «Церковной истории» питал к «кельтской церкви», можно допустить, что одного этого деяния было в его глазах достаточно, чтобы признать Эгберта святым.

Среди упоминаемых духовных *отцов* наибольшим разнообразием обращений, включающих эпитеты, отличаются Отцы церкви[1152], упоминаемые как коллективно, так и поименно (среди последних св. Августин Блаженный (см. Bede Hist. Eccles. II, 10), св. Анатолий епископ Лаодикейский (см. Bede Hist. Eccles. III, 3) и евангелист Иоанн (см. Bede Hist. Eccles. V, 24)). Беда называет их *sanctissimus/sanctus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 17 (2)),

[1151] Данный вывод подтверждается и этимологией слова (см. De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo–European Etymological Dictionary Series. Vol. 7. Leiden, Boston, 2008. P. 665). В английском, французском, итальянском и испанском языках *reverend, révérend, reverendo* до сих пор является универсальным обращением к священнику.

[1152] Данный почетный титул используется примерно с конца IV в. и, хотя ко времени Беды Достопочтенного еще не было выработано окончательных критериев, по которым того или иного деятеля можно было причислить к Отцам, или списка таковых, однако автор «Церковной истории» вполне свободно пользуется этим термином, очевидно отсылая своих читателей к распространенным представления о том, кого относили к указанной группе. Подробнее о патристике и формировании патристической традиции см. Pelikan J. The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. Chicago, 1975-1980. Vol. 1-3. P. 332–358; Doctor of the Church // Encyclopedia of Christian Theology. N. Y., 2005. P. 445–446; Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I–IV века. М., 2004; Шафф Ф. История христианской Церкви. СПб., 2007. Т. 2-3. С. 416–572; С. 570–670; о роли раннесредневековых экзегетов, в том числе Беды Достопочтенного, в этом процессе см. также в The Study of the Bible in the Carolingian Era. Turnhout, 2003; Biblical Studies in the Early Middle Ages. Florence, 2005; The Multiple Meaning of Scripture: The Role of Exegesis in Early–Christian and Medieval Culture. Leiden, 2009; Hart–Hasler J.N. Bede's Use of Patristic Sources: The Transfiguration // Papers Presented at the Eleventh International Conference on Patristic Studies Held at Oxford, 1991, 5: Latin Authors (other than Augustine and His Opponents), Nachleben of the Fathers. Leuven, 1993. P. 197–204; O'Loughlin Th. Teachers and Code–Breakers: The Latin Genesis Tradition, 430—800 // Instrumenta Patristica et Mediaevalia. 1999. Vol. 35. P. 2–20; Kaczynski B.M. Bede's Commentaries on Luke and Mark and the Formation of a Patristic Canon // Anglo–Latin and Its Heritage: Essays in Honour of A.G. Rigg on His 64th Birthday. Turnhout, 2001. P. 17–26; Burman Th.E. Introduction // Scripture and Pluralism: Reading the Bible in the Religiously Plural Worlds of the Middle Ages and Renaissance. Leiden, 2002. P. 1–10; Firey A. The Letter of the Law: Carolingian Exegetes and the Old Testament // With Reverence for the Word: Medieval Scriptural Exegesis in Judaism, Christianity, and Islam. Oxford, 2003. P. 204–24; Lobrichon G. La Bible au moyen âge. P., 2003. P. 71–78.

venerabilis (см. Bede Hist. Eccles. IV, 4, V, 24), *«Deo acceptabilius»* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 17), *ortodoxus* (см. Bede Hist. Eccles. I, 10), *antiquus* (см. Bede Hist. Eccles. I, 27, IV, 3), *precendens* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3), *canonicus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 5 (2)), *priorus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3), *laudedignus* (см. Bede Hist. Eccles. III, 3), *beatus* (см. Bede Hist. Eccles. V, 24). Всего из 17 упоминаний 14 содержат эпитеты. Три упоминания *отцов*, не содержащие подобного определения, приходится, который был заимствован Бедой из труда Адамнана «О святых местах» (см. Bede Hist. Eccles. IV, 17), и стихотворной эпитафии епископа Вилфрида (см. Bede Hist. Eccles. V, 19).

На втором месте по количеству эпитетов для *pater* находятся папа Григорий Великий и св. Августин Кентарберийский. Беда называет Григорий I *pater* 4 раза и 3 раз он добавляет к нему эпитет. Автор «Церковной истории» описывает папу римского как *beatus, sanctus*, и *venerabilis*. Прилагательное *beatus* встречается во фрагментах, посвященных описанию миссии св. Августина в Британию (см. Bede Hist. Eccles. I, 25, 30). Этимологически данное прилагательное восходит к глаголу *beo* — делать счастливым, одарять[1153]. Возможно, этим Беда хотел подчеркнуть, что папа Григорий как «отец одарил своих детей» — англосаксов — христианством. Определение *sanctus* встречается в главе с ответами папы Григория на вопросы св. Августина (см. Bede Hist. Eccles. I, 30). Видимо, таким образом Беда хотел указать на авторитет святого отца, как в вопросах догматики, так и по отношению к его «детям» — англосаксам. Наконец, *venerabilis* папа Григорий назван во фрагменте, в котором сообщается о его смерти (см. Bede Hist. Eccles. II, 1). Исходя из этимологии данного прилагательного, можно заключить, что Беда хотел выразить особое уважения к этому святому отцу[1154].

Св. Августина Кентерберийского Беда называет *pater* три раза, при этом все три раза подобное обращение сопровождают различные эпитеты. Первый раз обращение *pater* встречается вместе с определением *sanctus* в главе, рассказывающей о попытке святого достичь соглашения с церковью бриттов (см. Bede Hist. Eccles. II, 2). Как и в случае со св. Григорием, автор «Церковной истории» явно хотел подчеркнуть превосходство и авторитет Августина по отношению к кельтским священнослужителям. Называя Августина *pater*, он одновременно ставит его в один ряд с другими *отцами* католической церкви и, в тоже время, возвышает его в духовном отношении над бриттами, ставя последних в положение «неразумных детей» по отношению к «мудрому отцу». Подобное обращение также позволяет провести аналогию между святым и Богом-отцом, за ослушание которого последовало

[1153] См. De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo–European Etymological Dictionary Series. Vol. 7. Leiden–Boston, 2008. P. 87; Beo // Oxford Latin Dictionary. P. 231; Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 130.

[1154] Прилагательное *venerabilis* восходит к глаголу *veneror — «чтить, благоговейно почитать, уважать»* (см. De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. P. 87; Beo // Oxford Latin Dictionary. P. 845; Veneror // Oxford Latin Dictionary. P. 2028; Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 1055).

наказание в виде резни кельтских монахов и священников устроенной королем Нортумбрии Эдильфридом в битве при Честере.

Во фрагменте, посвященном описанию смерти св. Августина, Беда называет его *«Deo delectus pater»* (см. Bede Hist. Eccles. II, 3). Примечательно, что подобное определение по отношению к «духовным отцам» встречается в тексте «Церковной истории» всего два раза. Первый раз — в вышеуказанном случае. Во второй раз — на соборе в Уитби епископ Колман так отзывается об особо чтимых святых «кельтской церкви» (см. Bede Hist. Eccles. III, 25). Видимо, подобное обращение призвано подчеркнуть авторитет апостола англов, его близость к Богу. Кроме того, как Колман, используя данное определение, хотел подтвердить легитимность установлений почитаемых его церковью святых, так и Беда, с помощью того же определения, хотел утвердить божественную власть епископов, посвященных св. Августином и вынужденных противостоять языческой реакции. Фрагмент с этим определением помещен Бедой между сообщением о посвящение св. Августином новых епископов и описанием их успехов по укреплению христианства в Британии.

Наконец, в третий раз *pater* встречается в сочетании с прилагательным *beatus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 27). Описывая жизнь [св.] Кутберта в Линдисфарнском монастыре, Беда подчеркивает, что вышеупомянутый святой жил по правилам, подобным правилам, которыми пользовался сам блаженный Августин, получивший их от папы Григория Великого. Таким образом, автор «Церковной истории» желает установить преемственность и легитимность образа жизни, столь почитаемого им святого, который в целом расходился с установлениями католической церкви. В данном случае св. Августин выступает, с одной стороны, как духовный отец и авторитет по отношению к [св.] Кутберту, что выражается в использовании термина *pater*. С другой стороны, сам св. Августин и правила, по которым он жил, являются своего рода даром от папы Григория I, что находит свое отражение в использованном определении *beatus*.

Остальные церковные деятели, упомянутые с титулом *pater*, в основном встречаются с определениями *reverendissimus, sanctus/sanctissimus*, реже *beatus/beatissimus*, что, как было отмечено выше, являлось скорее знаком почтения к духовному лицу. Исключение составляет отшельник Эдильвальд, ученик [св.] Кутберта. Беда называет его *pater* всего 2 раз, но оба раза к этому обращению он добавляет эпитет. Эти эпитеты находятся в прямой речи монаха Гудфрида, рассказывающего о чуде, совершенном вышеупомянутым святым, и свидетелем которого был сам монах (см. Bede Hist. Eccles. V, 1). В первый раз он использует общее прилагательное *reverendissimus* во вводной части рассказа. Второй раз он добавляет определение *amatissimus*, в той его части, где речь идет о том, как святой спас их от бури, своей молитвой. Данное определение встречается в тексте «Церковной истории» всего один раз и,

на наш взгляд, призвано подчеркнуть, особую любовь Бога к монахам-отшельникам, ведущим праведный образ жизни. Кроме того, [св.] Эдильвальд был учеником [св.] Кутберта, одного из наиболее почитаемых Бедой деятелей церкви англосаксов.

По количеству упоминаний в тексте с обозначением *pater*, на втором месте после отцов церкви, находится [св.] Кутберт[1155]. Всего Беда называет его *pater* восемь раз (см. Bede Hist. Eccles. IV, 27, 29, 30 (3), 31, 32, V, 24), в пяти из которых он использует определения, среди которых *reverendissimus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 27, 29, 31), *sanctus/sanctissimus* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 32, V, 24). Несомненно, [св.] Кутберт был одним из самых почитаемых Бедой деятелей англосаксонской церкви. Он написал два жития этого святого — в стихах и прозе. По всей видимости, для Беды Кутберт представлял идеальное воплощение монаха и церковного деятеля. Кроме того, несмотря на относительно недавнюю его смерть, его заслуги уже были широко признаны церковью. Все это делало [св.] Кутберта прекрасным примером для потомков, снабжение которых подобными образцами для подражания и было одной из целей Беды при написании «Церковной истории». Кутберт был представителем того «золотого века» нортумбрийской церкви, о возвращении к которому так мечтал автор «Церковной истории»[1156]. Таким образом, личное отношение, а возможно и желание популяризировать свои работы о святом, могут объяснить столь частое и почтительное его упоминание.

Почти так же часто как [св.] Кутберта, Беда упоминает Эгберта, линдисфарнского епископа, — своего современника. Всего он называет его *pater* шесть раз, четыре из которых сопровождаются прилагательными–определениями *reverendissimus* и одно — *sanctissimus*. Просвещение Ирландии относительно правильного способа исчисления Пасхи, его добродетельная жизнь, а также принадлежности к нортумбрийскому клиру сделали его одним из наиболее часто упоминаемых персонажей «Церковной истории».

Интересно также отметить, что один из священнослужителей, названных в «Церковной истории» *pater*, упоминается без каких-либо прилагательных. Это епископ королевства восточных саксов и аббат Лестингея Хад. Это может объяснятся тем, что последний был представителем «кельтской» церковной организации в Нортумбрии, умершим до собора в Уитби. Кроме того, его посвящение в епископы, вероятнее всего, было совершено при участии двух британских епископов[1157]. Его слава апостола восточных саксов и основателя одного из

[1155] Хотя Беда Достопочтенный называет епископа Кутберта *святым*, в период жизни автора «Церковной истории» последний еще не был признан таковым официально. Подробнее о св. Кутберте и его канонизации см. в Colgrave B. The Post–Bedan Miracles and Translations of St Cuthbert // The Early Cultures of North–West Europe, H.M. Chadwick Memorial Studies. Cambridge, 1950. P. 307–332; Rollason D. Why was St. Cuthbert so Popular? // Cuthbert Saint and Patron. Durham, 1987. P. 9–22; Bonner G. St. Cuthbert, His Cult and His Community to AD 1200. Woodbridge, 1989; Abou–El–Haj B. The Medieval Cult of Saints. Formations and Transformations. Cambridge, 1997; Aird W.M. St. St. Cuthbert and the Normans: The Church of Durham, 1071–1153. Woodbridge, 1998; Marner D. St. Cuthbert: His Life and Cult in Medieval Durham. Buffalo, 2000; Mechthild G. Ælfric And The Cult Of Saints In Late Anglo–Saxon England. Cambridge, 2010; Crumplin S. Cuthbert the Cross–Border Saint in the Twelfth Century // Saints' Cults in the Celtic World. Woodbridge, 2009. P. 119–129.

[1156] См. об этом Goffart W. The Narrators of Barbarian History. P. 239.

[1157] См. В.В. Эрлихман. Примечание 640 // Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 278.

самых знаменитых монастырей Нортумбрии, а также дружба с королем Дейры Эдильвальдом, покровителем архиепископа Вилфрида, «гарантировали» ему титул *pater* от Беды. С другой стороны, его принадлежность к «кельтской» церкви не «позволила» Беде добавить какое-либо прилагательное к обращению *pater* в его случае. В пользу этого говорит тот факт, что его брата — епископа Хада, который отрекся от «кельтского христианства» после синода в Уитби, Беда упоминает с титулом и определение *reverendissimus*.

Таким образом, как и в случае с мирскими *отцами*, для духовных *отцов* характерна «постмортальность» данного «титула». Как уже упоминалось, только один из девятнадцати человек, названных Бедой *pater*, был жив на момент написания им «Церковной истории». Употребление данного термина по отношению к церковным деятелям представляло собой, прежде всего, общее признание их заслуг на духовном поприще. Оно демонстрировало их принадлежность к группе «отцов церкви», придавало авторитет их словам и делам. Они представляли собой «духовных» отцов по отношению к своим *детям* — прихожанам. Однако степень их заслуг перед церковью варьировалась, что отражается в использование Бедой различных прилагательных–определений перед обращением *pater*. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что для Беды данная степень родства представлялась, прежде всего, «духовной», а не биологической, что может быть легко объяснено тем, что сам он был сиротой и всю свою сознательную жизнь провел в монастыре.

Григорий Турский значительно реже использует этот термин для характеристики духовного лица — всего десять раз (4% от общего числа упоминаний). Как *patres* в «Истории франков» упоминаются Отцы церкви (см. Greg. Tur. Hist. VII, 1), св. Ремигий Реймский (см. Greg. Tur. Hist. II, 31), Араваций, епископ Тонгре (см. Greg. Tur. Hist. II, 5), отшельник Госпиций (см. Greg. Tur. Hist. VI, 6), Бертрамн, епископ Бордо (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2), священник Катон (см. Greg. Tur. Hist. IV, 11). В собирательном смысле так в своем письме св. Радегунда называет всех гальских епископов (см. Greg. Tur. Hist. XI, 42(3)). В основном как к *pater* к священнослужителям обращаются миряне, часто сопровождая его эпитетами *sanctus/sanctissimus* (см. Greg. Tur. Hist. II, 31; VI, 6), *bonus* (см. Greg. Tur. Hist. IV, 11), *dilectissimus* (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2). Св. Радегунда, в своем письме также использует прилагательные *sanctus et dignissimus* и *generalis* (см. Greg. Tur. Hist. IX, 42). Для Григория Турского применительно к священнослужителям *pater* имел коннотацию превосходства[1158] и защиты[1159].

[1158] В своем письме к епископам св. Радегунда называет их *отцами*, а себя — грешницей (см. Greg. Tur. Hist. IX, 42). Обращение *pater* короля Гунтрамна к епископу Бертрамну, призвано подчеркнуть, что человеку его положения было глупо оказывать поддержку Гундовальду, идя против своего законного короля и родственника (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 2).

[1159] Сама св. Радегунда и аббатиса ее монастыря неоднократно обращались к местному епископу с просьбой о покровительстве, прежде чем он пообещал стать *«их духовным отцом и предоставит свою защиту»* (*«…promisit, se patrem earum… erat… suam praebere defensionem»*, Greg. Tur. Hist. IX, 40).

В «Истории лангобардов» *pater* в данном контексте употребляется 21 раз (32% из всех случаев употребления). Однако в основном термин используется по отношению к св. Бенедикту Нурсийскому, основателю монастыря Монтекассино (см. Pauli Hist. Lang. I, 26(5); IV, 17(3); VI, 2, 40(3)). Кроме того, Павел Диакон называет *pater* отшельника Госпиция (см. Pauli Hist. Lang. III, 1), папу римского Захирию (см. Pauli Hist. Lang. VI, 40) и св. Августина (см. Pauli Hist. Lang. VI, 48). Автор «Истории лангобардов» в некоторых случаях использует эпитеты *beatus/beatissimus* (см. Pauli Hist. Lang. I, 26(3); IV, 17; VI, 40(2)), *sanctissimus* (см. Pauli Hist. Lang. I, 26; III, 1) и *venerabilis* (см. Pauli Hist. Lang. IV, 17; VI, 2) в сочетание с термином. По–видимому, для него *pater* имеет ту же коннотацию превосходства, что и для Григория Турского.

Концепт *материнства* в церковной доктрине используется для указания на отношения церковной организации с верующими (церковь как мать верующих) и в отношении представительниц церкви, конкретно аббатис[1160].

Обозначение словом *mater* церкви встречается только в «Истории франков» (см. Greg. Tur. Hist. I, 4; V, 11). При этом она выступает *матерью* по отношению к верующим. В первом случае *мать–церковь* сравнивается с ковчегом, а на первый план выводятся такие функции матерей как обеспечение выживания и защита: *«образ матери церкви, которая… хранит нас в своем материнском чреве от угрожающих нам бед…»* (Greg. Tur. Hist. I, IV). Во втором случае речь идет об обращении епископом Авитом клермонских евреев в христианство. Рассказ об их крещении заканчивается словами *«приобщил их к лону матери церкви»* (Greg. Tur. Hist. V, 11) [1161].

Аббатис называют матерями Григорий Турский и Беда Достопочтенный (см. Greg. Tur. Hist. IX, 39; X, 10, 15; Bede Hist. Eccles. IV, 6, 7, 9(4), 19, 20, 23(3), 25, 26). В «Истории франков» мать-аббатиса упоминается только два раз. Так Григорий Турский называет св. Радегунду основательницу монастыря Св. Креста в Пуатье. Официально она не была аббатисой этого монастыря, но именно она основала его, устанавливала в нем правила и руководила им. Ее обозначение термином *mater* в данном случае можно сравнить с использованием термина *pater* по отношению к уважаемому духовному лицу мужского пола.

В значение «аббатиса, смотрительница монастыря»[1162] *mater* наиболее часто встречается у Беды Достопочтенного — двенадцать раз (см. Bede Hist. Eccles. IV, 6, 7, 9(4), 19, 20, 23(2),

[1160] См. Mater // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 660–661. При этом настоятели монастырей ни в одном из трех рассматриваемых нами «Историй» не называются *pater*. Это может быть связанно с изначальной «семейственностью» женских монастырей, отмеченной еще Дж. Шуленберг (см. Schulenburg J.T. Women's Monastic Communities, 500–1100: Patterns of Expansion and Decline // Signs. 1989. Vol. 14, No. 2. P. 271–272).
[1161] Подробнее об этом см. в Matis H.W. Early–Medieval Exegesis of the Song of Songs and the Maternal Language of Clerical Authority // Speculum. 2014. Vol. 89, No. 2. P. 358–381. Матис считает, что концепция матери–Церкви, описание церкви, клириков и их власти «материнским» языком с использованием частей «материнского» тела сложилась во многом под влиянием трудов Беды Достопочтенного (см. ibid. P. 359).
[1162] См. Mater // Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus. P. 660–661. Мать // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 344.

25, 26). Первые шесть его упоминание в том качестве находятся в рассказе об аббатисе монастыря Инберекинг (Баркинг) Эдильбурге. Она происходила из королевского рода[1163] и возглавила монастырь, основанный для нее ее братом епископом Лондона Эрконвальдом. В первом случае Беда так отзывается о ее деятельности: *«…монастырь… в котором она могла жить как мать и кормилица женщин, посвятивших себя Богу…»* (Bede Hist. Eccles. IV, 6). В следующей главе, рассказывая о чуме в монастыре, он так же говорит о ней как о *«матери сообщества»* (*«mater congregationis»,* Bede Hist. Eccles. IV, 7). В обоих случаях Эдильбурга предстает как деятельная женщина и руководительница, заботящаяся о повседневных нуждах монастыря и его обитателей. Она — «кормилица», она же заботится об организации кладбища. Таким образом, как и в случае с «фактическими» матерями, она, прежде всего «администратор»[1164]. В IX главе, в рассказе о смерти Эдильбурги, последняя называется *«благочестивая матерь»* и *«возлюбленная Богом мать»* (*«mater pia», «Deo dilecta mater»,* Bede Hist. Eccles. IV, 9). Прилагательное *pia*, кроме значения *«набожная, благочестивая, добродетельная»*, имеет значение «*милосердная, любящая, добрая нежная»*[1165]. Последние прилагательные традиционно ассоциируются с *матерью*, хотя биологические матери так нигде не характеризуются. В «Церковной истории» подобным образом не описываются и мужчины-отцы[1166]. Определение «*Deo dilectus*» встречается в «Церковной истории» по отношению к мужчинам — *духовным отцам* и было призвано подчеркнуть их особую святость. Однако в этом случае акцентировалась, прежде всего, их нравственная чистота и скромности их жизни, тогда как Эдильберга заслужила подобное определение своей деятельностью на благо монастыря. Далее в этой же главе сообщается, что некая монахиня Тортгита *«…adiutrix disciplinae regularis eidem matri existere, minores docendo uel castigando curabat…»*[1167] (Bede Hist. Eccles. IV, 9). Таким образом, мать-настоятельница предстает также как учительница послушания и дисциплины. Наконец, последний раз Эдильбургу называет *«…carissima... mea matre Aedilburge…»* (*«…моей возлюбленной матерью»,* Bede Hist. Eccles. IV, 9) сама Тогтгита, которой та явилась в видении с сообщением о ее скорой смерти. Прилагательное *cara* имеет значение близкое к значению прилагательного *pia — «любезная, милая»*[1168]. Подобных определений мы не встречали в «Церковной истории» по отношению к мужчинам. Таким образом, аббатиса не только любит сама, но и любима своими монахинями.

[1163] См. Farmer D.H. Oxford Dictionary of Saint. Oxford, 2004. P. 175.
[1164] См. об этом подробнее в Schulenburg J.T. Opp. cit. 273–274.
[1165] Pius // Oxford Latin Dictionary. P. 1384; Pius // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 773.
[1166] В основном все три автора используют данный эпитет для характеристики королей (см. Greg. Tur. Hist. V, 18; X, 16; Bede Hist. Eccles. I, 23, 24, 28, 29, 30, 32(2); II, 1; IV, 17(2); V; 7), служителей церкви (см. Bede Hist. Eccles. I, 7) и Бога (см. Greg. Tur. Hist. IX, 39; X, 1; Bede Hist. Eccles. III, 13). В превосходной форме (*pissimus*) в «Истории франков» оно встречается в обращениях к тем же лица (см. Greg. Tur. Hist. II, 32; III, 18, 22; IV, 7; V, 18, 47; VII, 6, 14(2); X, 3). Однако в двух случаях это обращения к приемным отцам, а в третьем — его характеристика.
[1167] *«…помогала матери-настоятельнице поддерживать дисциплину, обучая и сдерживая и исправляя младших…»*.
[1168] Carus // Oxford Latin Dictionary. P. 280; Carus // Дворецкий И.Х. Латинско–русский словарь. С. 160.

Отношения между ними воспринимались как основанные на *материнской любви*. В последнем случае мать–настоятельница так же изображена принимающей активное участие в жизни своих *дочерей* даже после смерти.

Термином *mater* также названа и аббатиса Эльге (Эли) Эдильфрида[1169]. Ее судьба была достаточно необычной: она была дочерью знаменитого короля Восточной Англии Анны, который сначала выдал ее замуж за правителя Южного Гриве, а затем за короля Нортумбрии Эгфрида. В обоих браках она сохраняла целомудрие и в 673 г. основала вышеупомянутый монастырь. Таким образом, Эдильфрида была своего рода уникальной фигурой — *«…uirginum Deo deuotarum perplurium mater uirgo…»*[1170] (Bede Hist. Eccles. IV, 19). Безусловно, деторождение воспринималось как одна из главных целей брака в то время. Хотя Эдильфрида и не имела своих детей, ее статус замужней женщины придавал ей больше веса в глазах общества и церкви, делал ее более опытной. Она воплотила в жизнь идеал христианской женщины, повторив путь Девы Марии, — была замужем, но сохранила невинность, стала матерью, но не вступала в плотские отношения. Сам Беда был очень высокого мнения об этой женщине. Он не только сложил гимн девственности в ее честь, но и поместил его в «Церковную историю». В нем он напрямую уподобляет ее Богоматери — *«…Regis ut aetherei matrem iam credo sequaris, / Tu quoque sis mater regis ut aetherei…»*[1171] (Bede Hist. Eccles. IV, 20).

Следующая аббатиса, названная *mater* — Хильда настоятельница Уитби. Беда посвящает ее жизнеописанию XXIII главу IV книги «Церковной истории», в которой она трижды названа *матерью*[1172]. В отличие от Эдильфриды, Хильда никогда не была замужем. Обращаясь к ней подобным образом в первый раз, Беда сообщает нам причину, по которой Хильду называли *mater, «…ob insigne pietatis et gratiae matrem uocare consuerant…»*[1173] (Bede Hist. Eccles. IV, 23). Таким образом, кроме благочестия, милосердие — типичная характеристика в случае использования этого термина по отношению к *матери* — имела большое значение и для аббатисы. Также называет Хильду и монахиня дочернего монастыря Уитби Хаканоса Бега,

---

[1169] Библиография исследований, посвященных Эдильфриде, ее сестрам и основанному ей монастырю в настоящее время достаточно обширна. Среди наиболее интересных работ можно отметить: Ridyard S. The Royal Saints of Anglo–Saxon England: a Study of West Saxon and East Anglia Cults. Cambridge, 1988; Hollis S. Anglo–Saxon Women and the Church: Sharing a Common Fate. Cambridge, 1988. P. 176–210; Fairweather J. Liber Eliensis: A History of the Isle of Ely from the Seventh Century to the Twelfth, Compiled by a Monk of Ely in the Twelfth Century. Woodbridge, 2005; Love R.C. Goscelin of Saint–Bertin: The Hagiography of the Female Saints of Ely. Oxford, 2004; Karkov C.E. The Body of St. Æthelthryth: Desire, Convention and Reform in Anglo–Saxon England // The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe, AD300–1300. Woodbridge, 2005, 2005; Rosser S. Æthelthryth: A Conventional Saint? // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1991. No. 79. P. 15–24.

[1170] *«…сохранив девственность, стала матерью для многих дев, посвятивших себя Богу…»*.

[1171] *«…Матерь Царя времен восседает с тобою ныне; / может быть, ты сама — матерь Царя времен…»* (Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 135).

[1172] Подробнее об использование Бедой Достопочтенным образа аббатисы Хильды как матери в своих трудах см. в Lees C.A., Overing G. Patristic Maternity: Bede, Hild and Cultural Procreation // Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo–Saxon England. Philadelphia, 2001. P. 15–39. О дальнейшем использовании этого образа средневековыми писателями см. Lees C.A., Overing G. Birthing Bishops and Fathering Poets: Bede, Hild, and the Relations of Cultural Production // Old English Literature: Critical Essays. New Haven & L., 2002. P. 125–156.

[1173] *«…называли ее матерью за беспримерную набожность и милосердие…»*.

которой было явлено видение о смерти аббатисы: *«…matrem illarum omnium Hild abbatissam iam migrasse de saeculo…»*[1174] (Bede Hist. Eccles. IV, 23). В ответ на сообщение Беги о смерти Хильды монахиня Фригита, исполнявшая обязанности аббатисы Хаканоса, собирает всех его обитателей для того, чтобы *«…orationibus ac psalmis pro anima matris operam dare monuit…»*[1175] (Bede Hist. Eccles. IV, 23). По–видимому, факт основания монастыря воспринимался как своего рода его «рождение» основательницей. Возможно, поэтому, хотя Хильда фактически и не руководила Хаканасским монастырем, она все же считалась такой же *матерью* для его обитателей, как и для монахов ее собственного монастыря в Уитби.

Наконец, аббатисой, которую Беда называет *матерью*, была настоятельница монастыря Колуд (Колдингем) Эбба — дочь первого короля объединенной Нортумбрии Этельфрита. Насколько мы знаем, Эбба никогда не была замужем, однако, существует легенда, что ее благосклонности активно добивался король Дал Риады Айдан. Ее, как вышеупомянутых аббатис, автор «Церковной истории» называет *mater congregationis* в рассказе о том, как монаху этого монастыря было видение о его скором уничтожении из–за отсутствия набожности и дисциплины у его обитателей (см. Bede Hist. Eccles. IV, 25). При этом аббатиса представляется любящей матерью, не замечающей пороков своих детей. Она узнает о них от одного из монахов обители, который прежде не сообщал ей об этом, потому что *«…Timui propter reuerentiam tuam, ne forte nimium conturbareris…»*[1176] (Bede Hist. Eccles. IV, 25). Таким образом, попустительство аббатисы, в данном случае, воспринимается как слепота любящей матери, не видящей пороков своих детей.

Таким образом, те девять аббатис, кого Беда Достопочтенный называет *mater*, имеют ряд общих черт. Так, все они были первыми аббатисами своих монастырей, девственницами[1177] и принадлежали к королевским семьям. В качестве аббатис–*матерей* они воспринимались, прежде всего, как администраторы и воспитательницы, что, в общем, соответствовало роли биологической матери в жизни своих детей. Кроме того, также, как и для последних, желательными для них считались такие качества как доброта, любовь к своим *детям*[1178], набожность. Для них была даже характерна материнская слепота — невнимательность к

[1174] *«…аббатиса Хильда, их общая мать, отправилась на небо…»*.
[1175] *«…молиться и петь псалмы за упокой души их матери…»*.
[1176] *«…боялся, из уважения к вам, чтобы сильно не напугать вас…»*.
[1177] Как отмечает К. Аткинсон для идеологии материнства, выработанной клириками и господствовавшей в Европе в V–X вв., было характерно возвеличивание духовного материнства. Основанием для его концепта стала монашеская культура, для которой святость и невинность были неразделимы. Духовной матерью могла стать лишь женщина, сохранившая девственность и оставившая семью ради монашества. Заботясь о духовном и физическом здоровье других обитательниц монастыря, они исполняли роль *матери* в их отношение (см. Atkinson C.W. The Oldest Vocation. Christian Motherhood in the Middle Ages. Ithaca, N. Y., 1991. P. 64–100). См. об этом также Clarke G. The Fathers and the Children // Studies in Church History. 1994. Vol. 3. P. 1–27.
[1178] Ср. с аббатисой из «Carmen de synodo ticinensi», которая управляет монастырем с «материнской любовью» (*«…ipsa materno amore ut regeret…»*) (Carmen de synodo ticinensi // MGH, SS Rer. Lang. Hanover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1878. P. 191). См. также Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 50.

порокам своих *детей*[1179]. При этом, хотя они и практиковали аскезу, она не занимала центрального места в их жизни и деятельности. Основание ими монастыря приравнивалось к рождению ребенка[1180]. Возможно, именно поэтому, термином *mater* Беда называет только аббатис–основательниц монастырей. При этом заметно, что разница в восприятии роли *pater* и *mater* в церковной организации, соответствует разнице в восприятии биологических родителей. Так, отцы церкви, прежде всего, заботились о личном спасении через аскезу и т.д., тогда как матери–настоятельницы были управленцами и заботились о нуждах монастырей[1181]. Таким образом, как и в случае обычных родителей, здесь мы наблюдаем разделение между духовным, свойственным *отцам*, и плотским, свойственном *матерям-настоятельницам* началами[1182].

Среди агентов, обозначенных термином *filius*, встречаются Бог–Сын по отношению к Богу–Отцу[1183], христиане по отношению к Богу, уважаемому духовному лицу и церкви, одно духовное лицо по отношению к другому. Подобное его использование достаточно редко. Как правило, оно встречается при обращениях в письмах и при личном общении. Концепция *отцовства* Бога по отношению к христианам упоминается только Григорием Турским (см. Greg. Tur. Hist. I, Praef.) и Бедой Достопочтенным (см. Bede Hist. Eccles. III, 14(2)). В обоих случаях она используется в противопоставлении: автор «Истории франков» противопоставляет Бога–Сына христианам как детям Бога–Отца, в «Церковной истории» животные противопоставляются людям как *детям* Божьим. Кроме того, Григорий Турский называет христиан также *сыновьями* церкви (см. Greg. Tur. Hist. II, 3; VII, 47), которая при этом

[1179] Д. Пелтерет считает, что хотя Беда превозносит духовность и моральные качества аббатис, о которых он рассказывает в «Церковной истории», в целом он был невысокого мнения об их практических способностях и уме. Главной целью создания этой «галереи» святых женщин, по мнению исследователя, было принижение роли епископа Вилфрида в духовной жизни Нортумбрии (см. Pelteret D.A.E. Bede's Women // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. Kalamazoo, 1999. P. 19–46).

[1180] О способах конструирования власти аббатис и основаниях этой власти см. в Lifshitz F. Is Mother Superior?: towards a History of Feminine Amtscharisma // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 117–138.

[1181] Восприятие роли аббата начало меняться в конце XI–XII вв. при активном участии ордена цистерцианцев: в связи со стремлением ограничить контакты с монахов ордена с миром и, прежде всего, с женщинами, Христу и аббатам цистерцианских монастырей начинают сообщаться качества и функции, свойственные матерям. См. об этом подробнее в Bynum C.W. Jesus as Mother and Abbot as Mother: Some Themes in Twelfth–Century Cistercian Writing // Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. Berkeley and Los Angeles, 1984. P. 110–169; Newman B. From Virile Woman to Woman Christ. Studies in Medieval Religion and Literature. Philadelphia, 1995. P. 1–18, 182–223. См. об этом также: Lekai L.J. The Cistercians: Ideals and Reality. Kent, 1977; Thompson S. The Problem of Cistercian Nuns in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries // Studies in Church History Subsidia. 1978. Vol. 1. P. 227–252; Johnson P.D. Equal in Monastic Profession**:** Religious Women in Medieval France. Chicago, 1991; Burton J. Monastic and Religious Orders in Britain, 1000–1300. Cambridge, 1994; Greer Fein S. Maternity in Aelred of Rievaulx's letter to his sister // Medieval mothering. N. Y., 1996. P. 139–157; Sprung A. The Inverted Metaphor: Earthly Mothering as Figura of Divine Love in Julian of Norwich's Book of Showings // Medieval Mothering. N. Y., 1996. P. 183–200.

[1182] Р. Бальдзаретти указывает, что св. Вальфрид, основатель монастыря Святого Петра в Палаццуоло смог по–настоящему стать духовным отцом своим монахам только пережив во сне кастрацию и отказавшись таким образом от своего биологического сына, покинувшего монастырь вопреки воле отца (см. Balzaretti R. Lombard Fathers. P. 52).

[1183] П. Шеингорн обращает внимание на тот факт, что в ходе развитии культа Святого семейства (включая «земных» родственников Христа) в XIII–XIV вв. в нем особо подчеркивалось родство Иисуса со стороны его приемного отца св. Иосифа. В XV в., в связи с распространением культа Девы Марии, упор стал делаться на родственников Бога–Сына со стороны матери, пока в XVI в. под влиянием Реформации, не произошло возвращение к изначальному состоянию культа с его подчеркнутой мужественностью (см. Sheingorn P. Appropriating the Holy Kinship: Gender and Family History // Perspectives on Marriage, Household, and Children. Toronto, 2004. P. 273–301).

изображается в качестве *матери*. Несколько чаще *сыновьями* называются христиане по отношению к уважаемым духовным лица (см. Greg. Tur. Hist. II, 3; IV, 11; VI, 8, 15; Bede Hist. Eccles. I, 32(4); II, 8, 10, 11, 17(2), 18; III, 29(2); Pauli Hist. Lang. IV, 19(3)). Почти все они приходятся на обращения и, также, как и обращения к уважаемым духовным лицам с термином *pater*, сопровождаются эпитетами: *dulcissimus* (см. Greg. Tur. Hist. II, 3), *dilectissimus* (см. Greg. Tur. Hist. VI, 8; Bede Hist. Eccles. I, 23(2), 30(2)), *gloriosus* (см. Pauli Hist. Lang. IV, 19; Bede Hist. Eccles. I, 32(3); II, 10; 11), *praecellentissimus* (см. Bede Hist. Eccles. I, 32; II, 17), *excellentissimus* (см. Bede Hist. Eccles. II, 17; III, 29(2)). Кроме того, *сыновьями* духовные лица старшего возраста и звания называют младших клириков (см. Greg. Tur. Hist. VI, 8; Bede Hist. Eccles. I, 23(2); 24; 30(2); Pauli Hist. Lang. IV, 9). Однако подобное поименование используется только при их общении друг с другом.

Дочери в похожих контекстах упоминаются значительно реже — всего пять раза во всех трех «Историях» (см. Greg. Tur. Hist. II, 3(2); Bede Hist. Eccles. II, 11(2); III, 29; Pauli Hist. Lang. IV, 9). Все они представляют собой обращение в письмах духовных лиц к мирянам. Также, как и в случае с термином *filius*, упоминание *дочерей* сопровождаются эпитетами: *dulcissima* (см. Greg. Tur. Hist. II, 3), *gloriosa* (см. Bede Hist. Eccles. II, 11(2)), *excellentissima* (см. Pauli Hist. Lang.IV, 9), *spiritalis* (см. Bede Hist. Eccles. III, 29). В целом концепт *детства* в церковной доктрине сопровождается конструированием отношения *духовных детей* и *родителей* на основе взаимоотношений между детьми и их родителями в миру. Прежде всего, это выражается в подчиненном положении по отношению к *родителям* — Богу, церкви и ее иерархам. Обладание высоким политическим статусом не снижает коннотации подчиненности *детей*, подчеркивает их малозначительность в духовной сфере, и, в целом, утверждает превосходство духовной власти над светской.

Концепт духовных отношений, устанавливаемых через обряд крещение, упоминается в рассматриваемых «Историях» достаточно редко[1184]: шестнадцать раз в «Истории франков» (см. Greg. Tur. Hist. II, 31; V, 18, 22; VI, 17, 27; VII, 14, 22; VIII, 1, 9; IX, 4, 8, 9, 10; X, 1, 28),

[1184] В данном случае имеется в виду не сам факт принятия христианства, а момент установления особых, квазиродственных отношений между крестными родителями и детьми. Подробнее об истоках практики духовного родительства, этапах ее развития, каноническом и теологическом оформлении см. в Lynch J.H. Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. Princeton, New Jersey, 1986. Дж. Линч считает, что в ее основе лежало поручительство при крещении взрослых неофитов во времена раннего христианства. Однако с самого начала крещений детей стало понятно, что поручители играют принципиально иную роль в их жизни, нежели в жизни взрослых новообращенных. Их обязанности были схожи с родительскими, именно поэтому, св. Августин Блаженный, одним из первых описавший роль духовного родителя с теологической точки зрения, считал, что биологические родители и должны становиться поручителями своих детей. В качестве причины распространения практики духовного родства среди германских племен, принявших христианство, Линч называет, в т.ч., существовавшие у них в языческие времена институт побратимства. Только к IX в. институт духовного родства прочно утвердился в Европе, вместе с перенятым из Византии запретом на сексуальны отношения и браки между духовными родителями, их детьми и другими их близкими кровными родственниками (подробнее об этом см. также в Lynch J.H. Spiritual Kinship and Sexual Prohibitions in Early Medieval Europe // Proceedings of the 6th International Congress of Medieval Canon Law. Città del Vaticano, 1980. P. 271–288; idem. Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo–Saxon England. Ithaca, N. Y., 1998; Fichtenau H. Opp. cit. P. 129–130).

один раз в «Церковной истории» (см. Bede Hist. Eccles. III, 7)[1185] и два раза в «Истории лангобардов» (см. Pauli Hist. Lang. IV, 27, 50). В основном речь идет о родстве *отец-сын*[1186], только в двух случаях упоминаются крестные матери и дочери (см. Greg. Tur. Hist. IX, 9; Pauli Hist. Lang. IV, 50). При этом не всегда используются термины родства (Greg. Tur. Hist. V, 22; VIII, 9; X, 28; Pauli Hist. Lang. IV, 50). В большинстве случаев в таких сюжетах упоминаются термины родства по отношению к кровным родственникам (Greg. Tur. Hist. VI, 27; VII, 22; VIII, 1; IX, 4, 9, 10; X, 1; Pauli Hist. Lang. IV, 27), и только в пяти случаях говорится о духовном родстве с использованием терминов родства кровного (Greg. Tur. Hist. V, 18(2)8 VI, 17; IX, 8; Bede Hist. Eccles. III, 7)[1187].

Судя по всему, во всех трех обществах подобному духовному родству отводилось важное место[1188]. Между крестными родителями и детьми возникали узы, основанные на взаимопомощи и покровительстве[1189]. При этом отношения устанавливаются крестным отцом/матерью не только с крестником, но с его родителями. Хотя ни один из авторов не сообщает нам о каких-либо официальных обязанностях между ними[1190], в «Истории франков» постоянно встречаются сообщения о взаимных услуга[1191]. Так, Гунтрамн Бозон сначала прибегает к помощи епископа Вердена Агерика, крестного отца короля Хильдеберта, а затем к помощи епископа Трира Магнериха, крестного отца Теодоберта, сына короля, с целью добиться от последнего прощения (см. Greg. Tur. Hist. IX,10; см. Также Greg. Tur. Hist. IX, 8)[1192].

[1185] Об особенностях практики духовного родительства у англосаксов см. в Lynch J.H. Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo–Saxon England.

[1186] Это может служить косвенным подтверждением точки зрения М. Вердона о причинах зарождения самой практики *духовного родства* как способа предотвратить повторные браки вдов, обеспечив их материальную поддержку со стороны крестных родителей их детей, но запретив браки между ними (см. Verdon M. Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity // Man. 1988. Vol. 23, № 3. P. 499).

[1187] Подробнее о терминологии духовного родства см. в Lynch J.H. Spiritale Vinculum: the Vocabulary of Spiritual Kinship in Early Medieval Europe // Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages: Studies in Honor of Richard E. Sullivan. Kalamazoo, 1987. P. 181–204.

[1188] В некоторых аспектах они сопоставимы с узами кровного родства. Посланники Гундовальда заявляют королю Гунтрамну, что человек не может иметь двух отцов за исключением родства духовного (Greg. Tur. Hist. VII, 14). Начиная с середины VIII в. *духовное родство* будет рассматриваться как форма полностью альтернативная родству кровному и родству по свойству. Более того, по своему значению она сближается с другим способом установления родства — усыновлением (см. об этом Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice. P. 15–17; Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983. P. 48–83).

[1189] Так, король Хильперик не просто приказывает крестить евреев Марселя, но и становится крестным отцом некоторым, по всей видимости, самым богатым и влиятельным, из них, с целью их финансовой эксплуатации (см. Greg. Tur. Hist. VI, 17). В среде королей установление подобных отношений может рассматриваться как способ скрепления союза. Так поступает король Освиу и король Уэссекса Кинегисль (см. Bede Hist. Eccles. III, 7). Король Хильдеберт видит в намерении его дяди короля Гунтрамна стать крестным его племянника намерение нарушить их союз (см. Greg. Tur. Hist. X, 28). Э. Джеймс считает, что франки рассматривали крестных детей/родителей как усыновленных членов семьи, которые приобретали все права и обязанности кровных родственников, даже участие в кровной мести (James E. The Origins of France. P. 79). Подробнее о роли духового родства в политике см. в Angenendt A. Kaiserherrschaft und Konigstaufe: Kaiser, Kbnige und Papste als geistliche Patrone in der abendlandischen Missionsgeschi. B., 1984.

[1190] В наших источниках также отсутствуют термины, описывающие квазиродственые связи крестных и биологических родителей.

[1191] См. об этом в Lynch J.H. Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. P. 205–218.

[1192] Сам Григорий Турский упоминает, что многое прощал Эберульфу, постельничему короля Хильперика, т.к. был крестным отцом его сына (см. Greg. Tur. Hist. VII, 22). Королева Брунгильда спасает Бертефреда, готовившего заговор против ее сына, поскольку была крестной его дочери (см. Greg. Tur. Hist. IX, 9). Король Хильперик прощает своего крестного сына иудея Патира, за убийство другого еврея (см. Greg. Tur. Hist. VI, 17). Л. Ланкастер не только отмечает наличие в древнеанглийском специальных терминов для обозначения данного родства, но и добавляет, что оно связывало только лиц непосредственно в него вовлеченных и не затрагивало

Все это делает очень важным фигуру крестного *родителя*. Рассматривая пары духовных родственников, можно прийти к выводу, что последний выбирался по принципу более высокого или равного социального положения[1193]. Кроме того, для франкских королей этот выбор имел и определенную политическую подоплеку. Нетрудно заметить, что большинство упомянутых крестных отцов королей франков, начиная с Хлодвига, были епископами. Как уже упоминалось выше, франкские прелаты в большинстве своем были представителями галло-римской знати, за каждым из которых стояли свои политические силы. Таким образом, через духовное родство с тем или иным епископом Меровинги, с одной стороны, устанавливали связи с галло-римским населением страны, а с другой приобретали союзников и обозначали свои политические намерения и интересы[1194].

Следующим концептом родства, который упоминается в рассматриваемых нами источниках в связи с христианской церковью, является концепт *братства*. Наиболее часто его использует Беда Достопочтенный, для него именно значение термина *духовный брат* является основным (57% упоминаний)[1195]. У Григория Турского и Павла Диакон данный концепт занимает всего 20% упоминаний *братьев*. Для его передачи применяется только термин *frater*. Подобно группе кровных братьев, группа братьев духовных не однородна. Среди них выделяются *dilectissimus/dilectus* (см. Greg. Tur. Hist. II, 6; VI, 6; Bede Hist. Eccles. II, 8(3), 18(2); IV, 5; V, 21), *karissimius/carissimus* (см. Greg. Tur. Hist. X, 1(2); Bede Hist. Eccles. I, 27, 31(2); II, 4, 18) *reverentissimus* (см. Bede Hist. Eccles. I, 24(2), 28(2), 29(2), 30, 32; IV, 5), *sanctissimus* (см. Bede Hist. Eccles. I, 24, 28, 29), *senior* (см. Bede Hist. Eccles. III, 19; IV, 7), *iunior* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 7), *sanctus* (см. Bede Hist. Eccles. V, 21)[1196].

других их родственников (см. Lancaster L. Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9, No. 3. P. 239).

[1193] Король Гунтрамн замечает, что если он станет крестным отцом своему племяннику, то это не уронит честь рода Меровингов (см. Greg. Tur. Hist. X, 28; подробный анализ этого эпизода см. в Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 79–97). Крестной матерью персидской Царицы Цезарии становится жена византийского императора (см. Pauli Hist. Lang. IV, 50). Дж. Линч называет в качестве основных критериев отбора духовных родителей наличие у них политической власти, богатства или духовного авторитета (см. Lynch J.H. Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. Princeton, 1986. P. 163–204; Lynch J.H. Hugh I of Cluny's Sponsorship of Henry IV: Its Context and Consequences // Speculum. 1985. Vol. 60, No. 4. P. 800–82). Людовик Благочестивый, не надеясь на братскую любовь между своими сыновьями и желая укрепить положение своего младшего сына Карла Лысого, делает его крестным отцом своего старшего ребенка Лотаря I (см. об этом Polanichka D.M. Opp. cit. P. 28–29).

[1194] Епископ Претекстат Руанский интригует в интересах своего крестного сына принца Меровея против его отца короля Хильперика (см. Greg. Tur. Hist. V, 18). Король Хильперик, желая заполучить Париж в свою сферу влияния, делает епископа этого города Рагнемонда крестным отцом своего сына (см. Greg. Tur. Hist. VI, 27). Крестным отцом второго сына короля Хильдеберта II становится епископ Веран Кавайонский, который являлся приближенным его дяди и приемного отца короля Гунтрамна и, к тому же, обладал чудотворной силой (см. Greg. Tur. Hist. IX, 4; см. также V, 22). Скорее всего, те же соображения подтолкнули императора Маврикия сделать Григория, будущего римского папу, крестным своего сына (см. Greg. Tur. Hist. X, 1). Франкская знать искала покровительство у епископов и королей (см. Greg. Tur. Hist. VII, 22; IX, 9). Исходя из единственного сообщения о крещении королевского сына в «Истории лангобардов» можно предположить, что лангобардские короли проводили туже политику (см. Pauli Hist. Lang. IV, 27). См. об этом подробнее Jussen B. Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter. P. 168–176. Об ограничениях при выборе крестных родителей см. в Lynch J.H. Baptismal sponsorship and monks and nuns, 500–1000 // American Benedictine Review. 1980. Vol. 31, No. 1. P. 108–129.

[1195] О связи кровного и духовного братства, и о роли последнего в повествовании Беды Достопочтенного см. Szerwiniack O. Opp. cit. P. 242–245.

[1196] Об использование терминов *брат* и *сестра* в качестве показателей более широкого восприятия отношений родства в Средние века см. Lett D. Brothers and Sisters. New Perspectives on Medieval Family History // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages. Rome, 2005. P. 13–24.

Frater используется в двух значениях: «все люди (христиане) — братья» и для описания отношений между всеми священнослужителями и монахами, в частности,[1197]. Григорий Турский, занимавший должность епископа, в основном, использует его для передачи отношений между иерархами церкви, а Беда Достопочтенный, всю свою жизнь бывший монахом, чаще говорит о братьях–монахах. Однако восприятие данного концепта и отношения между его агентами демонстрируют значительное сходство в обеих средах. Кроме того, достаточно часто он используется для идентификации положения конкретного человека в церковной иерархии. Поскольку основной коннотацией термина, как в церковной доктрине, так и в светском восприятии, является *равенство*, то употребление его автором позволяет определить статус *брата*. Так, Григорий Турский и его коллеги епископы называют друг друга *братьями*: *«…ego vel frater noster Maroveus episcopus…»* (Greg. Tur. Hist. IX, 33; см. также Greg. Tur. Hist. 39, 41). Беда Достопочтенный избегает называть епископов *братьями* (Bede Hist. Eccles. Praef.; IV, 3; V, 4) и обращается так в основном к монахам (Bede Hist. Eccles. Praef.(2); III, 2; Bede Hist. Eccles. III, 5; см. также Bede Hist. Eccles. III, 12,19; 26; 27; IV, 7, 14, 31, 32; V, 1, 9, 12, 14[1198]). Кроме того, папа Григорий I в своих письмах называет братьями епископов[1199] (Bede Hist. Eccles. I, 24, 28, 29), а к Мелиту — аббату монастыря Петра и Павла в Кентербери — обращается как к *сыну* (см. Bede Hist. Eccles. I, 30). Для Беды Достопочтенного термин *брат* становится, по сути, синонимом слова *монах*.

Прежде всего, и Григорий Турский и Беда Достопочтенный описывают отношения между духовными *братьями* как основанные на любви, взаимопонимании и поддержке[1200]. В своем письме епископу Вергилию Арльскому папа Григорий просит его так принять епископа Августина (Bede Hist. Eccles. I, 28)[1201]. Отношения между папой Григорием и монахами его монастыря Беда Достопочтеный напрямую называет *«братской/родственной любовью»* (*«germana caritas»*, Bede Hist. Eccles. II, 1). Выражением подобного отношения может быть практика целования друг друга при встрече (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 12), а запрет на общение между ними воспринимается как девиация (Greg. Tur. Hist. VIII, 12). Духовные братья делятся друг с другом идеями и планами (Bede Hist. Eccles. V, 19); и радуются успехам друг друга (Bede Hist. Eccles. IV, 31). Мы не встречаем упоминаний ненависти и обмана между священнослужителями.

[1197] Брат // Ожегов С.И. Указ. соч. С. 63. См. также Laes Ch., Vuolanto V. Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul. P. 265.

[1198] Даже своего учителя–монаха Беда Достопочтенный называет *братом* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3).

[1199] Также поступает и архиепископ кентерберийский Теодор: *«…я, Теодор… возведенный в епископы Дорувернской церкви, и наш сосвятитель и достопочтеннейший брат Бизи, епископ Восточных англов, наш брат и сосвятитель Вилфрид, епископ нортумбрийцев…»* (см. Bede Hist. Eccles. IV, 5).

[1200] См. об этом также Bynum C.W. The Cistercian Conception of Community // Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. Berkeley and Los Angeles, 1984. P. 59–81.

[1201] Также и монахи монастыря Лестингей *с радостью* (*libenter*, Bede Hist. Eccles. III, 23), принимают своих братьев из Уэссекса (см. Bede Hist. Eccles. III, 23).

В концепте духовного *братства* важную роль играет сотрудничество, под которым может пониматься широкий круг действий. На просьбу блаженного диакона Стефана к апостолам Петру и Павлу спасти от разорения город Мец, где находятся его останки, последние обещают спасти его часовню (см. Greg. Tur. Hist. II, 6). Архидиакон Аэций угрожает епископам: *«…aut certe nullus vos amodo pro Dei sacerdotibus est habiturus, si personas vestras sagaciter non eregitis aut fratrem perire permittetis…»*[1202] (Greg. Tur. Hist. V, 18)[1203]. Забота может осуществляться и по инициативе, того, кто ее проявляет. Епископ Магнерих Трирский не только добился свидания с опальным епископом Марселя Теодором, чтобы оказать ему моральную поддержку, но и передал ему необходимые вещи (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 12). Кроме того, после этого он долго молился *«…Fusaque diu oratione cum lacrimis, ut fratre dignaretur Dominus adiuvare…»*[1204] (Greg. Tur. Hist. VIII, 12; см. также Bede Hist. Eccles. V, 14)[1205].

При описании *братских* отношений и Григорий Турский, и Беда Достопочтенный апеллируют к общехристианским ценностям. Важными качествами для *духовного брата* было смирение и скромность (см. Greg. Tur. Hist. V, 9; VII, 1; VIII, 15; Bede Hist. Eccles. IV, 3, 7). Григорий Турский избегает даже упоминания неблаговидных дел своих собратьев-епископов (см. Greg. Tur. Hist. V, 5)[1206]. Важнейшие решения принимаются коллективно (см. Greg. Tur. Hist. V, 14(2), 18, 36; VIII, 7; IX, 39, 41, 42; B.D., IV, 14). Пренебрежение решением *братии* или самостоятельные действия связываются с тяжелыми проступками. Подобное поведение осуждается и наказывается вплоть до исключения из сообщества[1207]. Отказ от сотрудничества в ее рамках также оценивается как предательство[1208]. Ее члены защищают друг друга от посягательств извне[1209]. Кроме того, о наличии подобных правил известно и за пределами

[1202] *«никто не будет считать вас святителями Господними, если вы уроните свое достоинство и оставите брата в опасности…»*.
[1203] В «Церковной истории» один из братьев Хагустальденской церкви выполняет просьбу своего заболевшего брата принести ему частицу креста с Хэвенфельдского поля, на которое тот отправлялся (см. Bede Hist. Eccles. III, 2).
[1204] *«чтобы брат удостоился помощи Господа»*.
[1205] Таким же образом поступает и некий монах из монастыря Барденей, по своей инициативе давая совет молодому послушнику, как излечиться от лихорадки (см. Bede Hist. Eccles. III, 12). Братья помогают отшельнику Кутберту обустроиться на новом месте (см. Bede Hist. Eccles. IV, 28).
[1206] Автор «Истории франков» все же не может полностью воздержаться от осуждения неподобающего поведения своих собратьев епископов, но критикует их от имени третьих лиц (см., например, Greg. Tur. Hist. VIII, 7). В «Истории франков» присутствуют так же примеры, когда духовные братья и сам Григорий Турский восхваляют друг друга перед третьими лицам (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 12, 15). В «Церковной истории» Беда Достопочтенный вообще воздерживается от какой–либо критики священнослужителей. Только в одном месте он приводит слова Айдана будущего епископа Линдисфарнского, который очень мягко указывает на ошибку своего предшественника в просвещении англов Нортумбрии (см. Bede Hist. Eccles. III, 5).
[1207] Так Виктор, епископ Сен–Поль–Труа–Шато был отлучен от церковного общения, за то, что простил своих обидчиков, которых обвинил перед собранием епископов, без согласия членов этого собрания. Хотя сделано это было из христианских соображений (см. Greg. Tur. Hist. V, 20). А для монаха одного из монастырей Британии пренебрежения советами братьев обернулось попаданием в ад после смерти (см. Bede Hist. Eccles. V, 14).
[1208] Беда Достопочтенный прямо связывает отказ кельтских епископов сотрудничать с католической миссией с последующим нападением на них короля Нортумбрии язычника Эдильфрида: *«поскольку они не хотели принять мир от своих братьев, они получили войну от врагов»* (Bede Hist. Eccles. II, 2).
[1209] Совет епископов готов отлучить от церкви короля Хильперика за клевету на Григория Турского (см. Greg. Tur. Hist. V, 49). После отказа короля присутствовать на мессе, которую служил епископ Палладий, другие епископы, *«смущенные унижением брата»*, вступаются за него перед королем (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 7; см. также Greg. Tur. Hist. IX, 19). Иногда сам Господь наказывает за оскорбление своего епископа (см. Greg. Tur. Hist. VIII, 12).

сообщества: принц Меровей указывает, что решение о его недопущении к причастию должно было быть принято коллективно (Greg. Tur. Hist. V, 14).

Для монастырского братства характерно еще более большая близость: совместное проживание (см. Bede Hist. Eccles. III, 8, 26), прием пищи (см. Bede Hist. Eccles. III, 2), молитвы и чтение (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3, 24; V, 14, 19), путешествия (см. Bede Hist. Eccles. III, 19; IV, 25; V, 1), празднования (см. Bede Hist. Eccles. V, 22) и миссионерская деятельность (см. Bede Hist. Eccles. V, 9)[1210]. Довольно часто Беда Достопочтенный изображает монашеское братство как единый организм без каких–либо возрастных и иерархических различий, имеющий общую волю, чувства и мнения (см., например, Bede Hist. Eccles. III, 8, 11; IV, 30, 31; V, 22)[1211].

Особое место в отношениях между *братьями* занимает момент смерти и похороны. Епископ Брикаций отправляется в путь среди ночи, чтобы попасть на похороны своего собрата Арменция (см. Greg. Tur. Hist. II, 1). В «Церковной истории» духовные *братья* не только делят момент смерти и покаяние, но и место погребения (см. Bede Hist. Eccles. III, 17; IV, 3, 7; V, 14; 19; см. также: Greg. Tur. Hist. VII, 1). Кроме того, обретения нетленных мощей умерших *братьев* также происходит монашеским коллективом (см. Bede Hist. Eccles. IV, 30, 32).

Концепт духовного *сестринства* встречается только в «Истории франков» и «Церковной истории». Единственным его агентом выступают монахини. И Григорий Турский, и Беда Достопочтенный используют для передачи этого концепта термин *soror*. В «Истории франков» в этом значении он встречается шестнадцать раз, что составляет 32% от общего числа его употреблений (см. Greg. Tur. Hist. VI, 29(4); IX, 42(11); X, 15). В «Церковной истории» это происходит в девяти случаях (38%) (см. Bede Hist. Eccles. III, 8; IV, 7(2), 9(2), 19, 23(3))[1212]. В отличие от описания духовных *братьев*, ни один из авторов не использует эпитетов по отношению *сестрам*.

В целом, группа духовных сестер демонстрирует те же особенности отношений, что и группа духовных братьев. Для нее свойственен коллективизм[1213], взаимопомощь и забота друг о друге. Кроме того, в «Церковной истории» и отчасти в «Истории франков» данный концепт встречается в сообщениях, так или иначе связанных со сном или смертью[1214].

[1210] Григорий Турский пеняет блаженному Сальвию, что как настоятелю ему следовало проводить больше времени с братией монастыря (см. Greg. Tur. Hist. VII, 1).

[1211] См. также Bede Hist. Eccles. III, 12, 23; IV, 14, 18, 30; V, 1. Рассказывая о смерти второго настоятеля монастыря Лестингей Хада, Беда Достопочтенный называет всех героев рассказа *братьями* ничем не выделяя положение Хада как аббата и епископа Мерсийского (см. Bede Hist. Eccles. IV, 3).

[1212] Эти данные согласуются с данными, приводимыми Дж. Шуленберг о процентном соотношении между количеством женских и мужских монастырей, основанных в VI–VII вв. на территории современной Франции и Британии (см. Schulenburg J.T. Opp. cit. P. 263–270).

[1213] Также, как и в случае с братьями, *сестры* представляются как единое целое (см. Greg. Tur. Hist. VI, 29), стремление же выделится из него воспринимается как девиация. Так, св. Радегунда в своем письме просит наказать сестру, которая попытается присвоить себе часть имущества монастыря (см. Greg. Tur. Hist. IX, 29).

[1214] Григорий Турский впервые задействует этот концепт в связи с рассказом о смерти монахини Диосцилы (см. Greg. Tur. Hist. VI, 29), Беда Достопочтенный — в сообщении об обнаружении нетленных мощей св. Эрконготы (см. Bede Hist. Eccles. III, 8; см. также Bede Hist. Eccles. IV, 19). Затем у автора «Церковной истории» он

Последним концептом родства, встречающимся в рассматриваемых нами произведениях в духовном смысле, является концепт отношений *жених*[1215]*—невеста*[1216]. Он используется только Григорием Турским и Бедой Достопочтенным, хотя встречается достаточно редко[1217]. Он передается исключительно терминами *sponsus* и *sponsa*. В данной паре под женихом подразумевается Иисус Христос, а под невестой — монахиня[1218]. Беда Достопочтенный в двух случаях использует эпитет *небесный* (*caelestis*, Bede Hist. Eccles. III, 8, 24) по отношению к *жениху*. Данные концепты во много становятся определяющими для передачи отношений «Иисус Христос–монахиня». Так, в большинстве случаев первого называют *женихом* без уточнения имени (см., например, Greg. Tur. Hist. VI, 29, IX, 42; Bede Hist. Eccles. III, 8, 24). Говоря о монахинях особой святости, Беда Достопочтенный характеризует их как «невест Христовых»[1219] (см., например, Bede Hist. Eccles. III, 8; IV, 19)

Кроме того, и Григорий Турский, и Беда Достопочтенный упоминают обмен подарками между *женихом* и *невестой*, ключевую роль в этом играет сохранение ею непорочности (см. Greg. Tur. Hist. I, 47; VI, 29; Bede Hist. Eccles. IV, 20). Наконец, также, как и в случае с сестрами, концепт отношений *жених—невеста* упоминается в основном в связи со смертью последней. При этом момент смерти представляется в качестве аналога церемонии заключения брака.

Анализ искусственных родственных связей, представленных в рассматриваемых «Историях», позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, необходимо отметить, что в них встречается несколько их видов: отношения, используемые в церковной доктрине; отношения между служителями церкви; отношения между служителями церкви и мирянами; отношения, основанные на участии в обряде крещения. В основном все они воспроизводят модели взаимодействий между такими родственниками как отец/мать-сын/дочь, между братьями и между сестрами, женихом и невестой. При этом идеал отношений кровного родства подается как существующая норма в родстве искусственном.

фигурирует в рассказе о чуме в монастыре Инберекинг (см. Bede Hist. Eccles. IV, 7). В IX и XXII главах IV книги сообщается о видениях монахинь смерти настоятельниц монастырей.

[1215] В двух случаях Григорий Турский и Беда Достопочтенный имеют ввиду мужей. В «Истории франков» жена сенатора Инъюриоза, беседуя с мужем, называет Иисуса Христа — *«господин супруг мой Иисус Христос»* (*«sponso domino meo Iesu Christo»*, Greg. Tur. Hist. I, 47). Беда Достопочтенный приводит цитату из апостола Павла, где также говорит о муже — *«единому мужу, а именно Христу»* (Bede Hist. Eccles. II, 9). В данных случаях в этом же значении *sponsus* встречается в переводах на новоевропейские языки (см. Gregory of Tours. History of the Franks / Trans. by L. Thorpe. P. 96–97; Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. 1. P. 39; Григорий Турский. История франков. С. 23).

[1216] Об использовании в XI–XII вв. образов епископа как жениха своей паствы, папы римского как отца епископов и церкви как матери для прихожан в церковной риторике см. в McLaughlin M. Sex, Gender, and Episcopal Authority in an Age of Reform, 1000–1122. Cambridge, 2010.

[1217] В «Истории франков» 3 раза упоминается духовный *жених* (см. Greg. Tur. Hist. I, 47; VI, 29; IX, 42) и один раз невеста (см. Greg. Tur. Hist. I, 47). Беда Достопочтенный 5 раз говорит о первом (см. Bede Hist. Eccles. II, 9; III, 8, 24; IV, 20(2)) и 6 раз о второй (см. Bede Hist. Eccles. III, 8; IV, 19, 20(4)).

[1218] В одном случае Григорий Турский называет невестой праведницу, живущую в браке (см. Greg. Tur. Hist. I, 47), в другом Беда Достопочтенный понимает под невестой народ Нортумбрии (см. Bede Hist. Eccles. II, 9).

[1219] Григорий Турский более свободно присваивает эту степень родства: по сути, для него все девственницы потенциальные невесты Христа. Беда Достопочтенный, напротив, удостаивает ей всего двух аббатис, доказавших свою святость нетленностью своих мощей (см. Bede Hist. Eccles. IV, 20).

Наиболее часто в наших «Историях» в искусственном родстве используется концепт *отцовства*. Он присутствует и в церковной доктрине (Бог–Отец по отношению к Иисусу Христу и верующим), в отношениях между служителями церкви, между служителями церкви и мирянами. Отцовство и передающий его термин *pater* сохраняют здесь те же коннотации, которые имели в родстве кровном: авторитет, покровительство. Кроме того, необходимо отметить, что из упоминаемых духовных *patres*, большинство были мертвы на момент написания «Историй». Это позволяет предположить, что, как и в случае с кровными отцами, смерть была важной составляющей приобретений данного статуса.

Концепт материнства в основном используется в рассматриваемых источниках для передачи отношений в рамках церковной доктрины (церковь — мать верующих), и в отношениях между служителями церкви (аббатисами и монахинями). При этом аббатисы, называемые *mater*, имеют ряд общих черт: все они были основательницами своих монастырей и принадлежали к королевским семьям. Кроме того, в «Церковной истории» все женщины были девственницами, а в «Истории франков» св. Радегунда, хотя и состояла в браке, не имела детей. Аббатисы, в описании наших авторов, также демонстрируют значительное сходство с кровными матерями: они любят своих «детей» и заботятся о них, слепы в отношении их недостатков и проступков. В сферу ответственности *mater* входит, прежде всего, забота о повседневных нуждах обитателей монастыря. Духовная же составляющая монашества (аскеза, набожность и т.д.) отходит для них на второй план.

Хотя концепт *filius* является и составляющей церковной доктрины (Иисус Христос в отношении Бога–Отца, христиане по отношению к Богу–Отцу), и передает отношения между служителями церкви, служителями церкви и мирянами, в рассматриваемых историях он упоминается значительно реже, чем отцовство и материнство. Упоминание *filia* в рамках искусственного родства также редко и происходит только в описаниях отношения священнослужителей и мирян. Духовные сыновья и дочери сохраняют подчиненное положение по отношению к духовным родителям, как и в ситуации кровного родства.

Необходимо отметить, что все 4 упомянутых выше термина часто встречаются вместе с эпитетами, что не характерно для них при передаче родства кровного. С одной стороны, это может объясняться характером сообщений, в которых находится большинство из них, — это обращения духовных лиц друг к другу и мирянам в письмах, т.е. они могли быть формой вежливости. С другой стороны, возможно, эпитеты служили индикатором некровности родства. Наконец, они могли использоваться для придания благожелательного тона сообщениям, имеющим, по сути, приказной характер, сообщали им вид добровольности и сотрудничества, что не характерно для отношений кровных родственников этих степеней. При сохранении коннотации превосходства у *pater* и подчинения у *filius* и *filia* в рамках

искусственного родства, в отношениях между священнослужителями и мирянами, а также между самими священнослужителями, последние часто не располагали теми рычагами давления, которые имели кровные отцы, и были вынуждены прибегать к другим методам, чтобы добиться подчинения от своих *детей*.

Достаточно часто в рассматриваемых источниках упоминается концепт братства, передаваемый термином *frater*. Духовные братья в наших «Историях» — это в основном церковные иерархи или монахи. Авторы особо подчеркивают, что отношения между ними строятся на взаимной любви (телесным способом выражения которой могут служить поцелуи при встрече), уважении и взаимопомощи, а часто и круговой поруке. *Fratres* в основном сотрудничают друг с другом, мы практически не встречаем упоминаний споров или ссор между ними. В качестве их важнейших качеств изображаются смирение и скромность, готовность руководствоваться в своих поступках общей волей и общим благом. В рамках монастыря близость между братьями достигает своего максимума: они вместе спят, едят, молятся, работают, умирают и покоятся на кладбище. Таким образом, монашеское братство изображается как единый организм, в котором растворяется индивидуальность отдельных его членов. Концепт сестринства в «Историях» демонстрирует схожие черты. Подобное изображение духовных братьев и сестер ярко контрастирует с описанием отношений родных сиблингов, и, скорее всего, призвано подчеркнуть несовершенство земных/плотских уз и идеальность небесных/духовных.

Использование терминов кровного родства при передаче искусственных родственных отношений в рамках церковной организации также позволяет определить положение в ней человека, который обозначается термином родства (братьями и сестрами называются равные по положению лица, отец и мать стояли выше тех, кто так их называл, сыновья и дочери были ниже отцов и матерей).

Искусственные родственные связи, основанные на участие в обряде крещения, упоминаются в рассматриваемых «Историях» относительно редко, часто без использования терминов родства или с теми же терминами, что и отношения родства кровного. Однако, судя по сведениям источников, наши авторы придавали им большое значение. В изображении Григория Турского они во многом напоминают узы кровного родства. Хотя в их описаниях не упоминаются какие-либо обязанности родственников друг перед другом, важную роль в их функционировании играют взаимные услуги. Кроме того, они были важны в вопросах политики: во Франкском королевстве с их помощью устанавливалась связь между германской и галло–римской элитой, между властью светской и духовной; в англо-саксонской Британии они также помогали закреплять отношения господства-подчинения одних королей другим.

Наконец, отношения женщины с Иисусом Христом в рамках искусственного родства приобретают форму *жених—невеста*. При этом невеста являлась монахиней, чаще всего девственницей, которая в момент смерти соединяется с женихом. С одной стороны, использование данного концепта демонстрирует важность родства по свойству в рассматриваемых обществах. С другой, в сообществах, где брак и семья долгое время воспринимались как естественная и часто единственная достойная цель жизни женщины, таким образом мог оправдываться и смягчаться отказ от нее для девушек и их родных.

Выводы по Главе 3

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать несколько выводов. С большой долей вероятности мы можем утверждать, что Григорий Турский, Беда Достопочтенный и Павел Диакон рассматривали родство в качестве отношений, основанных на бессрочной и безусловной эмоциональной привязанности. В то же время на интенсивность и способы выражения этой привязанности влияли и существующие в обществе нормы, и степень родства, и конкретные ситуации, в которых разворачивались соответствующие эмоциональные проявления. Основными чувствами, которыми указанные авторы наделяют своих героев в связи с переживанием родства, являются горе, радость и гнев. Если первые два изображаются как норма, то проявления гнева в отношениях родственников осуждается. Наши источники фиксируют телесные (плач) и социальные (пиры, подарки, молебны и т.д.) способы их выражения. При этом горе манифестируется преимущественно с помощью первых, радость — вторых.

Кроме эмоциональной составляющей, важную роль в переживании родства играло понятие долга (*officium*). Наши источники говорят, прежде всего, о родительском долге. Главной задачей родителей было обеспечить выживание ребенка. Для этого они заботились о его безопасности и здоровье, поиске брачного партнера, защите его интересов и удовлетворении повседневных нужд. Часть этих обязанностей брал на себя отец ребенка, часть из них исполнялась матерью. Родители заботились о несовершеннолетних сыновьях, дочерях до их замужества, а также при прекращении брака (например, при вдовстве) в случае их возвращения в родительский дом. Под опекой родителей также оставались дети с серьезными увечьями и недугами (слепые, глухие и т.д.). В случае смерти одного из родителей, второй мог взять на себя все обязанности или передать часть из них опекуну ребенка. Наши источники не позволяют проследить в полном объеме действие механизма опекунства. Было ли оно обязательным, например, в случае смерти отца ребенка, или мать сама принимала решение о его необходимости? Возможен ли был выбор опекуна или им мог стать только

определенный родственник? Каковы были права и обязанности опекуна в отношении ребенка / детей, овдовевшей матери, их имущества и т.д.?

В связи с отношениями родителей и детей наши авторы также упоминают об «отеческой заботе». Поскольку она фигурирует в наших источниках достаточно редко и только в метафорическом смысле (по отношению к людям, не состоящим в родстве), мы не можем сделать однозначных выводов о том, что включало в себя это понятие. Представляется вероятным, что под «отеческой заботой» понимались действия в пользу детей, выходящие за пределы родительского долга, которые совершались по желанию родителей вне зависимости от возраста детей.

Анализ наших источников позволяет с уверенностью говорить, что для их авторов дети также имели определенные обязательства перед родителями, хотя ни в одной из «Историй» мы и не встретим термина или сочетания, фиксирующих эти обязательства. Нам удалось выявить два компонента последних — это обязанность подчинения/послушания родителям и их почитание. При этом, если исполнение родителями своего долга ограничено по времени, то дети несут свои обязательства перед родителями до смерти последних. Остается, однако, не ясным, должны ли были дети равным образом подчиняться отцу и матери. Материалы наших источников позволяет предполагать, что женщина не имела власти, по крайней мере, над взрослыми сыновьями.

Отношения между сиблингами строились на основе равенства их прав, прежде всего, в вопросе привязанности к ним родителей, и права на наследование их имущества. И, напротив, мы не встречаем сведений о каких-либо обязанностях братьев друг перед другом. Единственным исключением можно считать взаимопомощь, однако сведения наших источников не позволяют однозначно охарактеризовать ее как отношения долженствования. Возможно, важную роль в ее восприятии как обязательной играло наличие реальной опасности для брата. Что касается отношений братьев и сестер, то первые фактически заменяли вторым родителей, перенимая на себя большую часть родительских обязанностей.

Описывая отношения дядьев/теток и племянников, наши источники рисуют различную картину их развития в зависимости от того, принадлежали первые к светской или духовной среде. Миряне заботились о несовершеннолетних племянниках и незамужних племянницах, но только в случае отсутствия у них других подходящих по возрасту близких родственников мужского пола, хотя из источников до конца не ясен механизм установления опеки. Служители церкви опекали взрослых племянников и племянниц, что позволяет предположить, во-первых, что они действовали по своему желанию, вне зависимости от наличия у племянников\племянниц родителей или опекунов, а во-вторых, что они рассматривали их в качестве своих потенциальных преемников на стезе церковного служения.

В качестве общей для всех кровных родственников обязанности можно отметить кровную месть. Однако нашими авторами она оценивается неоднозначно. Кровную месть осуществляли, как правило, наследники убитого, которые и были его ближайшими родственниками. Главным ее мотивом чаще всего изображаются не чувства к погибшему или обесчещенному родственнику, а именно соображения долга и престижа рода. В качестве общей тенденции можно отметить стремление авторов создать у читателей впечатление о кровной мести, как обычае, уходящем в прошлое. Другой общей особенностью исследованных текстов является отсутствие безусловной критики отмщения: строго осуждаются женщины-мстительницы, мужчины же — только в случае отказа согласовывать месть с божьей волей.

Важную роль в переживании родства играло памятование об умерших родственниках. Рассматриваемые источники позволили выделить такие его формы как составление и трансляция генеалогий, организация обряда похорон, кровная месть и выбор имени в честь умершего родственника. «Генеалогическая» коммеморация, по всей видимости, была характерна для сообществ германцев и предполагала сохранение памяти о родственниках Эго по прямой нисходящей мужской линии. Григорий Турский также фиксирует элементы этого способа поминовения в «Истории франков», но в ней Эго сам выбирает, память о ком из родственников он желает сохранить. Коммеморативные практики, связанные с похоронами, включали в себя организацию места захоронения, самого обряда и последующих траурных и поминальных мероприятий. При описании в наших «Историях» этого способа памятования мы не встречаем каких-либо ограничений в его исполнении (например, в зависимости от степени родства, времени, характера отношений между родственниками). Обычай кровной месть также содержал в себе мемориальный элемент, однако в изображении наших авторов она не всегда осуществлялась с особым усердием. Именование в честь умершего родственника позволяло не только воскресить в памяти современников поступки (заслуги, достоинства и т.д.) конкретного предка, но и подтвердить единство рода, к которому принадлежали памятуемый и названный его именем родственник. Большое значение, судя по материалам «Истории франков», имела практика обмена подарками между родственниками. Ее значимость могла объясняться тем, что она способствовала укреплению выгодных с точки зрения политической ситуации родственных связей, значение которых прежде ослабло из-за борьбы за власть и ресурсы.

В качестве еще одного сюжета, важного в плане реконструкций переживания родства, выступает трактовка авторами девиаций в отношениях между родственниками. Среди подобных девиаций, нашедших свое отражение в рассматриваемых нами источниках, можно отметить инцест, убийство родичей и конфликты между ними. Инцест изображается в качестве проступка, однозначно осуждаемого во всех сообществах и независимо от

обстоятельств его совершения. Убийство родственников также считается отклонением от нормы, но в его оценке авторами прослеживается больше нюансов. Так, Григорий Турский оправдывает родителей, убивающих своих детей в целях самозащиты, изображая подобные действия как божественную кару, ниспосланную неблагодарным отпрыскам того или иного семейства. Рассказывая об убийстве друг друга дядьями и племянниками, Григорий Турский, по всей видимости, вынужден учитывать современную ему политическую ситуацию, в которой подобные происшествия не были редкостью. Не решаясь открыто осуждать их, автор «Истории франков» создает негативный образ самих убийц (с помощью литературных средств он акцентирует тот факт, что подобного рода преступления совершают язычники, ариане, лица, лишенные чести и достоинства и т.д.). Кроме того, к девиациям наши авторы относят и распри между родственниками. Подобное восприятие, по-видимому, было связано с тем, что в ходе конфликтов стороны попирают привычные узы родства, и это попрание может обернуться печальными последствиями не только для непосредственных участников ссоры, но и для более широких слоев общества — коль скоро ссорящиеся, к примеру, являются королями. Отметим в качестве довольно важного нюанса, что конкретными зачинщиками конфликта между отцами и сыновьями наши авторы всегда называют последних, а в ссорах матерей и дочерей обвиняют в случившемся обе стороны. В основе же личного конфликта отцов и детей, в восприятии раннесредневековых писателей, как правило, лежит уверенность в ненадлежащем исполнении родителями своих обязанностей. Ссора в данном случае выступает в качестве способа принудить родителей к выполнению своего долга перед детьми.

Большую роль в жизни индивида играли группы родственников. В рассматриваемых произведениях можно выделить несколько вариантов таких групп, сформированных на основе различных критериев (родственники по крови, родственники по свойству, смешанные группы) и обозначенных у каждого автора особыми терминами (*parentes, propinqui, cognati, consanguinei, proximi*). Хотя ни один из писателей не упоминает о специфической эмоциональной привязанности Эго именно к коллективам родственников, предпочтение этим сообществам интересов неродственных для индивида групп осуждается в любых ситуациях. Анализ текстов источников позволяет предполагать, что отношения между индивидом и группой сородичей должны были строиться исходя из идеалов взаимоуважения и поддержки. Разумеется, что само положение индивида в обществе зависело от его родственных связей и тех возможностей, которые предоставлялись благодаря родству. Этим объясняется тот факт, что наши авторы изображают отсутствие родственников или их смерть, как печальное событие, однозначно осуждая их убийства.

Важность родственных связей в рассматриваемых обществах подтверждается и переносом концептов родства на отношения неродственников. В источниках отразилось

использование этих концептов в отношениях между служителями церкви, между служителями церкви и мирянами, а также в тех отношениях мирян, которые формировались вокруг обряда крещения. В основном концепты, выражающие идею духовного родства, проецировали на отношения неродственников фрейм «нормальной» связи между отцом/матерью и сыном/дочерью, между братьями и сестрами, между женихом и невестой. При этом на ситуации квази-родства транслировались основные характеристики отношений между кровными родственниками («отеческий авторитет», «сыновнее послушание» и т.д.), хотя реализация этих моделей поведения и встречала определенные затруднения в связи с отсутствием полноценного социального нормирования квази-родственных связей. На искусственность родства в текстах наших «Историй» указывают эпитеты, в большинстве случаев сопровождающие термины родства, которые метафорически применяются в отношении неродственников. В общем и целом, наши авторы стремились представить духовное родство, сформированное в лоне христианской церкви, как воплощенный идеал «подлинной любви и почтения» верующих друг к другу, подчеркивая несовершенство земных/плотских уз и возвышенный характер душевных связей между верными Христовыми. Разумеется, в обществах, где кровные родственные связи играли важнейшую роль в повседневной жизни человека, моделирование искусственного родства по образцу кровного помогало оправдывать и смягчать отказ от этого последнего для тех, кто решил всецело связать себя с какой-либо духовной корпорацией. Наконец, узы искусственного родства, основанные на обряде крещения, наделялись важнейшим значением в плане консолидации духовной и светской элиты общества, утверждения идеала личной верности как проекции божественного миропорядка, способствуя тем самым распространению и усвоению норм христианской морали.

Заключение

Проблематика родства в различных обществах и в различные периоды их существования исследуется уже более полутора сотен лет. За это время представители различных наук об обществе и человеке подвергли изучению целый ряд важнейших вопросов, связанных с этим социальных институтом. Полученные ими результаты наглядно демонстрируют его первостепенное значение в истории всех без исключения человеческих сообществ.

Обращаясь к исследованиям родства в обществах Античности и Средневековья, можно обнаружить схожую проблематику и тенденции в работах, посвященных обоим этим периодам. Данный факт служит подтверждением значительного влияния, которое трансформация семейно-родственных отношений, прежде всего римской цивилизации, оказала на становление этого социального институты в раннесредневековой Европе. Так, в обоих сообществах одним из первых исследованию подвергся вопрос первоначального характера организации родственных коллективов (в т.ч. проблема существования и сути матриархата, а также причин и времени перехода к патриархату) и этапов ее эволюции (при условии, что таковая имела место). Большое внимание уделяли и продолжают уделять исследователи вопросам рамок (обозначенных тем или иным способом или негласных) существовавших в этих сообществах родственных коллективов. Наконец, по-прежнему активно обсуждаться и вопрос изначального характера семьи (расширенная или нуклеарная) в этих обществах, а также причин и этапов ее трансформации (если она действительно происходила). При изучении семьи и в том, и в другом сообществе, прежде всего, рассматривались ее функции в политической, экономической и социальной сфере.

Начиная с середины прошлого века внимание исследователей начинает привлекать комплекс проблем, связанных с внутренней жизнью семьи в период Античности и Средневековья, переживанием родства, совокупностью духовных и материальных связей и отношений между членами родственных коллективов. Под их пристальное внимание постепенно попали вопросы отношений между членами семьи (в частности, их эмоциональная составляющая), особенностей положения отдельных ее членов, в особенности детей. Начали рассматриваться и характерные черты семей представителей различных социальных классов, семей, проживающих в различных локациях (например, городах и сельской местности), влияние романизации и ее уровня на семейную жизнь и организацию на различных территориях Римской империи и в государствах, образованных на месте ее провинций после ее распада. Также, подробному изучению подверглись проблемы, связанные с квазиродствнными отношениями в античных и средневековых сообществах, моделью для которых послужил институт фактического родства. Кроме того, можно отметить расширение круга источников и методик их изучения для исследований проблематики родства, что

позволило как получить новые сведения по уже рассматриваемым вопросам, так и выделить новые направления исследований.

В этот же период начинает пересматриваться и ответ на вопрос о влиянии христианства на античную и средневековую семью. Все больше исследователей приходят к выводу, что христианская риторика не оказала значительного воздействия ни на решение практических вопросов семейной жизни (состав и образ жизни семьи, отношения между ее членами), ни на восприятие этого института большинством населения. Идея отказа от родства и целибата не только не были новацией христианских теологов, но и не получили большой популярности среди первых христиан. Христианство смогло на короткий период значительно изменить лишь положение женщин и детей, превратив их в равноправных членов общества в связи с их быстрым обращением и участием в распространении новой религии. Однако, после утверждения христианства в качестве господствующего вероучения, они утратили свои позиции, вновь превратившись в неполноправных членов общества.

Важную роль в трактовке современными историками отношений родства в период Античности и Средних веков играют исследования представлений о нормах и девиациях в отношениях между родственниками. В настоящий момент большая часть специальных работ в рамках данной проблематики посвящена инцесту и детоубийству. Основное внимание исследователями уделяется вопросам социальной обусловленности трактовки того или иного поведения как инцеста и детоубийства в указанных обществах (т.е. почему то или иное поведение причислялось к ним). Другой важной проблемой остается поиск причин пересмотра этой оценки (например, почему в Римской империи постепенно сужался круг родственников, сексуальные отношения с которыми считались инцестуальными, а в Средние века он, наоборот, расширялся). Большое внимание уделяется вопросам существования средств контрацепции и способов совершения абортов, которые рассматриваются некоторыми исследователями в т.ч. как средство контроля численности населения. Дискуссионным остается вопрос о распространенности практики убийства грудных детей в сообществах периода Античности и Средних веков.

Незначительное количество работ до настоящего момента было посвящено изучению родства и родственных отношений в обществе франков, англосаксов и лангобардов в период раннего Средневековья. Исследователи в основном обращаются к общим вопросам истории семьи в этих сообществах: виды родственных групп, преобладающий тип семьи, характер родства, правовое положение родственников членов. В большинстве своем эти работы выполнены на материале правовых источников, что приводит к недостаточно полному освещению этих вопросов. В последние два десятилетия начинали появляться работы, посвященные вопросам переживания родства (положению отдельных членов семьи, роли

детей и т.д.), однако большая их часть посвящена Галлии / Франкии. Многие вопросы (отношения сиблингов, роль родственников в жизни нуклеарной семьи и ряд других) до настоящего времени практически не рассматривались в рамках существующих работ.

К еще одному недостатку имеющихся исследований можно отнести недостаточное привлечение данных, полученных в ходе анализа терминологии родства. Хотя ее исследование ведется довольно давно, однако до настоящего времени львиная их доля представляла собой изучение этимологии и словообразования этих слов. Гораздо более продуктивным для изучения проблематики *переживания* родства, на наш взгляд, является анализ их возможных дополнительных значений и синонимов у разных авторов, в произведениях различной жанровой принадлежности, в различные периоды времени. В настоящий момент данная проблематика только начинает разрабатываться исследователями, и нам известен лишь ограниченный круг работ, в которых латинские и англосаксонские термины родства изучаются в подобном ключе. Однако уже их результаты подтверждают, что изучение дополнительных коннотаций и синонимов терминов родства способствует более глубокому пониманию как самих отношений родства, так и процессов, происходящих в обществах, в которых создавались и бытовали исследуемые тексты и термины, а также личностей их авторов. Новые сведения для понимания эволюции восприятия родства и родственных отношений дает и сравнение «вокабулярия» терминов родства у авторов, создававших нарративы различных жанров, живших в различных регионах Европы или в разные периоды ее истории. В связи с этим представляется крайне важным сравнительное изучение словаря терминов родства у рассматриваемых нами авторов.

На основе терминологического анализа «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона был выявлен ряд особенностей употребления слов, обозначающих родство — и по сравнению с языковыми практиками античного времени, и в соотнесенности исследованных нами памятников друг с другом.

Всего в «Историях» встречается более 40 терминов, маркирующих отношения кровного родства. На первый взгляд, наши авторы демонстрируют достаточное лексическое разнообразие. С другой же стороны, у Исидора Севильского в IX книге «Этимологий» упоминается более 50 слов, обозначающих родство, а в тексте «Вестготской правды», формирование которого завершилось в середине VII в., — более 60 слов, характеризующих различные виды родственных отношений. Кроме того, зафиксированные нами термины родства неравномерно представлены в текстах трех «Историй»: Григорий Турский использует 29 терминов, Беда Достопочтенный — 25, а Павел Диакон — 24 (см. Приложение 23). При этом, одно и то же слово могло использоваться для обозначения нескольких степеней родства,

но в таком случае среди его значений довольно легко выделяются основное и второстепенные (подчас серьезно отличавшиеся от основного). В целом, указанные термины соотносятся «всего» с *двадцатью пятью* степенями родства, что априори вроде бы свидетельствует о сравнительной узости родственных групп, существовавших в период создания наших источников. Почти у каждого термина, встречающегося в «Историях» (за исключением *filius* и *filia*) имеется разное количество синонимов. Однако они не обладают полностью идентичным значением, имеют различные смысловые оттенки и коннотации, изучение которых на материале только наших источников затруднительно и требует привлечения более широкого корпуса лингвистических свидетельств.

В качестве специфического отличия латинских терминов родства, употребляемых авторами трех «Историй», можно отметить смену основного значения у некоторых из этих терминов. Например, термин *nepos* обозначает в основном *племянника*, а в более привычном для Античности значении *внук* встречается в наших источниках довольно редко. Слово *Neptis* означает только *племянницу*, но никогда — *внучку*. Термин *parens* приобрел значение *предок*, которого был лишен в классической латыни. *Posteri* обозначает потомков как кровных родственников только в «Истории франков». В «Церковной истории» термин указывает на представителей будущих поколений, безотносительно их возможного родства с героями произведения. Термин *frater* в половине случаев используется Бедой Достопочтенным в значении «монах, член монашеской общины». Термин *consobrinus/a* и *patruelis* обозначают *двоюродного брата*, безотносительно к стороне родства. Григорий Турский использует термин *amita* для указания и на *тетку по матери* (хотя в классической латыни термин обозначал *сестру отца*) и на *жену брата*, вовсе не используя термин *matertera*. Наконец, в «Церковной истории» встречается термин *fratruus* в значении *племянник*, которое не фиксируется в текстах, написанных на классической латыни.

Сторона родства нашими авторами практически не учитывается. Так, термины *consobrinus/a, amita, matertera, avunculus* фактически утратили функции указания на родство со стороны отца или матери, которыми обладали в классической латыни, и стали маркировать степени родства безотносительно к вопросам латеральности. Единственным термином, который полностью сохраняет в трех «Историях» свое исконное значение, является слово *patruus*, указывающее на *дядю по отцу*.

В всех трех текстах преобладают индивидуальные степени родства, а родственные группы различного масштаба (от родительской пары до гораздо более многочисленных объединений — детей, предков, потомков и т.д.) хотя и фигурируют в повествованиях Григория, Беды и Павла, но упоминаются ими довольно редко. Степени родства прослеживаются авторами сравнительно неглубоко. В «Историях» встречаются деды/бабки, прадеды/прабабки, но далее

родство четко не исчисляется, на него указывают при помощи обобщающих терминов «предки» либо «родственники». Кроме того, сами случаи употребления таких терминов единичны. Совсем не упоминаются правнуки и правнучки. В целом родственные связи, фиксируемые нашими авторами, не отличаются широтой охвата: сравнительно часто взаимодействуют носители родства вплоть до двоюродного. Более дальние родственники практически не упоминаются. Особенной гендерной окрашенности восприятия родства тремя писателями выявлено не было: «мужские» термины преобладают над «женскими», но этот факт весьма предсказуем исходя из специфики повествований и общекультурного контекста, в котором они создавались.

Некоторые, особенно часто упоминаемые степени родства — такие, как *pater, mater, filius* — имеют особые коннотации, которые несколько отличаются применительно к каждому из трех текстов. Так, термин *pater* у всех трех авторов указывает на мужчину в ситуациях взаимодействия, прежде всего, с иными мужчинами и гораздо реже — с женщинами. Важнейшей коннотацией этого термина, характерной для всех трех «Историй», была коннотация «смерти». Анализ «Историй» показывает, что в изображении наших авторов, между отцом и сыном существовала особая духовная связь, которая была не менее — а в некоторых случаях даже более — важной, чем связь биологическая. Такая связь устанавливалась в момент рождения сына, но кульминации своей достигала в час смерти отца. Ипостась отцовства для персонажей мужского пола прописывалась наиболее четко именно в эпизодах, связанных с их смертью, и по отношению к их живым сыновьям. Другим важным смысловым оттенком слова *pater* было «прошлое». Вероятно, такая подача являлась отражением архаичной («германской») картины мира, поскольку наиболее часто соответствующие семантические нюансы проявляются в генеалогиях, которые могли включаться в тексты «Историй» наподобие «блоков» информации, целиком заимствованных из иных памятников или устной традиции. При этом термин *pater* обычно соотносится с таким отрезком времени в прошлом, который воспринимался как «лучший» по сравнению с позднейшими периодами и настоящим. Наконец, последним из отмеченных нами дополнительных значений термина была коннотация «авторитета», вплоть до ассоциации с Богом-Отцом. В связи с коннотацией «прошлого», и учитывая его особое восприятие у германских народов, отец позиционировался как непререкаемый авторитет, которого следовало почитать и при жизни, и после смерти (в том числе продолжая начатые им некогда предприятия и воплощая высказанные им замыслы).

Хотя указанные выше дополнительные семантические значения термина *pater* являются общими для всех трех произведений, в «Истории лангобардов» они несколько нивелируются. Так, образ «отец» в какой-то мере «десакрализируется», лишается статуса непререкаемого

авторитета у Павла Диакона. Допускается критика конкретных представителей «поколения отцов» за их еретические религиозные взгляды, чего не позволяли себе ни Григорий Турский, ни Беда Достопочтенный. *Patres* словно бы становятся пассивными фигурами, сыновья «перехватывают» у них инициативу по наведению порядка в земной жизни. Смягчается и отмеченная выше ассоциация фигуры отца со смертью, все больше *сыновей* активно и на долговременной основе взаимодействуют со своими *живыми* отцами.

Что касается синонимов к слову *pater*, то в «Историях» встречается два из них – *genitor* и *parens* При этом, в большинстве случаев эти синонимы имеют самостоятельные функции в текстах, их употребление несводимо к простому стремлению авторов избежать тавтологий. Так, и *pater* и *genitor* имеют значение авторитета, но, используя последний термин, наши авторы явно стремятся подчеркнуть природный («биологический») компонент родственных уз, тогда как первый может отсылать читателя к практикам духовного родства.

Свои семантические особенности имеет в рассматриваемых источниках и термин *mater*. Мать, для всех трех наших авторов — это, прежде всего женщина, выносившая и родившая ребенка. При этом, в изображении «Историй» статус женщины зависит от наличия у нее детей: женщины, имеющие их, представляются более уважаемыми, мудрыми и влиятельными по сравнению с бездетными. Возможно, в присвоении женщине более высокого социального статуса определенную роль играло и признание обществом заслуг ее собственных детей — тогда как *pater* выступал самостоятельным субъектом, не нуждавшимся в подобном одобрении. Определенную роль играло и соответствие женщины тому образу *mater*, который считался нормальным в восприятии трех авторов. При изображении матерей наши церковные писатели обнаруживают определенный дуализм: с одной стороны зачатие детей могло осмысляться как следствие греховных помыслов, с другой — мать, по-видимому, оказывалась первой, кто знакомил детей с основами христианской веры. Кроме того, многие правители, об обращении которых пишут наши источники, приняли христианство при активном посредничестве женщин. Некоей двойственностью характеризуется и появление на страницах «Историй» «плохих матерей» (хотя авторы «Историй» никогда не называют «плохими» отцов). В плане коннотаций термин *mater* представляется противоположным термину *pater*: если отец ассоциируется со смертью, то мать — с жизнью, отец служит воплощением «авторитета», а мать — «равенства», отец связан с «прошлым», мать же — с «настоящим», в поступках отца четко прослеживаются духовные компоненты, тогда как в поведении матери более зримо природное / земное начало. В целом же, и Григорий Турский, и Беда Достопочтенный и Павел Диакон сходным образом воспринимают данную степень родства.

В качестве синонима *mater* в «Историях» фигурирует термин *genetrix*. Скорее всего, по своей семантике он был близок к *mater*. В «Истории франков» слову *genetrix* свойственен тот

же дуализм восприятия: с одной стороны, оно четко ассоциируется с образом Богородицы (видимо, матери подвижников католической церкви именуются *genetrix* по аналогии с ней), с другой же — при помощи этого термина явно подчеркивается «биологический» характер родства с *Эго*, что позволяет дополнительно оттенить различия в плоскости «духовной». Однако в «Истории лангобардов» и «Церковной истории народа англов» *genetrices* отсутствуют — возможно, из-за усиления ассоциативной связи данного слова с образом Богоматери. В качестве еще одной особенности употребления *genetrix* в «Истории франков», можно предположить его «этикетное» значение. Возможно, что именно это слово при дворе королей-германцев было принято использовать в отношении матери монарха (не исключено, впрочем, и то, что здесь мы имеем дело с латинским аналогом какого-то особого германского/франкского термина).

Термин *filius* также характеризуется несколькими отличиями в лексиконе трех авторов. Для них *сын* — это мужчина, вовлеченный в ситуации взаимодействия и особые отношения с другим мужчиной (отцом) и женщиной (матерью), основанные как на природных, так и на духовных компонентах. С подобным восприятием мы сталкиваемся во всех трех «Историях», хотя понимание писателями важности, сообщаемой факту биологического родства и соответствующим кровным связям, может розниться. Одной из основных коннотаций этого термина является коннотация «настоящего/будущего» — в противовес термину *pater*. Данная коннотация воплощена в самой структуре сообщений о тех или иных героях (так, сообщения о рождении/наличии детей часто венчают эпизод, повествующий о деятельности конкретного персонажа мужского пола). В «Истории франков» термин *filius* ассоциирован с «пассивностью», «подчиненным положением» по отношению к отцу (что отчасти воспроизводит соотношение в паре «прошлое–настоящее») — однако эта ассоциация несколько смягчается у Беды Достопочтенного и Павла Диакона. Кроме того, важной функцией термина *filius* являлось определение «локации» человека во времени и в социальной структуре. Также иногда употребление этого термина призвано дополнить представление аудитории о мотивах действий отдельных героев повествования.

Таким образом, в восприятии наших авторов совокупность родственников, с которыми постоянно взаимодействовал индивид, не отличалась многочисленностью, и вполне могла сводиться к членам малой / нуклеарной семьи, дополнявшейся теми из родичей, кто проживал в относительной близости от нее. Авторы акцентируют ситуации взаимодействия между родственниками-индивидами, а не индивидом и группой, что в целом может свидетельствовать о повышенной роли межличностных отношений. Родство прослеживалось неглубоко, и актуальные родственные узы не распространялись на здравствующих родственников далее двоюродных. Более сложные степени родства в понимании авторов

«Историй» не наделены особым репрезентативным потенциалом и указываются лишь в редких случаях. Употребление отдельных терминов характеризуется рядом особенностей, к числу которых могут относиться дополнительные значения, связанные, помимо прочего, с формальной организацией исторических нарративов.

Более общее понимание феномена родства нашими авторами также имеет ряд характерных черт. В основе отношений кровных родственников лежит «безусловная и бессрочная» привязанность — *caritas*, интенсивность которой, впрочем, на поверку может меняться в зависимости от степени родства и прочих «жизненных обстоятельств». Указание на наличие или отсутствие этой привязанности является приемом, позволяющим дополнительно характеризовать мотивы и действия тех или иных персонажей, если прямое их осуждение в силу различных причин недопустимо. Так, Григорий Турский изображает взаимоотношения между родичами-мужчинами из династии Меровингов лишенными *caritas,* что, скорее всего, позволяло оттенить неблаговидность их поступков, избежав открытого уничижения представителей королевского рода.

Способы внешнего выражения родственных чувств, судя по изученным текстам, безусловно нормировались социальной средой, но в итоге зависели от множества факторов — в том числе от степени родства персонажей, их статуса в сообществе, формального повода и содержательных особенностей коммуникативной ситуации. Горе и страдание, вызванные утратой (смертью, болезнью, разлукой) родственника, маркированы, главным образом, при помощи «телесных» проявлений – в первую очередь, *плачем* персонажей. Радость и сопутствующие ей чувства, как правило, ассоциированы с более сложными, «социальными» реакциями. К числу явно неодобряемых авторами эмоциональных проявлений в ситуациях взаимодействия родственников относится гнев.

Отношения между родственниками во многом концептуализировались при помощи идеи долга. Конкретные проявления интенций долженствования раскрываются нашими авторами достаточно подробно. Так, долг родителей по отношению к детям состоит в заботе о выживании и здоровье детей, в защите от посягательств на их честь, применительно к дочерям — в удачном подборе для них брачного партнера. Долг в отношении детей равным образом распространяется на обоих родителей. Долг детей перед родителями сводится к беспрекословному подчинению их воле (даже если таковое сопряжено с потенциальным нарушением христианских заповедей), уважению и почитанию, пусть родители и не совсем их достойны. Дети могли рассчитывать на одинаковое участие в их жизни со стороны родителей — независимо от времени и обстоятельств их рождения.

Долг сибсов по отношению друг к другу раскрывается менее подробно. Отношения между однополыми сиблингами строились, скорее, на основе равенства прав, главным среди которых

было право на равные доли в наследстве. В описаниях отношений между братьями мы практически не встречаем авторских указаний на обязанности, за исключением, возможно, помощи в ситуациях, угрожающих жизни и здоровью кого-то из братьев. По отношению к сестрам братья, напротив, наделены определенными обязательствами, которые сходны с родительскими.

Взаимодействие между племянниками/цами и дядьями/тетками, как и между однополыми сибсами, судя по свидетельствам источников, строились на основе добровольности. В светской среде вторые брали под покровительство малолетних детей своих братьев или сестер *по желанию*, которое могло определяться наличием или отсутствием у них прямых наследников. Такое отношение к племянникам/цам особенно характерно для Меровингов, среди которых родственные связи подчас подкреплялись клятвенными обещаниями заботы о более юных представителях семейства. В целом наши авторы изображают упомянутые категории родственников не имеющими по отношению друг к другу строгих обязательств. Священнослужители, согласно сведениям наших источников, чаще имели дело уже со взрослыми племянниками и племянницами, заботясь, в основном, о «карьерном росте» последних в рамках церковной организации. Взаимодействие здесь также носило добровольный характер, по крайней мере, со стороны дядьев/теток.

Единственной обязанностью, более или менее общей для широкого круга родственников, была месть за убийство родственника. Ее исполнение, как правило, ложилось на ближайшего к убитому родственника, который, в большинстве случаев был его наследником. Наши авторы описывают кровную месть как явление, проникшее во все этнические группы раннесредневекового общества (у Григория Турского мстят и галло-римляне, и германцы, и иудеи). При этом Григорий Турский, не критикуя открыто саму практику отмщения родственников, акцентирует топику божественного возмездия, подчас, например, пытаясь представить конкретного мстителя орудием Божьего гнева. Беда Достопочтенный стремится изобразить общество, свободное от этого института, что не вполне ему удается. Из круга непосредственных мстителей фактически исключаются женщины, которым в крайнем случае — при отсутствии иных близких родственников мужского пола — может отводиться роль в организации возмездия.

Переживание родства было тесно связано с практиками поминовения умерших. В трех «Историях» зафиксированы различные способы посмертного памятования: составление генеалогий, организация места погребения умерших (в т. ч. совместных захоронений родственников), заупокойные службы, выбор для детей имени кого-то из покойных родичей и т.д. Все эти меры подтверждали единство и непрерывность существования семьи/рода, связь живых и мертвых членов родственной группы, хотя в рамках различных этнических

сообществ Раннего Средневековья могли преобладать отдельные разновидности мемориальных практик.

Важную роль в функционировании родства, вероятно, играли и практики одаривания родственников, хотя соответствующие эпизоды зафиксированы только в «Истории франков» Григория Турского. Обмен дарами, к примеру, помогал усилить родственные узы, ослабленные ранее политическим соперничеством или иными распрями персонажей. Публичное преподнесение даров могло также демонстрировать признание факта родства в том случае, если первоначально таковой ставился под сомнение. При этом, обмен дарами — даже между родственниками — как свидетельствует «История франков», был социально нормирован, выполняя функцию саморепрезентации, очень важную для представителей властной элиты франкского общества.

Дополнительные нюансы восприятия родства нашими авторами позволяет выявить изучение фигурирующих в их рассказах ситуаций девиантного поведения по отношению к родственникам. Безусловными девиациями, к примеру, представляются инцест и убийство сородичей. Последнее, впрочем, может освещаться по-разному. Так, для Григория Турского убийство родителями детей часто не влечет за собой авторского осуждения, что может указывать на отсутствие у турского епископа особой эмпатии по отношению к убитым или на его уверенность в их собственной виновности. С другой стороны, убийства детьми родителей — и даже попытки таковых — всегда строго осуждаются. Похожее восприятие автор «Истории франков» демонстрирует и по отношению к братоубийству или смертоносным распрям между племянниками и дядьями. Пытаясь соотнести реалии политической борьбы среди Меровингов, идеалы «нормальных» родственных отношений и христианскую мораль, Григорий изображает убийство родственников в качестве практики, осуждаемой обществом, но возможной в случае самозащиты и только для отдельных категорий родственников. Явными чертами девиантности наделены различные распри между родственниками — от личных ссор до военных столкновений в ходе борьбы за власть.

На основе сведений трех «Историй» можно сделать определенные выводы о взаимоотношениях индивида и коллектива его родственников. В «Историях» встречаются несколько терминов, обозначающих родственный коллектив как таковой: *parentes, propinqui, cognati, consanguinei* и *proximi*. Употребление данных терминов характеризуется своими особенностями. Так, слово *parentes*, скорее всего, указывало на группу родственников (обоих полов) как кровных, так и по свойству. *Propinqui* назывались только кровные родственники. *Cognati* у Григория Турского и Павла Диакона — родственники по свойству; установить точное значение этого слова в «Церковной истории» Беды не представляется возможным. Наконец, термин *consanguinei* встречается только у Павла Диакона и обозначает кровных

родственников. В трех «Историях» фактически не встречается упоминаний об эмоциональной привязанности индивида по отношению к «абстрактной» родне. Речь в основном идет о ситуациях взаимодействия и об отношениях между отдельными родственниками. По всей видимости, в восприятии наших авторов родственный коллектив, как тип общности, не осознавался в качестве субъекта (взаимо)действия, их рассказы акцентировали значимость индивидуальных родственных связей.

Наконец, ряд концептов, изначально выражавших отношения родства, использовался авторами «Историй» для описания квазиродственных связей, которые формировались и функционировали, главным образом, в лоне христианской церкви. Речь идет о концептах «отцовства», «материнства», «братства» и «сестринства», метафорически проецируемых на взаимоотношения истинных верующих. Большинство случаев употребления этих терминов в иносказательном смысле (для указания на квазиродственные связи, существующие среди духовных лиц) маркируется дополнительными эпитетами, которые не встречаются в случаях фиксации / описания «реального» (кровного) родства. Весьма вероятно, что одной из основных функций этих эпитетов на дискурсивном уровне был именно акцент на «искусственном» характере родственных отношений. Тем не менее, в целом проекция родственных уз (и чувств) на жизнь духовную отнюдь не было лишь игрой метафор, поскольку духовное родство с точки зрения христианской морали представлялось более возвышенным нежели родство телесное. Стереотипы духовной близости, с одной стороны, основывались на идеализированных представлениях о кровных связях между родственниками, но с другой — сами воздействовали на стандарты телесного родства, наделяя последние чертами той бескорыстной любви, которая возможна только среди обретших истинную веру и причастившихся знанию подлинного миропорядка.

Важную роль играло и «духовное» родство, оформляемое благодаря таинству крещения. Судя по сообщения «Истории франков» крестные отцы (Григорий Турский упоминает преимущественно их) влияли на жизнь своих крестников, оказываясь для последних не только наставниками в делах веры, но и политическими соратниками. По сути, «духовное» родительство стало одним из способов конституирования качественно новой элиты во франкском королевстве, посредством которого созидался и поддерживался религиозно-политический симбиоз между светскими правителями (потомками воинственных германцев) и иерархами церкви (преимущественно галло-римлянами).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Публикации на языке оригинала

1) *Aurelius Augustinus Hipponensis.* De genesi ad litteram. — Turnhout: Brepols Publishers, 2011. — 653 p.
2) *Bede.* Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. — Delphi Classics, 2015. — P. 547–761.
3) *idem.* Vita Sancti Cuthberti / Two lives of St. Cuthbert // Text, transl. and notes by B. Colgrave. — Cambridge, Cambridge University Press, 1940. — 375 p.
4) *idem.* Vita Beati Felicis Confessoris [Электронный ресурс] / The Online Library of Liberty. — Электрон. дан. — [N.Y, 3.05.2011]. — Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1915&chapter=113178&layout=html&Itemid=27.
5) *idem.* Vita quinque sanctorum abbatum [Электронный ресурс] / Intra Text Digital Library. — Электрон. дан. — [Cambridge, 27.04.2011]. — Режим доступа: http://www.intratext.com/IXT/LAT0419/.
6) Carmen de synodo ticinensi // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum. — Hanover: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1878. — P. 190–191.
7) Chronicarum quae dicuntur Fredegariis cholastici / Monumenta Germaniae Historica. Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani,1888. — V.2. — P. 1–328.
8) *Eddius Stephanus.* Vita Sancti Wilfrithi / Ed. and trans. by B. Colgrave // The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. — Cambridge: Cambridge University Press, 1927. — 192 p.
9) Epistola, qualiter pupilli recipiantur // Formulae Turonenses vulgo Sirmondicae dictae // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio V. Formulae / Ed. by Karl Zeumer. — Hanovre, 1886. — P.148–149.
10) *Eutropius.* Breviarium ab Urbe condita // Ed. by F. Ruehl. — Leipzig: Teubner, 1887. — 90 s.
11) *Gregorii Episcopi Turonensis* Historiarum Libri X / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1951. — V. 1.1. — P. 1–537.
12) *idem.* Liber de miraculis beati Andreae apostoli // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 376–396.
13) *idem.* Liber de Virtutibus Sancti Iuliani // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V.1.2. — P. 112–134.
14) *idem.* Liber in Gloria Confessorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 294–370.
15) *idem.* Liber in Gloria Martyrum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 34–111.
16) *idem.* Liber Vitae Patrum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 211–294.
17) *idem.* De Virtutibus Sancti Martini Episcopi // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 134–211.

18) *idem.* Passio anctorum martyrum septem dormientium apud Ephysum // // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum / Hrsg. von B. Krusch. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1885. — V. 1.2. — P. 398–403.
19) *Tacitus.* Germania // Tacitus. Dialogus, Agricola, Germania / Ed. by T.E. Page and W.H.D. Rouse. — L.: W. Heinemann, 1914. — P. 255–233.
20) *Willelmi Malmesburiensis Monachi* Gesta Regum Anglorum atque Historia Novella / Ed. by T. D. Hardy. — L.: Sumptibus Societatis, 1840. — 404 p.
21) The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. by J. Smith. — Cantabrigiae: Typis Academicis, 1722. — 823 p.
22) The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. by T. Miller. — L.: N. Trübner and co., 1890. — Vol. 1–2.
23) *Pauli* Historia Langobardorum / Ed. by G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum VI–IX. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1878. — P. 45–187.
24) *idem.* Gesta episcoporum Mettensium / Ed. by G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Sangallensium. Annales, chronica et historiae aevi Carolini. — Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829. — Vol. 2. — P. 261–270.
25) Sancti Gregorii Papae I, cognomento Magni, Opera Omni // Patrologiae cursus completus. Series Latina. — P.: J. P. Migne Editorem, 1862. — T. 75–79.
26) Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed. with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. — Oxford, 1892–1899. — Vol.1–2.

Переводные издания

27) *Bede.* The Ecclesiastical History of the English People / Trans. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors // Edited by J. McClure and R. Collins. — Oxford, Oxford University Press, 1999. — 2040 p.
28) *Gregory of Tours.* History of the Franks / Trans. by Ernest Brehaut. — N.Y.: Columbia University Press, 1916. — 284 p.
29) *idem.* The History of the Franks / Trans. and ed. by L. Thorpe. — L.: Pinguin Classics, 1974. — 720 p.
30) *idem.* Life of the Fathers // Trans. and introduction by E. James. — Liverpool: Liverpool University Press, 1985. — 150 p.
31) *Grégoire de Tours.* Histoire des Francs / Tr. de François P.G. Guizot. — P.: chez J.-L.-J. Brière, libraire, 1823. — T. 1. — 479 p.
32) *idem.* Histoire des Francs / Tr. de François P.G. Guizot. — P.: chez J.-L.-J. Brière, libraire, 1823. — T. 2. — P. 1–153.
33) Lex Salica: the Ten Text with the Glosses and the Lex Emendata / Ed. by J.H. Hessels. — L.: J. Murray, 1880. — 261 p.
34) *Paul the Deacon.* History of the Lombards / Transl. by W.D. Foulke. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press. — 437 p.
35) The Venerable Bede's Ecclesiastical History of England / Translated and Edited by J. A. Giles. — L.: J. Haddon, 1849. — 564 p.
36) *The Venerable Bede*. The Ecclesiastical History of the English People / Translated and edited by A.M. Sellar. — Mineola: Dover Publications, 2011. — 439 p.
37) Англосаксонская хроника / Пер. с др.–англ. З.Ю. Метлицкая — СПб.: Евразия, 2010. — 288 с.
38) *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. с. лат. В.В. Эрлихмана. — СПб.: Алетейя, 2001. — 363 с.
39) *он же.* Житие блаженного Феликса / Пер. с лат. М.Р. Ненароковой // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — Вып. 8. — М., 2002. — С. 62–131.
40) *он же.* История аббатов / Пер. с лат. В.В. Зверевой // Средние века. — М., 2002. — Вып. 63. — С. 240—250.

41) Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2012. — 944 с.
42) *Григорий Турский.* История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савукова. — М., Наука, 1987. — 462 с.
43) *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. — СПб.: Алетейя, 2000. — 512 с.
44) *Исидор Севильский.* Этимологии. Книга IX: О языках, народах, правлениях, войске, гражданах, родстве / Исидор Севильский / Пер. с лат. и коммент. А.А. Павлова // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. — 2014. — № 4. — С. 535– 548.
45) *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит П. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобович. — М.: АСТ, Ладомир, 2003. — 984 с.
46) *Нитхард.* История в четырех книгах / Пер. с лат. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 97–143.
47) *Павел Диакон.* Деяния Мецких епископов / Пер. с лат. А.И. Сидорова // Отзвуки прошлого: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. — С. 283–303.
48) *он же.* История лангобардов / Пер. с лат., примм., статья Ю. Циркина. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — С. 39–210.
49) *он же.* История лангобардов / Перевод с лат. Т.И. Кузнецовой, Д.Н. Ракова // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. — М.: Наука, 1970. — 274 с.
50) Салическая правда / Пер. с лат. Н.П. Грацианского. — М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1950. — 169 с.
51) *Тацит Публий Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А.С. Бобович, ред. М.Е. Сергеенко. — СПб.: Наука, 1993. — С. 337–356.

ЛИТЕРАТУРА

1) *Абрамсон М.Л.* Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под. ред. Ю.Л. Бессмертного. — М.: РГГУ, 1996. — С. 103–135.
2) Алгебра родства. — 1999. — Вып. 3. — С. 5–206.
3) *Арнаутова Ю.Е.* Memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. — М.: Кругъ, 2003. — С. 19–37.
4) *она же.* Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. — М., Кругъ, 2006. — С. 47– 55.
5) *она же.* Формы идентичности в memoria социальных групп // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. —М.: Наука, 2007. — С. 70—87.
6) *Арьес Ф.* Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке // Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. — Екатеринбург: Изд–во Уральского университета, 1999. — 416 с.
7) *Ауров* О.В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. — 2010. — Вып. 31. — С.74–103.
8) *Белков П.Л.* Австралийские системы родства. Основы типологии и элементарные преобразования. — СПб.: Наука, 2013. — 156 с.
9) *Бессмертный Ю.Л.* Брак, секс и любовь в средние века // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. — М.: Наука, 1991. — С. 282–310.

10) *он же*. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. — Вып. 44. — 1981. — С. 97–116.
11) *он же.* К демографическому изучению французской деревни IX в.: Люди и имена // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 51–67.
12) *он же.* Крестьянская семья во Франции IX в. (Заметки о статье Э.Коулмен "Детоубийство в раннее средневековье"; Coleman E.R. L'infanticide dans le haut Moyen Age. — Annales E.S.C. 1974 N2) // Средние века. — 1975. — Вып. 39. — С. 240–244.
13) *он же.* Матримониальное поведение во Франции XI—XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 98–115.
14) *он же*. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. — Вып. 43. — 1980. — С. 32–52.
15) *он же.* «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. — 1984. — №1. — С.52–67.
16) *Бедекер Х.* Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 34–65.
17) *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной. Предисл. Ж. Ле Гоффа. Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 712 с.
18) *он же.* Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. — 504 с.
19) *Блонин В.А.* К вопросу о типологии крестьянской семьи во франкской деревне IX в. // Средние века. — 1988. — Вып. 51. — С. 222–237.
20) *он же.* К изучению динамики численности населения на территории Франции IX в. // Средние века. — 1984 г. — Вып. 47. — С. 116–124.
21) *он же.* Любовные связи и их литературное преломление во Франции XII в. // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под. ред. Ю.Л. Бессмертного. — М.: РГГУ, 1996. — С. 157–179.
22) *Бойцов М.А.* Германская знать XIV-XV вв.: приватное и публичное, отцы и дети // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под. ред. Ю.Л. Бессмертного. — М.: РГГУ, 1996. — С. 239–260.
23) *Бурдье П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.
24) *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. — М.–Л.: Наука, 1964. — 483 с.
25) *Вершинина, Ю.Е., Маслов, А.Н.* К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья (на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas* в исторических сочинениях Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2015. — № 3. — С. 37–49.
26) *они же.* Расставание как испытание чувств: эмоциональный фон рассказов о разлуке с родственниками в сочинениях Григория Турского и Беды Достопочтенного // Диалог со временем. — М: ИВИ, 2019. — №69. — С. 90–106.
27) *Вольфрам Х.* Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов. — СПб.: Ювента, 2003. — 356 с.
28) *Габдрахманов П.Ш.* Представления о семье в раннесредневековую эпоху: понятие familia/domus и его эволюция в VI–XI вв. // Европейская педагогика от античности до Нового времени // Исследования и материалы: сборник научных трудов / Под ред. В.Г. Безрогова и Л.В. Мошковой. — В 3-х частях. — Ч. I. — М.: Изд. ИТПиМИО РАО, 1993. — С. 155–177.

29) *он же.* Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VII–XI вв. (по данным грамот). — М.: Памятники исторической мысли, 1996. — 246 с.
30) *он же.* Структура крестьянской семьи на территории Северной Франции в VIII-XI вв. // Французский ежегодник. — 1985. — М.: Наука, 1987. — С.156–169.
31) *Гвоздецкая Н.Ю.* «Отец английской истории»: исторические взгляды, эпоха и личность Бэды Достопочтенного (ок. 673—735) // Атлантика. Записки по исторической поэтике. —1995. — Вып. 1. — С. 87–102.
32) *она же.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. — Иваново: Юнона, 2001. — 303 с.
33) *Гири* П. История в роли памяти? // Диалог со временем / Пер. И. В. Дубровского. — 1999. — Вып. 14. — С. 106–120.
34) *Глебов А.Г.* Adventus Saxonum и Litus Saxonicum: к вопрос о англосаксонском завоевании Британии // Исторически записки. Научны труд исторического факультета. — 1998. — №3. — С. 132–134;
35) *он же.* Англия в раннее Средневековье. — СПб.: Евразия, 2007. — 288 с.
36) *он же.* О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. — М.: Наука, 2008. — С.11–19.
37) *он же.* Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятника англосаксов VII–IX вв.) // Право в средневеково мир / Отв. ред. О.И. Варьяш. — М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 1996. — С. 208–220.
38) *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. — М.: Наука, 1972. — 308 с.
39) *Гуревич А.Я.* Богатство и дарение у скандинавов в Раннем Средневековье // Средние века. — 1968. — Вып. 31. — С.180–198.
40) *он же.* Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
41) *Деменева А.Е.* Восприятие психических явлений как психологическая проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2010. — Т. 1, № 1. — С. 47–55
42) *Добиаш-Рождественская О.А.* Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — С. 109–141.
43) *Дубина В.* Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 298–320.
44) *Дэвис Н.* Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 1994. — С. 193–203.
45) *Живов В.М.* История понятий, история культуры, история общества. *Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени //* Под ред. В.М. Живова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 5–26.
46) *Зверева, В.В.* «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. — СПб.: Алетейя, 2008. — 248 с.
47) *она же.* Образы прошлого у раннесредневековых христианских историков // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — С. 223–241.
48) *Золотарев А.Ю.* Государство и суд в раннесредневековой Англии: 07.00.03 Золотарев, Антон Юрьевич Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII – XI вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 Воронеж, 2005. — 264 с.
49) *Клауде Д.* История Вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. — СПб.: Издательская группа Евразия, 2002. — 120 с.
50) *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 33–53.

51) *он же.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 21–33.
52) *Комарович В.Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. — 1960. — Т. 16. — С.84–104.
53) *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 9-32.
54) *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. — М.: Изд-во Московского университета, 1963. — 186 с.
55) *Ларионов В.Л.* Англо-саксонское завоевание Британии и борьба за политическое господства (сер. IV—VII вв.): автореф. дисс. … канд. ист. наук / Ларионов Валерий Леонидович; МПГУ. — М., 1993. — 203 с.
56) *Лебек С.* История Франции / Пер. с фр. В. Павлова. — Т.1. Происхождение франков. — М.: Скарабей, 1993. — 348 с.
57) *Литвина А.Ф. Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. — М.: "Индрик", 2006. — 740 с.
58) *они же.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. — М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. — 280 с.
59) *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: избранные психологические труды. — М.; Воронеж: Институт практической психологии, МОДЭК, 1996. — С. 384.
60) *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. — 369 с.
61) *Маслов Б.П.* «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. — М.: Языки славянских культур, 2012. — С. 39–57.
62) *Марков Г.Е.* От истоков немецкой этнологии к ее расцвету. Вопросы теории // Этнографическое обозрение. — 1996. — №4. — С. 105–116.
63) *он же.* Немецкая этнология: учебное пособие для ВУЗов. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. — 576 с.
64) *Махлаюк А.В.* Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху Империи // Вестник древней истории. 2007. — № 1. — С. 130–142.
65) *Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — С. 180–222.
66) *она же.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. — М.: Мысль, 1987. — 206 с.
67) *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. — 350 с.
68) *Моховокова Т.В.* «Жития святых» Эльфрика как памятник Бенедиктинского возрождения: автореф. дис. … канд. филолог. наук / Моховокова Татьяна Вячеславовна; Московский педагогический гос. книвер–т. — М., 1999. — 147 с.
69) *Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 271 с.
70) *она же.* Смиренный монах и учитель // Альф и Омега. — 1998. — № 4(18). — С. 238–246;
71) *она же.* Топик в агиографии средневеково Англии (н материал двух Житий св. Кутберта) // Атлантика. Записки по исторической поэтике. — 1997. — Вып. 3. — С. 103–115.
72) *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI -VIII вв. — М.: Издательство Академии наук, 1956. — С. 83–85.

73) *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологи. — СПб.: Издательство Санкт–Петербургского университета, 2008. — 496 с.
74) *Никольский С.Л.* Наследование и кровная месть (по материалам раннесредневековой Скандинавии) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80–летию В.Т. Пашуто / Под. ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — С. 202–208.
75) *он же.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. — М.: Вост. лит., 2001. — С. 160–169
76) *Павлов А.А.* Павел Диакон и его эпитома "О значении слов" // Вестник Древней истории. — 2012. — № 2.— С. 219–230.
77) *Репина Л.П.* Историческая культура Европы до начала Нового времени // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — С. 732–739.
78) *Рощин Е.* История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. — 2009. — №4. — С. 43–58.
79) *Савело К.Ф.* Раннефеодальная Англия / Ленинградский гос. ун–т им. А.А. Жданова. — Л.: Изд–во ЛГУ, 1977. — 144 с.
80) *Сагарда Н.И.* Лекции по патрологии I—IV века. — М.: Издательский совет РПЦ, 2004. — 796 с.
81) *Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: монография. — Новосибирск, Изд–во НГТУ, 2011. — 212 с.
82) *Сергеева Е.В.* Тертуллиан и семья: к внутренней христианской полемике эпохи Северов // Античный мир и археология. — 2009. — Вып. 6. — С. 262–270.
83) *Серовайский Я.Д.* Сообщество крестьян-держателей надела в Сен-Жерменском аббатстве (к вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в.) // Средние века. — 1985. — Вып. 48. — С. 244–269.
84) *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб.: ИЦ «Гуманистическая академия», 2006. — 352 с.
85) *Смирнова Е.Д.* Концепция «феодальной революции» в работах Ж. Дюби, П. Тубера и Р. Фоссье // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — 2009. — Вып. 4. — С. 141–146.
86) *Стеблин–Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. — М.: Высшая школа, 1979 г. — 192 с.
87) *Тимофеев В.Д.* «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2014. — №4 (133). — С. 123–134.
88) *Успенский Ф.Б.* Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в Средневековой Скандинавии. — М.: "Языки русской культуры", 2001. — 159 с.
89) *он же.* Скандинавы. Варяги. Русь: историко–филологические очерки. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 451 с.
90) *Шагивалеева Г.Р.* Психология переживаний в юношеском в юношеском возрасте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. — 2016. — № 2. —С. 145–150.
91) *Шафф Ф.* История христианской Церкви / Пер. с А.О. Рыбаковой. — СПб.: Библия для всех, 2007. — Т. 2. — С. 416–572.
92) *он же.* История христианской Церкви / Пер. с А.О. Рыбаковой. — СПб.: Библия для всех, 2007. — Т. 3. — С.570–670.
93) *Шервуд Е.А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев) / Е.А. Шервуд. — М.: Наука, 1991. — 286 с.
94) *Фрейд З.* Тотем и табу. — СПб.: Азбука–классика, 2005. — 256 с.

95) *Хархордин О.* История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. — М.: Языки славянских культур, 2012. — С. 7–23.
96) *Эксле О.Г.* “История понятий” — еще не понятая история // Одиссей: Человек в истории. 2010/2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. — М.: Наука, 2012. — С. 268-299.
97) *он же.* Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 233–269.
98) *он же.* Memoria Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. —М.: Кругъ, 2006. — С. 308–338.
99) *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — СПб, «Азбука–классика», 2009. — 254 с.
100) *Aasgaard R.* Brotherhood in Plutarch and Paul: Its Role and Character // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge, 1997.— P. 166–182.
101) *idem.* Children in Antiquity and Early Christianity: Research History and Central Issues // Familia. — 2006. — Vol. 33. — P. 23–46.
102) *idem.* The childhood of Jesus. Decoding the Apocryphal Infancy Gospel of Thomas. — Eugene: Cascade Books, 2009. — 285 p.
103) *idem.* "My Beloved Brothers and Sisters!" Christian Siblingship in Paul. — L.: T&T Clark, 2004. — 361 p.
104) *idem.* Paul as a Child: Children and Childhood in the Letters of the Apostle // Journal of Biblical Literature. — 2007. — Vol. 126, No. 1. — P. 129–159.
105) *Abou–El–Haj B.* The Medieval Cult of Saints. Formations and Transformations. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 476 p.
106) *Adams G.W., Tobler R.* Romano-British Tombstones between the 1st and 3rd Centuries. Epigraphy, Gender and Familial Relations. — Oxford: Archaeopress, 2007. — 217 p.
107) *Ahearne–Kroll S.P.* “Who Are My Mother and My Brothers?” Family Relations and Family Language in the Gospel of Mark // Journal of Religion. — 2001. — Vol. 81, No. 1. — P. 1–25.
108) *Ager S.L.* Familiarity Breeds: Incest and the Ptolemaic Dynasty // The Journal of Hellenic Studies. — 2005. — Vol. 125. — P. 1–34.
109) *eadem.* Response to Michael M. J. Fischer's "Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager 'The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty' // Anthropologica. — 2007. — Vol. 49, No. 2. — P. 301–310.
110) *Aird W.M.* St. Cuthbert and the Normans: The Church of Durham, 1071–1153. — Woodbridge: The Boydell Press, 1998. — 328 p.
111) *Alamichel M.–F.* Le rôle du frère aîné lors du veuvage de la mère en Angleterre médiévale / M.–F. Alamichel // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l’Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006 / Ed. par S. Cassagnes–Brouquet et M. Yvernault. — Turnhout: Brepols Publishers, 2007. — P. 137–150.
112) *eadem.* Widows in Anglo–Saxon and Medieval Britain. — Oxford: Peter Lang, 2008. — 357 p.
113) *Allen T.D.* Problems in Egyptology: Ancient Egyptian Kinship // Journal of Black Studies. — 2000. — Vol. 31, No. 2. — P. 139–148.
114) *Allison P.M.* Soldiers’ Families in the Early Roman Empire Italy // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 161–181.
115) *idem.* Frustrated Masculinity: the Relationship between William the Conqueror and his Eldest Son // Masculinity in Medieval Europe / Ed. by D.M. Hadley. — L.: Routledge, 1999. — P. 39–55.

116) *Allison T.* English Religious Life in the Eighth Century as Illustrated by Contemporary Letters. — N. Y.: AMS Press, 1971. — 154 p.
117) *Alston R.* Searching for the Romano–Egyptian Family // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 129–157.
118) *Althoff G.* Ira regis: Prolegomena to a History of Royal Anger // Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages / Ed. by B. H. Rosenwein. — Ithaca: Cornell University Press, 1998. — P. 59–74.
119) *idem.* Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe // Transl. by Ch. Carroll. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 195 p.
120) *Aly A.A.* The Wet Nurse: A Study in Ancient Medicine and Greek Papyri // Vesalius, 1996. — Vol. 2, No. 2. — P. 86–97.
121) *Amelli Cardona M.* La détérioration du statut de la femme aristocratique en Provence, Xe–XIIIe siècles // Le Mayen Age. — 1985. — No. 91. — P. 5–32.
122) *Amira K.* Die germanischen Todesstrafen. Untersuchungen zur Rechts- und Religionsgeschichte // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse. —1922. — Band 31, 91. — 415 p.
123) *idem.* Erbenfolge und Verwandtschaftsgliederung nach den alt–niederdeutschen Rechten. — München: Ackermann, 1874. — 223 s.
124) *idem.* Grundriß des germanischen Rechts. —Straßburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1913. — 322 p.
125) *Anderson G.* Il Comparaggio: The Italian Godparenthood Complex // Southwestern Journal of Anthropology, 1957. — Vol. 13. — P. 32–53.
126) *Angenendt A.* Kaiserherrschaft und Konigstaufe: Kaiser, Kbnige und Papste als geistliche Patrone in der abendlandischen Missionsgeschi. — B.: de Gruyter, 1984. — 378 p.
127) Approaches to the Byzantine Family / Ed. by L. Brubaker, S. Tougher. — L.: Routledge, 2013. — 446 p.
128) *Archibald E.* The Appalling Dangers of Family Life: Incest in Medieval Literature // Medieval Family Roles: A Book of Essays/ Ed. by C. Jorgensen Itnyre. — N. Y. and L.: Garland Press, 1996. — P. 157–171.
129) *eadem.* Incest and the Medieval Imagination. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 295 p.
130) *eadem.* Incest in Medieval Literature and Society // Forum for Modern Language Studies. — 1989. — Vol. XXV, No. 1. — P. 1–15.
131) *Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. — P.: Librairie Plon, 1960. — 503 p.
132) *idem.* An Interpretation to be Used for a History of Mentalities // Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England / Ed. by O. and P. Ranum. — N. Y.: Harper&Row, 1972. — P. 122–123.
133) *idem.* Sur les origines de la contraception en France // Population. — 1953. — N. 3. — P. 465–72.
134) *Arjava A.* Paternal Power in Late Antiquity // The Journal of Roman Studies, 1998. — Vol. 88. — P. 147–165.
135) *idem.* The Survival of Roman Family Law After the Barbarian Settlements // Law, Society, and Authority in Late Antiquiti / Ed. by R.W. Mathisen. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — P. 33–51.
136) *idem.* Women and Law in Late Antiquity. — Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 1996. — 304 p.
137) *Armstrong–Partida M.* Priestly Wives: The Role and Acceptance of Clerics' Concubines in the Parishes of Late Medieval Catalunya // Speculum. — 2013. — Vol. 88, No. 1. — P. 166–214.
138) Aristocratic Women in Medieval France / Ed. Th. Evergates. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. — 288 p.

139) *Aron A.W.* Traces of Matriarchy in Germanic Hero-Lore. — Madison: University of Wisconsin Press, 1920. — 77 p.
140) *Aschenbrenner S.* Folk Model vs. Actual Practice: The Distribution of Spiritual Kin in a Greek Village // Anthropological Quarterly. — 1975. — Vol. 48. — P. 65–86.
141) *Atkinson C.W.* The Oldest Vocation. Christian Motherhood in the Middle Ages. — Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1991. — 274 p.
142) *d'Avray D.L.* Dissolving Royal Marriages: A Documentary History, 860–1600. — N. Y.: Cambridge University Press, 2014. — 312 p.
143) *Ayán X.M.* Vila Household Archaeology in Mediterranean Spain. Family Forms from Iberia to Hispania // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 137–153.
144) *Ausenda G.* Kinship and Marriage among the Baiuvarii and Thuringi // The Baiuvarii and Thuringi: an Ethnographic Perspective / Ed. by J. Fries-Knoblach, H. Steuer, with J. Hines. — Woodbridge: Boydell Press, 2014. — P. 103–110.
145) *idem.* Kinship and Marriage among the Visigoths // The Visigoths: From the Migration Period to the Seventh Century: An Ethnographic Perspective / Ed. by P. Heather. — Woodbridge: Boydell Press, 1999. — P. 129–165.
146) *Ausenda G., Barnish S.* A Comparative Discussion of Langobardic Feud and Blood-Money Compensation with Parallels from Contemporary Anthropology and from Medieval History // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective // Ed. by G. Ausenda, P. Delogu, Ch. Wickham. — Woodbridge: The Boydell Press, 2009. — P. 309–341.
147) *Bakke O.M.* When Children Became People: The Birth of Childhood in Early Christianity / Transl. by B. McNeil. — Minneapolis: Fortress Press. 2005. — 348 p.
148) *Bachrach S.* The Anatomy of a Little War. A Diplomatic and Military History of the Gundovald Affair (568–586). — Boulder: Westview Press, 1994. — 283 p.
149) *Bagnall R. S., Frier B. W.* The Demography of Roman Egypt. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 354 p.
150) *Balch D.L.* Paul's Portrait of Christ Crucified (Gal. 3:1) in Light of Paintings and Sculptures of Suffering and Death in Pompeian and Roman Houses // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 2003. — P. 84–110.
151) *Baldwin J.W.* The Medieval Theories of the Just Price: Romanists, Canonists, and Theologians in the Twelfth and Thirteenth Centuries // Transactions of the American Philosophical Society. — 1959. — Vol. 49, No 4. — P. 1–92.
152) *idem.* Consent and the Marital Debt: Five Discourses in Northern France around 1200 // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies / Ed. by A.E. Laiou. — Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993. — P. 257–270.
153) *Balla P.* The Child-Parent Relationship in the New Testament and Its Environment. — Peabody: Hendrickson, 2005. — 279 p.
154) *Baltussen H.* Personal Grief and Public Mourning in Plutarch's "Consolation to His Wife" // The American Journal of Philology, 2009. — Vol. 130, No. 1. 67–98.
155) *Balzaretti R.* Lombard Fathers // Archeologia medievale. — 2011. — Vol. 38. — P. 45–58.
156) *idem.* Theodelinda, “Most Glorious Queen” // The Medieval History Journal. — 1999. — Vol. 2, No. 2. — P. 183–207.
157) *idem.* ‘These are Things that Men Do, not Women’: the Social Regulation of Female Violence in Langobard Italy // Violence and society in the early medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell, 1998. — P. 175–192.
158) *Bandel B.* The English Chroniclers Attitude toward Women // Journal of the history of ideas. — 1955. — No. 16. —P. 113–18.
159) *Bannon C.* The Brothers of Romulus: Fraternal pietas in Roman Law, Literature, and Society. — Princeton: Princeton University Press, 1997. — 234 p.

160) *Barclay J.M.G.* The Family as the Bearer of Religion in Judaism and Early Christianity // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Routledge, 1997. — P. 66–80.
161) *Barlau S.B.* Old Icelandic Kinship Terminology // Ethnology. — 1981. — Vol. 20, No. 3. — P. 191–202.
162) *Barlow J.* Kinship, Identity and Fourth-Century Franks / Historia: Zeitschriftfür Alte Geschichte. — 1996. — Bd. 45, №. 2, — P. 223–239.
163) *idem.* Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // Frühmittelalterliche Studien. — 1995. — N. 29. — P. 86–95.
164) *Baroin C.* Remembering one's Ancestors, Following in their Footsteps, Being Like them: the Role and Forms of Family Memory in the Building of Identity // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. —P. 19–48.
165) *Barry L.* Hymen, Hyménée! Rhétoriques de l'inceste dans la tragédie grecque // L'Homme. — 2005. — No. 175/176. — P. 287–319.
166) *Bartchy S.S.* Who Should Be Called Father? Paul of Tarsus between the Jesus Tradition and Patria Potestas // Biblical Theology Bulletin. — 2003. — Vol.33. — P. 135–47.
167) *Bartelt G.* A Note on Old English Kinship Semantics // Journal of English Linguistics. — 1996. — Vol. 24, No. 2. — P. 116–122.
168) *Barthelemy D.* La Société dans le comté de Vendôme de l'an milau XIVe siècle. —P.: Fayard, 1993. — 1110 p.
169) *Barton S.C.* The Relativisation of Family Ties in the Jewish and Graeco–Roman Traditions // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Routledge, 1997. — P. 81–102.
170) *Barton S.* The Aristocracy in Twelfth-Century Leon and Castile. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — P. 366.
171) *Beekes R.S.P.* Uncle and nephew // Journal of Indo–European Studies. — 1976. — No. 4. — P. 43–63.
172) *Beerden K., Naerebout F.G.* Roman Brestfeeding? Some Thoughts on a Funerary Alter in Florence // The Classical Quarterly. New Series, 2011. — Vol. 61, No. 2. — P. 761–766.
173) *Behr Ch.* The Origins of Kingship in Early Medieval Kent // Early Medieval Europe. — 2000. — № 1. — P. 21–52.
174) *Bell C.H.* The Sister's Son in The Medieval German Epic // Modern Philology. — 1922. — №10. — P. 67–182.
175) *Bell D.* Modes of Exchange: Gift and commodity // Journal of Socio–Economics, 1991. — Vol. 20, No. 2. — P. 155–167.
176) *Bell H.I.* Brother and Sister Marriage in Graeco–Roman Egypt // Revue international des droits de l'antiquité. — 1949. — Vol. 2. — P. 83–92.
177) *Bennett H.* The Exposure of Infants in Ancient Rome // Classical Journal. — 1923. — Vol. 18. — P. 341–351.
178) *Bennet J.M.* The Tie That Binds: Peasant Marriages and Families in Late Medieval England // Medieval Families: Perspectives on Marriage, Household, and Children / Ed. by C. Neel. — Toronto: University of Toronto Press, 2004. — P. 214–233.
179) *Bennett M.* Spiritual Kinship and the Baptismal Name in Traditional European Society // Traditional European Society, Studies on the Personal Name in Later Medieval England and Wales / Ed. by D. Postles and J.T. Rosenthal. Kalamazoo: Oxbow, 2006. — P. 115–146.
180) *Bennett M.* Violence in Eleventh–Century Normandy: Feud, Warfare and Politics // Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell, 1998. — P. 126–140.
181) *Bernhardt J.W.* Itinerant Kingship and Royal Monasteries in Early Medieval Germany, c. 936–1075. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — 376 p.

182) *Bettini M.* Anthropology and Roman Culture. Kinship, Time, Images of the Soul / Transl. by J. Van Sickle. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. — 334 p.
183) *idem.* The Metamorphosis of 'Texts' into 'Sources' in Roman Social History: Some Examples from Richard Saller's Roman Kinship: Structure and Sentiment // Quaderni di storia. — 2002. — Vol. 56. — P. 199–226.
184) *Bianchi D.* Da Gregorio di Tours a Paolo Diacono // Aevum. — 1961. — N. 35. — P. 150–166.
185) Biblical Studies in the Early Middle Ages / Ed. by C. Leonardi, G. Orlandi. — Florence: SISMEL, 2005. — 352 p.
186) *Biggs F.M.* The Naming of Beowulf and Ecgtheow's Feud // Philological Quarterly. — 2001. — Vol. 80. — P. 95–112.
187) *Biller P.P.A.* Birth–Control in the West in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Past and Present. — 1982. — No. 94. — P. 3–26.
188) *Billigmeier J.–Ch., Turner J.A.* The socio–economic roles of women in Mycenean Greece: A brief survey from evidence of the linear b tablets // Women's Study. — 1981. — Vol. VIII. — P. 3–20.
189) *idem*. Studies on the Family in the Aegean Bronze Age and in Homer // Trends in History. — 1985. — Vol. 3, N. 3. — P.19–18.
190) *Bisson T.N.* Nobility and Family in Medieval France: A Review Essay // French Historical Studies. — 1990. — Vol. 16, No. 3 — P. 597–613.
191) *Bitel L.M.* Land of Women: Tales of Sex and Gender from Early Ireland. — Ithaca: Cornell University Press, 1998. — 336 p.
192) *eadem.* Women in the Early Medieval Europe 400–1000. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 348 p.
193) *Bittles A.H.* The bases of Western Attitudes to Consanguineous Marriage // Developmental Medicine & Child Neurology. — 2003. — Vol. 45, No. 2. — P. 135–138.
194) *Bittles A.H., Black M.L.* Consanguineous Marriage and Human Evolution // Annual Review of Anthropology. — 2010. — Vol. 39. — P. 194–207.
195) *Bixler R.H.* Comment on the Incidence and Purpose of Royal Sibling Incest // American Ethnologist. — 1982. —Vol. 9, No. 3. — P. 580–582.
196) *idem.* Sibling Incest in the Royal Families of Egypt, Peru, and Hawaii // The Journal of Sex Research. — 1982. — Vol. 18, No. 3. — P. 264–281.
197) *Bjork R.E.* Speech as Gift in Beowulf // Speculum. — 1994. — Vol. 69, No. 4. — P. 993–1022.
198) *BlantonV.* King Anna's Daughters: Genealogical Narrative and Cult Formation in the Liber Eliensis // Historical Reflections. — 2004. — Vol. 30, No. 1. — P. 127–149.
199) *idem*. Signs of Devotion: The Cult of St. AEthelthryth in Medieval England, 695–1615. — Pensylvania: The Pensylvania State University Press. — 349 p.
200) *Bloch R.H.* Medieval Misogyny // Representations. — 1987. — No. 20. — P. 1–24.
201) *Blockley C.* Roman-Barbarian Marriages in the Late Empire // Florilegium. — 1982. — Vol. 4. — P. 63–79.
202) *Bloomer W.M.* Becoming a Roman Student // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 166–176.
203) *Boas G.* The Cult of Childhood // Studies of the Warburg Institute. — L.: The Warburg Institute, 1966. — 106 p.
204) *Boatwright M.T.* Children and Parents on the Tombstones of Pannonia // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 287–318.
205) *Bonnard J.–B.* Phèdre sans inceste. À propos de la théorie de l'inceste du deuxième type et de ses applications en histoire grecque // Revue Historique. — 2002. — T. 304, Fasc. 1. — P. 77–107.
206) *Bonner G.* St. Cuthbert, His Cult and His Community to AD 1200. — Woodbridge: Boydell Press, 1989. — 484 p.

207) *Bonnet M.* Le latin de Grégoire de Tours. — P.: Hachette, 1890. — 787 p.
208) *idem.* Zu Gregor von Tours // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. — Hannover: Hahn'sche Buchhandlung,1892. — Bd. 17. — S. 199–201.
209) *idem.* Le latin de Grégoire de Tours. — P.: Hachette, 1890. — 787 p.
210) *Booker C.M.* Precondition to Miracle: The Construction of Discernment and its Application in the Works of Sulpicius Severus and Gregory of Tours // Orpheus. — 1997. — Vol. 18, N. 1. — P. 182–95.
211) *Boozer A.L.* Towards an Archaeology of Household Relationships in Roman Egypt / Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S. R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 174–203.
212) *Bordier H.L.* De la authorité de Grégoire de Tours // Correspondence littéraire de Ludovic Lalanne, les 10 et 25 octobre 1861. — P., 1861. — P. 553-557.
213) *Borri F.* Murder by death: Alboin's life, end(s) and means // Millennium. — 2011. — No.11. — P. 223–270.
214) *Bossman D.M.* Paul's Fictive Kinship Movement // Biblical Theology Bulletin. — 1996. — Vol. 26, No. 4. — P. 163–171.
215) *Boswell J.E.* Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family // American Historical Review. — 1984. — Vol. 89, No. 1. — P. 10–33.
216) *idem.* The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. — N. Y.: Pantheon Books, 1988. — 448 p.
217) *Bottigheimer R.B.* Fertility Control and the Birth of the Modern European Fairy-Tale Heroine // Marvels & Tales. — 2000. — Vol. 14, No. 1. — P. 64–79.
218) *Bouchard C.B.* Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Century // Speculum. — 1981. — Vol. 2. — P. 268–287.
219) *eadem.* Episcopal "Gesta" and the Creation of a Useful past in Ninth-Century Auxerre // Speculum. — 2009. — Vol. 84, No. 1. — P. 1–35.
220) *eadem.* The Origins of the French Nobility: A Reassessment // The American Historical Review. — 1981. — Vol. 86, No. 3. — P. 501–532.
221) *eadem.* "Strong of Body, Brave and Noble": Chivalry and Society in Medieval France. — Ithaca, N.Y., and L.: Cornell University Press, 1998. — 198 p.
222) *eadem.* [Rev.:] Régine Le Jan. Famille et Pouvoir dans le Monde Franc (VIIe-Xe Siècle): Essai d'Anthropologie Sociale. P.: Publications de la Sorbonne, 1995 // Speculum. — 1997. — Vol. 72, No. 4. — P. 1191–1193.
223) *eadem.* "Those of My Blood": Constructing Noble Families in Medieval Francia. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — 248 p.
224) *du Boulay J.* The Blood: Symbolic Relationships between Descent, Marriage, Incest Prohibitions and Spiritual Kinship in Greece // Man. — 1984. — Vol. 19. — P. 533–556.
225) *Bourgain P., Heinzelmann M.* L'oeuvre de Grégoire de Tours: la diffusion des manuscrits // Grégoire de Tours et l'espace gaulois / Ed. par N. Gauthier, H. Galinié. — Tours: Fédération pour l'édition de la Revue archéologique du Centre de la France, 1997. — P. 273–317.
226) *Bradley K.R.* Apuleius and Antonine Rome: Historical Essays. — Toronto: University of Toronto Press, 2012. — 408 p.
227) *idem.* Child Care at Rome: The Role of Men // Historical Reflections/Réflexions Historiques, 1985. — Vol. 12, No. 3. — P. 485–523.
228) *idem.* Children and dreams // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by S. Dixon. — L.: Routledge. 2001. — P. 43–51.
229) *idem.* Discovering the Roman Family: Studies in Roman Social History. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — 240 p.
230) *idem.* Dislocation in the Roman Family // Historical Refections/Rejlections Historiques. — Vol. 14, No. 1. — P. 33–62.
231) *idem.* Fictive Families: Family and Household in the 'Metamorphoses' of Apuleius // Phoenix, 2000. — Vol. 54, No. 3–4. — P. 282–308.

232) *idem.* Images of Childhood: The Evidence of Plutarch // Plutarch's Advice to the Groom and A Consolation to His Wife // Ed. by S.B. Pomeroy. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — P. 183–196.
233) *idem.* [Rev.:] Keith Hopkins. Death and Renewal: Sociological Studies in Roman History, Vol. 2. N. Y.: Cambridge University Press, 1985. 276 p. / K.R. Bradley // Classical Philology, 1986. — Vol. 81, No. 3. — P. 263–270.
234) *idem.* Review Article: Writing the History of the Roman Family // Classical Philology. — 1993. — Vol. 88, No. 3. — P. 237–50.
235) *idem.* The Nurse and the Child at Rome: Duty, Affect and Socialization // Thamyris. — 1994. — Vol. 1. — P. 137–156.
236) *idem.* Remarriage and the Structure of the Upper–class Roman Family // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 79–98;
237) *idem.* Romanitas and the Roman Family: The Evidence of Apuleius's Apology // Canadian Journal of History. — 2000. — Vol. 35. — P. 215–239.
238) *idem.* Sacrificing the Family: Christian Martyrs and their Kin // Ancient Narrative. — 2003. — Vol. 3. — P. 150–181.
239) *idem.* Sexual Regulations in Wet–Nursing Contracts from Roman Egypt // Klio. — 1980. — Vol. 62. — P. 321–325.
240) *idem.* Wet–nursing at Rome: A Study in Social Relations // The Family in Ancient Rome: New Perspectives / Ed. by B. Rawson. — Ithaca: Cornell University Press, 1986. — P. 201–229.
241) *Brandenbarg T.* Saint Anne: a Holy Grandmother and her Children // Sanctity and Motherhood: Essays on Holy Mothers in the Middle Ages / Ed. by Anneke B. Mulder-Bakker. — N. Y. and L.: Garland Publishing, 1995. — P. 31-67.
242) *Le Bras G.* La doctrine du mariage chez les théologiens et les canon– istes depuis l'an mil // Dictionnaire de Théologie catholique. — P.: Letouzey et Ané, 1926. — T.IX, Vol. 3. — P. 2123–2316.
243) *idem.* Le mariage dans la théologie et le droit de l'Église du XIe au XIIIe siècle // Cahiers de Civilisation Médiévale. — 1968. — T. 11. — P. 191–202
244) *Bremmer J.* Avunculate and Fosterage // Journal of Indo–European Studies. — 1976. — No. 14. — P. 65–78.
245) *Bremmer J.* The Importance of Maternal Uncle and Grandfather in Archaic and Classical Greece and Early Byzantium // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. — 1983. — Bd. 50. — P. 173–86.
246) *Bremmer R.H.* The importance of Kinship: Uncle and Nephew in Beowulf // Amsterdamer Beitrage zur Alteren Germanistik. — 1980. — No. 15. — P. 21–38.
247) *Briffault R.* The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. — N. Y: Macmillan, 1927. — 451 p.
248) *Bright L.* A Possible Case for the Practice of Abandonment during the Late Cypriot and Cypro–Geometric Periods // Bulletin of the Institute of Classical Studies. — 1995. — No. 63, No. 63. — P. 35–43.
249) *Brooke C.N.L.* The Medieval Idea of Marriage. — N. Y.: Oxford University Press, 1989. — 325 p.
250) *Brown G.H.* Bede The Venerable. — Boston: G. K. Hall, 1987. — 153 p.
251) *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. — N. Y.: Columbia University Press, 1988. — 504 p.
252) *idem.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. — 1961. — Vol. 51. — P. 1–11.
253) *idem.* Gregory of Tours: Introduction // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and I. Wood. — Leiden, Boston: Brill, 2002. — P. 1–28.
254) *idem.* Relics and Social Status in the Age of Gregory of Tours // Society and the Holy in Late Antiquity. — Berkeley: University of California Press, 1983. — P. 222–250.

255) *Brown M.P.* Bede’s life in context // The Cambridge Companion to Bede / Ed. by S. DeGregorio. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 3–24.
256) *Browne G.F.* St. Aldhelm: his Life and Times. — L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1903. — 453 p.
257) *Brundage J.A.* "Allas! That Evere Love Was Synne": Sex and Medieval Canon Law // The Catholic Historical Review. — 1986. — Vol. 72, No. 1. — P. 1–13.
258) *idem.* Concubinage and marriage in medieval canon law // Journal of Medieval History. — 1975. — Vol. 1. — P. 1–17.
259) *idem.* Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 698 p.
260) *idem.* Sex and Canon Law // Handbook of Medieval Sexuality / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 33–50.
261) *Brunner H.* Sippe und Wergeld nach niederdeutschen Rechten // Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. — 1882. —Bd. 3, N. 1. — P. 1–87.
262) *idem.* Deutsche Rechtsgeschichte. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1887. — Bd. 1. — 412 s.
263) *idem.* Deutsche Rechtsgeschichte. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1892. — Bd. 2. — 762 s.
264) *de Bruyn T.* Flogging a Son: The Emergence of the pater flagellans in Latin Christian Discourse // Journal of Early Christian Studies. — 1999. — Vol. 7. — P. 249–290.
265) *Buc P.* The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. — Princeton: Princeton University Press, 2001. — 272 p.
266) *Buckstaff F.G.* Married Woman's Property in Anglo–Saxon and Anglo–Norman Law and Origin of the Common–Law Dower // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1893. — Vol. 4. — P. 33–64.
267) *Bullough D.A.* Early Medieval Social Groupings: The Terminology of Kinship // Past&Present. — 1969. — Vol. 45, No. 1. — P. 3–18.
268) *Bynum C.W.* The Cistercian Conception of Community // Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984. — P. 59–81.
269) *eadem.* Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages. — Berkeley and Los Angeles: University of. California Press, 1982. — 279 p.
270) *Burman Th.E.* Introduction // Scripture and Pluralism: Reading the Bible in the Religiously Plural Worlds of the Middle Ages and Renaissance / Ed. by Th.J. Heffernan, Th.E. Burman. — Leiden: Brill, 2002. — P. 1–10.
271) *Burnish R.F.G.* The Role of the Godfather in the East in the Fourth Century // Studia Patristica. — 1982. — Vol.18. — P. 558–564.
272) *Burton J.* Monastic and Religious Orders in Britain, 1000–1300 . — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 368 p.
273) *Byock J.L.* Defining Feud: Talking Points and Iceland's Saga Women // Feud in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by J. Büchert Netterstrøm, B. Poulsen. — Aarhus: Aarhus University Press, 2007. — P. 95–112.
274) *Cahoon L.* The Bed as Battlefield: Erotic Conquest and Military Metaphor in Ovid's Amores // Transactions of the American Philological Association (1974–2014). — 1988. — Vol. 118. — P. 293–307.
275) *Caie G.D.* Infanticide in an Eleventh–Century Old English Homily // Notes and Queries. — 1998. — Vol. 45, No. 3. — P. 275–276.
276) *Cain A.* Miracles, Martyrs, and Arians: Gregory of Tours' Sources for His Account of the Vandal Kingdom // Vigiliae Christianae. — 2005. — Vol. 59, No. 4. — P. 412–437.
277) *Camargo M.* The Finn Episode and the Tragedy of Revenge in Beowulf // Studies in Philology. —1981. — Vol. 78. — P. 120–34.
278) *Cameron A.* The Byzantine sources of Gregory of Tours // Journal of Theological Studies. — 1975. — Vol. 26. — P. 421–426.

279) *idem.* The Exposure of Children and Greek Ethics // The Classical Review. — 1932. — Vol. 46, No. 3. — P. 105–114.
280) *Campbell J.K.* Honour, family and patronage A Study of Institutions and Moral Values in a Greek Mountain Community. — Oxford: Clarendon Press, 1964. — 393 p.
281) *Campbell J.* Bede's Reges and Principes // Jarrow Lecture. — Jarrow: Parish of Jarrow, 1979. — 15 p.
282) *idem.* Secular and Political Contexts // The Cambridge Companion to Bede / Ed. by S. DeGregorio. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 25–39.
283) *Cannon Jh., Hargreaves A.* The Kings and Queens of Britain. — Oxford, Oxford University Press, 2001. — P. 405.
284) *Cantarella E.* Pandora's Daughters: the Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity / Transl. by M.B. Fant. — Baltimore, L.: Johns Hopkins University Press, 1987. — 229 p.
285) *eadem.* Roman Marriage. Social, Economic and Legal Aspects // Hoping for Continuity. Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, and V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 25–32.
286) *Capelle B.* Le Rôle théologique de Bède le Vénérable // Studia Anselmiana. — 1936. — N. VI. — S. 1–40.
287) *Carrier J.G.* Gifts and commodities: Exchange and Western capitalism since 1700. — L.: Routledge, 1995. — 240 p.
288) *Carroll M.* "No Part in Earthly Things". The Death, Burial and Commemoration of Newborn Children and Infants in Roman Italy // Families in the Roman and Late Antique World / Ed. by M. Harlow, L. Larsson Lovén. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 41–63.
289) *Cartlidge N.* Medieval Marriage: Literary Approaches, 1100–1300. — N.Y.: Boydell and Brewer, 1997. — 250 p.
290) *Caseau B.* Resistance and Agency in the Everyday Life of Late Antique Children (3rd-8th centure CE) // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 217–231.
291) *Castelli E.A.* Imitating Paul: A Discourse of Power. — Louisville: Westminster John Knox, 1991. — 176 p.
292) *Carpenter S.C.* The Church in England, 597–1688. — L.: John Murray, 1954. — 516 p.
293) *Catch M.* Loyalties and Traditions. A Man And His World in Old English Literature. — N.Y.: Pegasus, 1971. — 192 p.
294) *Centlivres Challet C.-E.* Pliny the Nephew: Youth and Family Ties Across Generations and Genders // Families in the Roman and Late Antique World / Ed. by M. Harlow, L. Larsson Lovén. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 7–22.
295) *Chadwick H.M.* Kershaw N. The Growth of Literature. — Cambridge: Cambridge University Press, 1931. — Vol.1. — 692 p.
296) *idem.* The Heroic Age. — Cambridge: Cambridge University Press, 1912. — 502 p.
297) *idem.* The Study of Anglo-Saxon. — Cambridge: W. Heffer & Sons, 1941. — 99 p.
298) *idem.* The Origins of the English Nation. — Cambridge: Cambridge University Press, 1907. — 384 p.
299) *Chadwick O.* Gregory of Tours and Gregory the Great // Journal of Theological Studies. — 1948. — Vol. 50. — P. 38–49.
300) *Chambers R.W.* Man's Unconquerable Mind: Studies of English Writers from Bede to A.E. Housman and W.P. Ker. — L.: J. Cape, 1939. — 414 p.
301) *Chaney W.A.* The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970. — 276 p.
302) *Charles–Edwards T.* Anglo–Saxon Kinship Revisited // The Anglo–Saxons from the Migration Period to the Eighth Century: An Ethnographic Perspective / Ed. by J. Hines. — Woodbridge: Boydell Press, 1997. — P. 171–200.
303) *idem.* Early Irish and Welsh Kinship. — Oxford: Oxford University Press, 1993.— 616 p.

304) *idem.* Kinship, Status and the Origins of the Hide // Past and Present. — 1972. — Vol. 56. — P. 3–33.
305) *Ghasarian C.* Introduction à l'étude de la parenté. — P.: Éditions du Seuil, 1996. — 276 p.
306) *Cherry D.* [Rev.:] The Roman Family in Italy Status, Sentiment. Ed. by B. Rawson, P. Weaver. Oxford: Clarendon Press, 1997. Vol. 1. 378 p. / D. Cherry // The Classical Review, New Series. —2000. — Vol. 50, No. 1. — P. 222–223.
307) *Chibnall M.* The Empress Matilda and her sons // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 279–294.
308) The Child in the Bible / Ed. by M.J. Bunge, T.E. Fretheim, B. Roberts Gaventa. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2008. — 467 p.
309) Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Späth. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 373 p.
310) The Christ Child in Medieval Culture: Alpha Es Et O! / Ed. by Theresa M. Kenney, Mary Dzon. — Toronto: University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2012. — 360 p.
311) Christian Marriage: A Historical Study / Ed. by G.W. Olsen. — N. Y.: Herder & Herder, 2001. — 374 p.
312) *Clanchy M.* Did Mothers Teach their Children to Read? // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012. — P. 129–154.
313) *Clark E.A.* Adam's Only Companion: Augustine and the Early Christian Debate on Marriage // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World // Ed. by R.R. Edwards, S. Spector. — Albany: State University of New York Press, 1991. — P. 15-31.
314) *eadem.* Antifamilial Tendencies in Ancient Christianity // Journal of the History of Sexuality. — 1995. — Vol. 5, No. 3. — P. 356–380.
315) *Clark G.* The Fathers and the Children // Studies in Church History. — 1994. — Vol. 3. — P. 1–27.
316) *eadem.* Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. — Oxford: Clarendon Press, 1993. — 158 p.
317) *Classen A.* Family Life in the High and Late Middle Ages: The Testimony of German Literary Sources // Medieval Family Roles. A Book of Essays / Ed. by Cathy Jorgensen Itnyre. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 39–66.
318) *idem.* Philippe Ariès and the Consequences: History of Childhood, Family Relations, and Personal Emotions: Where do we Stand Today? // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality / Ed. by A. Classen. — B. and N. Y.: Walter de Gruyter, 2005. — P. 1–65.
319) *Clover C.J.* The Politics of Scarcity: Notes on the Sex Ratio in Early Scandinavia // Scandinavian Studies. — 1988. — Vol. 60, No. 2. — P. 147–188.
320) *Cohen D.* Law, Sexuality, and Society: The Enforcement of Morals in Classical Athens. — Cambridge, N. Y., Port Chester, Melbourne: Cambridge University Press, 1991. — 259 p.
321) *Coleman E.* Infanticide in the Early Middle Ages // Women in Medieval Society / Ed. by S. Mosher Stuard. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976. — P. 47–70.
322) *Coleman J.* Rape in Anglo–Saxon England // Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. — Rochester, N.Y.: Boydell, 1998. — P. 193–204.
323) *Colgrave B.* The Post–Bedan Miracles and Translations of St Cuthbert // The Early Cultures of North–West Europe, H.M. Chadwick Memorial Studies / Ed. sir C. Fox and B. Dickens. — Cambridge: Cambridge University Press, 1950. — P. 307–332.
324) *Colman F.* The Grammar of Names in Anglo–Saxon England: The Linguistics and Culture of the Old English Onomasticon. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 310 p.
325) Constructions of Childhood in Ancient Greece and Italy / Ed. by A. Cohen, J.B. Rutter. — Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 2007. — 429 p.
326) *Contreni J.J.* Reading Gregory of Tours in the Middle Ages // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell, I. Wood. — Leiden, Boston: Brill, 2002. — P. 419–434.

327) *Cook A.S.* Bede and Gregory of Tours // Philological Quarterly. — 1927. — Vol. 6. — P. 315–316.
328) *Coon L.L.* [Rev.:] Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout: Brepols, 2001 // Speculum. — 2003. — Vol. 78, No. 2. — P. 594-595.
329) *Cooper K.* Augustine and Monnica // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012. — P. 7–20.
330) *eadem.* The Fall of the Roman Household. — Cambridge: Cambridge University Press 2007. — 319 p.
331) *eadem.* The Household as a Venue for Religious Conversion: The Case of Christianity // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds // Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 185–197.
332) *Corbier M.* Family and Kinship in Roman Africa West // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P.255–285.
333) *Corcoran S.* The Sins of the Fathers: A Neglected Constitution of Diocletian on Incest // Journal of Legal History, 2000. — Vol. 21. — P. 1–34.
334) *Corbert P.E.* The Roman Law of Marriage. — Oxford: Clarendon Press, 1930. — 254 p.
335) *Costambeys M.* Kinship, Gender and Property in Lombard Italy // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective // Ed. by G. Ausenda, P. Delogu, Ch. Wickham. — Woodbridge: The Boydell Press, 2009. — P. 69–84.
336) Le couple dans le monde franc // Médiévales. — 2013. — No. 65. — P. 19–124.
337) *Cox Sh.A.* Crossing Boundaries through Marriage in Menander's "Dyskolos" // The Classical Quarterly. — 2002.— Vol. 52, No. 1. — P. 391–394.
338) *eadem.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth–Century Athens // The Classical Journal. — 1989. — Vol. 85, No. 1. — P. 34–46.
339) *eadem.* Marriage in Ancient Athens // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 231–244.
340) *eadem.* Sibling Relationships in Classical Athens: Brother–Sister Ties // Journal of Family History. — 1988. — Vol. 13. — P. 377–395.
341) *eadem.* Sisters, Daughters and the Deme of Marriage A Note // The Journal of Hellenic Studies. — 1988. — Vol.108. — P. 185–188.
342) *Crawford S.* Childhood in Anglo–Saxon Englan. — Stroud: Sutton, I999. — 256 p.
343) *Crisp R.P.* Marriage and Alliance in the Merovingian Kingdoms, 481-639: PhD Diss. / R.P. Crisp; The Ohio State University. — Columbus, 2003. — 284 p.
344) *Crook J.A.* Patria Potestas // The Classical Quarterly, New Series. — 1967. — Vol. 17, No. 1. — P. 113–122.
345) *idem.* Law and Life of Rome. — L.: Thames & Hudson, 1967. — 349 p.
346) *Crumplin S.* Cuthbert the Cross–Border Saint in the Twelfth Century // Saints' Cults in the Celtic World / Ed. by S. Boardman, J.R. Davies, E. Williamson. — Woodbridge: Boydell Press, 2009. — P. 119–129;
347) *Curta Fl.* Merovingian and Carolingian Gift Giving // Speculum. — 2006. — Vol. 81, No.3. — P. 671–699.
348) *Dahn F.* Paulus Diaconus // Des Paulus Diaconus leben und schriften. — Leipzig: Druck und Verlag von Breitcopf und Härtel, 1876. — Bd. 1. — 104 s.
349) *Dailey E.T.* Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. — Leiden, Boston: Brill, 2015. — 202 p.
350) *idem.* Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II: Stages of Legitimition in the Merovingian Kingdoms / E.T. Dailey // Journal of Late Antiquity. — 2014.— Vol. 7.— P. 3–27.

351) *Damen M.* Gift Exchange at the Court of Charles the Bold // In but not of the Market: Movable Goods in Late Medieval and Early Modern Urban Society / Ed. By M. Boone, M. Howell. — Brussel, 2007. — P. 81–89.
352) *Damet A.* Le statut des mères dans l'Athènes classique // Cahiers «Mondes anciens». — 2015. — Vol. 6. — P. 1–19.
353) *Darmon J.–P., Honigsblum G.* Kinship Structures in Greek Heroic Dynasties: The House of Atreus and the House of Labdacus // Greek and Egyptian Mythologies / Ed. by Y. Bonnefoy, trans. by W. Doniger. — Chicago and London: University of Chicago Press, 1991. — P. 103–105.
354) *Dasen V.* Becoming Human: From the Embryo to the Newborn Child // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 17–39.
355) *eadem.* Childbirth and Infancy in Greek and Roman Antiquity // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 291–314.
356) *eadem.* Wax and Plaster Memories: Children in Elite and non-Elite Strategies // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 109–146.
357) *Dauvillier J.* Le mariage dans le droit classique de l'Église, depuis le Décret de Gratien (1140), jusqu'à la mort de Clément V (1314). — P.: Recueil Sirey, 1933. — 517 p.
358) *Davis N.Z.* The gift in sixteenth–century France. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 200 p.
359) *Davis R.* Bede's early Reading // Speculum. — 1933. — V. 8. — P. 179–195.
360) *Dawn H.* Negotiating Gender, Family and Status in Anglo–Saxon Burial Practices, c. 600–950 // Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900 / Ed. by L. Brubaker, J.M.H. Smith. — N. Y.: Cambridge University Press, 2004. — P. 301–323.
361) *Day D.* Hwanan sio fæhð aras: Defining the Feud in Beowulf // Philological Quarterly. — 1999. — Vol. 78. — P. 77–95.
362) *Dean-Jones L.A.* The Child Patient of the Hippocratics: Early Pediatrics? // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 108–124.
363) *eadem.* [Rev.:] Kapparis K. Abortion in the Ancient World. L: Duckworth, 2002. 240 p. // American Journal of Philology. — 2003. — Vol. 124, No. 4. — P. 613–616.
364) *Delbrück B.* Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen: Ein Beitrag zur vergleichenden Altertumskunde // Abhandlungen der philologisch–historischen Classe der Koniglich–sachsischen Gesellschaft der Wissenschaften. — Leipzig: S. Hirzel, 1889. — Vol. 11. — P. 380–606.
365) *Demandt A.* The Osmosis of Late Roman and Germanic Aristocracies // Das Reich und die Barbaren // Ed. by E. Chrysos, A. Schwarcz. — Vienna: Böhlau, 1989. — P. 75–86.
366) *Demand N.H.* Birth, Death, and Motherhood in Classical Greece. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. — 276 p.
367) *eadem.* [Rev.:] Kapparis K. Abortion in the Ancient World. L: Duckworth, 2002. 240 p. // Bulletin of the History of Medicine. — 2004. — Vol. 78, No. 4. — P. 886–887.
368) *Demyttenaere A.* The Cleric, Women and the Stain: some Beliefs and Ritual Practices Concerning Women in the early Middle Ages // Frauen in Spatantike und Fruhmittelalter: Lebensbedingungen–Lebensnormen–Lebensformen / Ed. by W. Affeldt. — Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1990. — P. 141–65.
369) *Depreux Ph.* [Rev.:] Régine Le Jan. Famille et Pouvoir dans le Monde Franc (VIIe-Xe Siècle): Essai d'Anthropologie Sociale. P.: Publications de la Sorbonne, 1995 // Revue Historique. — 1997. — T. 297, Fasc. 1. — P. 256–260.
370) *Devine M.* The Low Birth–Rate in Ancient: a Possible Contributing Factor // Rheinisches Museum für Philologie. — 1985. — Bd. 128., Htf. 3/4. — P. 313–317.
371) *Dickey E.* Literal and Extended Use of Kinship Terms in Documentary Papyri // Mnemosyne. — 2004. — Vol. 57, Fasc. 2. — P. 131–176.

372) *Diddle Uzzi J.* Children in the Visual Arts of Imperial Rome. — N. Y.: Cambridge University Press, 2005. — 252 p.
373) *eadem.* The Power of Parenthood in Official Roman Art // Hesperia Supplements. — 2007. — Vol. 41. — P. 61–81.
374) *Dieleman J.* Fear of Women? Representations of Women in Demotic Wisdom Texts // Studien zur Altägyptischen Kultur. — 1998. — Bd. 25. — P. 7–46.
375) *Dietrich S.C.* An Introduction to Women in Anglo–Saxon Society // The Women of England from Anglo–Saxon Times to the Present / Ed. by B. Kanner. — L.: Mansell, 1980. — P. 32–56.
376) *Diesner H.J.* Fragen Der Macht Und Herrshaftsstruktur Bei Beda. — Mainz: Steiner, 1981. — 38 p.
377) *Destro A., Pesce M.* Fathers and Householders in the Jesus Movement: The Perspective of the Gospel of Luke // Biblical Interpretation. — 2003. — Vol. 11, No. 2. — P. 211–238.
378) *Diner H.* Mothers and Amazons: the First Feminine History of Culture // Translated into English by J. Ph. Lundin. — N. Y.: Julian Press, 1965. — 308 p.
379) *Dionisotti C.* From Ausonius' Schooldays? A Schoolbook and its Relatives // Journal of Roman Studies. — 1982. — Vol. 72. — P. 83–125.
380) *Dixon S.* Conflict in the Roman Family // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 149–168.
381) *eadem.* Familia Veturia: towards a Lower–Class Economic Prosopography // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by S. Dixon. — L.: Routledge, 2001. — P.115–128.
382) *eadem.* [Rev.:] Judith P. Hallett. Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family // The American Journal of Philology. — 1968. — Vol. 107, No. 1. — P. 125–130.
383) *eadem.* [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul / Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Echos du monde classique: Classical views. — 1993. — Vol. 37, No. 1. — P. 85–88.
384) *eadem.* The Roman Family. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. — 279 p.
385) *eadem.* The Roman Mother. — Norman and L.: University of Oklahoma Press, 1988. — 286 p.
386) *eadem.* The Sentimental Ideal of the Roman Family // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 99–113.
387) *eadem.* Sex and the Married Woman in Ancient Rome // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 2003. — P. 111–129.
388) *Dockray–Miller M.* Motherhood and Mothering in Anglo–Saxon England. — N.Y.: St. Martin's Press, 2000. — 161 p.
389) Doing Emotions History (The History of Emotions) // Ed. By S.J. Matt, P.N. Stearns. — Chicago: University of Illinois Press, 2014. — 224 p.
390) *Dolansky F.* Roman Girls and Boys at Play: Realities and Representations // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 116–136.
391) Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond / Ed. By Laurence, A. Wallace–Hadrill — Portsmouth: Journal of Roman Archaeology, 1997. — 240 p.
392) *Donahue Ch.* The Case of the Man Who Fell into the Tiber: The Roman Law of Marriage at the Time of the Glossators // The American Journal of Legal History. — 1978. — Vol. 22, No. 1. — P. 1–53.
393) *Downing M.* Prehistoric Goddesses the Cretan Challenge // Journal of Feminist Studies in Religion. — 1985. — Vol. 1, No. 1. — P. 7–22.
394) *Dover K.J.* Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. — Oxford: Blackwell, 1975. — 330 p.
395) *Douchesne L.* Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. — P.: Fontemoing, 1907-1915. — Vol. 1–3.

396) *Drew K.F.* Another Look at the Origins of the Middle Ages: A Reassessment of the Role of the Germanic Kingdoms // Speculum. — 1987. — Vol. 62, No. 4. — P. 803–812.
397) *eadem.* The Family in Frankish Law // Law and Society in Early Medieval Europe. — L.: Variorum, 1988. — P. 1–22.
398) *eadem.* The Franks as Seen Through Their Law Code // The Laws of the Salian Franks. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. — P. 28–51.
399) *eadem.* Introduction // The Lombard Laws / Transl. by K.F. Drew. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1973. — P. 1–38.
400) *eadem.* Notes on Lombard Institution // The Rice Institute Pamphlet. — 1956. — Vol. XLIII. — P. 1–119.
401) *Drage Hale R.* Joseph as Mother: Adaptation and Appropriation in the Construction of Male Virtue // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler— N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 101–116.
402) *Drell J.H.* Kinship and Conquest: Family Strategies in the Principality of Salerno during the Norman Period, 1077–1194. — Ithaca, N. Y., and L.: Cornell University Press, 2002. — 245 p.
403) *Drout M.D.C.* Blood and Deeds: The Inheritance Systems in "Beowulf" // Studies in Philology. — 2007. — Vol. 104, No. 2. — P. 199–226.
404) *Duby G.* The Knight, the Lady and the Priest: the Making of Modern Marriage in Medieval France / Trans. by B. Bray. — N. Y.: Pantheon Books, 1984. — 311 p.
405) *idem.* Lignage, noblesse et chevalerie au XIIe siecle dans le region mâconnaise: une revision // Annales: Economies, sociétés, civilisations. — 1972. — Vol. 27. — P. 803–23.
406) *idem.* Medieval Marriage. Two Models from Twelfth–Century France / Trans. by E. Forster. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. — 139 p.
407) *idem.* Présentation de l'enquête sur «Famille et sexualité au Moyen Age» // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6–8 juin 1974). — Rome: École Française de Rome, 1977. — N 30. — P. 9–11.
408) *idem.* Structures familiales aristocratiques en France du XIe siecle en rapport avec les structures de 1'etat // L'Europe aux IXe–XIe sikcles, Aux origines des Atats nationaux / Ed. T. Manteuffel et A. Gieysztor. — Warsaw: Institut d'Histoire de l'Academie Polonaise des Sciences, 1968. — P. 57–62.
409) *idem.* Structures de parentéet de noblesse dans la France du Nord aux XIe et XIIe siècles // Hommes et structures du moyen âge. — P.: Mouton, 1973. — P. 270–275.
410) *Duckett E.S.* Anglo-Saxon Saints and Scholars. — N.Y.: Macmillan, 1947. — 488 p.
411) *Duggan Ch.* Equity and Compassion in Papal Marriage Decretals to England // Love and Marriage in the Twelfth Century / Ed. W. van Hoecke and A. Welkenhuysen. — Leuven: Leuven University Press, 1981. — P. 59–87.
412) *Dumville D.N.* Kingship, Genealogies and Regnal Lists // Early Medieval Kingship / Ed. by P.H. Sawyer, I. Wood. — Leeds: School of History, University of Leeds, 1977. — P. 73–104.
413) *Dumuille D.* Sub-Roman Britain: History and Legend // History. — 1977. — Vol. 62. — P. 173–192.
414) *Dupriez F.* La conditionfeminine et les Peres de l'Egliselatine. — Montreal: Editions Pauline, 1982. — P. 194.
415) *Dyson S.L.* The Family and the Roman Countryside // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 431–444.
416) *Earenfight Th.* Queenship in Medieval Europe. — Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2013. — 356 p.
417) *Edmondson J.* Family Relations in Roman Lusitania: Social Change in a Roman Province? // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 183–229.

418) *Edmonson M.S.* [Rev.:] Ghurye G.S. Family and Kin in Indo–European Culture. L.: Oxford University Press, Indian Branch, 1955. 254 p. // Anthropologist. New Series. — 1958. — Vol. 60, No. 1, Part 1. — P. 184–185.
419) *Edwards C.* Dynastic Sanctity in Two Early Medieval Women's Lives // Medieval Family Roles. A Book of Essays / Ed. by Cathy Jorgensen Itnyre. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 3–20.
420) *Edwards M.* The Cultural Context of Deformity in the Ancient Greek World // Ancient History Bulletin. — 1996. — Vol. 10. — P. 79–92.
421) *Eller C.* Gentlemen and Amazons: The Myth of Matriarchal Prehistory, 1861–1900. — Berkeley: University of California Press, 2011. — 290 p.
422) *Elwyn S.F.* The Use of Kinship Terminology in Hellenistic Diplomatic Documents: An Epigraphical Study: PhD. Diss. / S.F Elwyn; University of Pennsylvania. — Philadelphia, 1991. — 398 p.
423) *Engels D.* The Problem of Female Infanticide in the Greco–Roman World // Classical Philology. — 1980. — Vol. 75. — P. 112–120.
424) *Epstein S.* The Medieval Family: A Place of Refuge and Sorrow // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Memory of David Herlihy / Ed. by S.J. Cohn Jr., S.A. Epstein. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — P. 405–428.
425) *Ermakoff I.* Prelates and Princes: Aristocratic Marriages, Canon Law Prohibitions, and Shifts in Norms and Patterns of Domination in the Central Middle Ages // American Sociological Review. — 1997. — Vol. 62, No. 3. — P. 405–422.
426) *Esler Ph.E.* Family Imagery and Christian Identity in Gal 5:13 to 6:10 // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Routledge, 1997.— P. 121–149.
427) *idem.* Sex, Wives, and Warriors: Reading Biblical Narrative with Its Ancient Audience. — Eugene: Cascade Books, 2011. — 408 p.
428) *Esmein* A. Le Mariage en droit canonique. — P.: L. Larose et Forcel, 1891. — 448 p.
429) *Evans Grubbs J.* Church, State, and Children: Christian and Imperial Attitudes toward Infant Exposure in Late Antiquity // The Power of Religion in Late Antiquity / Ed. by A. Cain, N. Lenski. — Farnham, Surrey and Burlington: Ashgate, 2009. — P. 119–31.
430) *eadem.* The Dynamics of Infant Abandonment: Motives, Attitudes and (Unintended) Consequences // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost / Ed. by K. Mustakallio, Ch. Laes. — Oxford: Oxbow, 2011. — P. 21–38.
431) *eadem.* Infant Exposure and Infanticide // The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 83–107.
432) *eadem.* Hidden in Plain Sight: Expositio in the Community // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 293–310.
433) *eadem.* Law and Family in Late Antiquity. The Emperor Constantine's Marriage Legislation. — Oxford: Clarendon Press, 1995. — 390 p.
434) *eadem.* Making the Private Public: Illegitimacy and Incest in Roman Law // Public and Private in Ancient Mediterranean Law and Religion / Ed. by C. Ando, J. Rüpke. — B.: De Gruyter, 2015. — P. 115–142.
435) *eadem.* Marriage and Family Relationships in the Late Roman West // A Companion to Late Antiquity / Ed. by P. Rousseau. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — P. 201–219.
436) *eadem.* Parent–Child Conflict in the Roman Family: The Evidence of the Code of Justinian // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 92–128.

437) *eadem.* Women and Law in the Roman Empire. A Sourcebook on Marriage, Divorce and Widowhood. — L. and N. Y.: Routledge, 2002. — 349 p.
438) *Evitt R.M.* Incest Disguised: Ottonian Influence at Gandersheim and Hrotsvit's "Abraham" // Comparative Drama. — 2007. — Vol. 41, No. 3. — P. 349–369
439) *Ewig E.* Die NamengebungbeiAltestenFrankenkönigen und immerowingischenKönigshaus. Mit genealogischenTafeln und Notizen //Francia. — 1991. — Vol. 18, No. 1. — P. 21–69.
440) *idem.* Le mythe troyen et l'histoire des Francs // Clovis, histoire et mémoire / Ed. par M. Rouche. — P.: Presses de l'Universite de Paris-Sorbonne, 1997. — T. 1. — P. 817–47.
441) *idem.* Studien zur merowingischen Dynastie // Frühmittelalterliche Studien. — 1974. — V. 8. — P. 15–59.
442) *Eyben E.* Family Planning in Graeco–Roman Antiquity //Ancient Society. — 1980/1981. — Vol. 11/12. — P. 5–82.
443) *eadem.* Fathers and Sons // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 114–143.
444) *Fairweather J.* Liber Eliensis: A History of the Isle of Ely from the Seventh Century to the Twelfth, Compiled by a Monk of Ely in the Twelfth Century. — Woodbridge: Boydell Press, 2005. — 576 p.
445) Family in the Bible: Exploring Customs, Culture, and Context / Ed. by R.S. Hess, M. Daniel, R. Carroll. — Grand Rapids: Baker Academic, 2003. — 175 p.
446) *Farmer* D.H. Oxford Dictionary of Saint. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — 579 p.
447) *Farnsworth W. O.* Uncle and Nephew in the Old French Chansons de Geste: A Study in the Survival of Matriarchy. — N.Y.: Columbia University Press, 1913. — 267 p.
448) *Fatum L.* Brotherhood in Christ: A Gender Hermeneutical Reading of 1 Thessalonians // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Routledge, 1997. — P. 183–200.
449) *Feen R.H.* The Historical Dimensions of Infanticide and Abortion the Experience of Classical Greece // The Linacre Quarterly. — 1984. — Vol. 51, No. 3. — P. 248–254.
450) *idem.* Keeping the Balance: Ancient Greek Philosophical Concerns with Population and Environment // Population and Environment. — 1996. — Vol. 17, No. 6. — P. 447–458.
451) *Fell Ch., Clark C., Williams E.* Women in Anglo–Saxon England and the Impact of 1066. — L.: British Museum Publications, 1984. — 208 p.
452) Feud in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by J. Büchert Netterstrøm, B. Poulsen. — Aarhus: Aarhus University Press, 2007. — 206 p.
453) Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White / Ed. by B.S. Tuten, T.L. Billado. — Burlington: Ashgate, 2010. — 336 p.
454) *Fichtenau H.* Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders / Transl. by P.J. Geary. — Chicago and L.: University of Chicago Press, 1991. — 472 p.
455) *Ficker J.* Untersuchungen zur Rechtsgeschich. — Innsbruck: Wagner, 1891–1904. — Bd. 1–6.
456) *Finley M.I.* The World of Odysseus. — N. Y.: New York Review Books, 1954. — 205 p.
457) *Finch A.J.* Parental Authority and the Problem of Clandestine Marriage in the Later Middle Ages // Law and History Review. — 1990. — Vol. 8, No. 2. — P. 189–204.
458) *Firey A.* The Letter of the Law: Carolingian Exegetes and the Old Testament // With Reverence for the Word: Medieval Scriptural Exegesis in Judaism, Christianity, and Islam / Ed. by J. Dammen McAuliffe, B.D. Walfish, J.W. Goering. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — P. 204–224.
459) *Fischer M.M.J.* Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager "The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty" // Anthropologica. — 2007. — Vol. 49, No. 2. — P. 295–299.
460) *Fisher N.* Laser–Quests Unnoticed Allusions to Contraception in a Poet and a Princeps? // Classics Ireland. — 1996. — Vol. 3. — P. 73–96.

461) *Flandrin J.–L.* Contraception, marriage et relations amoureuses dans l'occident chretien // Annales E.S.C. — 1969. — N. 24. — P. 1370–1390.
462) *idem.* L'eglise el le contrôle des naissances. — P.: Flammarion, 1970. — 139 p.
463) *Fleming P.* Family and Household in Medieval England. — Houndmills and N. Y.: Palgrave, 2001. — 161 p.
464) *Fleming R.* Kings and Lords in the Conquest England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — P. 21–52.
465) *Fletcher R.* Bloodfeud: Murder and Revenge in Anglo–Saxon England. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 230 p.
466) *Flom G.T.* Alliteration and Variation in Old Germanic Name–Giving // Modern Language Notes. — 1917. — Vol. 32, No. 1. — P. 7–17.
467) *Flory M.B.*[Rev.:] The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986.279 p. // Vergilius. — 1987. — Vol. 33. — P. 138–139.
468) Förstemann E.W. Altdeutsches Namenbuch. — München: W. Fink, 1856. — 1400 s.
469) *Forsyth I.H.* Children in Early Medieval Art: Ninth Through Twelfth Centuries // Journal of Psychohistory. — 1976–77. — Vol. 4. — P. 31–70.
470) *Fortes M.* Kinship and the Social Order: The Legacy of Lewis Henry Morgan. — Chicago: Aldine, 1969. — 347 p.
471) *Fossier R.* Les structures de la famille en Occident au Moyen Age // XVe Congres International des Sciences Historiques Rapports. — Bucharest, 1980. — T. 2. — P. 115–32.
472) *idem.* La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. — P.–Louvain: Nauwclaerts, 1968. — 824 p.
473) *Foucault M.* The History of Sexuality / Transl. from French by R. Hurley. — N. Y.: Pantheon Books, 1980. — Vol. 1. — 169 p.
474) *Foulkes P.A.* Images of Family Life in the Scriptures // The Way. — 1992. — Vol. 32. — P. 83–92.
475) *Fouracre P.J.* The Use of the Term Beneficium in Frankish Sources. A Society Based on Favors? // The Languages of Gift in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 62–88.
476) *Fox R.* Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967. — 273 p.
477) *idem.* Sibling incest // British Journal of Sociology. — 1962. — Vol. 13. — P. 128–150.
478) *Fox Y.* Power and Religion in Merovingian Gaul: Columbanian Monasticism and the Frankish Elites. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 365 p.
479) *Foxhall L.* Household, Gender and Property in Classical Athens // The Classical Quarterly. — 1982. — Vol. 39. — P. 22–44.
480) *Frandsen P.J.* Incestuous and Close–kin Marriage in Ancient Egypt and Persia. An Examination of the Evidence. — Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2009. — 224 p.
481) *Frankforter D.A.* Amalasuntha, Procopius and a Woman's Place // Journal of Women's History. — 1996. — Vol. 8, No. 2. — P. 41–57.
482) *Freed J.B.* The Counts of Falkenstein: Noble Self–Consciousness in Twelfth–Century Germany // Transactions of the American Philosophical Society. — 1984. — Vol. 74, No.6. — P.1–70.
483) *idem.* Reflections on the Medieval German Nobility // The American Historical Review. — 1986. — Vol. 91, No. 3 — P. 55–575.
484) *Freedman J.D.* On the Concept of the Kindred // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 1961. — Vol. 91. — P. 192–220.
485) *Freisen J.* Geschichte des kanmischen Eherechtes bis zum Verfall der Glossenliteratur. — Padeborn: F. Schöningh, 1893. — 948 p.
486) *Frevert U.* Emotions in History – Lost and Found (Natalie Zemon Davies Annual Lecture Series). — Budapest: Central European University Press, 2011. — 240 p.

487) *Frilingos Ch.* "For My Child, Onesimus": Paul and Domestic Power in Philemon // Journal of Biblical Literature. — 2000. — Vol. 119, No. 1. — P. 91–104.
488) *Fuchs M.E.* Women and Children in Ancient Landscape // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 95–108.
489) *Führer J.* Gregor von Tours. Christliche und pagane Tradition // Es hat sich viel ereignet, Gutes wie Böses. Lateinische Geschichtsschreibung der Spät und Nachantike / Hrsg. G. Thome, J. Holzhausen. — Munich and Leipzig: De Gruyter, 2001. — S. 105–26.
490) *Galbraith V.H.* Kings and Chroniclers: Essays in English Medieval History. — L.: Hambledon Press, 1982. — 368 p.
491) *Gallia A.B.* Vestal Virgins and Their Families // Classical Antiquity. — 2015. — Vol. 34, No. 1. — P. 74–120.
492) *Gallivan P., Wilkins P.* Familial Structures in Roman Italy: A Regional Approach // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 239–280.
493) *Garbaty T.J.* The Uncle–Nephew Motif: New Light into its Origins and Development // Folklore. — 1977. — Vol. 88, No. 2. — P. 220–235.
494) *Garland R.* Children in Athenian Religion // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 207–226.
495) *Garnsey P.* Sons, Slaves and Christians // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 101–122.
496) *Garrod H. W.* Virgil and Gregory of Tours // The Classical Review. — 1919. — Vol. 33. — P. 28.
497) *Garver V.L.* Childbearing and Infancy in the Carolingian World // Journal of the History of Sexuality. — 2012. — Vol. 21, No. 2. — P. 208–244.
498) *eadem.* The Influence of Monastic Ideals upon Carolingian Conceptions of Childhood // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality / Ed. by A. Classen. — B.: Walter de Gruyter, 2005. — P. 67–85.
499) *Garver V.L.* Women and Aristocratic Culture in the Carolingian World. — Ithaca and L.: Cornell University Press, 2009. — 310 p.
500) *Gates H.P.* The Kinship Terminology of Homeric Greek. — Baltimore: The Waverly Press, 1971. — 82 p.
501) *idem.* Kinship Terminology in Homeric Greek: Ph.D. Diss. / H.P. Gates; Princeton University. — Princeton, 1971. — 95 p.
502) *Geary P.J.* Aristocracy in Provence: The Rhone Basin at the Dawn of the Carolingian Age. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985. — 176 p.
503) *idem.* Before France and Germany: the Creation and Transformation of the Merovingian World. — Oxford: Oxford University Press, 1988. — 259 p.
504) *idem.* Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millennium. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — 264 p.
505) *Genestal R.* Histoire de la legitimation des enfants naturels en droit canonique. — P.: Leroux, 1905. — 257 p.
506) *Gelting M.H.* Marriage, Peace and the Canonical Incest Prohibitions: Making Sense of an Absurdity? // Nordic Perspectives on Medieval Canon Law / Ed. by M. Korpiola. — Helsinki: Matthias Calonius Society, 1999. — P. 93–124.
507) *idem.* Predatory Kinship Revisited // Anglo–Norman Studies XXV: Proceedings of the Battle Conference 2002 / Ed. by J. Gillingham. — Woodbridge: Boydell Press, 2003. — P. 107–120.
508) *Gerberding R.A.* An Unnoticed Very Early Fragment of the Liber Historiae Francorum // Traditio. — 1987. — Vol. 43. — P. 381–386.
509) Geschichtliche Grundbergriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. — Stuttgart, 1972–1993. — Bd.1–8.

510) *Ghurye G. S.* Family and Kin in Indo–European Culture. — Oxford: Oxford University Press, 1955. — 245 p.
511) *Gravdal K.* Confessing Incests: Legal Erasures and Literary Celebrations in Medieval France // Medieval Families: Perspectives on Marriage, Household, and Children / Ed. by C. Neel. — Toronto: University of Toronto Press, 2004. — P. 329–346.
512) *Gregory C. A.* Gifts and Commodities. — L.: Academic Press, 1982. — 268 p.
513) *Georg M.* Family Imagery and Family Values in Roman Italy // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. Georg. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 37–66.
514) *eadem.* Family and familia on Roman Biographical Sarcophagi // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. — 2000.— Bd. 107. — S. 191–207.
515) *Giangrande G.* The Stepmother Motif in Catullus // Eranos. — 1975. — Vol. 73. — P. 109–111.
516) *Gies F., Gies J.* Marriage and the Family in the Middle Ages. — N. Y., Cambridge and Philadelphia: Harper & Row, 1987. — 372 p.
517) *Gillingham J.* Love, Marriage and Politics in the Twelfth Century // Forum for Modern Language Studies. — 1989. — Vol. XXV, No. 4. — P. 292–303.
518) *Giorda M.C.* Children in Monastic Families in Egypt at the End of Antiquity // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 232–246.
519) *Green D.* Language and History in the Early Germanic World. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 444 p.
520) *idem.* Linguistic and Literary Traces of the Langobards // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective // Ed. by G. Ausenda, P. Delogu, Ch. Wickham. — Woodbridge: The Boydell Press, 2009. — P. 174–195.
521) *Green M.H.* Making Motherhood in Medieval England: The Evidence from Medicine // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by L. Smith, C. Leyser. — Burlington: Ashgate Publishing, 2012. — P. 173–204.
522) *Greenwalt W.S.* Polygamy and Succession in Argead Macedonia // Arethusa. — 1989. — Vol. 22, No. 1. — P. 19–45.
523) *Griswold R.L.* Introduction to the Special Issue on Fatherhood // Journal of Family History. — 1999. — Vol. 24. — P. 251–254.
524) *Godbout J.T., Caillé A.* The world of the gift. — Montreal: McGill–Queen's University Press, 1998. — 250 p.
525) *Godfrey J.* The Church in Anglo–Saxon England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1962. — 542 p.
526) *Goetz H.-W.* Gens, Kings and Kingdoms: the Franks // The Transformation of the Roman World. — Boston, Leiden: Brill, 2003. — P. 307–344.
527) *idem.* Die germanisch–romanische (Kultur–)Synthese in der Wahrnehmung der merowingischen Geschichtsschreibung // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / Hrsg. D. Hagermann, W. Haubrichs and J. Jarnut. — B.: Walter de Gruyter, 2004. — P. 547–570.
528) *Goffart W.* The Conversions of Avitus of Clermont and Similar Passages in Gregory of Tours // "To See Ourselves as Others See Us": Christians, Jews, "Others" in Late Antiquity / Ed. by J. Neusner and E. S. Frerichs. — Decatur: Scholars Press, 1985. —P. 473–97.
529) *idem.* The Frankish Pretender Gundovald, 582–585. A Crisis of Merovingian Blood // Francia. — 2012. — No. 39. — P. 1–27.
530) *idem.* Foreigners in the Histories of Gregory of Tours // Rome's Fall and After. — L. and Ronceverte: Hambledon Press, 1989. — P. 257–291.
531) *idem.* From Historiae to Historia Francorum and Back Again: Aspects of the Textual History of Gregory of Tours // Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages. Studies in Honor of

Richard / E. Sullivan, T.F.X. Noble and J.J. Contreni. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1987. — P. 55–76.
532) *idem.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon (ND Publications Medieval Studies). — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2005. — 536 p.
533) *idem.* Paul the Deacon's 'Gesta Episcoporum Mettensium' and the Early Design of Charlemagne's Succession // Traditio. — 1986. — Vol. 42. — P. 59–93.
534) *Golden M.* Children in Latin Epic // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 249–263.
535) *idem.* Demography and the Exposure of Girls at Athens // Phoenix. — 1981. — Vol. 35, No. 4. — P. 316–331.
536) *idem.* Did the Ancients Care When Their Children Died? // Greece & Rome. — 1988. — Vol. 35, No. 2. — P. 152–163.
537) *idem.* The Greek Family. [Rev.:] Families in Classical and Hellenistic Greece Representations and Realities by Sarah B. Pomeroy // The Classical Review, New Series. — 1999. — Vol. 49, No. 1. — P. 157–159.
538) *idem.* Other People's Children // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 262–275.
539) *Goodich M.* Sexuality, Family, and the Supernatural in the Fourteenth Century // Journal of the History of Sexuality. — 1994. — Vol. 4, No. 4. — P. 493–516.
540) *Goody J.*A Comparative Approach to Incest and Adultery // The British Journal of Sociology. — 1956. — Vol. 7, No. 4. — P. 286–305.
541) *idem.* Comparing Family Systems in Europe and Asia: Are There Different Sets of Rules? // Population and Development Review. — 1996. — Vol. 22, No. 1. — P. 1–20.
542) *idem.* Comparative Studies in Kinship. — L.: Routledge & Kegan Paul, 1969. — 261 p.
543) *idem.* The Development of the Family and Marriage in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 324 p.
544) *idem.* The European Family: An Historico–anthropological Essay. — Oxford: Blackwell Publishers, 2000. — 209 p.
545) *Gourevitch D.* The Sick Child in his Family: A Risk for the Family Tradition // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 273–292.
546) *Grace Ph.* Affectionate Authorities: Fathers and Fatherly Roles in Late Medieval Basel. — Farnham: Ashgate, 2015. — 186 p.
547) *idem.* Aspects of Fatherhood in Thirteenth–Century Encyclopedias // Journal of Family History. — 2006. — Vol. 31, No. 3. — P. 211–236.
548) *Grant Loomis C.* The Miracle Traditions of the Venerable Bede // Speculum. — 1946. — V. 21. — P. 404–418.
549) *Graf von Pfeil S.* Avunkulat // Reallexikon der Germanische Altertumskunde. — B.: De Gruyter, 1973. — Bd. 1. — S. 525–527.
550) *Gray–Fow M.J.* The Wicked Stepmother in Roman Literature and History: An Evaluation // Lutomus. —1988. — Vol. 47. — P. 741–757.
551) *Greer Fein S.* Maternity in Aelred of Rievaulx's Letter to his Sister // Medieval Mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 139–157.
552) *Grey C.* Two Young Lovers: An Abduction Marriage and Its Consequences in Fifth–Century Gaul // The Classical Quarterly. — 2008. — Vol. 58, No.1. — P. 286–302.
553) Growing up Fatherless in Antiquity / Ed. by S. Hübner, D. Ratzan. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 333 p.
554) *Grundy S.* The Viking's Mother: Relations between Mothers and their Grown Sons in Icelandic Sagas // Medieval Mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 223–237.

555) *Gudeman S.* The Compadrazgo as a Reflection of the Natural and Spiritual Person // Proceedings of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. — L.: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1971. — P. 45–67.
556) *ibid.* Spiritual relationships and selecting a Godparent // Man. — 1975. — Vol. 10. — P. 221–237.
557) *Guerreau-Jalabert A.* La désignation des relations et des groupes de parenté en latin médiéval // Archivum Latinitatis Medii Aevi. — 1988. — N. 47 — P. 65–108.
558) *GuerrieriA. M.* The Figure of the Maternal Uncle in the Old Germanic Tradition // Studi Germanici. — 2014. — No. 6. — P. 123–146.
559) *Guijarr S.* The Family in First–Century Galilee // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge. — P. 42–65.
560) *Gummere F.B.* The Sister's Son // An English Miscellany Presented to F. J. Furnivall / Ed. by W. Paton Ker, A.S. Napier, W.W. Skeat. — Oxford: Clarendon Press, 1901. — P. 133–150.
561) *Gundry-Volf J.M.* The Least and the Greatest: Children in the New Testament // The Child in Christian Thought / Ed. by M.J. Bunge. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2001. — P. 29–60.
562) *Guroian V.* The Ecclesial Family: John Chrysostom on Parenthood and Children // The Child in Christian Thought / Ed. by M.J. Bunge. —Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2001. — P. 61–77.
563) *Haase K., Steinacher R.* Family Forms and Conflicts in Roman North Africa // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 221–240.
564) *Haas L.* Women and Childbearing in Medieval Florence // Medieval Family Roles. A Book of Essays / Ed. by Cathy Jorgensen Itnyre. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 87–100.
565) *Haentjens A.M.E.* Reflections on Female Infanticide in the Greco–Roman World // L'Antiquité Classique. — 2000. — T. 69. — P. 261–264.
566) *Hagger M.* Kinship and identity in eleventh–century Normandy: the case of Hugh de Grandmesnil, c. 1040–1098 // Journal of Medieval History. — 2006. — Vol. 32, No. 3. — P. 212–230.
567) *Halphen L.* Grégoire de Tours, historien de Clovis // Mélanges d'hisotire du moyen âge offerts à Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. — P.: Edouard Champion, 1925. — P. 25–44.
568) *Hallett J.P.* Fathers and Daughters in Roman Society: Women and the Elite Family. — Princeton: Princeton University Press, 1984. — 444 p.
569) *Halsall G.* Nero and Herod? The Death of Chilperic and Gregory's Writings of History // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and I. Wood. — Leiden, Boston: Brill, 2002. — P. 337–350.
570) *idem.* Violence and Society in the Early Medieval West: An Introductory Survey // The Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell, 1998. — P. 1–45.
571) *Hamerow H.* The Earliest Anglo–Saxon Kingdoms // The New Cambridge Medieval History / Ed. by P. Fouracre. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — Vol. 1. — P. 263–291.
572) *Hammel E.A.* Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. — Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1968. — 110 p.
573) *Hammer Jr.C.I.* Family and familia in Early–Medieval Bavaria // Family Forms in Historic Europe / Ed. by R. Wall, J. Robin, P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 217–248.
574) *Hanawalt B.A.* Female Networks for Fostering Lady Lisle's Daughters // Medieval Mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 239–258.
575) *eadem.* Growing Up in Medieval London: The Experience of Childhood in History. — N. Y.: Oxford University Press, 1993. — 300 p.
576) *eadem.* The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England. — N. Y.: Oxford University Press, 1986. —346 p.

577) *Hanning R.W.* The Vision of History in Early Britain. — N.Y. and L.: Columbia University Press, 1966. — 271 p.
578) *Hanska J.* Education as an Investment. The Childhood of Pietro del Morrone in the Thirteenth Century Abbruzzi // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.–L. Sainio, V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 157–166.
579) *Harders A.-C.* Roman Patchwork Families: Surrogate Parenting, Socialization, and the Shaping of Tradition // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 49–72.
580) *Hardt M.* Silverware in Early Medieval Gift Exchange: Imitatio Imperii and Objects of Memory // Franks and Alamanni in the Merovingian Period / Ed. by I. Wood. — Woodbridge: Boydell Press, 1998. — P. 317–342.
581) *Haren M.J.* Social Structures of the Irish Church: A New Source in Papal Penitentiary Dispensations for Illegitimacy // Illegitimidtät im Spätmittelalter / Ed. by L. Schmugge. — Munich: Oldenbourg, 1994. — P. 207–226.
582) *Harlow M.* Little Tunics for Little People: the Problems of Visualising the Wardrobe of the Roman child // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 43–59.
583) *eadem.* Toys, Dolls, and the Material Culture of Childhood // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 322–340.
584) *Harlow M., Parkin T.* Looking for the Family: The Greek and Roman Background // Approaches to the Byzantine Family / Ed. by L. Brubaker, S. Tougher. — L.: Routledge, 2013. — P. 1–20.
585) *Harris E.M., Rubinstein L.* The Law and the Courts in Ancient Greece. — L.: Gerald Duckworth, 2004. — 240 p.
586) *idem.* The Roman Father's Power of Life and Death // Studies in Roman Law in Memory of A. Arthur Schiller / Ed. by R.S. Bagnall, W.V. Harris. — Leiden: Brill, 1986. — P. 81–95.
587) *idem.* The Theoretical Possibility of Extensive Infanticide in the Graeco–Roman World // Classical Quarterly. — 1982. — Vol. 32, No. 1. — P. 114–16.
588) *Hart C.* Athelstan ‘Half King’ and his family // Anglo–Saxon England. — 1973. — Vol. 2. — P. 115–144.
589) *Hart–Hasler J.N.* Bede’s Use of Patristic Sources: The Transfiguration // Papers Presented at the Eleventh International Conference on Patristic Studies Held at Oxford, 1991, 5: Latin Authors (other than Augustine and His Opponents), Nachleben of the Fathers / Ed. by C. E.A. Livingstone. — Leuven: Peters, 1993. — P. 197–204.
590) *Haubrichs W.* Germanic and gothic kinship terminology // The Ostrogoths from the Migration Period to the Sixth Century: An Ethnographic Perspective / Ed. by S.J.B. Barnish. — Woodbridge: Boydell & Brewer, 2007. — P. 143–182.
591) *idem.* Langobardic Personal Names: Given Names and Name-Giving among the Langobards // The Langobards before the Frankish Conquest: An Ethnographic Perspective // Ed. by G. Ausenda, P. Delogu, Ch. Wickham. — Woodbridge: The Boydell Press, 2009. — P. 195–251.
592) *Harvey S.* Sacred Bonding: Mothers and Daughters in Early Syriac Hagiography // Journal of Early Christian Studies. — 1996. — Vol. 4, N. 1. —P. 27–56.
593) *Hayes J.N.* Anglian Leadership in Nirthumbria, 547 A.D. through 1075 A.D.: PhD Diss. / J.N. Hayes J.N.; Louisiana State University. — Louisiana, 2005. — 182 p.
594) *Hayward P.A.* Suffering and Innocence in Latin Sermons for the Feast of the Holy Innocents, c. 400-800 / P.A. Hayward // Studies in Church History. — 1994. — Vol. 31. — P. 67–80.
595) *Heal F.* The Power of Gifts: Gift–exchange in Early Modern England. — Oxford, Oxford University Press, 2014. — 272 p.
596) *Heene K.* The Legacy of Paradise: Marriage, Motherhood and Woman in Carolingian Edifying Literature. — Frankfurt–am–Main: P. Lang 1997. — 338 p.

597) *Heidecker K.* The Divorce of Lothar II: Christian Marriage and Political Power in the Carolingian World. — Ithaca: Cornell University Press, 2010. — 227 p.
598) *Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichtliche Aspekte. — München/Zürich: Artemis, 1976. — 284 p.
599) *idem.* Bischof und Herrschaft vom spaitantiken Gallien bis zu den karolingicshen Hausmeiern// Herrschaft und Kirche. Beitrage zur Entstehung und Wirkungsweise episcopaler und monastischer Organisations–formen // Ed. by F. Prinz. — Stuttgart, 1988. — P. 23–82.
600) *idem.* Die Franken und die frankische Geschichte in der Perspektive der Historiographie Gregors von Tours // Historiographie im frühen Mittelalter / Hrsg. A. Scharer, G. Scheibelreiter. — Oldenbourg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1994. — S. 326–344;
601) *idem.* Gregor von Tours (538–594): Zehn Bücher Geschichte. Historiographie und Gesellschaftskonzept im 6. — Jahrhundert, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. — 275 s.
602) *idem.* Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 235 p.
603) *idem.* Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours // Ed. by A.C. Murray. — Leiden, Boston: Brill, 2015. — P. 7–34.
604) *idem.* L'aristocatie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'Église de France. — 1976. —Vol. 62, No. 168. — P. 75–90.
605) *Hellerman J.H.* The Ancient Church as Family. — Minneapolis: Fortress Press, 2001. — 295 p.
606) *Helmholz R.H.* The Spirit of Classical Canon Law. — Athens: University of Georgia Press, 1996. — 514 p.
607) *Helmig Th.* Anglo–Saxon Kin–Class Structure // Mankind. —1992. —Vol. 3, No. 2. —P. 155–162.
608) *Hen Y.* Clovis, Gregory of Tours, and Pro–Merovingian Propaganda / Revue belge de philology et d'histoire. — 1993. — Vol. 71. — P. 271–276.
609) *idem.* The church in the Sixth–Century Gaul // A Companion to Gregory of Tours // Ed. by A.C. Murray, 2015. — Leiden, Boston: Brill, 2015. — P. 232–255.
610) *Henne H.* Du mariage entre frer et soeur dans l'antiquite // Revue historique droit français et étranger. — 1954. — Vol. 32. — P. 469–70.
611) *Hennessey L.A.* Sexuality, Family, and the Life of Discipleship: Some Early Christian Perspectives // Chicago Studies. — 1993. — Vol. 32. — P. 9–31.
612) *Héritier–Augé F.* L'inceste dans les textes de la Grèce classique et post–Classique // Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens. — 1994. — Vol. 1, N. 10. — P. 99–115.
613) *Heritier F.* Les deux soeurs et leur mere: anthropologie de l'inceste. — P.: Editions Odile Jacob, 1994. — 376 p.
614) *Herlihy D.* The Family and Religious Ideologies in Medieval Europe // Journal of Family History. — 1987. — No. 12. — P. 3–17.
615) *idem.* Land, Family, and Women in Continental Europe, 701–1200 // Traditio. — 1962. — Vol. 18. — P. 89–120.
616) *idem.* Medieval Children // Women, Family and Society in Medieval Europe: Historical Essays, 1978–1991. — Oxford: Providence, 1995. — P. 215–243.
617) *idem.* Medieval Households. — Cambridge: Harvard University Press, 1985. — 227 p.
618) *idem.* The Making of the Medieval Family: Symmetry, Structure, and Sentiment // Journal of Family History. — 1983 — No.8. — P. 116–30.
619) *idem.* Making Sense of Incest: Women and the Marriage Rules of the Early Middle Ages // Law, Custom, and the Social Fabric in Medieval Europe, Essay in Honor of Bryce Lyon / Ed. by B.S. Bachrach, D. Nicholas. — Kalamazon: Medieval Institute Publications, 1990. — P. 1–16.
620) *idem.* Women, Family and Society in Medieval Europe: Historical Essays, 1978–1991. — Oxford: Providence, 1995. — 410 p.

621) *Herrin J.* Unrivalled Influence: Women and Empire in Byzantium, Princeton University Press. — Princeton: Princeton University Press, 2013. — 392 p.
622) *Heywood C.*A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 240 p.
623) *Hill J.M.* The Ethnopsychology of In–Law Feud and the Remaking of Group Identity in Beowulf: The Cases of Hengest and Ingeld // Philological Quarterly. — 1999. — Vol. 78. — P. 97–123.
624) *Hill R.* Marriage in Seventh–Century England // Saints, Scholars and Heroes: Studies in Medieval Culture in Honour of Charles W. Jones / Ed. by M.H. King, W.M. Stevens. — Collegeville: Hill Monastic Manuscript Library. — 1979. — Vol. 1. — P. 67–75.
625) *Himes N.E.* Medical History of Contraception. — Baltimore: The Williams & Wilkins Company, 1936. — 521 p.
626) *Hirvonen K.* Matriarchal Survivals and Certain Trends in Homer's Female Characters. — Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1968. — 223 p.
627) *Hoggett R.* The Archaeology of the East Anglian Conversion. — Woodbridge: Boydell & Brewer, 2010. — 207 p.
628) *Holder A.G.* Bede and the New Testament // The Cambridge Companion to Bede / Ed. by S. DeGregorio. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 142–155.
629) *Hölkeskamp K.–J.* Under Roman Roofs*:* Family, House, and Household // The Cambridge Companion to the Roman Republic / Ed. by H.I. Flower. — N.Y.: Cambridge University Press, 2014. — P. 113–138.
630) *Hollis S.* Anglo–Saxon Women and the Church: Sharing a Common Fate. — Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd, 1992. — 323 p.
631) *Holman S.R.* Martyr-Saints and the Demon of Infant Mortality: Folk Healing in Early Christian Pediatric Medicine // Children and Family in Late Antiquity. Life, Death and Interaction / Ed. by V. Vuolanto, C. Laes, K. Mustakallio. — Leuven: Peeters Publishers, 2015. — P. 233–254.
632) *Holmes U.T.* Medieval Children // Journal of Social History. — 1968/69. — Vol. 2. — P. 164–72.
633) *Holt J.C.* Presidential Address: Feudal Society and the Family in Early Medieval England: I. The Revolution of 1066 // Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series. — 1982.— Vol. 32. — P. 193–212.
634) *Honemann V.* A medieval queen and her stepdaughter: Agnes and Elizabeth of Hungary // Queens and Queenship in Medieval Europe / Ed. by A.J. Duggan. — Woodbridge: Boydell Press, 1997. — P. 109–122.
635) *Hopkins K.* Brother–Sister Marriage in Roman Egypt // Comparative Studies in Society and History. — 1980. — Vol. 22. — P. 303–354.
636) *idem.* Everyday Life for the Roman Schoolboy // History Today. — 1993. — Vol. 43. — P. 25–30.
637) *Horn C.B.* Children and the Experience of Death in Late Antiquity and the Byzantine World // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 300–317.
638) *eadem.* The Lives and Literary Roles of Children in Advancing Conversion to Christianity: Hagiography from the Caucasus in Late Antiquity and the Middle Ages // Church History. — 2007. — Vol. 76, No. 2. — P. 262–297.
639) *Horn C.B., Martens J.W.* "Let the Little Children Come to Me": Childhood and Children in Early Christianity. — Washington: Catholic University of America Press, 2009. — 438 p.
640) *Hornaday A.G.* Early Medieval Kinship Structures as Social and Political Controls // Medieval Family Roles. A Book of Essays / Ed. by Cathy Jorgensen Itnyre. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 21–38.
641) *Horrell D.G.* From ἀδελφοί to οἶκοςθεοῦ: Social Transformation in Pauline Christianity // Journal of Biblical Literature. — 2001. — Vol. 120, No. 2. — P. 293–311.

642) *Hough C.* Alfred's Domboc and the Language of Rape: a Reconsideration of. Alfred, ch. 11 // Medium Ævum. — 1997. — Vol. 66, No. 1. — P. 1–27.
643) *eadem.* The early Kentish 'divorce laws': a reconsideration of Æthelberht, chs. 79 and 80 // Anglo–Saxon England. — 1994.— Vol. 23. — P. 19–34.
644) *eadem.* The Widow's "Mund" in Æthelberht 75 and 76 // The Journal of English and Germanic Philology. — 1999. —Vol. 98, No. 1. — P. 1–16.
645) *Houlebrooke R.A.* The English Family 1450 – 1700. — N. Y.: Longman, 1984. — 272 p.
646) *van Houts E.* Memory and Gender in Medieval Europe 900–1200. — Toronto: University of Toronto Press, 1999. — 196 p.
647) *Hudson J.* Feud, Vengeance and Violence in England from the Tenth to the Twelfth Centuries // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White / Ed. by B.S. Tuten, T.L. Billado. — Burlington: Ashgate, 2010. — P. 29–53.
648) *Huebner S.R.* Brother–Sister Marriage in Roman Egypt: A Curiosity of Humankind or a Widespread Family Strategy? // The Journal of Roman Studies. — 2007. — Vol. 97. — P. 21–49.
649) *eadem.* Egypt as Part of the Mediterranean? Domestic Space and Household Structures in Roman Egypt // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S. R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 154–173.
650) *eadem.* The Family in Roman Egypt: A Comparative Approach to Intergenerational Solidarity and Conflict. — N. Y.: Cambridge University Press, 2013. — 276 p.
651) *Hummer H.* Visions of Kinship in Medieval Europe. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 400 p.
652) *Humphreys S.C.* Kinship Patterns in the Athenian Courts // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1986. — Vol. 27. — P. 57–91.
653) *Huneycutt L.L.* Public lives, private ties: royal mothers in England and Scotland, 1070–1204 // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 295–312.
654) *Hunt T.* Obstacles to Motherhood // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by L. Smith, C. Leyser. — Burlington: Ashgate Publishing, 2012. — P. 205–212.
655) *Hunte Blair P.* An Introduction to Anglo-Saxon England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1956. — 382 p.
656) *idem.* Northumbria in the Days of Bede. — L.: Gollancz, 1976. — 254 p.
657) *idem.* The Letters of Pope Boniface V and the Mission of Paulinus to Northumbria // England Before the Conquest: Studies in Primary Sources Presented to Dorothy Whitelock / Ed. P. Clemoes, K. Hughes. — Cambridge and N. Y.: Cambridge University Press, 1971. — P. 5–13.
658) *idem.* The World of Bede. — N. Y.: Cambridge University Press, 1970. — 342 p.
659) *Huskinson J.* Picturing the Roman Family // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.— P. 521–541
660) *idem.* Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and Its Social Significance. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — 135 p.
661) *Hutton P.H.* Philippe Aries and the Politics of French Cultural History. — Amherst: University of Massachusetts Press, 2004. — 304 p.
662) *Hyams P.R.* Feud and the State in Late Anglo–Saxon England // Journal of British Studies. — 2001. — Vol. 40. — P. 1–43.
663) *idem.* Was There Really Such a Thing as Feud in the High Middle Ages? // Vengeance in the Middle Ages: Emotion, Religion and Feud / Ed. by S.A. Throop, P.R. Hyams. — Farnham: Ashgate, 2010. — P. 151–75.
664) *idem.* Rancor and Reconciliation in Medieval England. — Ithaca: Cornell University Press, 2003. — 344 p.
665) *Ingalls W.* Demography and Dowries: Perspectives on Female Infanticide in Classical Greece // Phoenix. — 2002. — Vol. 56, No. 3/4. — P. 246–254.

666) *Innes M.* Keeping It in the Family: Women and Aristocratic Memory, 700–1200 // Medieval Memories: Men, Women and the Past, 700–1300. Women and men in history / Ed. by M. van Houts. — L.: Longman, 2001. — P. 17–35.
667) *Insley Ch.* Politics, Conflict and Kinship in Early Eleventh–Century Mercia // Midland History. — 2000. — Vol. 25, No. 1. — P. 28–42.
668) *Itnyre C.J.* The Emotional Universe of Medieval Icelandic Fathers and Sons // Medieval Family Roles: A Book of Essays / Ed. by C.J. Itnyre. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 173–196.
669) *Jacquart D., Thomasset C.* Sexuality and Medicine in the Middle Ages / Transl. by M. Adamson. — Princeton: Princeton University Press, 1988. — 242 p.
670) *Jacobs A.* A Family Affair: Marriage, Class, and Ethics in the Apocryphal Acts of the Apostles // Journal of Early Christian Studies. — 1999. — Vol. 7, N. 1. — P. 105–138.
671) *idem.* Fathers Know Best? Christian Families in the Age of Asceticism // Journal of Early Christian Studies. — 2003. — Vol. 11, No. 3. — P. 257–263.
672) *James E.* Childhood and Youth in the Early Middle Ages // Youth in the Middle Ages / Ed. by P.J.P. Goldberg, F. Riddy. — York: Boydell & Brewer, 2004. — P. 11–24.
673) *idem.* The Franks. — Oxford, New York: Basil Blackwell, 1988. — 265 p.
674) *idem.* Gregory of Tours and "Arianism" // The Power of Religion in Late Antiquity / Ed. by A. Cain, N. Lenski. —Farnham: Ashgate, 2009. — P. 327–338.
675) *idem.* Gregory of Tours and the Francks // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History / Ed. by A.C. Murray. — Toronto: University of Toronto Press, 1998. — P. 51–66.
676) *idem.* Gregory of Tours, the Visigoths and Spain // Cross, Crescent and Conversion: Studies on Medieval Spain and Christendom in Memory of Richard Fletcher / Ed. by S. Barton, P. Lineham. — Leiden: Brill, 2008. — P. 43–64.
677) *idem.* The Origins of France: From Clovis to the Capetians, 500–1000. — L.: Palgrave Macmillan, 1982. — 280 p.
678) *idem.* A Sense of Wonder: Gregory of Tours, Medicine and Science // The Culture of Christendom: Essays in Commemoration of Denis L.T. Bethell / Ed. by Marc A. Meyer. — L.: Hambledon Press, 1993. — P. 45–50.
679) *Jenkins C.* Bede as Exegete and Theologian // Bede, his Life, Times, and Writings: Essays in Commemoration of the Twelfth Centenary of his Death / Ed. by A. Hamilton Thompson. — N. Y.: Oxford University Press, 1935. — P. 152–200.
680) *Jewell H.M.* Women in Medieval England. — Manchester: Manchester University Press, 1996. — 217 p.
681) *Jochens J.* Germanic Marriage: The Case of Medieval Iceland // The Medieval Marriage Scene. Prudence, passion, policy / Ed. by Sh. Roush and C.L. Baskins. —Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 2005. — P. 71–84.
682) *eadem.* Old Norse motherhood // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 201–222.
683) *eadem.* Women in Old Norse Society. — Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1995. — 266 p.
684) *de Jong* M. To the Limits of Kinship: Anti–Incest Legislation in Early Medieval West (500–900) // From Sappho to De Sade (Routledge Revivals): Moments in the History of Sexuality / Ed. by Jan N. Bremmer. — L. and N. Y.: Routledge, Chapman and Hall, 1991.— P. 36–59.
685) *idem.* In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West. —N. Y.: E. J. Brill, 1996. — 360 p.
686) *idem.* An Unresolved Riddle: Early Medieval Incest Legislation // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective / Ed. by I. Wood. — Woodbridge: The Boydell Press, 2003. — P. 107–140.
687) *Jochens J.M.* The Medieval Icelandic Heroine: Fact or Fiction? // Viator. —1986. — Vol. 17. — P. 35–50.

688) *John E.* Orbis Britanniae and the Anglo-Saxon Kings // Orbis Britanniae. — Leicester: Leicester University Press, 1966. — P. 1–63.
689) *Jones A.E.* Social Mobility in Late Antique Gaul: Strategies and Opportunities for Non–Elite. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 379 p.
690) *Jones Ch.W.* Bede and Vegetius // The Classical Review. — 1932. — Vol. 46, Issue 6. — P. 248–249.
691) *idem.* Bede as Early Medieval Historian // Medievalia et Humanistica. — 1946. — V. 4. — P. 26–36.
692) *Jones P.F.* The Gregorian Mission and English Education // Speculum. — Vol. 3, No. 3. — P. 335–348.
693) *Jones W.J.* Change in Lexical Fields: A Case Study of Kinship Terms in German // Lexicology: An International Handbook on the Nature and Structure of Words and Vocabularies / Ed. by D.A. Cruse, F. Hundsnurscher, M. Job, and P.R. Lutzeier. — B., N. Y.: de Gruyter, 2005. — Vol. 2. — P. 1353–1363.
694) *idem.* German Kinship Terms (750–1500): Documentation and Analysis. —B., N. Y.: de Gruyter. 1990. — 282 p.
695) *Joseph T.* The Disunion of Catullus' "Fratres Unanimi" at Virgil, "Aeneid" 7.335–6 // The Classical Quarterly. New Series. — 2009. — Vol. 59, No. 1. — P. 274–278.
696) *Johnson C.* Kinship, Disputing, and Ira: A Mother–Daughter Quarrel in Southern France // Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White / Ed. by B.S. Tuten, T.L. Billado. — Burlington: Ashgate, 2010. — P. 259–278.
697) *Johnson P.D.* Equal in Monastic Profession*:* Religious Women in Medieval France. — Chicago: University of Chicago Press, 1991. — 310 p.
698) *Joshel S.R.* Nurturing the Master's Child: Slavery and the Roman Child–Nurse // Signs. — 1986. — Vol. 12, No. 1. — P. 3–22.
699) *Jost J.E.* Medieval Children: Treatment in Middle English Literature // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality / Ed. by A. Classen. — B.: Walter de Gruyter, 2005. — P. 307–328.
700) *Joye S.* Family Order and Kingship According to Hincmar // Hincmar of Rheims: Life and work / Ed. by R. Stone, Ch. West. — Manchester: Manchester University Press, 2015. — P. 190–210.
701) *Joye S., Knaepen A.* L'image d'Amalasonthe chez Procope de Césarée et Grégoire de Tours: portraits contrastés entre orient et occiden // Le Moyen Age. Revue d'Histoire et de Philologie, 2005. — Vol. CXI, N 2. — P. 229–257.
702) *Jussen B.* Patenschaft und Adoption imfruhen Mittelalter: Kilnstliche Verwandtschaft als soziale Praxis. — Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. — 342 p.
703) *idem.* Spiritual Kinship as Social Practice: Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages. **—** Newark and L.: University of Delaware Press and Associated University Press, 2000. **—** 362 p.
704) *Kaczynski B.M.* Bede's Commentaries on Luke and Mark and the Formation of a Patristic Canon // Anglo–Latin and Its Heritage: Essays in Honour of A. G. Rigg on His 64th Birthday / Ed. by C. Siân Echard, G.R. Wieland. — Turnhout: Brepols, 2001. — P. 17–26.
705) *Kaiser R.* Reinhold Kaiser, Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. — Bonn: Röhrscheid, 1981. — 749 p.
706) *Kalogeras N.* The Role of the Parents and Kin in the Education of Byzantine Children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.–L. Sainio, V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 133–144.
707) *Kapparis K.* Abortion in the Ancient World. — L: Duckworth, 2002. — 264 p.

708) *Karkov C.E.* The Body of St. Æthelthryth: Desire, Convention and Reform in Anglo–Saxon England // The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300. — Woodbridge: Boydell Press, 2005. — 588 p.
709) *Karras R.M.* From Boys to Men: Formations of Masculinity in Late Medieval Europe. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003. — 246 p.
710) *idem.* The history of marriage and the myth of Friedelehe // Early Medieval Europe. — 2006. — Vol. 14, No. 2. — P. 119–151.
711) *idem.* Unmarriages: Women, Men, and Sexual Unions in the Middie Ages. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. — 304 p.
712) *Kasten B.* Stepmothers in Frankish Legal Life // Law, Laity, and Solidarities: Essays in Honour of Susan Reynolds / Ed. by P. Stafford, J. L. Nelson, and J. Martindale. — Manchester: Manchester University Press, 2001. — P. 47– 67.
713) *Katajala–Peltomaa S.* Fatherhood, Masculinity and Lived Religion in Late–Medieval Sweden // Scandinavian Journal of History. — 2013. — Vol. 38, No. 2. — P. 22–244.
714) *Katajala-Peltomaa S., Vuolanto V.* Children and Agency: Religion as Socialisation in Late Antiquity and the Late Medieval West // Childhood in the Past. — 2011. — Vol. 4, No. 1. — P. 79-99.
715) *Katz Ph.B.* Educating Paula: A Proposed Curriculum for Raising a 4th-Century Christian Infant // Hesperia Supplements. — 2007. — Vol. 41. — P. 115–127.
716) *Keegan P.* Traces of the Unfamiliar Epigraphic Evidence for Extended Families on the Margins in Roman Italy // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 121–136.
717) *Kelleher M.A.* 'Like Man and Wife': Clerics' Concubines in the Diocese of Barcelona // Journal of Medieval History. — 2002. — Vol. 28. — P. 353–55.
718) *Kelly H.A.* [Rev.:] Conor McCarthy. Marriage in Medieval England: Law, Literature and Practice. Woodbridge: Boydell Press, 2004. 185 p. // The English Historical Review. — 2006. — Vol. 121, No. 492. — P. 909–911.
719) *Kemble J.M.* The Saxons in England, a History of the English Commonwealth till the Period of the Norman Conquest. — L.: Longmans, 1849. — 562 p.
720) *Kemp B.* Hereford Bishops and Married Clergy, c. 1130–1240 // Historical Research. — 1987. — Vol. 50. — P. 1–8.
721) *Kempf D.* Creating a Carolingian Capital: Paul the Deacon's "Liber de Episcopis Mettensibus" and the Rise of Metz, 751–791. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. — 174 p.
722) *Kendall C.* Bede's Historia Ecclesiastica: The Rhetoric of Faith // Medieval Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Medieval Rhetoric / Ed. J.J. Murphy. — Berkeley: University of California Press, 1978. — P. 145–72.
723) *Kenna M.E.* The idiom of family // Mediterranean Family Structures / Ed. by J.G. Peristiany. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. — P. 347–362.
724) *Ker W.P.* Medieval English Literature. — L. and N. Y.: Oxford, 1969. — 143 p.
725) *Kettering Sh.* Gift–giving and patronage in early modern France // French History. — 1988. — Vol. 2, No. 2. — P. 131–151.
726) *Keyes C.W.* Half–Sister Marriage in New Comedy and the Epidicus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. — 1940. — Vol. 71. — P. 217–229.
727) *Kahrl S.J.* Feuds in Beowulf: A Tragic Necessity? // Modern Philology. — 1972. — Vol. 69. — P. 189–98.
728) *King M.* Family and Childhood: Oxford Bibliographies Online Research Guide. —Oxford: Oxford University Press, 2010. — 52 p.
729) Kinship in Europe: Approaches to Long–Term Development (1300–1900) // Ed. by D. Warren Sabean, S. Teuscher, J. Mathieu. — N.Y.: Berghahn,2007. — 336 p.
730) *Kirby D.P.* The Earliest English Kings. — L.: Psychology Press, 2000. — 258 p.

731) *Kitson P.R.* How Anglo–Saxon personal names work // Nomina. Journal of the Society for Name Studies in Britain and Ireland. — 2002. — Vol. 25. — P. 91–133;
732) *Kline D.T.* Kids Say the Darndest Things: Irascible Children in Hrotsvit's Sapientia // Hrotsvit of Gandersheim: Contexts, Identities, Affinities, and Performances / Ed. by Ph.R. Brown, L. McMillin, K.M. Wilson. — Toronto: University of Toronto Press, 2004. — P. 77–95.
733) *Klinck A.L.* Anglo–Saxon Women and the Law // Journal of Medieval History. — 1982. — No. 8. — P. 107–121.
734) *Knowles D.* Saints and Scholars: Twenty-Five Medieval Portraits. — Cambridge: Cambridge University Press, 1962. — 207 p.
735) *Kooper E.* Loving the Unequal Equal: Medieval Theologians and Marital Affection // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World // Ed. by R.R. Edwards and S. Spector. — N. Y.: State University of New York Press, 1991. — P. 44–56.
736) *Koptev A.* The "Raptor" and the Disgraced Girl in Sidonius Apollinaris' "Epistula" V 19 // Ancient Society. — 2004. — Vol. 34. — P. 275–304.
737) *Korpiola M.* Between Betrothal and Bedding: Marriage Formation in Sweden 1200–1600. — Leiden: Brill, 2009. — 437 p.
738) *Koskenniemi E.* The Exposure of Infants among Jews and Christians in Antiquity. — Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2009. — 192 p.
739) *Kotlinska-Toma A.* Women in the Hellenistic Family: The Evidence of Funerary Epigrams // Families in the Greco-Roman World / Ed. by R. Laurence, A. Strömberg. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 106–120.
740) *Kosto A.* Hostages in the Middle Ages. — Oxford, Oxford University Press, 2012. — 300 p.
741) *Kraemer R.S.* Typical and Early Christian Families in Context Atypical Family Dynamics: the Cases of Babatha and Berenice // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003. — P. 130–156.
742) *Kreiger J.R.* Remembering Children in the Roman Catacombs // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 600–624.
743) *Kreutz B.M.* Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. — 228 p.
744) *eadem.* The Twilight of the Morgengabe // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy / Ed. by S.K. Cohn Jr., and S.A. Epstein. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — P. 131–148.
745) *Kroeschell K.* Die Sippe im germanischen Recht // Zeitschrift der Savigny–Stiftung für Rechtsgeschichte Germanistische Abteilung. — 1960. — Hft. 77. — P. 1–25.
746) *Krusch B.* Kulturbilder aus dem Frankenreiche zur Zeit Gregors von Tours (+ 594). Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens // Sitzungsberichte der Berliner Akademie, phil.–hist. — Klasse, B.: Akad. d. Wiss, 1934. — P. 785–800.
747) *idem.* Zu den Handschriften Gregors von Tours // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. — B.: Hahn'sche Buchhandlung, 1886. — Bd. 11. — S. 629.
748) *Kuefler M.S.* "A Wryed Existence": Attitudes toward Children in Anglo–Saxon England // Journal of Social History. — 1991. — Vol. 24, No. 4. — P. 823–834.
749) *idem.* The Marriage Revolution in Late Antiquity: The Theodosian Code and Later Roman marriage law // Journal of Family History. — 2007. — Vol. 32. — P. 343–70.
750) *Kullanda S.* Indo-European "Kinship Terms" Revisited // Current Anthropology. — 2002. — Vol. 43, No. 1. — P. 89–111.
751) *Kunstler B.* Family Dynamics and Female Power in Ancient Sparta // Rescuing Creusa: New Methodological Approaches to Women in Antiquity / Ed. by M. Skinner. — Lubbock: Texas University Press, 1987. — P. 31–48.
752) *Kurth G.* Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Revue des questions historiques. — 1888. — N. 44. — P. 385–447.

753) *Lacey W.K.* Patria Potestas // The Family in Ancient Rome: New perspectives / Ed. by B. Rawson. — Ithaca: Cornell University Press, 1986. — P. 121–144.
754) *Laes Ch.* Children and Fables, Children in Fables in Hellenistic and Roman Antiquity // Latomus. — 2006. — T. 65, Fasc. 4. — P. 898–914.
755) *idem.* Children in the Roman Empire: Outsiders Within. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 334 p.
756) *idem.* Delicia-Children Revisited: The Evidence of Statius' Silvae // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 245–272.
757) *idem.* Desperately Different? Delicia Children in the Roman Household // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 2003. — P. 298–326.
758) *idem.* Disabled children in Gregory of Tours // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost / Ed. by K. Mustakallio, Ch. Laes. — Oxford: Oxbow, 2011. — P. 39–62.
759) *idem.* Grandmothers in Roman Antiquity: A Note on Avia Nutrix // Melita Classica. — 2015. — Vol. 2. — P. 99–113.
760) *idem.* Grieving for Lost Children, Pagan and Christian // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.— P. 315–329.
761) *idem.* Learning from Silence: Disabled Children in Roman Antiquity // Arctos. — 2008. — Vol. 42. — P. 85–122.
762) *idem.* Touching Children in Roman Antiquity: the Sentimental Discourse and the Family // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 60–78.
763) *Laes Ch., VuolantoV.* Household and Family Dynamics in Late Antique Southern Gaul // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 258–282.
764) *Laiou A.E.* Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles. — P.: De Boccard, 1992. — 109 p.
765) *Laistner M.L.W.* The library of the Venerable Bede // Bede, His Life, Times and Writings. — Oxford: Clarendon Press, 1935. — P. 237–266.
766) *idem.* Bede as a Classical and a Patristic Scholar // Transactions of the Royal Historical Society. — 1939. — Vol. 19. — P. 69–93.
767) *idem.* The Library of the Venerable Bede // Bede, His Life, Times and Writing / Ed. A.H. Thomson. — Oxford: Oxford University Press, 1935. — P. 237–266.
768) *idem.* A Hand List of Bede Manuscripts. — Ithaca. N.Y.: Cornell University Press, 1943. — 168 p.
769) *idem.* The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1957. — 285 p.
770) *Lampe P.* Family in Church and Society of New Testament Times // Affirmation (Union Theological Seminary in Virginia). — 1992. — Vol. 5. — P. 1–20.
771) *idem.* The Language of Equality in Early Christian House Churches: A Constructivist Approach // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 2003. — P. 73–83.
772) *Lancaster L.* Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. — 1958. — Vol. 9, No. 3. — P. 230–250.
773) *eadem.* Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 2 // The British Journal of Sociology. — 1958. — Vol. 9, No. 4. — P. 359–377.
774) *Langer W.* Infanticide: A Historical Survey // History of Childhood Quarterly. — 1973. — Vol. 1, No. 3. — P. 353–66.

775) *idem.* Further notes on the history of infanticide // History of Childhood Quarterly. — 1974. — Vol. 2, No.1. — P. 129–134.
776) *Larrington C.* Brothers and Sisters in Medieval European Literature. — Rochester: Boydell & Brewer, 2015. — 285 p.
777) *Larsson Lovén L.* Children and Childhood in Roman Commemorative Art // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 302–321.
778) *eadem.* Roman Family Reliefs and the Commemoration of Work: Text, Images and Ideals // Families in the Roman and Late Antique World / Ed. by M. Harlow, L. Larsson Lovén. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 141-157.
779) *Laslett P.* Introduction: The history of the family // Household and Family in Past Time / Ed. by P. Laslett, R. Wall. — Cambridge: Cambridge University Press, 1972. — P. 1–90.
780) *Lassen E.M.* The Roman Family: Ideal and Metaphor // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge, 1997. — P. 103–120.
781) *Laurence R.* Children and the Urban Environment: Agency in Pompeii // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 27–42.
782) *Lavelle R.* Alfred's Wars: Sources and Interpretations of Anglo–Saxon Warfare in the Viking Age. — Woodbridge: The Boydell Press, 2010. — P. 315–335.
783) *Lazzari T.* “Secondo natura”: l’età giusta per il matrimonio nelle leggi dell’Europa altomedievale // La condizione giuridica delle donne nel medioevo / Ed. par M. Davide. — Trieste: CERM, 2012. — P. 27–51.
784) *Leclercq J.* Monks on Marriage: A Twelfth–Century View. — N. Y.: Seabury Press, 1982. — 135 p.
785) *Leduc C.* Ego et ses trois sœurs (germaine, utérine, consanguine) Athènes et Sparte, VIe siècle-IVe siècle av. J.–C. // Pallas. — 2011. — No. 85. — P. 237–270.
786) *Lees C.A., Overing G.* Birthing Bishops and Fathering Poets: Bede, Hild, and the Relations of Cultural Production // Old English Literature: Critical Essays. — New Haven & L.: Yale University Press, 2002. — P. 125–156.
787) *iidem.* Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo–Saxon England. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — 244 p.
788) *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale. — P.: Publications de la Sorbonne, 1995. — 571 p.
789) *Le Jan–Hennebicque R.* Aux origines du douaire médiéval (Vi^{e}–Xe siècles) // Veuves et veuvages dans le haut Moyen Âge / Ed. par M. Parisse. — P.: Picard, 1993. — P. 107–22.
790) *Lehmann W.P.* The Proto–Germanic Words Inherited from Protoindo–European Which Reflect the Social and Economic Status of the Speakers // Zeitschrift für Mundartforschung. — 1968. — N. 35, H. 1. — P. 1–25.
791) *Lekai L.J.* The Cistercians: Ideals and Reality. — Kent: Kent State University Press, 1977. — 524 p.
792) *Leneghan F.* Royal wisdom and the Alfredian Context of Cynewulf and Cyneheard // Anglo–Saxon England. — 2010. — No. 39. — P. 71–104.
793) *Lett D.* Brothers and Sisters. New Perspectives on Medieval Family History // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.–L. Sainio, V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 13–24.
794) *idem.* L'histoire des frères et des sœurs // Clio. — 2011. — No. 34. — P. 182–202.
795) *idem.* [Rev.:] Real I. Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. Turnhout: Brepols, 2001 // Médiévales. — 2002. — No. 43. — P. 174–176.

796) *Leyerle B.* Appealing to Children // Journal of Early Christian Studies. — 1997. — Vol. 5, No. 2. — P. 243–270.
797) *eadem.* Children and "the Child" in Early Christianity // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 559–779.
798) *eadem.* Children and Disease in a Sixth Century Monastery // What Athens Has to Do with Jerusalem. — Leuven: Peeters, 2002. — P. 349–372.
799) *Leyser C., Bof R.* Divorce and Remarriage between Late Antiquety and Early Middle Ages: cannon law and conflict resolution // Making Early Medieval Societies / Ed. by K. Cooper, C. Leyser. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016.— P. 155–180.
800) *Leyser C.* From Maternal Kin to Jesus as Mother: Royal Genealogy and Marian Devotion in the Ninth–century West // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington: Ashgate Publishing, 2012. — P. 21–40.
801) *Leyser K.* The German Aristocracy from the Ninth to the Early Twelfth Century. A Historical and Cultural Sketch // Past and Present. — 1968. — No. 41. — P. 25–53.
802) *idem.* Maternal Kin in Early Medieval Germany // Past and Present. — 1970. — No. 49. — P. 126–134.
803) *Leyser K.J.* Rule and Conflict in an Early Medieval Society: Ottonian Saxony. — Bloomington: Indiana University Press, 1979. — 190 p.
804) *Lévi–Strauss C.* Les Structures élémentaires de la parenté. —P.: Presses universitaires de France, 1949. — 639 p.
805) *Lewis A. R.* The Dukes in the Regnum Francorum, A.D. 550–751 // Speculum. — 1976. — Vol. 51, No 3. — P. 390–392.
806) *Liebeschuetz W.* Citizen Status and Law in the Roman Empire and the Visigothic Kingdom // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. — Leiden: Brill, 1998. — P. 131–152.
807) *Lifshitz F.* Is mother superior?: towards a history of feminine Amtscharisma // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 117–138.
808) *Lim G.* In the Name of the (Dead) Father: Reading Fathers and Sons in Havelok the Dane, King Horn, and Bevis of Hampton // The Journal of English and Germanic Philology. — 2011. — Vol. 110, No. 1. — P. 22–52.
809) *Lindsay H.* A Fertile Marriage: Agrippina and the Chronology of Her Children by Germanicus // Latomus. — 1995. — T. 54, Fasc. 1. — P. 3–17.
810) *Littman R.J.* Kinship in Athens // Ancient Society. — 1979. — Vol. 10. — P. 5–31.
811) *Livingstone A.* Kith and Kin: Kinship and Family Structure of the Nobility of Eleventh– and Twelfth–Century Blois–Chartres // French Historical Studies. — 1997.— Vol. 20, No. 3. — P. 419–458.
812) *eadem.* Out of Love for My Kin: Aristocratic Family Life in the Lands of the Loire, 1000–1200. —Ithaca and L.: Cornell University Press. 2010. — 280 p.
813) *Lobrichon G.* La Bible au moyen âge. — P.: Picard, 2003. — 247 p.
814) *LoPrete K.A.* Adela of Blois as mother and countess // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 313–334.
815) *O'Loughlin Th.* Teachers and Code–Breakers: The Latin Genesis Tradition, 430–800 // Instrumenta Patristica. et Mediaevalia. — 1999. — Vol. 35. — P. 2–20.
816) *Love R.C.* Goscelin of Saint–Bertin: The Hagiography of the Female Saints of Ely. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — 230 p.
817) *Lounsbury F.* A Formal Analysis of Crow– and Omaha–Type Kinship Terminologies // Explorations in Cultural Anthropology. Essays in Honor of George Peter Murdock. — N. Y.: McGraw–Hill Books, 1964. — P. 351–394.
818) Love, Marriage, and Family Ties in the Later Middle Ages / Ed. by I. Davis, M. Muller, and S. Rees Jones. — Turnhout: Brepols Publishers, 2003. — 352 p.

819) *Loyn H.R.* The Conversion of the English to Christianity: Some Comments on the Celtic Contribution // Welsh Society and Nationhood. — Cardiff: University of Wales Press, 1984. — P. 5–18.
820) *idem.* The Governance of Anglo-Saxon England. — Stanford: Stanford University Press, 1984. 222 p.
821) *idem.* Kinship in Anglo–Saxon England // Anglo–Saxon England. — 1974. — Vol. 3. — P. 197–209.
822) *Lu M.* Aristotle on Abortion and Infanticide // International Philosophical Quarterly. — 2013. — Vol. 53, No. 1. — P. 47–62.
823) *Lynch J.H.* Baptismal sponsorship and monks and nuns, 500–1000 // American Benedictine Review. — 1980. — Vol. 31, No. 1. — P. 108–129.
824) *Lynch J.H.* Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo–Saxon England. — Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1998. — 272 p.
825) *idem.* Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1986. — 378 p.
826) *idem.* Hugh I of Cluny's Sponsorship of Henry IV: Its Context and Consequences // Speculum. — 1985. — Vol. 60, No. 4. — P. 800–882.
827) *idem.* [Rev.:] Jussen B. Patenschaft und Adoption im frühen Mittelalter: Künstliche Verwandtschaft als soziale Praxis. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. 342 p. // Speculum. — 1994. — Vol. 69, No. 1. — P. 186–188.
828) *idem.* [Rev.:] Jussen B. Spiritual Kinship as Social Practice: Godparentbood and Adoption in the Early Middle Ages. Newark, Delaware: University of Delaware Press; L.: Associated University Presses, 2000. 362 p. // Speculum. — 2002. — Vol. 77, No. 3. — P. 939.
829) *idem.* Spiritale vinculum: the Vocabulary of Spiritual Kinship in Early Medieval Europe // Religion, Culture, and Society in the Early Middle Ages: Studies in Honor of Richard E. Sullivan / Ed. by Th.F.X. Noble, J.J. Contreni. — Kalamazoo: Western Michigan University Press, 1987. — P. 181–204.
830) *idem.* Spiritual Kinship and Sexual Prohibitions in Early Medieval Europe // Proceedings of the 6th International Congress of Medieval Canon Law / Ed. by S. Kuttner. — Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1980. — P. 271–288.
831) *Lyon J.R.* Fathers and sons: preparing noble youths to be lords in twelfth–century Germany // Journal of Medieval History. — 2006. — Vol. 31, No. 3. — P. 291–310.
832) *idem.* Princely Brothers and Sisters. The Sibling Bond in German Politics, 1100–1250. — Ithaca, N. Y. and L.: Cornell University Press, 2012. — 394 p.
833) *MacCormack G.* Inheritance and Wergild in Early Germanic Law: I // Irish Jurist *(*new series), 1973. — Vol. 8, No. 1. — 143–163.
834) *MacCormack S.* Sin, Citizenship, and the Salvation of Souls: The Impact of Christian Priorities on Late–Roman and Post–Roman Society // Comparative Studies in Society and History. — 1997. — Vol. 39, No. 4. — P. 644–673.
835) *idem.* Inheritance and Wergild in Early Germanic Law: II // Irish Jurist *(*new series). — 1974. — Vol. 9, No. 1. — P. 166–183.
836) *MacDonald M.Y.* Was Celsus Right? The Role of Women in the Expansion of Early Christianity // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003. — P. 157–184.
837) *Macdonald M.Y., Vaage L.E.* Unclean but Holy Children: Paul's Everyday Quandary in 1 Corinthians 7:14c // The Catholic Biblical Quarterly. — 2011. — Vol. 73, No. 3. — P. 526–546.
838) *Mack K.* Changing Thegns, Cnut's Conquest and the English Aristocracy // Albion. — 1984. — Vol. 16. — P. 375–87.
839) *Mackey J.* Roman Children as Religious Agents: The Cognitive Foundations of Cult // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 179–197.

840) *Mackay T.W.T.* Bedé's Hagiographical Method: His Knowledge and Use of Paulinus of Nola // Famulus Christi: Essays in Commemoration of the Thirteenth Centenary of the Birth of the Venerable Bede / Ed. G. Bonner. — L.: S.P.C.K., 1976. — P. 77–92.
841) *MacLean S.* Queenship, Nunneries and Royal Widowhood in Carolingian Europe // Past & Present. — 2003. — No. 178. — P. 3–38.
842) *MacLehose W.F.* Nurturing Danger: High Medieval Medicine and the Problem(s) of the Child // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 3–24.
843) *Macrides R.* The Byzantine Godfather // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1987. — Vol. 11, No. 1. — P. 139–162.
844) *Maine H.S.* Ancient Law, Its Connection with the Early History of Society, and Its Relation to Modern Ideas. — L.: John Murray, 1861. — 433 p.
845) *Mander J.* The Representation of Physical Contact on Roman Tombstones // Families in the Roman and Late Antique World / Ed. by M. Harlow, L. Larsson Lovén. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 64-84.
846) *Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. — Munchen: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1931. — Bd. 1.— S. 257–272.
847) *Markus R.A.* Bede and the Tradition of Ecclesiastical History // Jarrow Lecture. — Jarrow: Parish of Jarrow, 1976. — P. 385–404.
848) *Marner D.* St. Cuthbert: His Life and Cult in Medieval Durham. — Buffalo: University of Toronto Press, 2000. — 112 p.
849) *Marsh H.* Dark Age Britain. — Hamden: Archon Books, 1970. — 221 p.
850) *Marshall B.* Beryl Rawson // Journal of Roman Archaeology. — 2011. — Vol. 24. — P. 919–921.
851) *Marshall C.W.* Breastfeeding in Greek Literature and Thought // Illinois Classical Studies. — 2017. — Vol. 42, No. 1. — P. 185–201.
852) *Marten L.* Meet the Swarts*:* Tracing a Thegnly Family in Late Anglo–Saxon England // The English and Their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams / Ed. by D. Roffe. — Woodbridge: The Boydell Press, 2012. — P. 17–32.
853) *Martin D.B.* The Construction of the Ancient Family: Methodological Considerations // The Journal of Roman Studies. — 1996. — Vol. 86. — P. 40–60.
854) *idem.* Paul without Passion: On Paul's Rejection of Desire in Sex and Marriage // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Routledge, 1997. — P. 201–215.
855) *idem.* Slave families and Slaves in Families // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003. — P. 207–230.
856) *Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIA. AD 527–641. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 760 p.
857) *idem.* The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIB. AD 527–641. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 1575 p.
858) *Martindale J.* The French Aristocracy in the Early Middle Ages: A Reappraisal // Past & Present. — 1977. — No. 75. — P. 5–45.
859) *Mathisen R.W.* Epistolography, literary circles and family ties in late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. — 1981. — Vol. 111. — P. 95–109.
860) *idem.* The family of Georgius Florentius Gregorius and the Bishops of Tours // Medievalia et Humanistica. New Series. — 1984. — Vol. 12. — P. 83–89.
861) *idem.* Provinciales, Gentiles, and Marriages between Romans and Barbarians in the Late Roman Empire // The Journal of Roman Studies. — 2009. — Vol. 99. — P. 140–155.
862) *idem.* Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition. — Austin: University of Texas Press, 1993. — 293 p.

863) *Matis H.W.* Early–Medieval Exegesis of the Song of Songs and the Maternal Language of Clerical Authority // Speculum. — 2014. — Vol. 89, No. 2. — P. 358–381.
864) *deMause L.* The Evolution of Childhood // History of Childhood / Ed. by L. deMause. — N.Y.: Psychohistory Press, 1974. — P. 1–74.
865) *Mays S.* The Archaeology and History of Infanticide, and its Occurrence in Earlier British Populations // Children and Material Culture / Ed. by J. Sofaer Derevenski. —L.: Routledge, 2000. — P. 180–190.
866) *Mayr-Harting H.* Bede's Patristic Thinking as Historian // Historiographie im frühen Mittelalter / Eds. A. Scharer, G. Scheibelreiter. — Vienna: Oldenbourg, 1994. — P. 367–374.
867) *McCarthy C.* Marriage in Medieval England: Law, Literature and Practice. — Woodbridge: Boydell Press, 2004. — 185 p.
868) *McClure J.* Bede's Old Testament Kings // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill / Eds. P. Wormald, D. Bullough, R. Collins. — Oxford: Blackwell. 1983. — P. 76–98.
869) *McCready W.T.* Miracles and the Venerable Bede. — Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1994. — 287 p.
870) *McDougall S.* Royal Bastards: The Birth of Illegitimacy, 800–1230. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 310 p.
871) *McGinn T.A.J.* [Rev.:] Nathan G.S. The Family in Late Antiquity, NY, 2000 // The Classical Outlook. — 2001. — Vol. 78, No. 4. — P. 178–179.
872) *McHaffie M.W.* [Rev.:] *Livingstone A.* Out of Love for My Kin: Aristocratic Family Life in the Lands of the Loire, 1000–1200. Ithaca and London: Cornell University Press. 2010. 280 p. // Early Medieval Europe. — Vol. 23, No. 2. — P. 257–258.
873) *McKitterick R.* History and Memory in the Carolingian World. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 338 p.
874) *eadem.* Perceptions of the Past in the Early Middle Ages. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2006. — 192 p.
875) *McLaren A.* A history of contraception from antiquity to the present day. — Oxford: Basil Blackwell, 1990. — 275 p.
876) *McLaughlin M.* Sex, Gender, and Episcopal Authority in an Age of Reform, 1000–1122. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 277 p.
877) *eadem.* Survivors and Surrogates: Children and Parents from the Ninth to the Thirteenth Centuries // History of Childhood / Ed. by L. deMause. — N.Y.: Psychohistory Press, 1974. — P. 101–181.
878) *McLennan J.F.* Kinship in Ancient Greece // Fortnightly Review. — 1866. — Vol. 4. — P. 569–588, 682–691.
879) *idem.* Patriarchal Theory. — L.: Macmillan and Company, 1885. — 355 p.
880) *idem.* Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies. — Edunburgh: Adam and Charles Black, 1865. — 342 p.
881) *McNamara J.A.* Living Sermons: Consecrated Women and the Conversion of Gaul // Medieval Religious Women: Peace weavers / Ed. by J.A. Nichols, L.Th. Shank. — Kalamazoo: Cistercian Publications, 1988. — Vol. 2. — P. 19–38.
882) *McNamara J.A., Wemple S.F.* Marriage and Divorce in the Frankish Kingdom // Women in Medieval Society // Ed. by S.M. Stuard. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976. — P. 95–124.
883) *iidem.* The Power of Women through the Family in Medieval Europe 500–1100 // Feminist Studies. — 1973. — Vol. 1, No. 3/4. — P. 126–141.
884) *McNeel J.H.* Paul as Infant and Nursing Mother: Metaphor, Rhetoric, and Identity in 1 Thessalonians 2:5–8 / J.H. McNeel. — Atlanta: SBL Press, 2014. — 203 p.
885) *McSheffrey S.* I Will never Have None Against my Faders will: Consent and the Making of Marriage in the Late Medieval Diocese of London // Women, Marriage, and Family in Medieval

Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. // Ed. by C.M. Rousseau, J.T. Rosenthal. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999. — P. 152–174.
886) *McWilliam J.* Children among the dead: the influence of urban life on the commemoration of children on tombstone inscriptions // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by S. Dixon. — L.: Routledge, 2001. — P. 74–98.
887) *eadem.* The Socialization of Roman Children // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 264–285.
888) *Mechthild G.* Ælfric and the Cult of Saints in Late Anglo–Saxon England. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 263 p.
889) Medieval Hostageship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker / Ed. by M. Bennett, K. Weikert. — L.: Routledge 2016. — 238 p.
890) Medieval Queenship. — N. Y.: Palgrave Macmillan, 1998. — 264 p.
891) *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo–européennes. — P.: Hachette, 1908. — 458 p.
892) *Mellon J.* The Virgin Mary in the Perceptions of Women: Mother, Protector and Queen since the Middle Ages. — Jefferson: McFarland, 2008. — 211 p.
893) *Mencacci F.* Modestia vs. licentia: Seneca on Childhood and Status in the Roman Family // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 223–244.
894) *Meyer H.* Friedelehe und Mutterrecht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. — 1927. — Bd. 47. — S. 198–286.
895) *Meyers E.M.* The Problems of Gendered Space in Syro–Palestinian Domestic Architecture: The Case of Roman–Period Galilee // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 2003. — P. 44–72.
896) *Meyvaert P.* Bede's Text of the Libellus Responsionrum // England Before the Conquest: Studies in Primary Sources Presented to Dorothy Whitelock / Ed. by P. Clemoes and K. Hughes. — Cambridge and N. Y.: Cambridge University Press, 1971. — P. 15–33.
897) *Mezger F.* Did the Institution of Marriage by Purchase Exist in Old Germanic Law? // Speculum. — 1943. — Vol. 18, No. 3. — P. 369–371.
898) *Middleton R.* Brother–sister and father–daughter marriage in ancient Egypt // American Sociological Review. — 1962. — Vol. 27. — P. 603–611.
899) *Miller B.D.H.* “She Who Hath Drunk Any Potion” // Medium aevum. — 1962. — Vol. 21. — P. 188–195.
900) *Miller M.* Greek Kinship Terminology // Journal of Hellenic Studies. — 1952. —Vol. 73. — P. 46–52.
901) *Miller T.S.* The Orphans of Byzantium: Child Welfare in the Christian Empire 148–152. — Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2003. — 340 p.
902) *Miller W.I.* Choosing the Avenger: Some Aspects of the Bloodfeud in Medieval Iceland and England // Law and History Review. — 1983. — Vol. 1. — P. 159–204.
903) *idem.* Gift, Sale, Payment, Raid: Case Studies in the Negotiation and Classification of Exchange in Medieval Iceland // Speculum. — 1986. — Vol. 61. — P. 18–50.
904) *Mintz S.W., Wolf E.R.* An Analysis of Ritual Co–parenthood (Compadrazgo) // Southwestern Journal of Anthropology. — 1950. — Vol. 6. — P. 341–368.
905) *Mistry Z.* Abortion in the Early Middle Ages, c. 500–900. — Woodbridge: York Medieval Press, 2015. — 304 p.
906) *idem.* The Sexual Shame of the Chaste: ‘Abortion Miracles’ in Early Medieval Saints’ Lives // Gender & History. — 2013. — Vol. 25, No. 3. — P. 607–620.
907) The World of Gregory of Tours / Ed. by C. Mitchell, I. Wood. — Boston, Brill, 2002. — 448 p.

908) *Mitchell K.* Marking the Bounds: The Distant Past in Gregory's History // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and I. Wood. — Leiden, Boston: Brill, 2002. — P. 295–306.
909) *Mitchell L.E.* Portraits of Medieval Women: Family, Marriage, and Politics in England 1225–1350. — N. Y.: Palgrave, 2003. — 185 p.
910) *Moisl H.* Anglo–Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. — 1981. — Vol. 7. — P. 215–248.
911) *idem.* Kingship and orally transmitted Stammestradition among the Lombards and Franks // Die Bayern und ihre Nachbarn / Ed. H. Wolfram and A. Schwarcz. — Wien, Oesterreichische Akademie der Wissenschaften, 1985. — P. 111–120.
912) *idem.* The Bernician royal dynasty and the Irish in the seventh century // Peritia. — 1983. — Vol. 2. — P. 103–126.
913) *Moore J.C.* [Rev.:] Georges Duby. Medieval Marriage: Two Models from Twelfth–Century France. Baltimore, 1978 // The American Historical Review. — 1979. — Vol. 84, No. 2. — P. 439–440.
914) *Moore R.I.* Family, Community, and Cult on the Eve of the Gregorian Reform // Transactions of the Royal Historical Society. — 1980. — Ser. 5, Vol. 30. — P. 60–63.
915) Moorhead Jh. Gregory of Tours on the Arian Kingdoms // Studi Medievali. — 1995. — Vol. 36. — P. 903–915.
916) *idem.* Ostrogothic Italy and the Lombard invasions // The New Cambridge Medieval History / Ed. by P. Fouracre. — Cambridge University Press, 2008. — Vol. 1. — P. 140–162.
917) *Moreau Ph.* Incestus et prohibitae nuptiae. L'inceste à Rome. — P.: Les Belles Lettres, 2002. — 452 p.
918) *idem.* Rome: The Invisible Children of Incest // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 311–330.
919) *Moreira I.* Dreams, Visions, and Spiritual Authority in Merovingian Gaul. — Ithaca: Catholic University Press, 2000. — 262 p.
920) *Morgan E.* The Descent of Woman. — L.: Stein and Day, 1972. — 258 p.
921) *Morgan J.E.* Families and Religion in Classical Greece // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 447–464.
922) *Morgan L.H.* Systems of consanguinity and affinity of the human family. — Washington: Smithsonian Institution, 1871.— 660 p.
923) *Morgan T.* Ethos: The Socialization of Children in Education and Beyond // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 504–520.
924) *Morris C.* The Papal Monarchy: The Western Church from 1050 to 1250. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 673 p.
925) *Morlet M.–T.* Les Noms de Personne sur le Territoire de L'Ancienne Gaule du VI au XII Siècle. — P.: C.N.R.S., 1968. — T. I. Les noms issus du germanique continental et les créations gallo-germaniques. — 237 p.
926) *eadem.* Les Noms de Personne sur le Territoire de L'Ancienne Gaule du VI au XII Siècle. — P.: C.N.R.S., 1972. — T. II. Les noms latins ou transmis par le latin. — 201 p.
927) *Moss R.E.* Fatherhood and its Representations in Middle English Texts. — Woodbridge: D.S. Brewer, 2013. — 224 p.
928) *Mouritsen H.* The Families of Roman Slaves and Freedmen // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 129–144.
929) *Moxnes H.* What is Family? Problems in constructing early Christian family // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge, 1997. — P. 13–41.

930) *Mulder T.* Adult Breastfeeding in Ancient Rome // Illinois Classical Studies. — 2017. — Vol. 42, No. 1. — P. 227–243.
931) *Müller W.P.* The Criminalization of Abortion in the West: Its Origins in Medieval Law. — Ithaca: Cornell University Press, 2012. — 263 p.
932) *Mulliez J.* La désignation du père // Histoire des pères et de la paternité / Ed. par J. Delumeau, D. Roche. — P.: Larousse, 1990. — P. 27–54.
933) *Murray A.C.* Chronology and the Composition of the Histories of Gregory of Tours // Journal of Late Antiquity. — 2008. — Vol. 1. — P. 157–96.
934) *idem.* Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. — Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983. — 216 p.
935) *Murray J.* Individualism and Consensual Marriage: Some Evidence from Medieval England // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. / Ed. by C.M. Rousseau, J.T. Rosenthal. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999. — P. 121–151.
936) *eadem.* Hiding Behind the Universal Man: Male Sexuality in the Middle Ages // Handbook of Medieval Sexuality / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 123–152.
937) *Murray M.* Royal Marriage and Matrilineal Descent // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. — 1915. — Vol. 45. — P. 317–325.
938) The Multiple Meaning of Scripture: The Role of Exegesis in Early–Christian and Medieval Culture / Ed. by I. Van 't Spijker. — Leiden: Brill, 2009. — 344 p.
939) *Naismith R.* The Origins of the Line of Egbert, King of the West Saxons, 802–839 // The English Historical Review. — 2011. — Vol. 126, No. 518. — P. 1–16.
940) *Nardi E.* Procurato aborto nel mondo greco romano. — Milan: A. Giuffre, 1971. — 778 p.
941) *Nathan G.* Extended Family in the Experiences of Ausonius and Libanius // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S.R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 243–46.
942) *idem.* The Family in Late Antiquity: The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. — N.Y.: Routledge, 2000. — 271 p.
943) *Niebrzydowski S.* Asperges me, Domine, hyssopo: Male Voices, Female Interpretation and the Medieval English Purification of Women after Childbirth Ceremony // Early Music. — 2011. — Vol. 39, No. 3. — P. 327–333.
944) *Nelson J.L.* Dhuoda on Dreams // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington: Ashgate Publishing, 2012. — P. 41–54.
945) *eadem.* Family, Gender and Sexuality in the Middle Ages // In Companion to Historiography / Ed. by M. Bentley. — L. and N. Y.: Routledge, 1997. — P. 153–176.
946) *eadem.* Gender and Genre in Women Historians of the Early Middle Ages // L'historiographie médiévale en Europe / Ed. par J.–P. Genet. — P.: Éditions du CNRS, 1991. — P. 149–163.
947) *eadem.* Gender, Memory and Social Power // Gender and History. — 2000. — Vol. 12. — P. 722–734.
948) *eadem.* The Search for Peace in a Time of War: The Carolingian Brüderkrieg, 840–843 // Träger und Instrumentarien des Friedens im hohen und späten Mittelalter / Ed. by J. Fried. — Thorbecke: Sigmaringen, 1996. — P. 87–114.
949) *eadem.* Women and the Word in the Earlier Middle Ages // Studies in Church History. — 1990. — Vol. 27. — P. 53–78.
950) *Nelson S.E.* Persephone's Seeds: Abortifacients and Contraceptives in Ancient Greek Medicine and Their Recent Scientific Appraisal // Pharmacy in History. — 2009. — Vol. 51, No. 2.— P. 57–69.
951) *Newman P.B.* Growing Up in the Middle Ages. — L.: McFarland & Company, 2007. — 299 p.
952) *Newbold R.F.* Interpersonal Violence in Gregory of Tours' Libri Historiarum // Nottingham Medieval Studies. — 1994. — Vol. 28. — P. 3–17.

953) *idem.* Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours 'LibriHistoriarum' // Studia Humaniora Tartuensia. — 2006. — Tatru: University of Tatru Press. — No. 7. — P. 1–23.
954) *idem.* The Nature of Anger in Gregory of Tours' Libri Historiarum // Nottingham Medieval Studies. — Vol. 51, 2007. — P. 21–39.
955) *Newman B.* From Virile Woman to Woman Christ. Studies in Medieval Religion and Literature. — Philadelphia: University of Pennsylvania, 1995. — 355 p.
956) *Nichols S.G.* An intellectual anthropology of marriage in the Middle Ages // The New medievalism / Ed. by M.S. Brownlee, K. Brownlee and S.G. Nichols. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. — P. 70-95.
957) *de Nie G.* Views from a Many-Windowed Tower: Studies of Imagination in the Works of Gregory of Tours. — Amsterdam: Rodopi, 1987. — 347 p.
958) *Nielsen H.S.* Interpreting Epithets in Roman Epitaphs // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 196–204.
959) *Niiranen S.* Ensenhamen. Educational Ideal and Elite Women in Twelfth and Thirteenth Century Occitania // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.–L. Sainio, V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 167–178.
960) *Niles J.D.* The Myth of the Feud in Anglo–Saxon England // The Journal of English and Germanic Philology. — 2015. — Vol. 114, No. 2. — P. 163–200.
961) Nirenberg D. Communities of Violence. — Princeton: Princeton University Press, 1998. — 312 p.
962) *Nixon V.* Mary's Mother: Saint Anne in Late Medieval Europe. — University Park: The Pennsylvania State University Press, 2004. — 232 p.
963) *Nold P.* Marriage Advice for a Pope: John XXII and the Power to Dissolve. — Leiden: Brill, 2009. — 206 p.
964) *Nolte Th.* Das Avunculat in *der*deutschen Literatur des Mittelalters // Poetica. — 1995. — Vol. 27, No. 3/4. — S. 225–253.
965) *Noonan Jr. J.T.* Contraception: A History of Its Treatment by the Catholic Theologians and Canonists. — Cambridge: Harvard University Press, 1965. — 561 p.
966) *idem.* Marital Affection in the Canonists // Collectanea Stephan Kuttner / Ed. by Giuseppe Forchielli and Alfons M. Stickler // Studia Gratiana. — 1967. — Vol. 12. — P. 479–509.
967) *Noy D.* Extended Families and Family Substitutes among Migrants in the Roman World // Mediterranean Families in Antiquity: Households, Extended Families, and Domestic Space / Ed. by S. R. Huebner, G. Nathan. — Chichester: John Wiley&Sons, 2017. — P. 121–136.
968) *idem.* Foreign Families in Roman Italy // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 145–160.
969) *idem.* Wicked Stepmothers in Roman Society and Imagination // Journal of Family History. — 1991. — Vol. 16. — P. 345–361.
970) *Ogden D.* The Royal Families of Argead Macedon and the Hellenistic World / D. Ogden // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B.Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 92–106.
971) *Okashs E.* Women's Name in Old English. — N. Y.: Routledge, 2011. — 136 p.
972) *Oldenziel R.* The Historiography on Infanticide in Antiquity. A Literature Stillborn // Sexual Asymmetry / Ed. by J. Blok, P. Mason. — Amsterdam: J.C. Gieben, 1987. — P. 87–107.
973) *Olsen B.A.* Women, Children and the Family in the Late Aegean Bronze Age: Differences in Minoanand Mycenaean Constructions of Gender // World Archaeology. — 1998. — Vol. 29, No. 3. — P. 380–392.
974) *Oman Ch.* The Dark Ages. — L.: Rivingstons, 1908. — P. 532.
975) *Orme N.* Medieval Children. — New Haven and L.: Yale University Press, 2001. — 387 p.
976) *Osborn M.* The Great Feud: Scriptural History and Strife in Beowulf // Publications of the Modern Language Association. — 1978. — Vol. 93, No. 5. — P. 973–981.

977) *Osiek C.* Growing Up Female in the Pauline Churches: What Did She Do All Day? // Early Christianity in Pompeian Light: People, Texts, Situations / Ed. by B. Longenecker. — Minneapolis: Fortress Press, 2016. — P. 3–22.
978) *eadem.* The Family in Early Christianity Family Values Revisited // The Catholic Biblical Quarterly, 1996. — Vol. 58, No. 1. — P. 1–24.
979) *eadem.* Roman and Christian Burial Practices and the Patronage of Women // Commemorating the Dead: Texts and Artifacts in Context. Studies of Roman, Jewish and Christian Burials / Ed. by L. Brink, D. Green. — B., N. Y.: de Gruyter, 2008. — P. 243–70.
980) *eadem.* The New Testament Teaching on Family Matters // Theological Studies. — 2006. — Vol. 62, N 3. — P. 819–843.
981) *eadem.* What We Do and Don't Know About Early Christian Families // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 198–213.
982) *Osiek C., Belch D.* Families in the New Testament World: Households and House Churche. — Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. — 329 p.
983) *Osiek C., MacDonald M.Y.*A Woman's Place: House Churches in Earliest Christianity. — Minneapolis: Fortress Press, 2006. — 345 p.
984) *O'Sullivan T.* Death ante ora parentum in Virgil's Aeneid // Transactions of the American Philological Association. — 2009. — Vol. 139, No. 2. — P. 447–486.
985) *Owen Hughes D.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // Journal of Family History. — 1978. — Vol.3. — P. 262–296.
986) *Painter S.* The Family and the feudal system in twelfth–century England // Speculum. — 1960. — Vol. 35, No. 1. — P. 1–16.
987) *Parca M.* The Wet Nurses of Ptolemaic and Roman Egypt // Illinois Classical Studies. — 2017. — Vol. 42, No. 1. — P. 203–226.
988) *Parker S.* Full Brother–Sister Marriage in Roman Egypt: Another Look // Cultural Anthropology. — 1996. — Vol. 11, No. 3. — P. 362–376.
989) *Parkes P.* Alternative Social Structures and Foster Relations in the Hindu Kush: Milk Kinship Allegiance in Former Mountain Kingdoms of Northern Pakistan // Comparative Studies in Society and History. — 2001. — Vol. 43, No. 1. — P. 4–36.
990) *Parkin T.* Old Age in the Roman World: A Cultural and Social History: A Cultural and Social History. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003. — 495 p.
991) *idem.* Out of Sight, Out of Mind: Elderly Members of the Roman Family // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 123–148.
992) *Parkin R.* On the Definition of Prescription: The Problem of Germanic Kinship Terminologies // Social Anthropology. — 1993. — Vol. 1, No. 3. —P. 309–325.
993) *Parsons J.C.* Introduction Family, Sex, and Power: The Rhythms of Medieval Queenship // Medieval Queenship / Ed. by J.C. Parsons. — N. Y.: Palgrave Macmillan, 1998. — P. 1–11.
994) *idem.* The pregnant queen as counsellor and the medieval construction of motherhood // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 39–61.
995) *Pasternack C.B.* Negoitating Gender in Anglo–Saxon England // Gender and Difference in the Middle Ages / Ed. by S. Farmer, C.B. Pasternack. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. — P. 107–142.
996) *Patlagean É.* Familles et parentèles à Byzance // Histoire de la famille / Ed. par André Burgière. — P.: Le Livre de Poche, 1986. — T. 1. — P. 421–441.
997) *Patterson C.* "Not Worth the Rearing": The Causes of Infant Exposure in Ancient Greece // Transactions of the American Philological Association. — 1985. — Vol. 115. — P. 103–123.
998) Paul in the Greco-Roman World: A Handbook / Ed. by J.P. Sampley. — Harrisburg: T&T Clark, 2003. — 704 p.

999) *Pedersen F.* Marriage Disputes in Medieval England. — L.: Hambledon Press, 2000. — 235 p.
1000) *Pelikan J.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. — Chicago: University of Chicago Press, 1975. — Vol. 1. — 442 p.
1001) *idem.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. — Chicago: University of Chicago Press, 1977. — Vol. 2. — 329 p.
1002) *idem.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. —Vol. 3. — 364 p.
1003) *Pelteret D.A.E.* Bede's Women // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. / Ed. by C.M. Rousseau, J.T. Rosenthal. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999. — P. 19–46.
1004) *Pembroke S.G.* The Early Human Family: Some Views 1770–1870 // Classical Influences on Western Thought A.D. 1650–1870 / Ed. by R.R. Bolgar. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — P. 275–294.
1005) *Pepe L.* Abortion in Ancient Greece // Symposion 2013: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Cambridge MA, 26.–29. August 2013) / Ed. by M. Gagarin, A. Lann. — Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. — P. 39–64.
1006) *PePerdene M.W.* Bede's Historia Ecclsiastica. A New Perspective // Celtica. — 1958. — Vol. 4. — P. 253–262.
1007) *Perdicoyianni–Paléologou H.* The Vocabulary of Kinship in Euripides // Rivista di Cultura Classica e Medioevale. — 2002. — Vol. 44 (2). — P. 253–268.
1008) *Pfeffer G.* Symmetrische Praskription in germanischen Verwandtschaftsterminologien // Sociologus. — 1985. — N. 35. — P. 53–73.
1009) *idem.* The Vocabulary of Anglo–Saxon Kinship // L'Homme. — 1987. — No. 103. — P. 113–128.
1010) *Phang S.E.* The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A.D.): Culture, Law, and Practice // Journal of family history. — 2002. — Vol. 27. — P. 352–373.
1011) *eadem.* The Marriage of Roman Soldiers (13 B.C.–A.D. 235): Law and Family in the Imperial Army. — Leiden: Brill, 2001. — 471 p.
1012) *Phillpotts B.S.* Kindred and Clan in the Middle Ages and After: A Study in the Sociology of the Teutonic Races. — Cambridge: Cambridge University Press, 1913. — 302 p.
1013) *Pietri L.* La ville de Tours du IVe au VIe siécle: naissance d'une cité chrétienne. — Rome: Ecole francaise de Rome, 1983. — 853 p.
1014) *Plamper J.* The History of Emotions: An Introduction (Emotions In History). — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 368 p.
1015) *Plummer Ch.* Bede's Ecclesiastical History. Notes // Venerabilis Baedae Opera Historica. — L.: Oxford University Press, 1896. — V. 2. — 545 p.
1016) *Plunkett S.* Suffolk in Anglo–Saxon Times. — Stroud: Tempus, 2005. — 224 p.
1017) *Polanichka D.M.* "As a Brother Should Be": Siblings, Kinship, and Community in Carolingian Europe // Kinship, Community, and Self: Essays in Honor of David Warren Sabean / Ed. by J. Coy, B. Marschke, J. Poley, C. Verhoeven. — N. Y. and Oxford: Berghahn Books, 2015. — P. 23–36.
1018) *Polanichka D., Cilley A.* The Very Personal History of Nithard: Family and Honour in the Carolingian World // Early Medieval Europe. — 2014. — Vol. 22, No. 2. — P. 171–200.
1019) *Pomeroy S.B.* A Classical Scholar's Perspective on Matriarchy // Liberating Women's History / Ed. by B.A. Carroll. — Chicago: University of Illinois Press, 1976. — P. 217–23.
1020) *eadem.* Copronyms and the Exposure of Infants in Egypt // Studies in Roman Law in Memory of A. Arthur Schillerin / Ed. by R. Bagnall, W. Harris. — Leiden: Brill, 1986. — P. 147–162.
1021) *eadem.* Goddesses, Whores, Wives and Slaves. Women in Classical Antiquity. — N. Y.: Schocken Books, 1975. — 265 p.
1022) *eadem.* Infanticide in Hellenistic Greece // Images of Women in Antiquity / Ed. by A. Cameron, A. Kuhrt. — L.: Routledge, 1983. — P. 207–222.

1023) *eadem.* The Relationship of the Married Woman to Her Blood Relatives in Rome / Ancient Society. — 1976. — Vol. 7. — P. 215–227.
1024) *eadem.* Spartan Women. — N. Y.: Oxford University Press, 2002. — 198 p.
1025) Popular Attitudes towards Birth–Control in Pre–Industrial France and England / Ed. by O. and P. Ranum. — N. Y.: Harper&Row, 1972. — 129 p.
1026) *Pohl W.* Gregory of Tours and Contemporary Perceptions of Lombard Italy // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell and I. Wood. — Leiden, Boston: Brill, 2002. — P. 131–43.
1027) idem. Perceptions of Barbarian Violence // Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practice / Ed. by H.A. Drake. — L.: Routledge, 2006. — P. 15–26;
1028) *Prescendi F.* Children and the Transmission of Religious Knowledge // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 73–94.
1029) La prevention des naissances dans la famille / Ed. par H. Bergues et. al. —P.: Presses Universitaires de France, 1960. — 400 p.
1030) *Price M.L.* Imperial Violence and the Monstrous Mother: Cannibalism at the Siege of Jerusalem // Domestic Violence in Medieval Texts / Ed. by E. Salisbury, G. Donavin and M. L. Price. — Gainesville: University Press of Florida, 2002. — P. 272–298.
1031) *Pudsey A.* Children in Roman Egypt // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 484–509.
1032) *idem.* Children in late Roman Egypt: Christianity, the Family and Everyday Life // Children and Family in Late Antiquity. Life, Death and Interaction / V. Vuolanto, C. Laes, K. Mustakallio. — Leuven: Peeters Publishers, 2015. — P. 215–234.
1033) *Pudsey A., Vuolanto V.* Being a Niece or Nephew in an Ancient City. Children's Social Environment in Roman Oxyrhynchos // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 79–96.
1034) *Punt J.* "All in the Family?" The Social Location of New Testament Households and Christian Claims on "Traditional Family Values" // Acta Patristica et Byzantina. — 2010. — Vol. 21, No. 2. — P. 152–175.
1035) *idem.* He is heavy... he's my brother: Unravelling fraternity in Paul (Galatians) // Neotestamentica. — 2012. — Vol. 46, No. 1. — P. 153–171.
1036) *idem.* Pauline Brotherhood, Gender and Slaves: Fragile Fraternity in Galatians // Neotestamentica. — 2013. — Vol. 47, No. 1. — P. 149–169.
1037) *idem.* Writing Genealogies, Constructing Men: Masculinity and Lineage in the New Testament in Roman Times // Neotestamentica. — 2014. — Vol. 48, No. 2. — P. 303–323.
1038) *Radcliffe–Brown A.R., Ford D.* African Systems of Kinship and Marriage. —L.: Oxford University Press, 1950. — 399 p.
1039) *Radcliffe–Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. — L.: Cohen & West, 1952. — 244 p.
1040) *Radin M.* The Exposure of Infants in Roman Law and Practice // The Classical Journal. — 1925. — Vol. 20, No. 6. — P. 337–343.
1041) *Ransel D.L.* [Rev.:] Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. — N. Y.: Pantheon, 1988. 488 p. / D.L. Ransel // History of Education Quarterly. — 1990. — Vol. 30, No. 2. — P. 225–227.
1042) *Rawson B.* Adult–Child Relationships in Roman Society // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 7–30.
1043) *eadem.* Children and Childhood in Roman Italy. — N. Y.: Oxford University Press, 2003. — 434 p.
1044) *eadem.* Children as cultural symbols: imperial ideology in the second century // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by S. Dixon. — L.: Routledge, 2001. — P. 21–42.
1045) *eadem.* Children in the Roman Familia // The Family in Ancient Rome: New Perspectives / Ed. by B. Rawson. — Ithaca: Cornell University Press, 1986.— P. 170–200.

1046) *eadem.* Death, Burial and Commemoration of Children in Roman Italy // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003. — P. 277–297.
1047) *eadem.* Degrees of Freedom: Vernae and Junian Latins in the Roman familia // Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 195–222.
1048) *eadem.* The Iconography of Roman Childhood // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 205–232.
1049) *eadem.* Introduction: Families in the Greek and Roman // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B.Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 1–12.
1050) *eadem.*'The Family' in the Ancient Mediterranean: Past, Present, Future // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. — 1997. — Bd. 117. — P. 294–296.
1051) *eadem.* Family Life among the Lower Classes at Rome in the First Two Centuries of the Empire // Classical Philology. — 1966. — Vol. 61, No. 2. — P. 71–83.
1052) *eadem.* The Future of Childhood Studies in Classics and Ancient History // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / Ed. by K. Mustakallio, J. Hanska, H.–L. Sainio, V. Vuolanto. — Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. — P. 1–13.
1053) *eadem.* Marriages, families, households // The Cambridge Companion to Ancient Rome / Ed. by P. Erdkamp. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — P. 93–109.
1054) *eadem.* [Rev.:] T. Wiedemann Adults and Children in the Roman Empire. New Haven: Yale University Press, 1989 // The American Historical Review. — 1991. — Vol. 96, No. 3. — P. 852–853.
1055) *eadem.* The Roman Family // The Family in Ancient Rome: New Perspectives / Ed. by B. Rawson. — Ithaca: Cornell University Press, 1986. — 279 p.
1056) *eadem.* Spurii and the Roman View of Illegitimacy // Antichthon. — 1989. — Vol. 23. — P. 10–41.
1057) *Ray R.D.* Bede, Rhetoric, and the Creation of Christian Latin Culture. — Jarrow: St. Paul's Church, 1997. — 22 p.
1058) *idem.* R.D. Bede, the Exegete, as Historian // Famulus Christi: Essays in Commemoration of the Thirteenth Centenary of the Birth of the Venerable Bede / Ed. G. Bonner. — L.: S.P.C.K., 1976. — P. 125-140.
1059) *idem.* Bede and Cicero //Anglo-Saxon England. — 1987. — Vol. 16. — P. 1–15.
1060) *Réal I.* Représentations et pratiques des relations fraternelles dans la société franque du haut Moyen Age (VIe–IXe siècles) // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006 / Ed. par S. Cassagnes–Brouquet et M. Yvernault. — Turnhout: Brepols Publishers, 2007. — P. 73–94.
1061) *eadem.* Vies de saints, vie de famille: Representation et systeme de la parente dans le royaume merovingien (481–751) d'apres les sources hagiographiques. — Turnhout: Brepols, 2001. — 533 p.
1062) *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 396 p.
1063) *Reid C.J.* Power Over the Body, Equality in the Family: Rights and Domestic Relations in Medieval Canon Law. — Grand Rapids, Cambridge: William B. Eerdmans, 2004. — 333 p.
1064) *ReimitzH.* Social Networks and Identities in Frankish Historiography // The construction of communities in the early middle ages / Ed. by Richard Corradini. — Leiden: Brill, 2003. — P. 229–268.
1065) *Remijsen S., ClarysseW.* Incest or Adoption? Brother–Sister Marriage in Roman Egypt Revisited / S. Remijsen, W. Clarysse // The Journal of Roman Studies. — 2008. — Vol. 98. — P. 53–61.

1066) *Reuter T.* Property Transactions and Social Relations between Rulers, Bishops and Nobles in Early Eleventh–Century Saxony. The Evidence of the Vita Meinwerci // Property and Power in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 165–199.
1067) *Reynolds P.L.* How Marriage Became One of the Sacraments. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — 1076 p.
1068) *idem.* Marriage in the Western Church: The Christianization of Marriage during the Patristic and Early Medieval Period. — Leiden, N. Y., and Cologne: E. J. Brill, 1994. — 436 p.
1069) *Reynolds S.* What do we Mean by 'Anglo-Saxon' and 'Anglo-Saxons'? // Journal of British Studies. — 1985. — Vol. 24. — P. 395–414.
1070) *Ribordy G.* Faire les nopces: Le mariage de la noblesse franfaise (1375–1475). — Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2004. — 207 p.
1071) *Rich G.W.* Changing Icelandic Kinship // Ethnology. — 1976. — Vol. 15, No. 1. — P. 1–19.
1072) *Rich G.W.* Kinship and Friendship in Iceland // Ethnology. — 1980. — Vol. 19, No. 4. — P. 475–493.
1073) *Richards M.P., Stanfield B.J.* Concepts of Anglo–Saxon Women in the Laws // New Reading on Women in Old English Literature / Ed. by H. Damico, A.H. Olsen. —Indiana: Indiana University Press, 1990. — P. 89–99.
1074) *Riddle J.M.* Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance. — Cambridge, L.: Harvard University Press, 1992. — P. 53–65
1075) *idem.* Contraception and Early Abortion in the Middle Ages // Handbook of Medieval Sexuality / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 261–278.
1076) *idem.* Oral Contraceptives and Early–Term Abortifacients during Classical Antiquity and the Middle Ages // Past and Present. — 1991. — No. 132. — P. 3–32.
1077) *Riddle J.M., Worth Estes J.* Oral Contraceptives in Ancient and Medieval Times // American Scientist. — 1992. — Vol. 80, No. 3. — P. 226–233.
1078) *Ridyard S.J.* The Royal Saints of Anglo–Saxon England: A Study of West Saxon and East Anglian Cults. — Cambridge University Press, Cambridge, 1988. — 356 p.
1079) *Ripoll Lopez G.* The Arrival of the Visigoths in Hispania: Population Problems and the Process of Acculturation // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. — Leiden: Brill, 1998. — P. 153–187.
1080) *Rivers T.J.* Adultery in Early Anglo–Saxon Society: Æthelberth 31 in Comparison with Continental Germanic Law // Anglo–Saxon England. — 1991. — V. 20. — P. 19–25.
1081) *idem.* A Reevaluation of Æthelberth 31 // Zeitschrift der Savigny–Stiftungjiir Rechtsgeschichte. — 1976. — No. 93. — P. 315–318.
1082) *idem.* Widows' Rights in Anglo–Saxon Law // The American Journal of Legal History. — 1975. — Vol. 19, No. 3. — P. 208–215.
1083) *Rivers W.R.H.* A Genealogical Method of Collecting Social and Vital Statistics // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 1900. — № 30. — P. 74–88.
1084) *idem.* Kinship and Social Organization. — L.: CONSTABLE & CO LTD, 1914. — 124 p.
1085) *idem.* Social Organization. — L.: Dawsons of Pall Mall, 1924. — 238 p.
1086) *O'Roark D.* Parenthood in Late Antiquity: The Evidence of Chrysostom // Greek, Roman, and Byzantine Studies. — 1999. — Vol. 40. — P. 53–81.
1087) *Robertson P.* Home as a Nest: Middle Class Childhood in Nineteenth–Century Europe // History of Childhood / Ed. by L. deMause. — N.Y.: Psychohistory Press, 1974. — P. 407–430.
1088) *Robinson B.* The Venerable Bede as Exegete // Downside Review. — 1994. — Vol. 112. — P. 201–226.
1089) *Roffe D.* Hidden Lives: English Lords in post–Conquest Lincolnshire and Beyond // The English and Their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams / Ed. by D. Roffe. — Woodbridge: The Boydell Press, 2012. — P. 205–228.

1090) *Rollason D.* Why was St Cuthbert so Popular? // Cuthbert Saint and Patron / Ed. by D. Rollason. — Durham: Dean and Chapter of Durham, 1987. — P. 9–22.
1091) *Rolker Ch.* Two Models of Incest: Conflict and Confusion in High Medieval Discourse on Kinship and Marriage // Law and Marriage in Medieval and Early Modern Times / Ed. By P. Anderson K. Salonen, H. Møller Sigg, H. Vogt. — Copenhagen: DJØF Publishing, 2012. — P. 139–159.
1092) *idem.* Worse Than Buggery? Incest Discourses in the Twelfth and Thirteenth Centuries. — Электрон. данн. — [Bamberg, 2013]. — Режим доступа: https://www.academia.edu/1851939/Worse_than_buggery_Incest_discourses_in_the_12th_and_13th_centuries
1093) *Rose H.J.* On the Alleged Evidence for Mother–Right in Early Greece // Folklore. — 1911. —Vol. 22, No. 3. — P. 277–291.
1094) *idem*. Prehistoric Greece and Mother–Right // Folklore. — 1926. — Vol. 37, No. 3. — P. 213–244.
1095) *Rosenthal J.T.* Bede's Use of Miracles in the Ecclesiastical History // Traditio. — 1975. No. 31. — P. 328–335.
1096) *idem.* Bedé's Life of St. Cuthbert: Preparatory to the Ecclesiastical History // The Catholic Historical Review. — 1982. — Vol. 68, No. 4. — P. 599–611.
1097) *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. — Ithaca: Cornell University Press, 2006. — 228 p.
1098) *eadem.* Generations of Feeling. A History of Emotions, 600–1700. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — 390 p.
1099) *eadem.* Writing and emotions in Gregory of Tours // VomNutzen des Schreibens / Ed. by W. Pohl, P. Herold. — Vienna: Österreichische Akadamie der Wissenschaften, 2002. — P. 23–32.
1100) *eadem.* Worrying about Emotions in History // American Historical Review. — 2002. — Vol. 107, No. 3. — P. 821–845.
1101) *eadem.* Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: Journal of the History and Philosophy of the Emotions, 2010. — Режим доступа: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf.
1102) *Ross M.C.* Concubinage in Anglo–Saxon England // Past and Present. — 1985.— Vol. 108. — P. 3–34.
1103) *Rosser S.* Æthelthryth: A Conventional Saint? // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. — 1991. — No. 79. — P. 15–24.
1104) *Rouche M.* Clovis. — P.: Fayard, 1996. — 611 p.
1105) *Rousseau C.M.* Innocent III, Defender of the Innocents and the Law: Children and Papal Policy (1198–1216) // Archivum Historiae Pontificiae. — 1994. — Vol. 32. — P. 31–42.
1106) *eadem.* Kinship Ties, Behavioral Norms, and Family Counseling in the Pontificate of Innocent III // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. / Ed. by C.M. Rousseau, J.T. Rosenthal. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999. — P. 325–347.
1107) *eadem.* Neither Bewitched nor Beguiled: Philip Augustus's Alleged Impotence and Innocent III's Response // Speculum. — 2014. — Vol. 89, No. 2 — P. 410–436.
1108) *eadem.* «Pater Urbis et Orbis»: Innocent III and His Perspectives on Fatherhood // Archivum Historiae Pontificiae. — 1999. — Vol. 37. — P. 25–37.
1109) *eadem.* Pope Innocent III and the Familial Relationships of the Clergy // Studies in Medieval and Renaissance History. — 1993. — Vol. 14. — P. 105–148.
1110) *eadem*. The Spousal Relationship: Marital Society and Sexuality in the Letters of Pope Innocent III // Mediaeval Studies. — 1994. — Vol. 56. — P. 89–109.
1111) *Rovagnati S.* I Longobardi. — Milano: Xenia, 2003. — 128 p.
1112) *Roy J.*'Polis' and 'Oikos' in Classical Athens // Greece & Rome. — 1999. — Vol. 46, No. 1. — P. 1–18.

1113) *Rowlandson J., Takahashi R.* Brother–Sister Marriage and Inheritance Strategies in Greco–Roman Egypt // The Journal of Roman Studies. — 2009.— Vol. 99. — P. 104–139.
1114) *Prioreschi P.* Contraception and Abortion in the Greco–Roman World // Vesalius — Acta Internationalia Historiae Medicinae. — 1995.— Vol.1, No.2. — P.77–87.
1115) *Rudhardt J.* De l'inceste dans la mythologie grecque // Revue française de psychanalyse. — 1982. — Vol. 46, N. 4. — P. 731–763.
1116) *Russom G.R.* A Germanic Concept of Nobility in the Gifts of Men and Beowulf // Speculum. — 1978. — Vol. 53, No. 1. —P. 1–15.
1117) *Ruys J.F.* Peter Abelard's Carmen ad Astralabium and Medieval Parent–Child Didactic Texts: The Evidence for Parent–Child Relationships in the Middle Ages // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality / Ed. by A. Classen. — B.: Walter de Gruyter, 2005. — P. 203–227.
1118) *Quinn P.A.* Better than the Sons of Kings: Boys and Monks in the Early Middle Ages. — N. Y.: Peter Lang, 1989 — 265p.
1119) Sainted Women of the Dark / Ed. and transl. by J.A. McNamara, J.E. Halborg. — Durham and London: Duke University Press, 1992. — 341 p.
1120) *Saller R.P.* Corporal Punishment, Authority, and Obedience in the Roman Household // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 144–165.
1121) *idem.* [Rev.:] Discovering the Roman Family Studies in Roman Social Histor by Keith R. Bradley // The American Historical Review. — 1992. — Vol. 97, No. 2. — P. 527–528.
1122) *idem.* [Rev.:] The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986.279 p. // Classical Philology. — 1988. — Vol. 83, No. 3. — P. 263–269.
1123) *idem.* Pater Familias, Mater Familias, and the Gendered Semantics of the Roman Household // Classical Philology. — 1999. — Vol. 94, No. 2. — P. 182–197.
1124) *idem.* Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. — N. Y.: Cambridge University Press, 1995. — 249 p.
1125) *idem.* Roman Kinship: Structure and Sentiment // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B.P. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 7–34.
1126) *idem.* [Rev.:] Women in Roman Law and Society by Jane F. Gardner; The Family in Ancient Rome: New Perspectives by Beryl Rawson // Classical Philology. — 1988. — Vol. 83, No. 3. — P. 263–269.
1127) *Saller R.P., Shaw B.D.* Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // Journal of Roman Studies. — 1984. — Vol. 74. — P. 124–156
1128) *Salzman M.R.* The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire. — Cambridge, L.: Harvard University Press, 2002. — 354 p.
1129) *Sandidge M.* Changing Contexts of Infanticide in Medieval English Texts // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality / Ed. by A. Classen. — 2005. — P. 291–306.
1130) *Sandnes K.O.* Equality within Patriarchal Structures: Some New Testament Perspectives on the Christian Fellowship as a Brother or Sisterhood and a Family // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge, 1997. — P. 150–165.
1131) *Sawyer P.H.* From Roman Britain to Norman England. — L.: St. Martin's Press, 1978. — 294 p.
1132) *Schaps D.* Economic Rights of Women in Ancient Greece. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1979. — 165 p.
1133) *Scheidel W.* Brother–Sister and Parent–Child Marriage outside Royal Families in Ancient Egypt and Iran: A Challenge to the Socio–biological View of Incest Avoidance? // Ethology and Sociobiology. — 1996. — Vol. 17, No. 5. — P. 319–340.

1134) *idem.* Incest Revisited: Three Notes on the Demography of Sibling Marriage in Roman Egypt // The Bulletin of the American Society of Papyrologists. — 1995. — Vol. 32, No. 3/4. — P. 143–155.
1135) *idem.* Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — 184 p.
1136) *Schmid K.* Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel. Vortragen zum thema: Adel und Herrschaft im Mittelalter // Zeitschrift fur die Geschichte der Oberrheins. — 1957. — Hft. 105. — S.1–62.
1137) *Schimmelpfennig B.* Ex fornicatione nati: Studies on the Position of Priests' Sons from the Twelfth to the Fourteenth Century // Studies in Medieval and Renaissance History, 19792. — Vol. 12. — P. 1–50.
1138) *Scott E.* Unpicking a Myth: The Infanticide of Female and Disabled Infants in Antiquity // TRAC 2000: Proceedings of the Tenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, London 2000 / Ed. by G. Davies, A. Gardner, and K. Lockyear. — Oxford: Oxbow Books, 2001. — P. 143–151.
1139) *Schulenburg J.T.* Women's Monastic Communities, 500–1100: Patterns of Expansion and Decline // Signs. — 1989. — Vol. 14, No. 2. — P. 263–270.
1140) *Schultz J.A.* The Knowledge of Childhood in the German Middle Ages. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. — 344 p.
1141) *idem.* No Girls, No Boys, No Families: On the Construction of Childhood in Texts of the German Middle Ages // The Journal of English and Germanic Philology. — 1995. — Vol. 94, No. 1. — P. 59–81.
1142) *Searle E.* Predatory Kinship and the Creation of Norman Power, 840–1066. — Berkeley: University of California Press, 1988. — 326 p.
1143) *Sealey R.* On Lawful Concubinage in Athens // Classical Antiquity. — 1984. — Vol. 3, No. 1. — P. 111–133.
1144) *Searle W.G.* Onamasticon Anglo–Saxonicum A List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to that of King John. — Cambridge: Cambridge University Press, 1897. — 601 p.
1145) *Seebohm F.* Tribal Custom in Anglo–Saxon Law. — L., N. Y.: Longmans, Green, 1902. — 538 p.
1146) *Sertel A.K.* Ritual Kinship in Eastern Turkey // Anthropological Quarterly. — 1971. — Vol. 44. — P. 37–50.
1147) *Shadis M.* Berenguela of Castile's political motherhood: the management of sexuality, marriage, and succession // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 335–358.
1148) *Shahar Sh.* Childhood in the Middle Ages. — L.: Routledge, 1990. — 342 p.
1149) *Shaw B.D.* Explaining Incest: Brother–Sister Marriage in Graeco–Roman Egypt // Man. New Series. — 1992. — Vol. 27, No. 2. — P. 267–299.
1150) *idem.* The Family in Late Antiquity: The Experience of Augustine // Past & Present. — 1987. — No. 115. — P. 3–51.
1151) *idem.* Latin Funerary Epigraphy and Family Life in the Later Roman Empire // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. — 1984. — Bd. 33, H. 4. — P. 457–497.
1152) *idem.* Raising and Killing Children: Two Roman Myths // Mnemosyne, Fourth Series. — 2001. — Vol. 54, Fasc. 1. — P. 31–77.
1153) *Shaw B.D., Saller R.P.* Close–Kin Marriage in Roman Society? // Man, New Series. — 1984. — Vol. 19, No. 3. — P. 432–444.
1154) *Shari H.* The Languages of Rape in Old English Literature and Law: Views from the Anglo–Saxon(ist)s // Sex and Sexuality in Anglo–Saxon England / Ed. C. Pasternack, L.M.C. Weston. — Tempe: Arizona Board of Regents for Arizona State University, 2004. — P. 149–181.
1155) *Sheehan M.M.* The bishop of Rome to a barbarian king on the rituals of marriage // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies / Ed. by J.K. Farg. — Toronto: University of Toronto Press, 1996. — P. 278–291.

1156) *idem.* Choice of Marriage Partner in the Middle Ages: Development and Mode of Application of a Theory of Marriage // Studies in Medieval and Renaissance History. — 1978. — Vol. 11. — P. 4–15.
1157) *idem.* Maritalis affectio Revisited // The Olde Daunce: Love, Friendship, Sex, and Marriage in the Medieval World / Ed. by R.R. Edwards and S. Spector. — N. Y.: State University of New York Press, 1991. — P. 32–43.
1158) *idem.* Marriage Theory and Practice in the Conciliar Legislation and Diocesan Statutes of Medieval England // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies / Ed. by J.K. Farg. — Toronto: University of Toronto Press, 1996. — P. 118–176.
1159) *idem.* Sexuality, Marriage, Celibacy, and the Family in Central and Northern Italy: Christian Legal and Moral Guides in the Early Middle Ages // Marriage, Family, and Law in Medieval Europe: Collected Studies / Ed. by J.K. Farg. — Toronto: University of Toronto Press, 1996. — P. 292–310.
1160) *Sheingorn P.* Appropriating the Holy Kinship: Gender and Family History // Perspectives on Marriage, Household, and Children / Ed. by C. Neel. — Toronto: University of Toronto Press, 2004. — P. 273–301.
1161) *eadem.* The maternal behavior of God: divine Father as fantasy husband // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 77–99.
1162) *eadem.* "The Wise Mother": The Image of St. Anne Teaching the Virgin Mary // Gesta. — 1993. — Vol. 32, No. 1. — P. 69–80.
1163) *Shepher J.* Incest: a biosocial view. — N. Y.: Academic Press, 1983.— 213 p.
1164) *Sigismund-Nielsen H.* Slave and Lower-Class Roman Children // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 286–301.
1165) *Sigurdsson J.V.* Viking Friendship. The Social Bond in Iceland and Norway, c. 900–1300. — Ithaca: Cornell University Press, 2017. — 192 p.
1166) *Sims-Williams P.* The Settlement of England in Bede and the Chronicle // Anglo Saxon England. — 1983. — No. 12. — P. 1–41.
1167) *Sisam K.* Anglo–Saxon Royal Genealogies // Proceedings of the British Academy. — 1953. — No, 39. — P. 287–348.
1168) *Sivan H.* The Appropriation of Roman Law in Barbarian Hands: 'Roman-barbarian' Marriage in Visigothic Gaul and Spain // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. — Leiden: Brill, 1998. — P. 189–203.
1169) *idem.* Rabbinics and Roman law: Jewish-Gentile / Christian Marriage in Late Antiquity // The Romanian Economic Journal. — 1997. — Vol. 156. — P. 59–100.
1170) *idem.* Why Not Marry a Barbarian? Marital Frontiers in Late Antiquity // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. by R.W. Mathieson, H. Sivan. — Aldershot: Variorum, 1996. — P. 136–145.
1171) *idem.* Why Not Marry a Jew? Jewish-Christian Marital Frontiers in Late Antiquity // Law, Society and Authority in Late Antiquity / Ed. by R.W. Mathisen. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — P. 208–219.
1172) *Sjöberg B.L.* More Than Just Gender: The Classical Oikos as a Site for Intersectionalit // Families in the Greco-Roman World / Ed. by R. Laurence, A. Strömberg. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 48–59.
1173) *Skinner P.* Women in Medieval Italian Society, 500–1200. — Harlow: Pearson Education, 2001. — 230 p.
1174) *Smith J.M.H.* Gender and Ideology in the Early Middle Ages // Studies in Church History, 1998. — Vol. XXXIV. — P. 51–73.
1175) *Smith L.* Who is my Mother? Honouring Parents in Medieval Exegesis of the Ten Commandments / L. Smith // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012. — P. 155–172.

1176) *Solevåg A.R.* Listening for the Voices of Two Disabled Girls in Early Christian Literature // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 287–299.
1177) *Soliday G.L., Hareven T.K., Vann R.T., Wheaton R.* History of the Family and Kinship: A Select International Bibliography. — N. Y.: Kraus International, 1980. — 410 p.
1178) *Sot M.* Historiographie épiscopale et modèle familial en Occident au IXe s. // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. — 1978. — N 33. — P. 433–449.
1179) *Southon E.* Fatherhood in Late Antique Gaul // Families in the Roman and Late Antique World / Ed. by M. Harlow, L. Larsson Lovén. — L., N. Y.: Continuum, 2012. — P. 238–253.
1180) *eadem.* Marriage, sex and death: the family and the fall of the Roman West, Amsterdam. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. — 254 p.
1181) *eadem.* Marriage, Sex and Death: The Family in the Post–Imperial West: PhD Diss. / E. Southon; University of Birmingham. — Birmingham, 2012. — 289 p.
1182) *Southon E., Harlow M., Callow C.* The Family in the Late Antique West (AD 400–700): A Historiographical Review // Approaches to the Byzantine Family / Ed. by L. Brubaker, S. Tougher. — L.: Routledge, 2013. — P. 109–130.
1183) *Spain D.H.* Westermarck–Freud incest–theory debate: an evaluation and reformulation // Current Anthropology. — 1987. — Vol. 28. — P. 623–645.
1184) *Speight S.J.* Violence and the creation of socio–political order in post–conquest Yorkshire // Violence and society in the early medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell, 1998. — P. 157–174.
1185) *Spolsky E.* Old English Kinship Terms and Beowulf // Neuphilologische Mitteilungen. — 1977. — Vol. 78, No. 3. — P. 233–238.
1186) *Sprung A.* The Inverted Metaphor: Earthly Mothering as Figura of Divine Love in Julian of Norwich's Book of Showings // Medieval mothering / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. — N. Y.: Garland Publishing, 1996. — P. 183–200.
1187) *Srafford P.* [Rev.:] Mary Dockray–Miller. Motherhood and Mothering in Anglo–Saxon England. N.Y.: St. Martin's Press, 2000. 161 p. // Albion. — 2001. — Vol. 33, No. 3. — P. 430–432.
1188) *eadem.* [Rev.:] Jack Goody. The Development of the Family and Marriage in Europe // History. — 1985. — Vol. 70, No. 228. — P. 72.
1189) *eadem.* The King's Wife in Wessex 800–1066 // Past & Present. — 1981. — No. 91. — P. 3–27.
1190) *eadem.* La Mutation Familiale: A Suitable Case for Caution // The Community, the Family and the Saint. Patterns of Power in Early Medieval Europe. Selected Proceedings of the International Medieval Congress. University of Leeds, 4–7 July 1994, 10–13 July 1995 / Ed. by J. Hill, M. Swan. — Turnhout: Brepols, 1998. — P. 103–126.
1191) *eadem.* Parents and Children in the Early Middle Ages // Early Medieval Europe. — 2001. — Vol. 10. — P. 257–271.
1192) *eadem.* Queens, Concubines, and Dowagers: The King's Wife in the Early Middle Ages. — Athens: University of Georgia Press, 1983. — 248 p.
1193) *eadem.* Sons and Mothers: Family Politics in the Early Middle Ages // Studies in Church History Subsidia. — 1978. — Vol. 1. — P. 79–100.
1194) *eadem.* Women and the Norman Conquest // Transactions of the Royal Historical Society. — 1994. — Vol. 4. — P. 221–249.
1195) *Stearns P.N.* American Fear. — N.Y.: Routledge, 2006. — 256 p.
1196) *Stenton D.M.* The English Woman in History. — N. Y.: Macmillan, 1957. — 364 p.
1197) *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. — N.Y.: Oxford University Press, 1971. — 765 p.
1198) *idem.* The Historical Bearing of Placename Studies: the Place of Women in Anglo–Saxon Society // Transactions of the Royal Historical Society. — 1943. — Vol. 25. — P. 1–13.
1199) *Stevens S.T.* Stages of Infancy in Roman Amphora Burial // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 625–643.

1200) *Stoertz–Harris F.* Pregnancy and Childbirth in Twelfth and Thirteenth Century French and English Law // Journal of the History of Sexuality. — 2012. — Vol. 21 No. 2. — P. 263–281.
1201) *Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. —N. Y.: Harper & Row, 1977. — 800 p.
1202) *Stone R.* Purity or danger an alternative view of Carolingian sexual regulation. — Электрон. данн. — [L., 2006 –]. — Режим доступа: https://www.academia.edu/3882666/Purity_or_danger_an_alternative_view_of_Carolingian_sexual_regulation
1203) *Stortz M.E.* "Where or When Was Your Servant Innocent?": Augustine on Childhood // The Child in Christian Thought / Ed. by M.J. Bunge. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2001. — P. 78–102.
1204) *Strange W.A.* Children in the Early Church: Children in the Ancient World, the New Testament and the Early Church. — Carlisle: Paternoster, 1996. — 134 p.
1205) *idem.* Children, Church and Family in Early Christianity // Journal Journal of Beliefs & Values. — 1996. — Vol. 17. — P. 36–40.
1206) *Stroll M.* Maria Regina: Papal Symbol // Queens and Queenship in Medieval Europe / Ed. by A.J. Duggan. — Woodbridge: Boydell Press, 1997. — P. 173–204.
1207) *Strong A.K.* Incest Laws and Absent Taboos in Roman Egypt // Ancient History Bulletin. — 2005. — Vol. 19. — P. 31–41.
1208) *Ström H.* Old English Names in Bede's History. — L.: C.W.K. Gleerup, 1939. — 180 p.
1209) *Stubbs W.* The Constitutional History of England, in its Origin and Development. — Cambridge: Cambridge University Press, 1874–1875. — Vol.1–3.
1210) The Study of the Bible in the Carolingian Era / Ed. by C. Chazelle, B. Van Name Edwards. — Turnhout: Brepols, 2003. — 258 p.
1211) *Sutherland J.N.* The Idea of Revenge in Lombard Society in the Eighth and Tenth Centuries: The Cases of Paul the Deacon and Liudprand of Cremona // Speculum. — 1975. — Vol. 50, No. 3. — P. 391–410.
1212) *Szerwiniack O.* Frères et sœurs dans l'Histoire ecclésiastique du peuple anglais de Bède le Vénérable de la fratrie biologique à la fratrie spirituelle // Frères et soeurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges, 21 et 22 septembre 2006 / Ed. par S. Cassagnes–Brouquet et M. Yvernault. — Turnhout: Brepols Publishers, 2007. — P. 237–245.
1213) *Taglia K.A.* The Cultural Construction of Childhood: Baptism, Communion, and Confirmation // Women, Marriage, and Family in Medieval Christendom: Essays in Memory of Michael M. Sheehan, C.S.B. / Ed. by C.M. Rousseau, J.T. Rosenthal. — Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1999. — P. 255–288.
1214) *eadem.* 'On Account of Scandal...': Priests, Their Children, and the Ecclesiastical Demand for Celibacy // Foriekgium. — 1995–1996. — Vol.14. — P. 57–70.
1215) *Tate J.C.* Christianity and the Legal Status of Abandoned Children in the Later Roman Empire // Journal of Law and Religion. — 2008/2009. — Vol. 24, No. 1. — P. 123–141.
1216) *Tinsley D.F.* Reflections of Childhood in Medieval Hagiographical Writing: The Case of Hartmann von Aue's Der arme Heinrich // Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the results of a paradigm shift in the history of mentality / Ed. by A. Classen. — B.: Walter de Gruyter, 2005. — P. 229–247
1217) *Titmuss R.* The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy. — N.Y.: The New Press, 1997. — 360 p.
1218) *Theis L.* Saints sans famille? Quelques remarques sur la famille dans le monde franc à travers les sources hagiographiques // Revue Historique. —1976. — T. 255, Fasc. 1 (517). — P. 3–20.
1219) *Thomas C.C.* Matriarchy in Early Greece: The Bronze and Dark Ages // Arethusa. — 1973. —Vol. 6. — P. 173–195.
1220) *Thompson K.* Affairs of State: the illegitimate children of Henry I // /Journal of Medieval History. — 2003. — Vol. 29. — P. 129–151.

1221) *Thompson S.* The Problem of Cistercian Nuns in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries // Studies in Church History Subsidia. — 1978. — Vol. 1. — P. 227–252.
1222) *Thompson E.A.* The Barbarian Kingdoms in Gaul and Spain // Nottingham Medieval Studies. — 1969. — Vol. 7. — P. 3–33;
1223) *idem.* The Early Germans. — Oxford: Clarendon Press, 1965. — 174 p.
1224) *idem.* The Goths in Spain. — Oxford: Clarendon Press, 1969. — 358 p.
1225) *idem.* The Visigoths in the Time of Ulfilas. — Oxford: Clarendon Press, 1969. — 174 p.
1226) *Thompson W.E.* Athenian Marriage Patterns: Remarriage // California Studies in Classical Antiquity. — 1972. — Vol. 5. — P. 211–225.
1227) *idem.* Attic Kinship Terminology // The Journal of Hellenic Studies. — 1971. — Vol. 91. — P. 110–113.
1228) *idem.* Some Attic Kinship Terms // Glotta. — 1970. — Bd. 48, 1/2. — P. 75–81.
1229) *Toner J.* Leisure as a Site of Child Socialisation. Agency and Resistance in the Roman Empire // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 99–115.
1230) *Toubert P.* La théorie du mariage chez les moralistes carolingiens // Matrimonio nella società altomedievale / Ed. par G. Ermini. — Spolète: Presso la Sede del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1977. — P. 233–281.
1231) *Treggiari S.* Putting the Family Across: Cicero on Natural Affection // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. Georg. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 9–35.
1232) *eadem.* [Rev.:] Maurizio Bettini. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul.Transl. by J. Van Sickle. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 334 p. // Phoenix. — 1993. — Vol. 47, No. 3. — P. 274–276.
1233) *eadem.* Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. — Oxford: Clarendon Press, 1991. — 578 p.
1234) *Trexler R.* Infanticide in Florence: New Sources and First Results // History of Childhood Quarterly. — 1973. — Vol. 1. — P. 98–117.
1235) *Trümper M.* Material and Social Environment of Greco–Roman Households in the East: The Case of Hellenistic Delos // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003.— P. 19–43.
1236) *eadem.* Space and Social Relationships in the Greek Oikos of the Classical and Hellenistic Periods // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 32–52.
1237) *Tucker M.J.* The Child as Beginning and End: Fifteenth and Sixteenth Century English Childhood // History of Childhood / Ed. by L. deMause. — N.Y.: Psychohistory Press, 1974. — P. 229–257.
1238) *Tulloch J.H.* Devotional Visuality in Family Funerary Monuments in the Roman World // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 542–563.
1239) *Turner R.V.* The Children of Anglo–Norman Royalty and Their Upbringing // Medieval Prosopography. — 1990. — Vol. 11, No. 2. — P. 17–52.
1240) *Uro R.* Asceticism and Anti–Familial Language in the Gospel of Thomas // Constructing Early Christian FamilIes: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by H. Moxnes. — L. and N. Y.: Rougtledge, 1997. — P. 216–234.
1241) *Van Dam R.* Leadership and Community in Late Antique Gaul Leadership and Community in Late Antique Gaul (Transformation of the Classical Heritage) / R. Van Dam. — Oxford and Los Angeles: Berkeley, 1985. — 368 p.
1242) *idem.* Merovingian Gaul and the Frankish conquests // The New Cambridge Medieval History. — N.Y., Cambridge University Press, 2008. —T. I. — P. 193–232.
1243) *Van de Walle E.* 'Marvellous Secrets': Birth Control in European Short Fiction, 1150–1650 // Population Studies. — 2000. — Vol. 54, No. 3. — P. 321–330.

1244) *Van Deusen N.M.* [Rev.:] Larrington C. Brothers and Sisters in Medieval European Literature. Rochester: Boydell & Brewer, 2015. 285 p. // Journal of English and Germanic Philology, 2017. — Vol. 116, No. 2. — P. 256–258.
1245) La Vengeance, 400–1200 / Ed. by D. Barthélemy et al. — Rome: École française de Rome, 2006. — 526 p.
1246) Vengeance in the Middle Ages: Emotion, Religion and Feud / Ed. by S.A. Throop, P.R. Hyams. — Farnham: Ashgate, 2010. — 232 p.
1247) Vengeance in Medieval Europe: A Reader / Ed. by D. Lord Smail, K. Gibson. — Toronto: University of Toronto Press, 2009. — 474 p.
1248) *Verdon J.* La femme et la vie familiale en France aux IXe–XIe siècles // Travaux et memoires de l'Universite de Limoges. — Limoges: Publication de l'Université de Limoges, 1977. — P. 63–83.
1249) *Verdon M.* Grégoire de Tours "le père de l'Histoire de France". — Le Coteau: Horvath, 1988. — P. 195.
1250) *idem.* Virgins and Widows: European Kinship and Early Christianity // Man. 1988. — Vol. 23, № 3. — P. 488–505.
1251) *VerSteeg R.* The Essentials of Greek and Roman Law. — Durham: Carolina Academic Press, 2010. — 240 p.
1252) *Veyne P.* La famille et l'amour sous le Haut-Empire romain // Annales. — 1978. — Vol. 33, No. 1. — P. 35–63.
1253) *van Viljoen G.N.* Plato and Aristotle on the Exposure of Infants in Athens // Acta Classica. — 1959. — Vol. 2. — P. 58–69.
1254) *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. — L.: G. Allen & Unwin, 1911. — 384 p.
1255) *idem.* Historical Jurisprudence. — Oxford: Oxford University Press, 1920. — V.1: ntroduction; Tribal Law. — 428 p.
1256) Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell, 1998. — 230 p.
1257) *Vuolanto V.* Agency, Experience, and the Children in the Past. The Case of Roman Childhood // Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. by Ch. Laes, V. Vuolanto. — L., N. Y.: Routledge, 2017. — P. 11–24.
1258) *idem.* Children and Asceticism in Late Antiquity: Continuity, Family Dynamics, and the Rise of Christianity. — Farnham: Ashgate, 2015. — 263 p.
1259) *idem.* Children and the Memory of Parents in the Late Roman World // Memory and Family Identity in Roman Culture / Ed. by V. Dasen, T. Spath. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 173–194.
1260) *idem.* Child and Parent in Roman Law // Oxford Handbook for Roman Law and Society / Ed. by C. Ando, P.J. du Plessis and K. Tuori. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 487–497.
1261) *idem.* Children in the Roman World: Cultural and Social Perspectives. A Review Article // Arctos. — 2014. — Vol. 48. — P. 435–450.
1262) *idem.* Elite Children, Socialization, and Agency in the Late Roman World // Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World / Ed. by J. Evans Grubbs and T. Parkin. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 580–600.
1263) *Vuolanto V.* Infant abandonment and the Christianization of Europe // The Dark Side of Childhood in Late Antiquity and the Middle Ages: Unwanted, Disabled and Lost / Ed. by K. Mustakallio, Ch. Laes. — Oxford: Oxbow, 2011. — P. 3–19.
1264) *idem.* Parenting in Late Antiquity: Gendered Roles in Ideology and Everyday Life / Patristica Nordica Annuaria. — 2016. — Vol. 31. — P. 33–51.
1265) *idem.* Grandmothers in Roman Egypt // Greek, Roman, and Byzantine Studies. — 2017. — Vol. 57, No. 2. — P. 372–402.
1266) *idem.* Selling a Freeborn Child: Rhetoric and Social Realities in the Late Roman World // Ancient Society. — 2003. — Vol. 33. — P. 169–207.
1267) *Wagner N.* Zur Herkunft der Franken aus Pannonien // Frühmittelalterliche Studien. — 1977. — N. 11. — S. 218–28.

1268) *Wallace–Hadrill A.* Domus and Insulae in Rome: Families and Housefuls // Early Christian Families in Context: A Cross–disciplinary Dialogue / Ed. by C. Osiek, D.L. Balch. — Grand Rapids: William B. Eerdmans, 2003. — P. 3–18.
1269) *Wallace–Hadrill J.M.* The Long-Haired Kings and Other Studies in Frankish History. — Methuen: Methuen and Company Ltd., 1962. — 261 p.
1270) *idem.* Bede's Ecclesiastical History of the English People. A Historical Commentary. — N. Y.: The Clarendon Press, Oxford University Press, 1993. — 336 p.
1271) *Wallis W.D.* Indo – Germanic Relationship Terms as Historical Evidence // American Anthropologist. — 1918. — Vol. 20, No. 4. — P. 419–431.
1272) *Ward B.* Bede and the Psalter // Jarrow Lecture. — Jarrow: St. Paul's Church, 1992. — P. 869–802.
1273) *idem.* 'In medium duorum animalium': Bede and Jerome on the Canticle of Habakkuk // Studia Patristica. — 1993. — Vol. 25. — P. 189–193.
1274) *idem.* Miracles and History: A Reconsideration of the Miracle Stories used by Bede // Famulus Christi: Essays in Commemoration of the Thirteenth Centenary of the Birth of the Venerable Bede / Ed. G. Bonner. — L.: S.P.C.K., 1976. — P. 70–76.
1275) *Ward B.* The Venerable Bede. — L.: Continuum, 1990. — 148 p.
1276) *Wareham A.* The Transformation of Kinship and the Family in late Anglo–Saxon England // Early Medieval Europe. — 2001. — Vol. 10, No. 3. — P. 375–399.
1277) *Watkins J.* After Lavinia: A Literary History of Premodern Marriage Diplomacy. — Ithaca: Cornell University Press, 2017. — 274 p.
1278) *Watson P.A.* Ancient Stepmothers: Myth, Misogyny and Reality. — Leiden: E. J. Brill, 1995. — 288 p.
1279) *Weaver P.R.C.* Children of Freedmen (and Freedwomen)? // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. by B. Rawson. — N. Y.: Oxford University Press, 1991. — P. 166–190.
1280) *idem.* Children of Junian Latins // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B. Rawson, P.R.C. Weaver. — N.Y.: Oxford University Press, 1997. — P. 55–72.
1281) *idem.* Family Dating Criteria, Proximi and 'Provincia' in the Familia Caesaris // The Journal of Roman Studies, 1968. — Vol. 58, Parts 1 and 2. — P. 110–123.
1282) *idem.* Reconstructing lower–class Roman families // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by S. Dixon. — L.: Routledge, 2001. — P.101–114.
1283) *Weisensteiner J.* Cassiodorus Gotengeschichte bei Gregor von Tours und Paulus Diaconus?: eine Spurensuche // Ethnogenese und Überlieferung: angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung / Hrsg. K. Brunner, B. Merta. — Vienna and Munich: Böhlau, 1994. — S. 123–128.
1284) *Wells Ch.* An Orthographic Approach to Early Frankish Personal Names // Philological Society. — 1972. — Vol. 71. — P. 101–164.
1285) *Wemple S.F.* Consent and Dissent to Sexual Intercourse in Germanic Societies from the Fifth to the Tenth Century // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies / Ed. by A.E. Laiou. — Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, I993. — P. 227–244.
1286) *eadem.* [Rev.:] Jack Goody. The Development of the Family and Marriage in Europe // The American Historical Review. — 1984. — Vol. 89, No. 4. — P. 1050–1051.
1287) *eadem.* The Medieval Family: European and North American Research Direction // Trends in History. — 1985. — Vol. 3, No. 3–4. — P. 27–44.
1288) *eadem.* Monastic Life of Women from the Merovingians to the Ottonians // Hrotsvit of Gandersheim: Rara Avis in Saxonia? / Ed. by K. Wilson. — Ann Arbor: Marc Publishing, 1987. — P. 35–54.
1289) *eadem.* Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500–900. — Philadelphia: Pennsylvania University Press, 1981. — 368 p.

1290) *eadem.* Women from the Fifth to the Tenth Century // A History of Women in the West / Ed. by C. Klapisch-Zuber. — Volume 2: Silences of the Middle Ages. — Cambridge, L.: Belknap Press of Harvard University Press, 1992. — P. 169–201.
1291) *Werner K.* Beda Der Ehrwürdige Und Seine Zeit. — Wien: W. Braumüller, 1881. — 235 s.
1292) *Wertheimer L.* Children of Disorder: Clerical Parentage, Illegitimacy, and Reform in the Middle Ages // Journal of the History of Sexuality. — 2006. — Vol. 15, No. 3. — P. 382–407.
1293) *eadem.* Continuity and Change in Constructs of Illegitimacy between the Second and Eighth Centuries // Historical Reflections / Réflexions Historiques. — 2007. — Vol. 33, No. 3. — P. 363–393.
1294) *eadem.* Illegitimate Birth and the English Clergy, 1198–1348 // Journal of Medieval History. — 2005. — Vol. 31, No. 2. — P. 211–229.
1295) *Westermarck E.A.* The History of Human Marriage. — L.: Macmillan, 1891. — 669 p.
1296) *Wetherbec W.* Some Implications of Bedé's Latin Style // Bede and Anglo-Saxon England: Papers in Honour of the 1300th Anniversary of the Birth of Bede, Given at Cornell University in 1973 and 1974 in British Archaeological Reports / Ed. by R.T. Farrell. — L.: British Archaeological Reports, 1978. — P. 23–31.
1297) *Wheeler G.H.* The Genealogy of the Early West Saxon Kings // The English Historical Review. — 1921. — Vol. 36, No. 142. — P. 161–171.
1298) *Whaley Z.* Birth Control and Abortion in the Practice and Tradition of Islam // Malacaster Islam Journal. — 2007. — Vol. 2, No. 3. — P. 27–33.
1299) *Wicker N.L.* Selective Female Infanticide as Partial Explanation for the Dearth of Women in Viking Age Scandinavia // Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. by G. Halsall. — Woodbridge: Boydell Press, 1998. — P. 205–221.
1300) *eadem.* Christianization, Female Infanticide, and the Abundance of Female Burials at Viking Age Birka in Sweden // Journal of the History of Sexuality. — 2012. — Vol. 21, No. 2. — P. 245–262.
1301) *Wickham Ch.* Compulsory gift exchange in Lombard Italy, 650–1150 // The Languages of Gift in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 193–216.
1302) *Wiedemann T.* Adults and Children in the Roman Empire. — L.: Routledge, 1989. — 234 p.
1303) *idem.* [Rev.:] The Family in Ancient Rome: New Perspective. Ed. by Beryl Rawson. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 279 p. // The Classical Review, New Series, 1987. — Vol. 37, No. 1. — P. 65–67.
1304) *Wilcox A.* Paternal Grief and the Public Eye: Cicero "Ad Familiares" 4.6 // Phoenix. — 2005. — Vol. 59, No. 3/4. — P. 267–287.
1305) *Wilgaux J.* Consubstantiality, Incest, and Kinship in Ancient Greece // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. by B. Rawson. — Malden and Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — P. 217–230.
1306) *idem.* Entre inceste et échange: Réflexions sur le modèle matrimonial athénien // L'Homme. —2000. — No. 154/155. — P. 659–676.
1307) *idem.* Inceste et barbarie en Grèce ancienne // Cahiers KUBABA. — 2005. — Vol. 7. — P. 267–270.
1308) *Williams A.* Princeps Merciorum Gentis: the Family, Career and Connections of Ælfhere, ealdorman of Mercia, 956—83 // Anglo–Saxon England. — 1982. — Vol. 10. — P. 143–172.
1309) *Williams M.* The Jewish Family in Judaea from Pompey to Hadrian—the Limits of Romanization // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 159–182.
1310) *Winkler J.J.* The Constraints of Desire: The Anthropology of Sex and Gender in Ancient Greece. — N. Y. and L.: Routledge, 1990. — 282 p.
1311) *White St.D.* Custom, Kinship, and Gifts to Saints. The Laudatio Parentum in Western France, 1050–1150. — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. — 336 p.

1312) *idem.* Clotild's Revenge: Politics, Kinship, and Ideology in the Merovingian Blood Feud // Portraits of Medieval and Renaissance Living: Essays in Honor of David Herlihy / Ed. by S.K. Cohn Jr., and S.A. Epstein. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — P. 107–130.
1313) *idem.* Kinship and Lordship in Early Medieval England: The Story of Sigeberht, Cynewulf, and Cyneheard // Viator. — 1989. — Vol. 20. — P. 1–18.
1314) *Whitehorne J.E.G.* Sex and society in Greco–Roman Egypt // Actes du XVe Congres international de Papyrologie, pt. IV / Ed. by J. Bingen, G. Nachtergael. — Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Elisabeth,1979. — P. 240–246.
1315) *Whitelock D.* The Beginnings of English Society. — L.: Penguin Books Ltd, 1963. — 256 p.
1316) *idem.* From Bede to Alfred. — L.: Variorum Reprints, 1939. — 368 p.
1317) *Whittow M.* Motherhood and Power in Early Medieval Europe, West and East: The Strange Case of the Empress Eirene // Motherhood, Religion, and Society in Medieval Europe, 400–1400: Essays Presented to Henrietta Leyser / Ed. by C. Leyser and L. Smith. — Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012. — P. 55–84.
1318) *Woolf G.* Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 316 p.
1319) *idem.* Family History in the Roman North–West // The Roman Family in the Empire. Rome, Italy, and Beyond / Ed. by M. George. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 231–254.
1320) *Wolff H.J.* Marriage Law and Family Organization in Ancient Athens: A Study on the Interrelation of Public and Private Law in the Greek City // Traditio. — 1944. — Vol. 2. — P. 43–95.
1321) *Wood I.* 'The Bloodfeud of the Franks': a Historiographical Legend // Early Medieval Europe. — 2006. — Vol. 14. — P. 489–503.
1322) *idem.* Deconstructing the Merovingian Family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts / Ed. by R. Corradini, M. Diesenberger and H. Reimitz. — Leiden, Boston: Brill, 2003. — P. 149–172.
1323) *idem.* Genealogy defined by women: the Pippinids // Gender in the Early Medieval World: East and West, 300–900 / Ed. by L. Brubaker, J.M.H. Smith. — N. Y.: Cambridge University Press, 2004. — P. 234–256.
1324) *idem.* The gifts of Wearmouth and Jarrow // The Languages of Gift in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies, P. Fouracre. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 89–115.
1325) *idem.* Incest, law and the Bible in sixth–century Gaul // Early Medieval Europe. — 1998. — Vol. 7, No. 3. — P. 291–303.
1326) *idem.* The Individuality of Gregory of Tours // The World of Gregory of Tours / Ed. by K. Mitchell, I. Wood. — Leiden: Brill, 2002. — P. 29–46.
1327) *idem.* The Merovingian kingdoms 450–751. — Abingdon–on–Thames: Routledge, 1993. — 405 p.
1328) *idem.* Gregory of Tours and Clovis / Revue belge de philology et d'histoire. — 1985. — T. 63, 1985. — P. 249–272.
1329) *Woolf H.B.* The old Germanic Principles of Name–Giving. — Baltimore: John Hopkins, 1939. — 300 p.
1330) *Worby S.* Law and Kinship in Thirteenth–Century England. — Woodbridge: Boydell Press, 2010. — 206 p.
1331) *Wormald P.* Bede, the Bretwaldas and the Origins of the Gens Anglorum // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to J.M. Wallace-Hadrill / Eds. P. Wormald, D. Bullough, R. Collins. — Oxford: Basil Blackwell, 1983. — P. 99–129.
1332) *Wright N.* Bede and Vergil // Romanobarbarica. — 1981. — Vol. 6. — P. 361–379.
1333) *Yarbrough A.* Christianization in the Fourth Century: The Example of Roman Women // Church History. — 1976. — Vol. 45, No. 2. — P. 149–165.
1334) *Yorke B.* Kings and Kingdoms of Early Anglo–Saxon England. — L.: Taylor & Francis, 1997. — 232 p.

1335) *Young E.* The Anglo–Saxon Family Law // Essays in Anglo–Saxon Law / Ed. by H. Adams. — Boston: Little, Brown, and Company, 1876. — P. 121–182.
1336) *Young Ph.R.* Catullus on Parenthood // The Classical Journal. — 1968. — Vol. 63, No. 6. — P. 267–268.
1337) *Zingerle I.V.* Das deutsche Kinderspiel im Mittelalter. — Wien: Gerold in Komm, 1868. — 51 p.

СПРАВОЧНЫЕИИНФОРМАЦИОННЫЕИЗДАНИЯ

1) *Асп Э.К.* Введение в социологию. — СПб.: Алетейя, 2000. — 256 с.
2) *Марков Г.Е.* Немецкая этнология: Учебное пособие для ВУЗов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. — 576 с.
3) *Дворецкий И.Х.* Латинско–русский словарь. — М.: Русский язык-Медиа, 2003. — 844 с.
4) Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. редактор В.А. Тишков. — М.: Большая российская энциклопедия, 1999. — 928 с.
5) *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 23–еизд., испр. — М.: Рус.яз., 1991. — 917 с.
6) Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — 671 с.
7) Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. — М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2009. — 1284 с.
8) *De Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo–European Etymological Dictionary Series ed. by A. Lubotsky. — Vol. 7. — Leiden–Boston, Brill, 2008. — 825 p.
9) Dictionnaire de droit canonique / Ed. by R. Naz. — P.: Letouzey et Ané, 1949. — T. 4. — 513 p.
10) *Du Cange D.* Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. — T. 1-10. — Niort: L. Favre, 1883–1887.
11) Doctor of the Church // Encyclopedia of Christian Theology / Ed. by J.–Y. Lacoste. — N. Y.: Routledge, 2005. — 635 p.
12) *Niermeyer J.F.* Mediaelatinitatis lexicon minus. — Leiden: Brill, 1976. — 1138 p.
13) Oxford Latin Dictionary. — Oxford: Clarendon Press, 1968. — 2126 p.
14) The Routledge Dictionary of Anthropologists // Trans. by P.J. Bowman. — L.: Routledge, 2011. — 394 p.
15) *Walde A., Hofmann J.B.* Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938. — Bd. 1-2.
16) *Weekley E.* An Etymological Dictionary of Modern English. — L.: J. Murray, 1921. — 1660 p.

Приложение 1. Значение терминов родства в классической и средневековой латыни

Классическая латынь (Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.)	**Средневековая латынь**	
	Niermeyer J.F.Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1976. 1138 p.	Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. 1-10. Niort: L. Favre, 1883-1887.
Abavus		
P. 3: 1) A great-great-grandfather. 2) (applied to a remote ancestor).	P. 1: bisaieul — great-grandfather. Thietmar., Chron., lib.1c. 10, ed. Kurze, p. 7.	
Atavus		
P. 195: 1) great-great-great-grandfather. 2) A remote ancestor, forefather.	P. 67: bisaieul — great-grandfather. Exparte atavi, avi et genitoris. D. Charles le Chauve, no. 258 (a. 863).	
Amita		
P. 118: a) A father's sister, paternal aunt. b) ~a magna, a grandfather's sister, great-aunt. c) ~a maior, a great-grandfather's sister, great-great-aunt. d) maxima, a great-great-grandfather's sister, great-great-great-aunt.	P. 41: 1) femme du frire de mon pere — wife of father's brother. Cum amita sua, id est patrui sui uxore. Gregor. Turon., Hist. Franc., lib. 5 c. 18. 2) concubine de mon pere — my father's concubine. Liudprand. Cremon., Hist. Ottonis, c. 4, ed. Becker, p. 161.	
Avia		
P. 214: 1) A grandmother.		
Avunculus		
P. 221: 1) **a** mother's brother, maternal uncle **b** a mother's sister's husband 2) ~us magnus (also without magnus), a grandmother's brother, great-uncle. 3) ~us maior, a great-grandmother's brother, great-great-uncle. b (= ~us magnus). 4) ~us maximus, a great-great-grand-mother's brother, great-great-great-uncle.	P. 75: 1) oncle paternet — father's brother. Pass. prima Leudegarii, rec. C (s. viii ex.), c.8, Scr. rer. Merov., V p. 290. Alpert.Mett., Div.temp., lib. 1c.1,ed.Hulshof,p.6 (cf. Pijnacker Hordijk, ib., p. XXXIV). 2) cousin — cousin. Gisleb. Montens., Chron., c.109, ed. Vanderkindere, p. 160.	
Avus		
P. 221: 1) A grandfather. 2) An ancestor, forefather.		
Consobrina		
P. 417: A fem ale cousin-german.		T.2. P. 519: *Cousine ou niece, fille de sa sceur,m* Glossar. Gall. Lat. ex Cod. reg. 7684.
Consobrinus		

P. 417: 1) Properly, the son of one's maternal aunt; generally, a cousin-german.	P. 255: 1) cousin germain, fils de ioncle paternal - cousin, son of my father's brother V. Ansberti, c.12, Scr. rer. Merov., Vp. 626 2) neveu, fils de la soeur — nephew, sister's son. Anast. Bibl., Chronogr., ed. De Boor, p. 125.	T.2. P. 519: Patruelis. Vita S. Ansberti torn. 2. Febr. pag. 350. col. 2: *Inclytus princeps Pipinus, Ansegisi filius, Consobrinus videlicet beati patris Wandregisili, etc.* Uterque Arnulphi nepos.
Filia		
P. 701: A daughter. **b** ~a familiae, ~a familias, a daughter subject to the patria potestas. **c** (poet., of inanim. objs. personified).	P. 426: eglise-fille — daughter-church. Affirmabant illam [ecclesiam de H.J ad suam ecclesiam pertinere et omnia que debet matri filia ecclesiam de H. ecclesie de S. debere persolvere. Muller-Bouman, OB. Utrecht, I no. 273 p. 253 (a. 1105). Ceteras ecclesias, quas filias appellamus. Rousseau, Actes de Namur, no. 2 (a.1121). Ad Saviniacense monasterium tanquam filiae spectant. D. Frid. I imp. a. 1162, Qall. chr, 2, IV instr. coi.19.	
Filii		
См. Filius, значение 2		
Filius		
P. 701: 1) A son. **b** ~ius familiae (familias), a son subject to the patria potestas. **c** (poet.) one born in a specified country, 'son', **d** (in prov. phrs.) terrae ~ius, a man about whom nothing is known, a nobody; Fortunae ~ius, a lucky fellow, Fortune's darling; gallinae ~ius albae, one 'born with a silver spoon in his mouth' 2) (usu. pl., incl. daughters and other descendants). 3) (esp. voc., as an affectionate way of referring to a man younger than oneself).		
Frater		
P. 731: 1) A son of the same father or mother, brother; ~ter germanus, a full brother, **b** (pl.) brother and sister, **c** (pl., transf., of a kindred race). 2) ~ter patruelis, A son of one's paternal uncle, cousin (on one's father's side); also ~ter alone. 3) (esp. voc., as an affectionate w ay of referring to a person of one's own age; cf. Pater, filius). **b** (as a		**T. 3. P. 594:** Nomen consanguinitatis vel propinquitatis sive carnalis sive spiritualis… FRATRES, invicem se appellabant Christiani… FRATRES se invicem appellabant Reges…

euphemism for a partner in an irregular sexual union). 4) A member of a religious collegium.		
Fratruus		
		P. 601: Ex fratre nepos, fratris fllius, apud Florentium Wigorn. pag. 604. [Jo. de Janua: *Fralruus, Filius fratris; Fratrua, Filia vel uxor fratris.]*
Genetrix		
P. 758: 1) A mother, usu. the mother of a specific person, **b** (applied to Venus as ancestress of the Romans), **c** (poet., of one's native land), **d** (applied to the earth, as the mother of all living creatures). 2 (transf.) An originator, creator; a foundress.		
Genitor		
P. 759: 1) One's father, **b** (pl.) one's parents; (also transf., of races), **c** (applied to an adoptive father). 2) **a** (applied to Jupiter; also, to Neptune), **b** (phil.) the creator (of the world, universe, etc.). **c** (given as a term of respect to other deities, etc.). 3) A cause, originator, author.		
Germana		
P. 761: A sister, **b** (transf., of varieties of vine).		
Germanus (сущ.)		
P. 762: A full brother.		
Germanus (прил.)		
P. 761–762: 1) Having the same father and mother; (of brothers and sisters) full. 2) Of or characteristic of brothers and sisters, brotherly, sisterly. 3) True, real, genuine, honest-to-goodness, proper.		
Liberi		
P. 1024: Sons and daughters, children (in connection w. their parents), **b** tus trium ~orum, a privileged status granted by the Lex Papia Poppaea of a.d. 9 to fathers of three children, occ.		

extended to others, c (leg., including more remote relationships; see quots.). **d** sons (as dist. from daughters).		
	Mater	
P. 1082–1083: 1) A mother, **b** ~ter familias or familiae, (seem materfamilias), the mistress of a house hold, a matron, **c** (pl.) married women, matrons, **d** (poet.) motherly feelings, maternal sentiment; motherhood, maternity. 2) A foster-mother, nurse. 3) **a** (as an appellation of old women), **b** (as a title given to the senior woman of a collegium or other society), **c** ~ter patriae, a title occ. conferred on female members of the imperial family; (cf. pater patriae). 4) (as a title of goddesses); ~ter deum, ~ter magna, ~ter Idaea (and sim.), Cybele. 5) (in species other than man) A female parent. 6) (of plants as the source of cuttings, fruit, etc.) Parent, mother. 7) (of the earth as the mother of all living things; also, of nature), **b** (as the producer of plants). 8) One's native land or city, motherland, **b** the mother-city or metropolis (of a town or country). 9) The source, origin, fount, parent: **a** (of material things). b (of abstract things). 10) siluae ~ter, Honeysuckle.	P. 660–661: 1) abbesse, superieure — abbess, matron of a nunnery. Caesar. Arelat., Regula virg. Gregor. M., lib. 9 epist. 86, Epp., II p. 100. V. Balthildis, c. 7, SRM., II p. 490 1. 2. Pass. Praejecti, c. 32, ib., V p. 244. V. Boniti, c. 7, SRM., VI p. 127 1. 5. 2) mater ecclesia: cathedraie — cathedral. [Episcopus] edificavit prope matrem aecclesiam domus geminas. V. Desiderii Cadurc., c. 16, SRM., IV p. 574. In predicta civitate et in ipsa matre aecclesia . . . episcopus est consecratus. G. Aldrici, c. 1, SS., XV p. 310. Primo tamen ipsam matrem SS., XV p. 310. Primo tamen ipsam matrem ecclesiam . . . ditavit. V. II Audoini, § 24, SRM., V p. 556 n. 4. Sue [i. e. episcopi] sancte matris ecclesie. D. Louis IV, no. 1 (a. 936). Domum matris ecclesiae succendit. Richer., lib. 2 c. 85, ed. Latouche, p. 272. H. prepositus matris ecclesiae. Erhard, Reg. Westfal., I, CD. no. 127 p. 100(a. 1036). Mater, nude: Non procul a matre... habitabat. Acta Gaugcrici arsenal — arsenal keeper. S. xiv, Ital. (s. xi med.), AASS., Aug. II p. 689 coi. 2. 3) mater ecclesia: église d'une grande paroisse primitive, eglise baptismale dont dependent des chapelles — parish church of a large primeval parish, baptismal church to which chapels are subordinated. Est ibi mater ecclesia, quam A. habet cum decima de illa villa. Urbar. rer. fiscal. Rhaeticae Curiensis (s.ixp.pn), Meyer-Perret, Bündner UB., 1 p. 380. Mater, nude: Ecclesiarum . . . quarum matres, videlicet he . . ., aliquando... tradite fuerant. Wampach, Echternach, I pt. 2 no. 192 p. 310 (a. 1063). Tam in membris quam in matribus. Miraeus, III p. 20coi. 1 (a. 1090, Tournai). 4) mater ecclesia: église ayant les pleins droits paroissiaux, sans rapport a des eglises ou des chapelles	

	dependantes — any church having full parochial competence, irrespective of subordinate churches or chapels. Datis... septem mansis... cum matre ecclesia et dote sua apud L. Miraeus, 1 p. 809 coi. 2 (a. 1031, Liege). Dedit ejusdem ville matrem ecclesiam. Ib., III p. 303 coi. 1 (a. 1046, Liege). Matres ecclesias duas M. ville. D. Heinrichs III., no. 205 (a. 1047). Dicebant ecclesiam suam B. vocatam matrem esse per se liberam et ecclesie de S. non debere esse subditam. Muller-Bouman, OB. Utrecht, I no. 273 p. 253 (a. 1105). Hanc eis concedens potestatem, ut ubicumque in hoc predio ibi eligerent, matrem ecclesiam et ab omni episcopali jure liberam edificarent. Ib., no. 280 p. 258 (a. 1108).	
Mater familias		
P. 1083: 1) The wife of a paterfamilias, the mistress of a household. 2) A respectable married woman, matron.		
Matertera		
P. 1083–1084: A mother's sister, maternal aunt, **b** ~a magna, a grandmother's sister, great-aunt; ~a maior, ~a maxima, (see quots.).	P. 661: 1) tante paternelle — father's sister. S. xiii. 2) cousine — cousin. S. xiii.	T. 5, P. 305: Amita. Johannes Skenaeus de verborum significatione pag. 97: *Sed aliquando Matertera sumitur improprie pro patris sorore, Latine amita. In lib.* 2. *C. deficientibus* 34. *Post avunculum, h. e. patruum ejusque liberos, Matertera ejusque liberi habent jus successionis:* Stat. Palavic. lib. 1. cap. 26. pag. 30: *Quod si contingat aliquam litem, causam* *vel qusestlonem esse vel moveri inter patrem et filium, avum, proavum, nepotem,... pairuos, amitas et Materteras, et quosque alios utriusque sexus conjectos,usque ad quartum gradum, etc.*
Natus		

P. 1160: son; (pl.) children; also, offspring of animals.		
Nepos		
P. 1170: 1**)** A grandson, **b** (fem.) a granddaughter (cf. Fest. P.343M). 2) (in viticulture) A secondary shoot, lateral. 3) A descendant; seri ~otes, distant descen dants, remote posterity. 4) A spendthrift, prodigal, playboy.	P. 717: 1) *neveu — nephew. 2) cousin germain — first cousin. Regino, Chron., a. 892, ed. Kurze, p. 139. 3. femin. gener.: niece — niece. S. xiii.	
Neptis		
P. 1170: A granddaughter, **b** a female descendant.	P. 717: nepta, neptia, nepota: 1) *niéce — niece. 2) tante, sceur de mon pire — aunt, father's sister. D. Ottos]., no. 216 (a. 960).	
Parens		
P. 1295–1296: 1) A parent, a father or mother, (pl.) parents, **b** (of animals). **c** (applied to the parent-stock of trees). 2) (usu. pl.) An ancestor, progenitor; (also used to include other than direct ancestors), **b** (of animals), **c** diui ~ntum, di ~ntes, the departed spirits of parents or other near relations. 3) ~patriae (urbis, etc., as a honorific title), The parent, father of one's country (city, etc.). 4) (of countries or cities) A (foster-) parent or mother; a mother country or city (in relation to colonies, etc.). 5) The universal creative power or agency (identified with nature or the world), **b** the creator (of the universe). 6) The originator, first practitioner (of an art or science); the inventor (of an instrument); the founder (of a city, school, etc.). **b** the author (of a book). 7) **a** (of countries, cities, etc.) A producer, source (of something), **b** (of abstract qualities, etc.) the origin, source, cause (of something).	P. 763: *membres de la parente, proches — relatives, kin. Gregor. M., lib. 1 epist. 42, Epp., I p. 67 1. 12. Edict. Chloth. II a. 614, c. 9, Capit., I p. 22. F. Andecav., no. 37, Form., p. 16. Quantin, Cart. de l'Yonne, I no. 8 (ca. a. 680, Auxerre). CD. Langob., no. 73 coi. 133 C (a. 721-744?). Decr. Compend. a. 757, c. 6, Capit., 1 p. 38.	
Parvuli		

P. 1304: 1) Small in size, little, tiny, b slight in degree, extent, etc.; little in a mount or value, c slight in importance, petty. 2) (spec., of children, young animals), b (as sb.) a child, little one. c a ~o (~is) or sim., from childhood, d (transf., of age, etc.).		

Pater

P. 1307–1308: 1) A father, **b** (in distinguishing between a father and son of the same name) the elder, **c** (pregn., w. ref. to pedigree) a father (of some standing), **d** ~ter adoptiuus, an adoptive father, e (pl.) parents. 2) (applied to animals or birds). 3) (pl.) Fathers, forefathers, **b** quarlus ~ter, a great-great-grandfather 4) a ~ter familias (-ae), The head of a family, a householder, **b** (w. gen.) one who supervises or has charge (of); the senior member or president (of a religious or other sodality). 5) (applied to those accorded the respect or affection due to a father), **b** (in honorific titles, usu. w. gen.) father, protector, **c** ~ter patriae, the father, protector, saviour of one's country. 6) (as an honorific appellation of various gods), **b** (w. diuum, etc., as an appellation of Jupiter), **c** (of nature, the sky, etc., as uni versal parent). 7) (pl.) Patricians, the patriciate; senators, the Senate, **b** ~tres conscripti (as a mode of referring to the Roman Senate, perh. originally ~tres et conscripti, the latter being members brought in from the plebs, or from outside communities). c ~ter patratus: see patratvs. 8) (applied to ancient or especially revered poets, philosophers, etc.).	P. 772: 1) abbe — abbot. Sub Deodati patris regula. Gregor. M., Dial., lib. 2 c. 1. Imperante domno C. sancti agminis Gemmeticensium patre. V. Filiberti, c. 1, ed. Poupardin, p. 3. Monasterium ... ubi a nobis pater ibidem preesse videtur H. sacerdos. De Monsabert, Ch. de Nouaille, no. 8 p. 12 (a. 799). Multorum ibi monachorum... pater effectus. Paul. Diac., Hist. Langob., lib. 6 c. 40. Pastores ecclesiae patresque monasteriorum. Capit, de caus. tract. a. 811, c. 2, I p. 162. Ejusdem monasterii pater defuncto me possit existere. Widemann, Trad. S.-Emmeram, no. 17 p. 20 (a. 820/821). Pater iste noviter constitutus. Candid., V. Eigilis, c. 9, SS., XV p. 225. Post obitum hujus abbatis de ipsa congragatione patere ligatur. CD. Langob., no. 153 coi. 264 C (a. 843, Milano). Sextus in hac congregatione A. extitit pater. Constr. Farf. (post a. 857), c. 12, ap. Balzani, II Chron. Farf., I p. 18. Chrysma si a matre, patre monasterii fuerit postulatum. Coli. s. Dionys., no. 3, Form., p. 499. In Augea monasterio multorum pater extiterat monachorum. Regino, Chron., ad a. 891, ed. Kurze, p. 138. Coenobium cui modo nominatus pater praeest. Wartmann, UB. S.-Qallen, III no. 817 p. 32 (a. 981). 2) moine âgé et venerable — an old and venerable monk. Miraculum patres ipsius loci vidissent. V. Sabe, ed. Ermini, p. 126. Hartmannum... privilegio electionis patres acceperant abbatem. Ekkehard., Cas. s. Galli, c. 3, SS., II p. 102 1. 5. Si quis ex patribus voluerit sanguinem minuere. Sigiberti Cluniae, cons., c. 1, Albers, II p. 67. 3) Père de l'Eglise — Father of the Church. Hormisd. pap. epist. 124 § 4	

	(a. 520), Thiel, II p. 929. Gregor. M., lib. 9 epist. 147, Epp., II p. 146. Lib. pontif., Agatho, § 9, ed. Mommsen, p. 195. 4) saint patron — patron-saint. Iram sanctorum... patrum nostrorum Martini et Willibrordi... incurrat. Wampach, Echternach, Ipt. 2 no. 192 p. 311 (a. 1063). 5) pater civitatis: i.q. curator civitatis. Patrem civitatis denominare cui civilium pecuniarum administratio committenda sit. Lex Rom. canon, compta, c. 138, ed. Mor, p. 102. D. Ottos no. 340 (a. 967). D. Heinrichs III., no. 192 (a. 1047). 6) parrain — godfather. Meus est pater ex lavacro. Epp., III p. 116 1. 34 (a. 551/552). In catecumino de baptismate et confirmatione unus potest esse pater, si necesse est. Theodori Cantuar. poenitent., c. 4 §8, Schmitz, Bussbiicher, I p. 541. Qui pater in lavacro regis fuerat sacrosancto. Donizo, V. Mathildis, lib. 2 c. 1 v. 84, ed. Simeoni, p. 58. 7) pater spiritualis: *prêtre qui a administri le baptime — priest who has christened a person. Donat. Mett., V. Trudonis, c. 14, SRM., VI p. 286. Hucbald., V. Rictrudis, c. 10, AASS.3, Maji III p. 82 B. Ann. Romani, ap. Duchesne, Liber pontificalis, II p. 336. 8) pater spiritualis: confesseur — confessor. D. Ludwigs d. Kind., no. 66 (a. 909). Petr. Dam., lib. 4 epist. 7, Migne, t. 144 coi. 306 D. Leo Ost., Hist. Casin., lib. 2 c. 30, SS., VII p. 647. Pater confessionum: idem. V. Bertini, AASS., Sept. II p. 588 coi. 1. 9. plural. patres: les cardinaux — the cardinals. Lib. pontif., Paschal. II, ed. Duchesne, II p. 302 sq.	
Pater familias		
См. Pater, значение 4		
Patruelis		
P. 1311: 1) Of or belonging to a paternal uncle. 2) frater or soror ~is, A cousin (the child of a paternal uncle); (also masc. or fem. as sb.). **b** of or belonging to such a cousin.	P. 776: i.q. patruus, oncle paternel — father's brother. Thegan., c. 22, SS., II p. 596 I. 7.	

Patruus

P. 1311: A father's brother, paternal uncle, **b** (as typically harsh and censorious), (see quots.). **c** ~us magnus, maior, maximus.	P. 776: oncle maternel — mother's brother. Pass. Praejecti, c. 3, SRM., V p. 227.	

Posteri

P. 1413: 1) Occurring hereafter, future, later, **b** in (ad) ~um, to a point in the future, for the future. 2) Next (in succession of time), following, **b** (w. gen. or quam) next (after). 3) (masc. pl. as sb.) Descendants, one's posterity, **b** men in future ages, future generations. **c** successors.		

Proavus

P. 1464: 1) A great-grandfather. 2) A remote ancestor, forefather.		

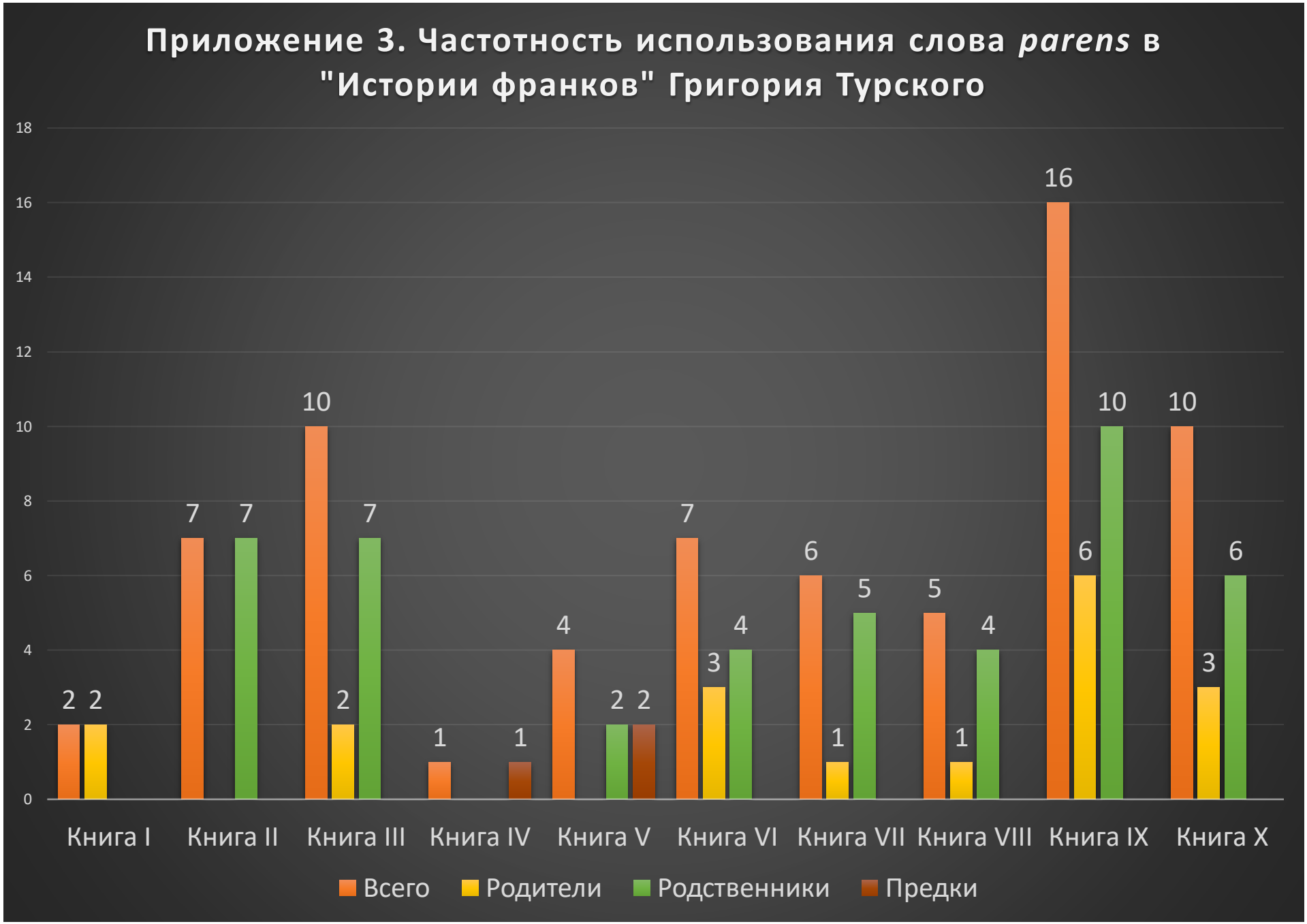
Progenies

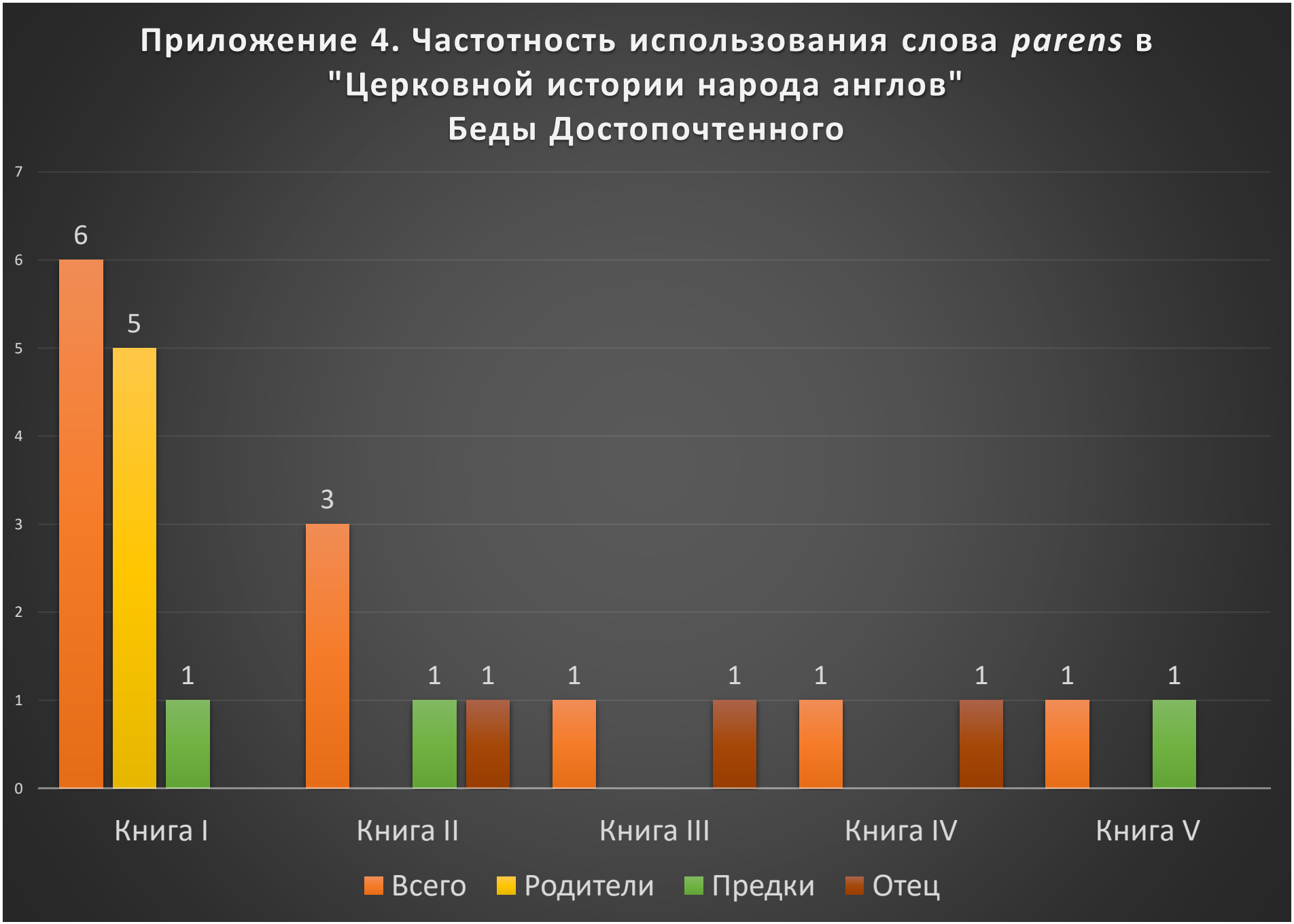
P. 1479: 1) That which springs from a person (animal, etc.) by birth or descent, offspring, progeny: a (applied to a group), **b** (applied to an individual); ~es terrae, a person of unknown antecedents (=filius terrae). 2) A race, stock, family, blineage, descent.	P. 860: 1) generation, posterite — generation, offspring. 2) ancetres — ancestry. 3) degre de parente — degree of relationship. Si in quarta progenie reperti fuerint conjuncti. Decr. Compend. a. 757, c. 1, Capit., I p. 37. Usque in quartam progeniem. Zachar. pap. epist. (a. 745-752), Epp., III p. 711 I. 16.	T. 6. P. 526-527: Gradus cognationis. Capitulare Compendiense ann. 757. cap. 1: *Si in quarta Progenie reperti fuerint conjuncti, non separamus, etc. Progaine,* pro *Race, lignee,* Progenies, genus. *La Mapemonde* Ms.: Et pour ton pere et sa progaine Racater de mal et de paine, L'estuet en fust pendre et morir. *Progeniee,* eodem sensu, in Charta ann. 1281. ex Chartul. S. Steph. Autiss.: *Icellui Humbert en eschange de ce, bailie audit chapitre tous les hommes et les femmes, que luy et sa femme havoient ou pouvoient havoir, ou devoient havoir a Egligny, a Cherbuy, a Porrein et a Espoigny, sers et serves de chefs et de corps,avec toute la Progeniee et la sigance de tous les hommes et de toutes les femmes.*

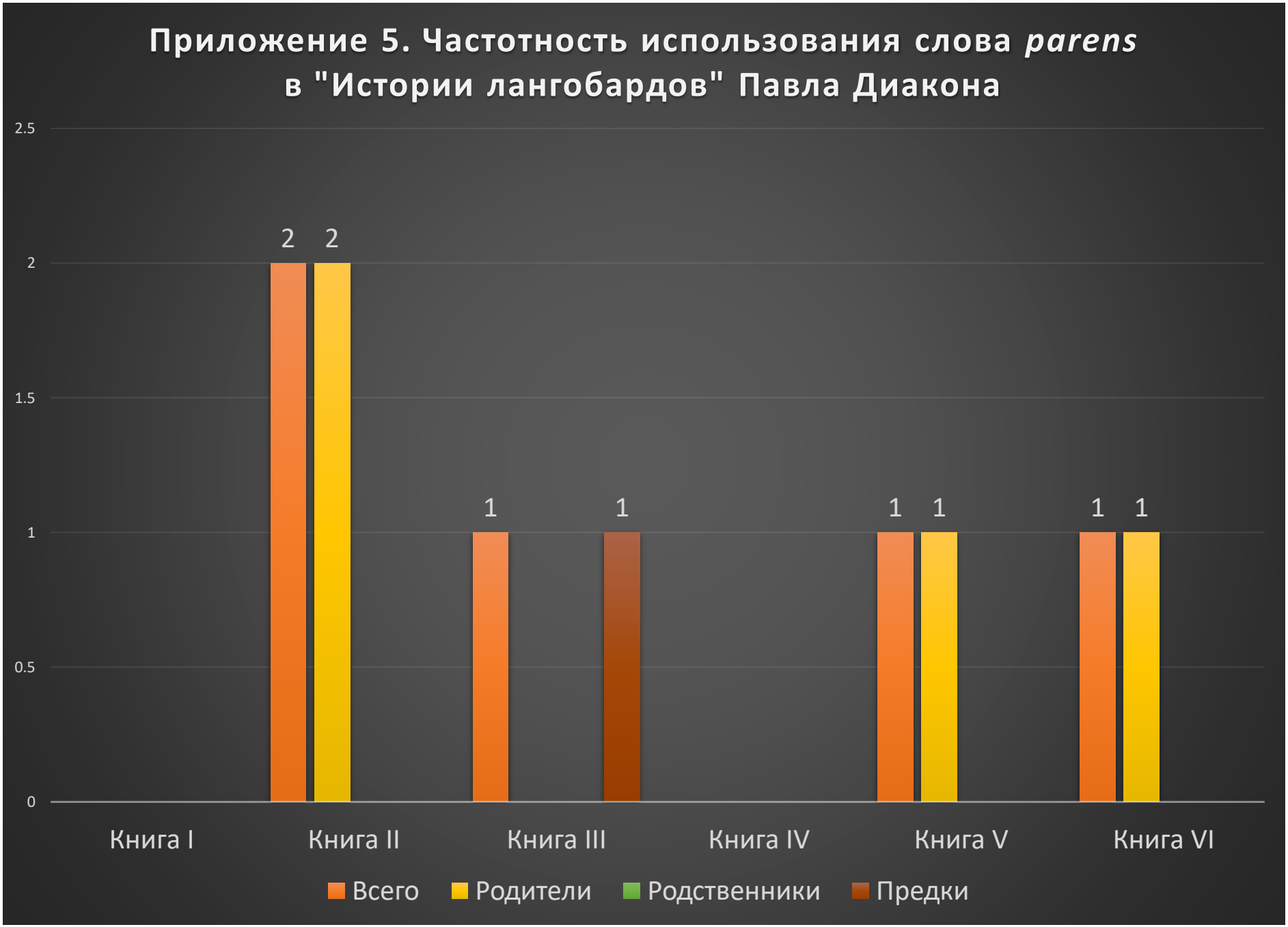
Progenitor

P. 1479: One from whom another person, a family, etc., is descended, an ancestor, progenitor.		
Propinquus		
P. 1493: 1**)** Near (in space), close, neighboring, **b** (transf., of a journey or sim.). **c** (neut. pl. as sb.) near-by parts, the vicinity, d in ~o, in the vicinity, close at hand; ex ~o, from close at hand; in ~um, into proximity. 2) Living nearby, neighboring. 3) (of time, events) Not distant, early, close, imminent, **b** in ~o, near at hand, in the offing, **c** (w. spes, metus*)* relating to the near future, **d** not long past, recent. 4) Near (in kinship), closely related, sb.) a relative, kinsman. 5) Close in nature, akin, related.		
Semen		
P. 1729: 1) (collect, sg,) That which is sown, the seed of plants, **b** an individual seed or grain, **c** seed, or its formation, considered as marking a stage in the growth-cycle of a plant; in ~en ire (abire), to go to seed. 2) (spec., sc. odoreum) The grain of emmer wheat, Triticum dicoccum. 3) Anything planted by way of propagation (a slip, cutting, etc.). 4) Semen, sperm, **b** (applied more loosely to any pre-natal stages of living creatures). **c** (in general) the seed of any living thing, animal or vegetable. 5) Parentage, descent, **b** offspring, seed; a race, breed. 6) The primary physical substance which goes to make up anything, an element, **b** (spec.) an atom in the Epicurean system. 7) (fig.) A germ, seed, spark (of a quality, condition, feeling, etc.). 8) A small spot, speck.		T. 7, P. 406: maris dicitur; posteritas vero, mulieris, in Jure Hungarico. Albert. Molnarus.
Soror		
P. 1794: 1) A sister, **b** (applied loosely to a half-sister; also to a sister-in-law), **c** (applied to a first	P. 980: 1) soeur par la communauté de religion — sister in Christ.	

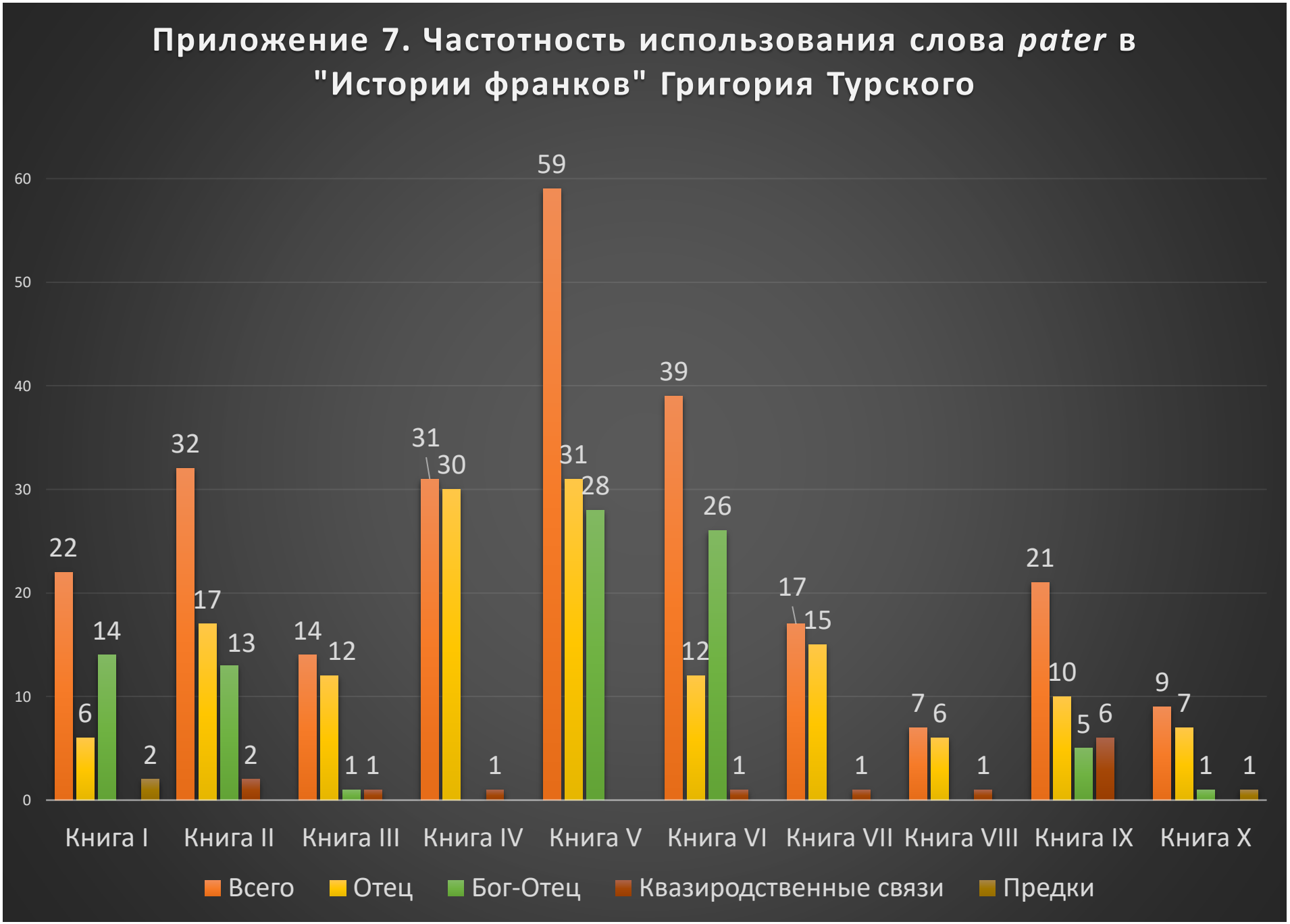
cousin); (also) ~or patruelis. **d** a (female) companion; (also applied euphem. to a mis tress). 2) (spec., of various groups of mythological sisters): **a** (the Fates), **b** (the Muses), **c** (the Furies), **d** (the Nereids), **e** (the Danaids). **f** (the sisters of Phaethon, transformed into poplars), **g** (the Hesperides). **h** (Procne and Philomela). 3) (transf., of a concr. obj. closely related or sim. to another).	2) femme liée par un vceu de continence; surtout l'épouse de celui qui s'est fait pretre — a woman bound by a vow of continence, esp. the wife of one who has entered religion. 3) moniale — nun. Gregor. Turon., H. Fr., lib. 10 c. 15. Gregor. M., Dial., lib. 3 c.33. Boboi. en., V. Germani Grandiv., c. 5, SRM., V p. 35. 4) sceitr laie —lay sister. S. xii.	
Suboles		
P. 1846: 1) (freq. collect, sg.) The young growth of a tree, bush, or sim., a shoot, sucker, etc.; (transf., of hair), **b** fruit. 2) An offspring, scion, child, **b** (collect, sg.) one's children or posterity, offspring, progeny; (pl.) families; the young (of an animal), **c** off spring as a social group or division, the rising generation, new blood, or sim.; the supply of offspring needed to maintain the race. 3) The aggregate of people born about the same time, a generation, **b** a race, breed, stock.		

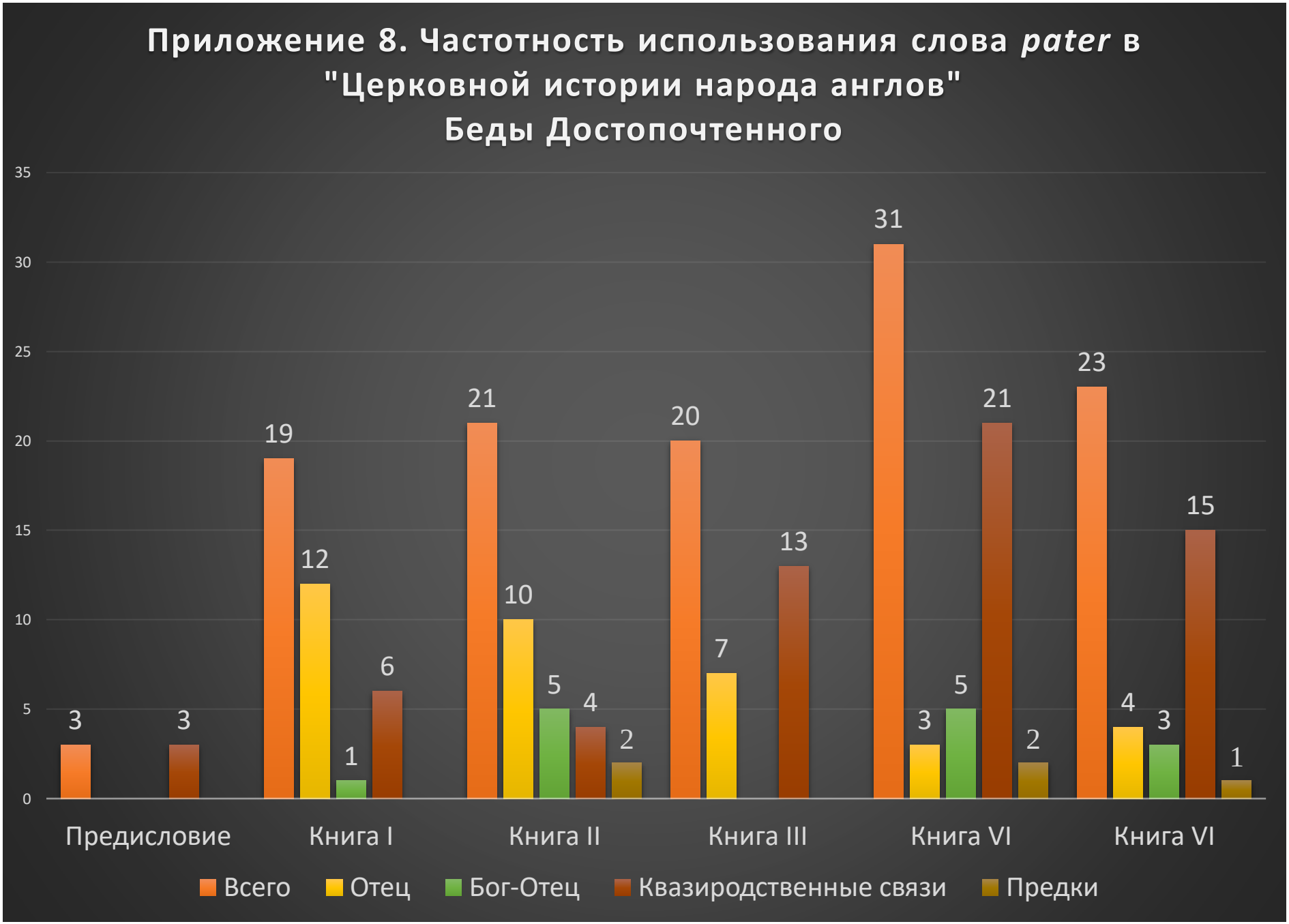

Приложение 3. Частотность использования слова *parens* в "Истории франков" Григория Турского
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
2 2
7 7
10 2 7
1 1 4 2 2
7 3 4
6 1 5
5 1 4
16 6 10
10 3 6
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Родители
Родственники
Предки

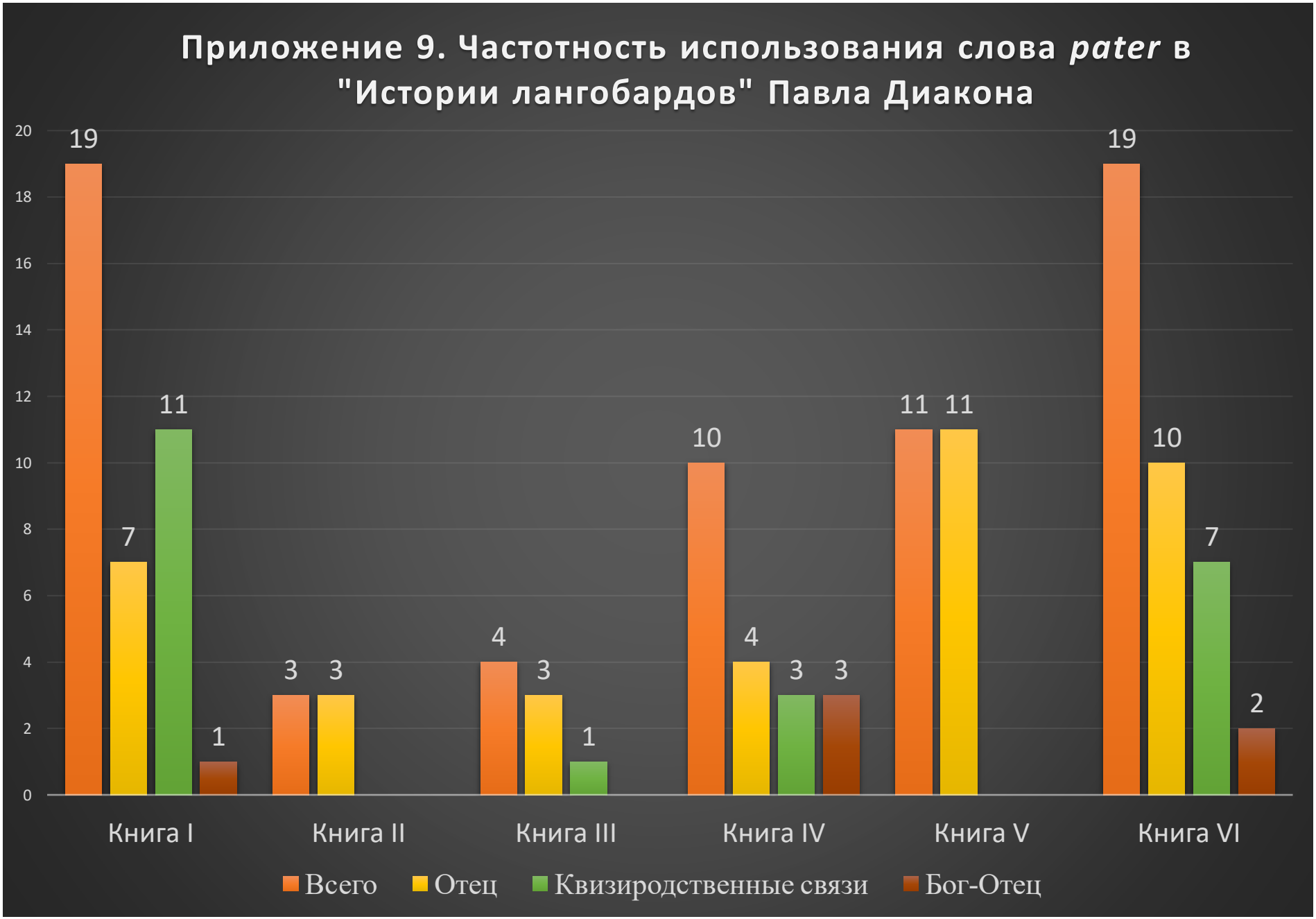

Приложение 4. Частотность использования слова *parens* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
7
6
5
4
3
2
1
0
6
5
1
3
1
1
1
1
1
1
1
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Родители
Предки
Отец


Приложение 5. Частотность использования слова parens
в "Истории лангобардов" Павла Диакона
2.5
2
1.5
1
0.5
0
2 2
1 1
1 1
1 1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Родители
Родственники
Предки

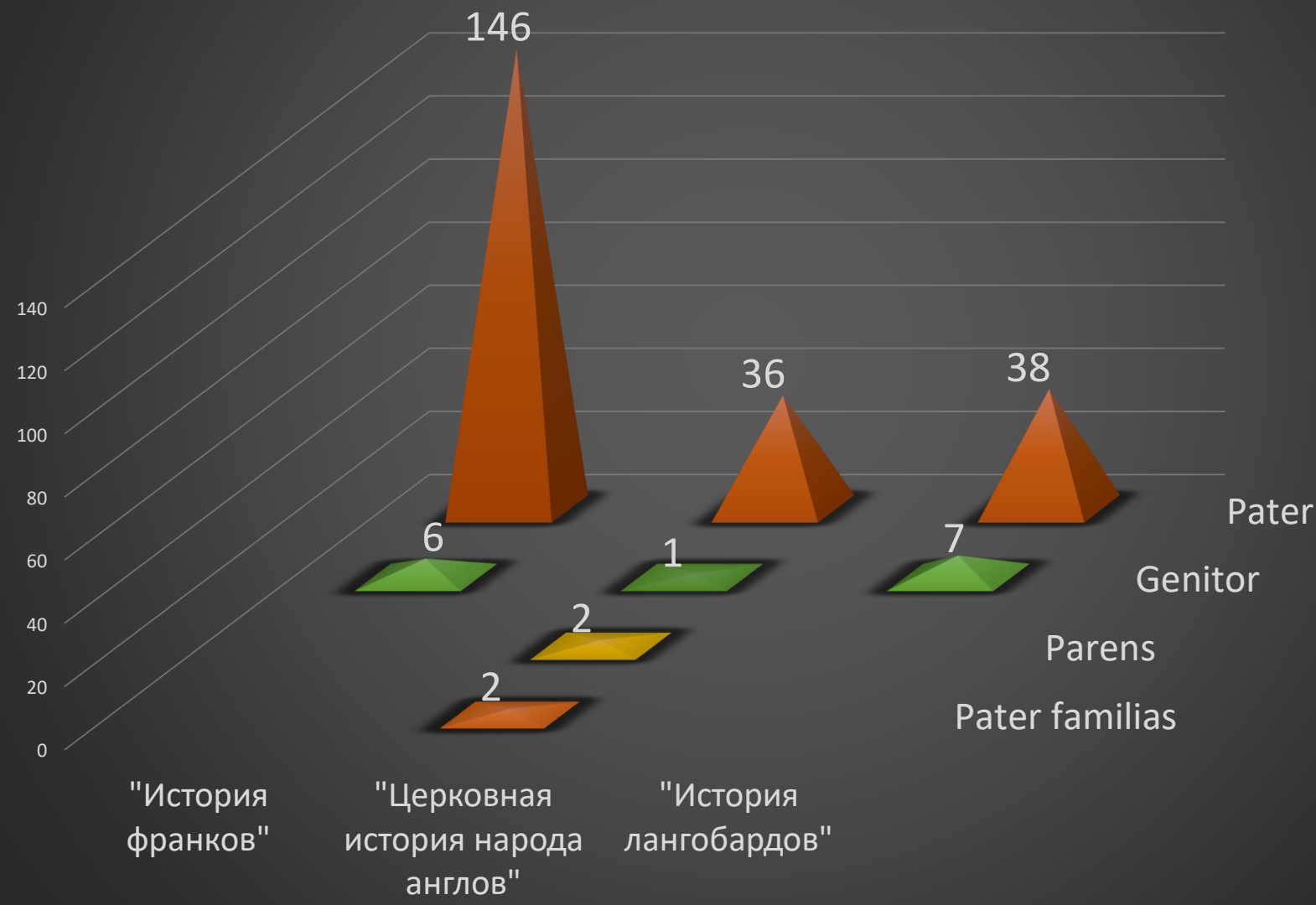
Приложение 6. Значения слова *pater*
300
250
200
150
100
50
0
146
90
12
36
3
251
14
62
38
5
117
22
6
66
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"
Отец
Бог-Отец, Иисус Христос
Квазиродственные связи
Предки
Всего

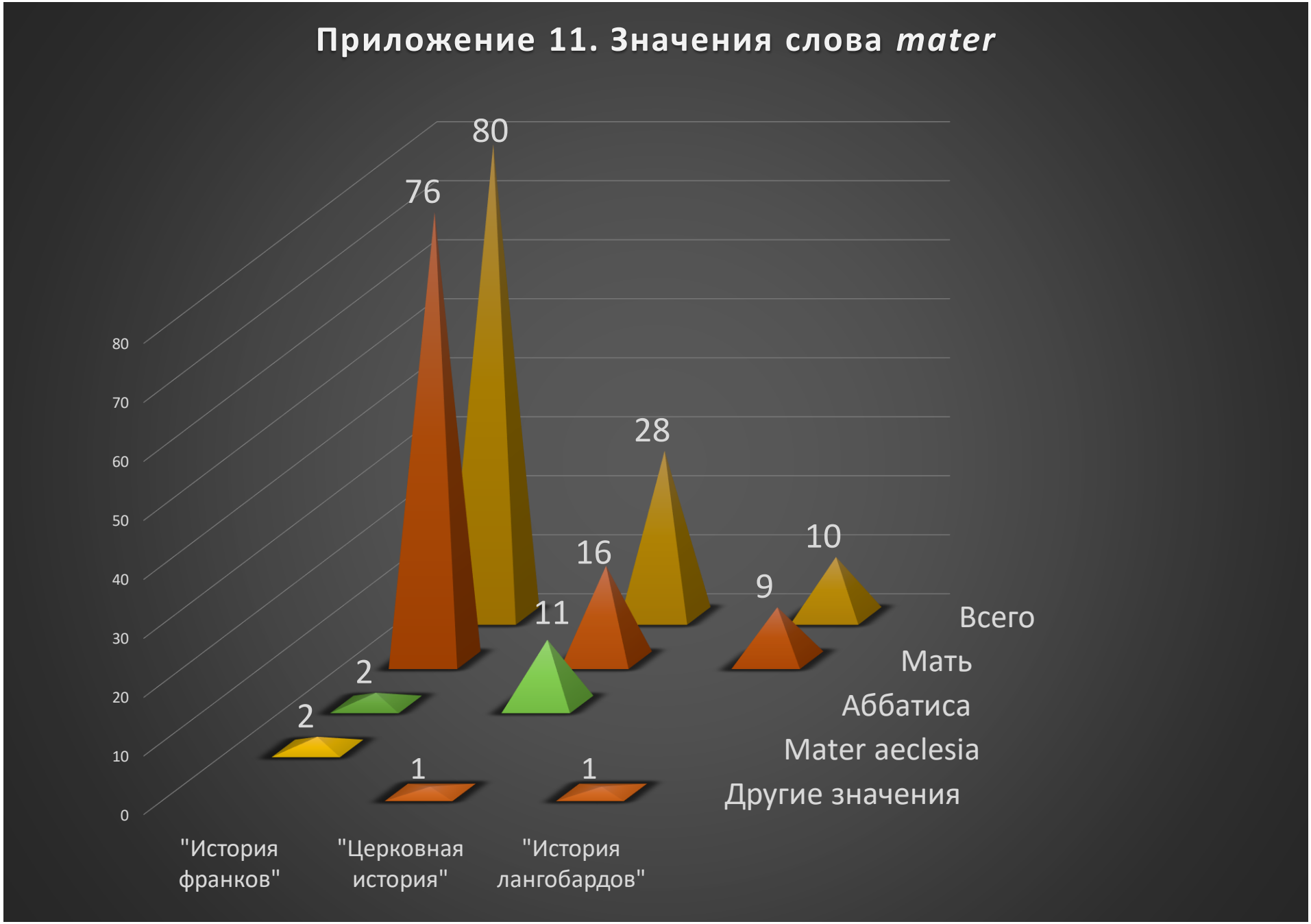

Приложение 7. Частотность использования слова *pater* в "Истории франков" Григория Турского
60
50
40
30
20
10
0
22
6
14
2
32
17
13
2
14
12
1
1
31
30
1
59
31
28
39
12
26
1
17
15
1
7
6
1
21
10
5
6
9
7
1
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Отец
Бог-Отец
Квазиродственные связи
Предки

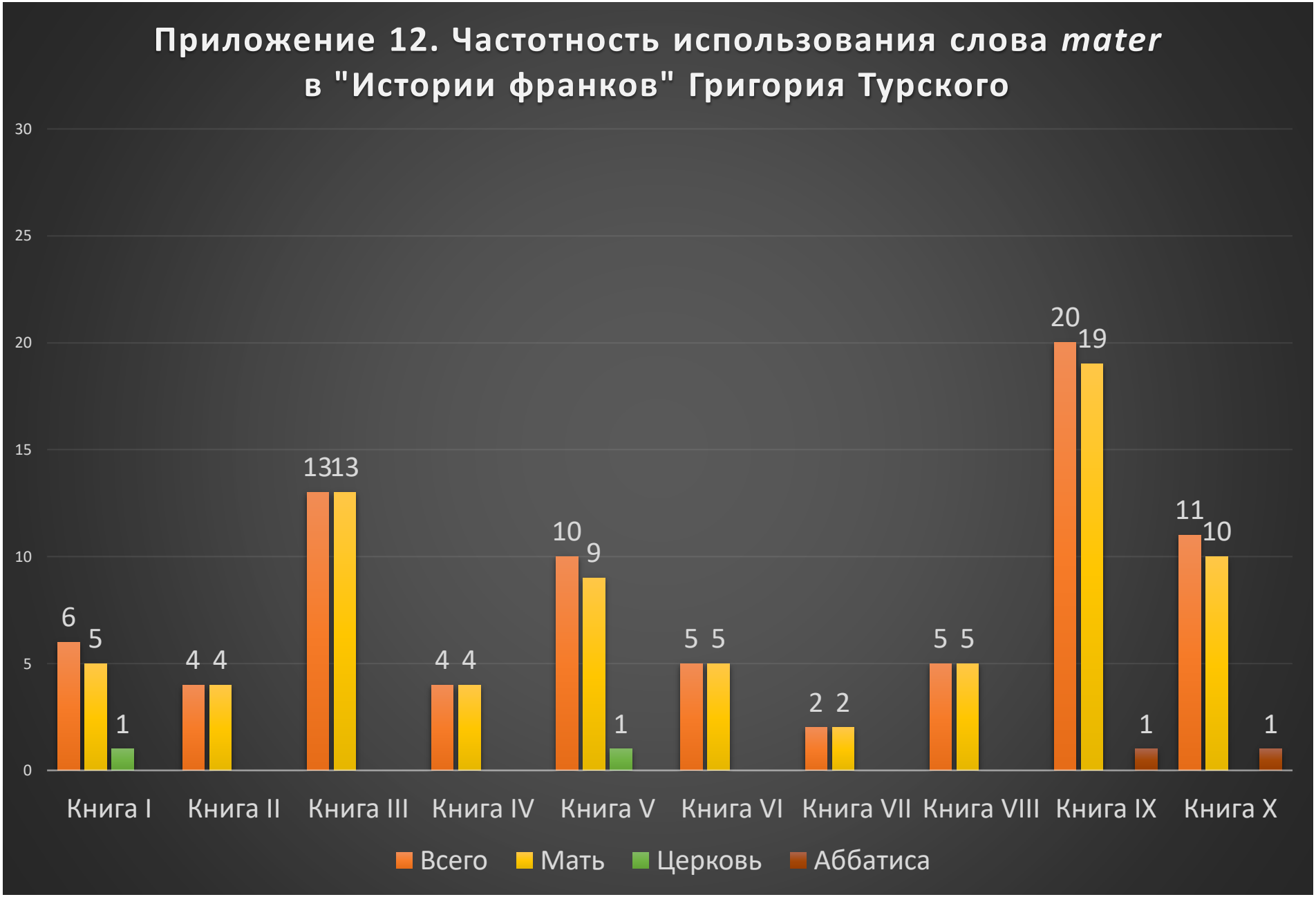

Приложение 8. Частотность использования слова *pater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
35
30
25
20
15
10
5
0
3
3
19
12
1
6
21
10
5
4
2
20
7
13
31
3
5
21
2
23
4
3
15
1
Предисловие
Книга I
Книга II
Книга III
Книга VI
Книга VI
Всего
Отец
Бог-Отец
Квазиродственные связи
Предки

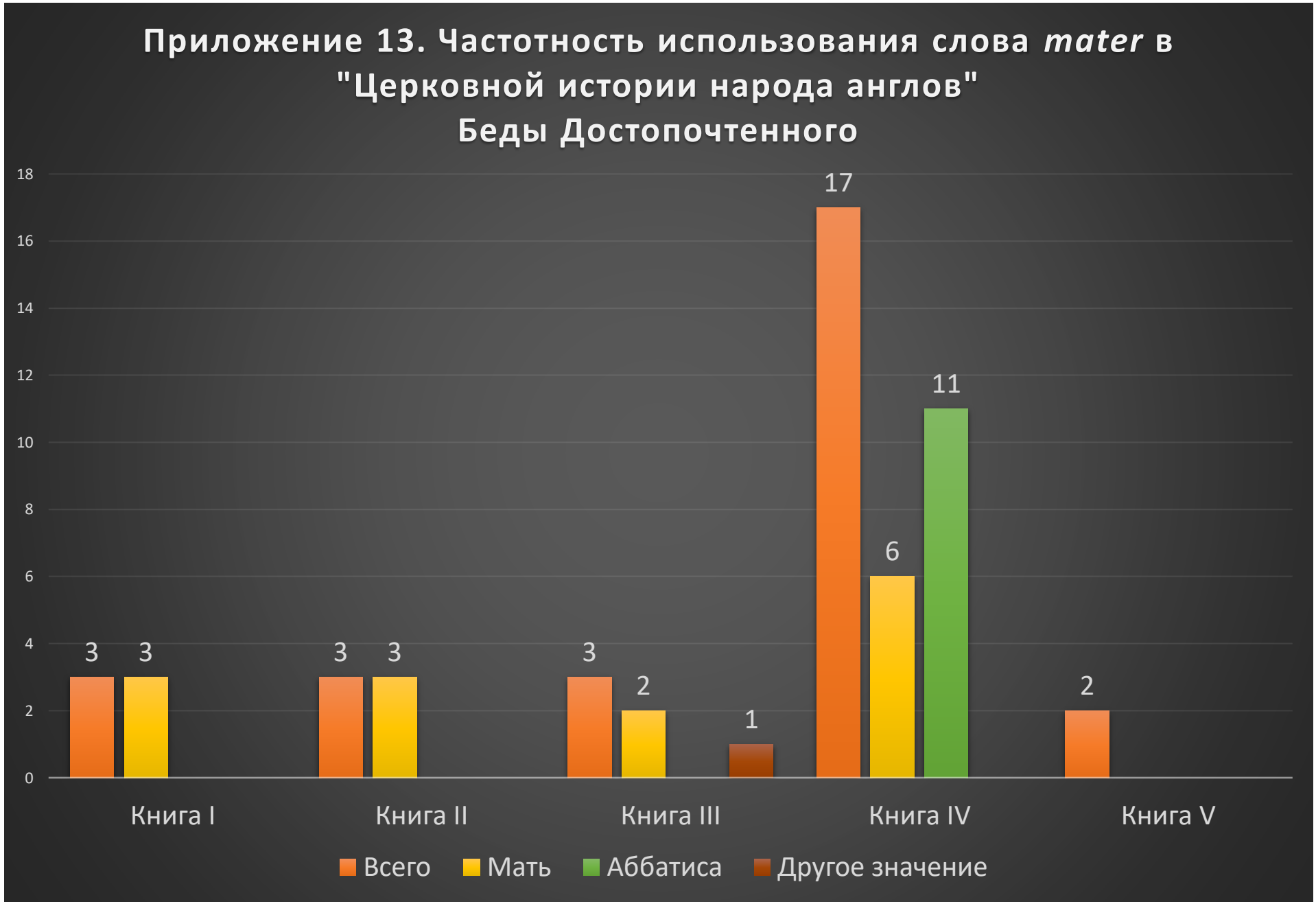

Приложение 9. Частотность использования слова *pater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона
20
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
19
7
11
1
3
3
4
3
1
10
4
3
3
11
11
19
10
7
2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Отец
Квизиродственные связи
Бог-Отец

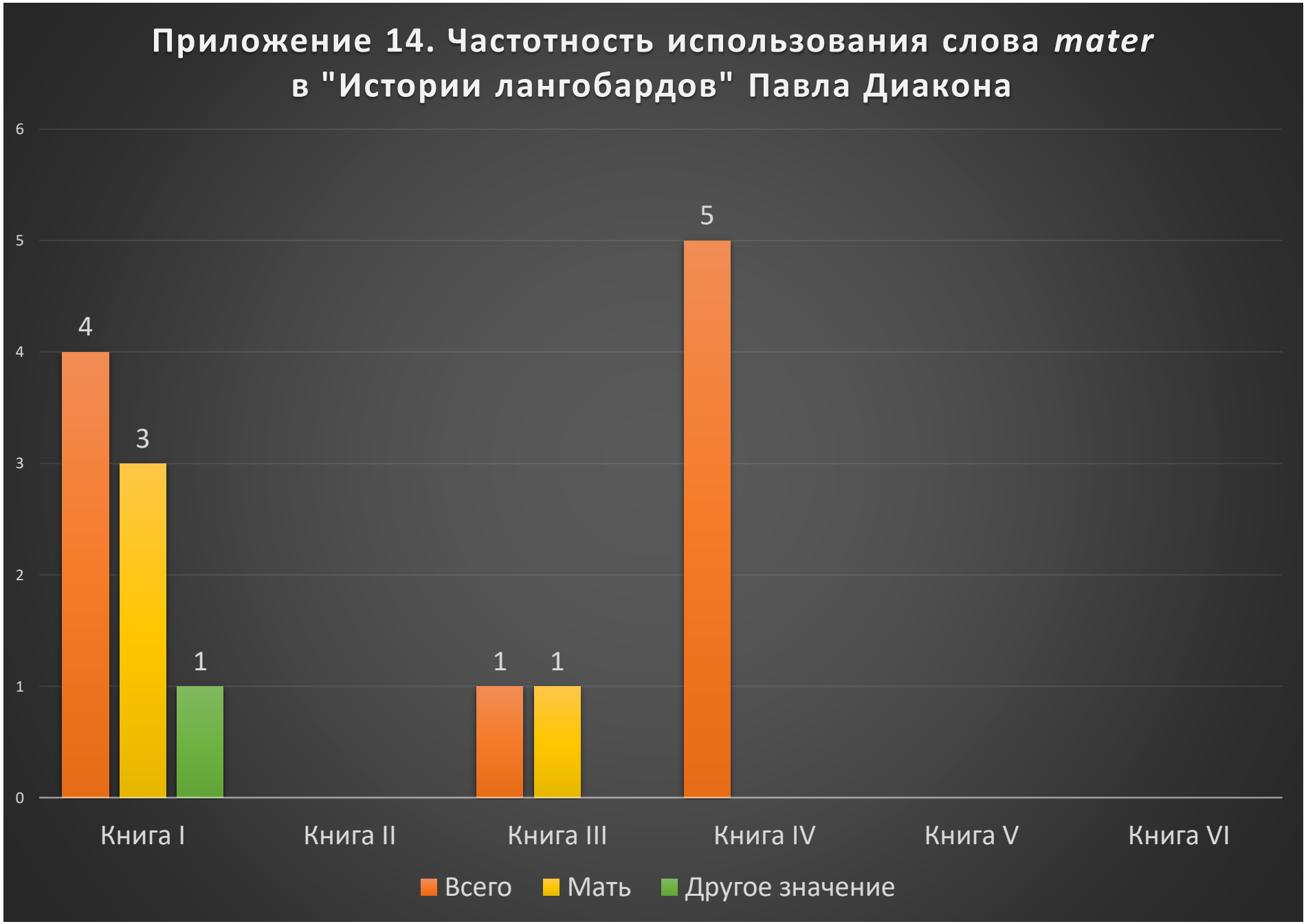
Приложение 10. Соотношение количества случаев использования слов, обозначающих степень родства *отец*

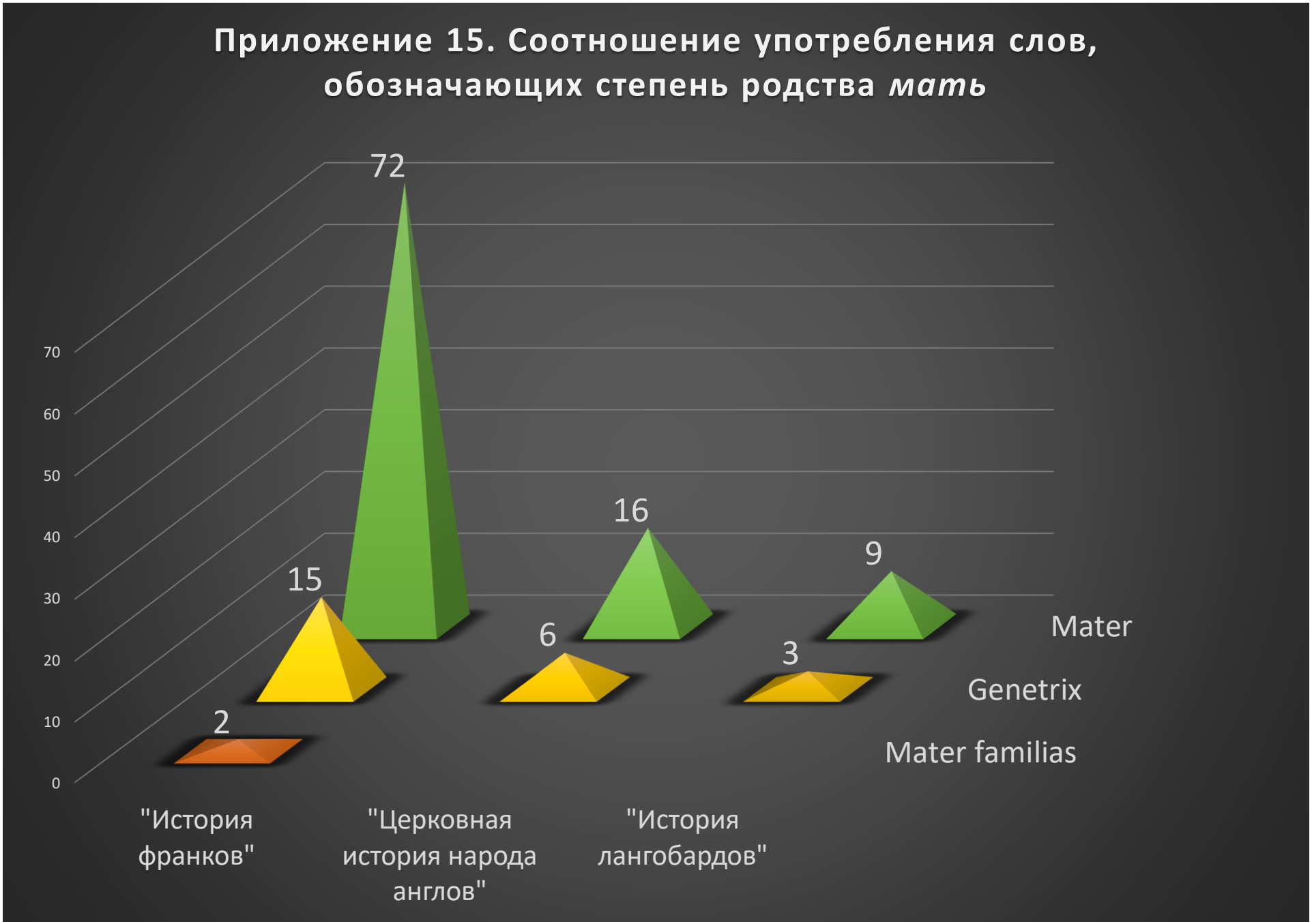



Приложение 11. Значения слова *mater*
80
76
28
16
10
11
9
2
2
1
1
0
10
20
30
40
50
60
70
80
"История франков"
"Церковная история"
"История лангобардов"
Всего
Мать
Аббатиса
Mater aeclesia
Другие значения

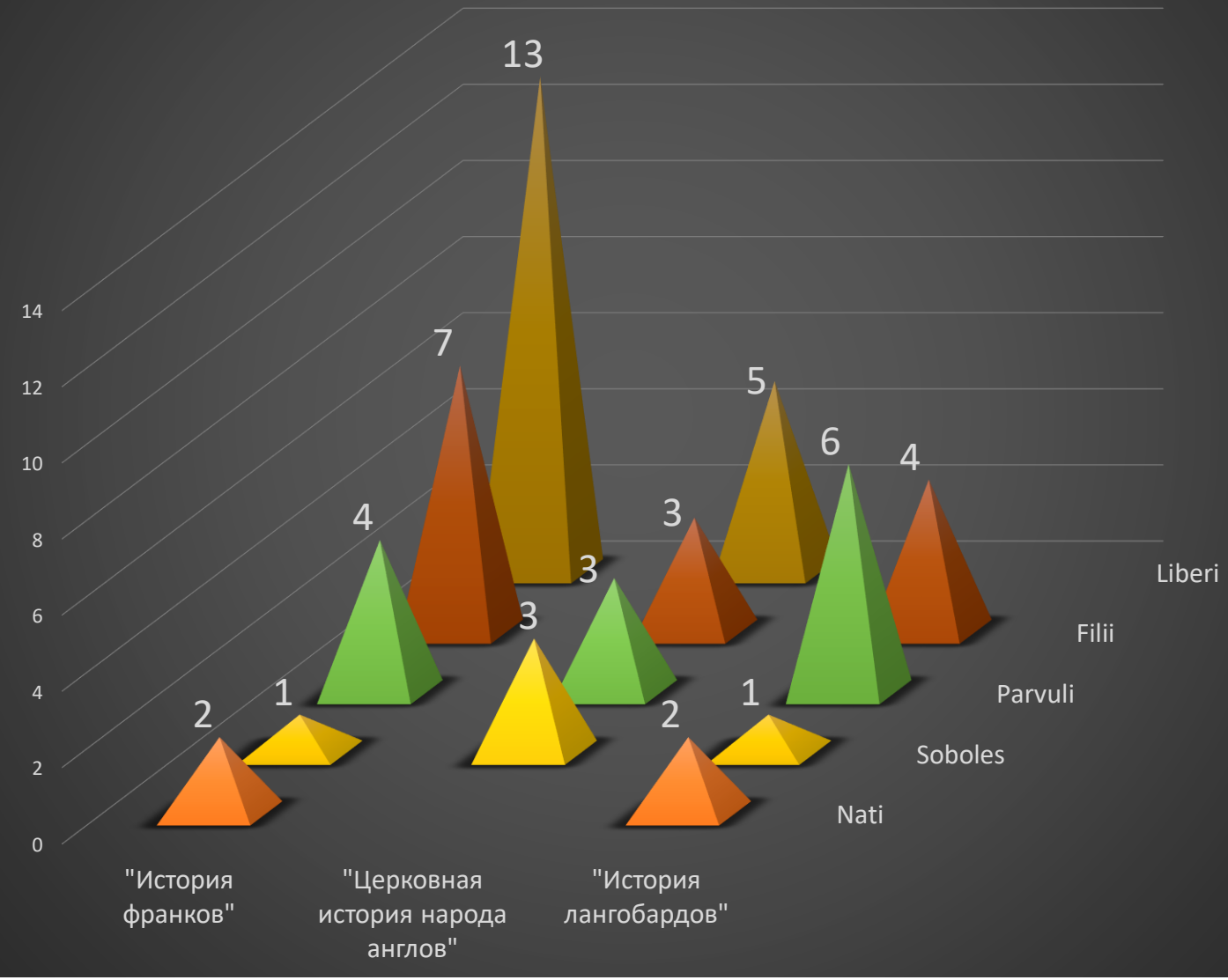

Приложение 12. Частотность использования слова *mater* в "Истории франков" Григория Турского
30
25
20
15
10
5
0
6
5
1
4 4
1313
4 4
10
9
1
5 5
2 2
5 5
20
19
1
11
10
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Мать
Церковь
Аббатиса

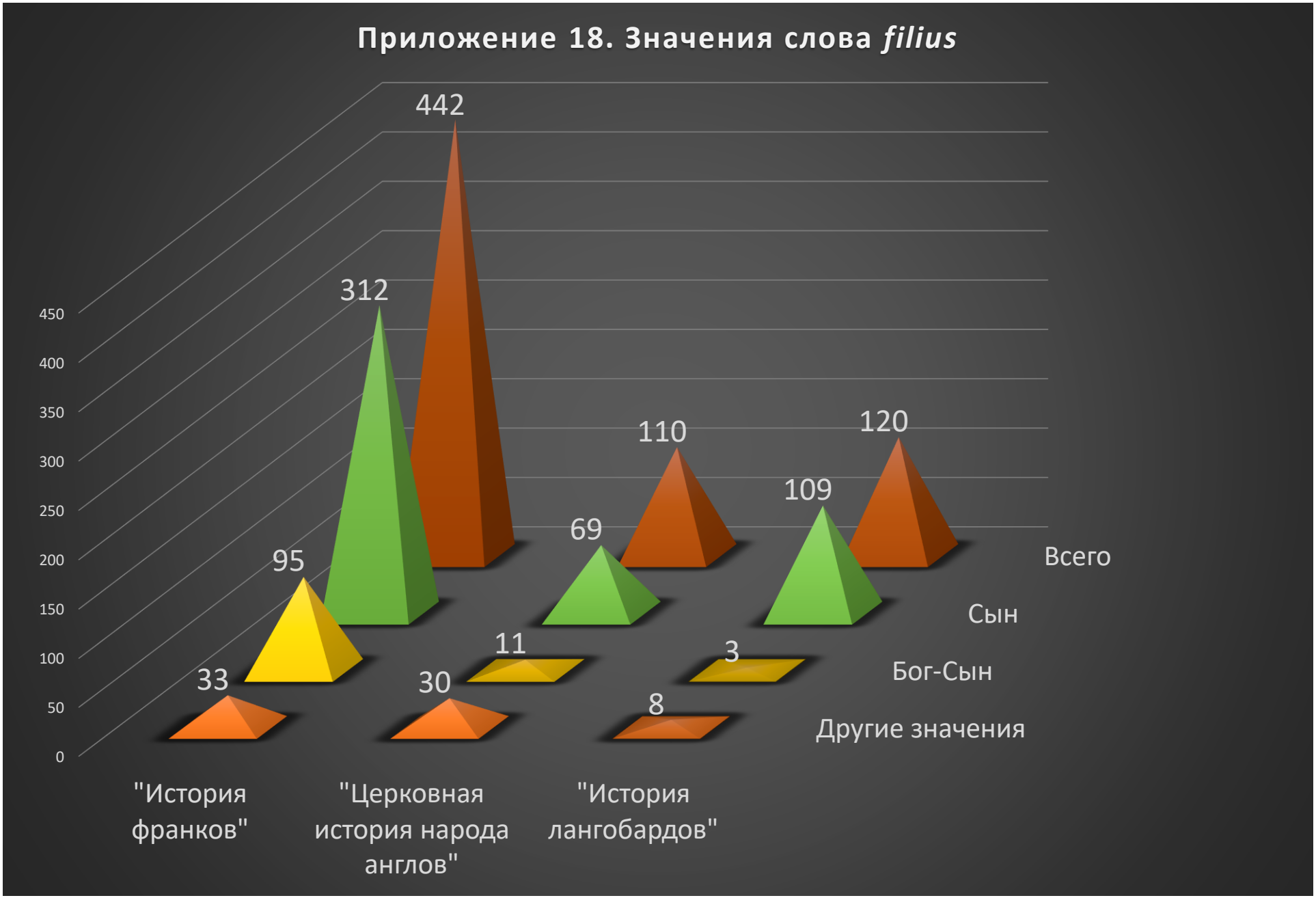

Приложение 13. Частотность использования слова *mater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
3
3
3
3
3
2
1
17
6
11
2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Мать
Аббатиса
Другое значение

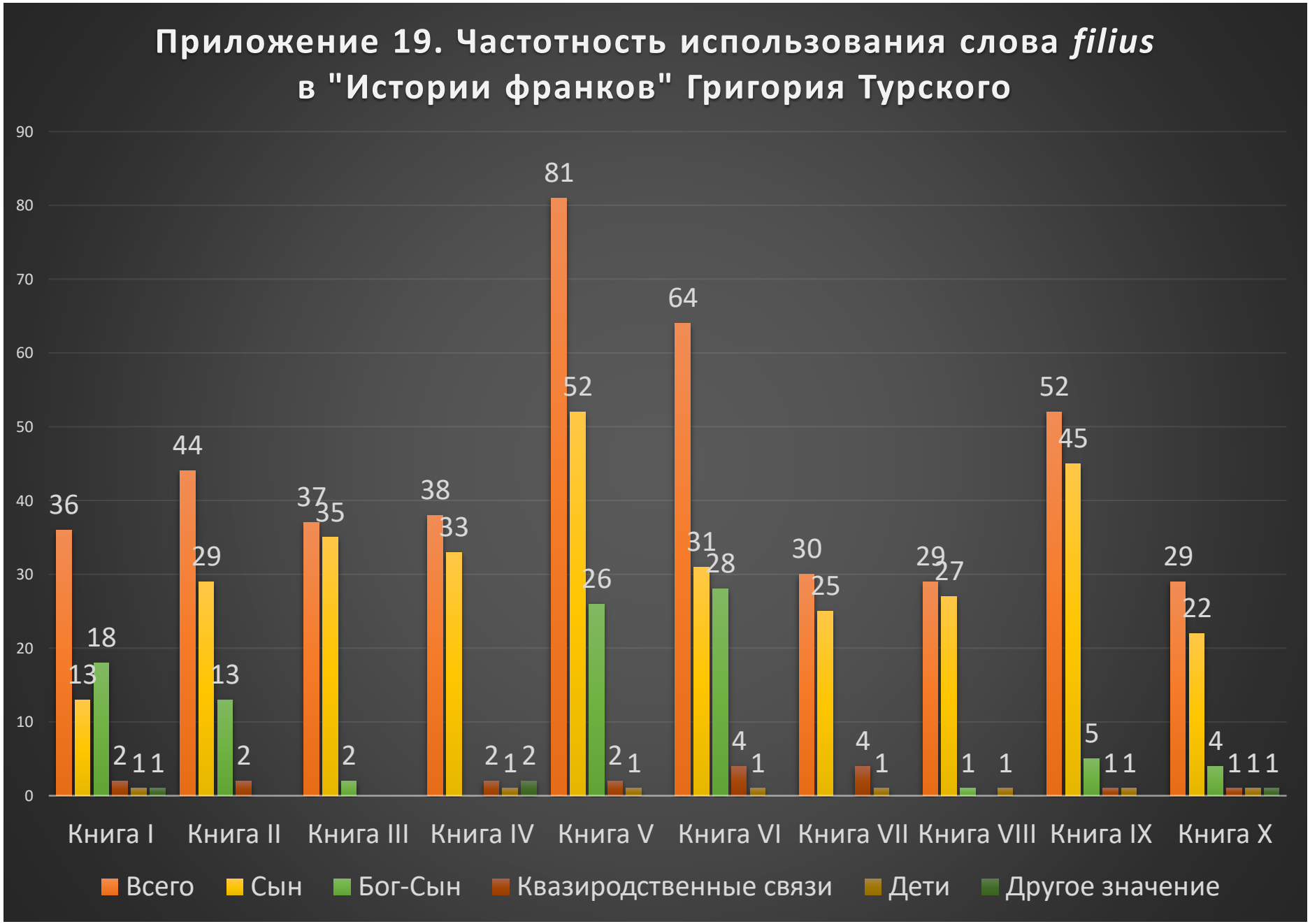

Приложение 14. Частотность использования слова *mater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона
6
5
4
3
2
1
0
4
3
1
1
1
5
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Мать
Другое значение

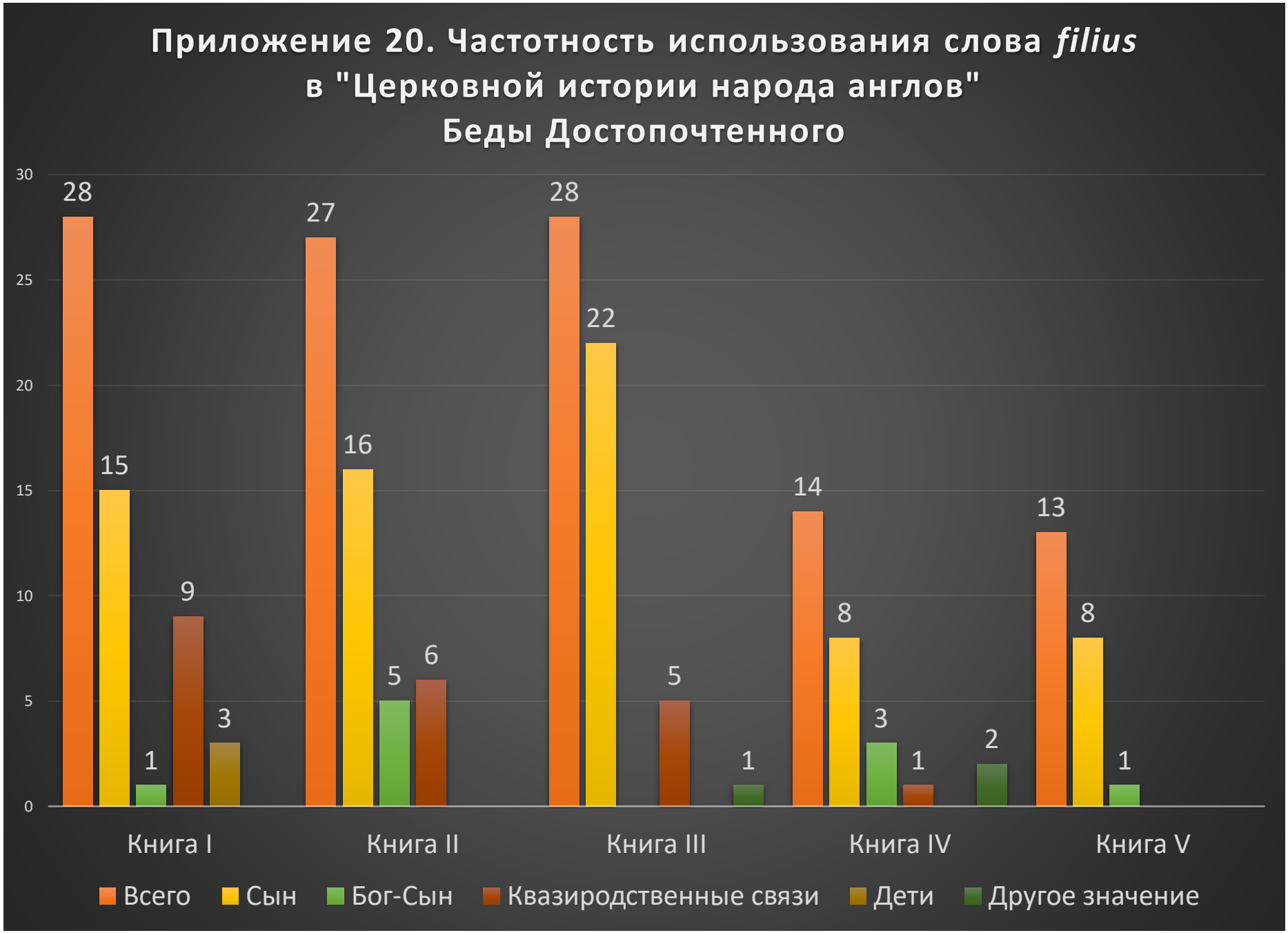

Приложение 15. Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *мать*
72
16
9
15
6
3
2
0
10
20
30
40
50
60
70
Mater
Genetrix
Mater familias
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"

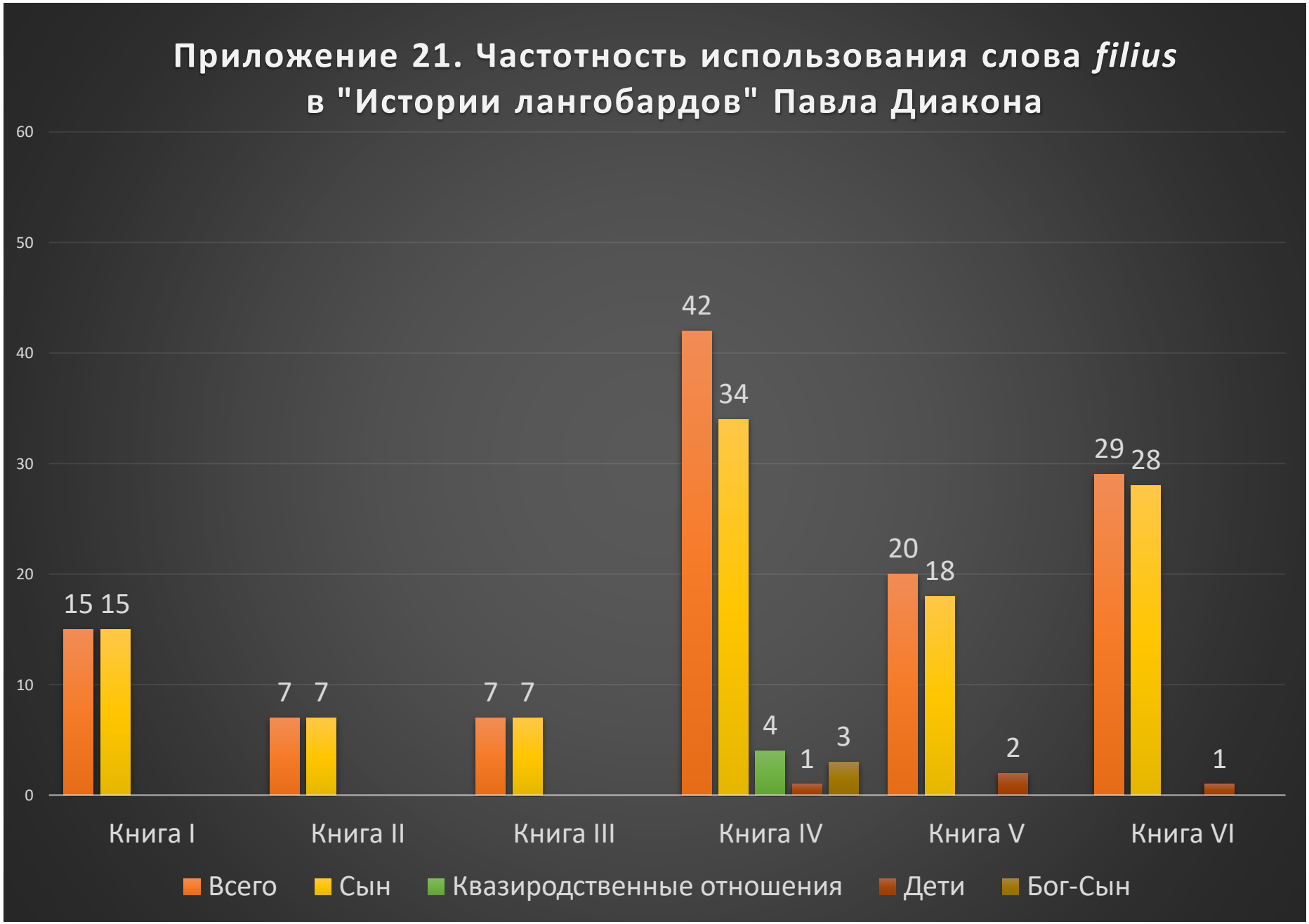
Приложение 16. Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *дети*

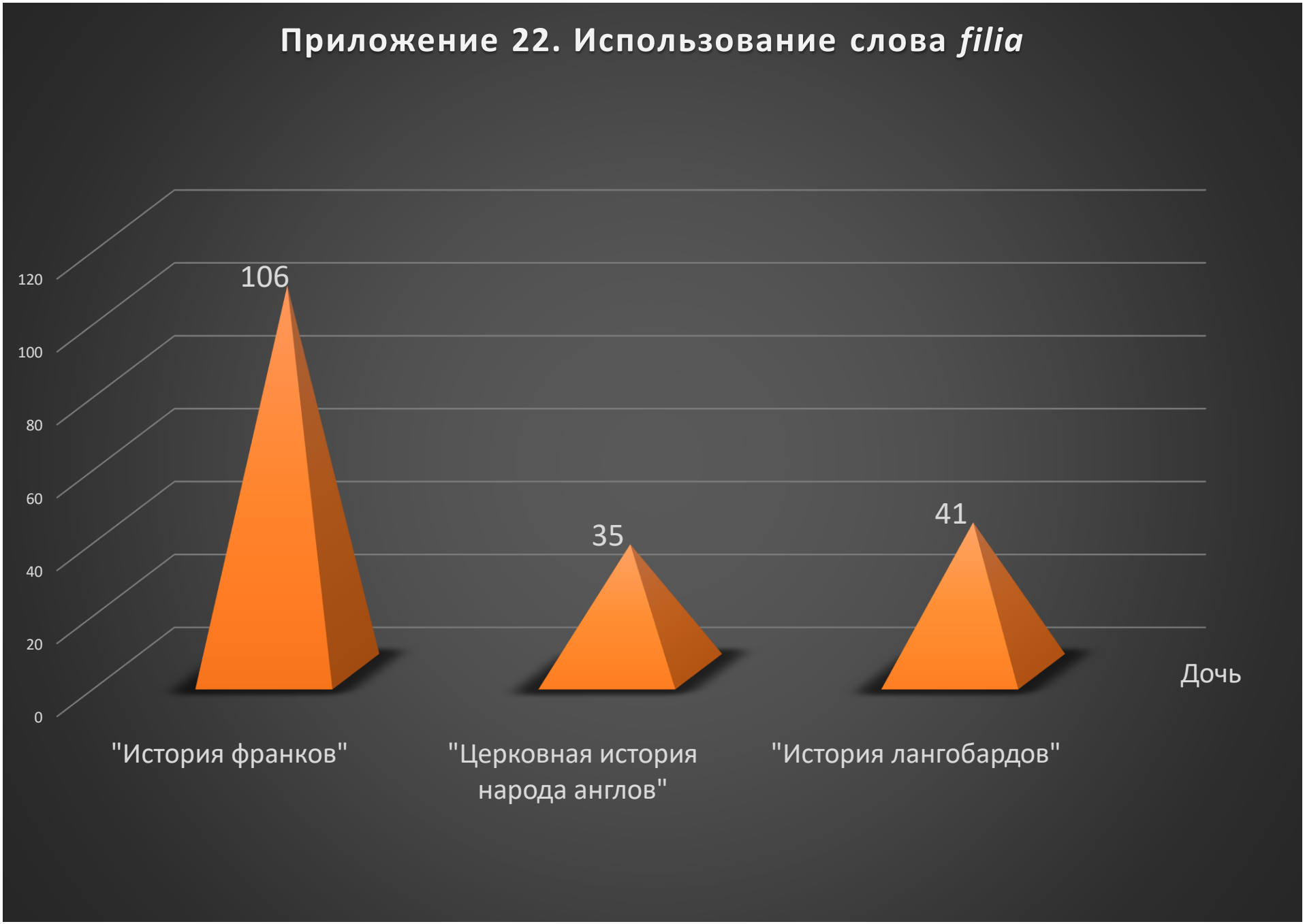


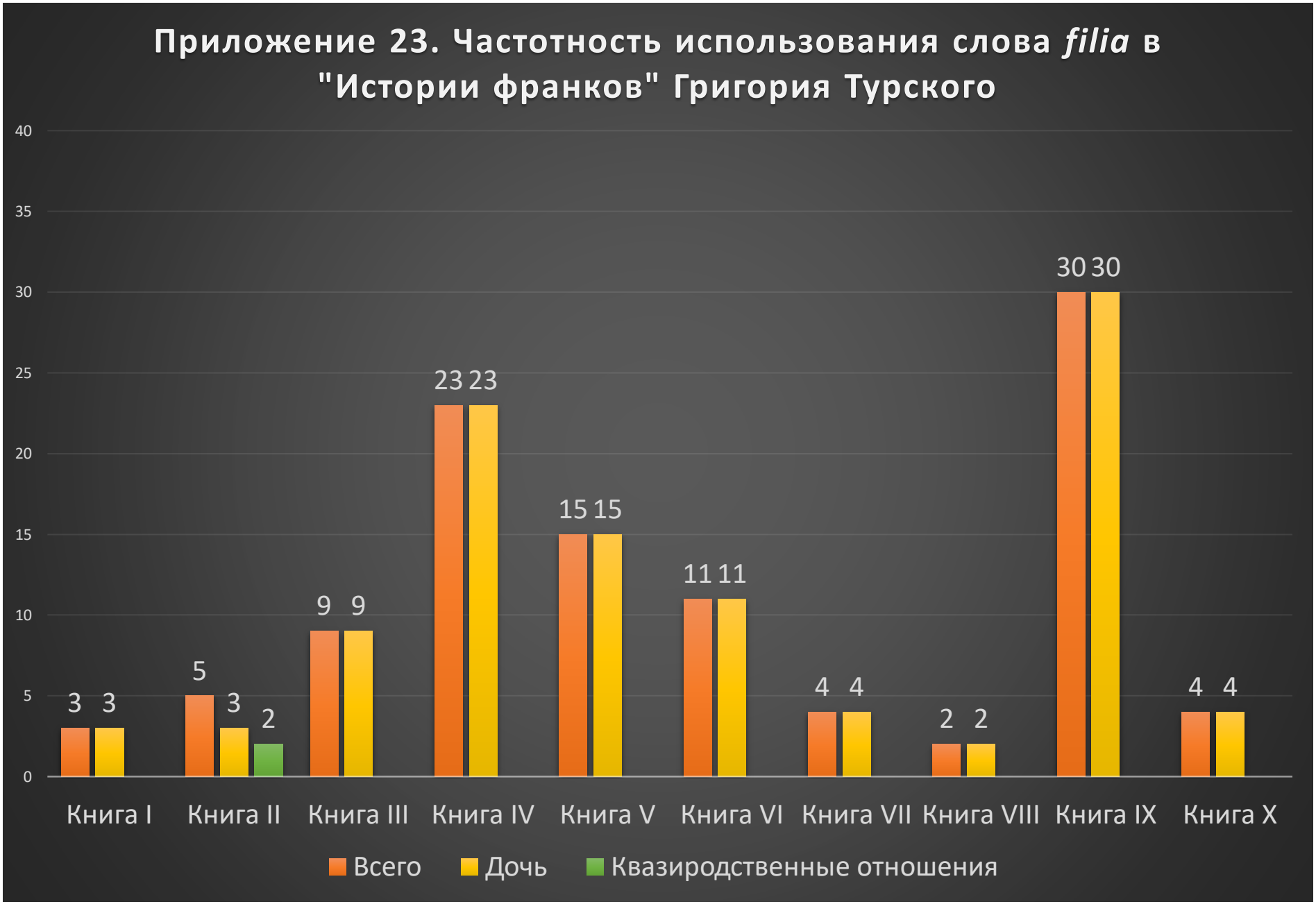

Приложение 18. Значения слова *filius*
450
400
350
300
250
200
150
100
50
0
442
312
110
120
109
69
95
33
11
30
3
8
Всего
Сын
Бог-Сын
Другие значения
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"

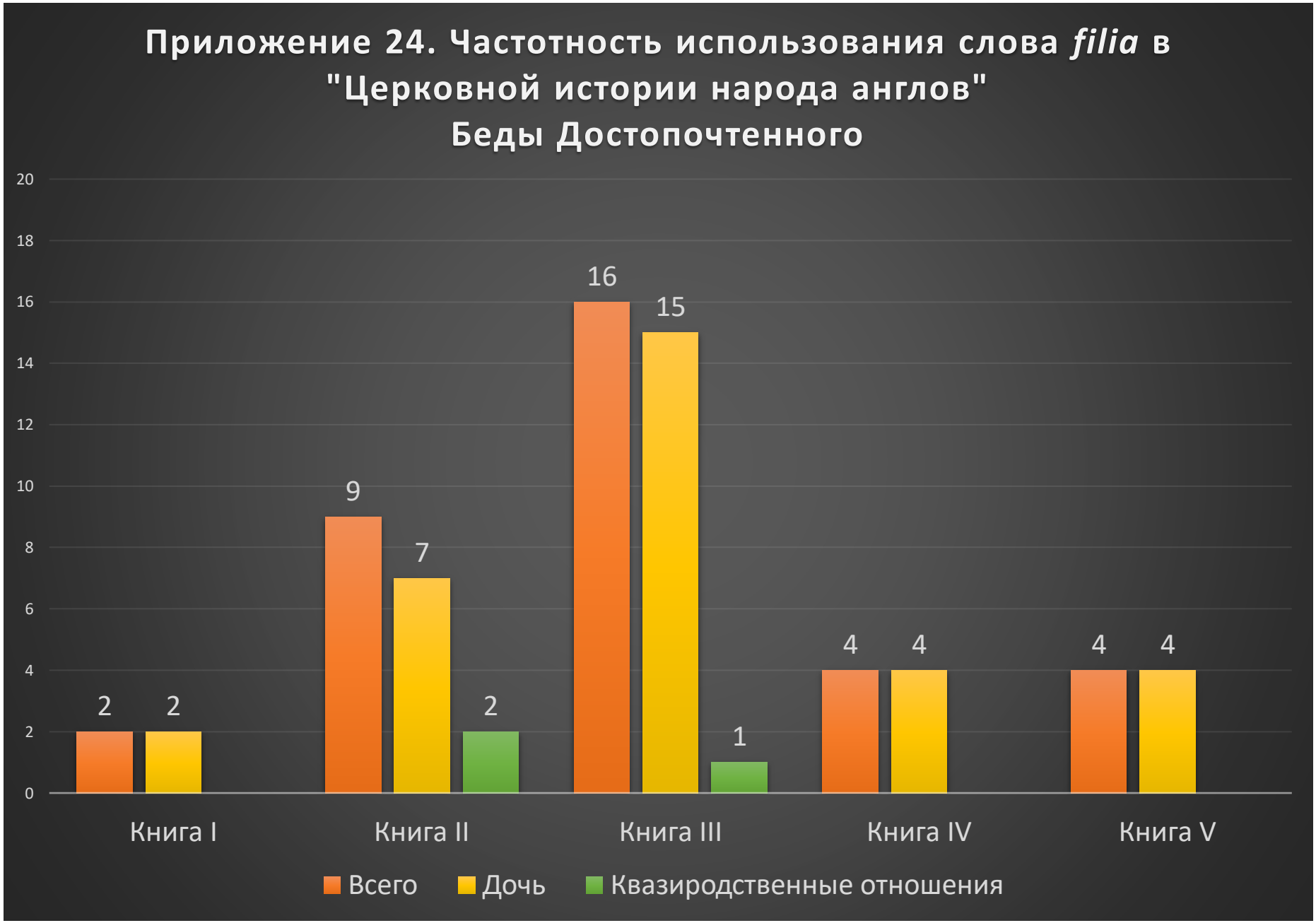

Приложение 19. Частотность использования слова *filius* в "Истории франков" Григория Турского
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
36
13
18
2
1
1
44
29
13
2
37
35
2
38
33
2
1
2
81
52
26
2
1
64
31
28
4
1
30
25
4
1
29
27
1
1
52
45
5
1
1
29
22
4
1
1
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Сын
Бог-Сын
Квазиродственные связи
Дети
Другое значение

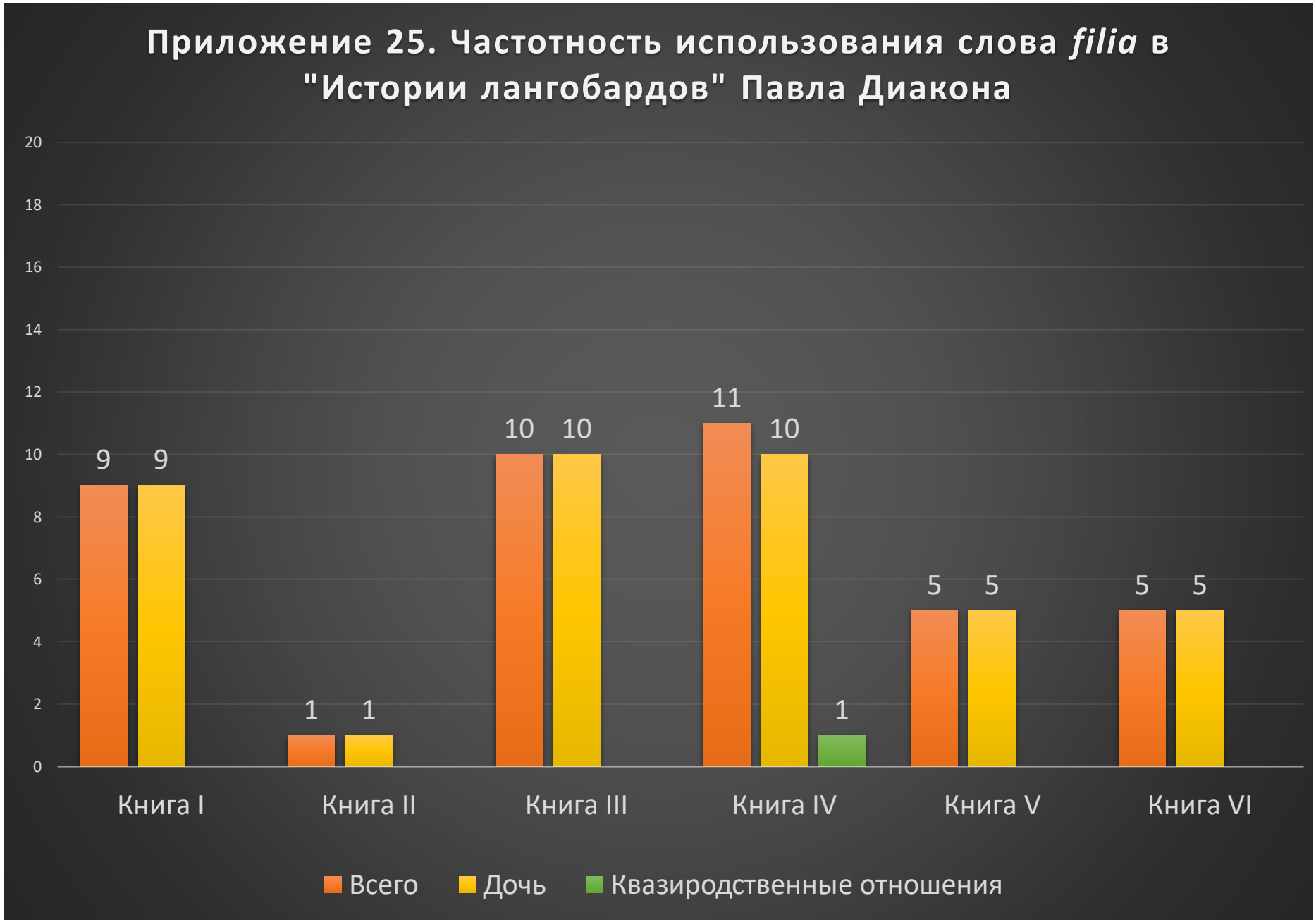

Приложение 20. Частотность использования слова *filius* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
30
25
20
15
10
5
0
28
15
1
9
3
27
16
5
6
28
22
5
1
14
8
3
1
2
13
8
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Сын
Бог-Сын
Квазиродственные связи
Дети
Другое значение


Приложение 21. Частотность использования слова *filius* в "Истории лангобардов" Павла Диакона
60
50
40
30
20
10
0
15 15
7 7
7 7
42
34
4
1
3
20
18
2
29
28
1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Сын
Квазиродственные отношения
Дети
Бог-Сын

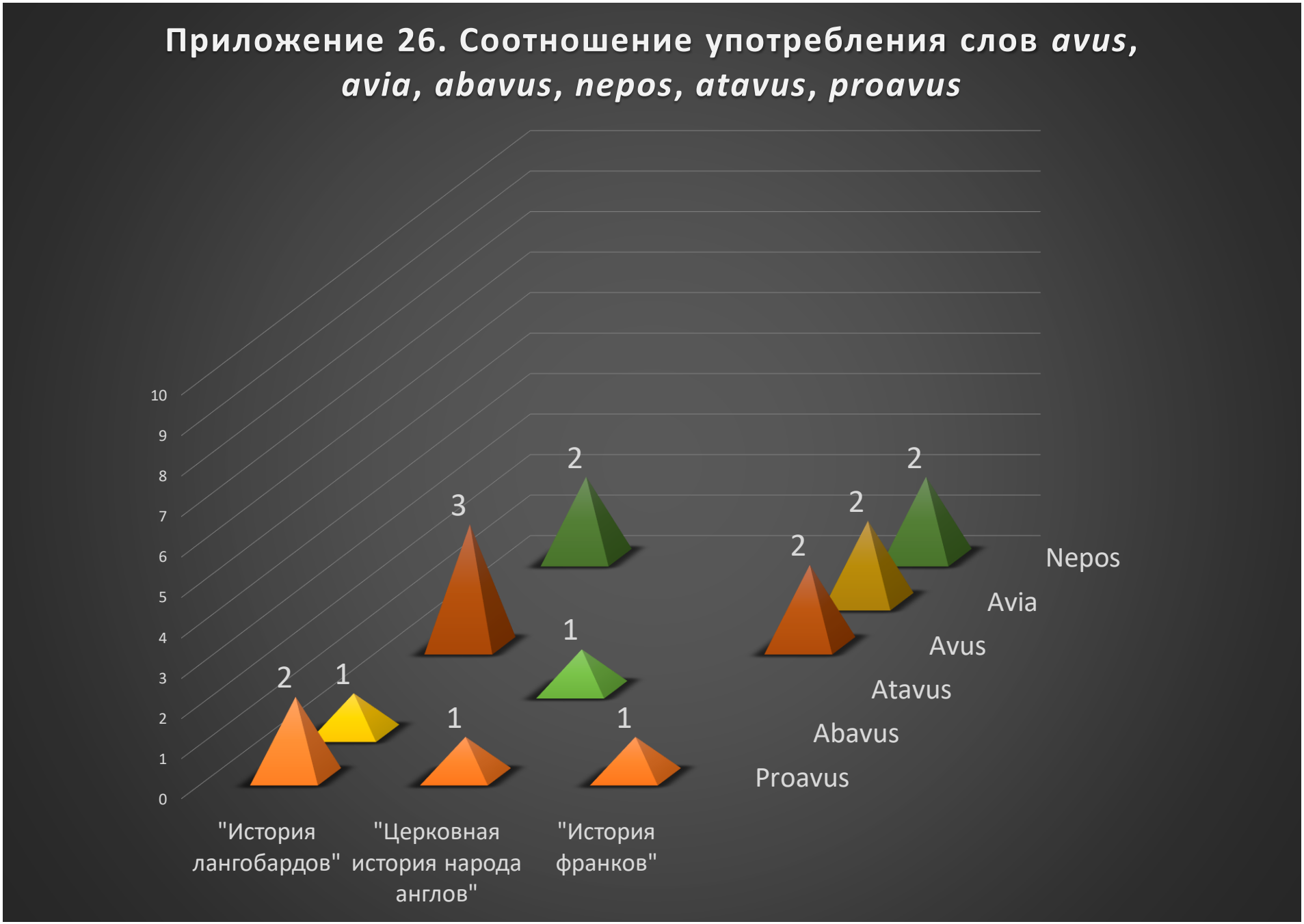

Приложение 22. Использование слова *filia*
120
100
80
60
40
20
0
106
35
41
Дочь
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"


Приложение 23. Частотность использования слова *filia* в "Истории франков" Григория Турского
40
35
30
25
20
15
10
5
0
3 3
5 3 2
9 9
23 23
15 15
11 11
4 4
2 2
30 30
4 4
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Дочь
Квазиродственные отношения

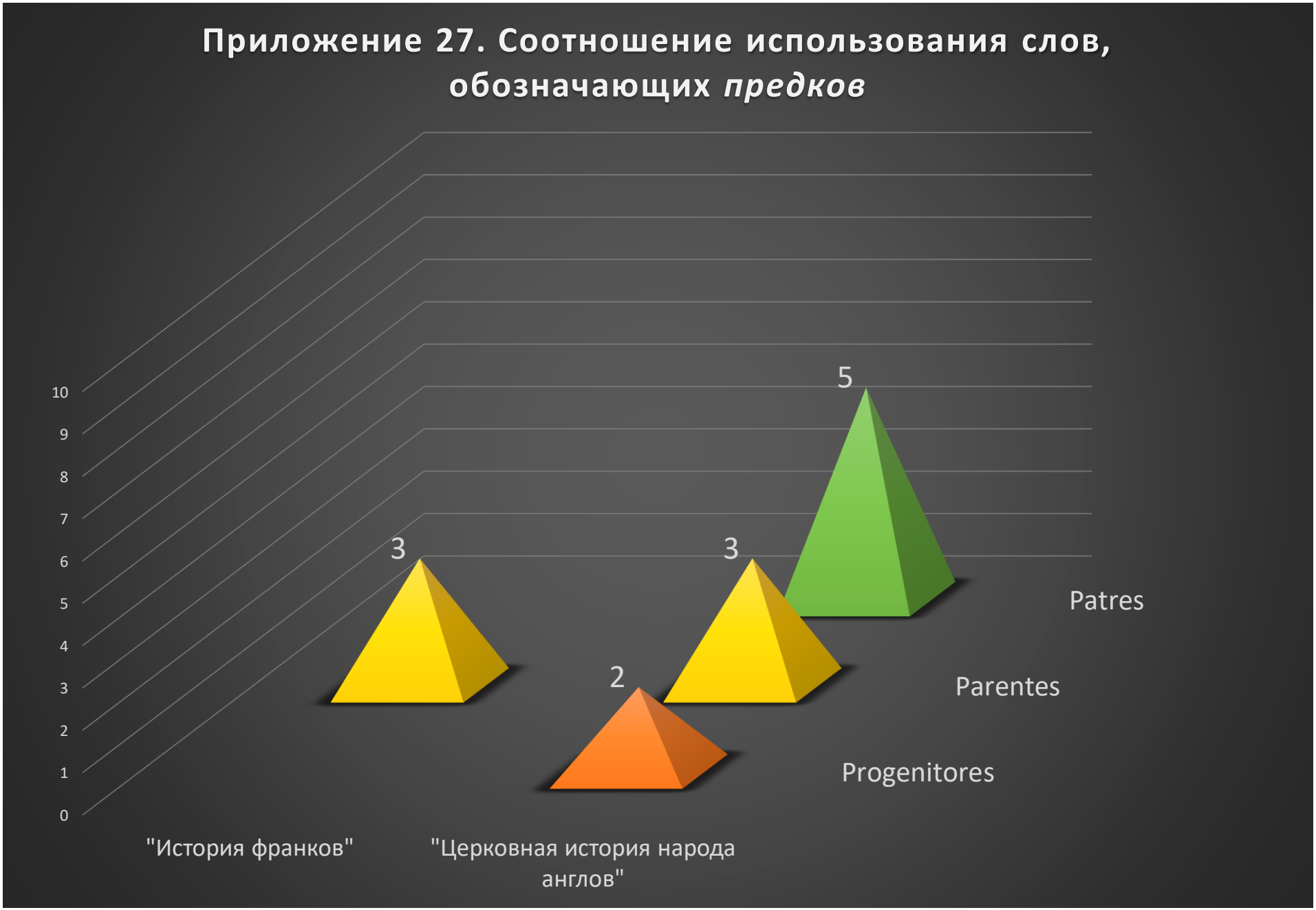

Приложение 24. Частотность использования слова *filia* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
20
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
2
2
9
7
2
16
15
1
4
4
4
4
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Дочь
Квазиродственные отношения

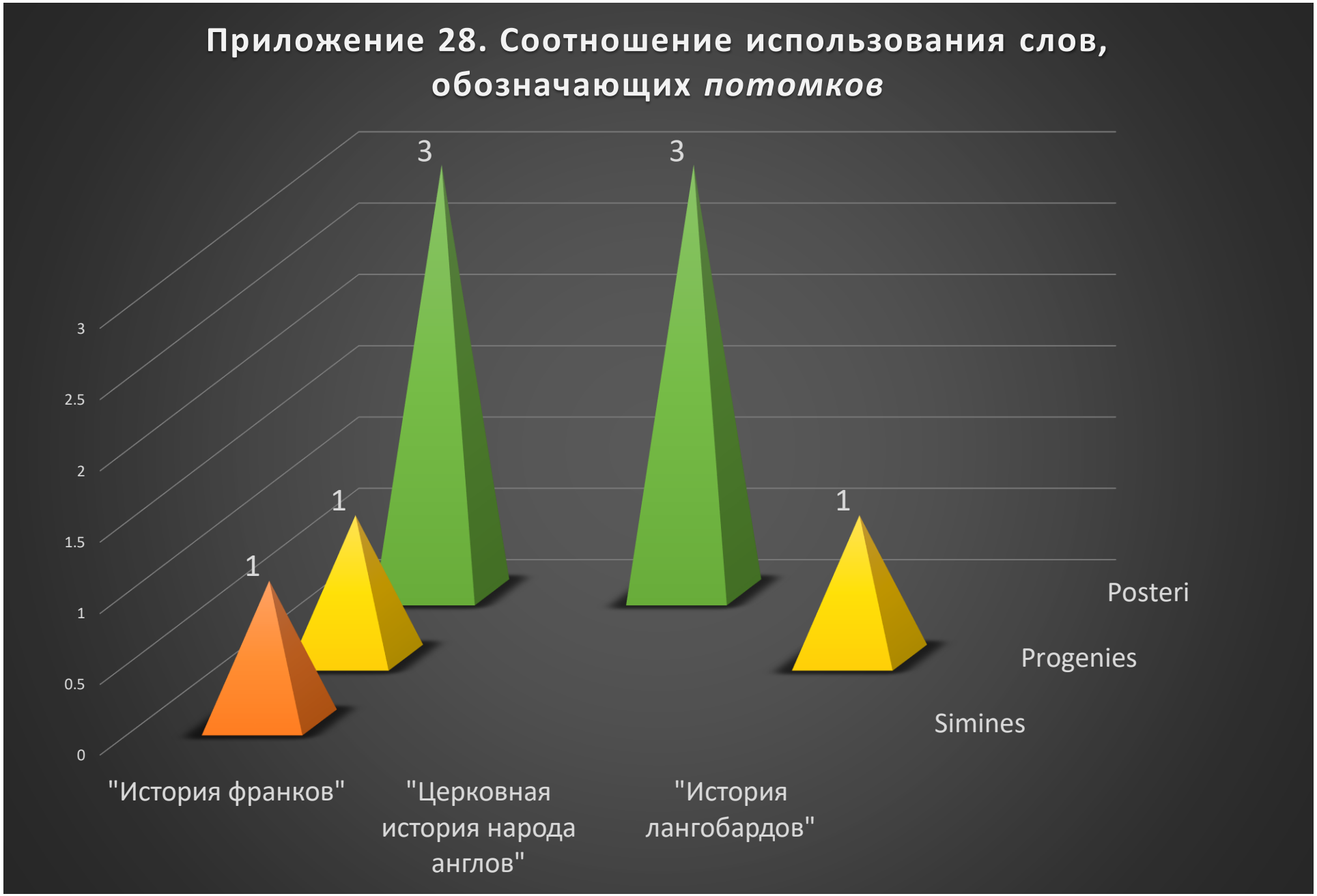

Приложение 25. Частотность использования слова *filia* в "Истории лангобардов" Павла Диакона
20
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
9 9
1 1
10 10
11 10 1
5 5
5 5
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Дочь
Квазиродственные отношения

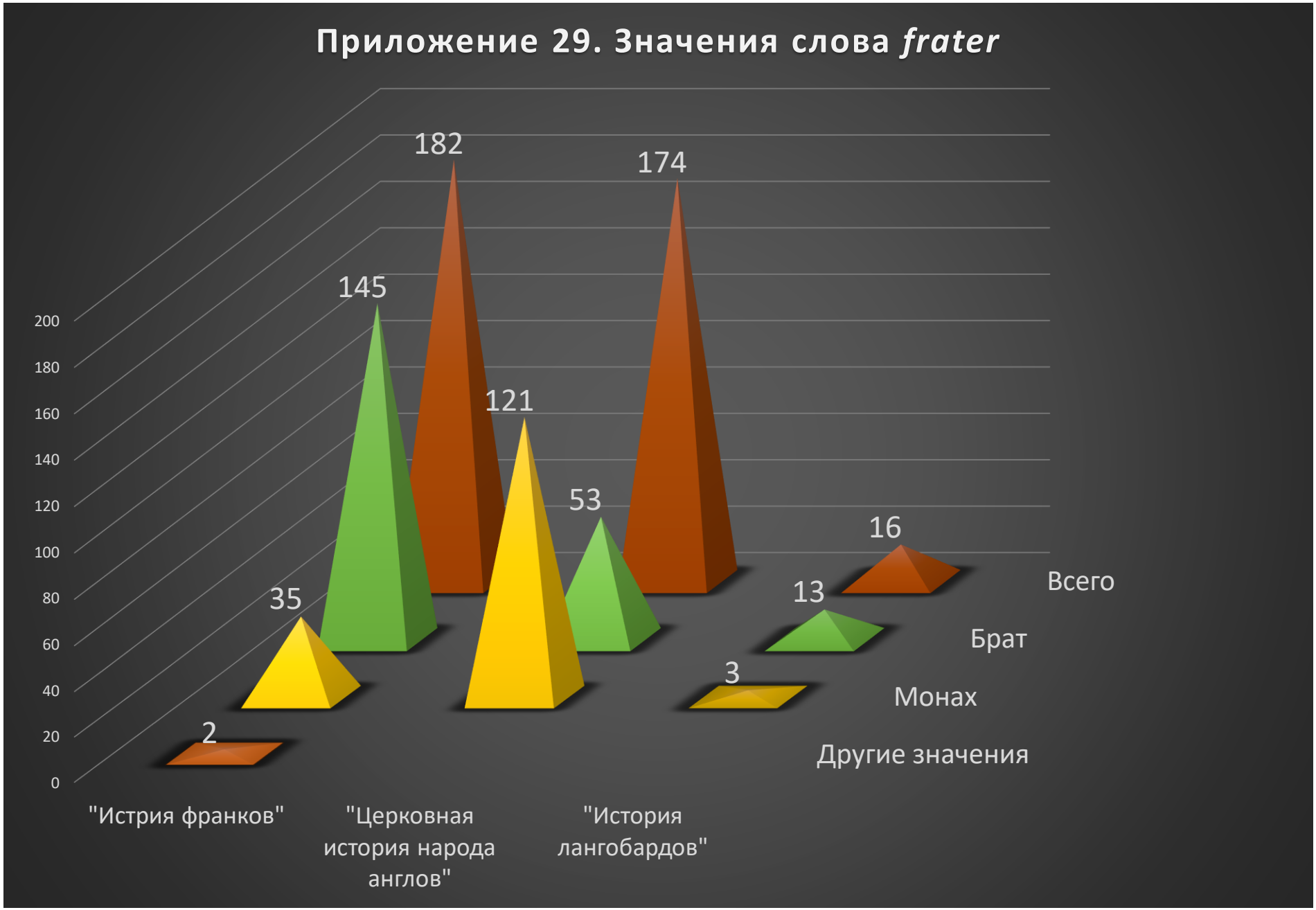
Приложение 26. Соотношение употребления слов *avus, avia, abavus, nepos, atavus, proavus*

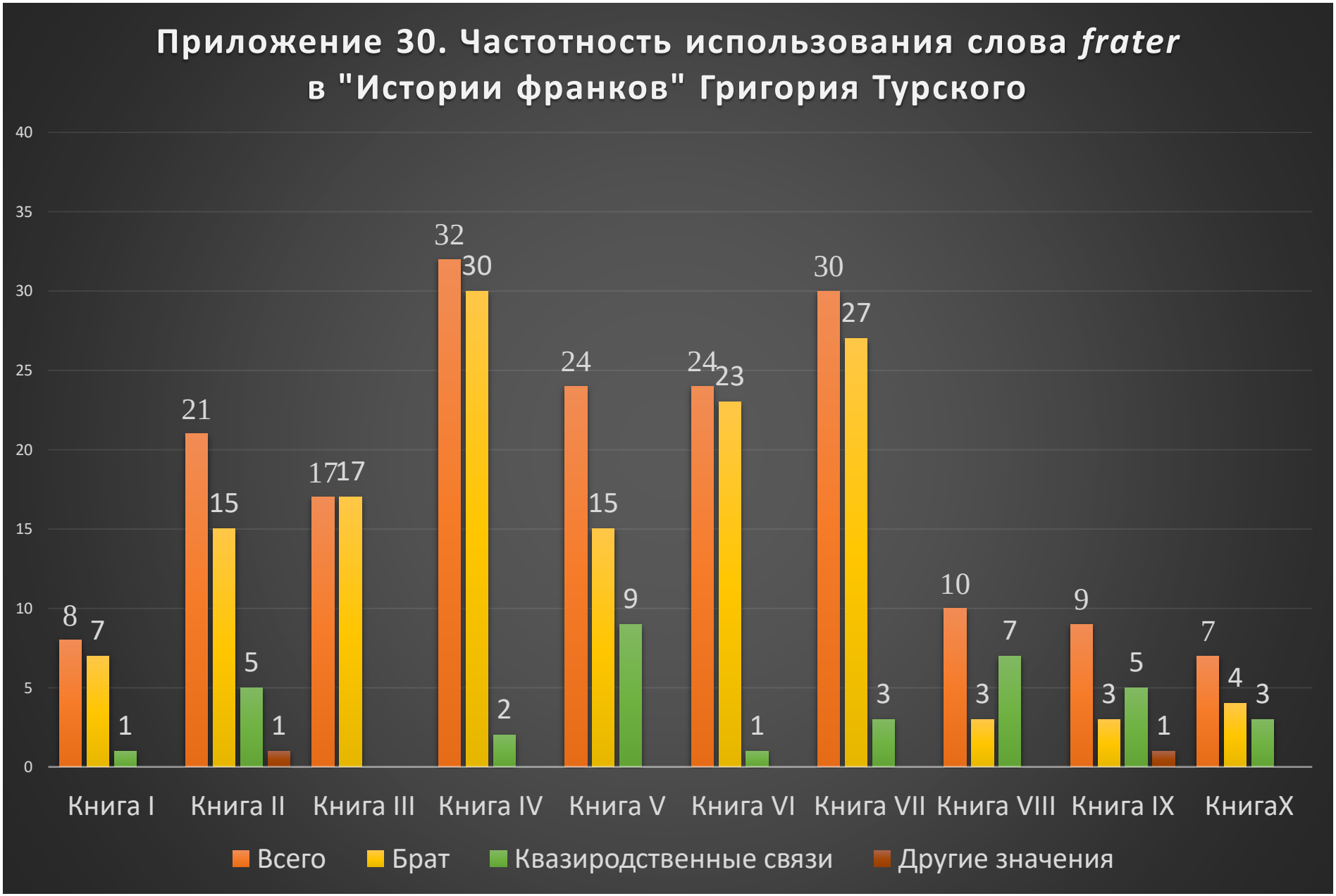


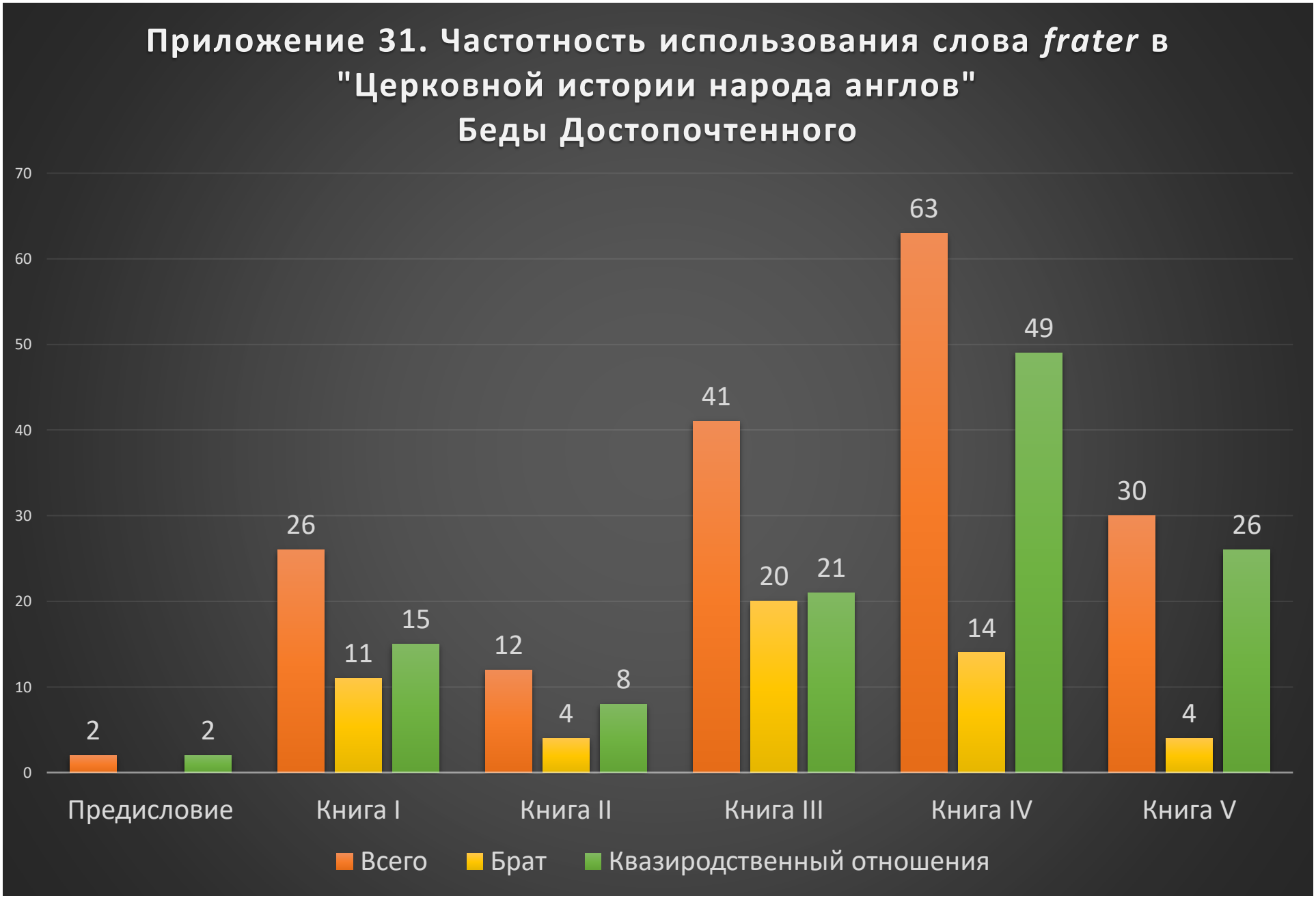
Приложение 27. Соотношение использования слов, обозначающих *предков*

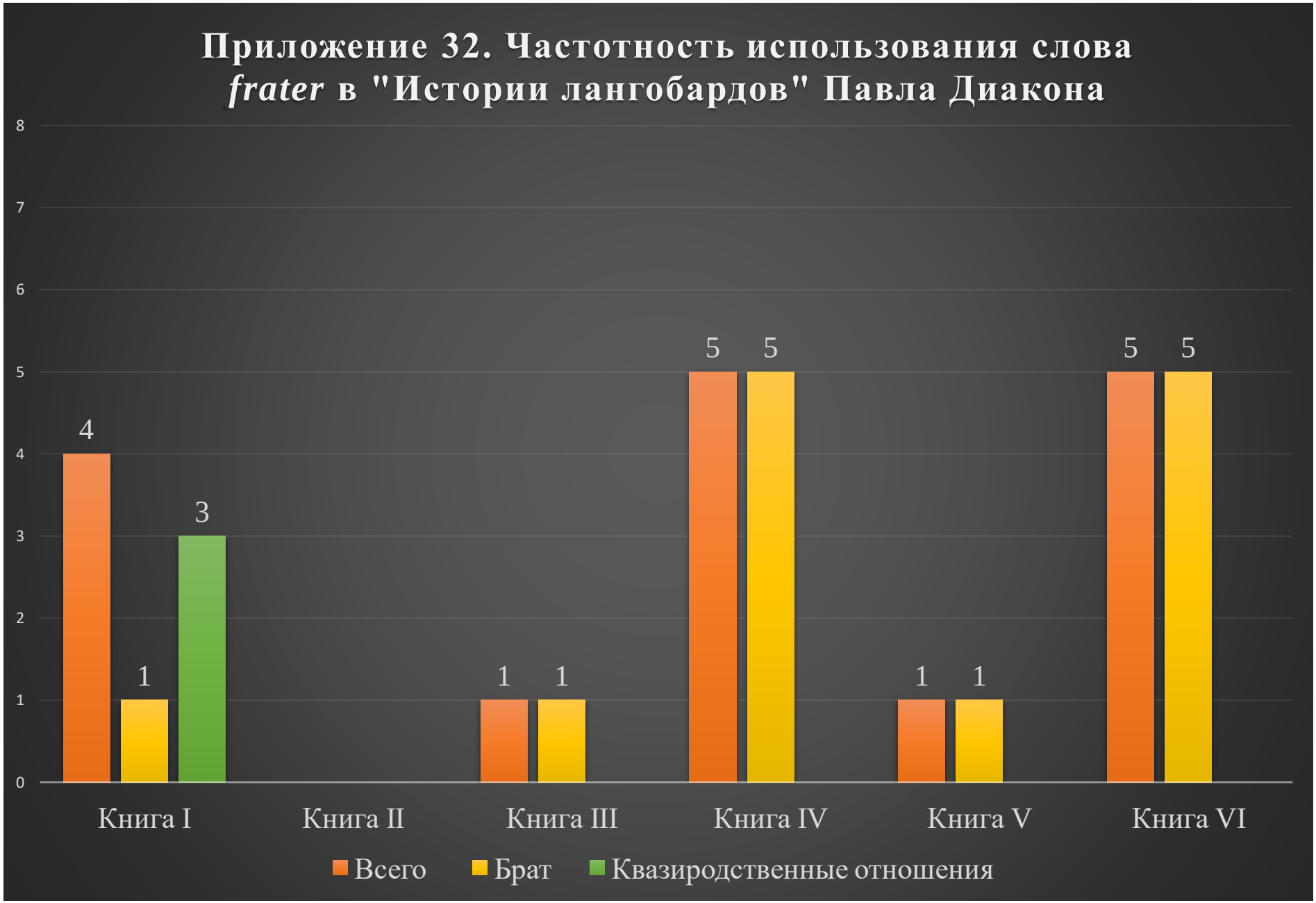



Приложение 28. Соотношение использования слов, обозначающих *потомков*
3
2.5
2
1.5
1
0.5
0
3
3
1
1
1
Posteri
Progenies
Simines
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"

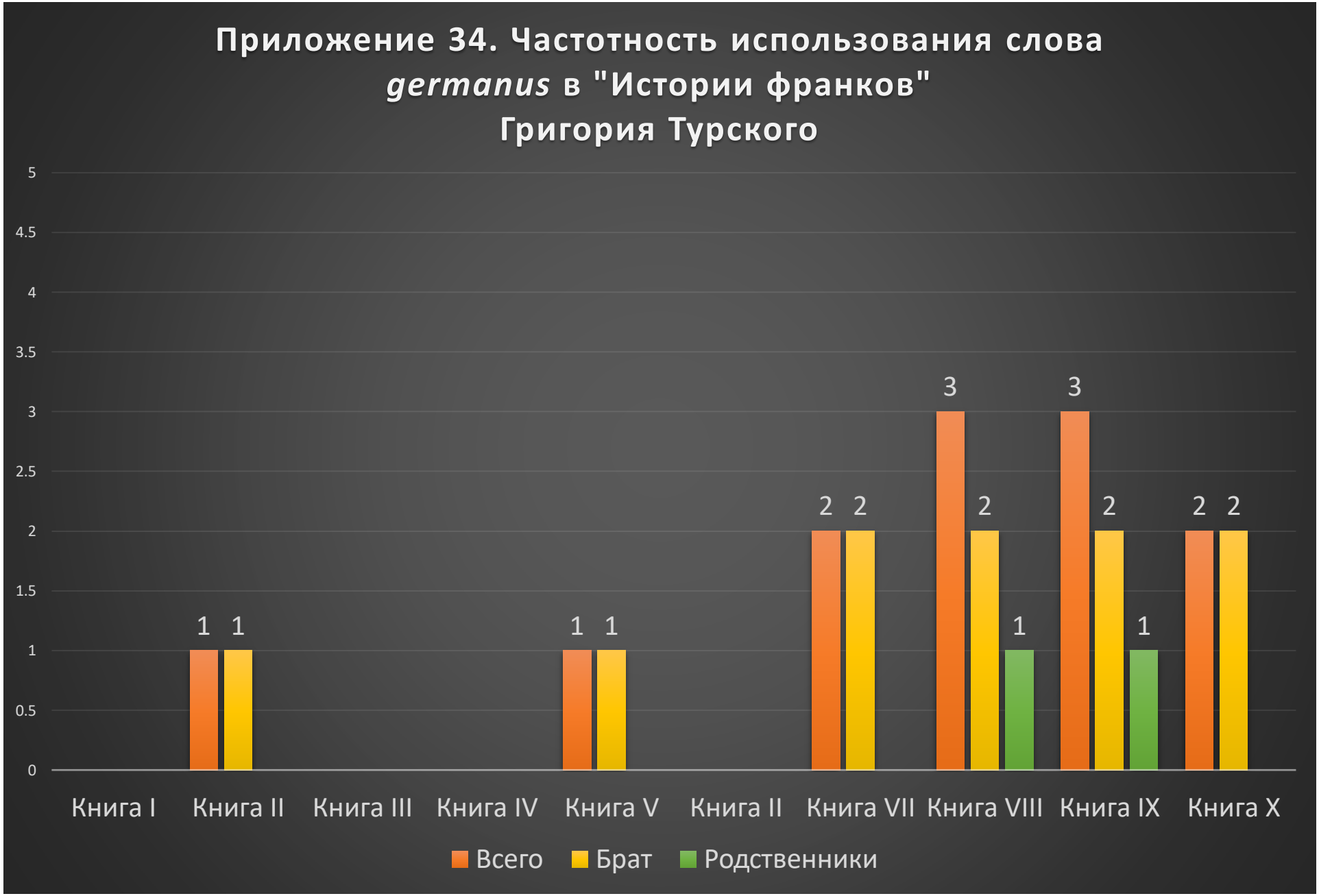

Приложение 29. Значения слова frater
200
180
160
140
120
100
80
60
40
20
0
182
174
145
121
53
35
16
13
3
2
"Истрия франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"
Всего
Брат
Монах
Другие значения

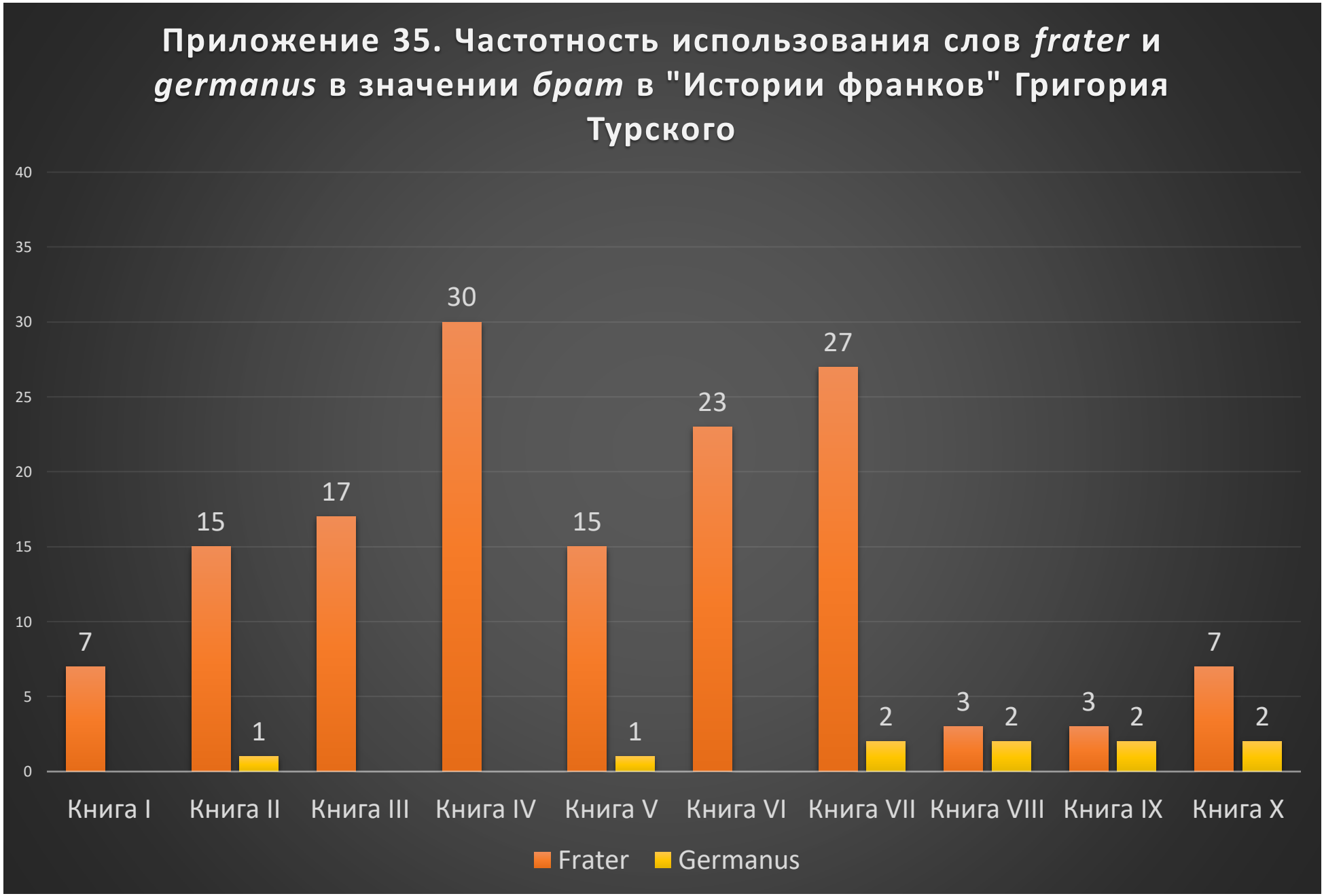

Приложение 30. Частотность использования слова *frater* в "Истории франков" Григория Турского
40
35
30
25
20
15
10
5
0
8
7
1
21
15
5
1
17
17
32
30
2
24
15
9
24
23
1
30
27
3
10
3
7
9
3
5
1
7
4
3
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
КнигаX
Всего
Брат
Квазиродственные связи
Другие значения

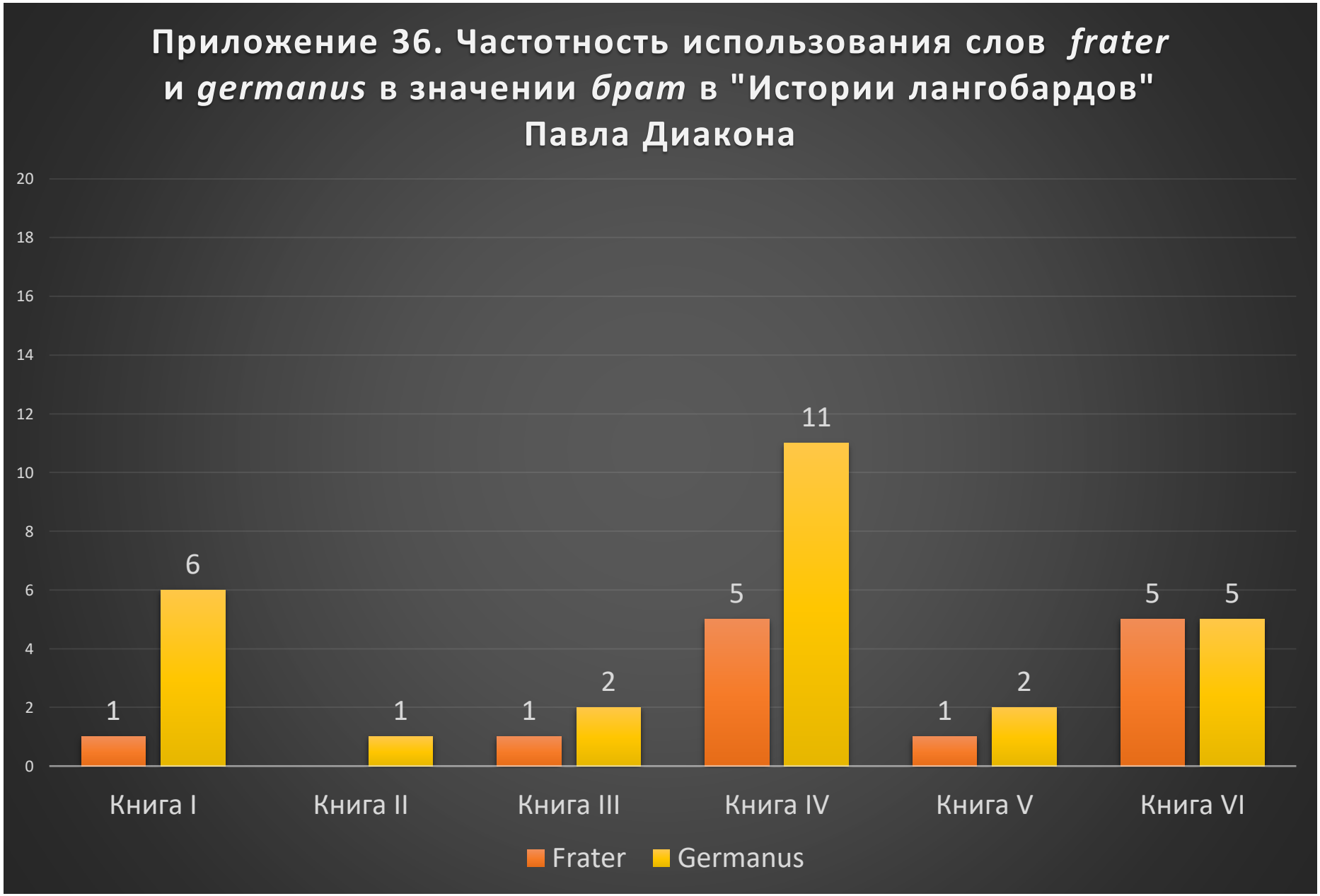

Приложение 31. Частотность использования слова *frater* в "Церковной истории народа англов" Беды Достопочтенного
70
60
50
40
30
20
10
0
2
2
26
11
15
12
4
8
41
20
21
63
14
49
30
4
26
Предисловие
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Брат
Квазиродственный отношения


Приложение 32. Частотность использования слова *frater* в "Истории лангобардов" Павла Диакона
8
7
6
5
4
3
2
1
0
4
1
3
1
1
5
5
1
1
5
5
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Брат
Квазиродственные отношения

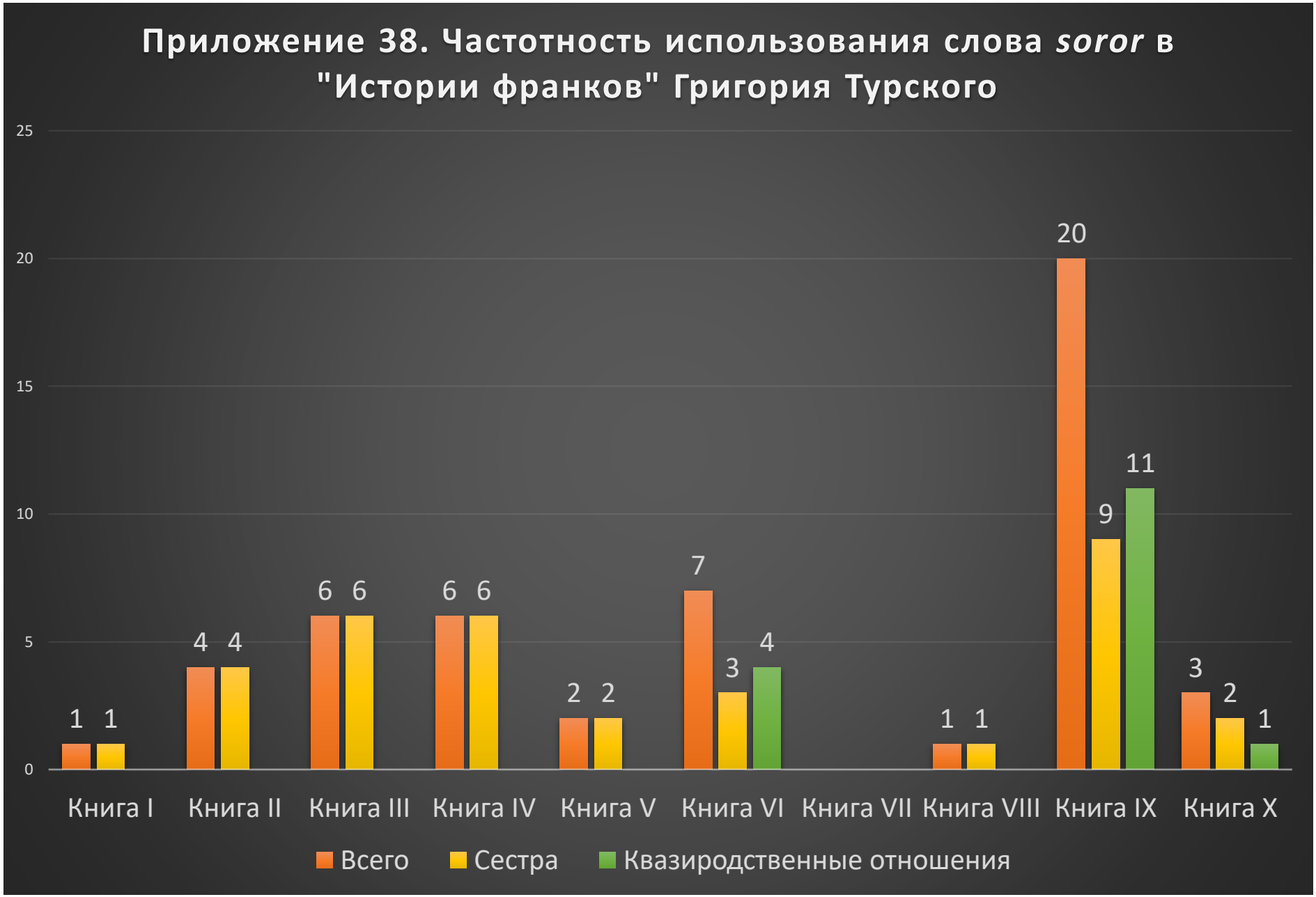
Приложение 33. Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *брат*
160
140
120
100
80
60
40
20
0
145
10
13
27
Frater
Germanus
"История франков"
"История лангобардов"

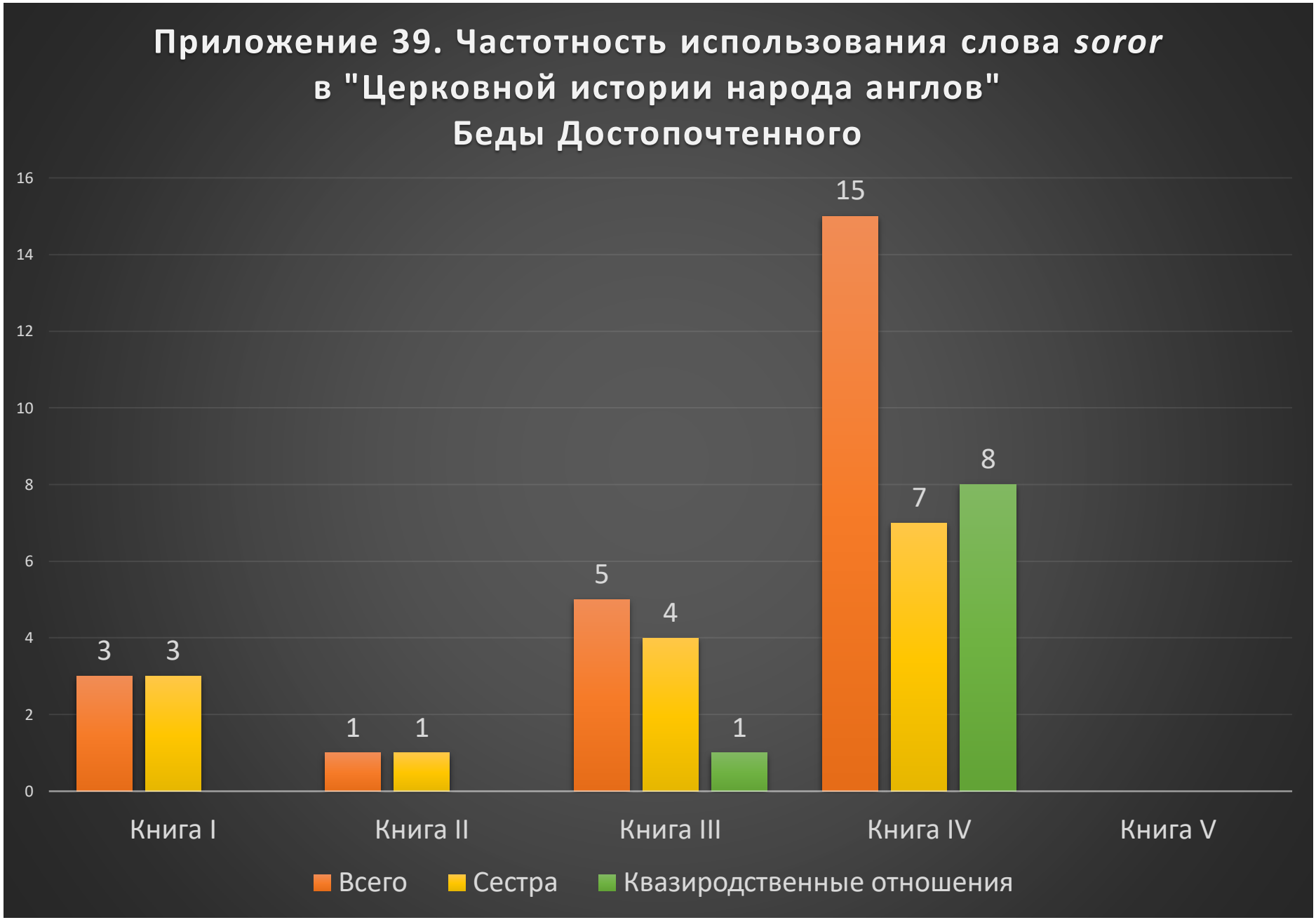

Приложение 34. Частотность использования слова germanus в "Истории франков" Григория Турского
5
4.5
4
3.5
3
2.5
2
1.5
1
0.5
0
1 1
1 1
2 2
3 2 1
3 2 1
2 2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга II
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Брат
Родственники

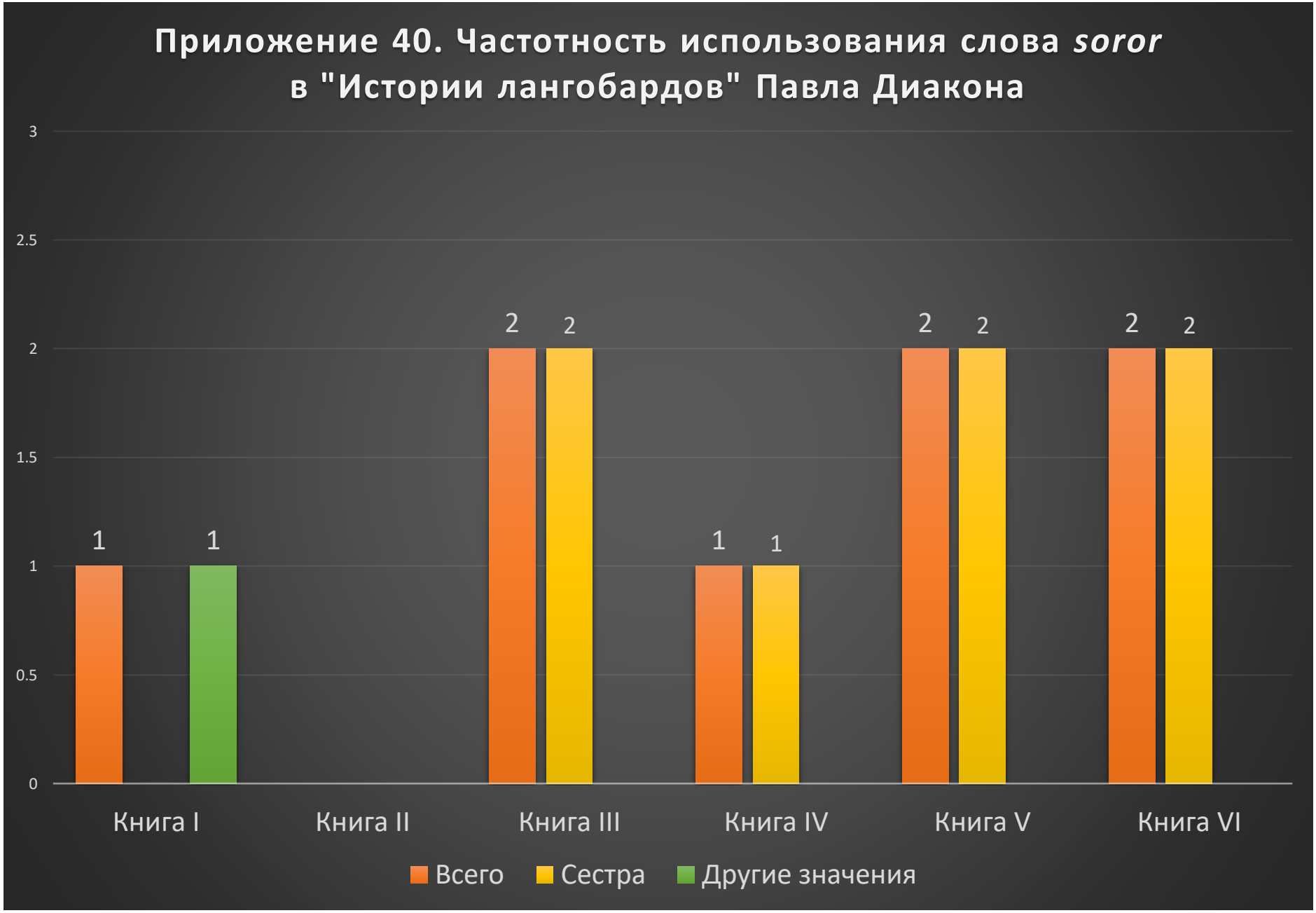

Приложение 35. Частотность использования слов *frater* и *germanus* в значении *брат* в "Истории франков" Григория Турского
40
35
30
25
20
15
10
5
0
7
15
1
17
30
15
1
23
27
2
3
2
3
2
7
2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Frater
Germanus

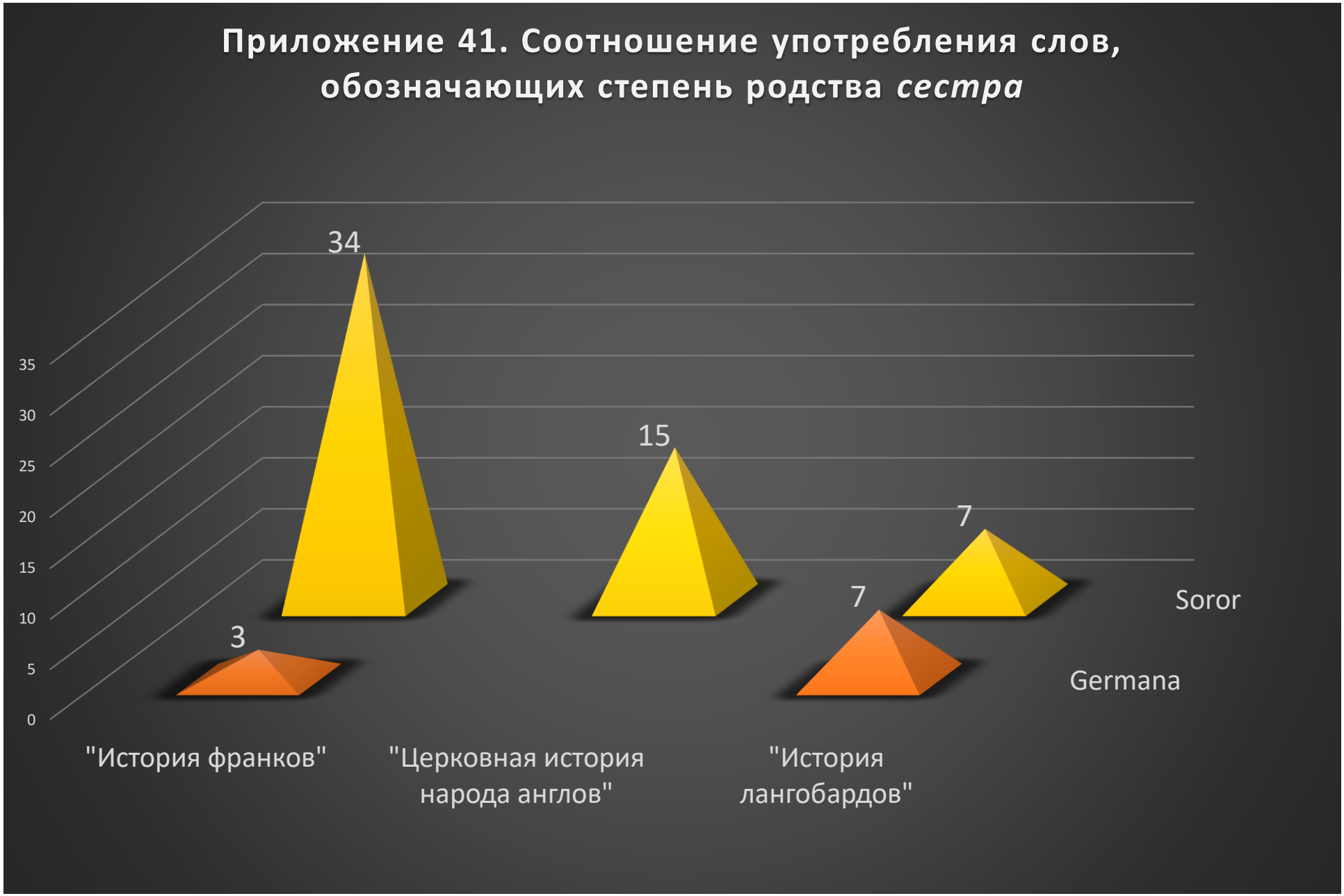

Приложение 36. Частотность использования слов frater и germanus в значении брат в "Истории лангобардов" Павла Диакона
20
18
16
14
12
10
8
6
4
2
0
1
6
1
1
2
5
11
1
2
5
5
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Frater
Germanus

Приложение 37. Значения слова soror
50
34
24
15
8
16
7
9
1
0
5
10
15
20
25
30
35
40
45
50
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"
Всего
Сестра
Монахиня
Другие значения

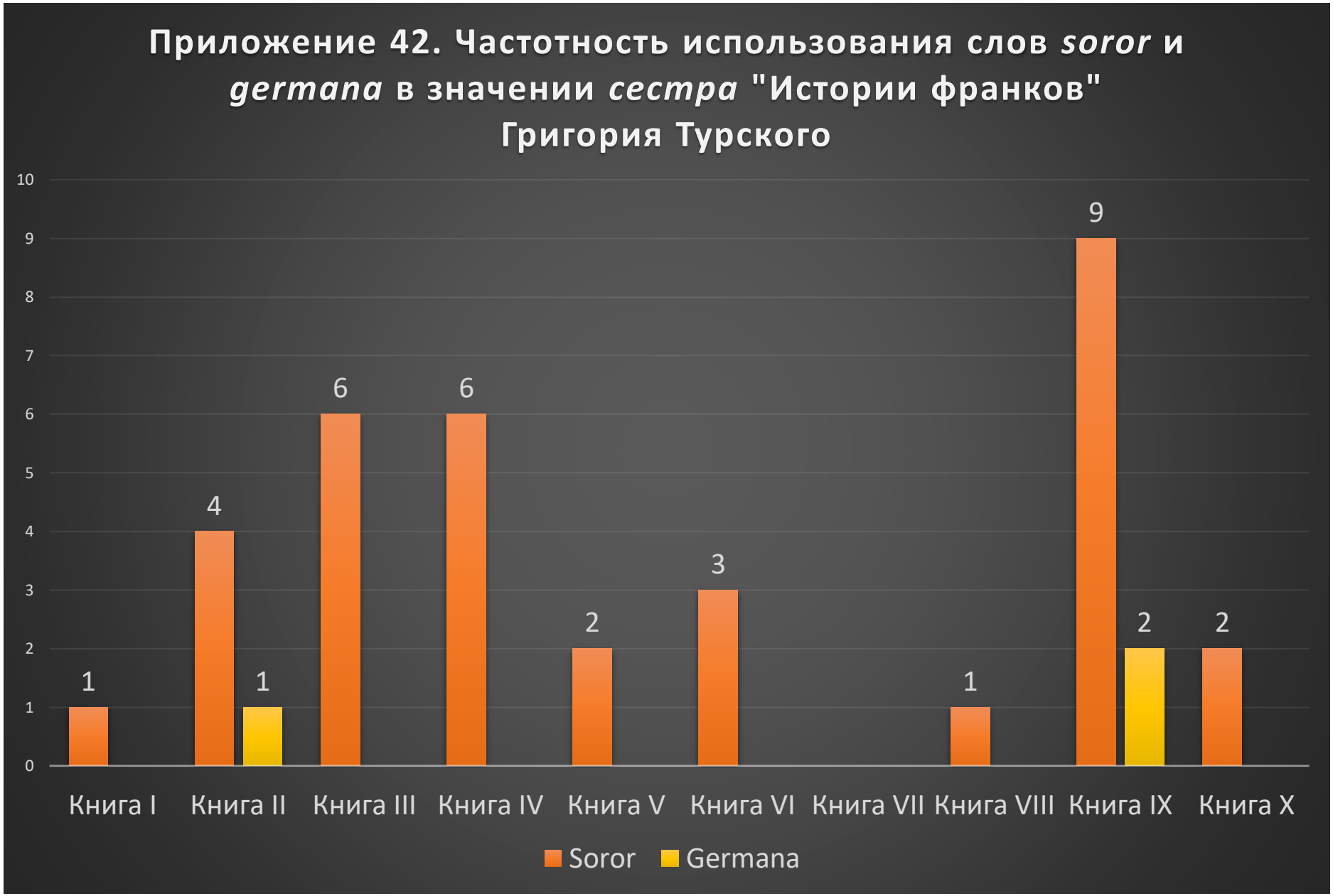

Приложение 38. Частотность использования слова soror в "Истории франков" Григория Турского
25
20
15
10
5
0
1 1
4 4
6 6
6 6
2 2
7 3 4
1 1
20 9 11
3 2 1
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Книга VII
Книга VIII
Книга IX
Книга X
Всего
Сестра
Квазиродственные отношения

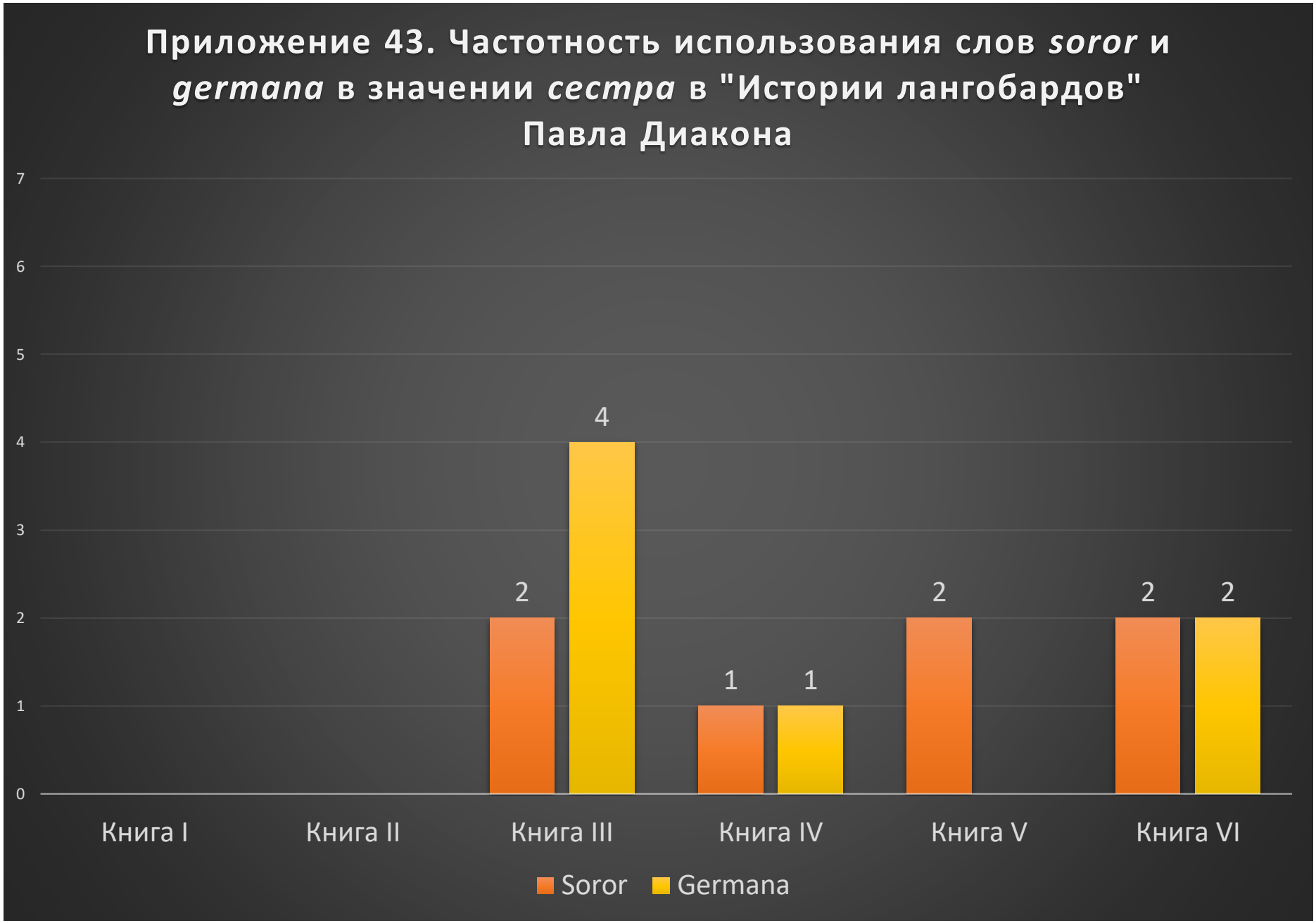

Приложение 39. Частотность использования слова soror
в "Церковной истории народа англов"
Беды Достопочтенного
16
14
12
10
8
6
4
2
0
3
3
1
1
5
4
1
15
7
8
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Всего
Сестра
Квазиродственные отношения

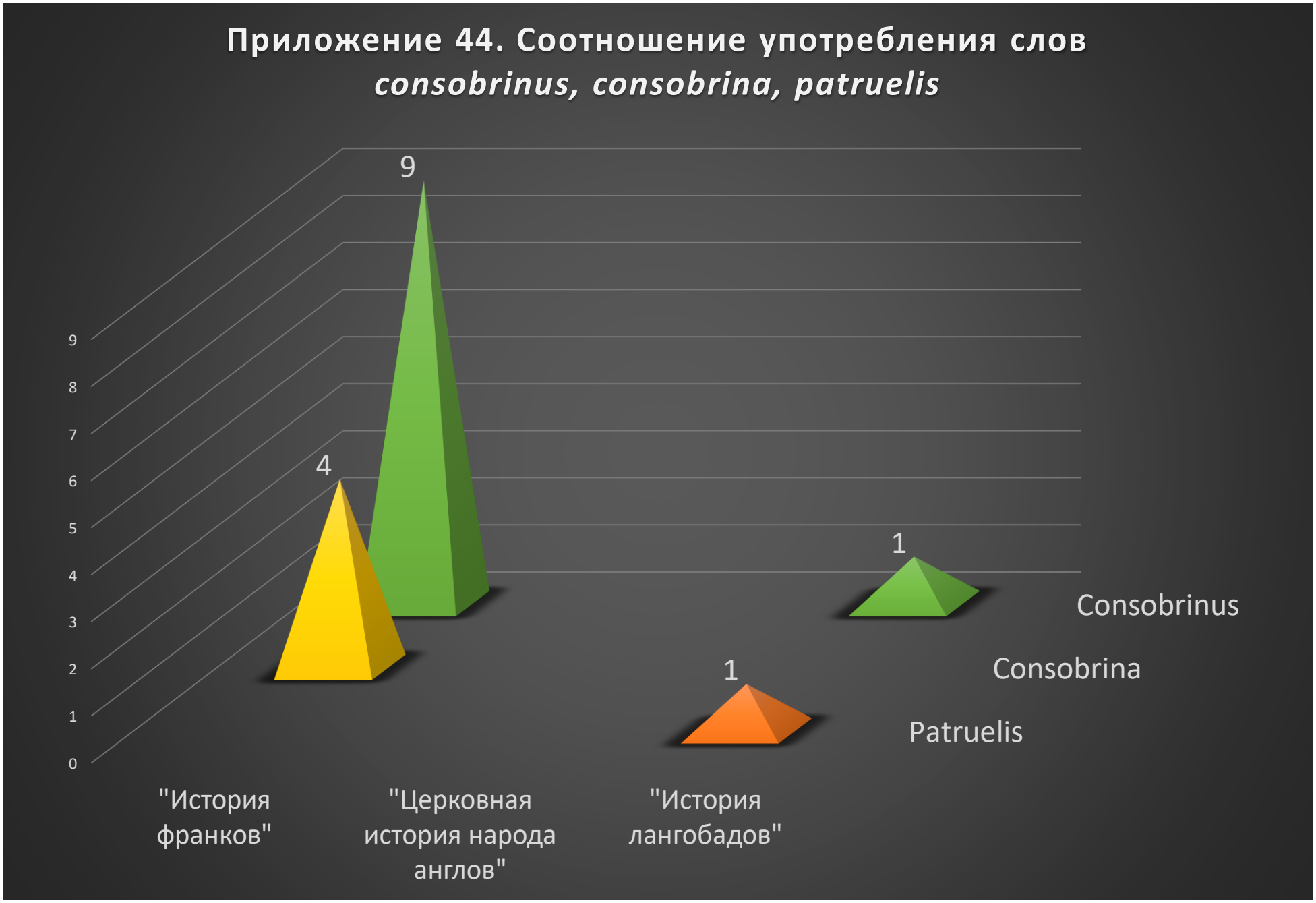

Приложение 40. Частотность использования слова soror
в "Истории лангобардов" Павла Диакона
3
2.5
2
1.5
1
0.5
0
1
1
2
2
1
1
2
2
2
2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Всего
Сестра
Другие значения

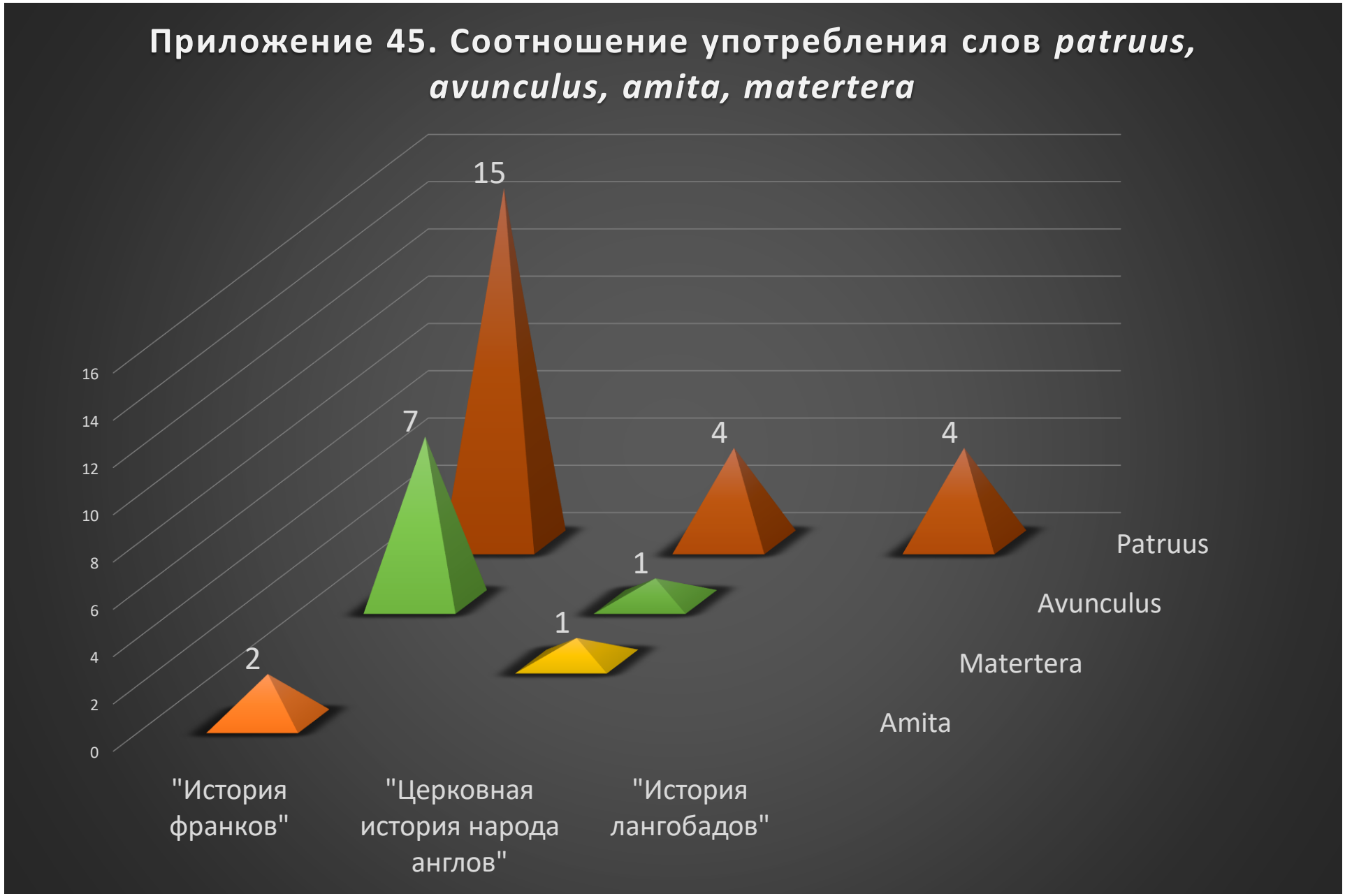

Приложение 41. Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *сестра*
35
30
25
20
15
10
5
0
34
3
15
7
7
Soror
Germana
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"

Приложение 42. Частотность использования слов *soror* и *germana* в значении *сестра* "Истории франков" Григория Турского




Приложение 43. Частотность использования слов soror и germana в значении сестра в "Истории лангобардов" Павла Диакона
7
6
5
4
3
2
1
0
2
4
1
1
2
2
2
Книга I
Книга II
Книга III
Книга IV
Книга V
Книга VI
Soror
Germana

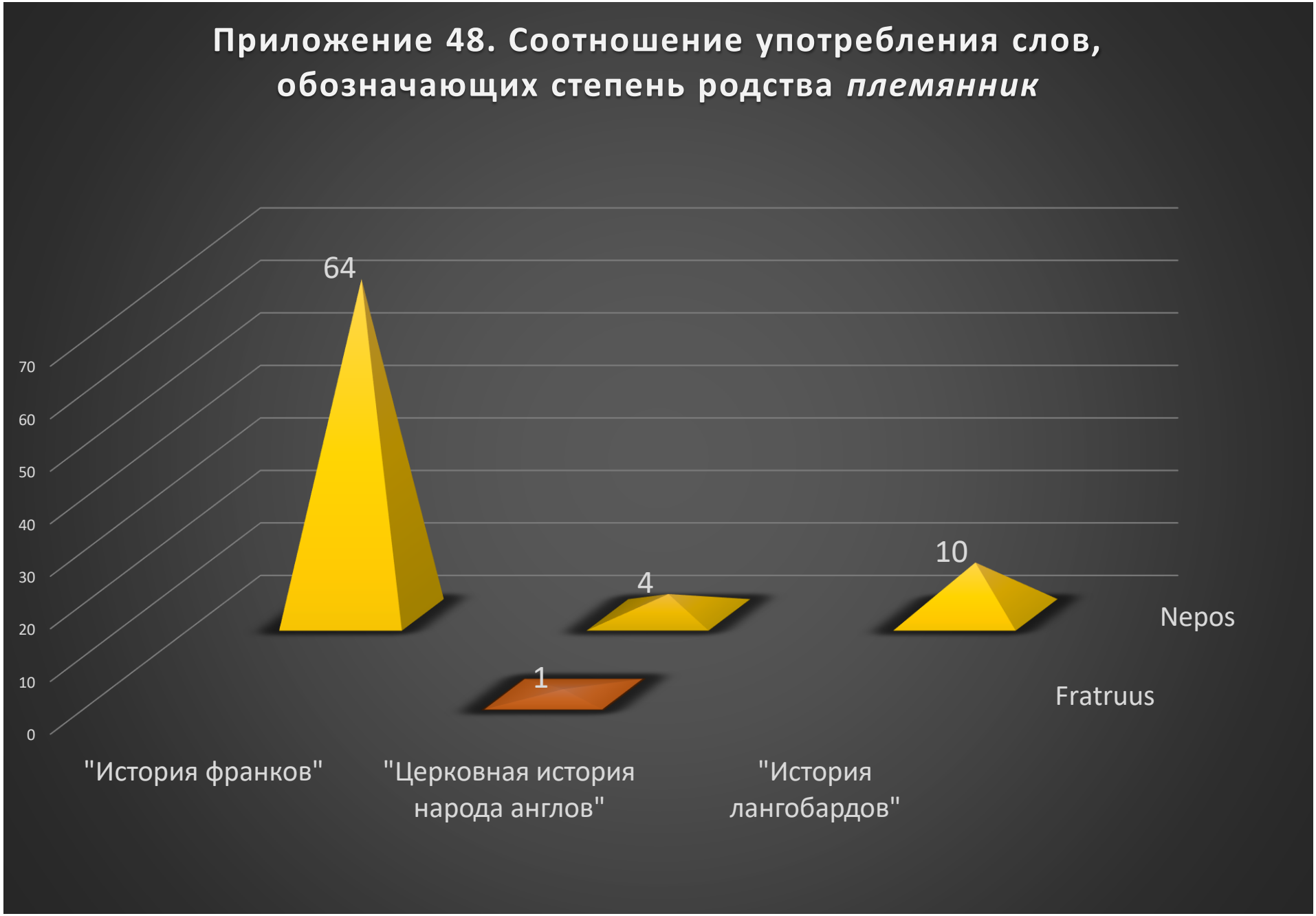

Приложение 44. Соотношение употребления слов
consobrinus, consobrina, patruelis
9
4
1
1
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Consobrinus
Consobrina
Patruelis
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобадов"


Приложение 45. Соотношение употребления слов patruus, avunculus, amita, matertera
16
14
12
10
8
6
4
2
0
2
15
7
1
1
4
4
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобадов"
Patruus
Avunculus
Matertera
Amita

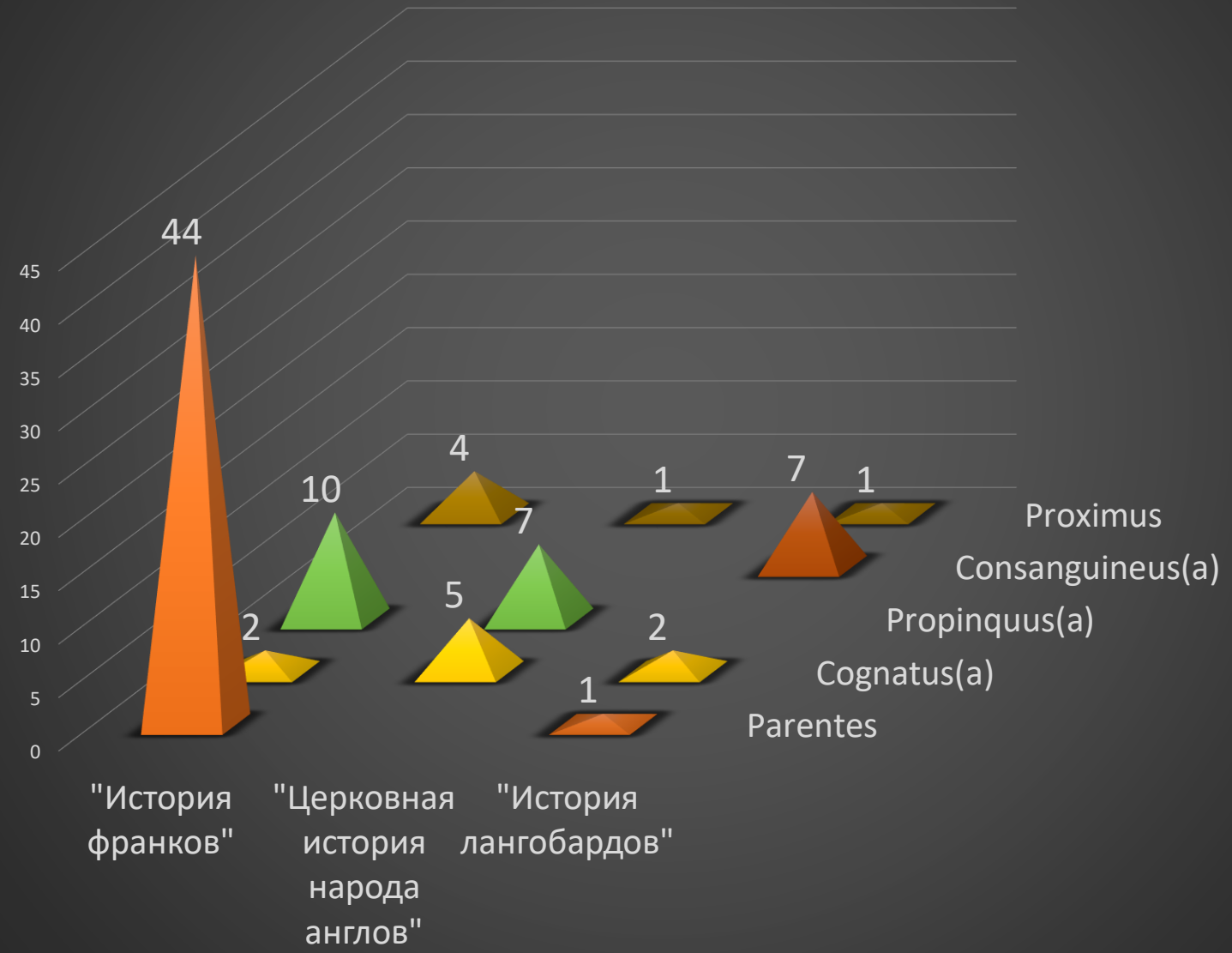
Приложение 46. Значения слова *nepos*
70
60
50
40
30
20
10
0
66
64
4
4
4
12
10
2
Всего
Племянник
Внук
"История франков"
"Церковная история народа англов"
"История лангобардов"

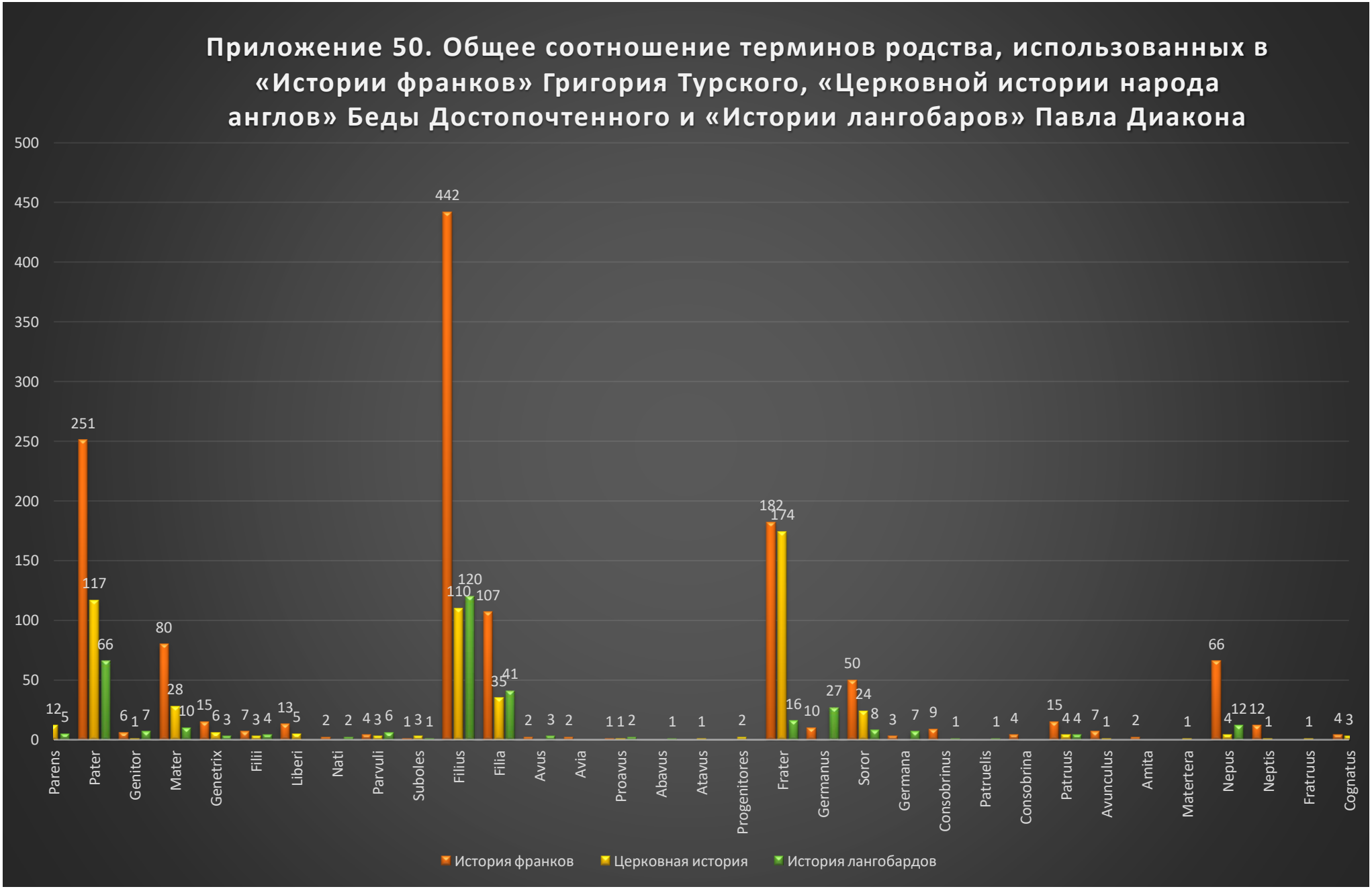
Приложение 47. Значения слова *neptis*
12
12
1
1
0
2
4
6
8
10
12
Всего
Племянница
"История франков"
"Церковная история народа англов"

Приложение 48. Соотношение употребления слов, обозначающих степень родства *племянник*

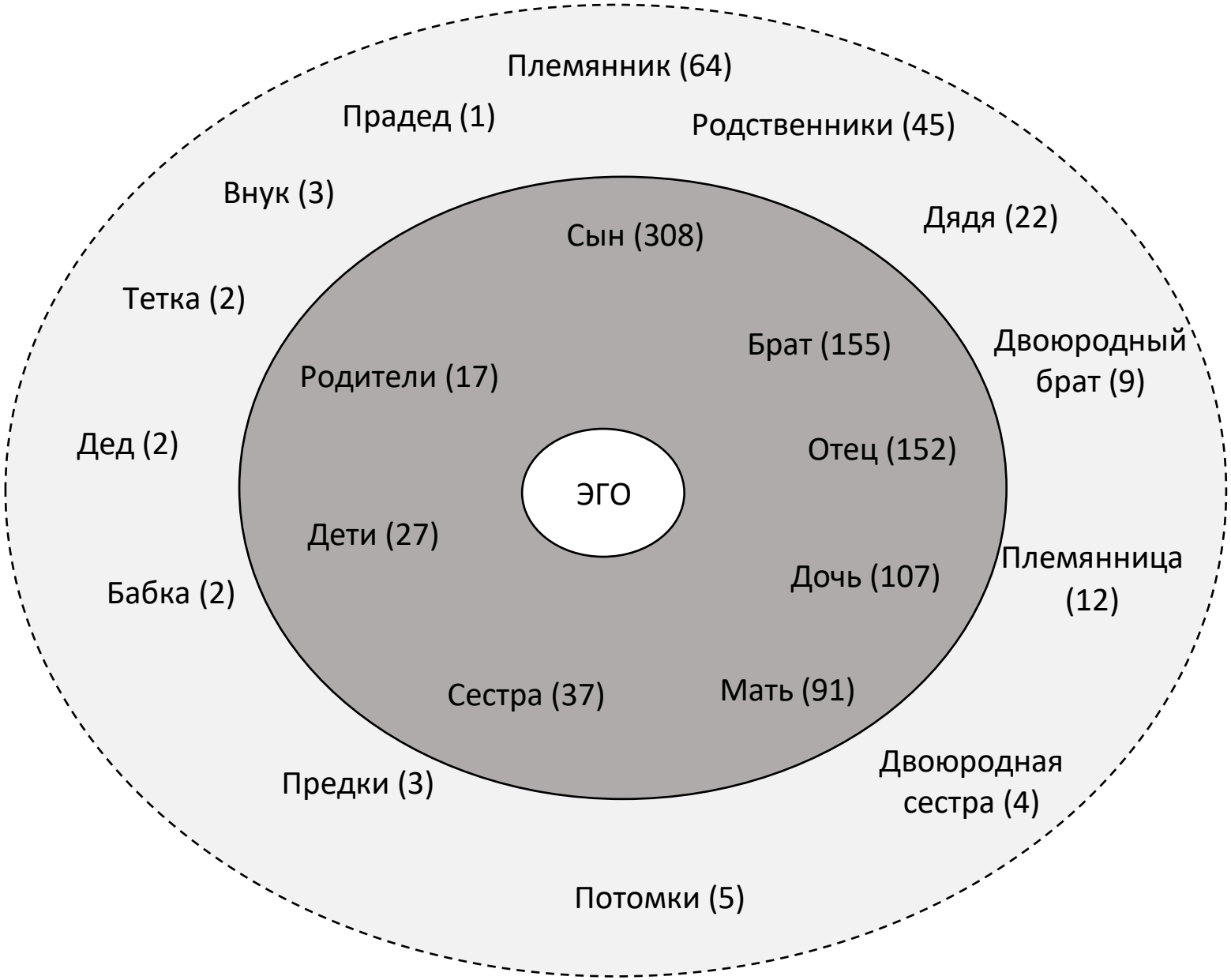


Приложение 49. Соотношение использования слов, обозначающих группу родственников

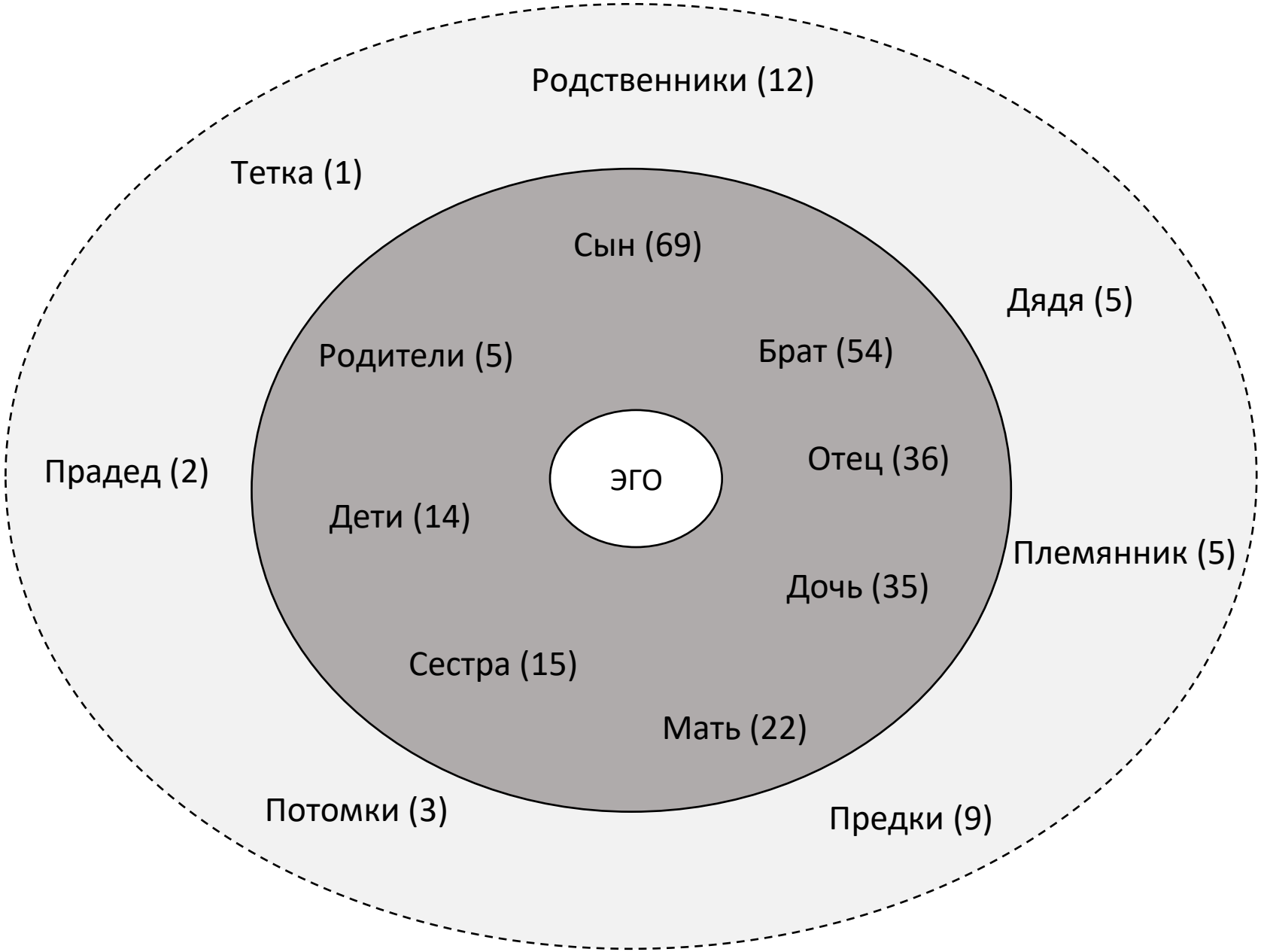
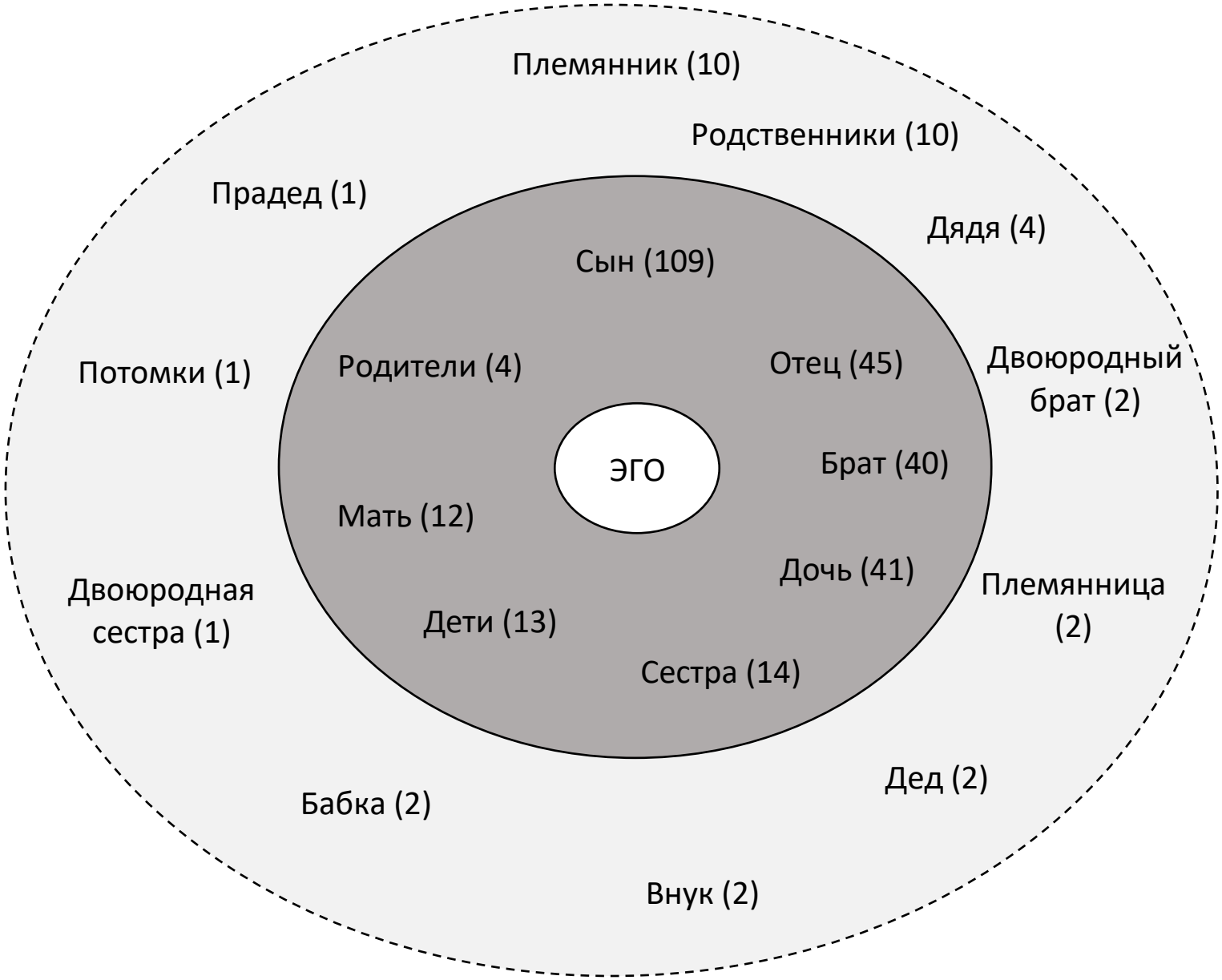



Приложение 50. Общее соотношение терминов родства, использованных в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного и «Истории лангобаров» Павла Диакона
500
450
400
350
300
250
200
150
100
50
0
Parens 12 5
Pater 251 117 66
Genitor 6 1 7
Mater 80 28 10
Genetrix 15 6 3
Filii 7 3 4
Liberi 13 5
Nati 2 2
Parvuli 4 3 6
Suboles 1 3 1
Filius 442 110 120
Filia 107 35 41
Avus 2 3
Avia 2
Proavus 1 1 2
Abavus 1
Atavus 1
Progenitores 2
Frater 182 174 16
Germanus 10
Soror 27 50 24 8
Germana 3 7
Consobrinus 9 1
Patruelis 1 4
Consobrina
Patruus 15 4 4
Avunculus 7 1
Amita 2
Matertera 1
Nepus 66 4 12
Neptis 12 1
Fratruus 1
Cognatus 4 3
История франков
Церковная история
История лангобардов

Приложение 51. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Истории франков» Григория Турского



Приложение 52. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного



Приложение 53. Схема родственных связей ЭГО на основе сведений «Истории лангобардов» Павла Диакона